

**Казбек
ИСМАГИЛОВ**

Гримасы Фемиды

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

АЖАРАСЫ
Б А С П А С Ы

Алматы,
2014

УДК 821.512.122=161.1
ББК 84 (5 Каз-Рус)
И 88

ВЫПУЩЕНО ПО ПРОГРАММЕ
«ИЗДАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ВАЖНЫХ ВИДОВ ЛИТЕРАТУРЫ»
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Исмагилов К.
И 88 **Гримасы Фемиды. Современный детектив/**
Казбек Исмагилов. Алматы:
Издательства «Ан Арыс», 2014. — 576 с.

ISBN 978-601-7337-70-4

Остросюжетное, увлекательное повествование детективных романов сборника основаны на раскрытии внутреннего состояния личности, психологическом анализе поступков героев, связывая их действия с социальной средой. Здесь и искренняя любовь и предательство, корысть и честное служение отечеству. Затрагиваются острейшие социальные и нравственные проблемы общества.

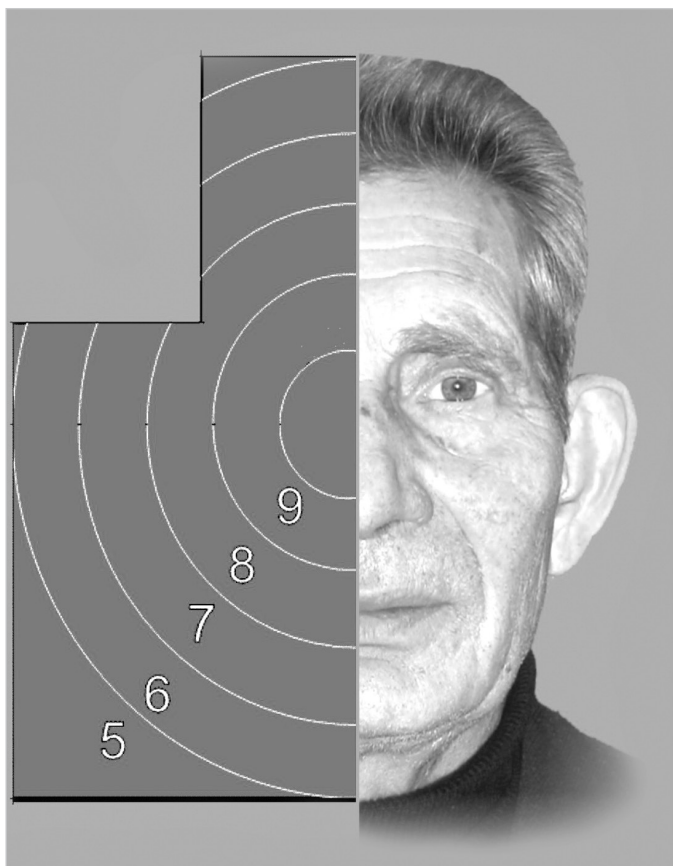
Легкость слога, занимательность сюжета, объемность событий в кратком изложении придется подуше современному учитателю.

УДК 821.512.122=161.1
ББК 84 (5 Каз-Рус)

ISBN 978-601-7337-70-4

© Исмагилов К., 2014
© Издательства
«Ан Арыс», 2014

Выстрел в банке Туран

Посвящаю памяти отца Хамита.

I

1967 год, восьмое октября, воскресенье. Осенний вечер давно перешагнул порог ночи, тьма за пределами железнодорожного узла Орск крошечная. Динамик на стене одноэтажного вокзала, прокашлялся, сделал паузу, и, как бы недовольным, прокурным голосом изрек: «Скорый поезд номер шестьдесят восемь сообщением Челябинск — Оренбург прибывает на первый путь. Стоянка поезда — десять минут. Будьте осторожны».

На скудно освещенном, продуваемом холодным ветром перроне, нетерпеливо топчутся немногочисленные отъезжающие и несколько встречающих. Как-то не принято здесь встречать, провинция... Приехал и ладно. Топай домой, там и будем обниматься-целоваться. Народ на перроне озябший, хмурый, принужденный. Подошел поезд. Локомотив обдал ожидавших сухим теплом, желая согреть их души. Ничего не получилось. Печально заскрипел тормозами и остановился. То же самое сделали зеленые вагоны, но не в пример локомотиву весело звякнули буферами. Началась обычная суতোлка — высадка и посадка пассажиров, беготня в буфеты за пирожками и кефиром. небритый мужик, довольно-таки не трезвый, искал водку. Приставал к буфетчицам — где можно купить. Не нашел. Было поздно, никто не интересовался его помятыми, как и он сам, рублями.

Дежурный по вокзалу поднял жезл, локомотив жизне-радостно отозвался гудком, учащенно задышал, поезд, ускоряя бег, скрылся в ночи. Перрон быстро опустел.

Высокого роста, где-то под метр семьдесят пять, прекрасно сложенная брюнетка, с легкой танцующей походкой, уверенно, ни у кого не спрашивая, прошла в камеру хранения, сдала чемодан, оставив при себе сумку. Выйдя на привокзальную площадь, она, чуть заметно вытянув руки, напрягла мышцы, от чего хрустнули локтевые суставы. Сбросила нервное напряжение. Все нормально! На миг остановилась. Яркая, эффектная,

такую, несмотря на короткую стрижку, можно без преувеличений назвать красоткой. Она и сама об этом прекрасно знала.

Женщина поискала глазами такси. Машин на привокзальной площади не было, хотя часы над входом в вокзал показывали всего девятнадцать тридцать московского времени. Местного — девять тридцать вечера.

Ветер гонял по площади обрывки газет, окурки, яичную скорлупу и прочий бытовой мусор, раскачивал единственный светильник на столбе возле щита с расписанием движения поездов.

Из здания вокзала вышла пожилая буфетчица с кастрюлей в тряпичной хозяйственной сумке. Несла домой сэкономленные продукты: картофельное пюре, сосиски и котлеты. Котлеты несли двойное бремя экономии. На них до буфета сэкономил повар, заменив частично мясо при готовке на остатки хлеба со столов. Молодая женщина проводила буфетчицу долгим взглядом. Кому-то куда хуже, чем ей...

Ветер легкомысленно переменял направление и погнал собранный возле вокзала мусор вслед поезду. Дома, примыкающие к станции, матово светили давно немытыми окнами.

— Не хочу, не хочу, — прошептала рослая женщина, зябко пожившись.

Не хотела она нищенской зарплаты преподавателя, однообразной тоскливой жизни, как за окнами этих домов, подслащенной обязательной любовью. Не хотела, чтобы холодный ветер судьбы гнал ее, подобно мусору, в никуда. Многого она не хотела. И, конечно же, не хотела стать убийцей, что должно случиться через двенадцать часов.

— Тетя! — крикнула она вслед буфетчице.

Та остановилась.

— Вы мне? — спросила буфетчица, приятным, певучим голосом.

— Да. Извините, далеко отсюда гостиница?

— Надолго? — спросила буфетчица.

— На одну ночь.

— Можете у меня переночевать, одна живу. Здесь рядом. Да и денег не возьму.

Даже лучше, подумала рослая брюнетка. Без излишних следов.

Ограбление филиала оренбургского банка в горняцком поселке Гай было назначено на 9-ое октября. Девятого числа каждого месяца горно-обогатительный комбинат имени Ленина получал на зарплату рабочим порядка двух миллионов рублей.

В начале года под филиал банка в Гае приспособили половину одноэтажного кирпичного здания в конце улицы Туран. На отшибе поселка. Здесь прежде были электротехнические мастерские комбината. Вторую половину здания оккупировало вездесущее страховое общество.

Четыре окна со двора, что на половине банка, при реконструкции заложили кирпичом, с улицы окна забрали решетками из прочной арматуры, а небольшую комнату, примыкающую к страховщикам, обшили изнутри толстыми стальными листами, навесили железную дверь с тремя запорами и разместили здесь большой сейф. Получилось нечто вроде матрешки — сейф в сейфе.

Жители поселка прозвали банк «Туран», по названию улицы, в официальных же документах он именовался «Промстрой-банк».

— Надежность двести процентов, — сказал прораб управляющей банком после завершения работ по реконструкции здания, потоптавшись на месте кирзовыми сапогами, словно собираясь пуститься в пляс, — так что с вас, Зочка Викторовна...

Хотел добавить: «... причитается», но вовремя вспомнил, что муж Зои Викторовны — заместитель директора комбината по экономике, где и сам он работает прорабом коммунального хозяйства. Шмыгнул носом и с огорчением изрек:

— Так что не волнуйтесь, Зочка Викторовна, целы будут денежки.

Управляющая и не волновалась — железо кругом, а случись что, стоит ей ногой нажать на тревожную кнопку пульта охраны и «моя милиция» тут как тут. А представитель их — козел старый, «прописался» в банке, подолгу занимает туалет и создает прочие неудобства сугубо женскому коллективу.

Банда грабителей состояла из двух человек. Она прибыла на место преступления, преодолев немалый путь: из Новосибирска до Челябинска — самолетом, от Челябинска до Орска — поездом, а от Орска до Гая — на такси. Желтая «Волжанка» с шашечками на дверях вон и сейчас дожидается ее возле автостанции.

— Десять минут, Сережа, не больше, — одарила она шофера одной из своих дежурных улыбок, — забегу к маме, ребенка заберу.

Он приехал на крытом брезентом грузовике, будучи сам за рулем, намотал на спидометр не более двадцати километров. Машину поставил у гастронома, спросит кто — за водкой заскочил.

Встретились, как и было обусловлено жестким графиком ограбления, в 9.20 недалеко от банка в заброшенном строении,

где раньше размещалась насосная станция. Отыскала она ее легко, рядом возвышалась водонапорная башня. Тоже заброшенная.

— Привет! — сказала она, пристально посмотрев на компаньона, оценивая его психологическое состояние на предмет надежности. — Все по плану?

— Нормально, — ответил он и потянулся поцеловать.

Она решительно отстранилась.

— Не расслабляйся, Костя.

Женщина достала из большой сумки атрибуты маскировки и буднично, без суеты разложила их на две стопки.

— Это тебе, милый. Свадебный подарок, — пошутила, коснувшись изящными пальчиками синего халата. — Сама сшила!

Быстро задрапировались. На ней сейчас был светлый парик со свободно ниспадающими на плечи шелковистыми прядями, большие, выпуклые, слегка затемненные очки, шарфик из прозрачной ткани, светлый плащ, красные сапожки без каблуков. В верхнем ряду ее белозубой улыбки заблестели фиксы из желтого металла, отчего несколько потускнел ее интеллектуальный облик.

Блондинкой она смотрелась не менее эффектно, разве что очки были немного некстати — не по этой пасмурной погоде. «Надо предложить ей перекраситься, смотрится лучше. — подумал он, — Может, конечно, не согласиться. Да куда денется после предстоящего. Повязаны будут на всю жизнь!»

Между тем сам он выглядел весьма комично — старая, оливкового цвета шляпа, к подкладке которой пришита примитивная маска — лоскут красной материи с отверстиями для глаз и резинками для надежности. Синий, просторный халат с глухим воротником, шерстяные чулки ручной вязки, натянутые на ботинки, тонкие черные перчатки.

— В таком наряде, — улыбнулась новоявленная блондинка, критически осматривая партнера, — банки можно «брать» голыми руками. Бабешки описаются от страха.

— Возможно, — односложно ответил он с обидой в голосе за прохладность встречи.

— Может, никуда не пойдем, — уловила она интонацию, — я разденусь и лягу здесь. На, наслаждайся!

— Ладно уж, держи, — передал он наган. Тяжелый, далеко не дамский.

В 10.45 к банку подъехала инкассаторская машина, два крепких мужика понесли внутрь брезентовый мешок с деньгами. Третий, передернув затвор автомата, остался скучать снаружи. Через семь минут инкассаторская машина уехала, забрав парней. В 10.57 к банку подъехал комбинатовский газик.

Шофер, высадив старшую кассиршу, тоже укатил. И чего бы здесь торчать больше часа, получит кассирша деньги, позвонит в гараж, и он тут же приедет в сопровождении охранника. Так было всегда.

Грабителям знаком этот график. В 11.02 они стояли в тамбуре банка перед массивными дверями. Она сняла очки, изобразила улыбку. Улыбка как бы приклеилась к лицу, застыла маской. Он посторонился, чтобы не попасть в поле зрения милиционера, когда тот будет смотреть в глазок, выясняя, кто это явился в неурочное время.

Секунд через десять на повторный звонок из-за двери отозвался женский голос:

— Банк закрыт, комбинат обслуживаем.

«То, что нужно!» — подумали оба.

— Телеграмма для Зои Викторовны. Из Нальчика, — помахала бланком грабительница перед глазком.

Через минуту, что для грабителей показалась вечностью, заскрежетали металлические запоры. Пошел отсчет времени. На «дело», с момента открытия дверей, должно уйти четыре минуты. Грабители довели свои действия до автоматизма, тренируясь в общежитии Новосибирского торгового института. Только там, вместо нагана, она держала тяжелый уют, а он, вместо денег, набивал сумку томиками из малой серии «Библиотеки поэта».

На ней уже были очки, его лицо закрывала красная маска. Кассирша, что открыла дверь, близоруко шурилась. Чуть приоткрыв рот, старалась понять: «что это».

— Только пикни, сучка, — больно ткнула грабительница стволом, — пошла, шалава, на место!

Высокий барьер разделял просторное помещение банка на две половины: со стороны входа — для клиентов, с противоположной — для персонала. В торце помещения, на половине клиентов, бытовые комнаты для работников банка, по ту сторону барьера к бытовкам примыкала бронированная комната. Стул охранника возле входа пустовал. Не так что-то! Грабители недоуменно посмотрели друг на друга, словно спрашивая: «Где же он?!» Согласно плана — женщина сейчас должна приставить ствол к голове охранника, а мужчина — забрать из его кобуры пистолет ТТ. Отсутствие охранника обеспокоило мужчину, отчего он крикнул хрипло и громче, чем требовалось:

— Всем оставаться не местах! Ограбление!

На крик из подсобки торопливо вышел пожилой милиционер, на ходу поддергивая далеко не новые, но хорошо выглаженные форменные брюки-галифе. Не в пример грабителям, охранник не был готов к подобной ситуации. Сообразив с

трудом, но, еще не веря в реальность происходящего, потянулся к кобуре, дрожащими руками стал ее расстегивать.

— А ну-ка, ну-ка, кончай базар, — прокричал бывший участковый.

Этой короткой, но емкой фразой он обычно разводил склочных торговков на базаре.

— Руки на затылок, мент, лицом к стенке, — скомандовала грабительница и спокойно, как в тире, стала прицеливаться.

Охранник не внял приказу и уже вытащил из кобуры пистолет.

— А ну-ка...

Пуля ударила чуть выше левого глаза. Милиционер увидел большой радужный круг с ярким слепящим пятном внутри. Пятно удалялось в раскрывшееся пространство, уменьшалось, вбирая в себя радужный круг. Грузное тело шумно рухнуло на пол.

— Стоять, падлочки! Руки на затылок! — истерично выкрикнула блондинка, зайдя на половину obsługi.

Три кассирши, постарше которая — комбинатовская, и управляющая и так уже стояли, словно статуи.

Налетчица подошла вплотную к управляющей, приставила ствол к ее голове.

— Набери, сука старая, милицию и скажи: «Извините, случайно нажала на сигнал. У нас порядок». Лишнее слово, и ты — труп.

Зоя Викторовна без видимого волнения исполнила приказ. Ей и раньше доводилось звонить по этому поводу, случайно задев ногой тревожную кнопку.

— Всем к стенке! — скомандовала блондинка и повернулась к компаньону. Тот кивком указал на одну из женщин. Блондинка тут же перевела ствол на нее.

— Быстро сюда наличку!

Кассирша банка со страхом смотрела на Зою Викторовну.

— Исполняй, — сдавленно прошептала управляющая.

Кассирша вынесла из бронированной комнаты тяжелый брезентовый мешок, волоча по полу. Грабитель судорожно схватил его, сорвал пломбу, вывалил содержимое на пол и тренированными движениями стал набивать сумку деньгами. Брал только крупные упаковки, оставляя «мелочь» валяться на полу.

Налетчица тем временем установила перед бронированной дверью небольшую черную коробку.

— Подойдете, сучки, к mine, — предупредила, — взлетите с оставшимися деньгами прямо к Христу. Но там они вам не понадобятся, — пошутила.

Криво улыбнулась, обнажив на верхней челюсти два золотых зуба. Словно демонстрируя.

Перед уходом «пугало» в синем халате и красной маске порвало телефонный провод, а сам аппарат грохнуло об пол.

Прошло пять минут и тридцать секунд с момента налета грабителей.

Первой пришла в себя Зоя Викторовна. Она повторно надала на тревожный сигнал и уже не отпускала его, хотя этого по техническим условиям и не требовалось.

Повторный сигнал тревоги на милицейский пульт поступил в 10.08.

— Бабенки расшалились, — пробурчал лейтенант Бабасин, памятуя недавний отбой. Отложил газету, посмотрел на телефон, стал ждать. Вот-вот зазвонит, и управляющая скажет: «Еще раз извините, опять случайно...» А он нарочито строго отчитает ее: «Не детский сад здесь и не театр абсурда...» Любил он изящно изъясняться, будучи женатым на филологе.

Банк в Гае не грабили, не принято было как-то. Не Чикаго. Да и куда деваться с деньгами? Поселок маленький, не спрячешься, а кругом степь. И всего два выезда — один на север, к возводимой Ириклинской ГРЭС. Второй на юг, в Орск. Потому-то лейтенант и спокоен. И может позволить себе такое невинное хобби, как изящные обороты речи.

Минуты через две, не дождавшись звонка из банка, Бабасин сам стал набирать номер Зои Викторовны. Совсем распустились бабёшки... Длинные гудки. Повторно позвонил — то же самое. Лейтенант посмотрел на часы, зафиксировал — 11.12. Нажал кнопку тревоги. В коридоре завывла сирена, собрался немногочисленный дежурный контингент — два сержанта и шофер «воронка».

— Слетайте-ка, ребятки, до банка, — скорее попросил, чем приказал Бабасин. — Что-то непонятно. Начальница только что звонила, отменила сигнал тревоги, а сейчас опять сигнал не переставая, и телефон ее не отвечает.

Минуты три затратили сержанты на снаряжение автомата, пять минут шофер заводил «воронок» и столько же ушло на дорогу.

Возле банка стоял грузовик, крытый брезентом. Топтались несколько зевак.

Тут же стоял прораб со строительства Ириклинской ГРЭС Константин Исин, крепко скроенный мужик лет тридцати. Волевое лицо прораба ничего не выражало, его явно занимали какие-то свои мысли. Он-то и сообщил сержантам об ограблении и заложенной грабителями «мине».

— Обезвредил эту хреновину, — сказал прораб без всякого выражения, — и никакая это не мина, а коробка с кирпичом.

И отведя в сторону глаза, добавил:

— Охранника вашего, дядю Колю, убили.

Сержанты заспешили сообщить о случившемся лейтенанту Бабасину.

— Уже брякнул, — остановил их Исин. — С автостанции позвонил. Вам велено оцепить здание, никого внутрь не пускать. Переписать всех, кто здесь. И попросить их по возможности задержаться до приезда следователя из Оренбурга. А я тут, — сказал, как бы оправдываясь, — приехал деньги на участок получить. Да вон что оказалось, бляха-муха...

II

Громкое гайское дело поручили следователю Оренбургской прокуратуры майору Леониду Альфредовичу Лутцу. Звание майора как-то не соответствовало сугубо гражданской внешности следователя. Недоставало ему внушительной фигуры — символа власти: невысокого роста, круглолицый, ясные серые глаза за круглыми стеклами очков, излишний вес. Одевался небрежно, всегда на нем один и тот же мятый серый костюм. Однако, за обликом простачка скрывался живой ум и решительность. Преступники «со стажем» оценивали это подчас, очутившись уже за решеткой.

Присущая Леониду Альфредовичу медлительность проявлялась, пожалуй, чисто внешне. В экстремальных случаях за короткое время следователь прокручивал множество вариантов, вычисляя преступников. Сбившись на ложный след, не копал на пустом месте, вылавливая ради отчетности всякую шушеру. Бросал и начинал с нуля. Обладал феноменальной памятью — помнил, кто за что судим, когда сел, когда вышел или должен выйти.

После окончания Московского университета вот уже десять лет работал Лутц при Оренбургской прокуратуре, хотя не раз и очень настоятельно приглашали его в столицу на более престижные должности. Нравилось ему здесь, родом отсюда.

Жена, прожив два года в «этой дыре» с этим «ненормальным», уехала к маме в Алма-Ату, и вышла там замуж за нормального мужика — главного бухгалтера Казглавгалантерии. Была потом у Лутца вторая женщина, да семья как-то не состоялась.

Разочаровался Леня (так звала его мать Ксения Ивановна) в прекрасной половине человечества, да и раньше не слыл дамским угодником, и жил с матерью на окраине Оренбурга в

большом рубленном доме, построенном его прадедом в бытность оренбургского губернатора Василия Алексеевича Перовского. На верхнем венце фасада дома вырублено — 1856. Тогда, по указанию губернатора, новоселам бесплатно выделялся участок земли, 50 бревен на строительство дома и 40 рублей (стоимость восьми коров!) на обустройство. Никаких тебе кредитов, никаких процентов. А все царь плохой...

Девятого октября, в половине двенадцатого, получив задание от главного прокурора области, Лутц оперативно связался с гайской милицией. Распорядился перекрыть выезды из Гая в Орск и поселок строителей — Энергетик. Производить досмотр транспорта и задерживать лиц, по описанию похожих на грабителей.

Затем Лутц позвонил в банк. К тому времени заложенная «мина» — черная коробка из-под обуви с кирпичом внутри, была уже «обезврежена».

Ответы управляющей банка на вопросы следователя прокуратуры были многословны, эмоциональны и бестолковы. Она несколько раз упоминала своего мужа: «Мой Петр...», хотя тот никакого отношения ни к банку, ни к его ограблению не имел. Приходилось прерывать ее монолог вопросами, уточняя на первом этапе расследования приметы налетчиков, может раньше где «светились». По ее словам женщина была высокая, светлая, имела золотые зубы, обута в красные австрийские сапожки, какие продавались в поселке. Дорогие, не каждому по карману! Истеричка, но с чувством юмора. Пошутила, что деньги на небесах не понадобятся. Мужчина, тот наоборот — выдержанный, молчаливый, роста выше среднего, как ее Петр. Тандем — истеричная блондинка и выдержанный ее поделщик в «картотеке» памяти следователя не значился.

— Зоя Викторовна, кто впустил грабителей в банк? — деликатно, не меняя спокойной тональности голоса, прервал Лутц Зою Викторовну, когда та начала повторяться.

Управляющая несколько раз раскрыла и закрыла рот, после чего тихо произнесла:

— Я.

— Вы лично?

— Распорядилась. Мама тяжело больна. В Кабардино-Балкарии. У сестры старшей. А тут сказали телеграмма. Из Нальчика.

— Сколько человек, включая вас, вашего Петра, коллег и просто знакомых были осведомлены о болезни вашей матери?

— Ну, — замялась Зоя Викторовна.

— Считайте, считайте, не тороплю. Это очень важно.

После продолжительной паузы, управляющая сообщила:

— Где-то десять, может и двенадцать.

Лутц попросил подготовить к его приезду список «осведомленных» с указанием рода занятий каждого.

Такси, дожидавшиеся брюнетку у автовокзала, за двадцать минут до звонка Лутца в гайскую милицию покинуло пределы поселка.

Перед Орском инспектор ГАИ Федоров остановил желтую «волжанку». Было без десяти двенадцать. Отозвал шофера в сторонку, стрельнул у него сигарету, кивнул на машину:

— Что за кралю катаешь?

Сам таксист гаишника не заинтересовал, ростом под наводку не подходил — мелковат.

— А-а-а, — махнул рукой шофер, — за ребенком в Гай к матери ездил.

Не стал он докладывать, что рассчиталась пассажирка заранее и щедро. У каждого свой бизнес. Гаишник же вон не хвастает, сколько рублей насшибал.

Федоров обошел машину, бесцеремонно рассматривая пассажирку с разных сторон. Коротко стриженная брюнетка, с укутанным в одеяло ребенком на руках, уловив его заинтересованный взгляд, улыбнулась, демонстрируя все тридцать два зуба ослепительной белизны. И близко не подходит под наводку, ни золотых зубов, ни белокурых локонов. Однако, дотошный гаишник распахнул дверцу машины, помня из наводки о красных сапожках. На женщине были коричневые туфли.

— Подол не поднять? — съязвила женщина, погасив улыбку.

Заплакал спеленатый младенец. Женщина вывалила большую белую грудь с розовым соском, как у мадонны Рафаэля, сунула грудь ребенку, не откидывая с его лица одеяло, как бы боясь сглаза. Ребенок затих, зачмокал.

— Банк в Гае не вы грохнули? — неловко пошутил смущенный инспектор, как бы извиняясь. — Ищем вот...

— Сегодня что, понедельник или пятница? — спросила на полном серьезе брюнетка.

— Понедельник.

Женщина покачала головой.

— По пятницам банки потрошу.

Оба рассмеялись. Она — так весело и зазывно, что Федорову шутка понравилась. «Такую бы жену, — подумал. — Моя Катя уж слишком серьезная».

Не обратил гаишник внимания, что сверток с ребенком несколько велик, и не заподозрил, что «плакал и чмокал» япон-

ский диктофон, взятый женщиной на кафедре иностранных языков Новосибирского торгового института, где сама она учила «недоумков» немецкому языку.

Коротко стриженная брюнетка с запеленатым ребенком на руках вышла в Орске из желтого такси около кинотеатра «Луч». Подождала, пока отъедет машина, и спокойно пошла в кино на шедевр Феллини «Ночи Кабирии».

Через полтора часа она вышла из кинотеатра с зеленой сумкой. Вместительной и увесистой. Ребенка у нее уже не было.

На первом этапе расследования Леонид Лутц очень рассчитывал на капитана Валерия Саакяна, начальника гайской милиции — мужика цепкого и энергичного. Нельзя было, верно, упрекнуть капитана в излишнем интеллекте, но этот малый для работника милиции изъян с лихвой компенсировался ростом — метр восемьдесят семь, весом — девяносто два килограмма, суровым взглядом, и голосом, внушающим страх даже закоренелым преступникам, как звуки иерихонской трубы грешникам. К тому же капитан владел приемами боевого самбо.

Полгода как Саакян возглавлял гайскую милицию, но успехи в плане правопорядка заметные, и не только в отчетах. Хотя и к ним Саакян относился творчески, памятуя несколько осовремененный афоризм Козьмы Пруtkова: «Что о тебе начальство скажет, если сам себя не похвалишь».

Воровства в поселке меньше стало. Хулиганство прекратилось. Пьяницы и дебоширы даже дома чувствовали дискомфорт.

В автобиографии, когда доводилось ее сочинять, Валерий лукавил самую малость — отца Арташеса, человека без определенных занятий и не обязательного семьянина, выдавал за передового сельского механизатора, мать — Клавдию Григорьевну, уборщицу райзаготконторы далекого от Урала города Кутаиси — за хирурга высшей категории. Неизвестно почему, но Валерий считал хирургов на ранг выше остальных врачей. Не упоминал Саакян про первую женитьбу после армии и бегство из Нижнего Тагила.

Вторая жена Марина Развезкая — москвичка. Валерий не хвастал, где попало, что Марина — любимая племянница бездетного первого секретаря Оренбургского обкома партии Вячеслава Елохина. Но, где надо — упоминал. А кому положено, те и так знали. Фамилию, унаследованную от первого мужа, Марина, после развода не сменила. Под этой была уже известной журналисткой.

Марина любила своего Валерочку, много писала о нем, ее стараниями даже в «Огоньке» появилась статья с портретом отважного капитана. Учитывая заслуги мужа и, конечно же, протекцию дяди Славы, она с нетерпением ждала его перевода в столицу.

Перевелся-то Саакян в Гай из Оренбургского областного управления милиции, где ведал кадрами, чтобы проявить себя на оперативной работе. Протирая в кабинете штаны, весомых заслуг не наживешь, будучи даже любимым мужем талантливой журналистки.

У Лутца с Саакяном были сугубо деловые отношения. Лишь однажды кутнули они основательно и потолковали по душам. Случилось это, когда «отважный капитан», уже будучи начальником гайской милиции, лично доставил Лутцу опасного рецидивиста по кличке Француз.

Леонид позвонил Валерию Саакяну сразу после разговора с Зоей Викторовной.

— Валерий Арташесович, — попросил душевно, не по-уставному, — ты уж там, дорогой, мозгами пошевели.

Большо-ой комплимент выдал. С мозгами-то у капитана был дефицит. Сила есть — ума не надо!

— Можешь не волноваться, майор, — расставил слова Валерий, — к твоему приезду он уже будет подстрижен.

— Почему только он? Их же, говорят, двое...

— Она уже! Отдыхает у нас после трудов на широких нарах.

— Ка-а-ак?

— Работаем, — подчеркнуто деловито заметил Саакян.

— И что, созналась?

— Пока все отрицает, но расколется, как только дружка повяжем.

— И фамилию его знаете?

— Хвощев. Михаил Хвощев.

Хвощева следователь прокуратуры помнил. Первый раз сидел за хищение социалистической собственности, второй раз — за угон по пьянке машины начальника стройки гайского комбината. Не рискованный, мелкий воришка и пьяница, хотя фигурой весьма внушительный. Вряд ли переквалифицировался в потрошителя банков. К тому же потребности у Хвощева скромные — выпил, закусил чем попало, утром опохмелился. У него и фантазии-то не хватит деньгами большими распорядиться.

Высказал сомнение:

— Не думаю, что это он. Раньше его знал, воришка мелкий.

— Почему тогда сбежал? Жил с задержанной Захаровой. Утром соседи видели. Туалет у них общий во дворе. После ограбления банка исчез.

— Ладно, работай, — завершил разговор Леонид. — Выезжаю я, у себя будь.

До приезда следователя прокуратуры Саакян, усомнившись в своей правоте, решил еще раз побывать на месте происшествия. Поспрашивать, может, за уборщицей раньше что замечалось. Крапа, может, у сотрудниц банка личные вещи. Или еще чего. А то улик маловато — дылда, фиксы золотые, блондинка... Даже сапог красных нет. Могла, конечно, и выбросить. Хапнув такие деньги, может себе купить что угодно...

Возле банка Саакян столкнулся с прорабом Константином Исиным. Тот все еще топтался здесь, хотя уже было ясно — денег сегодня не получить. Нет их в наличии. Умыкнули!

Валерий с Константином были знакомы еще по Нуреку. Исин там на строительстве гидростанции взрывниками командовал, Саакян — народной дружиной. Милицию бездарную подменял. Казенный пистолет Макарова носил, зарплату получал не меньше начальника строительного управления.

На любую новую стройку, как мотыльки на свет, шпана всякая слетается. За легкими деньгами и приключениями. Первый год на стройке деньги не экономят. Щедро раздают подъемные, квартирные и прочие нетрудовые. Вот и гужует всякая шушера, трудяг совращают.

Саакян и сколотил дружину из молодых специалистов. С большой выдумкой искореняла дружинники хулиганство. Хватали по вечерам шпану возле пивных (урочное их время), отвозили к Вахшу — бурной горной реке с ледяной водой, предлагали хулигану здесь свой героизм продемонстрировать — переплыть на противоположный берег. Все равно, что утопить-ся. Мочили в реке несколько раз для пушей остратки. После «водных процедур» протрезвевшему кандидату в утопленники милостиво разрешали до утра покинуть стройку. Условие никто не нарушал!

На новом месте бывшие нурекчане виделись редко. Исин как-то оформлял разрешение на нарезное оружие для охраны склада взрывчатых материалов. Вместо положенной громоздкой винтовки Саакян по знакомству выдал документ на наган. Константин пригласил Валерия на уху. Посидели на берегу Ириклинского водохранилища, Таджикистан повспоминали.

— Ты все еще здесь торчишь? — грубовато спросил Саакян прораба. Манера у него такая с людьми разговаривать.

— Да вот, сказали, до приезда следователя из Оренбурга.

— Ты что, видел кого?

— Никого я не видел. Из грабителей никого.

Привыкший командовать, Саакян и Исины воспринимал как подчиненного.

— Я за тебя отчитаюсь перед следователем, а ты к себе на стройку езжай. По значным местам поотирайся, примечай, кто без дела болтается, деньгами сорит. И вообще, вызывает подозрение. Встретишь типа по фамилии Хвощев, белокрысы такой, ростом чуть ниже меня, участкового подключи. Пусть хватает.

— Хвощев — это тот, кто банк ограбил?

— Меньше знаешь — дольше на свободе, — пошутил капитан.

Константин пошел к крытой брезентом машине, Саакян уже в спину крикнул:

— Да проверь, на месте ли наган твой. По всему видно, из нагана здесь палили, гильзу стрелянную не нашли.

Подходя к машине, Исин споткнулся обо что-то невидимое. Но этого Саакян не заметил.

Машина завелась, что называется, с пол-оборота. Сдавая назад, прораб чуть не сбил опору телефонной связи, развернувшись вправо, выехал на Мичурина.

Зеркало обратного вида отображало начальника гайской милиции. Он все еще стоял около банка и наблюдал за машиной Исына, словно оценивая вождение ученика шоферских курсов.

До строящейся Ириклинской ГРЭС, хотя она и рядом, полчаса езды, дорога никудашная. На шоссе, проложенном еще в первые послевоенные годы, сооружают бетонное покрытие, приходится ехать по параллельной грунтовой дороге с выбоинами и ухабами.

За эти полчаса надо решить с наганом, — думал Исин. Он и был «пугалом», грабившим банк. Проще выбросить. Тогда спросят: куда делся? Все наганы в области станут проверять. Зарегистрированные. Ими вооружены большей частью вохровцы. «Вохра нас окружила, ни вперед, ни назад», — крутит память песню из уголовной лирики. Как же она начинается? Ах, да: «Я сижу за решеткой, вспоминаю законы...» Исыну не надо вспоминать законы, он их никогда и не знал. Так-то догадывался: преступнику за убийство милиционера — вышка. Соучастнику — тюрьма на всю катушку.

Если бы не убийство... Подбросил бы наган пьяному Николаеву, что вероятно все еще спит на складе взрывчатых материалов. Так и хотел. Сам его с вечера напоил и на опохмелку бутылку оставил. Сейчас же возвращать оружие нельзя. Не составит труда установить — пуля, извлеченная из головы старшины, выпущена из этого ствола. Только выбросить. Да так, чтобы случайно не нашли. На нем же номер. За наган Сергей Николаев в ответе, взрывник, один из трех охранников склада. Жена оформлена, но она дома с ребенком.

Константин попробовал поставить себя на место Николаева, когда Саакян станет его допрашивать.

— Где наган?! — сурово спросит капитан, пронзая колючим взглядом.

— Не представляю, куда он делся, — мямлит Николаев, понунив голову и облизывая губы. — Вечером был. Начальник вон проверял, подтвердит.

— Какой начальник?

— Прораб.

— Исин что ли?

— Да, он, Константин Палыч.

— Ты в складе ночевал?

— Ну. Дежурил.

— Приходил кто?

— Никого не было.

— Водку кто приносил?

— Какую водку?! Никакой водки...

— Слушай, Николаев, — Саакян встает, проходит по кабинету упругой походкой хищного зверя, — ты когда-нибудь слышал про меня? Ты же из Нурека...

— Ну.

— Так слышал?!

— Ну, слышал.

— Кто водку приносил?! — делает выпад Саакян, как бы собирается ударить.

— Исин. Сказал, давай, Серега, посидим, Нурек вспомним.

— Посидели?

— Почему бы и нет? Ведь начальник. Начальству виднее.

— Позднее ты свалился и уснул?

— Почему уснул, беседовал. Вспоминал. Потом, когда Палыч ушел, склад сторожил.

— И я беседовал. С женой твоей. Она и сказала: так-то он не шубутной, как напьется — спит. Не разбудишь.

— Ну. Бывает иногда. Когда устану.

— Уснул, выходит, и не помнишь, как ушел гражданин Исин? — делает ударение Саакян на слове «гражданин».

— Ну, не помню. Перебрал немного.

Потом его, Исина, допрашивают. Он, конечно, не Серега, его не расколешь. Накануне ограбления на складе не был, Николаева не видел. То, что он болтает, так у него белая горячка иногда приключается. Напьется когда, чертей зеленых видит. Жenu его спросите. Лично он, Исин, спиртное полгода как не употребляет. Кто угодно подтвердит.

Его и не заподозрят... Сразу после ограбления подъехал к банку за зарплатой для участка. По графику! Когда бы он успел банк тот ограбить...

Куда наган делся? Украли. Миллионы вон крадут, более надежно охраняемые... Кто украл? Кому надо... И не орехи, понятно, колоть... За отсутствие дисциплины и пьянку на рабочем месте — ответим. Мне за ослабление контроля — выговор, жену Николаева квартальной премии лишат. Налетчиков, извините, не там ищете. Из-за вашего охранника вон, зарплату рабочие вовремя не получили.

Константин выбросил улику, не доезжая поселка строителей, в заболоченном заливе Ириклинского водохранилища. Места эти хорошо знал, на уток здесь охотился. На прошлой неделе полез за подстреленной кряквой, чуть не утонул. Если даже показать место, наган не найти. Тина засосет.

Сразу легче стало. Вроде ничего страшного и не произошло. Пропал ствол и ладно. Не у него же выкрали. У Николаева. Пусть он и отвечает. Посадят — может и от алкоголизма вылечится. Пить-то там не дадут.

III

Начальник буровзрывного участка Новосибирского спецуправления Константин Исин сам получал деньги в банке на выплату зарплаты рабочим. Управление — за тридевять земель, и держать на стройке кассиршу ради сорока рабочих накладно. Да и не хотел он нанимать кассиршу. Так было проще выкраивать «живые» деньги для нужд участка. Запчасти для ремонта техники покупал, перепало конторщикам заказчика, что сметаи ведают. И себя не обижал. В разумных пределах, конечно. Как он шутил, откровенничая с любовницей: «Хочь на гондоны...»

— Мелко плаваешь, — комментировала шутку любовница Галина. — Воровать — так миллионы, любить — так королеву.

Королевой, конечно, она считала себя.

Идея ограбления банка первоначально была чистой фантазией. Исин два раза в месяц приезжал в банк за деньгами. Девятого — за получкой, двадцать седьмого — за авансом. Приходилось сидеть, ждать, пока документы оформляли. Иногда подолгу, когда впереди кто-то получает большую сумму.

Прораб сидел на старом «домашнем» диване с узорчатой спинкой, неизвестно кем и откуда принесенном, наблюдал, как из «бронированной» комнаты выносят брезентовый мешок с деньгами, сверяют с накладной сумму, проставленную на бирке, срезают пломбу, вываливают пачки-кирпичи.

Удивительно, — думал Исин, начиная фантазировать, прикрыв глаза — этот беспечный банк еще ни разу не ограбили. Все удобства для налетчиков — стоит на отшибе поселка, можно сказать, не охраняется. Ну что за препятствие пожилой милиционер для сколько-нибудь тренированного человека. Пока тот извлечет из кобуры пистолет, можно его раз пять по лысой башке стукнуть. Она у него только для этого и годится. Да и одного раза вполне хватит. Если посильнее.

Вдвоем, пожалуй, грабить банк сподручнее, — прикидывал Исин, будучи талантливым организатором. — Надежнее. А денег хватит! Один займется сугубо охранником, второй — дамочками и наличностью. Главное для успеха — быстрота и натиск. Минуты за две, за три нужно все обтять. Забрали мешок, отключили телефон, заперли банк снаружи и — ходу! На автостанцию. Хотя автобусы — дело рискованное. Милиция тут же всполошится, перекроет дороги. Машины на трассе начнут шмонать.

Деньги надо временно спрятать в поселке. У кого прятать? Старичка надо подыскать, выпивоху. Один чтобы жил. Потом убрать его. Разболтать может по пьянке...

Да что это я! — дергался Исин на диване. — Кого убрать?! Не обязательно говорить старику, что деньги в мешке. От жены, мол, собрался уходить. Кое-что заранее унес. Это уже никому не интересно.

Пару «горячих» недель выждать и перепрятать миллионы. В другом городе! Опять выждать. Год, два... А потом, как в той песне: «Пароход белый-беленький, сизый дым над трубой, мы по палубе бегали, целовались с тобой». И прочая экзотика.

Вспоминалось детство. Деревня Топорино на высоком левом берегу Белой. Пароходы на реке. Однопалубные трудяги тащат баржи, а двухпалубные франты с громкими именами: «Жан-Жорес», «Лев Толстой», «Разведчик», «Салават Юлаев» — катают публику.

Подплывая к Топорину, пароходы давали длинный гудок. У «Льва Толстого» голос чистый, юношеский. У «Жан-Жореса» — густой, простуженный, как у председателя колхоза «Большевик» Белалова. У «Разведчика» голос не соответствовал статусу — высокий, писклявый даже.

Пароходы, плывущие сверху, у деревни разворачивались и причаливали к пристани против течения.

С носовой части судна матрос ловко бросал тонкую веревку с грузиком на конце. Другой матрос на пристани ловил ее на лету, вытягивал за нею толстый канат, наматывал его на стальные стойки. Пароход мягко ударялся о борт пристани и замирал. От парохода веяло теплом, как от живого существа. Осо-

бенно в прохладные осенние вечера. На пристани остро пахло каменноугольным дымом, смолой и вяленой рыбой.

Матросы устанавливали трапы, проверяли их надежность, и нетерпеливые пассажиры устремлялись гурьбой на берег. Одни покупали на местном базарчике яйца, топленое молоко, малосольные огурчики, вареную молодую картошку. Другие парами прогуливались по набережной.

На верхней палубе, под большими разноцветными зонтами, в плетеных креслах сидела нарядно одетая публика. На мужчинах желтые соломенные шляпы, полосатые костюмы, белые штиблеты. Улыбчивые, кудрявые женщины демонстрировали шелковые наряды и туфли на неудобных высоких каблуках. В Топорино так красиво не одевалась даже жена директора школы, слышшая первой модницей.

Верхние пассажиры на берег не сходили. Что им там делать? Разве что обувь дорогую пачкать о коровий навоз, пасутся они тут рядом.

Перед отплытием давались короткие гудки. Матросы убирали трапы. Пароход тяжело вздыхал, как бы сожалел, что надо покидать Топорино, выпускал густые белые облака пара и отчаливал, шумно хлопая лопастями. И скоро исчезал за излучиной.

Мальчик Костя мечтал уплыть. Неизвестно куда, но очень далеко. На белом пароходе, на верхней палубе, сидя в уютном плетеном кресле под большим разноцветным зонтом.

На картошке вырос... Институт закончил нуждаясь. Проработал вот уже семь лет. И все на нижней палубе...

Сморило. Задремал, вспоминая детство.

— Исин, — выкликает Зоя Викторовна из-за барьера. — Константин Павлович!

— А? — вздрагивает прораб.

— Приснилось что? — улыбается управляющая.

— Банк грабил, — шутит прораб. — И уплыл с деньгами на белом пароходе.

— Получайте деньги, потом отчालите, — шутит управляющая.

И такая фантазия с ограблением банка раз за разом. А в реальной жизни: аванс — получка, аванс — получка... Она бы и дальше так продолжалась. Но появилась женщина. Шерше ля фам!

Чумакову он подцепил в Целинограде. Точнее, она его. Тогда Константин строил Вячеславский гидроузел на Ишиме в сорока километрах от областного центра. Галина приехала из Новосибирска не то экзамены принимать у заочников торгового института, где преподавала, не то консультировать их.

Февраль. Вьюжный вечер. Ресторан гостиницы «Москва». Рыдает скрипка, певец Славик Тющев, вспоминает о «банановых кушах Сингапура», не имея представления где это. Константин пьет сухое красное вино Барокони (не каждому подают!) и кушает бифштекс со сложным гарниром. Бифштекс для него готовил сам шеф-повар! Константин любил себя и тех, кто его уважает. Такой уж он человек.

Отлаженное прорабом производством на строительстве гидроузла крутится как надо с заданными оборотами. Так что он может себе позволить расслабиться. Снять люкс в гостинице Целинограда, почитать Бунина, а вечерами вот так посидеть, высматривая дамочек, наслаждаясь вином и бифштексом. Смысл жизни, если не философствовать, к этому и сводится. В конечном счете! Целиноград, конечно, не Париж и не Мадрид, но и не Вячеславка с его пресным общепитом.

Исин, в один из вечеров, обратил внимание на приятную во всех отношениях леди за соседним столом. Ее декольтированное вечернее платье, тонкий капрон, туфли на модных каблуках были явно не для этого холодного провинциального ресторана. Залетная!

Константин через официантку послал даме бутылку коллекционного вина и коробку конфет. Галина вопросительно посмотрела на официантку, потом на него и кивком показала на свободный стул за своим столом.

— И что вы, мосье, из себя изображаете? — задала женщина многоплановый вопрос, окинув его изучающим взглядом, словно фрак на него собиралась сшить.

Константина поразили ее глаза. Они излучали необыкновенный лазурный свет. Это было тем удивительнее, что обладательница глаз была, что называется, жгучей брюнеткой.

— Зима вот суровая, — стал заливать, слегка захмелевший, а потому и красноречивый Константин. — А тут тепло. И от вас исходит очарование. Это как волшебство. Манит. Притягивает. Не прогреете ли возле себя заплутавшего путника?

— Многого вы хотите за бутылку вина, — продемонстрировала Галина ровные жемчужные зубки.

— А сколько надо?

Галина пожалала красивыми обнаженными плечами.

— А все-таки?

— Много. Значительно больше, чем вы способны сфантазировать.

Жанр фантастики Константин любил и широко им пользовался при составлении отчетов. А что касается женщин, то тут он был прагматиком. Его романы были скоротечны.

Добился победы — отлично! А после всего, закурил, шляпу на глаза надвинул и — адью.

Но на сей раз все было иначе. Посидели. Послушали музыку, поговорили о литературе, об изобразительном искусстве.

Выяснилось, что Галине интересен сюрреализм с его кошмарами и химерами, А Константину же в картинах нравилась натура — заросший пруд, солнечная лесная поляна, грачи на березах. Он неплохо знал художников эпохи Возрождения. Его волновали изображения обнаженных женщин. Но о вкусах не спорят. Тем более, его цель — познакомиться поближе, споров не предполагала.

Стали закрывать. Константин пригласил даму к себе.

— Угощу настоящим бразильским кофе.

— Должна вас заранее разочаровать, — мило улыбнулась Галина, — не тешьтесь сладостными ожиданиями. Не обещаю...

Константину подобное кокетство понравилось. Он не любил, когда женщина раздевается сразу, без «увертюры».

Необыкновенной была та ночь. После кофе и двух больших рюмок коньяка Константин стал раздевать Галину. Она не возражала. Было, что показать... и не только белье. Но большего не позволила. На страстное мычание страдальца отвечала:

— Любуйтесь натурой, как в музее... Руками не трогать!

Полуголый ухажер продрог, протрезвел, но так и не вкусил вожденного плода.

Утром она уехала, сказав на прощание: «Приезжайте, буду рада...»

Весной Исин перевелся в Новосибирское спецуправление и был направлен на строительство Ириклинской ГРЭС. У Константина появилась возможность каждый месяц бывать в Новосибирске с отчетом.

Отношения с Галиной долго оставались платоническими. Исин как-то и привык. Не торопил события. Галина таскала его по театрам и филармониям. Константин же предпочитал ресторанную музыку, симфонии ему не нравились. Впрочем, Галина не чуралась питейных заведений, с иронией наблюдая, как кавалер сорит деньгами. Решительно ограничивала его в спиртном.

— Пьют и едят все, — говорила назидательно, — напиваются и обжираются одни придурки.

Константин старался сдерживать себя.

Любовниками они стали год спустя.

Ужинали обычно в кафе «Веснушки», что напротив Галининой общаги, где она занимала отдельную комнату. Константин в кафе был уже «своим» человеком. Столик за ним, изысканные, помимо меню, вина.

Как-то под настроение Галина стала излагать содержание детектива, что переводила с немецкого для журнала «Сибирские огни». Рассказывала образно:

— Подъехали к банку на черном «мерседесе». Один остался в автомобиле с включенным двигателем. Двое натянули маски, ворвались в операционный зал банка. Выхватили пистолеты. Бабахнули для острастки, скомандовали: Лицом к стенке! Ограбление!

— Там же тревожная кнопка сигнализации, — проявил осведомленность Исин. — Нажал ногой...

— Нажали, Костя, нажали. Не переживай.

— Мне-то что переживать. Давай еще закажем бутылочку «Каберне».

— На сегодня хватит. Иначе... — проводит Галина растопыренной пятерней по лицу и изображает изящный кукиш, улыбаясь, как она умела, одними глазами.

Когда бывало «иначе», стелила ему Галина на раскладушке.

— Да, пожалуй. Выйду, покурю.

Возвращался Константин скоро, заметно повеселевший.

— И что там дальше? — интересуется.

— Появляется охранник. За сигаретами отлучался. Бах! Та-ра-рах! Один из налетчиков тяжело ранен. Компаньон пристреливает его. Полиция, погоня, стрельба, взрыв гранаты. Трое полицейских падают, море крови...

— Стоило так рисковать, — подавляет зевоту Константин. — Я знаю банк, откуда деньги можно брать, как из ящика своего стола.

Рассказал про Гайский филиал «Промстройбанка». На эмоциональную Галину рассказ произвел впечатление. Она тут же всерьез стала разрабатывать план ограбления. Константин подыгрывает ей: маски, два пистолета, небольшой самолетик. Исин, будучи студентом Свердловского горного института, увлеклся авиаспортом. Летал, права имел.

Ограбление Гайского банка стало некой игрой любовников. Галина предлагала изощренные методы, основываясь на прочитанных детективах. Однако, отдавала должное и советам Константина, простым и надежным. С каждым разом фантазия обретала все больше реальных подробностей. Константин считал, что после ограбления следует на какое-то время деньги спрятать здесь же в поселке. Галина была против: «Деньги надо увозить сразу. Нельзя их доверять кому попало...» Константин возражал: «Рискованно, степь кругом!» Она настаивала: «Нет, надо увозить!» Константин соглашался: «Да ладно, игра же»...

Для серьезной операции не хватало кое-какой информации об оснащении милиции техническими средствами, об устройстве тревожной сигнализации в банке.

— Какая там сигнализация, — возражал Константин, — деревня же.

Галина пальчиком касается носа любовника:

— Пи-ип! Должна быть! Разведай.

Исин и разведал. Он совершенно случайно познакомился с электриком, когда тот проводил профилактику банковской сигнализации. Вышли покурить. Константин его и расспросил. Что да как. Оказалось, видимая беспечность банка крепко подстрахована милицией. Нажал на кнопку — идет сигнал на пульт к дежурному. Перерезал провод — иной сигнал, с линией непорядок. Опять-таки тревога!

Через месяц, лежа рядом с Галиной, Костя, шутки ради, поведал про охранную сигнализацию. Она как бы ждала этого сообщения. Встрепенулась и, хитро скосив на Константина глаза, сказала:

— Пока милиция появится, успеем уйти! Нам трех минут хватит, а они полчаса только собираться будут.

— Да, — согласился Константин, — оперативность нужна при ограблении.

— Пистолетик бы на всякий случай, — задумчиво сказала Галина, — Бабешек пугнуть банковских, да и спокойнее...

— Со склада возьму.

— Где он, склад-то тот?

— У меня на участке.

— Вдруг стрелять придется. Легко установить, из чего бабахали. По пуле. Склад придется сжечь.

— Ты что? Там материалов тысяч на десять.

— Пусть хоть на сто. Не наше же добро...

Исин посмотрел на Галину. Взгляд ее выражал решимость спалить не только склад, но и всю стройку.

— Ты что, серьезно?

— Да, Костя! Такой шанс дается только раз.

— Ты что, на самом деле?! Это же... — запнулся Константин, подыскивая подходящее слово.

— На самом. Рассчитывать на тебя?

Слова прозвучали холодно и жестко.

— Пока еще не спятил.

— Дело твое, — спокойно сказала Галина. — Я найду, с кем это повернуть. Настоящего мужика.

Константин понял, Галина уже не фантазирует.

— Не имеешь права! Я запрещаю!

— Тебя и спрашивать никто не станет. А за наводку заплачу. Три процента. Хватит? От миллиона, — стала прикидывать Галина, — так, та-ак, это где-то тридцать тысяч. Автомобиль себе купишь, блондиночку заведешь...

— Замолчи, — прикрикнул на нее Константин первый раз за их знакомство. На Галину крик произвел иное впечатление. Голос ее стал тверже.

— Но, если засыпаемся, свой срок ты тоже получишь. Лет пять, за наводку. Устраивает?

— Я, выходит, еще и мужик не настоящий! — обиделся Константин. Мысли его путались.

— Иди на свою раскладушку, — зевнула Галина демонстративно, — давай спать. Спокойной ночи.

Исин ворочался всю ночь, скрепя раскладушкой. К утру корабли были сожжены.

— Будем потрошить! — вместо «доброго утра» сказал Константин.

— Ну вот, и ладно, — Галина задержала пристальный взгляд на Константине. Горячо поцеловала.

— Кто он тот? Настоящий-то... — запоздало заревновал Исин.

— Ты, родной мой, — колдовские глаза Галины зажглись. — Все будет хорошо, милый. Случись что — все на себя возьму. Беременной женщине большой срок не дадут...

Константин молча тарасил глаза, силясь понять полученную информацию.

— Готовься, дорогой, папулей через полгода станешь.

— Серьезно, Галка?!

Константина обуревали двоякие чувства: радость и растерянность.

— Серьезно, милый, серьезно. Счастлива, что отец моего ребенка мужик — я те дам!

Звонко рассмеялась.

Константин не раз предлагал Галине оформить отношения и завести ребенка. Она все откладывала.

— Нищету плодить, — возражала. — Еще одного прораба-воришку...

— Или училку, — шутил он. — Гутен морген, гутен таг!

— Пока не будет нормальной материальной базы, никаких детей. Квартира в Москве, дача, автомобиль. Зарплата приличная, чтобы семью содержать. Я не собираюсь всю жизнь балбесов учить.

Вечером они засиделись за разговором. Галина не отказалась от лишней рюмки, и Константина не ограничивала. Обсуждали серьезно варианты. Галина, любительница детективного жанра, предложила:

— После ограбления надо пустить милицию по ложному следу.

— Это как? — не понял Константин.

— Ну, скажем, менты по «горячим следам» арестуют кого-то похожего по фигуре на меня.

— Уборщица банка, Зинаида, твоей комплекции. Блондинка, верно, и фиксы у ней.

— Под нее и будем маскироваться.

Начали готовиться, прорабатывать каждый элемент операции. Отработали варианты. Инициатором во всем была Галина. Константин подчинялся ей во всем.

IV

Капитан Саакян сидел за своим рабочим столом, глядел через окно на унылый милицейский двор, заставленный автохламом. Мыслил. Привычка, свойственная далеко не каждому работнику милиции. Вредная, конечно, привычка. Голова потом болит. Как с похмелья.

Капитан понимал — второго подобного случая отличиться по большому счету не представится, хоть сто лет просиди в этом потертом кресле. Банковского дела с лихвой хватит и на майорские погоны, и на белого коня, на котором он под марш «Прощание славянки» прогарцует по улицам столицы до Министерства внутренних дел. Там тоже отличится. Москва не Оренбург — жулье «крупнокалиберное». Один столичный громила десяти провинциальных воришек стоит. Лови, не ленись.

Глядишь, уже и полковник. Кабинет размером с теннисный корт. Большие окна выходят на Москву-реку. Утро... Или же из них открывается вид на стены древнего Кремля. Вечер... Бой курантов.

Приемная. Секретарша с благородной сединой в строгом костюме. Непременно в очках. Информированная. Знает все о вышестоящем руководстве. И по-матерински опекает своего шефа: «Валерий Арташесович, ваш вид сегодня мне не совсем нравится. Мало спали. Понимаю, служба. Но и себя надо беречь. На все и на всех вас не хватит... В пятнадцать двадцать к Николаю Ивановичу. Генерал не любит опозданий. Лучше на пять минут раньше. Хорошо ли его знаю? О, боже! В этом кабинете пять лет просидел. Хотел и меня забрать. Но я здесь рядом живу, и, конечно, извините, профессия, кое-что о вас развела, — улыбается она. — О характере. Остальное меня не касается. Ухаживал ли шеф за дамочками? Как все, так и он...» — И опять улыбка.

Пять лет... Значит и он довольно скоро генеральский мундир примерит. Носить-то не придется. Они обычно в гражданском. Разве что по торжественным дням при параде. Или когда

к «самому». Да туда вряд ли милицейских начальников приглашают. Даже генералов. Разве что министра...

Станный тип этот Леонид Лутц, — без всякой связи переменял тему размышлений капитан. — Охламон охлагоном, а уже майор. Орден имеет. В Москву, аж два раза приглашали. Он-то, бывший начальник отдела кадров областного управления, знает это не по слухам. Бойтся, видно, затрут там. Здесь-то он первый детектив. Пожалуй, нет, чего ему бояться? Кого угодно расколлет. Без шума, не размахивая кулаками, а со смехуечками, с подковыркой. И ведь получается.

Лутц поехал в Гай рейсовым автобусом, повторяя предполагаемый маршрут грабителей. Они, скорее всего, «гастролеры» и не раз пользовались автобусом, при подготовке ограбления. За окном осень, низкие, рваные облака как бы принужденно ползут на Восток, временами скудно орошая землю морозящим дождем. Мелкие капли оставляют на боковых стеклах автобуса короткие косые черточки. Детектив, прикрыв глаза, задает себе вопросы, и сам же на них отвечает. Иной ответ вызывает у него сомнение. Тогда появляется другая версия... Третья... Четвертая...

Г л а в н ы й в о п р о с — кто они?

О т в е т. Хорошо организованная, вооруженная группа из двух, возможно и трех человек. Третий — осведомитель.

В о п р о с. Откуда грабители?

О т в е т. Двое — гастролеры, в области не светились. Третий — местный, гайский, осведомлен о времени поступления в банк больших денег. Знает про больную мать управляющей банком. Знает такую подробность, что та проживает в Нальчике.

В о п р о с. Кто мог об этом знать?

О т в е т. Служивцы, некоторые клиенты банка, близкие знакомые Зои Викторовны.

Служивцы? Саакян, возможно, и прав, что задержал уборщицу банка. Наводчиком мог быть ее муж Хвощев. Не преднамеренно. Скажем, бывший сокамерник *Икс* встретился с ним случайно. Выпили, как водится, за встречу. Хвощев в разговоре обмолвился — жена работает в банке. Того информация заинтересовала... Выпытал что надо! Да и то, информация та — не государственная тайна под грифом «Совершенно секретно».

Хвощев, узнав от жены об ограблении, смекнул — из-за пьяной болтовни он невольно стал наводчиком. Сбежал.

На автостанции в Гае майор имел доверительный разговор с диспетчером Силаевым. Сам его и устроил сюда. Нигде бывшего пожилого зека не брали. Силаев ничего, стоящего внимания, сообщить не мог, хотя и присматривался к пассажирам после

звонка Исина в милицию. Глаз у него наметанный. Но вряд ли грабители воспользовались автобусом.

Дежурный по гайской милиции доложил шефу о приезде следователя прокуратуры из Оренбурга. Такой порядок.

— Жил отважный капитан! — широко развел руки Леонид Альфредович, как бы собираясь обнять Саакяна, и изобразил столь же широкую улыбку, входя в кабинет начальника милиции.

Саакяна подобная фамильярность несколько покорибила. Рядом подчиненные, а там «наверху» — шибко партийный шурин. Вроде и к нему недостаточное почтение. Но промолчал. Даже скупой улыбнулся:

— Здравия желаю, майор!

Леонид поздоровался, подав руку двум лейтенантам и самому начальнику, сел в отдалении от стола на диван, положил рядом потрепанную папку.

— И как она, жизнь, капитан? — улыбнулся детектив, отчего лицо его стало еще круглее.

— Без перерыва, — пробурчал Саакян.

Леонид стер улыбку, закурил.

— Ладненко, — сказал как-то мягко, не сообразно обстановке. — Что у вас в активе, Валерий Арташесович?

— Соучастницу задержали.

— Почему соучастницу? Хлопнула охранника и всего лишь соучастница. Скорее главная. Он скорее — соучастник.

— Дура она. По дурости и выстрелила. С испуга.

— И точно в яблочко! С пятнадцати метров.

— Так получилось...

— Сам-то пробовал с такого расстояния? У меня, скажу честно, не получится...

— Тренировалась, возможно...

— В тир бы сводил, пусть повторит рекорд.

Саакян промолчал. Глупо, может, но сводить надо. Умеет ли вообще оружие держать?

— Факты. Неоспоримые факты, — сказал капитан, как бы оправдываясь.

Помолчал, выстраивая мысленно факты в порядке значимости.

— Выкладывай, раз они есть.

— Захарова убирала помещение в присутствии служащих банка. Как любая баба прислушивалась к разговорам. Следовательно, знала — у управляющей престарелая больная мать на Кавказе. Управляющая всего три недели как вернулась из Нальчика и каждый день с тревогой ждала телеграмму от сестры. Мать у нее там проживает. Грабители воспользовались

этим как паролем. Иначе бы их не впустили. Никакой телеграммы, понятно, не было.

Захарова точно знала день выдачи крупной суммы комбинату. Муж ее — Михаил Хвощев, ранее дважды судимый, исчез сегодня утром после ограбления банка.

Саакян замолчал, оценивая значимость прочих фактов. Имелись сигналы, что Зинаида Захарова до замужества попивала, была гулящей. Но это к делу не относится. Может, даже наоборот, прошлая разгульность делала ее не способной на ограбление банка.

— Все? — спросил следователь прокуратуры.

— В основном, да.

— А не в основном?

— Захарова, конечно, знала о расположении тревожной кнопки сигнализации. Она же полы мыла, не могла не заметить.

Не упомянул Саакян о схожести Захаровой с налетчицей. Сам засомневался — простушка.

— Сколько еще человек располагает перечисленными сведениями? Пусть даже частично, — спросил Лутц. Ответ получил не сразу..

— Наверное... — задумался Саакян. — Наверное, человек пять-шесть. Но с Хвощевым спала лишь Захарова.

— Двенадцать. Включая сюда и саму управляющую и ее мужа Петра. Кстати, это ее информация.

Вот откуда надо было начинать, — подумал ревниво Саакян. — Удивительно, как он сам не сообразил...

— Я полагаю, — продолжил Леонид Альфредович, — никто из осведомленных лично банк не грабил. Могли опознать. Кто-то из них наводчик. Может даже произвольный. Ну, сболтнул лишнее.

— Захарова и есть наводчица! Наводчица мужа.

— Возможно, и наводчица. Но только не Хвощева. Я знал Михаила — он не способен на подобное рискованное дело.

— Почему тогда сбежал?

— Анекдот слышал про зайца? По этим же соображениям. Загребут, потом доказывай, что не верблюд. За ним, возможно, что-то и есть. На год, на два потянет. Это не сложно выяснить. У той же Захаровой. Вот он и драпанул. Повяжем налетчиков, тут же объявятся.

«А ведь так, черт подери», — думал Саакян. Инициатива ускользала из рук. Белый конь уменьшался на глазах и превратился в облезлого ишака. Саакян погрузился в размышления. С неприязнью посмотрел на лейтенантов, все еще сидящих в кабинете, кивнул на дверь:

— Свободны.

И когда дверь за ними захлопнулась, обратился к майору.

— Леонид, давайте на «ты». Давно же знакомы...

— Мы разве на «вы»?

— Наполовину.

— Переходи на другую, — улыбнулся детектив.

— Я немного отвлекусь, Леонид, и, так сказать, конфиденциально.

— Валяй.

— Мне это дело не осилить. Одному не осилить. Но я должен...

— Понятно, должен. Раз на твоей территории...

— Я все сделаю, что нужно.

— Так и должно.

— Одно «но».

— Два разрешаю, не больше, — пошутил майор, прищурив глаза.

— Раскрытие мое.

— Не понял?

— Для тебя это рядовое дело. Ты еще не такое раскрутишь. А мне очки нужно набирать.

— Звание досрочно?

— И не только. Семью надо воссоединить. На Московской платформе. Сюда она не хочет. Журналистка, тут то о чем писать...

— Нужно дело, — согласился майор. — Только не рассчитывай, что буду вкалывать за двоих.

— Само собой. Я уже...

— Тогда слушай. Во-первых, надо, — Лутц для наглядности загнул большой палец левой руки, — выпустить Захарову. Она явно не при чем. Второе — дай задание толковым ребятам проверить, где были с девяти до одиннадцати все лица, имеющие информацию о банке. Пусть проследят возможные их контакты. Может, кто приезжал к ним. Скорее всего, налетчики не местные, и они, наверняка, уже покинули пределы области. Но это не значит, что мы проигрываем, надо выявить связующие звенья.

— Как же они могли, ведь...

— Не перебивай, Валера, мысли не закончил. И последнее — проверь все наганы, на которые выданы милицией разрешения. Все.

Леонид Альфредович посмотрел на часы.

— Да, предупреди Захарову, зайду к ней завтра, где-то после десяти.

— Могу сюда вызвать.

— Не надо. Сам зайду.

С момента ограбления прошло три часа сорок минут. Труп старшины милиции увезли, служащие банка отошли от первого шока и, коротая время, в ожидании оренбургского следователя, пили чай. Об ограблении напоминали небубренные пачки денег на полу, что остались от налетчиков. Следователем велено было ничего не трогать. Черная коробка из-под обуви с кирпичом так и лежала возле дверей банка. Входящие с опаской переступали через нее, хотя она была «обезврежена».

— Следователь прокуратуры по особо важным делам. Зовут меня Леонид Альфредович, — представился Лутц. — Здравствуйте, красавицы!

От улыбки с лица следователя исчезла серьезность.

Женщины засуетились, стали убирать посуду.

— Да вы пейте, пейте чай, — махнул как-то театрально Лутц. — Я пока с разрешения Зои Викторовны помещение осмотрю.

— Конечно, конечно, — поднялась управляющая, — я сама все покажу. Вот список лиц, осведомленных о банковских делах. Что просили, — передала управляющая листок.

— Много вам благодарен.

Леонид Альфредович просмотрел список с перечнем фамилий и указанием занимаемых должностей, слегка кивая головой после прочтения очередной фамилии. Зинаида Захарова была в списке последней, Хвощев там не значился.

Следователь осмотрел комнаты, обращая внимание на надежность решеток, дверей и запоров.

— Да-а-а, — пошлепал сладкими губами, как бы смакуя хорошее вино. — Единственное слабое место вашей обороны — внезапное проникновение налетчиков через входную дверь. Чем они и воспользовались.

— Мама у меня, — часто заморгала Зоя Викторовна.

— Да, да. Извините.

Лутц подошел к столу. Посуду женщины уже убрали. Зоя Викторовна представила сотрудниц, называя каждую по имени отчеству. Лутц одобрительно кивал, внимательно обозревая представленную.

— Сыграем сейчас в сыщиков и грабителей, — предложил следователь. Глаза его от улыбки сузились, лицо стало еще круглее. — Давайте так — каждому из вас поручается произвести серьезное расследование. Вы пока самые осведомленные, видели налетчиков, общались с ними. Общение, понимаю, не мармелад. Постарайтесь опознать бандитов. Маски, скажете. Да, остерегались, выходит они. Или вы их видели раньше, или я припомнил бы их по вашему описанию. Все грабители областные у нас на примете. Повторю, не исключено — вы

видели их раньше. Постарайтесь вспомнить и сопоставить характерные жесты, слова, интонацию. С вас начнем, уважаемая Зоя Викторовна. По старшинству. Должность имеется в виду. А так, вы очень молодо выглядите.

Управляющая зарделась, стала подыматься.

— Спасибо за комплимент.

— Да вы сидите, голубушка, сидите.

— Я уже говорила вам по телефону...

— Забыли о том. С нуля давайте.

— Когда позвонили, я встревожилась. Девятого до обеда никто никогда не приходил. Комбинат обслуживаем. Обычно после одиннадцати Мария Тимофеевна, — кивнула управляющая на кассиршу комбината, — получив деньги, звонила заместителю директора. Через четверть часа подъезжала машина. И шофера, и охранника дядя Коля покойный знал. Впускал их. А тут он отлучился по нужде. И звонок! Попросила Аллу, — кивнула Зоя Викторовна на девушку, больше похожую на старшеклассницу, чем на работницу банка, — сходить, узнать — кто там. Рановато для комбинатской кассирши. Сказали телеграмма. Дверь Алла открыла по моему указанию. Понимаю, нарушение. Виновата.

— Да, да. Не совсем, разумеется, — закивал следователь прокуратуры, как бы частично реабилитируя управляющую. — Продолжайте.

— Когда они вошли, мы сразу и не поняли кто такие. Впервые же. Мужчина крикнул: «Стоять на месте, ограбление!» Признаюсь, обрадовалась: «Слава тебе господи, не мама...» Остальное воспринимала как кошмарный сон. Все ждала, вот-вот проснусь. Страха, мне кажется, не испытывала. Оцепенение какое-то...

Зоя Викторовна замолчала, на лице ее отразилось переживание. Лутц не торопил.

— Дядя Коля последний месяц работал. Мечтал на даче кроликов разводить. «На каждый праздник, бабочки, — обещал, — откормленного вам крола». Так и говорил: крола.

Управляющая промокнула повлажневшие глаза.

— Жаль Николая Степановича, знал его... В области на Доске почета, — вздохнул следователь.

Помолчали с минутой.

— Как выглядели налетчики? Как вели себя? Возможно, кого-то напоминали из знакомых? — прервал молчание следователь.

— Мужчина очень нервничал. И торопился. Торопился — понятно, а нервничал — видно, впервые. На нее все смотрел, она командовала.

— Что он еще сказал?

— Ничего, кроме: «Стоять на месте, ограбление!»

— Вам это не показалось подозрительным?

— Что именно?

— Его молчание...

— А что бы он еще сказал? Ему и говорить не надо. Она командовала нами. Пистолетом размахивала.

— Вы не могли его видеть раньше. Голос, может, знакомый?

— Сказать уверенно не могу. Скорее всего, нет.

— Среди людей, по вашей информации, осведомленных о банке, шесть мужчин. Допустим, один из них грабитель. Кто бы больше подошел на эту роль? Внешне, по манерам, по голосу.

Зоя Викторовна прикрыла глаза и слегка качнулась несколько раз, словно что-то отсчитывала.

— Наверное, мой Петр. Но его бы мы узнали по оканью. Волжанин. «Огробление», — сказал бы. Потом — Исин, прораб с ГРЭСа. По комплекции подходит. Но он появился почти сразу после ухода грабителей. И коробку с кирпичом, которым нас пугали грабители, он «обезвредил».

— Зоя Викторовна, Исин минуты через три появился, — уточнила старшая кассирша Лидия Ивановна.

— Он вне подозрений. Голос совершенно другой. И вообще.

— Что вообще?

— Человек порядочный. Большую сумму ему как-то передали. Вернул все до копейки!

— Кто еще?

— Виктор Степанов, что сигнализацию обслуживает. Тот ростом только походит. Грабитель в плечах широкий. Как мой Петр.

— Зоя Викторовна, извините за вопрос, который, видимо, не вам я должен задавать: почему наган был у женщины? Мужчине бы подобало...

— Она ему не совсем доверяла.

— В каком смысле?

— Хлюзда, дерганый какой-то.

Лутц улыбнулся. Сам так думал и хотел получить тому подтверждение. Зоя Викторовна смутилась:

— Простите, слово, может, не то...

— Самое то! Как, по-вашему, она случайно попала в охранника?

— Нет, — категорично сказала управляющая банком. — Целилась тщательно. Двумя руками пистолет держала. Как гангстеры в кино.

Помолчали. И опять версия Лутца подтверждалась показаниями управляющей. Рисковая атаманша! Имеет стрелковую подготовку.

— Давайте поговорим о ней. Подробнее. Предполагаемой женщиной мог быть и мужчина. С писклявым голосом?

— Женщина. Без сомнений. Более того, женственная — фигура, движении.

В голосе Зои Викторовны появились нотки самоуверенности.

— Да, да, — согласился Лутц, — продолжайте.

— Двигалась она легко. Словно танцевала. Мой Петр... Вы бы посмотрели, как он ходит! Летает. А ему за сорок. Танцевал в институтском ансамбле. Там и познакомились...

— Вы не могли видеть ее раньше? Легкую такую, танцующую...

— Нет, — сказала Зоя Викторовна без раздумий. — Определенно нет.

— Вы не находите сходство этой женщины с Зинаидой Захаровой, вашей уборщицей.

— Да вы что?! Она же беременна. Да и раньше ходила, словно мешок несла. Чем-то они, верно, похожи. Сейчас только об этом подумала. Волосы, развязность. Та придет на работу и вместо: Здравствуйте! «Кыш, падлочки, убираться буду!» Пойдите-ка, пойдите! Грабительница тоже называла нас «падлочками». Но нет, не Зинаида.

— Ничего у вас здесь раньше не пропадало? Деньги из сумочек, со столов?

— Никогда. За Зинаиду ручаюсь. Не все у ней в прошлом было правильно, но чужого не возьмет. Иначе бы здесь не работала.

— Что еще примечательного?

— Может, я ошибаюсь... Но мне кажется, и женщина, и ее напарник совершали ограбление первый раз. Как-то у них все слишком театрально.

И опять выводы Зои Викторовны совпали с предположением следователя прокуратуры.

— Вы бы опознали женщину, если снять с нее очки, а возможно и парик?

— Уверенно вряд ли. Хотя пыталась запомнить. Нос с горбинкой, как у гречанки. И маленькие уши. Про походку я уже говорила. Да еще вот, губы пухлые.

— Вы прямо портрет нарисовали, — восхитился Лутц. — У вас все?

— Пожалуй.

— Хорошо. Вспомните что, добавьте потом. Вы, Алла, — Леонид Альфредович посмотрел на девушку пристально, словно подозревая ее в соучастии. — Вы, Алла, видели грабительницу с открытым лицом, без больших темных очков. Так ведь?

— Да, — покраснела кассирша.

Служила она здесь после техникума чуть больше месяца. Не красавица, но хорошо сложенная.

— И вынесли грабителям мешок денег, мне бы кто так, — пошутил следователь.

Шутку не поняли, никто не улыбнулся. Здесь к деньгам относились серьезно.

— Я разрешила, — заступилась Зоя Викторовна. — Она спросила, можно ли? Я сказала: выноси.

— Пошутил я, хе-хе! Все вы сделали правильно. Та-а-ак, как же она выглядела без очков-то?

— Я не знаю, — смутилась еще больше девушка. — Не рассматривала. Мне показалось, Зинуля пришла. Телеграммы-то, наверное, другая женщина должна разносить... Это я уж после сообразила...

— Цвет глаз не заметили?

— Открыла когда, на ней уже очки темные. А в глазок только и видела, телеграммой размахивает. Сейчас бы не пустила...

— А тогда?

— Подумала о Зое Викторовне. У самой мама больная...

— Что особенно запомнилось?

— Напористость. Не исполни мы какое-то ее требование, застрелила бы, не раздумывая. На что Зоя Викторовна строгая, а эта...

Все заулыбались.

— Прямо уж, строгая, — приняла как заслуженную похвалу управляющая.

— Та-а-ак. А мужчина? Стоящий хоть? Можно такого полюбить?

Алла покраснела.

— Не знаю. Думаю, нет... Раз бандит.

— Заметили что-либо особое? О чем уважаемая Зоя Викторовна не упомянула.

— Руки у него тряслись, когда деньги складывал. Потом, когда стал нос вытирать, руку за маску сунул. Усы у него.

Леонид Альфредович оживился, как сеттер, напавший на свежий след куропатки.

— И большие усы?

— Примерно, как у вас. Только черные.

— Зоя Викторовна, мужа вашего исключая. Из оставшихся пяти, у кого усы?

— У прораба Исина. Но я уже говорила, появился он в банке, чуть ли не сразу после ухода грабителей.

— Спасибо.

Лутц перевел взгляд на старшую кассиршу банка. Небольшого роста, рыжеволосую, лет тридцати пяти, начавшую полнеть женщину.

— Лидия Ивановна зовут вас, верно?

— Верно, — улыбнулась старшая кассирша стеснительно и стала похожа на актрису Жанну Самари с картины Огюста Ренуара.

— Вы что заметили?

— Сапоги красивые, — повторила уже сказанное Зоей Викторовной, — и золотые зубы, как у Зинаиды.

— Коль вы обратили внимание на зубы, как они выглядят в целом?

— Белые, очень ровные. Может, и искусственные.

— А сапоги? Не стоптаны они как-то характерно?

— Новые. У нас такие продают. Дорогие, потому и не берут.

— Та-а-ак, спасибо. Спасибо, Лидия Ивановна!

Лутц перевел взгляд на Марию Тимофеевну, кассиршу комбината. Какое-то время рассматривал ее, как бы припоминая, где же ее видел раньше.

— Та-а-ак, — повторил. — Уважаемая...

— Мария Тимофеевна, — подсказала кассирша.

— Уважаемая Мария Тимофеевна, что вы скажете интересного? Горняки ваши хорошо зарабатывают?

— По-всякому. У механизаторов прилично выходит. Остальные меньше получают. Но тоже неплохо.

— Жить можно, выходит. По поводу ограбления что скажете?

— А что я скажу? — засмушалась Мария Тимофеевна, — я и половину того не заприметила, что тут говорили. Сильно перепугалась. Думала, деньги заберут и порешат нас. Чтобы свидетелей не оставлять. Куда такие деньжищи?! Что с ними делать?..

Зазвенел телефон. Связь была уже восстановлена. Спросили Лутца.

— Тут такие дела... — многозначительно произнес Саакян. — Срочно приезжай. Машина за тобой ушла.

Леонид Альфредович поблагодарил женщин, одарив каждую персональной улыбкой.

— О-очень помогли. Спасибо!

— Поймаете? — не столько спросила, сколько усомнилась Зоя Викторовна.

— Зарплата нам за это...

— Всем зарплата, — опять усомнилась управляющая. — Поймаете когда, деньги пересчитайте. Должно быть миллион шестьсот сорок тысяч.

— Так они не все унесли, — указала старшая кассирша на оставленные грабителями упаковки.

— Пересчитай! — приказала ей управляющая.

И следователю:

— Через полчаса будет акт с точной цифрой.

Сообщение Саакяна было значимое, но вряд ли имело отношение к ограблению. На стройплощадке Ириклинской ГРЭС взорвался временный склад взрывчатых материалов. Исчез охранник Никанов. Возможно погиб. Труп после такого мощного взрыва вряд ли бы сохранился. На месте взрыва не обнаружен наган, на который милицией Гая выдано разрешение за номером 28 от пятого апреля прошлого года.

— Не понятно, почему наган должен оказаться на месте взрыва, — засомневался следователь прокуратуры. — Могли его еще до взрыва выкрасть. А чтобы скрыть это — взорвать склад.

«Опять прокол, — подумал Саакян, — как сам он об этом не заподозрил». И, как бы оправдываясь, сообщил:

— Наган обычно хранился в сейфе. Сейф не нашли. Выброшенный взрывом, мог упасть в водохранилище. Склад на берегу расположен.

— Время взрыва?

— Девять тридцать.

— Когда должен был смениться Николаев?

— Сейчас уточним.

Саакян нажал на кнопку селектора.

— Лейтенант Бабасин. Слушаю вас, Валерий Арташесович, — тут же отозвался динамик.

— С Исиным на ГРЭСе соедини. Сейчас.

— С кем, с кем?! — оживился Лутц.

— С Исиным, прорабом, чей склад взорвался.

— Второй раз сегодня на слуху. Хорошо его знаешь?

— Из Нурека он, как и я. Но там как-то не особенно контактировали. Слышал, верно. Положительное. А здесь с начальником милиции все знакомы. Утром возле банка торчал.

— Со слов работниц банка грабитель фигурой на него походит. И усами...

— Так, таких пол поселка, может, наберется, — как бы стал Саакян выгораживать прораба. Разрешение же на неположенное оружие выдавал. Грабителя, может, вооружил...

— Но большинство из них не знают, где банк находится.

— Утром он тебя дожидался, — сказал Саакян, как бы видя в этом какую-то взаимозависимость в действиях прораба и следователя.

— Зачем, не спросил?

— Ты же сам попросил, чтобы подождали, те, кто возле банка оказались после ограбления.

— Он что, видел кого?

— Нет. Как и остальные четверо зевак. Исину я дал задание присмотреться к людям у себя на стройке. Мужик толковый. А появление его возле банка оправдано, зарплату рабочим приехал получать.

— Докладывает лейтенант Бабасин, — сообщил оживший динамик, — Исин на линии.

Саакян снял трубку телефона.

— Что там у тебя?!

Исин проинформировал: «На взорвавшемся складе хранилось порядка трех тонн тротила и пять сотен детонаторов. Охранник Никонов пропал. Не нашли и сейф, где хранилось оружие».

— Минутку, — сказал Саакян в трубку, и отстранив ее от уха — следователю: — Охранник склада Никонов исчез. Наган пропал.

— Спроси, — попросил Лутц, — Николаев тот по комплекции и усами походит на самого прораба?

Оказалось, походит, и ростом и усами. А тут еще оружие пропало! Есть над чем задуматься следствию.

V

Взрыв склада помог Исину скрыть пропажу оружия, но привязал его к стройке на неопределенный срок. А прораб планировал организовать дополнительно вторую смену, оставшиеся объемы взрывных работ завершить за полтора-два месяца, и к новому году ликвидировать участок. Тогда его увольнение из Новосибирского спецуправления не вызовет подозрений — делать больше нечего! Куда он уедет, никого не заинтересует, строители электростанций всю жизнь мотаются по стране.

Сейчас же, после ЧП, одних объяснений и комиссий минимум на полгода, не до производства.

Однако, нет худа без добра, если на одну чашу весов кинуть наган, а на вторую проблемы, возникшие со взрывом склада, наган перетянет.

Скорее всего, взрыв произошел от пожара. Пьяный Николаев, засыпая на мешках со взрывчаткой, обронил недокуренную сигарету. Могло быть и совсем иначе... Крыша у Сергея поехала, взорвал склад и себя.

Жаль Серегу. Шесть лет вместе на разных стройках. Куда Исин — туда и Николаев. Квартиру нурекскую бросил и больше уже не имел собственного жилья. Ютился здесь с женой и малолетним сыном по вагончикам и чужим углам.

Анна, жена взрывника, сама еще ребенок. Ничего делать не умеет. Сергей для нее и как муж, и как личность давно скончался — пил последний год по-черному. Исин даже подумывал отстранить его от взрывных работ. Да все тянул. Специалист высшего класса! Воспитывал. Друг Сергея! Так уж получилось, закрыл ты грудью распахнутую дверь тюремной камеры.

Николаевы снимали комнату у электрика Евдокимова. Анна, сидела дома со своим болезненным мальчиком пяти лет. На

прошлой неделе Исин, возвращаясь домой с участка, встретил Анну во дворе. Она сидела на лавочке возле детской площадки, мальчик копался в песочнице.

— Здравствуйте, Константин Павлович! — еле заметно улынулась Анна.

— Здравствуй, Аня, здравствуй! Все молодеешь!

— Нет, все наоборот.

Неловко помолчали.

— Брошу вот вашего Николаева. Другие, хоть и пьют, но с женами спят, а этот же... — пожаловалась Анна. И грустно улынулась: — Кадры распустили. Вот заставлю вас самих отрабатывать третью смену.

— Да я, Аня, всегда...

— Ладно уж, пошутила. Амалию путем убожайте.

Ох, уж эти бабы, чего нет — присочинят! Кладовщицу его приплела...

Сергей устраивал подобные «фейерверки» и раньше. Зимой три года тому назад на строительстве канала Иртыш — Караганда рыхлили взрывами мерзлый грунт на головном сооружении рядом с поселком Ермак. Работы оставалось часа на три, когда вернулся из поселка один из работяг, что ходил за куревом, и сообщил восторженно:

— Братва, пиво чешское привезли! Буфет, Машка сказала, только до пяти!

Братва под председательством бригадира Сереги совещание устроила: «Буфет до пяти, а мерзлоты до лета хватит». Решили оставшийся аммонит, где-то килограммов двести, уничтожить взрывом. И вперед, пить пиво.

Шандарахнули. Пиво пить не пришлось. В столовой и во многих домах поселка от взрывной волны выбило стекла. Кто-то с перепуга панику поднял: китайцы идут!

Исин был тогда главным инженером Казахстанского спецуправления, что вело взрывные работы на стройке. На бюро райкома партии его вызвали. Долго разбирали и, учитывая заслуги, вынесли строгий выговор. С занесением. Надо бы, дураку, помалкивать, или спасибо за воспитание сказать, а он возьми и ляпни:

— Да я, товарищи коммунисты, беспартийный!

Бюро подобного издевательства не простило. Почему раньше молчал? Время тут тратили на воспитание беспартийного. Делать больше им нечего! И постановили члены бюро: «Освободить от занимаемой должности!»

Все эти невеселые воспоминания отвлекли прораба от насущных дел. Надо готовиться к приему комиссии. Должна уже кладовщица вернуться с почты, куда отослал ее отпра-

вить официальные телеграммы о взрыве склада госназору, областной милиции и Новосибирскому спецуправлению, коему он подчинен.

Объяснительные заранее следует сочинить. Умолчать о пагубном пристрастии Николаева невозможно. Кто-нибудь обязательно проболтается. Может, еще с работы прогонят, — думал Исин, — доверял пьянице взрывные работы. Не привыкать! Уедет тогда с обиженной физиономией. Увольнение «по собственному», после взрыва склада, следствию может показаться подозрительным. Деру дал! При ограблении банка убит милиционер выстрелом из нагана, а подобный наган исчез со склада. Да и сам Исин оказался после ограбления рядом с банком... Не надо быть проницательным детективом, чтобы свести воедино все эти разрозненные факты.

Вернулась с почты кладовщица Амалия Альбрихт. Она же на полставки секретарша. С исполнением обязанностей по полной «программе».

— И телеграммы отправила и дозвонилась до всех, — доложила Амалия. — Гостей теперь ждите. Главный инженер наш только завтра будет. Инспектор Госназора из Орска и представитель областной милиции сегодня приедут.

— Сколько там в заначке? — поинтересовался Исин.

Часть денег от приписок хранились у кладовщицы. Тратились на кутежи с нужными людьми.

— Ноль-ноль и хрен повдоль, — грубо пошутила немка. Наедине с Константином она позволяла подобное.

Расходы предстояли немалые. Свои деньги прораб выдал. Мог, конечно, плюнуть на все. Пусть пишут. Но могут ведь и такое накатать, на реальный срок потянут...

— Выпивки на четырех мужиков из расчета на два дня. Борису Евдокимову накажи, пусть сети свои потрясет.

— Почему на четверых? — возразила кладовщица, изображая из себя хозяйку. — Вам бы не следовало...

— Идите и исполняйте, — перешел на официальный тон Исин.

Амалия обиделась, крашенные губки сжала, отчего вокруг рта появились радиальные морщины, проявляя истинные ее годы.

Исин не зря беспокоился, что взрыв склада будет связан с убийством милиционера при ограблении банка. Лутц сделал это еще до того, как тревожные мысли начали будоражить прораба.

«Не может быть того, — мыслил следователь прокуратуры, — чтобы два чрезвычайных происшествия, где фигурировал наган, не были взаимосвязаны. А если нет, то надо исключить предположение, доказав обратное».

Из гостиницы Лутц позвонил Саакяну. Отважного капитана на месте не оказалось, с запозданием ушел обедать в кафе «Рубин».

— Что нового со взрывом? — поинтересовался Лутц.

— Собираюсь вот на ГРЭС, — сообщил лейтенант Бабасин, что ответил на звонок следователя прокуратуры, — буду принимать участие в расследовании взрыва на складе ВМ.

— ВМ — это что? — не понял Лутц.

— Взрывчатые материалы.

— Та-а-ак. Меня возьмете?

— Буду только рад.

— Прогуляюсь, — как бы ответил на незаданный вопрос лейтенанта, — погляжу на стройку, в областных газетах про нее все пишут.

Бабасин заехал за майором на своем «Москвиче», издавшем лучшие времена.

По дороге они не касались милицейских тем. Говорили о пустяках.

База участка Новосибирского спецуправления находилась в непосредственной близости от основных сооружений ГРЭС. Площадка с пятью строительными вагончиками, буровой техникой и тремя грузовыми автомобилями огорожена колючей проволокой. В первом от въезда, более новом вагончике, прорабская. Перед ней и припарковался Бабасин.

Познакомившись с прорабом, следователь прокуратуры не стал заниматься словоблудием, сразу заявил:

— Меня интересует взрыв склада в связи с гайским инцидентом. Там фигурировал наган, а здесь он, как сообщили, пропал. Не из него ли милиционера застрелили?

Исин не стал возражать, это вызвало бы лишь подозрение.

— Из головы нейдет, — сказал, подавляя беспокойство, запрятанное далеко в подсознании. — Есть тут какая-то схожесть, исчез же и охранник склада.

— Все это и изложите на бумаге, с вашими предположениями, — попросил следователь прокуратуры, — а я пока осмотрю место взрыва склада.

— Так я могу показать, — вызвался мастер участка Геннадий Коряков по прозвищу «шиш-мышь». Употреблял часто это словосочетание.

— И я с вами, — вызвался было Бабасин, но Лутц деликатно отклонил:

— Э-э-э, потом разве что...

Коряков не любил своего начальника. Завидовал. Получалось у того все как-то само собой. Без суеты, без крика, без мата. До

назначения Исина участком Коряков командовал. Дела, верно, шли не шатко, не валко. Управляющий стройкой на больших планерках, критикуя работу буровзрывного участка, именовал его «фирма Чмо». Что это за фирма, Коряков не знал, а спросить управляющего не осмеливался. Шибко строгий!

За спиной Исина Геннадия, конечно, спокойно. И человек он культурный, при рабочих не выговаривает, не унижает... Но, увы, Коряков всего лишь второй на участке. А, может, и никто. Даже его жена стала огрызаться последнее время. За главу семьи не держит. Замечание неряхе не сделай!

Как-то после получки пригласил Исина на ужин. Зашли, раскардаш как всегда, вещи по всей квартире разбросаны. Начиная с ее трусов и кончая игрушками сына.

— Валя, шиш-мышь! — вспылil муж. — Когда у тебя порядок будет?

— А я тебе сколько раз говорила — купи шифоньер ... — дерзит.

— Трусы бы хоть на себя одела, шиш-мышь, — поднял их с пола Геннадий.

— Зачем? — дерзит, — вдруг кому-нибудь срочно понадобится.

И пялит глаза на Исина. Так бы и врезал ей Геннадий, не будь рядом чужого человека!

— Ну и как, Геннадий Иванович, жизнь на переднем крае?

— завел разговор Леонид Альфредович, когда они поднялись на дамбу, отделяющую котлован будущей насосной станции от водохранилища.

На юг отсюда открывалась панорама стройки, по которой, подобно гигантским журавлям «ходили» башенные краны. На север, до самого горизонта, простирается Ириклинское водохранилище. Казалось оно безжизненным... Лишь одинокая чайка парила над холодной водной гладью, поворачивая время от времени голову, заглядывая одним глазом в толщу воды.

— По-всякому, — неопределенно сформулировал ответ мастер.

Коряков боялся начальника. Себе во вред можно болтнуть лишка, еще неизвестно уберут его или нет после взрыва склада. А то мог бы кое-что рассказать. Деньги, например, от приписок тратит безотчетно. Наряды же туфтовые его заставляют выписывать. Но, опять-таки, не под пистолетом же... С него, с Корякова, спросят, если что...

— С Исиным-то ладите? — спросил Лутц, внимательно посмотрев на мастера.

— Производство, — неопределенно сказал Коряков, — всякое бывает.

— Есть у него подруга, блондинистая такая?

Лутц изобразил руками нечто вроде локонов.

— Кладовщицу видели? Заходила, когда в прорабской были.

— Ну, вроде.

— Пассия его, кошка драная.

— Раньше-то как, склады взрывались? — спросил следователь, как бы без особого интереса.

— Лично я не слышал, — односложно ответил мастер, помня напутствие Исина, не болтать лишнего.

— А по науке?

Теория, по разумению Корякова, не могла быть лишней болтовней.

— Самопроизвольно промышленные взрывчатые материалы не инициируют, шиш-мышь.

— То есть не взрываются?

— Да.

И неожиданно для самого себя Коряков пошутил:

— Так же как и ваши пистолеты, шиш-мышь, сами по себе не стреляют.

Сравнил хрен с пальцем, — пробурчал следователь под нос и вслух поинтересовался:

— Почему тогда склад взорвался?

— Это у Константина Павловича спросите, он за взрывные работы отвечает. Большо-ой специалист!

И подумав, не прозвучало ли это двусмысленно, поправился:

— Большой специалист по части взрывных работ. В тресте нашем, московском, его приглашают на сложные взрывы. На проблемные, — уточнил. — Недавно на Бухтарминской ГЭС возле плотины скалу нависшую взрывал, никто не брался.

— Рисковый, выходит, мужик? — не то спросил, не то констатировал Лутц. И подумал: «Такому ничего не стоит и банк ограбить и собственный склад взорвать».

Коряков вместо ответа неопределенно пожал плечами. Про ограбление банка он уже знал, Исин без денег вернулся. А он мыслил вечером бутылочку «Диомата» взять, завезли недавно в гастраном, посидеть, побренчать на гитаре.

Леонид Альфредович убедился — Коряков мало того, что недалекий, но и слабо информирован о своем начальнике. Слепо исполняет его волю. Что-то не договаривает, и это «что-то» касается их взаимоотношений.

Комиссия получилась не полная. Отсутствовал главный инженер Новосибирского спецуправления. А Исин тут вроде ответчика. Но он и принимающий комиссию. Потому-то и сообщил об одном из пунктов сегодняшних мероприятий:

— Уха из осетра уже готовится.

Постояли члены комиссии на краю небольшого котлована, образовавшегося после взрыва склада. На его дне прозрачная лужица, по кромке которой деловито бегал куличок, непонятно по каким соображениям не улетевший на юг с сородичами.

— Наган, говорите, всегда в сейфе хранился? — спросил представитель областной милиции. Ему этот наган по фигуре, продрог на ветру, скорее бы уж за стол.

— Совершенно верно, — подтвердил Исин. — Ключ сторожа передают по смене. Расписываются за сохранность оружия в специальном журнале: сдал, принял. В радиусе разлета обломков склада сейф не обнаружился. Скорее всего, упал в водохранилище.

Комиссия решила дожидаться приезда главного инженера спецуправления Печеневского. А уж тогда оформить официальный документ.

— Война войной, обед обедом, — пошутил Исин, приглашая мужиков на уху.

Пикник, устроенный на безлюдном берегу водохранилища в отдалении от стройплощадки, удался на славу. Застланный белой скатертью стол изобиловал напитками и закуской. Члены комиссии поначалу чувствовали некоторую скованность. Бумагу на прораба надо подписывать. Далеко не хвалебную. А тут водку его пей, осетриной закусывай.

Исин вступительным тостом обстановку разрядил.

— Собрались мы, дорогие товарищи, — поднял полный граненый стакан водки, — по невеселому случаю. Но это не конец света. Дай Бог, следующий раз этим составом отметить пуск первого агрегата ГРЭС. Пусть первая стопка, как и последующие — мелкими птишками. Угощайтесь, дорогие гости, и не берите в голову пустяков.

Гости выпили, налегли на закуску. Исин только пригубил, слово держал, данное Галине — не пить, пока не уедет из поселка строителей.

Инспектор госнадзора Анатолий Сасов, однокурсник Исина по горному институту, большой любитель халявы (должность такая), не понял пожеланий относительно птичек. В закуске они не наблюдались. Поинтересовался, когда их будут подавать.

— Присказка народная, — пояснил Константин, — первая стопка — колом, вторая — соколом, третья — мелкими птишками.

— Поэтично! — оценил народное творчество инспектор. — Давайте за фольклор, — потянулся через стол за бутылкой.

Повторили. И пошло — поехало. Мелкими птишками. За что и за кого только не пили. Сасов даже иносказательно пожелал, чтобы изредка склады взрывались, чтобы так вот, непринужденно, собирались хорошей компанией.

Еще до застолья Леонид Альфредович пригласил Константина Исина прогуляться по берегу водохранилища, категорически отказавшись «откушать» — времени в обрез!

Дул холодный северный ветер. Небольшие волны с нежным шестом накатывались на пологий берег, и, откатываясь, оставляли на песке узоры из зеленой тины.

Шли молча. Не то чтобы разговор не клеился, никто его не начинал, как бы ожидая «первый ход» собеседника.

— Да-а-а, — наконец изрек многозначительно Леонид Альфредович, — скоро и зима.

— Зима — лето, опять зима, — поддержал нейтральный разговор Исин. — Вроде маятника. Так и жизнь проходит.

Опять помолчали.

— Как ваши дела? — спросил следователь.

— Дела у вас, — пошутил Исин. — У нас — делишки.

— Производственные имею ввиду. Электричество когда будете давать?

Ответил Исин не в раз. Следователь, похоже, усыпляет бдительность, — решил прораб, — надо быть готовым к неожиданному вопросу.

— Мой участок спецработы ведет — буровзрывные, водопонижение в строительных котлованах. А за ввод станции генподрядчик отвечает.

— Я в этом совершенно не разбираюсь. В общем смысле поинтересовался.

Лутц изобразил руками перед собой нечто вроде овала.

— План перевыполняем. В разумных объемах, чтобы выработку бригадам не добавили. Работяги хорошо зарабатывают. Из других управлений к нам просятся...

— У вас какая зарплата?

Исин скосил взгляд на следователя.

— Оклад и квартальная премия.

Лутц уловил настороженную нотку в голосе собеседника.

— Приличное хоть жалованье-то?

Исин почувствовал скрытый смысл вопроса.

— Леонид Альфредович, — посмотрел прораб на следователя, придав взгляду решительность, — полагаю, вы деликатно меня допрашиваете. Так задавайте вопросы прямо: хватает ли денег, не ворую ли...

— Почему-то люди воспринимают общение со следователем за допрос, — мягко произнес Лутц.

— Вас ведь интересует не моя зарплата, — сухо сказал Исин. — Впрочем, как и меня — ваша.

Константин остановился, поднял плоский камешек и далеко швырнул навстречу набегавшим волнам.

— Хотел бы послушать ваше мнение, Константин Павлович, по поводу последних событий.

— Вы имеете в виду ограбление банка или взрыв склада?

— Совокупно.

— Не искушен в криминалистике, но я бы их увязал. Здесь пропадает оружие, там оно стреляет.

— Согласен. Другой вопрос: кто мог воспользоваться исчезнувшим наганом.

— Или я — второй ключ от сейфа у меня, или Никонов, или кто-то, кому Николаев передал наган.

— Снимаю шляпу! — изобразил улыбку Лутц, — Превзошли меня в предположениях. В моих вы не значились. Считаете, Николаев не погиб при взрыве?

— Склонен думать — нет.

— Склад-то почему взорвался?

— Не случись ограбления, ответил бы однозначно — от пожара.

— А случилось оно?

— Взорвали умышленно, скрыть пропажу оружия.

— Кому сторож мог отдать наган? Предположительно.

— С большого бодуна любому, кто поставит бутылку.

— Тот, «любой», вы полагаете, и бомбил банк?

— «Любым» его вряд ли назовешь. За пять минут управился. Информация Зои Викторовны.

— Раз профессионал — должен иметь свою пушку.

Лутц надолго замолчал, как бы ожидая комментарии Исина.

— Вам виднее, — только и сказал прораб.

Долго шли молча, Константин рассматривал горизонт, где небо сливалось с водной гладью.

— Интересно, куда делся Никонов? — задумчиво произнес Леонид Альфредович. Остановился чуть в отдалении от Исина и тоже стал обозревать горизонт.

— Такое уже случалось, — как бы стал вспоминать прораб, — натворит по пьянке несуразное, не наказуемое, но постыдное, бросает все, а куда ехать — решает на вокзале.

— Способен банк ограбить?

— Деньги Сергея никогда не интересовали. Другие работяги чуть ли не за горло хватают — все им мало. Он же молчит. Кстати, кое-что из дома исчезло. К жене его заходил...

— Вот как?! И что исчезло?

— Паспорт, куртка новая.

«Станный народ, эти строители, — думал следователь, — Николаев уезжает неизвестно куда, не сказав жене теплых прощальных слов. Исин, прекрасный производственник, вы-

ставляет себя чуть ли не грабителем банка. Докажите, дескать. Надо присмотреться к нему и его окружению. А человек он мыслящий».

Сасов, мужик тренированный по части выпивки, тем не менее постепенно нагружался и отпускал тормоза. Перед кем тормозить-то? Менты, областные и местные, — свои мужики, он сам по службе почти мент. Костя — бывший однокурсник, обслуга, что у костра суетятся, — вообще не в счет...

«А эта, — сфокусировал инспектор взгляд на единственной женщине в компании, — как ее, Аномалия или Амалия. Для чего она тут? Точнее, для кого?» Зад аппетитный выпятила.

— Э-эх! — шлепнул ее слегка.

Амалия огрызнулась:

— Я попрошу...

— Проси, красавица, проси. Для тебя ничего не жалко...

— Руки не распускать. Для жены свои мужланские выходки приберегите.

Сасов, привыкший в подобных компаниях ко всеобщему вниманию, обиделся, что не помешало опрокинуть очередную стопку и заняться осетринной головой. Опять Амалия со своим задом. На этот раз ушипнул.

— Константин Павлович, — завопила обиженная девушка, — уберите своего гаишника.

— Какого, гаишника? — не понял прораб.

— Вот, — ткнула пальцем, — руки распускает.

— Не гаишник, а инспектор госназора! — со уважением произнес прораб. — Значит нравишься! Радуйся, под сокращение не попадешь. Как на прежнем месте...

Выбрав момент, Исин отвел кладовщицу в сторону:

— Забери инспектора, как бы он тут не очоурился от выпивки...

— Как забери?

— Возьми машину и увези.

— Ты это серьезно?

— Более чем. Производственная необходимость!

— А я при чем?!

— Понравишься — премию выпишу...

— Не ревнует?

— Нет. Лишь бы ты была довольной. Премией...

— На!!! — ответила она пощечину узкой, ухоженной рукой с маникюренными для него же пальцами. — За все! Не подходи больше!

Амалия увезла Сасова в гостиницу и подсунула под него гулящую уборщицу Маньку, заплатив ей.

VI

Галина Чумакова любила стремительное передвижение с детства. Нормальное ее состояние — нестишь куда-то сломя голову, зачастую не ведая промежуточных пунктов и финиша.

Окончательный-то финиш у всех один, будь ты хоть королевой, — думала Галина под стук колес, лежа на нижней полке купированного вагона поезда Оренбург — Челябинск. — Приходишь из небытия, и уходишь туда же, откуда пришла — в небытие. Наверное, что-то ТАМ и есть, но, чтобы без промашки, на этом свете надо нажимать на все педали.

Под ней, в багажном ящике, покоились миллионы. Сколько там, она еще не знала. Но за день сумка изрядно оттянула руки.

Купе Галина занимала одна. На последние свои деньги, не прикасаясь к банковским упаковкам, купила она в Орске четыре билета, две бутылки кефира и халу, посыпанную маком.

Проводнику наплела про мужа и его сволочную родню. Собрались все к ее сестре на свадьбу. Перед самым отъездом муж приревновал Галину к соседу. Поскандалили. До развода дело дошло. Пришлось поехать одной. Билеты лишние не успела сдать. Да и к лучшему, отлежится спокойно, нервы на пределе... Попросила никого не подсаживать. Будет выходит — отблагодарит.

«Вот оно начало НОВОЙ жизни! — думала Галина. — На этот раз без фальстарта». А серьезных промашек у нее было два. Галина профессионально занималась спортом. Еще со школы мечтала о спортивной карьере. К тому все и шло...

Московский институт иностранных языков славился не столько своими выпускниками-лингвистами, сколько легкоатлетами. Сам ректор — заслуженный мастер спорта, бывший чемпион СССР в беге на пять тысяч метров.

На третьем курсе Чумакову включили в сборную Союза. Бег на двести метров — ее коронная дистанция. Галина замахнулась на мировой рекорд. Она его почти достигла... Каких-то две сотых секунды надо преодолеть. А на следующий год Олимпийские игры. Золотая медаль светит. Она на верхней ступени пьедестала. Под гимн Советского Союза, (музыка, конечно, не совсем подходящая), заморский принц на коленях умоляет ее стать принцессой. Она кокетничает: «Что вы, что вы! Я свою родину не брошу». А потом, когда принц, поднявшись, стал отряхивать пыль с колени, Галина, махнув рукой, соглашается: «А-а, да ладно, планета Земля — наш общий дом, а Советский Союз, с его республиками, всего лишь коммуналка».

Но Фортуна отвернулась. И тренировалась она, и режим не нарушала. Но, тем не менее, всего лишь третье место на

отборочных соревнованиях. На Олимпийские игры она не попала.

Второй фальстарт случился на последнем курсе института. Появился-таки заморский принц! Наследник эмира развлекался по какому-то поводу в Москве. А что им, котам бухарским? Где хотят, там и гуляют сами по себе. Положил принц глаз на Галину, (переводчицей подрабатывала), она его и приласкала. Хорошо они прожили целых три недели в апартаментах гостиницы «Москва». Потом наследник уехал к себе на Аравийский полуостров испросить разрешение у папаши жениться на русской красавице. Папаша отказал сыну — погулял и ладно. Влюбленный принц замыслил дворцовый переворот, за что и лишился головы. У эмиров нет проблем с наследниками, могут себе позволить подобное мероприятие.

Галина избавилась от беременности. Дальше — освоение Сибири, нищенская зарплата, комната в общежитии и этот бесперспективный романтизм... Ловко его наколола. Поверил, что беременна. Делиться с ним миллионами Галина и не собиралась. Свое он уже получил натурой. Еще и должен остался, снимал бы проституток, больше бы потратился. Пусть жалуется следователю, когда вяпается. Вместе, мол, грабили, ей — деньги, а ему — тюряга. Что Костя вяпается со своим наганом, она не сомневалась.

В Новосибирск Галина не вернется. Память о Сибири — фиолетовый штамп в паспорте: «Выписана». И запись в Трудовой книжке: «Уволена по собственному желанию».

Документы эти уже не пригодятся. Новые нужны. И будет она не Чумаковой, а, к примеру, Сингапурской. Звучит! Совсем другая женщина, двадцати пяти лет, цветущая, независимая, перехитрившая судьбу.

Первый этап новой жизни представлялся четко — поездом до Челябинска, оттуда самолетом до Москвы. Дальше туман. Сиреневый, с музыкальным сопровождением. Что-то из Грига... Оптимистическое и чуть-чуть грустное.

Вариантов новой жизни представлялось несколько. Но предпочтительнее роман, опять-таки, с участием принца. Быть того не может, чтобы дважды оступиться... Очаровать эмира (сэра, мосье...), на этот раз не совсем молодого, и не претендующего у себя на родине на высокие государственные посты. И чтобы чемоданы паковал. За бугром кинуть его. Пусть шелковым платком с вензелями сопли размазывает по титулованной роже. И... Громче музыка! Там-то, с деньгами-то! Фрау-мадам! Герцога молодого или лорда с родовым замком можно закадрить. А уж мосье и сэров, как грязи.

Костю немного жаль. Арестуют. «На то он и дурак», — оправдала Галина свое предательство.

Вспомнился эпизод детства. Дядя Миша приехал к ним в Заречное. Молодой, веселый. Привез грецкие орехи. Раньше она их не видела. Они с братом бросали мячики-орехи на пологую крышу террасы. Ее орешек упал на камень и раскололся пополам. Она плакала.

«И моя жизнь раскололась, как орех!» — всплыл в памяти минорный мотив песни, услышанный ею неизвестно где и когда.

«Костя точно так же расколется, — думала Чумакова. — Начнут ее искать. Из Новосибирска она выписалась, в Заречное не повила. Остается Москва. Тушино. Дядя Миша Чумаков. Но кто о нем знает? Ее родных — матери, отца и брата давно уже нет. Из подруг дядю знает одна Эля. Но ее надо вычислить, а потом еще и найти. Можно без риска прожить у дяди пару недель. За это время сменить документы и соблазнить принца. Что не сложно, проявляя фантазию в постели. Натуральные-то принцессы квые, этикетки соблюдают...»

С этими мыслями она уснула. Под стук колес и скрежет сцепок.

В Домодедове, куда прилетела, Галина взяла такси — есть чем расплатиться, одну упаковку денег уже распотрошила. Выбрала такси с пожилым водилой. Доверия больше.

— Тушино, голубчик, — сказала шоферу. — С заездом в Елисейский гастроном за напитками и закуской. Ты уж, голубчик, подсуепись, отблагодарю.

Таксист не стал озвучивать свою несуразную таксу за проезд. Глаз наметанный — дама денежная.

Когда подъехали к гастроному, Галина не стала рисковать, оставлять мешок денег в машине. Попросила шофера сходить за покупками.

— Ваш приказ — наше исполнение! Что прикажете? — улыбнулся шофер во все лицо.

— Водку хорошую, лимончиков, колбаски, которой нет в продаже, рыбки и икру.

— Ваш приказ — наше исполнение. Только это, — шофер пошелестел пальцами.

Галина щедро «отстегнула».

— На сэкономленные — тортик жене, себе — бутылочку, — напутствовала.

— Ваш приказ — наше исполнение.

Галине такое уважение нравилось.

Дядя Миша Чумаков, до пенсии профессор консерватории, жил бобылем. Квартира двухкомнатная. Комнаты смежные —

зала и маленькая спальня. Редкий вечер хозяин коротал один. Местные, да и московские проститутки привозили к нему своих состоятельных клиентов. Дядя Миша за койко-место в спальне брал недорого. Ну и выпивка за общим столом. Пил в меру, считая себя при исполнении.

Из шмоток кое-что перепало. Одних шляп вон в прихожей на вешалке несколько штук. Повесит гуляка да и забудет. От счастья! Проститутка не жена, к любви относится с выдумкой. За деньги ведь!

Вечером **одинадцатого октября** Галина застала у дяди две парочки. Мясника здешнего гастронома с ученицей бакалейного отдела и Вальку из Москвы со случайным фразером кавказской национальности. У той всегда разные.

Молодящийся пожилой кавказец при появлении Галины широко развел руки, еще шире растянул губы, смешно шевеля, усами, и, как к себе домой, пригласил:

— Проходи, красавица, проходи! Гостем будешь!

Протянул было руку обнять красавицу за талию, Галина грубо оттолкнула. Уже «хороший» кавказец потерял равновесие и грохнулся, опрокинув стул.

— Но-но, — взвизгнула Валька, заступаясь за клиента, — полегче, а!

Галина смерила девушку ледяным взглядом. Та поспешно отвела глаза.

Дядя Миша первоначально не особенно обрадовался племяннице, помеха бизнесу. Студенткой помнил, то ей дай, это купи. Вечно побиралась. Но, оценив выставленные на кухонный стол бутылки и закуски, родню зауважал. К тому же Галина сунула в карман его клетчатой рубашки несколько хрустящих купюр.

— За две недели постоя. Отдохнуть мне надо. Понял? Без этих, — кивнула на закрытую дверь зала, где гремела музыка, развлекались гости.

— Отчего же не понять? Мы всегда понимаем, когда такие аргументы.

Вале предложили по скорому «сниматься с якоря». Клиент шибко шумный. Она испросила десять минут на обслуживание. За это время успела не только ублажить старика, но и основательно облегчила его портмоне. Счастливчику и в голову не пришло пересчитать наличность. Притупили бдительность наивные Валины глаза, и детский лепет:

— Впервые почувствовала себя женщиной, — потянулась она как кошка. — Спасибо, дорогой!

— Кавказ! — только и изрек польщенный кавалер.

VII

Следователь прокуратуры Леонид Лутц понимал — «отважный капитан» не без оснований закрыл Зинаиду Захарову. Начать «лепить дело» на пустом месте — ей цены нет. Пожалуй, самая перспективная в поселке.

Во-первых, сама... И ростом, и фигурой походит на грабительницу банка. К тому же натуральная блондинка, и золотые зубы. Выражения далеко не литературные. Информирована о работе банка и о его служащих. Во-вторых, муж — Михаил Хвощев, тридцати лет от роду, безработный, тоже, как никто другой, фигурой, и прошлыми судимостями попадает под подозрение. И главное — скрылся! Можно предположить с мешком денег.

Но была в деле не Зинаида Захарова. Банковские работники эту версию отменили категорически.

Походка тяжелая, беременность... Изменить походку, сделать ее легкой, можно разве что после родов. Это не цвет волос — парик натянул и ты блондинка. Голос, опять-таки? С хрипотцой он у ней. Его тоже невозможно изменить.

А устроители «маскарада» знали Зинаиду. Знали хорошо. Под нее и косили.

Что на женщине был парик, детектив не сомневался. Зачем бы ей театрально демонстрировать белокурые локоны? Скрыть бы надо, как и лицо, зашторенное большими, темными очками.

Детектив посмотрел на часы. Сорок пять десятого. Можно уже и идти, знакомиться с Захаровой. Живет она по Мичурина, недалеко от гостиницы, где остановился Лутц.

Хвощев Михаил? — анализировал следователь прокуратуры, шагая по поселку. — Способен ли он на серьезное дело? Информация о банке, можно сказать, провоцировала ограбление. Допустим, воспользовался той информацией. Под руководством женщины с легкой танцующей походкой, замаскированной под Захарову, ограбил банк. Не логично. Тут же вычислят и заметут! Тряханут хорошенько, день враз и посыплется.

Не сам Хвощев банк потрошил, но мог слить информацию «деловому» подельнику. Надо поручить своему помощнику Ивану Величко проверить лагерные связи Михаила.

Леонид по пути зашел на автостанцию и от диспетчера позвонил Саакяну.

- Поручение, Валера.
- Слушаю, майор.
- Свяжись с моим помощником Величко. Иваном зовут.
- А то не знаю, три года кадры областные тасовал.

— Вот и хорошо. Пусть Иван свяжется с колонией, где Хвощев срок мотал по второй ходке. Выяснит его тюремное окружение. С кем дружбу водил, кому прислуживал. Кто из дружков освобожден недавно. Этот «кто-то» должен быть человеком рисковым. Все понятно?

— Так точно, начальник! — нарочито учтиво отчеканил Саакян.

— Та-а-ак. Занят-то чем?

— Наганы проверяю, на которые разрешения выдавал.

— И что?

— Все на месте. За исключением исинского. В деле не были.

— Человека к Исину приставил?

— Ну а как же. Обижаешь, начальник. Следим. Пока без результата. Ведет себя спокойно. Никому не звонит, ни с кем из посторонних не встречается. Поселок не покидает.

— Давай так, вечером встретимся. Ну, скажем, после шести. Информацию последнюю по делу подготовь.

— Может, к тебе в гостиницу заглянуть? Посидим...

— Будет даже лучше.

Зинаида Захарова проживала в однокомнатной квартире на втором этаже старого каркасно-камышитового дома. Такие дешевые строения лепили после войны в пятидесятые годы. Дверь снаружи аккуратно обита кожзаменителем, поверх которой медная пластина с цифрой «16». Счастливый номер, — подумал Леонид Альфредович, нажимая на кнопку звонка.

— Входите, открыто, — ответил хрипловатый женский голос.

Детектив, толкнув дверь, очутился в небольшой, освещенной потолочным светильником прихожей. Она же, видимо, служила кухней и столовой — плита газовая в углу, возле стены — небольшой стол с полкой для утвари под столешником. Из-за стола поднялась молодая женщина — рослая, белокурая, хорошо сложенная, без следов косметики. Вязаная кофта и юбка из толстой ткани не скрывали беременности.

— Здравствуйте! — с неизменной улыбкой поздоровался Лутц.
— Зовут меня Леонид Альфредович.

— Здравствуйте! Проходите.

Лутц нагнувшись, стал расшнуровывать ботинки.

— Да вы не разувайтесь, — махнула рукой хозяйка.

Следователь все-таки разулся.

— А что не спросите, кто я да зачем пришел? — спросил следователь, обозревая ладную Зинаиду. Хороша!..

— Не спрашиваю, знаю потому. Сказали дома быть. И Миша о вас говорил.

— Та-а-ак. И что Михаил Сергеевич про меня сказывал? Ругал, поди.

— Ничего худого. Вот тапочки, коль разулись.

— Хвощева?

— Да, его.

— А сам он?

— Так я и сказала.

— Ладно, ладно. Пройти-то можно?

— Конечно. Не в прихожей же меня допрашивать.

Лутц вслед за хозяйкой, что в каждой руке несла по тапочку, прошел в большую, чисто прибранную комнату. Осмотревшись, сел за круглый стол, стоявший посреди комнаты, как бы обозначая ее центр.

— Допрашивают, милочка, в милиции. А дома беседуют, чай пьют. Заваривать-то по правилам умеешь? — перешел на «ты» Леонид Альфредович. — Это целая наука!

Зинаида улыбнулась, продемонстрировав золотые коронки.

— Кто же из баб это не умеет.

— Я вот и чай принес.

Лутц достал из кармана пиджака помятую пачку.

— Цейлонский! Вот тут, — расправил обертку, — пишут, выращивают этот чай на склонах гор. И есть на тех склонах «золотой пояс» на определенной высоте. Чай исключительный.

— Заварим когда, продегустируем.

Лутц еще раз внимательно посмотрел на Зинаиду. Заимствованное из иностранного языка слово «дегустировать», как-то не вязалось с ее занятием. Потому и спросил:

— До банка-то, где работали?

— Вначале в школе. В Оренбурге.

— Тоже убиралась?

— Преподавала. Романтика! Бросила школу, поехала на стройку. Здесь и познакомилась с Михаилом. Тогда он только что из тюрьмы вышел...

Зинаида, ступевавшаяся было сначала, видя доброжелательность следователя, почувствовала себя свободно. Не забирать же пришел. Выпустили-то по его распоряжению. Ей это знакомый сержант сказал. О себе она вообще не беспокоилась, Только о Мише.

— Та-а-ак. Здесь, значит, и живете? — спросил Лутц, когда Зинаида вернулась из кухни с большим чайником кипятка и маленьким заварным.

— Здесь, а где же еще? Тапочки вот, — повторно предложила, пододвинув их ногой ближе к следователю.

Разлила чай по бокалам, села на край второго табурета, напротив.

Лутц сунул ноги в безразмерные тапочки, посмотрел на ноги.

— Капитально обосновался Михаил Сергеевич у тебя. Обстоятельно!

— Вы-то почему знаете?

— По тапочкам. Потратился, значит, надолго обосновался.

— Да это я ему купила.

— И правильно сделала. Нам, мужикам, что? Тапочки да диван. И по пустякам не дергай! Диванчик у тебя, вижу, приличный. Так что обижаться Михаилу Сергеевичу не на что.

— А он и не обижается.

— Куда же тогда делся?

— Он не обязан никому докладывать. Не под подпиской.

— Конечно, нет. Но тут случай не простой. Сама знаешь. Лучше ему быть на виду... Человека убили!

— Он никого не убивал. Никогда! — сорвалась Зинаида на крик — И банки не грабил. Вчера утром рядом со мной лежал. Слышите, никогда!

— Успокойся, голубушка, успокойся. Тебе вредно. Я и не подозреваю Хвощева.

— Честно?! — посмотрела Захарова на следователя пытливо. — Нет, скажите — честно?! Вы на самом деле так думаете?..

Леонид Альфредович промолчал.

— Нет, вы скажите!

Зинаида все это выпалила, словно боясь, что ей не дадут договорить. Леонид Альфредович посмотрел на Захарову, как опытный врач при первом осмотре больного, определяя его общее состояние.

— Да, уверен — сам Хвощев банк не грабил. Но мог проболтаться кому-то про банковские дела. Скажем, про больную мать управляющей, которая в Нальчике проживает. Чем и воспользовались грабители, как отмычкой.

Зинаида облегченно вздохнула и посмотрела на следователя так, словно только что увидела.

— Правильно Миша говорил про вас...

— И что он говорил? — улыбнулся следователь Зинаиде.

— Что вас нельзя провести.

— Ну, тогда выкладывай, что знаешь.

— И выкладывать нечего. Пошла убираться. Всегда по утрам хожу. Мне-то все равно когда, но Зоя Викторовна велела утром.

— Вчера во сколько пошла?

— Что-то около одиннадцати. Всегда так хожу.

— А точнее?

— Ровно в одиннадцать. Последние известия начали передавать по «Маяку», Миша вслед крикнул: «Заткни ты эту брехалку!».

— Аполитичным, выходит, был твой Хвощев?

— Почему был, он и сейчас есть, — сказала с расстановкой Зинаида.

— Интересно где?

— Да, интересно.

— Сама-то хоть знаешь?

Зинаида посмотрела на Лутца, словно не он, а она задает вопросы.

— Зачем он вам? Вы же сказали — не причастен!

— Надо поговорить.

— О чем, если он не виноват?

— Хочу спросить, почему сбежал.

— Я велела. Как узнала о случившемся в банке, бегом домой. Быстро его собрала. В милиции бы его избили. Инвалидом сделали. Он и так больной. Туберкулез у него.

— Кто тебе сказал, что там бьют?

— Дед Пихто! Оставьте нас в покое. Мы только жить начали по-людски...

— Потому-то мне и надо с ним потолковать.

— Нет!

— Для него же и хуже. Такое двойственное положение.

Зинаида принесла хлеб, колбасу, стала нарезать.

— Да ты не беспокойся. Я только чай, да и то без сахара.

— И то верно, при вашей-то жизни...

— При какой.

— Сладкой. Все в дерьме, а вы в шоколаде!

— Смотрю на тебя, Зинаида, и убеждаюсь, ты совсем не та, какой мне представлялась.

— Не совсем дуреха, хотите сказать.

Леонид Альфредович смутился. Вначале он так и думал.

— Зачем так грубо?

— Может ли быть умной уборщица?

Молча пили чай. Думали об одном, о Хвощеве.

— Та-а-ак. Значит, Михаил Сергеевич выжидает. Пока налетчиков поймает. Возможно, долго ему придется отсиживаться.

— Очень жаль.

— Вот что, Зинаида Васильевна, женщина ты серьезная, буду откровенным. Хвощеву следует бояться нас только в одном случае, если...

— Знаю, — перебили Зинаида.

— Ну, и?..

— Если он кого-то навел на банк.

— Правильно! Спасибо за откровенность.

— Никому он про банк не рассказывал. Да и не интересовался банковскими делами.

— Тогда ему и бояться нечего, пусть домой возвращается.
— Где гарантия, что не посадят. Для отчетности.
— Я гарантирую.
— Мы подумаем. Я верю вам!
— Хорошо. Мой телефон 2-27-15. Это гостиница. Позвони, как надумаешь. Но не надо затягивать.

Леонид Альфредович встал, прошел в прихожую, кряхтя сгибаясь, обулся.

— Спасибо за чай.
— Вам спасибо. Доверяю, слышите? До-ве-ря-ю! — повторила Зинаида по слогам.

VIII

При ином раскладке биография Михаила Хвощева, возможно, была бы другой, не запятнанная статьями Уголовного кодекса Российской Федерации.

Началась-то она, по сути, относительно недавно, с того самого года, когда Мишка Хвошев, худой, рыжеволосый, под метр восемьдесят ростом, закончил с отличием строительный техникум в Алма-Ате, и по распределению попал в трест «Орскпромстрой». Полгода проработал монтажником, отличился организаторскими способностями — бригадиром поставили, и, миновав должность мастера, произвели в прорабы. Работал с увлечением, из безликих бетонных колонн и панелей красивые здания вырастали. Памятники его труду.

Рабочие уважали прораба за справедливость и «умение» закрывать наряды, а руководство ценило за деловую хватку.

Через два года перевели Хвощева в Гай уже старшим прорабом. Коллектив принял слаженный, но крепко пьющий. Два дня бригада аванс обмывала, три — получку. Остальное время пахали работяги по двенадцать часов. Без выходных и проходных. Начальство такой режим устраивало. «Прогульщиков», при сдаче объектов, можно заставить вкалывать хоть по две смены.

Выпивать Михаил начал с коллективом. Никто, понятно, в рот не лил. Начальство и к этому терпимо относилось. И его прижать можно, если что... А тут кран башенный упал, крановщик погиб. Михаила «крайним» сделали, в снабженцы перевели.

На водку да на друзей разве напасешься?! Стал потихоньку продавать стройматериалы. Засыпался на трех машинах кирпича. Три года суд определил. По году за машину вышло.

Отсидел два. Освободился досрочно. За примерное поведение и ударный труд на строительстве Байкало-Амурской магистрали.

Вернулся в Гай. Основные сооружения к тому времени были уже построены и оказался Михаил со своей судимостью не востребованным. Приютила Захарова. Разбитная, улыбочивая и безотказная. Да не одна она такая. На стройках соотношение полов один к пяти. В пользу мужиков. Выбирай — не хочу!

Расписываться не стали, зачем документы пачкать? Поживут, будет видно.

Под жилье молодым жилкомхоз половину вагончика выделил. Кровать, столик откидной — вот и вся обстановка. Зинаида оказалась на редкость заботливой и преданной женой.

Один из бывших собутыльников, как-то в пивной бестактно поинтересовался:

— Ну как там наша Зинка?

Имея в подтексте: «Не погуливает?»

— Идеальная жена, — ухмыльнулся Михаил, — та самая штучка с дыркой. Так что никаких проблем в семейной жизни!

Второй срок Михаил схлопотал по пьянке — машину начальника стройки угнал, покататься. Совершил аварию.

Ждала Зинаида. Худого никто не скажет. Квартиру какую-никакую получила.

Вернулся Михаил постаревшим, больным. Расписались, планы стали строить. Годы идут — детьми пора обзаводиться.

После визита Лутца, Зинаида и посоветовала мужу, что хоронился у знакомых:

— Домой, Миша, ступай. Станут допрашивать — скрывать тебе нечего. Да и следователь, которого ты уважаешь, считает тебя невиновным.

— Может, пока не надо? — засомневался Хвощев, вспомнив баланду и холодные тюремные нары.

— Надо, Миша. Получается, виноват ты, раз прячешься. Люди всякое болтают.

Хвощев вернулся. На другой день побрился, рубашку белую надел, джемпер, костюмчик финский, что Зинаида приобрела, пока он второй срок мотал. Пошел в милицию, хотя никто его и не вызывал.

Лутца к тому времени срочно отозвали в Оренбург. Маньяк там объявился.

— Молодцом, что сам пришел, — одобрил Саакян появление Хвощева. — Оформим явку с повинной. Судом учтется.

— Что явился — да. Но не с повинной. Вины нет.

— Скрывался тогда зачем?

— Баба по глупости спрятала. На всякий случай. Пришел, зря чтобы не искали, — прикрыл Хвощев рот ладошкой. От скучного разговора зевота напала. — Да и на работу пора определяться.

— По части работы, гражданин Хвощев, можете не волноваться. Поможем. Делянки вон таежные гуляют... Лес валить некому.

И за решетку его. Под рукой чтобы...

Привычка у Саакяна, когда что-то надо доказать, сначала себя убедит, а уж потом кого угодно. С пеной у рта. Да и люди для него, что булыжники на мостовой. Ходить по ним удобно, штиблеты не пачкаешь.

А там в Москве Марина заждалась...

Хвощев подходил под параметры грабителя. Да и судим дважды. Про банк осведомлен от жены. Не работает, а одет — гляди как... Саакян сам такие костюмы не нашивал.

Что тут миндальничать? Через неделю признается. Дальше суд, этап, зона. Там ему даже спокойнее. «Хозяин» за него думает. Одет, обут, сыт, комфорт душевный!

Лутц, узнав об аресте Хвощева, позвонил в Гай начальнику милиции:

— Извинись и выпусти, — потребовал категорически следователь прокуратуры.

— День-два и расколется. Вот увидишь. Под мою личную ответственность, — стал горячо доказывать Саакян.

Себе он уже доказал.

— Ребра переломать, почки отбить и ты признаешься. Не такие герои ломались.

У Саакяна временами возникали сомнения — так ли все. Но их заглушал бой Кремлевских курантов и нетерпеливое ржание белого коня. Да и какая разница Хвощеву, — втолковывал себе Валерий Саакян, — сегодня сядет или завтра, натворив очередную глупость. Отдохнул от зоны, развлекся и хватит. Раньше сядет, раньше выйдет. А что сядет — сомнений нет. Рецидивист.

Будь его воля, он бы таких вообще не выпускал.

Лутц областному прокурору рапорт подал на начальника милиции. Саакян — к шурина, секретарю обкома. С ночевкой. А вечером Марина из Москвы дяде позвонила:

— Дядя Слава! Ты уж там Валерочке помоги. Я тут статью подготовила по раскрытию ограбления вашего банка. Для журнала «Советская милиция».

Первый секретарь обкома на другой день прокурора областного пригласил.

— Слышал, слышал, Павел Максимович! — сдержанно похвалил секретарь. — Взяли, говоришь, грабителя. Поздравляю!

Все равно, что к ордену представил.

— Спасибо, Вячеслав Ильич!

— Какая-то возня там у тебя. Интриги. Амбиции. Ты разберись-ка в своем ведомстве.

— Разберемся, Вячеслав Ильич.

— И надо закрывать дело. Конференция партийная в ноябре. Не трепать же твое имя...

Прокурор должностью дорожил. Вернувшись к себе, тут-же Лутца вызвал.

— Ну как, Шерлок Холмс, дела? — игриво начал разговор. Знал упертость следователя.

Лутц не собирался подыгрывать.

— В рапорте на ваше имя все сказано. Хотите, повторю.

— Уволь, уволь. Дел посерьезней хватает. Гайское ограбление передай тамошней милиции. Они, вроде, уже разобрались... Тебя, Леонид Альфредович, объемная, аналитическая работа ждет. Конференция партийная на носу...

— Хвощев не виноват, я гарантом выступаю.

— Сдался он тебе...

— Не виновен он. Я гарантировал его безопасность. Дело чести!

— Ну, знаешь... Не хватало нам еще перед уголовниками честь отстаивать.

— Тогда вот, — выложил Лутц на стол листок, — заявление на отпуск с последующим увольнением.

Прокурор пробежал взглядом по бумаге.

— И куда ты? В систему, сам знаешь, нигде не возьмут.

— Дворником пойду.

Прокурор размашисто наложил резолюцию. Жаль с Лутцем расставаться. Толковый работник. Да и Генеральный поинтересуется... Но, он там, в Москве, а секретарь обкома через улицу.

— Леонид, пойми меня правильно... — начал оправдываться прокурор. — Обком торопит, конференция...

— Уже понял. И вы поймите, докопаюсь до истины. Можете не сомневаться.

Прокурор и не сомневался. Но когда это еще буде... А жить надо систематически!

Четырнадцатого октября, рано утром, забарабанили в железную дверь камеры предварительного заключения гайской милиции. Сонный сержант, подойдя, недовольно проворчал:

— Ну что там?

— Начальника зови, Хвощ повесился!

В тюремных камерах нет приспособлений, чтобы по-людски, комфортно свести счеты с жизнью. Импровизировать приходится. Михаил Хвощев висел на оконной решетке,

в неудобной позе, подогнув ноги, затянутый импортным галстуком, подарком Зинаиды, Она очень хотела видеть мужа интеллигентным, похожим на начальника стройки. Тот всегда наглаженный и при галстуке.

Вызванный на место происшествия врач скорой помощи Нина Поливода сказала, что она не патологоанатом, но, тем не менее, ей кажется, что гражданина вначале ударили по голове, а уж потом повесили. Отказалась акт подписывать.

— Тебе, сюке, жить надоело,— прошепелявил беззубый сокамерник Хвощева. — Поможем, сюка...

Но, тут же схватился за гениталии и с воплями стал кататься по полу.

Это Нина, развернувшись, нанесла короткий удар ногой. Муж-каратист обучил. Иногда ей доводилось общаться с психами. Работа такая.

— Бля буду, зарезу! — вопил уголовник, уже сидя на нарах, и прикрывая «достоинство» алюминиевой миской, остерегаясь повторного удара.

— Оставьте нас на пару минут, — попросила Поливода лейтенанта.

Уголовник притих. Милиционеры переглянулись.

— Пошли, — улыбнулся Бабасин, тронув за плечо сержанта.

— Не-е-ет!!! — с удвоенной энергией завопил уголовник. — Не имеете права. Прокурору буду жаловаться!

Когда минут через пять милиционеры вернулись, уголовник лежал на нарах со спущенными штанами.

— Хотела стерилизовать, — улыбнулась Нина, — чтобы таких же сволочей не плодил. Но он признался в убийстве. Можете допрашивать.

Допрос отложили до появления начальника милиции.

На следующее утро, после подачи заявления, Лутц обычным маршрутом следовал на службу. Дела сдать, оружие. Двойные чувства обуревали: грусть и радость. Такое бывает, когда прерывается сумбурный сон. Проснулся, и прошли все бредни.

Лутц дважды собирался оставить следственную работу. Оба раза, когда серьезные дела гасились в обкомовских кабинетах.

Дежурный милиционер при входе особо учтиво поздоровался со следователем. Все-то они знают, эти дежурные. Лутц прошел к себе, сел за старый стол. Без надобности открыл верхний ящик. Он пуст. Следователь не держал здесь никаких документов и записей. На фанерном дне выведена черной пастой дата. Лутц вспомнил — эту запись он сделал в первый день, когда сел за этот стол! Прошло десять лет. Сегодня первый

значительный юбилей. «Надо же, — улыбнулся грустно, — почти половина милицейского стажа до пенсии»...

Мысли прервались звонком.

— Старший следователь, — начал, как всегда Леонид Альфредович, сняв трубку. И осекся. — Бывший старший следователь, — поправил себя. — Слушаю вас.

Слово «бывший» произнес с ударением.

— Доброе утро, товарищ майор! Бабасин из Гая.

— Здравствуй, Эдуард. Если по службе, не трать время.

— Не понял вас?

— Заявление подал.

— Поня-ятно, — протянул Бабасин. — Из-за покойного Хвощева, надо полагать...

— Кого?!

— Хвощева Михаила в камере убили.

Острая боль резанула его в области левой лопатки. Словно ножом ударили. Боль стала расплываться по груди, затрудняя дыхание.

— Алло! Вы слышите меня? Леонид Альфредович! Алло!

— Хы-ы, — выдохнул Лутц. — Да.

— Такие невеселые события, Леонид Альфредович.

— Как это случилось?

Бабасин рассказал. По приказу Саакяна двух ранее задержанных отправили в Орск, освободив единственную камеру следственного изолятора гайской милиции, куда и затолкали Хвощева. Позднее к нему подсадили некого Симоненко, ранее неоднократно судимого за хулиганство. Он-то, предположительно, имея задание обработать Хвощева, перестарался. А когда увидел, что Хвощев мертв, повесил его.

— Симоненко сбежал, — закончил сообщение Бабасин. — По недосмотру сержанта. Возможно, и с его помощью.

— За что Симоненко задержали?

— Материалов на него нет.

— Эдик, так уж получилось. Я не работаю больше следователем прокуратуры. В гибели Хвощева и моя вина, я посоветовал ему зайти к Саакяну.

Помолчали.

— Захарова там как?

— Истерика... Саакян ее повторно изолировал, чтобы не мешала. Не лезь, дескать. Тебя не касается!

Опять помолчали.

— Леонид Альфредович, вы должны приехать.

— Приехать, и что?..

— Патологоанатома привезти.

Лутц сам уже обдумывал это и прикидывал, когда удобнее выехать. Саакян наверняка знает об его отставке и не допустит постороннего вмешательства. Следственные действия надо провести после шести, в морге одни покойники остаются.

— Хорошо, Эдуард. Сегодня к семи подруливай на автостанцию.

Лутц устроился на работу в один год с Евгением Пузанковым. Леонид — следователем прокуратуры, а Евгений — патологоанатомом областной больницы. Десять лет, выходит, знакомы. По службе им довольно часто доводилось контактировать.

Евгений Иванович был человеком необщительным, его больше интересовала абстракция: трактаты философские, библия, потусторонний мир. Выпивал, как все специалисты его невестелой профессии. Но пьяным его не видели.

Жена Светлана — педиатр, относилась к его выпивке терпимо. Да и сам Пузанков «под градусами», становился общительным, не упоминал о работе, а все больше философствовал. Улыбался изредка, демонстрируя искреннюю симпатию к собеседнику. За что Света и полюбила когда-то Женю.

Утром семнадцатого октября Лутц застал Евгения Ивановича в лаборатории за чтением Макиавелли.

— Вот, — показал Евгений Иванович обложку книги, — раньше как-то не пришлось, сейчас наслаждаюсь. Тебе бы это было интересно с профессиональной точки зрения. Психология!

После вопросов о здоровье и семье Леонид Альфредович высказал свою просьбу съездить на пару часов в Гай.

— С главным врачом надо согласовать, — пробубнил Пузанков. С Макиавелли не хотел расставаться.

— Зачем? После шести же.

— Так принято. Хоть ночью.

— Это лично для меня, Женя, никто не должен знать. Тем более главный твой. Жене скажешь — на рыбалку.

— Может по грамульке? — предложил патологоанатом.

— По утрам не употребляю.

— Тогда за твое здоровье, — улыбнулся Евгений.

Патологоанатом из большой бутылки налил четверть стакана спирта. Выпил залпом.

— Гы-ы! — крикнул. Вытер губы ладонью. — Давай, выкладывай.

— Женя, доверяю тебе. Буду предельно откровенным. Милиция, пытаясь получить нужные показания, избил невинного человека. Тот скончался в камере. Труп повесили, инсценируя самоубийство. Начальник гайской милиции, где это произошло, женат на племяннице секретаря обко-

ма. Изобличить его не просто. Нужен акт обследования трупа авторитетным патологоанатомом. Бояться тебе нечего — в покойники не переведут, — пошутил грустно Лутц. — И не уволят, один на область.

— А тебя что, уволили?!

— По «собственному» ушел.

— На рыбалку, говоришь? — оживился Пузанков.

— Выедем раньше, можно и порыбачить.

— Викулова тогда надо взять. Большой любитель!

— На «скорой» который?

— Он самый. Автомобиль будет «представительский».

Викулова уговаривать не пришлось. Минут через двадцать тот был с машиной. При полной экипировке.

— Боевой, заряженный! — шутейно приложил руку к виску, смешно тараща глаза.

Мог и не докладывать. Видно было по оттопыренным карманам.

«Комплексная экспедиция», как пошутил Пузанков, выехала в Гай в одиннадцать тридцать. Ночью подморозило. Небольшие лужицы на дороге затянулись тонким прозрачным ледком. Под колесами уазика лед крошился и брызгал в стороны, сверкая на солнце подобно бриллиантам.

«Та-ак, — размышлял Леонид Альфредович, обозревая в боковое окно автомобиля скучные окрестности. Осень настраивала мысли на бухгалтерский лад, на подведение промежуточных итогов пройденной жизни. — Пока все путем...»

Лет пять тому назад Лутцу предложили место в обкоме. Отказался. Профессиональное чутье подсказывало: место не совсем чистое. Знал — многие темные дела уходили корнями в недра обкома. И сейчас, затеяв противоборство с Саакином, Леонид Альфредович не рассчитывал на победу. Хотел запятнанное имя Хвощева от скверны очистить.

— Места-то рыбные, Леонид Альфредович, знаешь? — поинтересовался Викулов.

— Прораба тамошнего знаю. Заедем на участок к взрывнику, попросим его. Найдет он рыбака.

Исин... Константин Павлович, — без видимой связи переключились мысли Лутца на прораба. — Взрыв склада, исчезновение нагана... Осведомленность о режиме работы банка и о его служащих. Опять-таки комплекция прораба...

Исина на базе участка не застали. Сказали, по объектам поехал. Электрик Евдокимов охотно взялся организовать рыбалку для «нужных» людей. Предупредил Амалию, где его искать, если понадобится.

«Экспедиция», возглавленная браконьером Евдокимовым, выехала на место впадения в водохранилище небольшой речушки Суундук. Тут-то электрик и промышлял «вставными» сетями — под водой снасти, ведомы только самому браконьеру.

Улов оказался богатым: осетр килограммов на пять, десяток жерехов, несколько судачков и десятка два темных, полосатых окуней.

Костер раздули. В ожидании ухи, ей занимался Евдокимов, ради прикола, открыли банку с кильками и под эту закуску глухо ударили алюминиевые кружки из рыбацкого арсенала Викулова:

— За рыбалку!

Захорошело. Разговор непринужденный завязался.

— Николаев-то ваш не объявился? — поинтересовался у Евдокимова Леонид Альфредович.

— Наверное, уже и не объявится, — посмотрел тот на бывшего следователя ясными глазами. — Нюрка, жена его, у меня же угол снимают, засобиралась. Видать, Серега знать дал о себе. И не с того света сообщение поступило...

— Поинтересовались, хоть, куда собралась?

— Спрашивал. К маме, говорит. На Урал. Из Аши она. Врет, конечно...

Подъехал Исин в сопровождении Амалии и еще одной дамы. Не первой молодости, но очень милой и веселой. Шофер Исина снял с грузовика мебель: две скамейки, стол, сколоченный из строганных досок. Амалия с подругой споро начали его сервировать. Выставили напитки, закуску.

— Да у нас все есть, спасибо, — проявил приличие Пузанков. На что Исин весело заметил:

— Сами выпьем.

За ухой вспоминали, кому какую рыбину доводилось выудить. Или видеть, как другие выуживали. Один Евдокимов молчал. Промышлял он ежедневно, но не любил хвастать.

Леонид Альфредович не заводил разговора о трагических событиях последних дней. Так, изредка поглядывал на прораба. Тот не напрашивался в собеседники, пил мало, был сосредоточенным, как бы ожидая подвоха.

Барышни ненавязчиво, не уличные девки, овеванные флером тайны, демонстрировали улыбки. Но все без результата.

Не утерпел-таки Исин. Закуривая у Леонида Альфредовича сигарету, как бы для поддержания разговора, поинтересовался:

— Отдохнуть приехали или как?

— Да есть дела, — неопределенно сказал Леонид Альфредович. — В Гае, — уточнил.

— И что там, — зевнул Исин, прикрывая рот, демонстрируя безразличие.

— Опять убийство.

— Не расспрашиваю. Знаю, в интересах следствия не полагается.

Леонид Альфредович засек настороженность в голосе прораба.

— Никаких секретов, — буднично сказал детектив, — продолжение банковской истории.

Глаза Исина отразили явный интерес. Леонид Альфредович подбросил следующую порцию информации:

— Задержали грабителя, а сообщники повесили его в камере. Расколоться мог.

Исин вовремя заметил западню, поспешил сменить тему разговора.

— Выпьем, ребята, за прекрасных дам! — предложил игриво. — А не то разговор невеселый. Отдыхаем как бы...

«Сорвался, — огорчился Леонид Альфредович. — Но ведь клевал... Осторожно, но клевал!»

В седьмом часу гости стали прощаться. Красотки так и остались невостребованными. Хотя и старались...

К вечеру опять похолодало. Оттаявшие за день лужицы стали затягиваться ледком. Скорая, именуемая в народе «таблеткой», осторожно объезжает лужи. Вот и Гай. Площадь перед автостанцией пустует, план пассажирских перевозок за текущие сутки выполнен.

Лутц прошел к диспетчеру, где его ожидал Бабасин.

— Неувязочка получается, Леонид Альфредович, — сказал с огорчением лейтенант, после того как поздоровались.

— А именно?

— Хвощева, оказывается, уже похоронили.

— Поторопились?

— Похоже.

— С другой стороны, я думаю, даже и лучше. Откопаем и никаких проблем.

— Так-то оно проще. Но богохульно как то...

Стемнело рано. Диспетчер организовал лопаты, сам вызвался помогать.

Пусто на кладбище. Тихо. Витает вечный покой. Земля на свежей могиле легкая. Лопаты скоро глухо застучали о гроб, оббитый партийным кумачом. С трудом сняли заколоченную крышку гроба. Внутри, на опилках, лежал бетонный блок.

— Ничего не понимаю, — заморгал глазами Пузанков. — Пить, видать, надо меньше. Или — наоборот...

Бабасину и Лутцу было все понятно. Саакян сделал очередной ход.

IX

Двенадцатого октября Галина проснулась затемно. Светало поздно. Лежась в постели, стала строить из себя миллионершу. Оказалось это не просто, да и хлопотно. Кое что, верно, приятно исключалось из обихода... Не надо, опаздывая на работу, соскакивать ни свет, ни заря и в поисках, что бы на себя натянуть, хватать на ходу «сухомятку». Не надо бежать за автобусом. Не надо считать, сколько денег осталось в кошельке и сколько дней до получки. Не надо... Что еще не надо? Вроде и все. А взамен?

Галина задумалась. Миллионершам, оказывается, тоже надо думать... Взамен — наряды. Много нарядов! Украшения, инкрустированные бриллиантами, дорогой автомобиль, рауты, ухаживания мачо ... Дальше фантазия буксовала и выдала музыкальное ретро со словами: «Хотелось счастье мне с тобой найти, но оказалось нам не по пути...»

И вдруг, выстрел! Непонятно, кто стрелял. Тревога и страх холодят душу. Солнечную картину новой жизни заливают черная краска. Тревога усиливается, трансформируется в панику. Ее выслеживают, забирают деньги, убивают...

Деньги надо спрятать, нельзя их таскать с собой. Стала размышлять. Миллионы за границу вывезти невозможно. И там они — ноль. Драгоценности здесь надо закупить. Галина постепенно успокоилась, продолжала планировать. Что попало не хватать. Вещички должны быть не просто золотыми, они должны обладать художественной или исторической ценностью.

Деньги разделить. Большую часть пока спрятать.

У дяди Миши их хранить ненадежно. Обыск может. Всеякие тут ошиваются, возможно, и уголовники. Дядя Миша всех подряд принимает. Да и то, не требовать же справку из милиции...

Вспомнила Костю. Как он там? Пока не подозревает, конечно, о ее исчезновении. Вначале следующего месяца узнает, когда в Новосибирск с отчетом приедет. Надо было хоть пару тысяч оставить. Или пять. Автомобиль чтобы себе купил. Мечтал шутейно: «Волжанку! — широко разводил руки, будто за руль брался. — И блондиночку!» — отводил согнутую правую руку, словно обнимал изящную талию сидящей рядом подруги.

Так-то мужик он нормальный. Не жадный, заботливый, ласковый. В постели моторный. Был бы графом или лордом, лучше и не надо.

Наверное, уже и засыпался. Из-за выстрела... И ее предал. Она не обижается. Квиты. Да и сама бы так поступила. Куда деваться? Не подставлять же свой затылок под пулю...

Такой поворот событий Галина Чумакова предусмотрела

— необходимы другие документы. Надежные. С московской пропиской. Их на базаре не купишь. Нужно связаться с деловыми людьми.

Милиция объявит ее во всесоюзный розыск. Искать будут Чумакову и в столице. Потому как, здесь «ворота» за бугор.

Вчерашняя Валя, дешевка, понятно, но связи у таких «пустышек» обширные. Через ее знакомых можно выйти на деловых людей. А там деньги все сделают.

Расписала мысленно предстоящий день: надежно спрятать большую часть денег — это раз, и разыскать Валю — это два.

Дядя Миша давно уже шумно двигал на кухне табуретки, и печально звенел стеклотарой. Из бутылок сливал остатки.

— Доброе утро, Михаил Борисович! — поздоровалась приветливо Галина.

На ней был халатик, который больше раскрывал, чем закрывал женские прелести.

— Головка у дяди бо-бо?

— Здравствуй, дочура! Ты бы оделась, что ли...

— Головка, спрашиваю, бо-бо?

— Вчера на радостях перебрал маленько.

— Радовался-то чему?

— Твоему приезду

— Прямо уж...

— Почему же? Очень даже. За пивом не сходишь?

Галина достала из сумки оставленную для «делового разговора» бутылку водки и банку исландской селедки в винном соусе.

— Вот, — выставила торжественно на стол, — можно поправить голову и спокойно поговорить.

Михаил Борисович расцвел улыбкой и стал похожим на дядю Мишу из ее детства.

— Ну, и уважила! Ну, и умница!

Галина составила компанию. Выпила самую малость. Не любила. Ни пить, ни пьющих.

— Не научилась там, — кивнул дядя Миша на бутылку. — Говорят, крепко сибиряки закладывают.

Родных вспомнили. Погрустили. Галина перешла к делу.

— Шалава, что вчера была. Она часто у тебя?

— А что? — встревожился дядя Миша.

Был повод. Хозяин квартиры за аренду койки иногда брал натурой. Валя ему нравилась.

— Да так, — сказала без всякого выражения Галина.

— Ну, если так, бывает. Иногда.

— Знаешь, где живет?

— Случайно узнал. Недавно.

— И где?

— Тебе-то зачем?

— Надо. Купить хочу у ней кое-что.

Галина плеснула старику водки, подняла свою рюмку.

— Давай! За все хорошее.

Дядю Мишу не надо дважды приглашать.

— Хы-ы! — выдохнул. — Вот уж не думал, что Валька чем-то торгует, кроме как собой.

Галина не стала комментировать. Достала блокнот.

— Говори быстренько. Не то бутылку уберу, — потянулась за ней.

Заморгав, дядя Миша продиктовал:

— Истра, Коммунистическая, 5, квартира 8, Рыскина Валентина Юрьевна.

Деньги Галина решила пока хранить на вокзале, как подпольный миллионер Корейко. Упаковала их в старый чемодан, арендованный у дяди Миши. Где-то тысяч двадцать оставила на расходы.

Взяла такси, доехала до Комсомольской площади, сдала чемодан в камеру хранения Ленинградского вокзала. Пошла уже было к станции метро, но вернулась и стала скрытно наблюдать за приемщиком. Тот услужливо суеился, кланялся, беря чаевые, обшарпанным чемоданом с миллионами не интересовался. Простояла миллионерша минут пятнадцать.

Тоскливо расставаться с деньгами. Даже на время. А вдруг пожар?! А вдруг перепутают?! А вдруг откроют?! А вдруг еще что... И еще, и еще, и еще...

Прошвырнулась по магазинам. Купила три платья, две блузки, пальто осеннее, шляпу, кучу другого белья. Около ювелирного магазина «Алмаз» приобрела, массивный золотой браслет с витым узором и семнадцатью бриллиантами. Якобы самой Анны Иоановны. Гравировка на внутренней стороне: «Анне от Минха». За границей, особенно арабы, не поскупятся. Ценится у них.

Тем временем на жилой площади дяди Миши разворачивались события, можно сказать, драматические. Последнее серьезное потрясение у «падшего херувима» (так в шутку называл себя Чумаков) случилось, надо же так совпасть, почти в этот же роковой день три года назад — имущество судебные приставы пришли описывать. Жена Антонина — много моложе его, заведующая небольшим гастрономом на окраине Москвы, была осуждена за растрату. С конфискацией имущества.

Часа через три после ухода Галины настойчиво позвонили. Дядя Миша открыл, не спрашивая. Грабителей он не остерегался. Им тут без интереса. Вошел немолодой человек кавказской внешности. Модно и дорого одетый. Такого франта и стариком-то не назовешь.

— Здравствуйте уважаемый, Борис Михайлович! — поздоровался очень вежливо, изобразив улыбку, как это делают базарные «кидалы» и хорошо воспитанные люди. — Не признали, вижу, не признали, — продолжил улыбнулся кавказец, — Спасибо, богатым буду! Примета такая...

— Из гостраха? — предположил хозяин квартиры. — Так я... — широко развел руки, — кроме гемороя, за свою долгую жизнь, ничего и не нажил.

Не стал поправлять гостя, что тот путает имя с отчеством.

— Мимо дорогой, Борис Михайлович. Вчера гостил у вас. Спасибо за прием!

— А-а-а, — обрадовался хозяин, предвкушая выпивку. — А где барышня?

— Получилось вчера нехорошо. С деньгами...

Дядя Миша начал догадываться, что именно случилось. Знал грех за Валею. Видать, перестаралась, всю наличность из кармана выгребла. Не хорошо, конечно. Но это его проблемы — пришел с барышней, ушли вместе, и разбирайся с ней. Не с ним же!

Кавказец и хотел разобраться, но не знал, где эту блять найти. Ругательное слово он произнес с орфографической ошибкой, без мягкого знака в конце.

— А я откуда знаю? — вытаращил глаза дядя Миша. — Вы же ее привезли.

— Нет, уважаемый Борис Михайлович. Она меня сюда привезла. От гостиницы «Москва». Сказала, вы ее родной дядя.

— Фантазерка, похоже, знакомая...

— Хотел бы адресок.

— Знать не знаю. Я не справочное бюро.

— Дорогой, Борис Михайлович, — очень культурно продолжил разговор нарядно одетый мужчина. — Вынуждаете меня к демонстрации.

— Не надо ничего демонстрировать. Тут вам не Красная площадь. Идите, откуда пришли! — начал нервничать дядя Миша.

— Извините, Борис Михайлович, вынуждаете. Мне очень неприятно, клянусь мамой. Но вы вынуждаете.

— Милиция! — негромко закричал дядя Миша, подойдя к открытой форточке. — Товарищ участковый!

Ни на какую милицию, разумеется, он не рассчитывал. Ему это и ни к чему.

Воспитанный мужчина не зло, но ощутимо, ударил Михаила Борисовича в пах, и когда тот согнулся пополам от боли, и стал хватать открытым ртом воздух, в довесок, двумя сложенными ладонями рубанул по шее.

Седая голова дернулась вверх, словно собираясь отделиться от туловища. Ответственный квартиросъемщик рухнул на пол.

Воспитанный мужчина заботливо подложил под голову дяди Миши пуфик с табуретки. На Кавказе уважают старость! Профессионально проверил пульс. Ни к черту, аритмия. «К нам бы в Кисловодск, на пару месяцев», — подумал кавказец, главврач санатория «Красный Октябрь».

Главврач сел на табурет, закурил сигарету, стал ждать, пока дядя Миша очухается. Долго ждать не пришлось. Хозяин квартиры кряхтя принял сидячее положение.

— Лицо ополосните, уважаемый Борис Михайлович. Легче станет.

— Печенег! — выругался потомственный интеллигент. — Аспид!

Матеренных слов «падший херувим» не употреблял даже в экстремальных ситуациях.

Мог он сдать Валю, но не стал, обязана будет...

— Ну и... — продемонстрировал кавказец в улыбке хорошую работу стоматолога. — Закурите?

Дядя Миша машинально взял дорогую сигарету.

— Уважаемый дядя Боря, — как бы извиняясь, посетовал кавказец, — билет обратный не на что купить, из гостиницы выписывают. А еще три дня симпозиума. Стал бы я иначе мелочиться...

— Я ваших денег не брал.

— Вас и не обвиняют. Боже упаси! Взяла Валя.

— И вообще, — перешел на визгливый крик дядя Миша. — Кто вы такой, чтобы допросы тут учинять?! По вам, может, прокурор скучает. Костюм вон. За зарплату в будний день такой не носят. Врывается к порядочным людям. Беспредел учиняете...

Воспитанный гость тяжело вздохнул, поднялся с табурета, поправил галстук перед зеркалом, машинально нажал на клавишу радиолы «Урал», что на комод.

«Опять весна приходит, природа веселится! Лишь я один страдаю, ночей не сплю я...» — вырвался из недр старой радиолы хриплый голос Леонида Утесова. Гость грустно улыбнулся, видать, вспомнил прошедшие вёсны...

Позвонили. Кавказец встревожился.

— Пикните, голову крутану! — пригрозил.

Не получив отзыва, звонивший своим ключом стал открывать дверь. Хозяин и гость, недоуменно посмотрели друг на друга.

Зашла Галина.

— Здравствуйте! — поздоровалась, вопросительно переведя взгляд с сидящего на полу дяди Миши на пожилого мужчину кавказской наружности.

— Вроде, знакомы... Молчите-то что? — проявила недоумение Галина.

— Этот изувер врывается, — скривился хозяин квартиры, — и набрасывается с кулаками...

— Обожди, дядя Миша, — перебила Галина, неотрывно глядя на кавказца, — его послушаю. Итак, сударь...

Гость коротко изложил суть визита.

— Сколько? — спросила Галина.

— Что сколько?

— Одолжили у вас?

— Не одолжили, а обокрали! Порядка тысячи. Всю наличность выгребли! За гостиницу нечем заплатить...

— Пяти сотен хватит, — бросила Галина оценивающий взгляд на визитера. — И тех много. Привыкли задешево под юбки лазить.

Галина прошла на кухню, вернулась с деньгами.

— Пять сотен здесь, можете не проверять.

— Боже мой... Вы-то здесь причем?

— Ну, если нет иных претензий, скажем, по части дурных болезней, то прощайте.

— Что?! — посерел лицом воспитанный гость.

— Все может. Бандерши за рубежом медперсонал содержат, и то...

Главврач санатория «Красный октябрь» открыл рот, хотел что-то сказать, но промолчал.

— За бутылкой, а? — предложил как-то неубедительно после паузы. — Мировую, а? — посмотрел вопрошающе на дядю Мишу и вожделенно на Галину.

— Ступайте к урологу, — нащупал Михаил Борисович болевую точку кавказца. — Как раз этих денег хватит!

Пожилой мужчина импульсивно шагнул было к Михаилу Борисовичу, Галина энергично оттеснила его.

— Ну-ка, ну-ка!

Главврач санатория не привычный к такому обращению, недоуменно переводил взгляд с хозяина квартиры на «эту фурию».

— У нас на Кавказе, — начал было.

Галина перебила:

— Уходите по-хорошему!

И стал подталкивать к выходу.

Когда незваный гость ушел, Галина на скорую руку приготовила обед и опохмелила, протрезвевшего от стресса, любимого дядю. Михаил Борисович, будучи по природе не злопамятным, уже и забыл про инцидент. Восторгался второй симфонией Сергея Рахманинова, что транслировалась по городской радиосети.

— Ты только послушай, Галчонок, какая божественная музыка!

— Поживу у тебя недельки две, — прервала словесный поток племянница. — Никого не принимай. Понял?!

— Понять-то понял. Но не в этом дело... — замялся деликатно дядя Миша. — Ты только послушай, — ткнул пальцем на радио.

— Все будет оплачено.

— Клиенток потеряю.

— Нашел о чем беспокоиться. Только свистни.

— Что свистеть-то. Эти, вроде, свои, постоянные. Ты только послушай...

Галина выключила радио.

— Отдохнут пусть пару недель. Полезно.

— Кому полезно-то? — не понял родной дядя.

— Не кому, а чему. Чем зарабатывают твои клиентки. Все, кончили разговор!

Дядя Миша притих. Уважал строгость. Антонина за тридцать лет совместной жизни приучила.

Галина сочинила расписку, якобы выданную неким Гигилашвили. В «документе» излагалось, что означенный гражданин получил от Галины Чумаковой пять тысяч рублей в счет погашения долга гражданки Рыскиной В. Ю.

Закончив творение, Галина выставила любимому дяде дежурную бутылку. Еще раз наказала никого не пускать и поехала навестить неумную девушку.

В Истру решила ехать электричкой. На платформе негде укрыться от пронзительного ветра. Галина продрогла. Такси зря не взяла. Подошел состав, Галина зашла в почти пустой вагон. Состав плавно тронулся. За окном скучный осенний пейзаж с серыми, пятиэтажками на заднем плане. А там, далеко за горизонтом, пальмы, лазурное небо, синее море, белый теплоход...

В Истре нужный дом нашла быстро.

— Кто? — отозвалась пискливо Валя на длинный требовательный звонок.

— Перевод Рыскиной В. Ю. Здесь она проживет?

Денег по почте Валя никогда не получала. Наличными брала. Но, тем не менее, открыла.

— Не узнаете, девушка? — растянула Галина губы в подобии улыбки. — Посторонних нет? Компромат у меня на вас.

— Какой там еще мат? — состроила мину Валя.

Галина прошла в комнату, отодвинув с пути обескураженную хозяйку. Та признала вчерашнюю богатую родственницу Мишани, как она называла содержателя притона, когда на следующее утро после кутежа они оставались одни. «Козел старый, — подумала девушка о вчерашнем клиенте, — не иначе, как настучал. На полвека старше, обслужила с фантазией, переплатил, видите ли...» Решила послушать. А уж потом... Что предпринять «потом», она еще не придумала.

— Одна занимаешь площадь? — перешла на «ты» Галина.

— С бабулей.

— И где она старая?

— Пошла выгулять собачку.

— Это она хорошо придумала. И самой полезно! На, прочти внимательно документ, — подала фальшивку.

Валя прочла. Ничего не поняла. Какой Гигиладзвили? Какие пять тысяч?! Фамилия — Рыскина, верно, относилось к ней.

— Ничего не пойму, — растерянно перевела взгляд с бумаги на Галину.

— Если бы не знала тебя, — скривила губы Галина, — подумала бы, что передо мной десятиклассница. Голых мужиков даже на картинке не видела. А уж карманы им выворачивать — упаси Боже... Вид у тебя уж больно девственный.

Дошло таки до Вали.

— Там всего было четыре сотни, — начала заикаться. — Три десятки он сам дал. Предоплата. Так бы я не легла...

— Надо было при нём и пересчитать изъятые деньги, — съязвила Галина. — Он-то называет другую сумму. Пойди, докажи, что врет. Жениться не обещал?

И посерьезнела.

— Ну, хватит. Я с ним рассчиталась, чтобы дядю Мишу не забрали. Милицией грозился. Давай деньги и я ушла.

— Ты что, не веришь мне?!

— При чем здесь веришь — не веришь? Документ вон в руках держишь. Это тебе не то, за что привыкла держаться...

Валя побледнела. Галина поняла — запугивать дальше не следует. Крыша у бедной девушки может поехать.

— Ладно, — сказала примирительно. — Есть выход.

Валя открыла рот и часто-часто заморгала, что означало: «Я вся во внимании».

— Одному человеку нужны документы.

— Ну, — нервно облизала губы Валя.

— Нужны срочно... И надежные.

Валя закрыла рот и перевела взгляд на потолок, что означало: «Я все поняла. Обдумываю».

— Познакомлю тебя с кентом. Но предупреждаю: шуток он не любит. А деньги — наоборот.

Галина забрала расписку, помахала ею.

— Подарю, если твой дружок чисто сработает.

— Можешь не сомневаться — кэзэбэшникам когда-то документы выправлял. Для загранки.

Договорились встретиться завтра во второй половине дня, часиков так в три, на Воровского, перед Домом творчества советских писателей. Валин «кент», оказался, завсегда тамошнего ресторана.

Х

Пятнадцатого октября почти весь день Лутц проторчал в прокуратуре. Сдавал дела.

Вечером Леонид Альфредович сидел дома перед пылающим камином. Курил. Старался, чтобы табачный дым утягивало в портал камина. Мать обычно добродушно ворчала: «Весь дом табаком пропах, отец вон твой — вовсе не курил».

Зашла тихо, встала за спиной сына. Она еще с утра заметила, что-то неладно у него. Леонид редко рассказывал о служебных делах. Грабежи, убийства... Не расстраивал впечатлительную мать. Иногда за ужином Ксения Ивановна спрашивала: «Ну, как дела, сынок?» Леонид с улыбкой отчеканивал: «Нормальный ход, капитан! Держим курс на коммунизм». Игра у них как бы, мать — капитан, он — штурман.

Не всегда ход корабля был нормальным. Шибко уж характер у «штурмана» прямолинейный. А сейчас вовсе, чувствовала мать, корабль дал крен.

— Я не спрашиваю, сынок, о делах, — сказала Ксения Ивановна, — И так вижу, неладно.

— Почти угадала, — мягко улыбнулся Леонид.

Бросил недокуренную сигарету в огонь, встал, поцеловал седую голову матери.

— Тебе бы, мама, следователем, — пошутил, — по особо важным делам. Все-то ты замечаешь.

И посерьезнел.

— Скажи, мама, отец был прямым человеком?

— Он большей частью скрывал свои чувства и мысли. Были причины...

Мать впервые рассказала: Деда Леонида, деревенского священника, расстреляли в тридцать седьмом как врага народа. Дед был человеком образованным, не ловчил, не приспособливался к власти. Прихожане спросили священника о колхозах, что только начали организовываться в Оренбургской губернии. Он и ответил, что ничего путного ждать не приходится, если поставят бедняка руководить коллективным хозяйством. Бедняк — потому и бедный, что лентяй и бездарь. Донесли на него...

Леонид рассказал матери об ограблении банка, об убийстве пожилого охранника, об аресте по подозрению невинного человека, и про его загадочную смерть в изоляторе временного содержания, выдав это за суицид.

— Не стал я подыгрывать прокурору, уволился, — сказал Леонид.

И, посмотрев внимательно на мать, добавил:

— Но дело доведу!

— Правильно сделал, сынок, — одобрила Ксения Ивановна. — Отец твой поступил бы так же.

У отца до войны была мирная профессия. Он, как и мать Леонида, преподавал литературу в школе. Война всех уравнила, у всех стала одна профессия — солдат. В звании солдата и завершил отец короткий жизненный путь.

Тишина затянулась. Выкурив вторую сигарету, Леонид поднялся, обнял мать, прикоснувшись головой к ее виску. Как в детстве.

— Мама, ты же хочешь, чтобы я довел это дело. Веришь, получится у меня?

— Отец твой так бы и поступил. Хвощев, как я поняла, не святой. Но и не убийца. Заблудший он.

— Один из предполагаемых грабителей банка в прошлом тоже не бандит. Вполне приличный человек. Производственник.

— И знаешь кто?! — удивилась мать.

— Это надо доказать.

— Вот и доказывай. По справедливости.

— Тогда мне завтра ехать.

— Далеко?

— В Новосибирск.

— И поезжай, сынок. Поезжай с Богом. Кушать пошли. Блинчики твои любимые на ужин. С мясом. Отец твой любил.

Вечер шестнадцатого октября. Леонид Лутц размышлял под мерный стук колес поезда Оренбург — Челябинск. Методично перебирал разрозненные факты ограбления банка, ища логические взаимосвязи. Ограбление было четко спланиро-

вано. Грабители знали режим работы банка, знали о болезни матери управляющей. Убийство охранника не было запланировано. Случилось это спонтанно, а грабительница, тем не менее, оказалась превосходным стрелком. Будь милиционер на привычном месте возле входа, отобрали бы у него пистолет и загнали за перегородку к кассиршам.

Главная в банде женщина. Маскировалась она под уборщицу банка. Вторым членом банды вполне мог быть прораб Константин Исин. В поселке строителей, где все на виду, среди его знакомых нет рослой женщины с легкой танцующей походкой. Скорее всего — пришлая. Предположительно, прораб познакомился и сошелся с «атаманшей» в Новосибирске, где регулярно бывает по служебным делам.

В Новосибирске, мыслил Леонид Альфредович, надо найти Олега Гриневича. Адвокатом там. Раньше, как и он, «Авгиевы конюшни чистил». Выгнали. Хватал всех без разбора. В кепке ли вор, с распахнутой рубашкой, или в шляпе, при галстуке и с партбилетом в кармане. Против самого дело завели было. Якобы, за превышение должностных полномочий.

Олег Гриневич поможет. Город знает, людей. Но не так-то просто среди тысяч молодых женщин найти ту, что способна, не задумываясь, нажать на спусковой крючок нагана. Хотя кое-что известно. Возраст от двадцати пяти до тридцати, рослая, стройная, походка легкая, подруга Константина Исина, прораба участка Новосибирского спецуправления по взрывным работам. Какая-то зацепка.

Что у Исина женщина в Новосибирске, Лутц не сомневался. И на участке одалиску содержит... Деньги, похоже, водятся.

Можно легко установить происхождение тех денег, но это мелочь — по большому счету само государство не доплачивает прорабу. Неизвестно еще, кто кого больше обкрадывает.

Дружит ли Исин с кем из управленческих? Возможно, бывал с «танцовщицей» у кого-то дома. Если так, не трудно выйти на нее.

В Челябинске Лутц пересел на поезд Москва — Новосибирск. Томился от безделья еще сутки. План за это время созрел: Встретиться с Гриневичем, чтобы тот был на подхвате. Выяснить дружеские связи Исина с коллегами из спецуправления. Изъять из личного дела фотографию Исина. Обойти рестораны. Может, кто из официантов по фотографии признает его и вспомнит женщину, что бывала с ним.

А если прокол? Ни с кем из конторских не дружит, рестораны не посещает, а встречался с «танцовщицей» у нее на квартире.

Ладно, — решил Леонид, начиная дремать, — приеду, будет видно.

Разыскать Гриневича Олега Яковлевича, тридцати лет отроду, не составило труда. Справочная выдала адрес и номер телефона.

Леонид не виделся с Олегом пять лет. С того самого времени, когда тот приезжал в Оренбург по службе. Лутц тогда крепко ему помог, под пулю бандитскую чуть не угодил...

— Гриневич. Слушаю вас внимательно, — вежливо ответил абонент на звонок Лутца.

— Здравствуйте, мэтр! Ваш подзащитный Лутц, — витиевато-шутейно начал Леонид, — со своим пустячком беспокоить вас изволит.

— Леня?! Откуда? — радостный возглас.

— Из города Новосибирска.

— Точнее.

— На вокзале я.

— Иди к ментам, на первом этаже они. Назовешь меня — водкой угостят. Буду через пятнадцать-двадцать минут.

Встретились. Олег Гриневич почти не изменился. Мягкая, вкрадчивая манера речи. Не понятно, как с таким интеллигентным лицом умудрялся пугать бандитов и областное начальство. Такой же стройный, подвижный, разговорчивый, с копной черных, как смоль, волнистых волос. Сам же Леонид полысел, стал приземистым, еще более медлительным. Душой, верно, остался тем же Леней. Простакон, готовым для товарища снять последнюю рубаху, как в институтские годы.

— Крепкий дуб! — хлопнул по плечу Лутца Олег Яковлевич. — Ох, и крепкий!

— Я и раньше не был хилым.

— Завтракал хоть?

— Так, чайку попил в поезде.

— По службе, догадываюсь, приехал. Не по мне же соскучился.

— Почти угадал.

— Ладно. Дела потом. Пойдем, перекусим. Ресторан, верно, еще закрыт, но нас покормят. Директор — мой бывший клиент.

Бывший клиент усердствовал. Жизнь длинная, все может стать... Леонид отказался было от второй рюмки, но директор ресторана шутливо аргументировал:

— Выпил с утра и целый день свободный! И я с вами стопочку хлопну.

Так оно и вышло. Обедали у директора на даче, ужинали у Олега Яковлевича дома.

Восемнадцатого октября Гриневич одолжил у приятеля черную служебную «Волгу» с «номенклатурными» номерами,

другой приятель — капитан милиции, вызвался сопровождать их на гаишной машине с мигалками.

Лихо, под вой sireны подкатили к городской электростанции, что занимала на юго-восточной окраине города целый квартал. Здесь-то и базировалось Новосибирское спецуправление в одном из серых неказистых зданий.

Олег Яковлевич любил нетрадиционные методы дознания. Балаган устроил, чтобы нагнать больше страха. Перепуганный человек слабо контролирует себя, выкладывает все на чистоту. Потому-то «битые» подследственные и требуют адвокатов...

— Полковник Гриневич, — представился адвокат начальнику спецуправления Жирову. — В ваших личных интересах быть предельно откровенным. Судом зачтется...

Гаишная машина все еще была и зловеще мигала огнями перед входом в контору спецуправления.

«Полковник» не стал расшифровывать откуда он. И так видно... Состроил гримасу, изображая строгость. Куда только делась его обаятельная улыбка...

«Лищедей!» — восхитился Леонид.

Жирову оставалось до пенсии три месяца и четыре дня, не считая сегодняшнего. Он двадцать лет провел на Севере. Частично под конвоем. Доводилось и с полковниками общаться. Предпочитал вопросы им не задавать, и иметь с ними одинаковое мнение. Грешки и тут за Жировом водились — жена и дочь оформлены на участках табельщиками. Табеля они не вели, но в ведомостях расписывались регулярно. Служебный «газик», не совсем старый, списан в металлолом...

— Государственное предприятие в кормушку превратили! — прошелся Гриневич легкой походкой по кабинету, демонстрируя, кто тут хозяин положения. — Кадры распустили!

Жиров почувствовал озноб, закололо сердце, левая щека предательский дернулась.

— Бывает, — согласился машинально. — Но боремся. Спецчасть у нас, она же отдел кадров. Совмещает, но за одну зарплату.

— Личное дело гражданина Исына сюда, — коротко бросил Гриневич, остановившись перед столом начальника спецуправления.

— Фу-у-у, — выдохнул Жиров и глубоко вздохнув, стал отходить.

— И что он натворил? — обрадовался.

За тридцать земель тот Исин, что-то Жиров мог и недоглядеть...

— Вопросы задаю я.

— Извините, вырвалось как-то...

За фанерной перегородкой размещался кабинет главного инженера спецуправления Печеневского Николая Николаевича, которого за глаза сослуживцы звали Коля-Коля. Исин после сдачи отчетов приглашал Колю-Колю в дорожной ресторан. Напитки, закуски — все по высшему разряду. На десерт — девочки! Начни Гриневич комедию с Печеневского, да с тем же напором, возможно, Галина Чумакова сразу бы и «высветилась». По ресторанам Константин ее таскал, познакомил как-то с главным инженером.

«Полковник» нагнал страху на Колю-Колю, хотя тот и сидел за перегородкой. Главный инженер только вчера вернулся со строящегося объекта. Принимал участие в работе комиссии по расследованию взрыва склада. Знал — ворует Костя, но аккуратно и «по чину». Покрывал его. Потому и решил, станут его допрашивать — умалчивать о «неустановленных» отношениях с прорабом. Были и другие соображения — жена работала здесь же нормирующей. Посерьезнее проблемы будут, если прознает про «десерты»!

Личное дело Исына украшала отличная фотография, которую «полковник» тут же изъял. Компрометирующего материала кондуит не содержал, более того — красил прораба спецуправления — сплошные благодарности к торжественным датам.

Из последующего допроса Жирова, выяснилось — Ириклинский участок стабильно выполняет почти весь план спецуправления, и потому его прораб на особом, привилегированном положении. Можно сказать, руководит управлением. Делает это тактично, не задевая ничьего самолюбия. Даже, как другие прорабы, конфеты нормирующим подносит, чтобы наряды гладко проходили. А мог бы и прикрикнуть: «Ей, кто вас кормит, фитильки!» А он нет — конфетки.

Когда Исин приезжал отчитываться, Жиров отдавал ему талоны на такси. Покупали их по перечислению. Сам — на автобусе.

Подолгу сидел Исин у главного бухгалтера Алии Ахметовны. Та на «танцовщицу» не похожа. Даже приблизительно. Годами за сорок, весом — за семьдесят. У нее, видно, прораб решал финансовые вопросы. Не обижая, надо полагать, молодящуюся бухгалтершу отсутствием внимания.

Никаких компроматов на Исына. Участок передовой, отчитывался гладко, дружбы особой с конторскими не водит. Сам по себе.

— Хоть орден ему, — пошутил Леонид Альфредович.

— Представляли, и не раз, — осмелел Жиров. — Не катило. Беспартийный. И не рабочий. Там у них, — кивнул на потолок, — свои требования.

— Сами понимаете, — прощаясь, сказал Олег Яковлевич, тараща глаза, — о нашей беседе ни-ни!

— Доводилось бывать на Севере, — изобразил Жиров сопричастность. — Порядки знаем.

Сидя за фанерной перегородкой, Коля-Коля по-своему воспринял интерес органов к Константину Исину. Воспитанный на принципах общаговской солидарности, мыслил: «Выручать надо кореша — добром за добро отплатить».

Весной этого года Исин после отчета пригласил Печеневского на участок. Поразвлекся. Рыбку половить, уток пострелять. Да и кладовщица у него разбитная... Гетера!

Поездом решили ехать. Ресторан перед выездом посетили, да и с собой прихватили. Дорога длинная.

Как сели в поезд, Костя сразу на боковую. Коля-Коля долго шарашился по вагону и что-то не поладил с проводниками. Даже толкнул одного. Заводной, когда выпьет. На станции Кушмурун пригласили проводники милицию. Те и ссадили Колю-Колю. Проснулся Исин через пару станций, обнаружил исчезновение спутника. Поинтересовался у проводников, где, дескать, шеф. Те и сообщили ему. Он-то уж и врезал кондуктору, перед тем как сойти на следующей станции. Добрался попутками до Кушмуруна, явился в милицию «с повинной» — он, дескать, с проводниками дрался. А товарищ Печеневский был просто «выпивши», потому и не помнит ничего. Так-то он смирный. Пить вот только не умеет. Может, еще и научиться. Не совсем старый.

Печеневского освободили. Константин наказал, чтобы он тихо сидел в гостинице, доехав самостоятельно до стройки. Сам же сутки просидел в кутузке, до возвращения начальника милиции с охоты. Тот его и выпустил. Исин умел располагать людей к себе. Будь те хоть милиционерами.

Начальник милиции не сообщил куда следует о хулиганстве гражданина Исина. А останься сидеть Печеневский? Освободился бы суток через пятнадцать. Да и «телега» бы следом...

Воспоминания Николай Николаевич прервала жена.

— Домой-то собираешься?

— Задержусь, отчетность у меня, — кивнул на кипу бумаг на столе главный инженер.

Жена посмотрела на мужа с повышенным уважением.

Когда контора опустела, Коля-Коля позвонил Константину Исину. Сообщил, «органы» им интересовалось.

— Может, ты, Николай, путаешь что? — встревожился Исин.

— Может, — согласился Коля-Коля. — Мое дело проинформировать. Хотя и рискую. Помню, меня ты весной крепко выручил. Если шухер какой, я тебе не звонил. Понял?

— Конечно, спасибо, дорогой.

Три новосибирских таксопарка обслуживали учреждения города по талонам: первый, второй и четвертый. Лутц с Гриневичем объехали их за два часа. Илина по фотографии опознали два шофера. Оба из четвертого таксопарка.

Один из шоферов по фамилии Сысоев дал очень ценные показания. «В начале июля, жара стояла, — вспомнил шофер, — отвез его от электростанции до кафе «Веснушки». Пассажир, оставил солидный аванс, попросил подождать. Перешел проспект Карла Маркса и скрылся во дворе торгового института.

Вернулся минут через тридцать с девицей — высокой, коротко стриженной брюнеткой. Галиной зовут. Его — Константином. По их разговору запомнил.

Отвез парочку на Обское море. Время было обеденное, Константин рассчитался, попросил подыхать к шести.

После шести забрал их и отвез к кафе «Веснушки». Зашли ли они в кафе — не видел, высадив тут же уехал.

— Рассчитался как? — поинтересовался Лутц.

— Хорошо. На суточный план талонов отвалил. Сказано, дармовые...

Второй шофер, по фамилии Першин, забрал Илина так же от электростанции. Довез до кафе «Веснушки». Здесь Илин вышел, перешел проспект, скрылся во дворе. Вернулся через час с портфелем в сопровождении женщины. Ее шофер не запомнил.

— Баба, как баба. Ничего особенного.

— Красивая хоть? — спросил адвокат.

Шофер склонил голову, делая вид, что вспоминает.

— Будь София Лорен, запомнил бы. Жена, наверное, — предположил.

— А он как выглядел?

Шофер ответил с усмешкой:

— Как муж, уезжающий в командировку.

Першин отвез пассажиров до ресторана «Орбита», Ждал их там часа три. Из ресторана повез в аэропорт Толмачево. Он, видимо, улетел.

Женщину он доставил до кафе «Веснушки». Она с ним и рассчиталась. Талонами.

— Нормально хоть? — поинтересовался Гриневич.

— Экономно. Как большинство женщин. Да мне и не надо лишнего.

Исина по фотографии, изъятой из личного дела, узнала официантка «Веснушек». Заулыбалась:

— Да это же Костя! Ой, красавец!

Выяснилось, посещал Константин, кафе регулярно, в начале каждого месяца. С одной и той же. Похоже, женой. У них спрашивать не принято.

— Женщина с характером! — вспоминала официантка, — Костя как-то захотел на «посошок» сотку коньяка, прикрикнула: «Хватит, или оставайся, тут». Подобрали бы, конечно, не пропал бы, — заметила словоохотливая официантка, — мужик видный, денежный.

— Мой Славик, — вмешалась другая, — послал бы меня подальше и взял бы не сто, а двести.

Выяснилось, Костя почти всегда заказывал сухое вино «Каберне». Счета не проверял. Чаевые оставлял, нельзя сказать, «барские», но и не скупился.

Поиски Галины в районе кафе «Веснушки» результатов не принесли. Ни дворники, ни участковый, ни вахтер общежития торгового института, что напротив кафе, Исина по фотографии не опознали. Приметы же Галины были весьма общие. Подходили чуть ли не к каждой второй молодой, рослой женщине миллионного города.

XI

Ближе к вечеру 19 октября Леонид Альфредович сумел вырваться из «гостеприимных объятий» Олега Яковлевича. Пришлось присочинить: «Знакомую надо навестить...»

— Дело холостое, — неохотно согласился Олег, — а так бы славно посидели.

— Фу-у-у! — выдохнул Леонид. — Перебор с посиделками.

Надо побыть одному, поразмыслить, систематизировать полученную информацию.

Гриневич сам отвез Лутца в гостиницу. До этого у него обитал. Поговорил недолго с администратором за закрытыми дверями.

— Порядок, — доложил Леониду. — Люкс. Гражданок по «службе» можешь принимать круглые сутки.

И подмигнул заговорщицки:

— От восемнадцати и старше. За номер оплачено.

Номер оказался просторным. Прихожая вся в зеркалах, две комнаты, ванная и прочие излишества для неизбалованного Леонида Альфредовича.

Лутц взял минеральную воду на этаже, утолил жажду, что мучила с утра. Прилег на диван, закурил, расслабился. «Та-а-ак, — сказал привычно сам себе, — пока нормальный ход».

Стал сортировать и рассматривать добытые факты в разных ракурсах. Словно гальки перебирал на берегу Урала, выискивая ярко окрашенные, оригинальной формы.

Первое: Исин встречается с женщиной по имени Галина. Знакомы давно. Официантки, глаз у них наметанный, принимают их даже за мужа и жену.

Галина, скорее всего, та особа, что бомбила банк. Рослая, сильная, волевая.

Налетчица отличный стрелок. Умение стрелять, возможно, связано со спортом. Деньги, изъятые в банке, по всей видимости, у Галины. Живет она, или жила, недалеко от кафе «Веснушки». Предполагаемая профессия: инженер, врач, бухгалтер. Но ни как не педагог. Квелье они...

Второе: Исин догадывается — подозревают его в ограблении банка и следовательно может выйти на Галину. Должен бы позвонить ей, или дать условную телеграмму, сообщить о необходимости срочно покинуть Новосибирск. Вариант такой, видимо, у них предусмотрен. Куда может уехать Галина? Предположительно: Средняя Азия, Крым, Кавказ, Москва, Прибалтика.

Улик, чтобы скомандовать: «Руки на затылок, лицом к стенке!» ни против Исина, ни против Галины пока нет. Задача номер один по важности и очередности — вычислить Галину. Улики при ней. Деньги!

Исин мог звонить Галине, предположительно, из поселка строителей или из Гая. Междугородние переговоры платные, и в почтовых отделениях фиксируются.

Лутц заказал разговор с Эдуардом Бабасиным. Довольно быстро соединили.

— Эдуард, привет! Леонид это, — поздоровался следователь.

— Здравствуйте, Леонид Альфредович! Из Новосибирска, как сказала телефонистка?

— Да.

— Как там?

— Коньяк пью с друзьями. Когда выпадает свободное время, одной прекрасной незнакомкой интересуюсь.

— Как я понимаю — одно другому не мешает.

— Правильно понимаешь. Нужна твоя помощь.

— Всегда готов.

— Звонил ли наш общий знакомый, знаешь о ком?

— Догадываюсь.

— Так вот, звонил ли он сюда из поселка строителей или из Гая? Возможно, давал телеграмму. Не обязательно под своей фамилией. Новосибирского абонента зовут Галиной.

— Понял вас.

— Мой телефон в гостинице «Новосибирск» 43-48-31. Вопросы какие?

— Завтра я это. Сегодня уже поздно.

— Само собой. Как там начальство?

— Унылое.

— Ладно. Нам тоже пока веселиться не с чего. Звони. Обнимаю тебя.

Тепло стало на душе Эдуарда от крепнущей дружбы.

Междугородний телефонный разговор навел Лутца на мысль: не звонил ли вчера кто Исину из Новосибирского спецуправления после его отъезда. Это почти ни о чем не говорит. Служебные разговоры, по всей видимости, не так уж и редки. Маленький штрих в общей, пока очень короткой, линии следствия.

Позвонил Гриневичу. Попросил выяснить были ли звонки из «спецуправления» в поселок строителей.

Через десять минут Олег Яковлевич сообщил:

— Да, звонил главный инженер Печеневский. Уже после службы. Разговаривал три минуты.

— Мало говорил, но, видать, содержательно. И после работы. Без свидетелей, — прокомментировал Леонид Альфредович.

— Любой разговор, менее трех минут, считается за три. Разговор, скорее всего, был не производственный. О служебных делах принято подолгу болтать. Полагаю, была короткая информация: тобой, дескать, интересовались...

— Похоже, — согласился Леонид Альфредович.

— Завтра, Ленья, я нужен?

— Думаю, нет. До обеда — точно.

Олег дал координаты, где его искать после двух.

По сообщению таксиста Першина, Константин с Галиной посещали ресторан «Орбита». Леонид Альфредович справился у дежурной по этажу, где это. Оказалось через два квартала.

Лутц оделся, вышел на улицу, нашел нужную остановку автобуса. Подождав немного, решил пройтись.

Стоял легкий морозец, градусов пять-шесть. Улица пустовала. Трудовой люд закончил работу, и, заглянув в гастрономы, разбрелся по ячейкам многоэтажных «муравейников».

Предположительно, Галина снимает комнату у пожилой одинокой женщины. Почему не у родителей живет? Или в общежитии? Тогда бы Исин не мог оставаться у нее. В «Веснушках» Галина сказала ему: «Довольно, или оставайся здесь». Следовательно, ночевать брала к себе.

Леонид попробовал смоделировать обычный день Галины. Утро. Будильник. Зарядка. Душ. Завтрак. Бегом на работу. Толчея

автобусная. Проектный институт. Начало дня. Собрались все без опозданий. Мужики курят. Женщины: ля-ля-ля... О тряпках, о мужьях, о детях.

Галина не участвует. Мужа и детей нет, тряпки ее мало интересуют.

Сели за кульманы. Тихо. Мозги отдыхают. За всех коммунистическая партия думает и указывает направление куда надо идти. Шаг влево, шаг вправо — побег из системы. Никто не осмеливается. Да и ленься, тогда ведь самому надо думать и принимать решения.

На обед полпорции шей, два кусочка хлеба, котлета с рожками и подливом, сладкая бурда, имитирующая кофе.

Чем не жизнь! Зачем ее усложнять побегом из системы?

Можно замуж. Но, мужики, что на нее здесь пялиться, копеечные, не стоящие внимания.

Вот и ресторан. Буква «Р» на неоновой вывеске не горит. Реальная экономия электроэнергии.

Швейцар, судя по прямой спине, отставник. Лутц показал ему фотографию.

— Ну-ка, ну-ка, — взял он снимок.

Долго рассматривал изображение. Очки достал из пластмассового футлярчика. Видно было, признал. Вспоминает что-то, судя по недовольной физиономии, не особенно приятное. Лутц терпеливо ждал.

— Достукался, значит, — улыбнулся нехорошо «отставник», возвращая фотографию. — Я так понимаю, — посмотрел на Лутца оценивающе, — из органов вы...

— Угадали. Глаз у вас, однако... На вашу помощь рассчитываем.

— Он мне сразу не понравился, начал словоохотно, польщенный швейцар. — Одет прилично, баба с ним, а по натуре оказался — шпана! Натворил-то что?

— Тещу зарезал.

Швейцар раскрыл рот и молчал почти минуту, мобилизуя мысль.

— Ну, это, как сказать. Иная теща может того и заслуживает.

Тещу свою швейцар не любил.

— Вам-то он почему не понравился? Тем более, сразу.

— Попросил, значит, заказать такси. Я, значит, заказал. Телефончик у меня, диспетчер знакомый, иногда заглядывает сюда. Такси, значит, прибыло. Доложил по всей форме. Я человек военный, порядок люблю. Пусть, говорит, подождет, выйду минут через двадцать. Вышел, дамочка при нем, сели и укатили. Благодарность где?!

— Когда это случилось? — спросил Леонид Альфредович. Исин мог посетить ресторан в начале месяца.

— Так, октябрь, значит, сейчас. Сентябрь... август... В начале августа. Точно, в начале августа. Можете не сомневаться, на память не жалуюсь...

— Помните, за каким столом сидел?

— Ну, а как же. Возле окна, рядом с оркестром. Он и попросил-то подождать, потому что с Сергеем, ударником, в шахматы, значит.

— Играл?! — удивился Леонид Альфредович.

— Да. В шахматы. На интерес, значит.

— Это как?

— Кто проиграет — бутылку ставит. Или деньгами. Сергей выпивкой не увлекается. Деньгами берет. Шахматист — равных нет. Свой с ним не садятся.

Леонид Альфредович подумал было — фантазирует швейцар или путает с кем Исина.

— Вы еще посмотрите. Повнимательнее, — протянул опять фотографию. — Он?

— А что смотреть? Натурально, значит. У меня хорошая память. Особенно на лица. Работа такая.

— Женщина, сказали, с ним, ее вы тоже запомнили?

— Ее не совсем. На него, падлеца, смотрел. Думал, отблагодарит.

— Спутница его, небольшая росточком... Да?

— Наоборот. Очень даже. По его комплекции, значит.

Лутц щедро отблагодарил «отставника». Можно сказать, и за Исина рассчитался.

Столик возле окна, рядом с эстрадой, свободный. Оркестрантов на помосте нет, но инструменты лежат на стульях. Подошла официантка. Леонид Альфредович заказал ужин. Зная неуважительное отношение ресторанной obsługi к непьющим, спросил бутылку сухого вина.

Появились музыканты. Поговорили вполголоса, обозревая зал, как бы прикидывая, начать концерт или подождать, пока публика «созреет» для восприятия музыки. Решили — да. Маэстро подал сигнал. Тревожно вступил барабан, пронзительно отозвалась труба, жалобно застонал саксофон, зарыдала скрипка. Постепенно звуки сладились, полилась «цветастая» восточная мелодия: дул жаркий «сирокко», по пустыне устало шагал караван. Глухо, соразмерно шагу верблюдов, ударили литавры: бом... бом... бом... И не видно края пустыни, и нет конца пути.

После «верблюдов» вышла на подиум упитанная певица. Белотелая, легкомысленно одетая. Спела про Мишку, кото-

рый совершает нелепую ошибку из-за отсутствия чувства юмора — обижается на хорошую женщину и уходит от нее. Очень современно!

Жидко пооплодировали. Певица не обиделась и с поддельным энтузиазмом, пританцовывая, спела еще пару песен на ботанические темы — ромашки, ландыши...

По заказу бригады лесорубов оркестр показал — на что способен. Музыка было тесно. Она рвалась на таежные просторы: «Э-ге-гей, привыкли руки к топорам!»

Музыканты ушли отдыхать. К столу Лутца подошел ударник.

— Не возражаете, сударь? — спросил мягко.

— Окажите честь, — улыбнулся Лутц, как старому знакомому.

Барабанщик сел. Официантка тут же подала ему бутылку «Боржоми».

— Может, вина? — предложил Леонид Альфредович.

Барабанщик взял со стола бутылку, покрутил, прочитал название на этикетке.

— Спасибо! От сухого не откажусь.

Лутц налил по полному фужеру, себе и ему.

— За знакомство! — поднял свой бокал. — Меня Леонидом звать.

— Сергей, — представился барабанщик.

Выпили. Закусили маслинами.

— Шахматishками не увлекаетесь? — спросил Сергей.

— Так, немного, — поскромничал Леонид Альфредович.

Играл он хорошо. Школьником на олимпиадах бывал.

Сергей сходил за шахматами.

— Давайте под интерес, — предложил.

— Можно, — согласился Леонид Альфредович.

Разыграли пешки. Сергею выпали белые. Ими он и выиграл.

— Мой приятель, — заметил Лутц, — непременно бы вас оставил...

— Приглашайте, — улыбнулся Сергей, — вино за мой счет!

Закончилась пауза у оркестра. Музыканты вышли повеселившиеся. И музыка была сообразной. Озорной.

Когда Сергей вернулся к столу, на шахматной доске лежала фотография Константина Исина. Сергей взял ее, стал рассматривать.

— Узнаете?

— Ваш приятель шахматист.

Сергей догадался — следовательно его вином угошал.

— Если что интересует — спрашивайте. Не проигрывая мне специально.

— Зачем же, — смутился Леонид, — натурально проиграл. — Кивнул на снимок: — Знакомы?

— Встречались всего лишь раз. За этим столом. Играет он неплохо. И человек приятный.

— Интересует меня женщина, что была с ним. Как она выглядела, о чем говорила.

— Немка?

— Почему немка?

— С Эльзой, официанткой, на немецком разговаривала.

— Сегодня работает?

— Вас и обслуживает.

Подошла официантка. Сергей деликатно удалился.

Лутц показал Эльзе фотографию.

— Простите за неуместный обстановке вопрос: вам знаком этот человек?

Эльза взглянула мельком. Истина она тут же признала. Вспомнила и его спутницу, очень образованную женщину. Но Эльза никогда не встревала в чужие дела. Мать, репрессированная и высланная перед войной с Поволжья, так воспитала.

— Нет. Не знаком, — поспешно ответила официантка, отведя взгляд. Врать она не умела.

— Да вы, Эльза, посмотрите повнимательнее. Какой красавец! А?

— Не припомню. Много народу тут бывает. Приходят, уходят... Да и замужем я, на клиентов не плююсь.

— В начале августа он посетил ваш ресторан, сидел за этим столом. Вы и обслуживали, Сергей играл с ним в шахматы.

— Очень возможно. Выходит, не запомнила. Извините.

В ее голосе чувствовалась фальшь.

— Может, вы женщину помните. Что с ним была. Рослая такая. Брюнетка, коротко стриженная? — спросил Лутц, ни на миг не спуская глаз с официантки.

— Тоже нет, — сказала Эльза неуверенно.

Взгляд ее беспорядочно блуждал по залу.

Врала она совершенно бездарно. Лутц это с первой фразы уловил. Но не давил. Не тот случай.

— Вы с ней еще на немецком говорили. Не часто, наверное, доводится с посетителями на немецком-то общаться?

Дальнейшее притворство вызвало бы подозрение у следователя. А что перед ней следователь Эльза уже не сомневалась. Скрывать-то ей нечего!

— Постойте-ка, — стала «припоминать» официантка. Галиной, кажется, ее зовут?

— Да, да, — обрадовался, или сделал вид, Леонид Альфредович. — Именно Галиной.

— У вас и ее фотография? — дипломатично «сдавала» позиции Эльза.

— Фотографии, к сожалению, нет. Вспомните, пожалуйста, о чем говорили. Пусть даже о пустяках.

— Можно сказать, ни о чем. Муж ее играл с Сергеем в шахматы. А она решила поупражняться. Галина же не немка.

— Не немка?!

— Русская. Учительница. Немецкий преподает. Не то в институте, не то в техникуме.

— Может, в школе?

— Нет. Или в институте, или в техникуме. Она сказала в «учебном заведении», иначе сказала бы «в школе».

— О чем же вы, Эльза, беседовали?

— Она меня спрашивала, я отвечала. Нечто вроде игры. Сочиняла все...

— Так же, как мне вначале? — улыбнулся Лутц.

— Извините...

— А про себя она рассказывала?

— Сказала только, что преподает.

— Хорошо она говорит на немецком?

— Да. Прилично. Для преподавателя очень даже. Знает и английский. Спрашивала меня, владею ли я английским.

— И как?

— Конечно, нет. Немецкому-то бабушка научила.

— Спасибо! — поблагодарил Леонид.

— Знакомая ваша, — поинтересовалась Эльза. — Или как?

— Сестра родная. Потеряли друг друга еще детьми. Детдомовские мы. Разыскиваю вот...

Эльза не поверила. Да и не ее это дело...

Леонид, в следующий перерыв оркестра, сыграл еще партию с Сергеем. На этот раз выиграл. Были квиты. Никто никому не должен.

Утром 20 октября Лутц ждал звонка Эдуарда Бабасина. Знал его пунктуальность. Лейтенант позвонил около одиннадцати. После приветствий и добрых пожеланий заговорщицки сообщил:

— Накопал кое-что...

Замолчал.

— Не томи, Эдик!

— Телеграмма из Орска. Отсюда и звоню. Здесь всего одно почтовое отделение. Очень удобно для милиции...

— Как же ты, дьявол, догадался?!

— Тут по делу. Проезжал около почты, дай, думаю, на всякий случай...

— Туза на середину!

— Телеграмма срочная. Послана одиннадцатого на Новосибирский главпочтамт Чумаковой Галине. Содержание следующее: «Возможно приедет дядя. Совершенно не информирован. Денег ему не давай. Целую, Костя». Адрес и фамилия отправителя: Орск, проездом, Исламов. Обратите внимание на фамилию, похоже на Исына. Я уточнил у приемщицы, он был.

— Шикарная информация! С меня причитается! — восхитился Леонид Альфредович.

— Полагаю, да. Ни из поселка строителей, ни из Гая после девятого октября телеграммы, интересующие вас, не подавались. Разговоров по межгороду тоже не было.

Тепло попрощались.

Галина Чумакова в Новосибирске! Довольно таки редкая фамилия, не сложно будет установить домашний адрес. Но, что дальше? Арестовать ее Лутц не может — не при должности, да и нет серьезных улик. Обыскивать квартиру Чумаковой — незаконно, и нет смысла. Галина после телеграммы ждет «дядю» и деньги давно перепрятала. Надо выявить ее друзей, знакомых и вычислить, у кого она может хранить миллионы.

Лутц уже предполагал, где искать Чумакову — торговый институт, где она преподает немецкий. Общежитие института напротив кафе «Веснушки». Из этого района Исин забирал Галину дважды. Сюда она вернулась, проводив Константина.

Галина Чумакова, будучи педагогом, могла занимать отдельную комнату в студенческом общежитии. Исин останавливался у нее, одаривая дежурную. Не так-то часто и бывал...

Надо подключить Олега Яковлевича. Он найдет способ выйти на директора института, не вызывая подозрений. Чумакова и знать не будет.

Главное — деньги. Будут найдены деньги, будет и доказательство. Галину «кавалерийским» наскоком не возьмешь. Не та она женщина. Способна на крайности! До телеграммы, вероятнее всего, Чумакова хранила деньги дома. После сигнала тревоги, конечно же, перепрятала. И, наверное, периодически навещает свой «остров сокровищ». Такова уж психология новоявленных миллионеров.

Тихо, без спешки понаблюдать. Ни в коем случае не хватать, не давить, не брать «на испуг». Замкнется. Со дня налета прошло достаточно времени. Чумакова успокоилась и, на всякий случай, подготовилась к разговору с «органами». Продумала версию отсутствия на службе восьмого, девятого и десятого октября. Боледа, к примеру. Поликлинику не посещала...

Перед обедом позвонил Гриневич:

— Мероприятие! На берегу Оби, в загородном доме писателей.

Пришлось согласиться.

После застолья мимо пустующих дач пошли на берег Оби. На реке пыхтело несколько чумазных судов, перевозивших последние перед ледоставом грузы. Зябли на сквозняке голые деревья. На север, против ветра, упорно летела одинокая чайка. Совершенно не соответствовали скучному, осеннему пейзажу большие белые облака, теснившиеся на голубом небе.

Лутц сообщил о последних новостях. Гриневич бросил восторженный взгляд на детектива.

— Молодцом. Я бы не сообразил. И оперативно!

Поиски Галины решили начать с торгового института. Гриневич позвонил ректору:

— Строго конфиденциально! Комиссию ждите...

— Откуда? — встревожился ректор.

— Не по телефону, — сурово сказал Гриневич.

Ректор института был одновременно заинтригован и встревожен предстоящей проверкой. Всякие комиссии принимал, а тут неизвестно откуда...

Сам чист, как после бани! По партийной линии ни единого выговора! А что комнатка отдельная в студенческой столовой, и в довесок к комплексному обеду рюмка водки и бутерброд с икрой — так это сущий пустяк. Такая мелочь не должна бы интересовать серьезную комиссию.

Ректор собрал педсовет. С наигранно-невозмутимым выражением лица сообщил коллективу:

— Наше родное министерство, по сравнению с предстоящей проверкой — детский сад.

Объявили аврал. Мыли окна, скребли полы, сметали с люстр паутину. Преподавательницы побежали прически и маникюры наводить. Шеф-повар институтской столовой, с перепугу, бабахнул в общий котел полтуши «сэкономленной» телятины. Студенты от непривычно наваристого борща были в восторге. Двоечников, к их удовольствию, на неделю освободили от занятий.

Но «комиссия», к огорчению коллектива, не заметила ни отсутствия двоечников, ни прически преподавательниц, ни чистоты, ни наваристого борща. От него она вообще отказалась. Ректора удивил интерес «товарищей» не к заслуженным педагогам, а к какой-то Чумаковой, проработавшей то в институте всего ничего.

— Так она, постойте-ка, — запнулся ректор, вспоминая занозистую Галину Семеновну. — Так она уже и уволилась.

— Как?! — привстал со своего места Леонид Лутц. — Когда?

— В начале месяца, кажется.

Вызвали Орлова, начальника отдела кадров. Тот был лыс и бледен.

— Э-э-э... С первого октября, текущего года. По собственному желанию, э-э-э, — заблеял кадровик.

Когда-то его сильно ударило электрическим током. Мысли после электрошока стали опережать речь. Потому и блеял, заполняя паузы. Мог бы и молчать, но любил поговорить, как многие люди с дефектом речи.

Выдав информацию, кадровик начал розоветь. Он-то, когда вызвали, думал, им интересуются. Дипломами приторговывал. Фу-у, ты... Цирк, да и только!

Попросили личное дело Чумаковой.

— Исчезло, э-э-э, — побледнел повторно кадровик. — Она как-то сумела выкрасть. Шпионки, они все могут. Э-э-э...

— Откуда вы взяли, что она шпионка? — строго спросил Гриневич.

— Так вот, — развел руки начальник кадров. — Интуиция, э-э-э. Не первый год с кадрами работаю ... Э-э-э.

На самом деле Чумакова при увольнении попросила у него личное дело. Зачем оно институту?

— Не положено! — ответил тогда кадровик. — Инструкция, э-э-э.

Положение изменила бутылка виски «Клуб 99».

— Ну как общее впечатление об учебном заведении? — семенил ректор за «комиссией», когда та покидала институт.

— Отвратительное! — бросил Гриневич. — Молодых специалистов увольняете.

— Так она после института отработала положенное. Статья КЗОТа... точно не помню, какая... Если надо, буду впредь требовать вашей визы... Госбезопасность! Не ошибаюсь?

— Хуже, — буркнул Гриневич.

— Претензий, вообще-то, нет, — прощаясь, успокоил ректора Леонид Альфредович.

Он намеревался побывать здесь повторно. Уже не «официально».

Поиск Галины в Новосибирске закончен. Искать теперь придется по всему Союзу. И начинать надо с выявления здешних связей.

Лутц понимал, Константин Исин не ожидал от Чумаковой предательства. Иначе не остерегал бы ее телеграммой 11-го октября. После налета на банк Галина не вернулась в

Новосибирск — мосты были сожжены, Константин из жизни вычеркнут, словно его и не было. Все логично. Кинула в классическом стиле. Иначе бы уже прокололась.

XII

Суровую и запутанную жизнь предначертала судьба Игорю Савицкому. Хотя по-своему она любила его, и хранила от фатальных крайностей.

Четырнадцатого октября, в день встречи с Галиной Чумаковой, ему исполнилось полста, из которых долгих шестнадцать он видел небо «в клеточку». Первый срок мотал за изготовление фальшивых долларов. Гордился работой — некоторые его купюры в самой Америке «гуляют»! Гордился Савицкий и своей строительной профессией. Если коммунизм представлять схематично (по Ленину), как симбиоз Советской власти с электрификацией, Савицкий, по первой ходке, его активно строил — возводил на Иртыше Бухтарминскую гидроэлектростанцию за тремя рядами колючей проволоки. Временами в экстремальных условиях, как в той песне из уголовной лирики: «То дождь, то снег, то мошкара над нами...»

Второй и третий срок он мотал в относительно комфортных условиях, за увлечение прикладным искусством — изготовление поддельных документов. От пустяшных паспортов до удостоверений Героя Социалистического Труда. Их заказывали выходцы с юга, торгующие на московских рынках дарами природы. Документы получались качественные, не отличишь от подленных!

После последнего срока — завязал, жил скучно, малевал афиши для кинотеатров, восхищая эстетов выразительностью графики.

Изредка выправлял ксивы корешам, с кем когда-то делил пайку хлеба на зоне. Денег не брал.

Одного из них, случилось, загребли. Отметили качество работы документа. Вышли на Савицкого. И вместо Бутырки, неожиданное предложение — должность младшего научного сотрудника в закрытом учреждении. Зарплата сносная, работа не пыльная, в белом халате... Согласился. Да ведь и деваться-то некуда, или сюда, или на нары.

Проработал пять лет. Привык уже. А тут кампания по ведомству — экономия фонда заработной платы. Сокращали беспартийных. А какой же из него партиец?..

С Игоря Савицкого взяли подписку о неразглашении и обязали информировать, если будут «левые» заказы.

— Так ведь... — начал было Савицкий.
На что майор, с умными глазами, махнул рукой:
— Да ладно вам....
Игорь Савицкий стал опять малевать афиши.

Галина приехала на встречу с «художником» раньше назначенного часа. Прогуливалась напротив Дома литераторов, лениво рассматривая вывески. Вспомнила Костю. Взгрустнула. Поди, уж на полном государственном обеспечении. И печально улыбнулась: «Как член правительства...»

— Ку-ку! — окликнула Чумакову Валя. — Изучаем достопримечательности столицы?

— Привет! — поздоровалась Галина. И посмотрела на Валентину вопрошающе. Та кивком показала на противоположную сторону улицы, где стоял невысокого роста человек, экстравагантно одетый. Удивительно располагающее лицо обладателя экзотического наряда украшала аккуратно подстриженная борода.

Девушки перешли оживленную улицу.

— Знакомьтесь, — скупой улыбнулась Валентина.

— Варя, — жеманно улыбнулась Галина, протягивая руку для поцелуя.

— Игорь Савицкий, художник.

Удивительно располагающее лицо художника тронула улыбка.

— Варя, как я понимаю, ваше новое имя?

— Да, — не стала лукавить Галина.

— Прекрасное имя! Поздравляю. Кстати, о поздравлениях, у меня сегодня, так сказать, юбилей. Прошу, — поднял Игорь Александрович театрально руки, простирая их в сторону писательского ресторана.

Кого попало сюда не пускали. Игорь предъявил швейцару удостоверение члена Союза художников, изготовленное самолично.

Зашли, заняли столик.

Алексей Шарыгин, обслуживающий юбиляра и его девушек, состоял нештатным осведомителем госбезопасности. За писателями глаз да глаз! Официант довольствовался мелкими подачками, в основном-то его тешила сопричастность к органам, личностью себя мнил. Когда малознакомые люди интересовались его профессией, многозначительно замечал: «У нас в системе не принято афишировать...» Знакомые же знали, что он трепло.

Последнее время «масть» не шла. Пили писатели как всегда много, но болтали о чепухе: «Издают, кого попало, таланты

затирают...» Пробовал стукач добавлять в водку чистый медицинский спирт. Клиент, хмелея, вместо того, чтобы ругать правительство, начинал его хвалить: «Порядки наконец-то навели — водку стали выпускать качественную». А Шарыгину это надо, за его же деньги?!

Для затравки пробовал сам анекдоты про членов правительства подбрасывать, на «живца» ловить. Так один бездарный поэт замечание сделал: «Ты Леньку не тронь, наш он, член союза...»

Сегодня у официанта было особенно плохое настроение. С соседкой по коммуналке поцапался. Та на кухне сковородкой замахнулась, вообще за личность не держала. Тут на службе из шкафчика кто-то из своих бутылку «Петровской» водки спер. Крепленную спиртом! И с печенью нелады...

Савицкий официанту сразу не понравился. Лох лохом, а гляди каких баб закадрил. Ему сморчку одной-то много, так нет, двух привел. Однако, принимая заказ, согнал хмарь с лица и натянул поношенную улыбку.

— Доброе утро, дорогие гости, удачного вам дня! — поклонился низко. Отчего что-то стрельнуло в пояснице и болью отозвалось в ногах.

Сказав себе: «Я вам это еще припомню», — почувствовал некоторое облегчение. Подправил сползающую с лица улыбку.

— Что будем пить, чем закусывать? — осведомился благоговейно.

— Водки большой графин, сосиски и соленных огурцов, — сказал Савицкий, и, многозначительно посмотрев на девушек, лукаво улыбнулся.

Официант торопливо записав заказ, перевел недоуменный взгляд с блокнота на Савицкого.

— Так, так, так... Могу предложить осетрину...

— Добавить ничего не имею, — расставил слова художник.

— Будет исполнено. К общему удовольствию! Хе-хе...

Официант развернулся было бежать за «общим удовольствием», Савицкий остановил его.

— Ты что же, братец, работаешь в творческом ресторане, а классику не читаешь? Ильфа с Петровым. Это у них там...

Официант сладко улыбнулся своим мыслям: «Вот бы кого расколоть... Классика вонючего». И записав изысканный заказ, спросил:

— На десерт что?

— Дикси, — слегка поднял брови Савицкий.

— Виски, вы хотели сказать? — поправил официант. — Не слышался, нет? Есть в заначке, шотландский!

— Дикси означает: «Я сказал все!»

Официант сконфуженно заморгал. «Парашу, видать, в камере нюхал, — подумал, — по фене ботает».

— Будет исполнено! — сказал, сдерживая раздражение. Умник нашелся.

— Угодишь, пятерик на чай.

Компания пила, закусывала, не проявляя веселья. Веселиться — уметь надо.

Официант, выждав часок, посчитал — «дики» уже созрел для неформального общения. Подавая осетрину, встрял в разговор гостей:

— Хе-хе! — растянул губы. — Вчера тут один, длинноволосый, из молодых поэтов... Весельчак, хе-хе, анекдотик травил: «Просыпается, значит, генсек наш в дурдоме...»

— Пошел бы ты со своим генсеком, знаешь куда?

— Любопытно, куда? — насторожился официант, как сторожевой пес, услышавший подозрительный отзвук.

Савицкий и сказал куда, открытым текстом. Благо девушки в это время в уборную отлучились.

Это уже кое-что! — обрадовался стукач. — Меня-то послал — ладно, стерплю. А самого генсека? Да куда! Это уж политическая статья...

Побежал к автомату, набрал нужный номер телефона и передал шепотом шифровку:

— 14 22 03 01 57.

Продолжил громко, для маскировки:

— Машенька, задержусь сегодня. Никого не пускай, хе-хе!

Шутка вроде.

Шифровка означала: «Призыв к насильственному свержению строя!»

Капитан госбезопасности Пичугин, кому принесли шифровку, прокомментировал про себя: «Ну, м...к, если и на этот раз проколешься, мало не покажется!»

Занарядил в писательский ресторан молодого сотрудника Кирилла Ларкина, снабдив подслушивающей аппаратурой.

Через полчаса агент вошел в ресторан через служебный вход, предъявив удостоверение.

— Ну, что там? — поинтересовался у официанта.

— Натуральная пропаганда против строя! Вы знаете, кого он публично послал? Самого!

Ларкин достал из спортивной сумки букет искусственных роз.

— Дайте вазочку под это, — попросил. — Микрофон здесь.

Официант принес вазу. Агент сунул цветы, поправил один из бутонов, отчего букет стал привлекательнее.

— Поставьте им на стол. Все. Идите. И никаких больше провокаций. Пусть болтают.

Агент извлек из той же сумки портативный приемник с записывающим устройством, стал настраивать аппаратуру.

Официант подал горячее — говядину с овощами и грибами, в горшочках. За столом тем временем назрел деловой разговор.

— Варя, фамилия Савицкая вам нравится? — мягко улыбнулся Игорь Александрович.

— Еврейская. Не знаю, подойдет ли к моей славянской наружности?

— Совсем не обязательно. Вышли, скажем, замуж за еврея. Сменили паспорт. Прописались. В документе будут подлинные штампы.

— Я подумаю, Игорь. Сколько это стоит? — спросила Галина, собираясь поторговаться, скрыть наличие больших денег. А то, кто его знает...

Савицкий сделал глубокий вдох, как бы подавляя зевоту.

— Такса одна — две штуки за комплект документов.

— Тысяча, — назвала свою цифру Галина. — Военный билет мне не нужен, трудовая книжка — тоже.

— Хорошо, — согласился Игорь Александрович.

Не приглашая дам опрокинул стопку, и продолжил:

— Надо будет фотографию — раз, желаемые паспортные данные — два. А еще — ваш старый паспорт.

— Его нет, — соврала Галина.

— Хорошо, Варя. Обойдемся. Выправлю документ, поженимся. Фиктивно. Пропишу у себя. Документ будет высший сорт!

— Потом разведетесь, — стала ревниво комментировать Валя.

— Разменяет она твою двухкомнатную на однокомнатную и коммуналку. Тебе, достанется коммуналка...

— Ты бы помолчала, детка? — больно пнула ее Чумакова под столом.

Валя обиделась. Кушали молча.

Появился официант.

— Счет неси! — приказал Савицкий.

Агент стал поспешно собирать аппаратуру. Он уже определил, за кем надо следить. За Варей. Ей зачем-то нужен фальшивый паспорт.

Выйдя из ресторана, компания распалась. Галина пошла в сторону проспекта Энтузиастов, Савицкий к станции метро, Валя зашла в аптеку, что рядом с рестораном.

Ларкин последовал за Чумаковой. По инструкции наблюдатель должен следовать за объектом находясь на расстоянии 30 — 40 шагов. Когда объект приближается к перекрестку, сокращать разрыв до 20 шагов. Сегодня у него первая самостоятельная работа! Профессия чекиста ему нравилась.

Галина зашла в один магазин, в другой, купила суши пустяки. Поехала двадцать пятым автобусом на Комсомольскую площадь. Из камеры хранения Ленинградского вокзала забрала багаж — чемоданчик средних размеров. Зашла в туалетную комнату. Пробыла там минут десять. После чего проследовала по подземному переходу на Ярославский вокзал. Сдала багаж на хранение. И тут агент в толчее потерял объект. Засуетился. Туда рванулся, сюда — нет девицы. Растерялся, что дальше-то делать? Шнырять по вокзалу — вряд ли ее найдешь. Позвонить шефу, подумал, доложить: «Дескать, противник оказался достойным. Заметил слежку, оторвался. Вещички в камере хранения, под наблюдением. Надо оформить документ на изъятие».

Собрался было уж искать телефон-автомат, но засомневался, очень даже возможно, «объект» следит за ним. Он к телефону, она за чемоданом. Минутное дело! И тогда исчезнет все. Кроме магнитофонной записи. А что она даст? Да ничего, кроме пьяной болтовни.

Надо багаж потрясти, — решил, — может, оружие там, или еще что... Тогда уж и докладывать. Так, мол, и так, накрыл! Имеются ценные вещественные доказательства.

Агент подошел к окну камеры хранения. Народу не было, приемщик Михеич сидел на табурете, читал «Аргументы и факты» за прошлую неделю.

— И что там интересенького пишут? — голосом скучающего от безделья пассажира спросил агент.

— Всякое, — ответил приемщик, не подымая головы. — Забираете или сдаете? Перерыв у меня скоро.

— Это хорошо, — обрадовался агент.

Приемщик поднял голову, обозрел подозрительного типа.

— Тебе что?!

— Дельце одно. Деликатное. Скажу, когда закроете.

Приемщик встал, тревожно посмотрел по сторонам, как бы ища защиты.

— Да вы не волнуйтесь, — сказал агент негромко. — Вот документ, — развернул удостоверение. — У нас не принято говорить, чем занимаемся...

У приемщика подогнулись ноги. Он, когда с большого бодуна, «тряс» чемоданы. Изымал суши пустяки, эквивалентные бутылке портвейна.

— Докажите! — прошептал. — Не имеете права...

Агент недоуменно уставился на приемщика, и, сообразив, рассмеялся.

— Имеем мы право, папаша. Но не вы меня интересуете, а чемоданчик один.

— Чемоданчик, — стал отходить приемщик. — Чемоданчик, говорите. Так бы сразу и сказали. Да тут их вон сколько!

— Конкретный меня интересует. Надо взглянуть, что там.

— Это можно. Проходите.

Приемщик, впустив агента, закрыл окно.

Чемодан оказался запертым.

— Это мы сейчас, — засуетился приемщик — Это нам иногда доводится. Клиенты ключи теряют. Дорога, сами понимаете. И просят...

Кладовщик загнул конец булавки, пошуровал им в замке.

— Во-от, — засопел, высунув от усердия язык. — Во-от. Вот и все.

Агент поднял крышку чемодана, увидев пачки денег, присвистнул:

— Фю-ю!

Глаза приемщика округлились, из разинутого рта выпала вставная челюсть, надпочечники впрыснули в кровь большую дозу адреналина, отчего организм встал на дыбы и потребовал бурную деятельность.

ХІІІ

Двадцать второго октября, на другой день после «комиссии», начальник отдела кадров торгового института встретил Лутца как старого знакомого.

— Э-э-э, — проблеял восторженно, — ждал вас, ждал. А как же... Глаз — алмаз!

Орлову очень хотелось помочь симпатичному следователю, которого интересует Чумакова, а не он сам. Что визитер — следователь, он не сомневался. Да вот как помочь? Та кругом положительная. С мужиками, что окружали ее по работе, шашни не водила, с бабами не скандалила, студенты ее обожали, на равных с ними, спортом занималась. Хотя это и не серьезное занятие для преподавателя, но вряд ли является компроматом. О чем и сообщил Орлов следователю.

— Каким видом? — поинтересовался Леонид Альфредович, когда о спорте кадровик упомянул.

— Бегом, э-э-э... Мастер международный. Еще с института. Призы и прочие, э-э-э... Медали.

— Стрельбой не занималась?

— Стрельбой? Э-э-э... — недоуменно переспросил Орлов и задумался. — Э-э-э... Сейчас узнаем.

Позвонил на кафедру физкультуры.

— Да, — подтвердил после короткого телефонного разговора, — занималась последнее время. И успешно. Из пневматического пистолета стреляла. Кандидат в мастера!

Пообщался Лутц и с преподавателями. Дружбы особой Галина ни с кем не водила. Никаких «бабьих» увлечений. Разве что во всем старалась быть первой. И это ей удавалось.

— А зачем она вам? — поинтересовалась заведующая кафедрой иностранных языков.

— Наследство. Из Канады. Дядька ее там. Иван Чумаков, на сто первом году жизни скоропостижно скончался.

— И много оставил?

— Порядочно. Экономным был. Трать он часть капитала на лекарства, еще бы лет десять прожил.

Все заулыбались. Шутки на кафедре иностранных языков понимали.

Больше повезло в тот день Леониду Альфредовичу в общежитии торгового института. Дежурила тетя Поля, а она-то уж знала все и обо всех. Иси́на сразу признала по снимку.

— А-а-а, Костик! — заулыбалась, словно ей показали фотографию единственного родного сына полярника, который годами дрейфует на льдинах. — Как же, как же не знать! Знаем, соколика. Очень уважительный, культурный жентельмен. Всегда наглаженный, всегда при галстукe, обувь чистая. Жентельмен, одним словом. С гостинцами, когда приезжает. То рыбка вяленая, то апельсины.

— К кому приезжал-то? — спросил Лутц, направляя бурный словесный поток тети Поли в нужное русло.

— Как к кому? Не то вы не знаете. К Галине из тридцать седьмой комнаты. Она, верно, недавно съехала. Уволилась, говорят. А так женщина самостоятельная. Кого попало — не водила. Да что и говорить, кроме Кости, никого у ей и не было. Уж, я-то знаю. На то и приставлена сюда.

— И как они? Ладили?

Тетя Поля растянула губы в подобии улыбки, свою молодость вспомнила...

— Худого не скажу. Хотя характер у ей — порох! Чистый порох. Бывало и вспылит. Однажды, помнится, Константин-то выпивший приехал. Так она на него-о-о... — покачала седой головой тетя Поля. — Духа твоего, кричала, чтобы больше здесь не было! Так бедолага вот на этом диване, на котором вы сидите, и ночевал. Утром помирились. За такого мужика держаться надо. Жентельмен! Понимала она, умом-то. Но характер. Куда от него денешься, от характера-то. Это все равно что волосы, сколько не крась, а с корня свой цвет.

— Конфликт тот, когда он?

— Шас... Шас... Вспомню. Так... Да с полгода как, весной. После майских праздников... Точно после майских! Костя мне тогда платок подарил. Оренбургский! Уважительный человек.

Леонид осмотрел бывшую комнату Чумаковой.

Ничего примечательного. Вытянутая, шириной метра три, комната заканчивалась большим, почти на всю ширину помещения окном на проспект Карла Маркса. В окно, если посмотреть вправо, видно кафе «Веснушки». Кровать, стол, два стула. Удобства в конце коридора. И никаких тайников. Да и не нужны они. Чумакова не возвращалась сюда с деньгами.

— Вещички может какие остались, бумаги там, книги? — поинтересовался следователь перед уходом.

— Все раздала, — сообщила тетя Поля. — Все, как есть. Уборщицам, студенткам.

Вечером двадцать третьего октября Гриневич проводил друга. С почестями. Оркестра только разве что не хватало... Лутц поездом собирался было. Ради экономии. Так нет, Олег Яковлевич его самолетом отправил. Да еще позаботился, чтобы в Челябинске встретили и посадили на поезд до Оренбурга. Лутц заговорил было о деньгах, затраты Гриневича компенсировать. Тот только рукой махнул:

— Оставь. Это не серьезно.

Уже дома, распаковав большой пакет, что вручил Олег на дорожку, Лутц обнаружил приличный запас напитков и закусок. «Живут же люди, — подумал Лутц. — Да-а, умеют...»

Утром, в субботу, **двадцать пятого октября** бывший следователь прокуратуры Леонид Лутц собрался было ехать на стройку, «колоть» Константина Исина, а тут — звонок. Сам областной прокурор Бутырин звонит. Напрямую, минуя секретаршу.

— Надо посоветоваться, Леонид Альфредович, — сказал не свойственно мягко. — К десяти тридцати вам удобно?

И добавил:

— С приездом, вас!

— Суббота сегодня, Павел Максимович, — напомнил Леонид Альфредович, недовольно. План срывается.

— Вот и прекрасно. Отвлекать не будут. Разговор серьезный.

Павел Максимович Бутырин был в меру сообразителен. Понимал, польза от Лутца немалая, если умело управлять его энергией. Сейчас же детектив, со своей «самодетельностью», опасен, может нанести урон его авторитету.

Прокурор уже отпрапортовал, и наверх — генпрокурору, и в обком — первому секретарю, что расследование по ограблению Гайского банка успешно и в короткий срок завершено.

Похвалили там и там. И вдруг окажется, что все это туфта! Тем более — человек погиб в сизо. Скандал, оргвыводы, партбилет на стол. А он у него — кормилец, один. Узнав о возвращении Лутца из Новосибирска, решил подкупить его должностью. И человек толковый, и будет обязан.

— Здра-авствуйте Леонид Альфредович, — поздоровалась секретарша прокурора, по-московски «акая» и растягивая слова.

— Минуточку, доложу о вас.

Секретарша скрылась за массивной дверью кабинета. Скоро оттуда вышли двое мужчин. Один высокий с вытянутым лицом и шрамом под правым глазом, другой малорослый, с «девичьим» лицом. Оба коротко стрижены. Высокий внимательно посмотрел на Лутца, как бы стараясь запомнить. У Лутца была хорошая память на лица, раньше он их не видел. За мужчинами вышла и секретарша.

— Проходите!

— Прошу, Леонид Альфредович, прошу! — встал прокурор и вышел из-за стола. На лице тупая важность. — Уже и соскучились. Вот тут садитесь, удобно будет, — пододвинул стул к своему столу и неспешно занял номенклатурное кресло.

— Слыхал, в Сибирь ездили, отдыхать или как? — спросил, по привычке, как на допросе, отчеканивая каждое слово.

Внимательно посмотрел на свои отполированные и покрытые бесцветным лаком ногти, потер их о лацкан пиджака.

— Довелось, — неопределенно ответил бывший следователь.

— Отдохнули, товарищ полковник, и за работу. Соображение есть...

Лутц непроизвольно дернулся, уж не стоит ли кто за спиной. Где он, полковник-то?

Прокурор остался довольным произведенным эффектом.

— К вам обращаюсь, Леонид Альфредович, к вам.

— Майором, вроде увольнялся...

— На глазах растете. Рад за вас! Есть соображение, — Бутырин опять посмотрел на свои холеные ногти, будто к ним обращался, — назначить вас начальником ОБХСС области. Полковничья должность.

— Пока занят, — неопределенно сказал Лутц, прикидывая: с какого бы это рожна?

Прокурор восторга ожидал, благодарности, а пришлось чуть ли не оправдываться:

— С обкомом уже согласовано.

— Закончу вот начатое дело, — вздохнул Лутц, — подумаю.

Прокурора такое заявление обидело.

— Дела — они у меня,.. — похлопал по стопке папок на столе. — А у вас...

Хотел сказать «делишки», но осекся.

Помолчали неловко.

— И что за срочное дело, если не секрет? — прервал молчание прокурор, слушавший до того только себя.

— Никаких секретов. Ограбление банка, два убийства.

— Схватился поп за яйца, когда Пасха прошла, — медленно произнес прокурор, плохо скрывая неудовольствие.

Лутц посмотрел на часы, что висели на стене. Это уже слишком...

— Нет уж того дела! — в запале произнес прокурор. — Закрыли. Саакян там, друг ваш, раскрутил. Да и дело, пустяк, можно сказать.

— Извините, Павел Максимович, и кто же они, грабители банка?

— А то не знаете. С вашей-то проницательностью...

— Сейчас точно знаю. Но они пока что гуляют.

— Ошибаетесь, дорогой Леонид Альфредович. Один уже отгулял, — прокурор жестом изобразил петлю вокруг шеи. — Сообщница суда ждет. Говорят в положении. На зоне с ребенком полегче. Кормят лучше.

— И деньги похищенные нашли?

— С деньгами не получилось. Он их надежно спрятал.

— Та-а-ак, — задумчиво произнес Лутц, — не будь женщина беременной, ее бы к стенке.

— За что?

— За убийство охранника банка.

— Стрелял-то, оказывается, он. Свидетели подтверждают.

Да и сама Захарова.

— Ну и ну! — деланно удивился Лутц. — То все четверо, что были в банке во время ограбления, утверждали — она стреляла. А получается — он.

— Ошиблась управляющая. С перепуга. Баба, она и есть баба.

Прокурор еще раз посмотрел на свои ухоженные руки. На лице отобразилось недовольство — щербинка на ногте безымянного пальца правой руки! Перевел недовольный взгляд на Лутца:

— Остальные сотрудницы говорили с ее слов. Авторитет она для них. А Захарова, оказывается, и стрелять-то не умеет. Никогда оружие в руках не держала. Эксперимент провели. При понятых.

— Охотно верю. И не умела, и не держала. Да ее там и не было в момент ограбления! Хотите знать, кто стрелял?

Лицо прокурора стало жестким. Складки на лбу пролегли.

— Любопытно послушать.

— Гражданка Чумакова Галина Семеновна. Жительница Новосибирска.

И, как бы для достоверности, добавил:

— Кандидат в мастера спорта по стрельбе из пневматического пистолета.

— И где она, чемпионка ваша?

— Пока вопрос.

— У вас — вопрос, а у нас — ответ. Преступница чистосердечно призналась. Она даже показала место, где спрятала с сообщником маскарадную одежду и обувь. Что еще надо?!

Лутц долго молчал.

— Павел Максимович, можно один вопрос?

— Знаю, о чем спросите. Но какое это имеет значение сейчас? Хвощева не воскресить. От его ухода из жизни обществу даже и лучше. Зинаида Захарова тоже не личность. Молодая, здоровая, не отягощена интеллектом, легко адаптируется там... Какая разница, где полы драить.

— Павел Максимович, вы хоть сколько-нибудь верите, что преступление совершили они?

— Я же сказал, сейчас это значения не имеет. Нет вашего кандидата в мастера, но кто-то должен быть. Иначе, зачем мы все здесь?! — развел широко руки.

— Имеет. Ребенок Хвощева на свободе родится. Его отец — не убийца.

— Стоит ли так комплексовать?

— Могу идти? — поднялся Лутц.

— Принимаете предложение? — недовольно уставился прокурор на свои ногти.

— Однозначно нет.

— Вот что, дорогой вы наш товарищ, если вы, с вашим частным расследованием наживете неприятности, пеняйте на себя...

— Спасибо за заботу.

Холодно простились.

— Так я вас предупредил, — крикнул в спину прокурор.

— Взаимно, — обернулся Лутц уже в дверях.

И улыбнулся, как будто и не было неприятного разговора.

Исин считал дни. До конца месяца остается неделя, а там встреча с Галиной в Новосибирске. Корректировка дальнейших планов. Галина должна срочно уехать из Новосибирска. Куда — они обсудят. Да и он к новому году завершит взрывные работы на стройке. И они с Галиной будут... А что они «будут», он пока четко не представлял.

Эдуард Бабасин, по просьбе Лутца, утром двадцать пятого октября позвонил на стройку, чтобы предупредить Исина — следователь приедет. Не застал прораба, сказали, на отводящем канале скважины под бурение размечает. Переговорил с Амалией, попросил передать начальнику, чтобы тот не уезжал из поселка.

Она-то Константину и сообщила: «Ментов жди».

Что-то не так! — встревожился Константин. — Уж не Галина ли?! Так нет. На нее могли выйти только через него. Хотя... Могли и кружным путем. Он же сам ее предупреждал о возможном приезде «дяди».

За себя Исин как-то меньше беспокоился. Ну, посадят. Ну, отсидит положенное. За загубленные души «вериги» поносит... Жизнь, она и там...

А Галину пуля ждет. Уже отлитая.

Может лейтенант гайский со своим дружком-прилипалой приезжают по делу Николаева? Анна, жена взрывника, вчера уехала. Якобы к родителям. Непонятно, зачем Николаев склад взорвал? Неизвестно где скрывается.

Прораб занарядил электрика Евдокимова и шофера с «дежурки», человека уже немолодого, на добычу рыбы. Уху же надо организовать...

Усталость Константин почувствовал. Последние дни работал по две смены. Да и на душе тяжесть. Одному захотелось побыть. Кладовщицу предупредил:

— Пройдусь немного, около воды посижу.

И пошутил невесело:

— Спросит кто, скажи топиться пошел.

— Ахмак, — сказала Амалия ласково, как избалованному, капризному ребенку.

— Ахмак, это кто такой?

— Не дурак, но и не умный. На татарском. Бабушка у меня татарка.

Исин поднялся на дамбу, огораживающую котлован будущей насосной станции от водохранилища. Стал обозревать горизонт. «Отрешиться бы от всего, — думал, — и любоваться вот так небом, водной гладью, облаками». Но мысли, мысли... Деться куда от них? Саакян вон, Валерий... Был недавно. Интересовался, о чем следователь оренбургский беседовал с ним.

— О всякой чепухе... — отмахнулся Исин.

— Ну, а про банк? Не спрашивал?

— Я что, осведомитель какой?! — возмутился прораб. — У меня своих дел без вашего банка хватает.

— Конечно, конечно, — поспешно согласился Валерий, — я же так, просто.

— Извини, нервы, — примирительно сказал Константин. — Уж коль коснулись банка, задержали кого?

— Конечно, — криво усмехнулся капитан и тут же посерьезнел. — Ему — царство небесное. Она во всем призналась.

— Он что, сопротивление вооруженное оказал при задержании?

— Нет. В камере повесился. Все равно бы расстреляли за убийство охранника.

Сообщение капитана сначала обрадовало было Исина, но тут же огорчило, отозвалось болью в груди. Значит пуля, выпущенная Галиной, рикошетом зацепила еще одного невинного человека. Две жизни за миллион! Вторая еще и осквернена. А та, что призналась? Зачем она оговорила себя.

— Женщина же, говорили, стреляла вроде, — как-бы безразлично сказал Константин.

— Оказалось, нет, — внимательно посмотрел Саакян на прораба.

— И что ей светит? — спросил Исин.

— Суд решит. Наше дело хватать.

— Тут ты прав — хватать. А кого, значения не имеет.

— Ты о чем?! — удивился Саакян и бросил на Исина оценивающий взгляд.

— Да так, — сухо сказал Исин, — в общем плане.

— Ну, если только так — ладно, — скривил губы Саакян. — А то, признаться, я ведь на тебя думал. Из-за нагана...

Ветер принес на дамбу из степи горький запах полыни. Исин сидел на ящике, оставленном им здесь месяц тому назад. Уток на перелете стрелял.

«Приплыла бы золотая рыбка, — фантазировал Исин, глядя на водную гладь, — попросил бы у нее об исполнении только одного желания: заснуть, и проснуться шестилетним мальчиком.... Летний полдень. Зной. Отец запрягает рыжую лошадь по кличке Апостол, и они едут на озеро Окраш ловить карасей. С ночевкой! Дорога пролегает по берегу реки Белой. Колеса утопают в песке. Апостолу тяжело. Отец слезает с телеги, идет рядом босой, держа вожжи. Издает губами чмокающий звук, подбадривая лошадь. Костя держит отцовские тапочки. По одной в каждой руке. Припекает, солнце слепит глаза. Свернули в мелкоколесье. Стрекохут кузнечики, жужжат шмели. Пьянит пряный запах тимьяна, смешанный с медовым ароматом душицы. Широкая спина отца заслоняет Костю ото всех невзгод. Он начинает дремать, роняет тапочки...»

Неслышно подошла Амалия. Положила ему руки на плечи, прижалась животом к спине.

— Ты что? — повернулся Исин. — Спрашивал кто?

— Нет. Вернее, да — я спрашивала. Знаешь о чем?

Константин молчал.

Амалия погладила ласково его жесткие волосы.

— Хотела бы я знать, о чем ты все думаешь?

— О женщинах, понятно, — пошутил невесело Исин.

— Ты у меня в кладовке фляжку забыл. Вот она.

Амалия достала из сумочки небольшую, изящную фляжку. Такие из нержавеющей стали делают умельцы в научных лабораториях, где есть точная сварка.

— И пусть бы лежала. Пустая же.

— Вот и не угадал! — улыбнулась Амалия. — Хочешь?

Костя посмотрел вопросительно.

— Хочешь?

— Да. Пожалуй.

Амалия достала из той же сумочки серебряную рюмку. Как-то рассказывала, откуда она взялась. Но Костя не запомнил.

— На, — протянула полную рюмку. — Пей и радуйся!

— Чему?

— Что я у тебя есть. И всегда, когда понадобится, буду рядом.

Костя выпил, привлек Амалию, посадил рядом на ящик, поцеловал.

— Коньяк отличный! — похвалил.

— КВ да еще ВК. Знаешь, как расшифровывается?

— Писали бы проще — хороший.

— Так и написано: коньяк выдержанный, высшего качества.

— Тогда ладно. Ты что-то хотела сообщить?

— Хотела спросить.

— Спрашивай.

Амалия отстранилась от Константина, села на корточки напротив и посмотрела пристально в глаза.

— Ты любишь меня?

— Честно?

— Да.

— Предельно честно?

— Да.

— Если предельно, то нет.

— Почему тогда спишь со мной?

— И не только с тобой. Я из рода полигамов.

— Мне это не понятно. Я не такая ученая, как ты.

— Поли — значит, много. По-гречески. Гамос — брак. Сказать по-русски — бабник.

— Говорят, уезжаешь.

— Да. Но не завтра.

— А как же я?! Я же люблю тебя!

Амалия впервые сказала ему — ЛЮБЛЮ.

— Разлюбишь. И полюбишь другого. Ваську диспетчера...
Вон ты, какая красивая да ладная!

— Нет, Костя, нет!

— Сколько сейчас время?

Амалия посмотрела на свои часики, подаренные им на восьмое марта.

— Половина двенадцатого.

— Рабочее время. Верно?

— Верно, — не поняла Амалия намек начальника.

— Так вот, иди... Иди и занимайся кладовой. Может, там кому что-то и надо. А ты тут...

Амалия закрыв лицо руками, заплакала.

— Ну ладно, ладно, — поднялся Константин и прижал ее к груди. — Ладно, говорю, хватит. Никуда не уезжаю. И люблю тебя. Слышишь?

— Правда? — всхлипнула Амалия. — Клянись!

— Клянусь головой Людовика Шестнадцатого.

Амалия не знала не только шестнадцатого, но и никого из пятнадцати предыдущих. Заулыбалась, размазывая по щекам тушь с ресниц. Ей было достаточно для счастья его фальшивых слов.

«Гостей», приехавших на бабасинском Москвиче, Константин сразу повез на водохранилище. Рыбаки там уже замаялись ждать, и не столько гостей, сколько выпивки. Да и уха стынет! Подфартило сегодня — большого осетра выловили. Евдокимов, браконьер со стажем, и не припомнит, попадал ли когда такой.

До застолья Лутц предложил Исину прогуляться.

— Константин Павлович, — сказал, шагая рядом, вдоль берега, — разговор серьезный, но короткий.

— Потом, может? — слабо возразил Исин, щелкнув выразительно по подбородку. — Веселее разговаривать.

— От нашего взаимопонимания «веселье» будет зависеть. А при ином раскладе, может, и не состоится.

— Извольте, — напряженно посмотрел Исин на следователя.

Отошли они от рыбаков довольно далеко.

— Только факты, — сказал Леонид Альфредович сухо. — Ваше дело — соглашаться или все отрицать. Кстати, это не вопрос. На данном этапе вы меня интересуете как заблудший баран.

Следователь пристально посмотрел на прораба. Константин выдержал взгляд.

— Или как помощник в раскрытии банковского дела, — улыбнулся Лутц.

— Натюрлих! — улыбнулся и Исин. Механически. Одними губами. Интуитивно почувствовал опасность. Этот человек зря болтать не станет!

— Поразительно правильно произнесли слово *naturlich*. Этому, видимо, вас научила Галина Чумакова, что преподает немецкий в Новосибирском институте торговли?

— Не знаю такую! — выпалил Исин, словно отдернул руку, обжегшись о раскаленную плиту.

Открыл рот, как будто хотел что-то сказать. Но промолчал и озадаченно посмотрел на следователя.

— Сейчас вспомните, — сухо сказал Лутц. — Итак, девятого октября текущего года вы с Галиной Чумаковой совершили дерзкий налет на Гайский банк. Убив охранника и запугав расправой сотрудниц, забрали миллион шестьсот тысяч. Чумакова с деньгами уехала. Вы, натюрлих, остаетесь здесь. Ваше исчезновение было бы подозрительным. Одиннадцатого октября вы предупредили Чумакову телеграммой из Орска, чтобы она спрятала понадежнее деньги и не поддавалась провокациям. Но, фрау в Новосибирск не вернулась. Вот и все, если коротко.

— Может ее по дороге? — встревожился Константин, — ограбили и ...

— Нет. Она и не планировала возвращаться в Новосибирск. До налета Галина Чумакова уволилась из института и выписалась из общежития. Говоря языком уголовников — кинула вас, как последнего лоха. Пока вся информация. Принимаю аплодисменты, — улыбнулся бывший следователь. — А теперь так: минута на размышление. После чего вы говорите или «да», или «нет».

— Что «да»?

— Согласие сотрудничать.

— Галина где? — спросил Исин, тяжело ворочая сухим языком.

— Об этом после. Да или нет?!

— Да, — выдавил из себя прораб, достал из кармана плоскую фляжку, открутил пробку, сделал два больших глотка.

— Дай и мне, — перешел непроизвольно на «ты» Лутц.

Константин протянул фляжку. Следователь неспешно взял ее, рассмотрел гравировку и лишь потом сделал несколько небольших глотков, смакуя напиток.

— Прекрасный коньяк, таким меня в Новосибирске угощали.

— КВВК! — произнес Исин, словно это сейчас имело какое-то значение.

— Продолжим. Так вот, Чумакова в Новосибирск не вернулась, — сказал следователь и замолчал.

Исин потянулся за фляжкой. Рука его заметно дрожала.

— Ну, и?.. — прервал прораб затянувшуюся паузу. — И где она?

— Это я хотел выяснить с твоей помощью.

— Значит вы... — смолк на полуслове Исин.

Облизал сухие губы.

— Не знаю, где ее искать, — досказал за него Лутц.

— Понятно. Выходит, пока вы ее не найдете, моя вина не доказана.

— Будет доказана! А в прокуратуре есть показаниям сотрудника банка, что не она, а он стрелял в милиционера. Правосудию надо же кого-то шлепнуть. Ответность! — Лутц ткнул пальцем в небо. — Ты это понимаешь не хуже меня. Приписки, они не только у вас на стройке...

— А если сбегу?

— Ты не сделаешь этого. Начнут искать по всему Союзу. Родных станут допрашивать...

— Верно, не сбегу, — почти шепотом произнес Константин. — Мне лучше срок отсидеть...

Дотронулся до руки Лутца:

— И что вы предлагаете?

— Найти Чумакову. Быть того не может, чтобы ты не знал, хотя бы примерно, где ее искать.

На душе у Константина вдруг стало легко, как в то июньское утро... Они с отцом едут по берегу реки. Палит солнце, поскрипывает телега, фыркает лошадь. Широкая спина отца закрывает Костю от невзгод...

Все стало просто. Ничего не надо скрывать. Никуда не надо бежать. Потом, конечно, тюрьма. Но, во-первых, это будет потом. Не сегодня и не завтра... А во-вторых, это неизбежно должно было свершиться. А беременность Галины — фикция.

Миллионы-то ему оказались не нужны. Когда уходил от жены, пять лет тому назад, довольствовался одной шляпой.

— Ну, так как? — прервал его мысли Лутц. — Вместе ищем фрау-мадам?

Лутц сейчас больше походил на колхозного бригадира, уговаривающего сельчан выйти на работу, чем на крутого детектива.

— Натюрлих! — впервые за последние две недели облегченно вздохнул Константин. Широко развел руками. — Искать-то ищем, но вы, право, не поверите, я и приблизительно не знаю, где она может скрываться. Подруга ее Эля... Может, она что...

— Знаком с ней?

— Немного. Однажды отдыхали на Обском море. Я с Галиной, она со своим приятелем. После, случайно можно сказать, в Челябинске вместе оказались... Летели одним рейсом.

Прилетели ночью. В гостинице, как всегда, мест нет. У ней номер забронирован. До утра и забрала меня. Как я понял, Галине досадить.

— И досадила? — улыбнулся Лутц.

— Крепко. Кое-что про Галину рассказывала. Я-то не особенно слушал, но понял, знакомы они давно.

— Из Новосибирска она?

— Да. Но я не знаю, ни ее адреса, ни фамилии.

— А работает? Специальность хотя бы...

— Этого тоже не знаю. Эля да Эля. Торгашка, кажется. По разговору. Смазливая такая бабенка. Булочка сдобная с изюмом.

— Таких булочек, пусть даже с изюмом, знаешь, сколько в торговле? Каждая вторая.

— Приятель ее — Володя. У него фамилия редкая — Редун. Работает на «Сибсельмаше». Видимо, инженер. Говорил все, когда хорошо поддали: «Мы технари, мы технари...» И называл правительство «домом пристарелых».

— Можешь ты через пару дней со мной в Новосибирск?

— Конечно. Фактически я спецуправлением руковожу. Я и главбух Алия Ахметовна. Сегодня вечером позвоню, утром будет телеграмма с вызовом, для отчетности по командировке.

— Заметано! — хлопнул Лутц одобрительно по плечу Истина. — А теперь идем уху хлебать. Проголодался что-то.

XIV

Кирилл Ларкин перехватил возбужденный блеск в глазах приемщика багажа. Михеич неосознанно переводил безумный взгляд с молотка, лежащего рядом, на коротко стриженную голову лейтенанта.

— Дядя, — очень вежливо и доброжелательно сказал Ларкин, — вам доводилось слышать мудрую народную поговорку: «Против лома нет приема!» Так вот, дядя, лом — это я. Пока дотянетесь до молотка, я уже буду звонить вашей родне, чтоб гроб заказывали.

— Понял, — сдавленно выдохнул Михеич. — Дай хоть столик. Себе — сколь хошь заберай — я ничего не видел. Вообще не видел. Или, как надо? Видел, что ты не брал.

— Сотню не могу, но трояк...

Ларкин пошарил по карманам.

— И трояк тоже. Вот — два рубля. Вам их хватит. Куда больше-то? Голова не будет болеть завтра.

— Огромное спасибо! Дай Бог здоровья и счастливой вам дороги, — заученно поблагодарил приемщик.

— А теперь, дядя, закрывайте лавочку на замок и вперед.

— Куда?! — встревожился Михеич. — Я к чемодану никакого отношения. Что сдают, то и храню.

— Звонить пошли. Багаж будете нести. Не имею права его изъять пока. Закон есть закон.

Михеич сильно удивился подобному закону. Не подозревал, что какие-то законы распространяются на легавых.

Звонил Ларкин из комнаты милиции. Показал дежурному документ, после чего решительно выставил его и попросил постеречь приемщика, чтобы тот не успел потратить два рубля.

Капитан Пичугин вначале не особенно внимательно слушал «выдумщика». Хотя тот ему нравился: думающий! Но когда Ларкин сообщил о реальном чемодане денег, проявил живой интерес.

— Ты откуда звонишь? — спросил.

— Из комнаты милиции Ярославского вокзала, товарищ капитан!

— Будь там. Через тридцать минут встретимся.

— Понял вас, товарищ капитан, — коротко ответил Ларкин.

— Приемщика немедленно отошли на рабочее место. Приставь двух милиционеров. Вооруженных. Если Варя, как ты ее назвал, вернется, задержат пусть.

— Слушаюсь, товарищ капитан, — опять коротко ответил Ларкин.

— Кирилл, — не по уставному обратился Пичугин.

— Да.

— Не напоминай мне о моем звании, хорошо...

— Почему?

— Потом скажу.

Капитан давно уже был бы майором, а то и выше, если бы не имел обо всем собственного суждения. Зачастую, отличного от мнения начальства. А это шефов сильно раздражало.

Пичугин с командой прибыл, как и обещал, через полчаса. Команда состояла из эксперта, официанта из ресторана, трех парней группы захвата. Каждый из «захватчиков» мог бы легко уложить дюжину здоровых мужиков.

Эксперт снял отпечатки пальцев с чемодана, пересчитал пачки денег, установил их подлинность. Хотя Галина Чумакова очень старательно тратила, преуспела мало. Составили акт. Михеич, когда и его попросили подписать, загордился, будет что рассказать сменщику Кузьмичу. А для придания большей значимости своей роли в событиях, приврать, что дали не два рубля, а двадцать. На них он туфли купил. Не обязательно показывать.

Официант ресторана Союза писателей улыбался, кривя тонкие бледные губы, сверкая зубами из качественной нержа-

веющей стали. Улыбка была сложной, выражала много чувств. У него подобного еще не было. Премияльные светили. А то и орден!

— Вот и я же говорю, — чисто по-граждански, не соблюдая субординации встрял он, — мало того что болтают неположенное, еще и шпионят. Я сразу усек. Меня враги начали вербовать: «Угодишь — пятерик!» Не-е, господа хорошие, Шарыгин Родину за пятерку не продаст. Даже за пять сотен Шарыгина не купишь.

Больше чем на пять сотен фантазий у официанта не хватало.

«Вонючка», — прокомментировал про себя монолог сексота Пичугин, но вслух не стал этого произносить. Более того, уважительно попросил:

— Опишите, пожалуйста, женщину из компании. Ту, что Варей зовут.

— Варю? — недоуменно раскрыл рот официант и округлил влажные, полинявшие глаза.

— Да. Ту, что посолиднее.

Шарыгин женщинами не интересовался. Все они для него на одно лицо — размалеванные стервы.

Со своей последней сожительницей, что исправно выворачивала карманы, он разошелся шесть лет назад. И больше не усложнял жизнь общением с якобы прекрасной половиной человечества. Зачем? Жизнь и так не простая. Одному и спокойнее, и дешевле. Хотя и раньше не очень-то на женщин тратился. Разве что по началу... Как водится.

— Так, так, так. Значит, интересуетесь той, что покрупнее? Правильно! — одобрил сексот, на всякий случай, интерес начальства.

Тяжело вздохнул, ибо от счастья совсем ополоумел и абсолютно ничего вспомнить не мог.

— А он все на латыни: диски, диски! Ученого из себя корчил. Хотя за километр парашей несет. Еще не проветрился...

— О нем мы еще поговорим. Давайте о женщине.

— Что покрупнее? — тоскливо спросил Шарыгин.

— Ты что, оглох или охренел? — не сдержался Пичугин.

— Баба как баба, — стал выкручиваться официант. — Поблядешка обыкновенная. Их только согласно калькуляции в меню ресторана нет, а так каждый день полон зал. Нахалки такие...

— Молчать! С вами все ясно, — подвел черту под «показаниями» сексота рассерженный капитан. — Видать, зря государственные деньги тратим на вас.

— Так ведь он главный, классика знает... — потер официант переносицу большим и указательным пальцем.

— Все, хватит!

— Как велите... — наткнулся на холодный взгляд Шарыгин.

Кирилл Ларкин был лаконичен и точен в описании. Рост — сто семьдесят пять, вес — шестьдесят пять, брюнетка, стрижка короткая, лицо — овальное, лоб — широкий, брови выгнуты дугой, губы — полные, нос — с горбинкой, несколько крупноват, глаза — голубые, большие. Физически развита, похоже, бывшая спортсменка. Способна на энергичные решительные действия. Не вооружена.

— Как ты это определил? Шарыгин вон, обратное утверждает.

— Сумочка легкая. На пол падала без грохота. Фигура не деформированная. Держится свободно. Когда у женщины оружие, ее как-то кособочит.

Пичугин улыбнулся — молодец!

Приемщик, хотя и был положительного мнения о женщинах, тоже не запомнил Чумакову.

— Так ведь их за смену столько. Двух-трех, может, и заметишь, хе-хе! — подмигнул капитану, — Вот эту бы... Видать, не из тех. Да и чемоданчик... Глянуть не на что.

Деньги из неказистого чемодана изыали, упаковали его брошюрами с мудрыми речами членов правительства, одолжив в газетном киоске вокзала. Все ровно спросом не пользуются.

Чемодан вернули на хранение. Устроили засаду по всей кэгэбэшной науке. Один сотрудник внутри камеры хранения за стелажам, готовый «катапультироваться» через окно выдачи багажа. Двое снаружи, изображают подвыпивших пассажиров дальнего следования. Ведут громкие разговоры о Калыме, обращаясь панибратски к публике: «Мужик, а мужик, закурить не найдется...» И без причины громко смеются.

Придуривались за интерес. Чекистам начислялся приличный коэффициент к зарплате за оперативную работу, связанную с риском для жизни. Обстановка, приближенная к боевой.

Галина Чумакова, сдав чемодан Михеичу, поехала на метро до Рижского вокзала, села в электричку. Размеренные мысли под стук колес. Пока все идет ладно. Документы скоро. Недолгая связь с Савицким. Не тот субъект... А там новая жизнь!

За окном проплывали голые поля, мелькали березовые колки, отдельно стоящие домики с хозяйственными постройками.

Мелькающие за окном картины как бы иллюстрировали мысли, иногда органически вплетаясь, иногда внося диссонанс.

«Принца надо искать, — думала Галина, — не в хозмаге, понятно, а там, где они обитают. Днем в ресторанах рядом с посольствами, вечером в «Национале».

Одной там появляться неприлично. За шлюху примут. Дядю Мишу привлечь. Постричь, приодеть по западной моде. Выучить

нескольким иностранным словам: сенкью, пардон, адье. Будет смотреться! Рост хороший, седина благородная, манеры аристократические. Молодая женщина при седом джентльмене. В бриллиантах, мехах, говорящая по-английски и по-немецки. Пришла не с кем попало, а с папашей, похоже, дипломатом. Пожалуйста, ухаживайте! Мы готовы. Она мысленно сделала неопределенный жест рукой, представив, как бриллианты на ее пальцах сверкнут в лучах электрического света. Квартирку снять в центре Москвы. Иностранца чтобы не стыдно приводить. Капиталовложения пустяковые, дивиденды потом...

Капитан Пичугин доложил о чемодане своему шефу — полковнику Хомутову. Хомутов связался с руководством МВД, попросил сводку о крупных ограблениях за последний месяц. Таких оказалось четыре: в Хабаровске, Свердловске, Гае и Москве. Только одна женщина участвовала в ограблении. Приметами «Гайская мадонна» походила на московскую Варю. И сумма похищенного примерно та же. Но гайская налетчица, сообщили, уже арестована! И призналась. Тут возможно только одно «но». Очень существенное. Хомутову известны методы дознания милиции и следователей прокуратуры...

Полковник иногда сам любил покомандовать — ностальгия по молодости! Вызвал Пичугина.

— Поезжайте-ка, голубчик, в Оренбург, разберитесь, — приказал капитану. — Доведем дело, коль уж начали. Не так что-то. Налетчицу там сцапали, а деньги тут гуляют. Не вяжется...

Пичугину что в Оренбург, что к ядреной Фене. Вечером **двадцать шестого октября** был уже там. Прижал Саакяна крепко. Тот аж заикаться начал.

С Захаровой встретился.

— Ты что это, Зинуля, на себя наговариваешь, — ласково допрашивал ее Пичугин.

Вначале Зинаида молчала, потом прониклась доверием к московскому следователю, призналась:

— Аборт, сказали, сделают, если не буду говорить, как велят. Ребеночка хотели убить. Мишиного.

Валерий Артошесович — к шурина.

— Выручай, дядя Слава! Рушит все варяг московский, хотя и сказал ему: «С обкомом согласовано». Плевать, говорит, я хотел на твой обком. Представляешь? Против партии прет. Ты бы позвонил его министру, сами, мол, разберемся.

Монолог зятя папахивал интрижкой.

— Мне до персональной пенсии, Валерочка, — вздохнул осмотнительный родич, — всего нечего. Сам мозгами шевели. Если, конечно, они у тебя окончательно не заплесневели.

Валера крепко обиделся. И по возвращению в Гай ночевать пошел к заведующей кафе. Чтобы жене досадить — племяннице секретаря обкома! Будто она при чем...

На следующий день утром Захарову пришлось освободить. Вышла она постаревшая, с потухшими глазами.

XV

Галина совершенно случайно подцепила араба. Фортуна улыбнулась нежданно. Высокий, статный. Видно по осанке — не из простых. Шейх, похоже! Случилось это на станции метро «Кузнецкий мост». Галина подымалась по эскалатору. Он спускался. На какое-то мгновение улыбка осветила лицо девушки. Шейх инстинктивно повернулся к источнику света и, обнаружив, уставился на Галину. Та из озорства показала язык. И опять улыбка — загадочная, как у Джоконды, и зазывная, как у опытной жрицы любви. Не то у них там за морями подобная мимика является намеком на что-то большее, чем мимолеетный флирт, но араб, словно бык, разлученный с охочей коровой, бросился вверх по движущемуся вниз эскалатору. Да так резво, что очутился на верхней площадке одновременно с озорницей.

Галина оценила физическую подготовку шейха. Обменялись улыбками.

— Фройляйн Марта. Сотрудница посольства Германии, — на немецком представилась Галина, воспитанная с детства на превосходстве всего заграничного.

— Аль Мун ибн Сави. Я гость этой страны, — на русском произнес араб. И смущенно улыбнулся: — Дойтш нихт шпрехен.

— Владеет ли Аль Мун английским? — перешла на английский Галина.

— О, да!

— Можно, буду звать вас шейхом Альбертом? — спросила Галина.

— Конечно. Как вам угодно, — уже не переставал улыбаться новоявленный Альберт.

Разговор шел на английском. Принц в совершенстве владел разговорным. Английский Марты отдавал стерильностью.

Принц взял такси, поехали отмечать знакомство. Ни «влюбленная» с первого взгляда Галина, ни тем более араб не заметили слежки. Славно посидели в «Софии». Изысканные болгарские вина, закуски, десерт. Шейх оказался на редкость

деликатным ухажером. Не распускал ни руки, ни язык. На вопрос о цели пребывания в Москве скромно заметил:

— Знакомлюсь с культурой, набираюсь знаний. Улетаю скоро...

Галина, зная обычаи Востока, не досаждала шейху вопросами: «Что, да когда?» Больше слушала, вслух восторгаясь умом кавалера. Альберт много путешествовал, было что рассказать. Договорились на завтра встретиться там же, где познакомились, и поехать на природу.

Знакомство продолжилось.

Настроение у Галины утром двадцать седьмого октября было отличным. Скоро получит новый паспорт — и прощай Чумакова Г. С. со своим уголовным прошлым и нищетой. Варвара Савицкая — дама, можно сказать, синтетическая и стерильная. Будущая любимая жена шейха. Так-то вот! И с вахлаками, подобными Исину, она никогда не была знакома.

Галина подала алюминиевую бирку кладовщику и стала трясти сумочку в поисках двугривенника на чай.

Могла и рубль дать, но осторожность подсказывала: не теряй бдительности! Не нашла мелочь. Ладно, с рубля сдачи попросит.

Михеич посмотрел на бирку. Выбито 817! У него вдруг вспотели ладони, подкосились ноги. По полученной инструкции, должен принести красный чемодан — сигнал для группы захвата — внимание! Когда клиента возмутится, должен сказать: «Извиняйте, гражданочка», и принести «макулатурный».

Галина увидев сигнальный чемодан, перевела взгляд на кладовщика. Тот побледнел, вот-вот грохнется в обморок.

Тревога!!!

— Извините, я через минутку, — сказала Галина и скорым шагом направилась к лестнице, что вела в многолюдный зал ожидания.

Группа уже села на «хвост». Не задержали сразу. Народу много и шла куда надо. Взяли, когда вышла из вокзала и направилась к стоянке такси. Подошли с двух сторон:

— Гражданочка, пройдемте с нами, — сказал вкрадчиво один из группы, — не шумите. Госбезопасность.

Галина, может, и подняла бы шум, но у нее уже не было сил. Ноги ослабли. Подступила тошнота. Ее втолкали в машину. По бокам сели молодцы. Каждый держал ее руку со своей стороны. Это было излишне, но по инструкции.

Вот и все! — промелькнуло у нее в голове. — Все, все, все! — как у пойманной птицы учащенно билось сердце.

Торопливые мысли Галины заскакивали одна за другую, создавая завихрения и хаос. Временами мысли так запуты-

вались, что Галине казалось, она теряет рассудок. Схватили ее. Арестовали. Следствие. Суд. Приговор. Расстрел! А может, ее выкрали вымогатели? По наводке Савицкого. Тот каким-то путем прознал про деньги. Она и документов не спросила у ЭТИХ. Боже мой, да кто бы их стал показывать? Обязаны! Если настоящие. У нас правовое социалистическое государство. Лучшее в мире. Газеты вон пишут крупными буквами. Верно, иногда московские лекторы шепотом намекали — не совсем соблюдаем... У них вот...

— Покажите документы! — истерично закричала Галина и дернулась, высвобождая руки. Ей это удалось. «Захватчики» держали ее уже так, для порядка. Молодцы недоуменно переглянулись.

— Немедленно покажите документы и постановление прокурора на арест, — уже более спокойно потребовала Галина.

— Заткнись... Ты... Не то по морде схлопочешь, — посоветовал правый молодец. До КГБ он профессионально занимался боксом и иных аргументов не ведал. Ему они и не требовались. Ни на прежнем месте, ни здесь.

— Оставь ее, Федя, — сказал молодец слева, до КГБ комсомольский вождь на заводе железобетонных изделий. — Видишь, нервничает. Тебя бы так...

И обратился к Галине:

— А вы успокойтесь. Сейчас приедем, вам все объяснят, все покажут. Наше дело доставить вас с комфортом.

— Куда?!

— К тра-та-та-та матери, — грязно выругался Федя, почему-то обидевшись на своего напарника, старшего группы. Хотя тот и третьего разряда по боксу не имеет, а командует, комсомол сопливый!

На какое-то время к Галине вернулась ясность мышления и способность анализировать. За что взяли? Скорее всего, обнаружили деньги. Взяли-то около камеры хранения. Взаимосвязи денег с ограблением банка и убийством милиционера у них пока нет. Костя не мог на нее навести, если даже и арестован. Значит? Значит только деньги. Кто она для них? Фамилия ее неизвестна. Обращаются «товарищ». Она может назваться кем угодно. Проверят. Не сложно. И разоблачат. И уже не будет веры. Назваться следует своей фамилией. Прошрое ее чистое. За исключением банка. Про банк они, скорее всего, не знают. Откуда деньги? Нашла! Где? На мусорке возле дома дяди Миши Чумакова. Родной ее дядя. По папе. Остановилась у него. Мусорка там рядом. Пошла утром с ведром, а он там валяется. Чемодан. Заглянула, ради любопытства... Кто выбросил? Откуда

ей знать, она нашла и все. Собиралась заявить, не успела. Виновата. Что часть денег потратила — промолчит. Это уже преступление. Может, и хотела потратить. Но за «хотение» не судят. Не могла же законопослушная учительница немецкого языка, известная спортсменка кого-то убить, банк ограбить.

Потом, возможно очень скоро, все откроется. Привезут Костю. Тогда уж не отвертеться. Надо любыми путями сбежать. Хотя это вряд ли возможно. Освободиться на время. Так же делается, берется подписка о невыезде. И исчезнуть! Уехать на Дальний Восток. Затеряться там среди бродяг. Костя рассказывал... Работал там после института по направлению.

Субботу и воскресенье 27 и 28 октября Галина провела в изоляторе КГБ. Для строя она не представляла опасности, а для Пичугина большого интереса, потому и не торопился капитан с допросом, лишая себя выходных.

26 октября, вечером состоялся разговор между первым секретарем Оренбургского обкома партии Елохиным и бывшим следователем областной прокуратуры Лутцем. Разговор принужденный, хотя внешне весьма любезный.

— Садитесь поудобнее, Леонид Альфредович, — указал на кресло секретарь обкома, — и рассказывайте все по порядку.

Сам хозяин области после раздумий вышел из-за массивного стола, что соответствовал его комплекции и занял второе кресло за приставным столом напротив детектива, проявляя сутулую демократию.

— О чем говорить-то? — поднял брови Лутц. — Об отставке?

— То нам, Леонид Альфредович, известно, и будем считать недоразумением. Тут я кое-кого взгрел по партийной линии, — как бы извиняясь, соврал секретарь обкома. Да кто посмеет его проверить? Ври сколько угодно. — Проинформируйте подробно о ходе следствия по ограблению банка.

— Кхм, — прокашлялся Лутц, — так ведь...

И замолчал, систематизируя факты и доводы.

Елохин не торопил бывшего следователя прокуратуры. У секретаря обкома свой резон, его проинформировали — московский детектив интересуется ограблением банка. Им не покомандуешь! И это Елохина сильно тревожило. Что придурок зять окажется за решеткой казалось секретарю не большой потерей. Общих детей у них с Мариной нет. Та молодая, видная, со светлой головой, найдет себе мужика поумнее.

А Елохину, если погонят, другое достойное место уже не светит. Так же, как и московская квартира, после выхода на пенсию.

Лутц же понял — фальсификация Саакяна каким-то образом лопнула. Появилась надобность срочно раскрутить банковское дело. С обкома, видать, тоже спрашивают...

— Так я вас слушаю, Леонид Альфредович, — прервал затянувшееся молчание хозяин кабинета.

— Хвастаться-то, Вячеслав Ильич, пока особенно нечем. К тому же, кто я? Частный сыщик.

— С этим уже разобрались. Увольнение ваше я отменил. Составьте отчет по Новосибирску. С суточными и прочими расходами. Я кое-что подброшу. Из своего фонда.

Леонид Альфредович хотелось сказать: «Спасибо, пока не побираюсь». Но промолчал. В интересах дела. Даже двух дел. Второе — убийство Хвощева, пожалуй, и поважнее...

— Успехи весьма скромные. Деньги пока гуляют, хотя личности грабителей установлены.

— И кто они? Извините за мое чисто обывательское любопытство.

— Женщина — жительница Новосибирска, некто Чумакова Галина Семеновна, двадцати пяти лет, учительница. Второй грабитель местный. Не буду до времени его называть, как принято говорить у нас, «в интересах следствия». Скажу единственное — не профессионал. И, в общем-то, добропорядочный человек.

— Вы меня пугаете, Леонид Альфредович.

— Чем, позвольте?

— Если учительницы и добропорядочные обыватели начали бомбить банки, что же ожидать от преступников?

— Так уж случилось. Стечение обстоятельств. Из ряда вон...

— Какие у вас, Леонид Альфредович, отношения с начальником гайской милиции?

Елохин с отсутствующим видом переплел пальцы, положил руки на стол.

— Пока никаких. Коль вы возвращаете меня в лоно правоохранительных органов, будет он моим подследственным.

На лице секретаря обкома выразилось что-то среднее между недоумением и безразличием. Стал он походить, как сам только что выразился, на обывателя. Лутц ощутил непочтение к первому руководителю области. И, зная его родственные отношения с Саакяном, чтобы впредь избежать двойственного положения, жестко заявил:

— Саакян организатор убийства Хвощева. В корыстных целях. И должен понести наказание.

— Эка хватило, батенька, — как-то примирительно сказал секретарь обкома. — В ваших милицеских делах всякое случается. Как у саперов. Издержки производства, так сказать.

Тут Елохин почувствовал — сравнение с саперами не совсем удачное и поправился:

— Ну, может, не совсем как у саперов. Одним фронтом надо против преступности...

Секретарь обкома посмотрел на часы. Лутц понял — разговор завершился. Вел он себя не совсем дипломатично. Тоньше бы надо...

— Извините, Вячеслав Ильич, злоупотребляю вашим вниманием. Если позволите, коротко о планах.

— Извольте.

— За неделю, полагаю, завершу банковское дело. Предстоят поездки. Мои помощники за это время выявят участников второго преступления — убийства гражданина Хвощева. Саакяна придется взять под стражу. Знаю...

— Исполняйте свои обязанности, соблюдая закон, — сухо прервал детектива секретарь обкома и повторно посмотрел на часы. — Спасибо за информацию. Прощаюсь с вами. Через пять минут разговор с Москвой.

Телефонный разговор предстоял с одним из больших чиновников. Тот дочь замуж выдавал. Балыками интересовался.

— А вы, Леонид Альфредович, ступайте к заведующему орготделом обкома, он все уладит.

Лутц вернулся в «стойло» прокуратуры. Его кабинет еще не заняли. «Ремонт бы», — обвел взглядом девять квадратных метров закопченного потолка. Выдвинул ящик стола. Одинокий тощий таракан, прихрамывая, бросился в дальний угол. Леонид Альфредович с горечью подумал, что он один из немногих живых существ, кому в радость его возвращение. И то по меркантильным соображениям — Леонид Альфредович иногда оставлял недоеденный бутерброд.

На фанерном дне ящика стола Леонид написал: ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА 28-го ОКТЯБРЯ. Выходит, отсутствовал на службе чуть больше недели. А ощущение такое, что его не было здесь почти год.

«Все относительно. И время, и наша жизнь, — думал Леонид Альфредович. — Грязи меньше не становится от того, что он «нейтрализует» преступников. Завтра Новосибирск. Потом придется еще куда-то отправиться. В погоне за чемпионкой Европы...».

Не ведал он, что в это самое время Галина Чумакова «парит-ся» в следственном изоляторе КГБ.

На первом допрос 29 октября Галина изобразила обиженную, капризную девочку. Надула губки, округлила глазки, заморгала. Вот-вот заплачет. Обидели малышку, ай-ай-ай!

— Садитесь, — предложил капитан Пичугин, когда конвоир завел ее в кабинет.

— Мерси, — очень по-французски произнесла капризная девочка.

— Нусь, — начал капитан, как бы продолжая прерванный разговор, — будем чистосердечно признаваться или строить глазки? Меня устраивают оба варианта. Люблю водевили. Вам, думаю, больше подойдет первый — раньше сядете, раньше выйдите.

Чумакова твердо решила, пока не покажут Исина в наручниках, придерживаться версии — чемодан нашла. Ее прошлое идеально чистое. Даст подписку о невыезде, пока следствие выявляет, что да откуда, ее на время освободят из-под стражи, и она исчезнет. Документы должны быть уже готовы, купленных драгоценностей, если продавать, надолго хватит.

— Представьтесь даме, — изобразила Галина наивную улыбку, которую под определенным ракурсом можно было бы воспринять как загадочную. — Тогда я еще подумаю, стоит ли с вами общаться, или потребовать аудиенции у генерала.

— Справедливо. Иван Федорович. Фамилия Пичугин. Звание, думаю, вас не интересует.

— По-очему же, Ив? — кокетничала Галина, сверкая глазами. — Женщин очень даже интересуют звания мужчин.

— Капитан.

— Всего-то? — разочаровалась капризная девочка. — А я-то думала... Или вы выглядите старше своих лет? Заботы... Жена, дети...

Скудная улыбка человека, умеющего ценить юмор, тронула губы Пичугина.

— Хорошая привычка думать. Не изменяя ей, перейдем от моих проблем к вашим.

Галина заполнила небольшую паузу нейтральной улыбкой. Внутренне собралась.

— Да, конечно. Чумакова моя фамилия. Чумакова Галина Семеновна. Возраст сами видите — молодая и симпатичная. Так ведь?

— Продолжайте.

— Чумаками были предки деда. Мама из дворянского гнезда. Закончила Институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Два года преподавала в Новосибирском торговом институте. Чемпионка Союза и Европы по бегу на короткие дистанции.

Галина замолчала, обдумывая, что бы еще бросить на алтарь благодетелей.

— Только хотел вас спросить, не та ли вы Чумакова?

— Та. К сожалению.

— Почему не к радости?

— В спорте я была первой. Не всегда, верно, самой первой. Но далеко впереди серой толпы. Оставила спорт, и быть первой в последующей жизни мне уже не удавалось. К тому же нищенская зарплата. Вот и позарилась, извиняюсь, на эти вонючие деньги.

— О каких деньгах вы говорите?! — очень правдоподобно выразил недоумение Пичугин.

— Иван Федорович, не разрушайте моих симпатий дешевыми милицейскими приемчиками. Вы прекрасно знаете, о чем я говорю.

— Понятно. Откуда они, деньги?

— Нашла.

— Вот те раз!

— На помойке. Около дома дяди Миши. Собиралась сообщить органам. Все как-то откладывала.

— Не могли бы показать, где та помойка? Самому там пошарить, — пошутил Пичугин.

— Я обязана показать. Как же иначе?! В Тушино. Кстати, и документы мои, они вас, безусловно, интересуют, тоже там. У дяди Миши.

— Хотите вопрос на засыпку?

— Не поняла вас, Иван Федорович?

— Я вас спрашиваю, вы же экспромтом отвечаете. От правдивости ответа зависит моя вера ко всем вашим показаниям. Идет?

Галина повторно заполнила небольшую паузу улыбкой, на этот раз виноватой, соображая, какой вопрос может последовать. На карту поставлена судьба и сама жизнь! И высчитала! Фальшивые документы. Он знает. Официант, похожий на крысу, что обслуживал в писательском ресторане, подслушал и донес. Потому-то за ней следили и вышли на деньги. Что сказать?! Зачем он ей — другой паспорт, если нет надобности скрываться?

Пичугин какое-то время выжидал, наблюдая за Галиной. Мыслит напряженно, возможно, догадается о сути вопроса, ищет правдоподобный ответ.

— Готовы отвечать?

— Готова!

— Зачем вам понадобился другой паспорт?

— Другой паспорт? — механически переспросила Галина, продолжая обдумывать ответ.

— Да. Фальшивый. Или вы отрицаете этот факт?

— Факт? — звенящим от волнения голосом спросила Галина. Мыслила Галина торопливо, но четко.

— Нет, почему же. Не отрицаю. Мне нужно было уйти. От самой себя. Нормальному человеку такое явление трудно понять. Если быть откровенной до конца... Скажите, ведь за хотение не судят. Верно?

— Верно.

— Слушавила я. С самого начала не собиралась сообщать о найденном чемодане. Хотела присвоить деньги. И стать другим человеком. С другой судьбой, с другими друзьями и с другой фамилией. Вам не понять, вы нормальный человек, со здоровой психикой. Я же раздвоилась! Это смерть одной личности и рождение другой. Психологический сдвиг.

Галина разрыдалась. Со слезами из нее выходило напряжение последних двух дней. Освободившееся место занимало полное безразличие к своей судьбе. Что будет, то и будет. Сказали бы ей: «Сейчас расстреляем!» Согласилась бы. Да ладно, лишь бы не терзаться.

— Успокойтесь, Галина Семеновна, успокойтесь. Кстати, ваши эмоции отношения к следствию не имеют. Они не являются подтверждением правдивости ваших показаний.

— Вы же меня отпустите? До выяснения, — как-то вяло, без убеждения спросила Галина.

— Какого выяснения?

— Ну, откуда деньги эти. Возьмете подписку, что никуда не денусь.

— Вряд ли. И не я это решаю. Что касается меня, я не тороплюсь вас выпускать. За два-три дня мы выясним все. Это не сложно. У нас уже имеется информация о последних крупных ограблениях по стране. И если вы не причастны к одному из тех ограблений, а в одном из случаев и убийству, тогда...

«Скорее бы все...» — подумала Галина. Конец... конец... конец, — билось учащенно ее сердце.

Следователь посмотрел на Галину. Лицо ее ничего не выражало. Нос немного распух и покраснел. Пичугин на какое-то время поверил ее версии.

— Тогда, — продолжил он, — возможно, и освободим вас.

— Мерси.

— Сейчас, Галина Семеновна, все, что сказали мне, изложите на бумаге.

— Зачем? Я не откажусь от своих слов.

— Такой порядок. Не забудьте указать адрес и фамилию человека, который вам обещал изготовить паспорт.

— Я не знаю, где он живет.

— Когда вы должны встретиться?

— На будущей неделе.

- Где?
- Об этом не говорили. Валя знать даст.
- Та, что была с вами в ресторане?
- Да.

Галина пристально посмотрела на капитана. Догадка ее подтвердилась. Подслушали разговор и засекли ее именно там, в ресторане.

- Фамилия его?
- Савицкий. Игорь Савицкий.
- Фю-ю, — присвистнул капитан. — А он ведь обещал, подписку дал.

Зазвонил телефон.

— Да, приезжай. Скоро освобожусь, — сказал Пичугин абоненту, выслушав его.

Галина взяла ручку, посмотрела на чистый лист бумаги, словно собиралась начать жизнь с него.

- Про себя что писать? — спросила как школьница.
- Кто такая и что натворила, — с подтекстом посоветовал Пичугин.

- Ничего я не натворила. Знаете же...
- Так и пишите.

Пичугин подозревал — Чумакова та самая гайская налетчица. Милиционер на ней. Но такая у капитана манера — не спешить с выводами. Подобно опытному удильщику, он подводил сачок под большую рыбину без резких движений. На первом этапе Чумакова письменно подтвердит, что заказала фальшивые документы. Они должны быть уже готовы. Савицкого надо задержать. На следующем этапе Пичугин докажет ее причастность к ограблению банка. Похищенные полтора миллиона были у нее, фамилию меняет, чтобы надежно скрыться. А дальше еще не известно. За границей бывала не раз, может и с иностранной разведкой связана... Находка денег на помойке — детский лепет. Почти в любом деле первоначально подобная шелуха. До поры надо делать вид, что веришь. Это расслабляет последственного. Бдительность теряет, не запирается и, рассказывая выдуманную историю, о чем-то и проговорится.

Пятнадцать минут шестого. Сорок пять минут до конца работы. У чекистов жесткая дисциплина — есть работа, нет, отсиживай положенное. Мыслить о своем в рабочее время не запрещается.

Сегодня предстоял маленький кутеж — Булат Жумабаев из Главного Разведуправления Генштаба обмывает звездочку. Полковника досрочно дали. За удачную операцию на Ближнем

Востоке. Отмечает повышение в шашлычной «Кавказ». Место чистое.

Восьмилетняя дружба связывает Пичугина с Жумабаевым. На границе лейтенантами начинали. Отличились. Прошли проверку, перепроверку и были зачислены в сверхсекретные органы. Пичугин выявлял и нейтрализовал внутренних врагов. Жумабаев готовил и засылал квалифицированные «кадры» в страны Ближнего Востока. Социализм там внедрял, что обходилось недешево для своих сограждан. Кормить надо друзей за бугром, чтобы те начали кричать: «Да здравствует коммунизм!»

Жумабаев понимал: арабы Коран на «капитал» Карла Маркса не променяют. Но служба. Романтика, деньги хорошие. Сейчас он разрабатывал долголетнюю программу замены монарха Омана. Ну, не уважает султан Саид бен Таймур Советский Союз. Хотя ты его убей. Что и планировал подполковник. Султан с англичанами дружбу водит. Оружие у них покупает, хотя наше лучше и дешевле. Это обижает руководство страны...

Галина принялась за второй лист «сочинения», когда без стука вошел Жумабаев. Крупный, плотный, коротко стриженный брюнет с азиатскими скулами на квадратном лице. Взгляд серых глаз пристальный. Под клетчатым пиджаком белая крахмальная рубашка, галстук темно-красный, брюки светлые, туфли в тон. Модник, однако!

— Привет, старый хрен... — начал живо визитер и осекся на полуслове, увидев Галину.

Выгнул грудь колесом и серьезно отрапортовал:

— Товарищ генерал, по вашему приказанию прибыл!

— Посиди, — буднично сказал Пичугин, — освобожусь скоро.

Жумабаев сел, посмотрел на Галину, словно на вешалку с дамским нарядом, и тут, словно током ударило. Чуть не соскочил — ведь это Марта! Утром ее фотографии принесли. Снятые скрытой камерой. Та самая фройляйн, что познакомилась с Аль Мун ибн Сави в метро. Почему она здесь? Или он ошибается...

— Товарищ генерал, можно вопрос даме?

Пичугин неодобрительно посмотрел на новоявленного полковника. Хохмить начнет.

— Ну, если...

— Как раз «если». Скажите, красавица, — прищулив глаза, изучающее, посмотрел на Галину, — вы случайно не знакомы с фройляйн Мартой?

Галина явно растерялась, и, ища поддержки, посмотрела на Пичугина. Ему и ответила.

— Не знаю никакой Марты. Пусть меня не путают.

Знает! Глаз у Жумабаева наметанный!

— Иван Федорович, мне надо с тобой срочно поговорить. Наедине.

Пичугин вызвал Кирилла Ларкина.

— Галина Семеновна, товарищ проводит вас. Там вы и допишете свои показания. Извините заранее, вынужден задерживать вас до утра. Для вашего же удобства.

Галина не поняла, что за удобства ей сулят. Но возражать не стала. Попробовала улыбнуться. Получилось.

— Что за баба? — спросил полковник, когда дверь за Чумаковой закрылась.

— Да так, не нашего профиля. Завтра передам по принадлежности.

— И что она натворила?

— Много. Банк ограбила, милиционера шлепнула. Серьезная особа. Хорошо держится. Случайно к нам попала. Из-за бездарности нашего осведомителя.

— Мне она нужна.

— Зачем? — удивился Пичугин.

— Понравилась, — пошутил Жумабаев.

XVI

Ларкин проводил Галину на третий этаж, где с двумя чекистами делил большой кабинет. Коллег благо нет. Шпионов ловят.

— Садитесь удобнее, Галина Семеновна, и пишите.

— Откуда вы знаете мое имя? — встретила Галина, не обратившая внимания на то, что Пичугин при лейтенанте обращался к ней по имени отчеству.

— Вычислил, — туманно ответил Ларкин. — Служба такая.

Галина почувствовала неладное еще в кабинете Пичугина, когда ворвался этот тип с азиатской мордой. Взглядом, как рентгеном ее просветил. Следил, выходит, раньше. Знает о знакомстве с Альбертом. Хотя тут ничего преступного. Но следил же, следил с какой-то целью. Может, им уже все известно? Про банк, про милиционера.

Кирилла Ларкина Галина восприняла как одного из своих студентов. Восторженный, розовощекий поросенок. Туда же, «вычислитель». Решила спровоцировать.

— И давно Иван Федорович вернулся из Оренбурга? — спросила, как бы между прочим, об известном им обоим факте.

Кирилл знал о поездке шефа. Сам ему билет покупал.

— Мне он не докладывает, — смутился Ларкин, — как раз наоборот.

— Так он ездил?

Ларкин понял, подследственная выпытывает нужные ей сведения. Для ориентации.

— Я этого не знаю, — сказал сухо. И покраснел. — Не отвлекайтесь, пишите, что велено.

Галина поняла — ездил Пичугин. И, конечно, подозревает ее. Подозрение не доказательство. Нет Кости, нет ее участия в налете. Но Костя будет. День-два и он будет. Спекся уже, наверное... Ему то что... Не он стрелял. Надо срочно что-то придумать... Оригинальное.

Галина почувствовала приступ голода. С утра ничего не ела. Вообще-то она никогда по утрам не ест. Так, чашка кофе. А тут ее от голода стало мутить.

— Как тебя зовут? — спросила «студента».

— Кирилл.

— Кирилл, голубчик, не мог бы ты принести из буфета бутерброды? У вас же здесь есть буфет. Да?

— Мог бы. Оставить вас не с кем.

— Мне и одной не скучно.

— Не положено.

— Ты дверь запри.

— Не положено одну оставлять.

— Голодом морить женщину положено! — взорвалась Галина.

— Издеваться над человеком — положено?!

— Никто не издевается. Даже наоборот. Очень корректно.

— Еще и как издеваетесь! Взяли и заграбастали. Как предмет какой.

— Была причина, значит. Других не задерживают.

— Хочу бутерброды, — шмыгнула носом Галина. — С колбасой. Сырокопченной.

Ларкин вздохнул тяжело, снял трубку, позвонил.

— Нина, вы?

— Да-а-а, — послышался певучий голос. Очень приятный. — А это кто?

— Лейтенант Ларкин.

— Слушаю, лейтенант, — смодулировала голос буфетчица. Сейчас он звучал сухо, она торопилась закончить разговор.

— Нина, извините, пожалуйста, не могли бы вы в триста пятый кабинет принести бутерброды с колбасой? Сырокопченной. И стакан кофе.

На противоположном конце помолчали. Буфетчица была возмущена поведением лейтенантишки. Иногда она, когда просили, приносила еду и напитки большим чинам. Один из них ее даже изнасиловал. На скользком кожаном диване. Ей потом премия вышла. Ко «Дню милиции».

— Сам что ли не можешь спуститься. Барин нашелся! — отчитала лейтенанта.

— Не могу, Нина. Пожалуйста.

— Ладно, — согласилась буфетчица, и про себя подумала: «Большим начальником будет, сопля эта...» — Но чтобы в первый и в последний раз. Понял?!

— Понял, Нина. Так с твердокопченой, не забудьте.

— Сырокопченой, — поправила Галина. И в душе улыбнулась: «Пофлиртовать бы с этим лейтенантом, шибко уж симпатичный».

Нина принесла четыре бутерброда с аппетитной колбасой и стакан кофе. С молоком. Горячий и ароматный. Посмотрела оценивающе на Галину, открыла было рот прокомментировать ее присутствие, но передумала. Окружающая обстановка за много лет и на нее, болтливую, повлияла. Приучила думать, прежде чем говорить.

Ларкин рассчитался.

— На мой счет запиши, — приказала Галина.

— Так запомним. Закусывайте и за работу.

— Какую?

— Показания пишите.

— Как вы ее сцапали-то? — поинтересовался Жумабаев. — Серьезную такую.

— Случайно. Наш осведомитель — официант из писательского ресторана, большая сволочь, стал провоцировать ее кавалера на антисоветчину. Знаешь, кто кавалер?

— Ну, ну.

— Игорь Савицкий! Он как-то и на тебя работал.

— Значит, ей документы новые понадобились.

— Да. И по вполне понятным причинам.

— Сможет на меня работать?

— Немного взбалмошная. Но с характером.

— Коротко о ней.

— Закончила иняз московский, преподавала в Новосибирске. Бывшая спортсменка из сборной Союза. Чемпионка Европы.

— По какому виду?

— Легкая атлетика. Бег на короткие дистанции. Я ее и раньше знал. Не лично, а по фотографиям из «Советского спорта». Сам бегал. И на тебе, пошла банк потрошить.

— Нужна она мне, Иван. Для большого дела. Мои агенты следили за ее ухажером. Рядом засветилась...

— Забирай, бутылка с тебя, — улыбнулся Иван дружелюбно.

— Программа долгосрочная. Женщина там. Молодая, крепкая во всех отношениях. Способная на решительные действия.

— Ты-то как на нее вышел? — поинтересовался Пичугин.

— Двадцать второго октября фройляйн Марта познакомилась с моим объектом, одним из наследников султана в небольшой стране Аравийского полуострова. Похоже, возник обоюдный интерес. До этого объекту нескольких своих агентов прекрасного пола подсовывали. Не заинтересовался. Марту сам нашел. Существенно, что не проститутка. Начали встречаться. Близости пока не было. Следующая встреча у них послезавтра. До этого нужно ее обработать.

— Если не сбежит.

— Здесь нет. А за бугром бежать некуда.

Пичугин подробно рассказал Жумабаеву об ограблении банка.

— Может, и не она, — прозвучало в голосе капитана сомнение. — Один процент из ста. А то и меньше. Хотел бы я, чтобы не она...

— А я наоборот. И там возможно стрелять придется...

Не успела Галина закончить сочинение на «свободную» тему — звонок. Полковник Жумабаев ее затребовал.

— Слушаюсь, — сказал Ларкин, как всегда коротко.

— Галина Семеновна, начальство по вам скушает.

— Так я еще пишу.

— Оставьте. Может, и не потребуется...

Ларкин знал, какие люди нужны Жумабаеву. Не один уголовник у него патриотом стал. Изменив фамилию, а то и внешность. Один из них, после «расстрела», с новым лицом женился на своей бывшей жене. У той, когда узнала с кем спит, крыша поехала. Судимость с «молодожена» к тому времени была снята, как ошибочная.

— Идемте, — слегка нажал на голос Ларкин.

Галина не любила, когда ей указывали. Сама предпочитала командовать. А тут... Приходится исполнять чужую волю. Ее это обижало.

Жумабаев выпроводил Пичугина из его кабинета.

— Я скоро... — пообещал, и в ожидании Чумаковой стал обдумывать разговор с ней. Ударно надо!

Постучали. Жумабаев встал и сам открыл дверь.

— Товарищ полковник, — бодро начал Ларкин.

— Спасибо, — прервал его Жумабаев, и радушно к Галине:

— Проходите, Галина Семеновна, проходите! Садитесь вот здесь, на диванчик. Чтобы удобно вам. — Свободен, — повернулся к Ларкину, который все еще топтался возле двери. И вслед:

— Далеко не уходи.

Галина села, одернув платье и плотно сжав колени.

— Может, Галина Семеновна, хотите заявление сделать?

— Какое еще заявление. Ивану Федоровичу все рассказала.

Жумабаев одарил Галину тяжелым, пронзительным взглядом серых глаз, как бы выбирая место для удара. Словно зимним холодком пахнуло на Галину из внезапно распахнувшегося окна.

— Я в детстве очень любил сказки. Да и сейчас перечитываю «Тысячу и одну ночь». Чтобы Восток лучше познать.

На лице Жумабаева появилась отрешенность, словно он погрузился в волшебный мир сказок.

У Галины внутри как бы образовался вакуум. Даже живот втянуло. Дышать стало тяжело. От этого сероглазого не уйти. Сказки будет рассказывать, но душу вывернет. Расстрел, расстрел, расстрел, — учащенно забилося сердце, словно стремясь до последней роковой минуты сделать как можно больше ударов.

— Фройляйн Марта, позвольте по псевдониму, давайте так, я предлагаю вам условие. До утра вы обдумываете. От вашего ответа будет зависеть — этапировать вас в Гай или оставить здесь.

Наступило многозначительное молчание.

— Вы кто? — спросила Галина.

— Скажу как можно проще — нечто вроде агента иностранной турфирмы...

— Про какой-то Гай упомянули... — еле слышно произнесла Галина.

— Этот поселок на юге Урала вы знаете лучше меня. И не будем тратить время на пустое.

— Согласна я, — уже твердо произнесла Галина.

— На что согласны?

— На все, кроме Гая...

— Да-а, Марта, — неопределенно протянул Жумабаев. — Жизнь порой непредсказуема. Вам она улыбнулась. Не следи мы за Аль Муином, через месяц-два... Страшно подумать.

— Кончайте треп, условия диктуйте! — прервала Галина полковника, словно она тут главная.

Жумабаев посмотрел на нее, улыбнулся. Подходит!

— Буду откровенен с самого начала. Никакую подписку не беру — знаю, не проболтаетесь. В собственных интересах.

— Я не из болтливых.

— Вот и хорошо, Марта.

— Галина, — поправила Чумакова. В изгибе ее рта был неопределенный вызов.

— Останетесь Мартой. Для Альберта. Документы нужные мы выправим.

— Извините, — перебила Галина, — я редко пью вино. Но сейчас. Можно?

— Конечно! И я с вами. За успех дела.

Жумабаев знал, где Пичугин хранит спиртное. У того всегда под рукой. Достал из правой тумбы стола начатую бутылку коньяка «Ахтамар», две стопки, коробку конфет. Разлил.

— За то, что нас свел счастливый случай, — поднял свою стопку полковник.

Галина выпила молча, закашлялась.

— А сейчас отдыхайте. — Жумабаев посмотрел на часы. — Завтра о работе поговорим. Обстоятельно. У меня с нашим общим другом, Иваном Федоровичем, мероприятие личного плана. Я бы, конечно, вас домой отпустил. Живете-то где?

— В Тушино.

— Приставить некого. С завтрашнего дня вы на свободе. Под надзором. Все двадцать четыре часа. Ежедневно, без выходных. Попытка к бегству воспримется как ваша непригодность к делу. Надеюсь, догадываетесь о последствиях...

— Да.

— Станете жить на улице Герцена, пока не покинете страну. Квартира просторная, обставленная. Естественно, прослушивается. За рубежом будет особый режим.

— В чем будет заключаться моя работа?

— О-о-о! Блестящая карьера. Любимая жена наследного шейха. Одна из первых дам страны.

— Не Франции? — пошутила Галина. Она уже полностью успокоилась. Предложение ей понравилось. Она под «крышей»! Защищена!

— Нет, не Франции. Омана. Арабы там, ух! — выгнул брови Жумабаев.

— Можно, я с вами на мероприятие?

Просьба оказалась несколько неожиданной. Жумабаев ответил не сразу. Как-то у него крутилось подспудно, взять ее.

Полковник внимательно посмотрел на Галину. На его лице было написано: «Я тебя возьму как делового партнера, но на большее не рассчитывай».

— Да, конечно, фройляйн, — дружески улыбнулся Жумабаев, подчеркивая тем, что служебные дела на сегодня завершены.

— Тогда мне надо привести себя в порядок. Душ принять.

Посмотрела зазывно на полковника. — Белье сменить.

XVII

Тридцатого октября на Южный Урал надвинулся циклон. Холодные, влажные пласты атмосферы перемещались с Востока на Запад, то орошая землю дождем, то покрывая ее мокрым

снегом. Пасмурно, сыро, неудобно. Тянет к огню. Погода, как шутят выпивохи, шепчет: «Займи и выпей».

Прошло три недели со дня налета на Гайский банк. Константину же казалось, прошла целая жизнь. Одна светлая, короткая — до ограбления, вторая пасмурная, долгая — после.

Проведя утреннюю разрядку, Константин надумал пройти с ружьем по Караганке — небольшой речушке, что впадает в Ириклинское водохранилище километрах в десяти от стройки. Как знать — может, в последний раз.

Попросил Амалию принести ружье и патронташ, что хранились в ее кладовке.

— И я с тобой! — попросилась Амалия, выражая радость на лице. Иногда он брал ее.

— Одному надо побыть, — буркнул Константин, ревизуя содержимое патронташа.

— Пока охотишься, я машину посторожу. Чай приготовлю. А?

Исин промолчал.

— Мне надо сказать что-то очень важное, — продолжила Амалия просительно.

— Потом. Когда вернусь.

Амалия обиделась, глаза ее увлажнились, что привлекло внимание Константина. Он обнял женщину, привлек к себе, слегка похлопал по плечу, как делала мать, успокаивая его в детстве. Амалия доверчиво прильнула.

— Ну-ну. Успокойся. Скоро вернусь. Мне же сегодня уезжать.

— Я знаю.

Константин не удивился осведомленности Амалии. Об отъезде он пока никому не говорил. Амалия умела угадывать его намерения.

— Ты поспеши. Мне надо... Сказать. Ждать буду здесь в прорабской.

— Хорошо, — неопределенно сказал Константин, не выходя за круг своих мыслей. — Жди здесь.

Исин оставил машину на пустующем полевом стане. Пошел дальше пешком вдоль русла Караганки.

За лето река пересыхала на больших участках. Оставались маленькие, поросшие камышом озера, питаемые родниками. Вода озерная чистая, холодная в любую жару. Утки держались здесь до поздней осени.

На первом же озере Исин сбил двух из трех поднявшихся уток. Для него редкая удача. Такое запоминается.

Второе озеро оказалось пустым. Возможно, утки улетели, напуганные прорывавшимися выстрелами.

С третьего озера, громко крикая, тяжело поднялся селезень с изумрудно-зеленой головой. Исин поднял было ружье, но не стал стрелять, проводил улетающего селезня долгим взглядом.

Вот и он сам сейчас под прицелом...

Прошел не спеша еще два озера. Порывистый ветер рябил воду, шелестел камышом. Полтора десятка лет он будет лишен возможности созерцать подобную красоту, слушать таинственные звуки природы. Сколько же ему будет, когда освободится? Тридцать три, плюс пятнадцать. Сорок восемь! Почти полста!

Облака порвались, раскрыв над ним кусок синевы. Ветер не утихал. Исин сел под обрывистым берегом. Здесь не дуло. Закурил.

Галина, — думал он. — Галина! — Мысли все вертелись вокруг нее. Верил ей больше, чем себе. Была Галина — жизнь была ключом, А теперь все рухнуло. Обида бередила душу. Не из-за денег. Зачем они? Купить эти озера все равно невозможно. А выпить, закусить, развлечься, повесить побрякушки на Амалию или еще на кого, хватит того, что получал.

Сбежать! На край света. Уйти от реальности... Но от кого бежать?! От СЕБЯ и в НИКУДА...

Крайний левый патрон в патронташе заряжен пулей... Нет... Нет! Не выход. Много он наворотил, но эту ошибку невозможно будет исправить.

Вернулся на базу. Скоро обед. Пожилой шофер гаизика под навесом возится с буровой установкой под навесом. Решил изучить и работать на нем. Спокойнее, чем баранку крутить, да и заработок побольше. Хотя куда ему? Не пьет, не курит. Женщина, с которой жил, ушла к молодому бурильщику.

При появлении Константина в прорабской, Амалия поспешно убрала рукоделие. Испугалась вроде...

— Ты что? — бросил Константин любопытный взгляд.

Амалия покраснела.

— Ну, — дернул головой Исин, словно подбадривая ребенка рассказать стишок.

— Ничего. Сижу, шью вот.

— Ты еще и шьешь?! Кроме всего прочего...

— Раньше не шила, сейчас — да.

— Почему только сейчас?

— Узнаешь потом.

— Когда потом?

Амалия на время задумалась, шевеля губами. Словно подсчитывала.

— Через полгода. Даже чуть раньше. На десять дней раньше.

— И что же случится через полгода?

Константин думал о своем.

— Отцом станешь!

Константин внимательно посмотрел на Амалию. Галину вспомнил, с ее вымышленной беременностью.

Константин с минуту осмысливал услышанное.

— Ты что мелешь?! — прервал паузу.

Сказанное прозвучало грубо, но относилось скорее к Галине, чем к Амалии.

Женщина встала, подошла к Исину. Очень близко, обдав горячим дыханием.

— Тебе не кажется, что ты... — заморгала Амалия, губы ее дернулись. — Твой ребенок... Продолжатель твоей жизни.

Константин все еще не воспринял сказанное ей, как реальность.

— Откуда знаешь, что мой?

— Рудольф не способен. Я с ним два года прожила. Кстати, сегодня ушла от него.

— Куда?

— Пока никуда. Что-нибудь до вечера придумаю. Не это главное.

— И что же главное?

— Ты.

Амалия прижалась к Константину, ткнулась доверчиво головой о его грудь. Две крупные слезинки, выкатились из глаз, упали на его сорочку.

— Амалия... — Константин обнял ее за плечи, посмотрел в глаза. Помолчал.

— Что? — прошептала женщина. — Осложнений не будет. Я не покушаюсь на твою свободу. Живи, как знаешь.

— Не это, Амалия. Меня долго не будет.

— Значит, это ты?

— Что я?

— Сам знаешь. Я не хотела верить, Костя. Ночей не спала. Но не ты же стрелял! Не ты!!!

— Откуда это у тебя мысли такие?

— Люди говорят.

— Что я в ограблении банка участвовал?

— Что женщина стреляла. Про тебя только я знаю. И мент, что приезжает. Он мысли читает.

— Я уезжаю сегодня. Как раз с ним...

— Ты уже говорил. Мы будем ждать. Я и наш сын.

Амалия взяла руку Константина, приложила к своему теплomu животу.

— Хоть сколько будем ждать!

Легко как-то стало Константину. Улыбнулся. Опустил руку чуть ниже...

— Ну, — дернулась Амалия.

— Ребенка тебе давно пора заводить. Отцовство признаю. Верю. И извини...

— За что?

— Не знаю. Наверное не такой я муж и отец, какого бы ты хотела иметь для жизни.

— Другого я бы и не полюбила... Не виноват ты. Из-за нее пошел. Способен, значит, жертвовать собой ради любви.

— Уже нет... Ни ее, ни той любви.

— Одна любовь прогоняет другую и никогда не длится слишком долго. Тогда как целой жизни не хватит, чтобы забыть предательство...

— Прямо-таки философское изречение! — удивленно посмотрел Константин на кладовщицу.

— Это у Джона Голсуорси. Знаю, уйдя от тебя, она оставила пустоту в душе.

Константин не стал спрашивать, откуда все это ей известно. Но и не удивился.

— Тебя пора убивать, — пошутил. — Все-то ты знаешь.

— Ахмак, — ласково сказала Амалия. — Ох и ахма-ак.

— Это уж точно.

— За это и люблю.

— Надежная ты.

И подумал: «... одна любовь прогоняет другую».

Исин приехал в Орск за час до прибытия поезда Оренбург — Челябинск. Купил билет в шестой вагон, как заранее договорились с Лутцем по телефону. Отношение к нему двойственное. Копают под него. Но это его работа. А мужик он, похоже, «реальный». Куда бы проще следователю закрыть подследственного в кутузку. Похлебаешь баланду, понюхаешь парашу и вспомнишь, где твоя краля. Однако нет — поверил, взял в помощники. А уж потом каждому свое...

Подошел поезд Оренбург — Челябинск. Лутц вышел из вагона. Поздоровались. Прораб — сдержанно, следователь — весело, с улыбкой.

— Сухарики прихватил? — дружески улыбнулся.

— А что, уже?..

— Закусывать ими будем.

— Очень остроумно, — буркнул прораб.

Поднялись, прошли в купе. Следователь попросил проводника никого не подсаживать в их купе и принести ужин из вагона-ресторана. Дал деньги.

— Можешь стопку хлопнуть. На чаевые.

— На службе не употребляем, — соврал уже подвыпивший проводник. — Устав!

Константин полез было в карман внести свою лепту, Леонид Альфредович остановил, положив руку на его плечо:

— Я как-бы сопровождаю тебя по этапу, — пошутил, — должен кормить и поить.

Поезд медленно тронулся. Подростки на перроне, среди них две девчушки, смотрят на уходящий состав. Каждый вечер они приходят к поезду, хотя никого не встречали и не провожали. В глазах у подростков неосознанная тоска. Укатить бы однажды... Далеко, далеко, в неизведанные края.

Сели ужинать. Выпили, налегли на закуску. Салат из крабов, свинина отбивная с картофелем фри, кофе натуральный. Повар вагона-ресторана постарался. Без сомнений, проводник доложил, для кого заказ.

— Ну, — посмотрел следователь на прораба сквозь толстые стекла очков, закусив и сунув в рот сигарету, — анекдоты трави. Принято в пути...

— Про Василия Ивановича?

— Можно.

— Успеем. Налей еще.

Лутц плеснул в стаканы. Выпили молча, без традиционного: «Будем здоровы!».

— Да-а-а, — изрек следователь, вкладывая непроизвольно в короткую частицу речи весь объем впечатлений от последних событий.

— Уж, — добавил Исаев.

Оба заулыбались, вспомнив это многозначительное изречение, принадлежащее известному литературному герою.

— Нравишься ты мне, Константин. Не пойму только чем. Жаль, знакомство у нас такое...

— Понятно чем — помогаю дело раскрыть.

— Не только...

— Не требую зарплаты и командировочных.

— Я и без тебя бы управился...

— Зачем тогда я?

— Глупостей чтобы еще не натворил. Банка и взорванного склада с тебя хватит.

— С банком ты и прав — сценарий я разработал. Но со складом мимо.

— Да ну?..

— Сто процентов.

— Любопытно, зачем Николаеву пушка понадобилась? — спросил Лутц скорее себя, чем Исина. — Если он склад взорвал.

— Я его взял, — признался Исин буднично.

И, помолчав, добавил:

— После ограбления выбросил. В топкое место водохранилища...

— Тогда тебе трудно будет доказать суду, что не ты склад взорвал. Если Николаев не отыщется.

— Я как-то не думал об этом.

— А то и его самого на тебя повесят...

— Веселенькая перспектива.

— Скажу откровенно, Константин Павлович, не найдем Чумакову, тебе за все отвечать. Так принято. Я не смогу помочь. Но, думаю, найдем...

— Сам бы не стал ее искать, — сказал Константин, не отрывая взгляда от мельканий пейзажа за окном вагона. Деньги мне не нужны.

Разговор как-то сошел на нет. Легли спать.

Константину сон: Мать летит над зеленым лугом. Держит в объятиях ребенка. Ребенок он, Костя.

— Куда мы, мама? — спрашивает Костя.

— На похороны, — показывает мать, протягивая руку.

Небольшая процессия по извилистой проселочной дороге поднимается в гору по пологому склону. Впереди босой старик с растрепанной бородой, несет маленький гробик, повесив его платком на шею. За ним человек несет крест. Белый, свежеструганный. Следом, во всем черном, плачущая женщина ведет за руку белокурую, босоногую девочку...

— Амалия, твоя будущая жена, — указывает мать на босоногую девочку.

— А в гробике? — спрашивает Костя.

— Галина, твоя бывшая жена.

Костя проснулся. Стал вспоминать сон. Эпизод за эпизодом.

Управление «Сибсельмаша» расположено за пределами режимного производства. Посещать контору можно без спецпропуска. Начальник отдела кадров Нохрин — человек неопределенного возраста, крупный во всех измерениях, с неподвижным лицом идола, изучив предъявленное следователем удостоверение и ощупав его владельца подозрительным взглядом, посмотрел недоуменно на Исина. В глазах немой вопрос — а это кто?

— По одному делу, — перехватил его взгляд следователь. — Нас интересует ваш работник по фамилии Редун.

Кадровик помолчал около минуты, обдумывая ситуацию. Кого другого, он, наверное бы, отшил, сославшись на секретность объекта. А тут следователь прокуратуры по особо важным делам.

— Редун, говорите, вас интересует? — пробурчал недовольно.

— Опять Редун...

— Владимир, — уточнил следователь.

— Тэ-экс. Вы, выходит, из самого Оренбурга? Там-то он что натворил?

— Ничего. Нам надо поговорить с Владимиром по делу, не касающегося вашего производства и лично его.

— С башкой у него неладно, — постучал себе по голове кадровик, — что на ум придет, то и ляпнет. А с умом напряг! И не на кухне в коммуналке болтает, а в рабочем коллективе. Заинтересовались им органы. Вот и подумал, что и вы...

— Увидеть-то его можно? Вопрос у нас пустяковый, — сказал Лутц. И, подумав, добавил:

— Не политический.

— Если найдете, — дернул головой кадровик, как бы высвобождая шею из тесного воротника наглухо застегнутой рубахи.

— Так он что, не на работе? — спросил следователь.

— Вот именно. Но где, не знаю. Что у вас за вопрос? Может, я отвечу...

— Нас интересует место работы одной знакомой Редуна.

Нохрин засомневался в искренности посетителей.

— А фамилия той женщины? Может, из наших.

— Фамилия ее нам не известна. И работает она, скорее всего, не у вас. Элей зовут.

Тут кадровик совсем засомневался — темнят мужики...

— Тэкс, тэкс. Эля, говорите. Эльвира выходит.

— Да, Эльвира, — подтвердил Константин «догадку» Нохрина и для ориентации описал внешность:

— Пышная такая особа. Булочка сдобная.

— С изюмом, — добавил Лутц, подыгрывая Исину.

Кадровик согнал, появившуюся было, служебную улыбку.

— Владимир Алексеевич серьезно болен. Находится на излечении в закрытом учреждении. Вряд ли сможет с вами встретиться.

— Так мы к нему...

— Вас туда не пустят.

— Ясно, — Лутц задержал взгляд на Нохрине. — И за что его «лечат»?

— Сказал же с головой не все ладно.

— Понятно, не с ногами. С головой-то что?

— Вы партийные? — испытующе посмотрел Нохрин на посетителей.

— Члены, а как же! — ответил Лутц за обоих. — Наши должности партийные.

— Обозвал самого генсека маразматиком и вешалкой для орденов. На общем собрании коллектива.

— Похоже, действительно серьезно болен, — прокомментировал следователь. — Можно, я позвоню от вас?

— Только надолго, — нехотя пододвинул к нему телефон Нохрин.

Лутц не хотел беспокоить Гриневича в этот приезд. Пришлось.

Редуна содержали за городом в специальном медицинском учреждении КГБ. И, конечно, без протекции вездесущего Гриневича, ходяков с Южного Урала туда бы близко не подпустили.

Лутц правильно сориентировался, послав на свидание с диссидентом Исина. Знакомы как-никак. Да и лицо не официальное, пришел навестить, поболтать.

Долго скрипели и гремели металлические засовы, пока Константин очутился в помещении, отдаленно напоминающем больничную палату. Вся мебель прикручена к полу, окна зарешечены.

Редун признал Константина и даже обрадовался. Исин не стал расспрашивать о здоровье, зная причину заточения.

Поговорили о погоде.

— Эля как поживает? — поинтересовался Константин, как бы между прочим.

— Порвал с ней. Точнее она со мной. Побоялась работу потерять. Да и к лучшему...

— Там же работает? — спросил Исин, старательно маскируя интерес.

Обостренная психика заключенного уловила фальшь. Дрогнуло лицо, сверкнули глаза.

— Зачем она? И откуда ты узнал, что здесь я? Пустил тебя кто? Сюда не пускают.

— Из газет, — соврал Исин, ощутив неловкость. — «Комсомолка» про тебя писала.

— Врешь все! Зачем тебе Эля? Она не разделяет моих убеждений. Даже наоборот. Так и скажи им.

— Извини, Володя. Не хотел тебя грузить — Галина исчезла. Потому и хотел встретиться с Элей. Хотя какая-то зацепка.

Редун так же быстро успокоился, как и вспылil.

— В потребсоюзе работает. В облпотребсоюзе, — уточнил. — Хламушкина ее фамилия.

— Спасибо, Володя. Восхищен твоим мужеством. Я бы не смог...

— Не болтай лишнего. Здесь и стены слушают...

В облпотребсоюзе сообщили — заведующая отделом заготовки даров природы Хламушкина «вдохновляет» советских писателей в Литфондовском пансионате Коктебель.

Уже на улице следователь почмокал губами, зажег сигарету, сфокусировал зрение на Исине.

— Тебе придется съездить. Не напряг?

— Да нет. Отпуск как раз.

— Тогда вперед. Можешь пару дней покутить там. Но не больше. Позвонишь из Коктебеля, договоримся о встрече. Думаю, в Москве она состоится.

XVIII

Колосилась на полях жито, дымили заводские трубы, соревновались рабочие тяжелой и легкой промышленности, выполняя пятилетку за три года. Оклады служащих сносные, заработная плата трудящихся приличная. Сообразительные, еще и приворовывают. По праздникам собираются нарядные компании. Мужики пьют беленькое, женщины — красненькое. Закусывают селедкой под шубой. И, захмелев, поют романтические песни. Про девчонок в ковбойках на палубе, большую хорошую любовь и «зеленое море тайги». Чем не жизнь!

Не слышно, без скрипа работают обильно смазанные госбюджетом механизмы МВД, КГБ, ГРУ. Про существование Главного Разведывательного Управления (ГРУ) не подозревают даже шибко грамотные «очкарики». Настолько оно засекречено!

ОРГАНЫ, внешне независимые друг от друга, являются теми тремя китами, на которых держится **ВЛАСТЬ**.

Случается, соприкасаются киты. По ходу расследования запутанных дел. Мнения и интересы не всегда совпадают. В таких случаях майор КГБ может повысить голос на полковника МВД, а капитан ГРУ послать подальше того майора. Такая субординация. И всеми «китами» рулит мумия вождя мирового пролетариата из мавзолея.

Взаимоотношения капитана КГБ Ивана Пичугина и полковника ГРУ Булата Жумабаева дружеские. Из одного котла когда-то хлебали. Вот и сейчас... Понадобился Жумабаеву «объект» для разведуправления — нет проблем. Забирай!

Ларкин пошел показывать «объекту» душевую комнату. За одним и постеречь.

Вернулся в свой кабинет выставленный на время Иван Пичугин.

— Ну, как кадр? — растянул капитан губы в подобии улыбки. Знал слабости полковника к слабому полу.

— Пошла подмыться. Пойди, пугал девушку? Изверг!

— Н-да, — неопределенно изрек Пичугин. — Напугаешь такую...

— Напросилась на банкет. Заберешь ее потом. За мной сегодня присматривает служба собственной безопасности. По графику.

— И у вас?!

— Ребята свои. Сигнализируют. Без заскоков чтобы. Их тоже периодически проверяют. Так что, Ваня, право первой ночи за тобой, — сказал Булат, с оттенком иронии.

Полковник был не лишен чувства юмора. Солдатского.

— Занятно может получиться, — сказал Пичугин, на полном серьезе. — Лежу, томлюсь в ожидании. Она выходит из ванной, вся в белом, изгибает изящный стан, сгребает меня в охапку, выносит на балкон и роняет с шестого этажа. Лечу и думаю: «Лучше бы с женой телевизор смотрел».

— Неужто способна?!

— Ну, это я так... Но терять ей нечего. Милиционера кокнула не задумываясь.

Сопровождаемая лейтенантом вернулась Галина. Помолодевшая. На ярких губах, не тронутых помадой, принужденная улыбка.

— Гражданка Чумакова, — начал докладывать лейтенант.

— Сам вижу, — оборвал его Жумабаев, — что гражданка очень привлекательная.

И без видимой связи спросил:

— Шашлыки, лейтенант, любишь?

Ларкин улыбнулся, показывая сообразительность и два ряда белых зубов.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

Галина перевела настороженный взгляд с капитана на полковника. Будь право выбора, предпочла бы Пичугина. Жумабаев шибко породистый. Такие мужики способны доставлять удовольствие только себе.

— Джентльмены, я готова, — сказала Галина, изобразив на лице ангельское выражение. — Приглашайте!

Все это было игрой, притворством. На какую-то секунду уходящий из комнаты луч солнца высветил в глазах Галины тревогу. Они, помимо ее воли, метнулись по сторонам, как загнанные звери, ищущие убежище. Страх временами путал мысли. Бежать ей или остаться? Если бежать — то когда? Из ресторана... Или позднее, когда один из этих кобелей станет приставать. Студент, наверное, охранять будет. Ему сказали.

В шашлычной «Кавказ» никто из «кобелей» особо за Галиной не ухаживал, хотя мужики изрядно набрались. О работе ни слова. Галина ждала, что будут хоть какие-то намеки.

Кирилл Ларкин после банкета отвез ее неизвестно куда. За высоким глухим забором с автоматическими воротами, серое восьмизэтажное здание. Без балконов, но и без решеток на окнах. Охрана при входе. Ларкин доложил. Поднялись на шестой этаж. Другой охранник, по этажу, в форме сержанта козырнул лейтенанту.

— Шестьсот тринадцатая женская, — сказал, переведя взгляд на Галину. Поздоровался с ней:

— Добрый вечер!

Длинный, ярко освещенный коридор с множеством однотипных металлических дверей. Кирилл позвонил в шестьсот тринадцатую. Открыла невысокая, коренастая женщина неопределенного возраста. Словно она законсервировалась в свои сорок, и, наматывая годы уже не старилась. На лице ни единой морщины. Посмотрела на Галину ничего не выражающими глазами, как на мешок картошки, что оставляют на хранение.

— Утром заберут, — сообщил Ларкин.

Потоптавшись с минуту на месте, не желая обидеть понравившуюся девушку нелестным эпитетом — «особо опасная!» (обязан по уставу), завуалированно предупредил:

— Очень способная!

— У нас закон морской! — строго сказала женщина без возраста, выпятив грудь, отчего стала похожа на утку. — Все, голубчик, ступай.

— Мария Куприяновна, — представилась смотрительница фешенебельной тюрьмы, закрывая входную дверь на ключ. — Можешь просто тетя Маша. Не обижусь. Проходи, располагайся.

Галина прошла в большую комнату, села на краешек дивана, сложила руки на коленях, стала без интереса рассматривать «апартаменты». Ничего лишнего, как в недорогой гостинице. Смежная комната, видимо, спальня. Санузел, обратила внимание еще при входе, слева от входной двери. Тетя Маша села в кресло напротив, широко расставив короткие полные ноги.

— Ни о чем тебя, голубушка, не расспрашиваю. Не положено. Морской закон! Мне платят за охрану, а не за треп с постояльцами. Хорошо платят, грех жалиться. И в тепле, опять-таки. Вон, сеструха двоюродная, Томка... Получает меньше, хотя и инженер. Верно, тоже в тепле.

Тетя Маша откинула полу цветастого халата, продемонстрировала синие рейтузы. Извлекла из недр рейтуз наган, каким Галина порешила милиционера. Как бы предупреждала — не вздумай баловать! Обтерла оружие подолом халата, дунула в ствол, отчего возник чистый оптимистический звук.

— Другую «пушку» тут предлагали, — сообщила доверительно, внимательно посмотрев на Галину. — Автоматическую. Но я привыкла к этой системе. Шесть пуль, безотказная.

— Вы не лишены чувства такта, тетя Маша, — сказала Галина с кривой усмешкой.

Поняла — сбежать отсюда не возможно.

— Так вот, — сказала тюремщица, пряча наган в недра рейтуз, где, видимо, пришит карман, — такие, девка, дела...

Мария Куприновна раздела ночлежницу, осмотрела вещи, выдала пижаму.

— Соседняя комната твоя. Подъем у нас в семь тридцать. Морской закон.

— Почему морской? — зевнула Галина. — Тут и близко-то моря нет.

— Все бы тебе знать.

Тетя Маша, встала, подтянула обеими руками рейтузы, стягиваемые тяжелым наганом.

— Сказано морской, значит морской. Иди, спи.

«Хоть наган с тебя штаны стягивает, — зло подумала Галина. — Да-а, отсюда не сбежишь...»

Утром за Галиной зашел молодой человек, выше среднего роста, широкоплечий, с неприметным лицом, и открытым искренним взглядом. Штатская одежда не скрывала военной выправки. Тетя Маша сказала, кивнув на Галину: «Сдаю в целости и сохранности». Подтянула рывком рейтузы. Видимо, согласно «морскому закону».

— Василий меня, можете просто Вася, — представился конвоир. И поинтересовался: — Как отдохнули, Галина Семеновна? Нет ли жалоб на здоровье?

— Спасибо, — поблагодарила Галина.

Тревога и страх снова стали наполнять ее существо.

— Позвольте предложить вам завтрак.

— Утром я только кофе.

— Как пожелаете.

Галина посмотрела на конвоира с некоторым любопытством — искренний ли в обходительности? Вроде да. Дела у нее, похоже, не совсем плохи, если такая учтивость.

Спустились на первый этаж. Небольшая столовая. В меню есть и водка «Столичная», и пиво «Жигулевское».

— Водку можно? — спросила Галина.

— Пожалуйста. Компанию даже составлю.

— Пошутила я. Кофе мне.

— Закажем.

Приготовили кофе скоро. Превосходный.

Кабинет Жумабаева располагался на втором этаже соседнего трехэтажного здания. Обстановка строго функциональная. Кроме массивного рабочего стола с приставным столиком, посреди комнаты небольшой журнальный столик с двумя креслами. Совещания здесь явно не проводятся. На стене портрет Ленина в кепке с хитрым прищуром. Окна затянуты шторами. Не видно, что за ними.

Конвоир привел Галину. Жумабаев вышел из-за своего стола, отодвинул стул от приставного, чтобы ей удобнее было сесть, сам расположился напротив. Вчерашней кутеж ни каким образом не отразился ни на внешнем облике, ни на настроении. «Как огурчик, — отметила про себя Галина. — Крепкий мужик! Костя бы стонал, просил за пивом сходить».

— Настроение как? — осведомился полковник, оценивающе посмотрев на Галину.

И не дожидаясь ответа, продолжил:

— Все зависит от настроения. Все! И его надо культивировать самому.

Галина молчала. Да и что бы она сказала.

— Приступим, — сказал полковник без всякого выражения, и посмотрел на нее как скульптор на ком глины, из которого собирается лепить образ.

— Для начала вопрос, Галина Семеновна. Потом условия. Вопрос такой: идете к нам из страха быть уничтоженной или руководствуетесь иными побуждениями?

Галина продолжала молчать. Она не знала, что ответить.

— Ну, скажем, — подсказал полковник, — влекут вас лавры Маты Харри, или деньги... А их, похоже, вы любите.

— Не знаю я. Скорее страх...

— Спасибо за откровенность. Страх нас тоже устраивает. Тогда вперед. Вначале подпишем один документ.

Полковник встал, прошел за письменный стол, чистый от бумаг и конторской мишуры, достал из ящика стола заготовленный лист с машинописным текстом.

— Можете не читать. Здесь написано: за все, что не соответствует нашим требованиям — ликвидация. Документы на фрау Марту оформим позднее. Времени сейчас нет.

Галина подписала. Жумабаев внимательно рассмотрел автограф, как бы определяя по нему пригодность нового агента для серьезного дела.

— Итак, что от вас требуется. Кстати, давайте по рюмашке за ваше назначение.

— Кем?

— Снохой султана Омана.

Галина ничего не поняла, но, тем не менее, пристроила на лице улыбку. Страх стал отпускать — она подписала документ, значит, где-то уже служит, кем-то защищена.

Жумабаев открыл холодильник.

— Коньяк, виски?

— Если можно, сухое вино.

— Компот не держим, — усмехнулся полковник.

— Тогда все равно.

— Виски давайте. Настоящее шотландское.

Жумабаев налил напиток в хрустальные стаканы. Выпили молча, закусили оливками.

— Итак, за дело.

Жумабаев на минуту замолчал, выстраивая логическую цепь в голове. Все-таки там, после вчерашнего, был таки кое-какой хаос.

— Я предельно откровенен с вами. И все мои сообщения — государственная тайна под грифом: «Совершенно секретно». Вам, Галина Семеновна, крупно повезло, что вы случайно познакомились с Аль Муин ибн Сави. Кстати, он вам нравится?

Галина пожала плечами. Ее небесно-голубые глаза ничего не выражали.

— Нет, Галина Семеновна, вы должны ответить четко и искренне. Приятно вам это или не совсем. Дело того требует.

— Да, он мне понравился. На первом этапе планировала уехать с ним за бугор. Там его бросить и перебраться на Запад.

— Понятно. Спасибо за откровенность. И впредь так. Пошли дальше. Шейх Альберт, как вы его окрестили, старший сын султана Омана. Ему семьдесят восемь. Тридцатипятилетний наследник султана, ваш поклонник, считает — отец засиделся на троне. Это действительно так. С сорокового года «султанит».

Англичане с давних пор имеют экономическое и военное влияние на Оман. По нашим разведанным, они в последнее время усиленно обхаживают наследника.

Немного истории. Оман — маленькое государство. Население всего около миллиона. Из них девяносто процентов — арабы. Остальные — персы и выходцы из Индии, Пакистана и Африки. Питаются скудно, не накладно будет прокормить страну. Религия — ислам.

Араб может взять в жены девушку иной национальности и веры. Но та должна принять мусульманство.

После выразительной паузы полковник добавил:

— Для женщины это без проблем.

И посмотрел с улыбкой на Галину, произвела ли шутка впечатление.

— Очень остроумно, — скривила она губы.

Жумабаев обиделся. «Если у этой тра-та-та-та, — подумал, употребив непечатное слово, — хватает мужества дерзить, далеко пойдет. Ну да ладно, дело того требует».

И не в первый раз задумался: чье это ДЕЛО? Он бы с удовольствием плюнул на все дела и удрал с такой оторвой в Испанию. Виноградник бы завел, носил сомбреро, ездил на ослике, наплодил кучу загорелых, хулиганистых пацанов... Но кто позволит? Уходят из ГРУ только ногами вперед...

— Ладно, отвлеклись. Продолжим ликбез. Оман — маленькая страна...

— Вы об этом уже говорили.

— Ну и что?

— Ничего. Повторяетесь. Я и подумала...

— И что же вы подумали?

Слегка дернулось лицо — болел затылок.

— Не пропустить ли вам еще стаканчик. Сосуды головы расширить.

Полковник вытаращил глаза, мысли читает, или...

— *In vino veritas!* — улыбнулась Галина.

— Это на каком языке? — спросил как у ровни Жумабаев.

— Латынь.

— И что означает?

— Истина в вине.

— Логично. А вы?

— И я. Согласно логике. Только боюсь привыкнуть. Нам, женам султанов, не полагается.

— Не всю же жизнь...

Жумабаев не договорил. Он не представлял четко оставшуюся часть и своей-то жизни.

Галина пригубила обжигающий золотистый напиток. Булат выпил одним глотком.

— Ну что, опять про Оман?

— Давайте, Булат. Можно вас так?

— Очень мило. Оман — маленькая страна, но является замком к Персидскому заливу. Кто владеет заливом, владеет Ближним Востоком! Думаю, вам понятны наши мотивы?

— Да, — кивнула Галина. Она представления не имела о местонахождении Омана. Не то на востоке Африки, не то на западе Азии. Где-то там.

— Очень рад вашей осведомленности. Очень!

Помолчали.

— Так вот, — продолжил полковник ГРУ, — мы планируем оказывать активное давление на султана Омана. Улавливаете мысль?

— Альберт предлагает придворному лекарю отравить папашу, — как-бы продолжила Галина мысли полковника, — Классический прием иезуитов.

— Ну, не совсем так. Султан старый человек. Медицина иногда и ошибается... У наших врачей это часто случается — большой умирает не от того, от чего его лечили.

Жумабаев хитро скосил глаза на Галину:

— Задание по пункту «один» — соблазнить шейха Альберта. Извините за бестактность, дело того требует. По сообщению наших агентов интимных отношений с шейхом у вас еще не было. Это так?

— Да.

— Тогда поторопитесь и продемонстрируйте непорочность. Нужна вам консультация специалиста?

— Нет.

— Прекрасно. Через пару недель сообщаете стеснительно своему возлюбленному о беременности. Она должна быть.

— Понятно.

— В начале ноября с наследником покидаете Союз. По приезду в Оман активно обрабатываете Альберта. Арабы детолюбы. Ценят женскую ласку и покорность. Изъясняетесь больше глазами и руками. Изучайте арабский язык. Альберт после естественной смерти отца становится султаном. А Оман демократической республикой. Вот и вся ваша работа. О вашем подвиге, возможно, узнают лет через сто... Операция детально разработана. Рядом с вами будет находиться завербованный нами придворный. Опытный разведчик. Ваш шеф и наставник. И последнее — не было случая, чтобы кто-то от нас ушел «по собственному желанию».

В глазах Галины отразилась тревожная мысль: ошибка, и ее нет.

Жумабаев, поняв ее состояние, подбодрил:

— Ошибок не должно быть.

— А что потом? После демократии.

— Останетесь при дворе тайным инспектором.

Полковник ГРУ врал. Исполнители акции подлежали уничтожению. Жумабаев посмотрел на Галину. Поверила ли? Его неприятно поразила злорада, вспыхнувшая на миг в ее потемневших глазах.

— Не верю вам. Мне нужны гарантии.

— Их у меня нет. Но вы можете отказаться. Тогда...

— Хорошо. Я сама о себе позабочусь. На берегах Персидского залива.

— Каким образом?

— Пока не знаю.

- Вы мне нравитесь, Марта. Решительностью.
- Спасибо за комплимент. Надеюсь, он искренний. Помолчали.
- Шофером такси будет Василий, что привел вас сюда — прервал молчание полковник.
- Какого такси? — не поняла Галина.
- Вы же завтра с Альбертом собрались за город. Вот он и будет вас катать. Не скупитесь на чаевые, у нас все останется, — пошутил Жумабаев.

XIX

— Я там у тебя, м-м-м... — промышал Леонид Лутц, наблюдая с легкой иронией во взгляде за Константином Исиным, когда они покидали облпотребсоюз.

- Там, это где? — не понял тот.
- В твоей управе. В прошлый приезд шороха там навел. Ты уж сам улаживай...
- Ну да ладно, больше уважать станут.
- Это уж точно!
- Звонил мне главный инженер, так это вы, выходит, старика пугали.

— Его и пугать не надо — чуть тряхни, всю подноготную выложит. Против тебя — никакого компромата.

— Это верно, — согласился Исин. — Придется еще шефа потрясти. Деньги нужны...

Шли молча. Каждый думал о своем. Лутц думал о прорабе — правильно ли решил, отпуская его на все четыре стороны. У Исин мысли дробились: срок — сколько ему отмерят... сколько ему будет, когда освободится... Амалю кот будет забирать из роддома...

После продолжительного молчания, Лутц, остановился, испытующе посмотрел на Исина, и, как бы нехотя произнес:

— Костя, я тебе доверяю, но должен предупредить — исчезнешь, станут искать в твоей деревне на Урале. Всю родню допросят. А так, может и не узнают, что срок мотаешь...

И уже на автобусной остановке, расставаясь, хлопнул свойски по плечу:

— Ну, давай... Жду звонка из Коктебеля.

Контора Новосибирского спецуправления буровзрывных работ лениво расточала время. Без показного энтузиазма, с дремотой и длительными перекурами.

Начальник управления Жиров отложил «Комсомольскую правду», стал подсчитывать, сколько дней осталось до

пенсии. Он сделал это еще утром, но решил перепроверить. Сегодняшний день — первое ноября, во внимание можно уже и не принимать. Получалось восемьдесят восемь дней. А если выбросить праздничные дни, субботы, воскресенья, то и вообще... Заглянул в календарь: так-так-так... Семьдесят пять!

— Свобода! — воскликнула душа начальника. — Сам себе господин! Займусь укреплением здоровья. Зарядка по утрам, прогулки на свежем воздухе, водные процедуры. Сбалансированное питание — жиры, белки, углеводы... Овощи и апельсины... Витамины то есть. В субботу вечером — театр. Прочтет всю классику. Начнет с Достоевского. Потом Тургенев, Лесков...

И тут же, минуя парадный портал, украшенный гирляндами и флажками, с черного хода в сознание постучалась меланхолия: «Ты что, дурак, до этого-то полноценно не жил! Ни одного яркого, памятного дня. На склоне лет вспомнить нечего. Хочешь остаток дней украсить Достоевским и апельсинами...»

Широко распахнулась дверь, как к себе в прорабскую ввалился Константин Исин.

— Привет! — поздоровался с начальником, как с ровней, посмотрев на него беспристрастным взглядом. Последний раз общается. — Все еще на свободе? — пошутил мрачно.

Жирова передернуло. В голове столкнулись мысли, спровоцивав утробный рык.

— Гы-ы... Что так рано? Отчетность у тебя пятого...

— Отдохнуть решил.

— Молодой, а уже устал?

— Дела срочные. Деньги нужны.

«Бежать решил, — подумал Жиров, — сообщить бы... Куда, кому... Да, вроде, и не просили. Себе хуже сделаешь. Такой, — посмотрел с опаской на прораба, — и по башке может стукнуть. Надо послушать, а уж потом... Не зря на Севере столько лет сопли морозил».

— Интересовались тут тобой, — сказал неопределенно.

— Мне доложили. Прощупывали-то тебя. Тайно! Старое делишки всплыли, не досидел... Поручился, дал команду закрыть дело.

«Вон оно что! — промолчал в ответ Жиров. — Чувствовалось!»
Бывший зэк со стажем угодливо промычал:

— Ммм...

Заерзал на стуле, словно его посадили на горячие угли.

— Ты-то тут причем, Константин?

— Сотрудничал когда-то с органами. Да и теперь зовут... Надо подумать.

Жиров силился вникнуть в суть сказанного прорабом. Годы лагерный и конторской отсидки частично атрофировали мозги. В голове грохотало, словно пьяные грузчики передвигали там громоздкую мебель.

— Фотографию твою из личного дела забрали, — вспомнил.

— Шелуха это...

Жиров смолчал. Углы его рта опустились. Исин решил: начальник — спекся, готов к серьезному разговору.

— Деньги нужны. Часть оставляю на твои проводы.

— Какие проводы? — слабо дернулся Жиров, силясь выйти из транса. — Пока живой...

— На пенсию, старина, на пенсию. На заслуженный, как говорится, отдых.

— Фу-у-у... Болтаешь тут. Так и до инфаркта человека можно довести. Заменишь, думаю...

— На кой хрен мне это.

— Как там у вас? — пассивно махнул рукой начальник управления, предположительно в сторону Южного Урала.

— Нормально. Претензий у заказчика нет. План, как всегда.

— Оформляй рацпредложение. Балую тебя, — по-отечески, нарочито строго, сказал Жиров. — С бухгалтершей сам договаривайся. Татарка уважает тебя...

Печеневский, по подсказке Исина, оперативно оформил рацпредложение. Только что поступила смета на строительство Верхне-Тобольского гидроузла в Казахстане. Начнут строить — смета разбухнет, как подсолнечный жмых в теплой воде. А пока ее можно оптимизировать, урезать. Без склада взрывчатых материалов, например, можно спокойно обойтись. Зачем его строить? Взрывчатку на расход можно получать у горняков соседнего рудника. Большая экономия государству, а Исину с Печеневским не малое вознаграждение от того эффекта.

Коля-Коля сел сочинять протокол технического совещания, Константин пошел к Алие Ахметовне согласовывать несуразно большую сумму премиальных. В успехе не сомневался, были для этого все основания.

Бухгалтерша занимала отдельный кабинет, площадью больше чем у самого начальника спецуправления. Константин деликатно постучал. Последовало: «Да-а». Зайдя в кабинет, Константин закатил глаза:

— О-о-о! Как всегда обольстительна!

Алия Ахметовна источала сложный аромат парфюмерии и нерастраченного женского обаяния. После комплиментов, некоторые из которых полностью соответствовали действительности, прораб перешел к сухим цифрам.

— Штука за штуку, — сказала женщина, с подкупающей застенчивостью во взгляде. И с бухгалтерской рациональностью добавила: — Хотя за один вечер, хоть за два.

— Три! — показал прораб для наглядности три пальца. — Две штуки оставлю конторе. Жирову на прощальный банкет.

— Обойдется.

— Главному бухгалтеру виднее...

— Штуку деньгами, — похлопала бухгалтерша по карману жакета, — и за два — отработка. А Жиров обойдется...

Константин не стал уточнять, когда. Серьезная дама, все у такой продумано.

Провожал Константина вместе с Алией Ахметовной Олег Гриневич. Лутц улетел днем раньше.

— Жаль, мало погостил, — сетовал искренне адвокат, вручая пакет с провизией и напитками на дорогу, — ну да ладно, в следующий раз основательно.

— Береги себя, — по-матерински напутствовала бухгалтерша.

Из Новосибирска до Симферополя Константин долетел, с пересадкой в Минеральных Водах. До Феодосии добрался одним автобусом, до Коктебеля другим.

Осенью писательский пансионат «Коктебель» был тихим. Шумная писательская братия разъехалась, и отдыхала сейчас степенная публика. В основном с Украины.

Эля Хламушкина была недовольна отдыхом. Время шло, стоящего ухажера не было. Одни старикашки пилились на нее. А ей это не надо! Вздыхала на берегу Черного моря, обозревая горизонт, где море сходится с небом. Богатыри не появлялись — так и уедет не отдохнувши... Наряды зря треплет да косметику переводит.

Был один малахольный член Союза писателей Украины. Виктор, как она к нему обращалась с французским прононсом, делая ударение на последнем слоге имени. Кушали за одним столом. Виктор переводил на украинский «Отца Горио» Бальзака. В типовом договоре с издательством «Письмена» значилось: «Перевод с французского». Французского языка Виктор не знал, пользовался русским переводом романа Е. Корша, что мало заботило издательство.

Член Союза большую часть дня спал. Оставшуюся световую часть суток бродил по берегу моря. По ночам терзал папашу Горио.

Хламушкина даже отдаленно не походила на юную мадемуазель Викторину Тайфер из романа Бальзака, в которую платонически был влюблен Виктор, и потому в упор не замечал прелестей Эли.

Эля обрадовалась приезду Кости. Степень восторга можно сравнить появлением в меню столовой пансионата бифштеков с картофелем фри вместо надоевших котлет с рожками.

Эля поселила гостя в соседний пансионат «Радуга», где летом обитали спортсмены. Сейчас он пустовал. Одни бездомные собаки и кошки грелись на солнышке возле спальных корпусов.

В первый же вечер, лежа рядом с Элей, Константин заговорил о Галине, чем осложнил себе жизнь. Эля, незадолго до отъезда на юг, крепко поцапалась с подругой. Людям свойственно обижаться на тех, кому сами нанесли обиду. В запале она даже выкрикнула: «Костя твой бабу путем обработать не может!»

— Не смей при мне говорить о ней, — возмутилась девушка.

— Да я так, — промямлил Константин, — вспомнилась что-то...

— Ну и возил бы ее с собой!

— Не получилось...

— Больше при мне не смей упоминать! Иначе...

— Что иначе? — привстал Исин с кровати, как бы собираясь покинуть ложе.

— Иначе, катись!

Костя притих. Такой Элю он не знал.

На второй день нужный разговор опять сорвался. Были взаимные обиды. Лимит времени, отпущенный Лутцем на «кутеж», истекал. Без пользы и удовольствия.

На третий день, памятуя, что худшее из жизненных ситуаций — нерешительность, Исин пошел «ва-банк». Сочинил версию — Чумакова обокрала его и исчезла. Намерен, найти и наказать. Версия была близка к истине.

Эля рассмеялась:

— Врешь ты все.

— Ну, хорошо, пусть вру, — медленно проговорил Костя, — нужна она мне очень. И она действительно исчезла.

— Вот и ищи, — ехидно улыбнулась Эля, — я не справочное бюро.

Константин стоял возле раскрытого окна, набросив рубашку. Курил. Море, шелестя, накатывало на берег волны. Пахло водорослями. Эля поднялась со скрипучей кровати, стала одеваться.

— Ты куда?

— Сказать открытым текстом?

— Говори.

Из ее уст ЭТО прозвучало не скабречно.

— Вполне приличное место. И, все-таки, где искать Галину?

— Она что, уволилась?

— Да. И выписалась.

— Тогда под Москвой. В Тушино. У дяди Миши.

— И фамилию его знаешь?

— Чумаков. Дядька по отцу.

— А адрес?

— Адреса не знаю. Пятиэтажный дом, против конечной остановки автобуса из Москвы. Называется не то Октябрьская, не то Советская. С революцией связана.

Наводка вполне достаточная. Эля продолжала одеваться. Делала это медленно.

— Ты куда? — повторил вопрос Константин, забыв, что уже получил на этот вопрос исчерпывающий ответ.

— Я же сказала.

Константин улыбнулся, обнял девушку, прижал к себе, рука скользнула вниз по изящному стану.

— Так далеко и одна, — шепнул на ухо, — вместе пошли.

Ласки его были неистовы. Как тогда в Челябинске.

Утром Эля спросила, не проявляя особого интереса:

— Зачем она тебе? Только не ври.

— Кто? — притворился Константин непонятливым.

— Чумакова.

— А-а, Галина что ли? Не мне она нужна, а одному человеку. Я не могу сказать зачем.

— Ты сегодня уезжаешь?

— Да.

— Догадывалась, зачем приехал. Потому и не хотела сразу говорить.

Со свершившимся фактом люди рано или поздно мирятся.

— Да ладно, прощаю. Счастливой тебе дороги. И спасибо за прошедшую ночь.

Константин стоял у открытого окна. На востоке занималась заря, зарождался новый день.

Эля пошла провожать кавалера. Отдых удался!

По дороге на автостанцию Константин зашел на почту. Позвонил Лутцу. Договорились встретиться в 3.30 четвертого ноября в Москве напротив ресторана «Славянский базар». Место Исину знакомое, трест его «Гидроспецстрой» там рядом.

XX

То, что не под силу крутому агенту ГРУ, в «обойме» которого подкуп, шантаж, угроза физического уничтожения, может исполнить слабая женщина, используя единственное оружие — обаяние.

Полковнику Жумабаеву доводилось использовать этот феномен. Щитом страны выставялась не бронетехника, а... стыдно и сказать!

Повторная встреча шейха Альберта с Мартой Шнайдер должна многое прояснить. Если не все! Галину решили оставить гражданкой ФРГ. По двум соображениям. Католичка-немка вызовет большее доверие при дворе султана, чем русская безбожница. А случись провал — погибнет при загадочных обстоятельствах гражданка Германии.

Марту на этот раз снаряжал на свидание профессиональный костюмер. Все на ней, начиная от шляпки и кончая туфлями, из Германии. Изящное, но не совсем новое. Небольшую по западным меркам, двухкомнатную квартирку на Герцена, куда Галина должна пригласить влюбленного араба, обставили на немецкий манер. Туалетную бумагу и ту учли...

Свидание прошло весьма успешно. После осмотра церквей Звенигорода и прогулки по осеннему подмосковному лесу Марта, по настоянию шейха, пригласила его к себе. Попили кофе с коньяком, послушали Иоганна Себастьяна Баха. А дальше по классическому канону: когда мужчина и женщина остаются наедине в замкнутом пространстве, им не приходится в голову заучивать суры из Корана.

Встречи «влюбленных» на Герцена стали ежедневными. Оставалось мало времени для обучения агента за номером 176 методике внушения. Галина оказалась способной ученицей. Прирожденная шпионка. И ей это, похоже, нравилось.

Задачи Главного разведочного управления Генштаба на жарких берегах Персидского залива затрагивали жизненно важные интересы всех слоев Советского общества, от кухарки до члена Правительства. С «кухаркой», верно, не советовались, а так бы она двумя руками «за».

Поэтапная операция под условным названием «Капкан женского обаяния» выглядела так: во-первых — приобщить шейха Альберта к коммунистической идеологии. Во-вторых — ускоренная отправка старого султана в иной мир. В-третьих — водворение на трон Альберта и объявление монархии демократической республикой.

Одновременно произойдет выдворение из страны англичан-угнетателей, вместо которых придут истинные друзья из Советского Союза.

Повторно Галина встретилась с «художником» на его квартире. Савицкий поначалу даже не признал в представитель-

ной даме Чумакову. Уверенный взгляд, гордая осанка, модная одежда. Галина протянула руку для поцелуя. Крупный бриллиант небесно-голубого цвета на ее пальце рассыпал цветные искры.

Выкупив ранее заказанный паспорт, Чумакова заказала другой, на имя Марты Шнайдер, гражданки ФРГ.

Савицкий развел руки:

— Материала нет!

— Вот, — достала Галина из модной сумочки бланки паспорта и водительского удостоверения, — и вот, — выложила образцы подлинных документов.

Тут художник другую причину выставил.

— Свобода дороже!

— На сколько? — спросила цинично женщина.

Художник пожал худыми плечами. Галина выложила пачку банкнот.

— Пять тысяч. Можешь не пересчитывать, банковская упаковка.

Савицкий «сломался». Таких денег он еще не видел. Поинтересовался:

— На кого работаешь, милашка?

Прозвучало это как «дурашка».

— Сама на себя.

— Так не бывает, чтобы женщина, да бесхозная.

— Успокойся. Не буду рекламировать твой талант в Союзе.

— Можешь и там погореть...

— А ты здесь можешь угодить под автомобиль, переходя улицу по всем правилам.

Савицкий внимательно посмотрел на Галину. Ничего угрожающего своей безопасности не узрел. Но решил, будет лучше промотать дурные деньги. Пока на свободе...

Леонид Лутц встретился с Константином Исиным, как и было обусловлено. В 3.30 четвертого ноября напротив «Славянского базара». У следователя был приподнятое настроение — вот-вот должен выйти на «объект». У Константин же наоборот — остались считанные дни нахождения на свободе.

— Как отдохнул в Крыму? Выглядишь, ух! — изобразил восторг следователь.

— Да так... — буркнул Исин. — За вредность мне что-то полагается?

— Прошу, — театрально поднял руки Лутц, показывая на вывеску ресторана, — прямо сейчас и рассчитаюсь.

При входе в зал сыщиков встретил Алексей Шарыгин. Он теперь состоял осведомителем КГБ в «Славянском базаре». Ученые здесь частенько столовались. Стукач уже имел

постоянное денежное довольствие. Обнаглел. Заносчиво отнесился к коллегам, а заведующему залом угрожал тюрьмой.

Осведомитель активно «вербовал» для «загранки» научных сотрудников секретных лабораторий, помогая органам выявлять потенциальных изменников Родины.

— Рады вас видеть, дорогие вы наши интеллектуалы! — изогнул тонкие губы сексот. — Прошу за этот столик. Тут сиживал сам Антоша!

— Что за тип? — спросил без интереса Лутц.

— Антон Павлович Чехов, писатель-гуманист.

— И ты с тех пор здесь? — удивился Исин.

— Нет, почему, — смутился Шарыгин, что с ним случилось редко. — История все помнит.

Шарыгин сразу заподозрил — клиенты эти научные работники. Ну, прежде всего, одеты небрежно, штаны вон матые... Во-вторых, — без баб. А очкарик — явно профессор.

Официант включил стационарный микрофон, установленный с нижней стороны столешника, подал меню, вложив столондаровую банкноту. Лутц, обнаружив валюту, поднял взгляд на официанта. Тот, демонстративно озираясь, изобразил смущение.

— Вчера тут, — понизил голос, — ужинал один сэр. На чай, видать, оставил. Могу свести...

— Зачем он нам, — пожал плечами Исин.

— Ученных там ценят, — кивнул Шарыгин в пространство, — не то что у нас!

Тут Лутц сообразил, с кем имеет дело. Непристойно выругался. Гости пересели за другой столик.

«Я вас, педерастов, посажу», — пообещал мысленно Шарыгин.

Дядя Миша, когда постучали, пребывал в дурном настроении. Галина отвалила постоянных клиентов и сама куда-то запропастилась. Вот уже больше недели непривычно трезвый. Душевный дискомфорт — мысли всякие в голову лезут... Душу бережат.

— Кого надо-то? — подозрительно спросил хозяин, помня недавний визит кавказца.

— Прокуратура!

— Так я и поверил.

— К окну подойдите, покажу удостоверение.

Дядя Миша жил на первом этаже. Да, действительно. Не врет мужик. Следователь прокуратуры. Хотя сам и близко не похож на легавого. У тех морды наглые. Рядом — другой, тоже на мента не похож.

— А что надо-то? — открыл форточку хозяин, встав на табурет. — Можем и так поговорить.

— Зайдем, скажу.

Пришлось впускать. Лутц уже побывал у соседей, собрал нужный компромат.

— Та-ак, — начал майор, обозревая залу, — значит притон международного класса.

— Почему международного? — смутился Чумаков, не соображая, хорошо ли это.

— Азартные игры, проститутки. От трех до пяти...

— Что до пяти?

— Лет. С конфискацией или без оного.

И, еще раз обведя комнату, добавил:

— Скорее без оного.

— Что верно, то верно, — согласился гордо дядя Миша, — скромно живем. По средствам.

Не стал информировать, что когда жену сажали, все подчистую конфисковали.

— Ну ладно, Михаил Борисович, — как-то примирительно сказал Лутц. Хозяин, решил следователь, уже спекся. — Скажите-ка лучше, где сейчас пребывает гражданка Чумакова Г. С. У нас ордер на ее арест.

Для большей остротки показал ордер.

— Сам бы рад ее видеть, неделю как не появляется.

— Где может скрываться?

— Представления не имею.

— Одевайтесь! — приказал Лутц.

— Зачем?

— Там будете вспоминать.

— Где это там?

— В следственном изоляторе.

Дядю Мишу слова «следственный изолятор» пугали пуще ада. Да есть ли он еще, ад-то? Дал адрес Вали. Какая-то отсрочка... Может, и обойдется.

— Кто такая? — спросил Лутц.

— Подружка ее. Очень начитанная девушка.

Следователь подробно расспросил про Валентину. Чтобы было чем и ее страшать...

Исин остался у дяди Миши, вдруг да Галина появится. Пистолет следователь дал. Верно, без патронов. Галину при надобности пугнуть.

Валентина подробно и с удовольствием рассказала все о «подруге». Дала адрес Савицкого.

— Похоже, вы ее очень любите, — съязвил следователь.

— Причем здесь люблю — не люблю. Законы уважаю...

Лутц показал Савицкому удостоверение и ордер на арест Чумаковой.

— Ну, так как, Игорь Александрович, особо опасных преступников укрываете, снабжаете их документами?! Две статьи, — показал следователь для наглядности два пальца. — Червонец в совокупности.

— Горбатого к стенке, — растянул губы в усмешке художник. — Пиши, начальник: Гражданин Савицкий Игорь Александрович, явился с повинной...

Савицкий коротко и толково поведал о своем «художестве». Высказал предположение:

— У Чумаковой первоначально были одни планы, потом она их резко изменила и собирается, видимо, смыться из страны. Торопилась. И самый короткий путь для нее — через международный аэропорт Шереметьево.

Следователь заменил Исина на посту в квартире Михаила Чумакова участковым. Выдал ему инструкцию — задержать гражданку Шнайдер, если таковая появится.

Компаньоны спешили.

— Два счетчика, — сказал таксист на стоянке и крепко сжал губы, что означало: торговаться он не намерен. Москва уважает только денежных гостей.

Лутц согласно кивнул:

— Давай жми!

Погода стояла летная, аэропорт четко функционировал. Дежурный по аэропорту, невысокого роста блондин с бесцветными водянистыми глазами, явно выбракованный из летного состава, мельком взглянул на удостоверение Лутца, брезгливо отодвинул документ на край стола одним пальцем, как бы остерегаясь заразы.

— Ха, провинциальные детективы, — сказал, подавляя зевоту. — Своих тут не хватает...

И занялся визуальным обследованием ботинок, словно прикидывая, выбрасывать их или еще поносить. Можно бы и выбросить...

— Костя, подожди меня там, — махнул рукой Лутц.

Исин вышел из кабинета. Следователь вложил в удостоверение четвертную, сложив ее пополам, пододвинул «сэндвич» к дежурному.

— Так я, — продолжил следователь, словно только вошел, — насчет моей знакомой, Марты Шнайдер. Каким она рейсом.

Дежурный оторвал взгляд от ботинок, стряхнул деньги в ящик стола, посмотрел внимательно на посетителя.

— Из Оренбурга вы, значит. Чкалов бывший.

— Насчет Марты Шнайдер, — напомнил Лутц. — Каким она рейсом?

— Один момент.

Дежурный позвонил по внутреннему телефону и очень любезно поговорил с Ириной Львовной. Та оперативно выдала нужную информацию.

— Вот и ей надо дать, — не конкретизируя сумму, сказал дежурный. — Кольца все, золото... — поскреб пальцами кисть левой руки.

На приобретение золотых колец Лутц отстегнул десятку.

— Да. Билет на имя Марты Шнайдер куплен на рейс 290 до Стамбула.

Дежурный посмотрел на свои часы.

— Уже и посадка должна начаться. Выход номер два.

Развязка стремительно приближалась. Следователя охватила внутренняя дрожь, как у сеттера, почуявшего, близкую дичь. Лутц вышел от дежурного. Исин оказался тут рядом.

— Костя, — впервые так по-дружески обратился Леонид Альфредович, — быстро к выходу номер два.

И тут Исин увидел Галину. Высокий, худой, изысканно одетый молодой мужчина с копной черных вьющихся волос, явно иностранец, вел ее под руку и что-то с улыбкой рассказывал. Женщина счастливо улыбалась. На ней элегантный черный костюм, бирюзовая кофточка и черные лаковые туфли. Запястье левой руки украшал золотой узорчатый браслет в виде змейки с зеленым изумрудным глазом. На безымянном пальце правой руки кольцо с большим бриллиантом. Галина была неузнаваемая, и только голубые насмешливые глаза выдавали ее.

— Она, Галина, — кивком указал Исин. — С каким-то хохриком, — добавил ревниво.

— Стой здесь, — приказал Лутц и энергично настиг счастливую парочку. Цепко взял Галину за руку.

— Гражданка Чумакова, вы арестованы. Пройдемте!

Галина побледнела, ноги ее подкосились. Она прошептала:

— Sie haben sich geirrt, Herr Polzist, ich bin eine deutsche Staatsbuergerin.*

— Гитлер капут, — улыбнулся Лутц и слегка потянул женщину за руку. И если бы не поддержка спутника, она бы упала.

— В чем дело? — на ломанном русском спросил иностранец. — Это моя жена, говорите со мной.

Говорить Лутцу не пришлось. С двух сторон подошли коротко стриженные парни, улыбочивые с незапоминающимися лицами.

* Вы ошиблись, господин полицейский, я гражданка Германии. (нем.)

— А-а, Федя! — сказал один из парней пьяным голосом, крепко обнимая Лутца за талию. — Вот ты где, ексиль-моксиль! Пойдем, Федя, блюда стынут.

— Позвольте, — попытался освободиться следователь.

Не позволили. Один из парней, не размахиваясь, незаметно для окружающих, ударил следователя коленом между ног.

— Молчать! — приказал шепотом парень. — Шевели копытами.

Лутц понял, что это за люди. Надо идти, объяснить им кто он, и, как можно скорее вернуться.

К парочке спешно подошел крупный коренастый мужчина азиатской внешности.

— Мадам! Мосье! — улыбнулся пассажирам, — проходите на посадку. Извините, мосье! Ребятки немножко шнапс употребили, — шелкнул выразительно по подбородку. — А этот, — ткнул неприлично пальцем в сторону Лутца, и покрутил им возле виска. — Пардон, мадам.

— Успокойся, — обнял Галину шейх Альберт. — Успокойся. Все оллрайт.

— Не scared me so much.**

— Больной, — сочувственно сказал шейх Альберт, — Я это сразу заметил. Глаза возбужденные!

Лутца привели в помещение, занимаемое агентами ГРУ. Дверь украшала табличка: «Посторонним вход строго запрещен». Следователь показал документы на арест гражданки Чумаковой.

— Ты что путаешь, какая Чумакова?! — сказал назидательно Булат Жумабаев. — Международный скандал хочешь учинить?

— Она и есть Чумакова!

— Чумакова Галина Семеновна вчера, выходит третьего ноября, погибла. Это я узнал совершенно случайно, — расставил слова Жумабаев. — Попала бедняжка под автомобиль. Труп ее вы можете осмотреть, документы забрать. Для закрытия дела.

— Вы кто? — заморгал Лутц близоруко глазами.

— Полковник ГРУ Жумабаев.

— Понятно.

Лутц знал, КГБ и ГРУ иногда вербуют уголовников. Верно, потом легко от них избавляются...

— Деньги должны при ней. Больше миллиона.

Жумабаев посмотрел на следователя лишенными выражения глазами.

— Свяжитесь с капитаном Пичугиным из КГБ.

Полковник написал аккуратным почерком номер телефона.

** Он меня так напугал. (англ.)

— Вот. Завтра, пожалуйста, звоните. Утром.

Лутц вышел из кабинета.

— Что случилось, Леонид Альфредович? — встревоженно спросил Исин, что дожидался следователя возле дверей.

— Нет больше Чумаковой. Погибла...

— Как?! Вот же, была.

— Ты обознался.

— Клянусь, она.

— Мало ли похожих людей.

— Глаза...

— Ты обознался. Да ладно...

Лутц скорым шагом, не оглядываясь, пошел к выходу из аэропорта. Исин догнал его.

— Куда мы теперь, Леонид Альфредович?

Лутц остановился. Посмотрел на Исина, словно давно его не видел.

— Костя... Дело закрыто.

И добавил после молчания:

— Что касается Галины Чумаковой.

— А я? Со мной что...

— Возвращайся в Оренбург, и явись с повинной в милицию.

— А ты? Мы же вместе...

— Буду дня через три. Кое-какие дела здесь улажу. Твое содействие следствию зачтется.

Следователь исчез за стеклянными дверями аэровокзала. Константин нерешительно потоптался на месте, поднялся на второй этаж в поисках буфета. Нашел, сел за столик. Отсюда была видна взлетная полоса.

Лайнер, после стремительного пробега, оторвался от бетонной полосы, резко пошел вверх, набирая высоту, окончательно унося Галину Чумакову из жизни Константина Исина.

ЭПИЛОГ

На следующей год, 17-го января в газете «Таймс» на 47-ой странице мелким шрифтом было сообщение: «Вчера в султанате Оман были расстреляны восемь иностранных агентов, готовивших дворцовый переворот. Среди преступников была женщина — гражданка Федеративной Республики Германии. Гражданство остальных преступников установить не удалось».

Похищение внука сенатора

*Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится,
кружится на ходу своем, и возвращается
ветер на круги свои.*

Екклизиаст

Глава первая.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Ночь. Нудный осенний дождь с небольшими перерывами, как бы отдыхая временами, стучит по козырьку лоджии вот уже вторые сутки. Откуда только столько влаги на небесах? Из приоткрытой форточки тянет сырым холодом и неустроенностью. В такую ночь, если ты трезв, одинок, а месяц тому назад тебя, ещё крепкого во всех отношениях мужика, проводили на пенсию, можно сказать: «послали», невольно подводишь итоги прожитой жизни, задумываешься о своей значимости. А была жизнь ой как напряженной! Одна война там, в Афганистане, с «духами» в засаленных ватных халатах, с запахом пота и овечьего навоза, другая здесь — со всякой нечистью, живущей по понятиям, а подчас и с титулованными господами при галстуках, благоухающих дорогим парфюмом.

Впереди пустота, шагнуть некуда. А жить надо. И не только воспоминаниями, и не только ради денег. С деньгами вообще «но проблем». Только вчера получил предложение от солидного банка возглавить их департамент по работе с проблемными кредитами.

Полковник грустно улыбнулся — его имя на него теперь работает. Работа с проблемными заемщиками не что иное, как плюнуть на ладонь, сжать кулак, размахнуться и ... «Тра-та-та твою мамашу! Карманы выворачивай...» Самое подходящее занятие для отставных силовиков.

Телефон просигналил тревожно. Звонок в ночной тиши всегда так воспринимается! Алмаз Исаков инстинктивно посмотрел на часы, засек время — половина второго. Кто бы

это? После выхода на пенсию ему редко звонили даже днем, а тут ночью кому-то понадобился...

— Говорите! — привычно приказал отставной полковник трубке, не сообразив враз, что он уже **бывший** начальник Управления по борьбе с организованной преступностью по Южной столице.

— Алик, это ты? — тревожный женский голос.

— Ошиблись номером, — сухо сказал Искаков, продолжая держать трубку. В беде кто-то...

— Нет, Алик, нет! — заспешила женщина, как бы боясь, что на том конце отключатся. — Узнала тебя по голосу. Это я, Котенок, как ты меня называл. Помнишь? Ну, вспомни!

И Алмаз вспомнил. Только она называла его этим вымышленным именем — Алик, а он её — Котенком.

Минута молчания с обеих сторон. Может и меньше. За это короткое время в его мысленном зоре босоногая девчонка в коротком цветастом сарафане, зазывно смеясь и оглядываясь, успела добежать до стога сена. А он — курсант погранучилища, приехавший, как и она погостить к родичам в деревню, настиг её...

«Сколько тебе лет?» — спросил он после, лежа рядом на душистом сене. «В сентябре будет шестнадцать», — ответила она. «Восемнадцать как раз исполнится, когда училище закончу. Поженимся», — мечтательно произнёс Алмаз. — Пойдешь за меня?» «А я и так уже твоя жена, — серьёзно сказала Катя. — Как мальчика назовем?» — улыбнулась лукаво, проведя рукой по голому плоскому животу, задержав ладонь на лобке.

Он растерялся. «Так ведь... ещё вроде... да нас и не зарегистрируют», — начал запинаясь. Опыт у него, как и у неё, был первый. «Испугался, да? — улыбнулась она лукаво. — Не бери в голову, — рассудительно не по возрасту, как бы успокаивая, сказала Катя, — не забеременею. Период такой физиологический. Училка биологии, Ксения Степановна, нас девчонок просветила — если уж доведётся, неожиданно-негаданно, то неделя до, и неделя после безопасны».

Алмаз хотя и не понял тогда, неделя до чего и неделя после чего, но расспрашивать не стал. Стыдился.

Училище он не закончил. Отчислили с последнего курса за коллективную драку с «гражданскими». Загрел в Афган, а через три года, когда вернулся с войны на носилках, Катя была уже замужем...

В госпитале в него влюбилась медсестра Маргарита. Баскетболистка из любительской команды «Медик», на голову выше, хотя и он не малорослый. Ухаживала за ним, даже санитарок не подпускала к лежачему. Сама всё. После выписки

они поженились. Алмаз пошел служить в милицию, Маргариту зачислили в «Школу олимпийского резерва», стала заниматься спортом профессионально. Виделись редко, она со своей командой по сборам и соревнованиям, а он с пистолетом за бандитами.

— Алло-о, — тревожный голос из трубки. — Ну, вспомнил?

Сердце Алмаза остановившееся на мгновение, после паузы зачастило.

— Здравствуй, Катя! Случилось что?

Вопрос чисто профессиональный. К нему обычно обращались, когда что-то случалось. И это «что-то» требовало активного вмешательства полковника.

— Случилось.

— И что?

— Не по телефону. Прилетай утренним рейсом в Астану. Умо-ля-ю-ю-ю!

Протяжный стон на высокой ноте, вырываясь из трубки, заполнил комнату.

— Перестали, ну перестали, — стал успокаивать её Алмаз. — Буду завтра. Назови номер своего мобильного.

Всхлипывая, она продиктовала цифры. Ему не надо было записывать, так запомнил. Память профессиональная.

Ранним утром *двадцать первого октября 2007-го года* Боинг авиакомпании «Эйр Астана» приземлился в международном аэропорту Астаны по расписанию. Лететь-то из Алматы всего ничего — час двадцать. Взлет, набор высоты и почти тут же и посадка.

Перед выходом из зоны выдачи багажа нетерпеливая, возбужденная толпа встречающих с вытянутыми шеями и пытливыми глазами. Периодически раздаются радостные возгласы:

— С прилетом!

Здесь же топчутся бесцеремонные (только за руки не хватают!) «леваки», хронически тоскующие по деньгам:

— Такси, такси, такси! — зазывают, крутя ключи от машины на пальце. — Недорого.

Катя стояла несколько поодаль от толпы, ощущая острый приступ одиночества, которое не покидало её даже в толпе. Остались ли у Алика какие-нибудь чувства к ней?

В конце того далекого лета она уехала к отцу в Актау, тогда ещё Шевченко, он в Алматы, и больше они не встречались. Какое-то время, год или два, любовь ещё тлела в уголках памяти, покрываясь постепенно пеплом забвения...

Катя закончила школу с медалью, поступила в КазГУ на факультет журналистики. Новое окружение, новая жизнь! Алмаз к тому времени был уже в Афганистане. Время притупляет чувства. Первая любовь, солнечный день, медовый запах сена, остались в воспоминаниях далекой юности.

На третьем курсе вышла замуж за успешного бизнесмена. Подруги завидовали: с мужиком спит в собственной квартире. Да с каким! На крутой тачке иногда её забирали после лекций. Только сама Катя, несколько лет спустя, уже не радовалась своей семейной жизни. И в те моменты, когда пьяный Борис домогался её, вспоминала своего Алика. В газетах нет-нет да и появлялись статьи о раскрытии громких уголовных дел, с упоминанием, а иногда и портретом Алмаза Искакова.

Небольшая фотография с почтовую марку была предвестником статей Екатерины Тогузаковой о литературе и искусстве в популярной газете «Наше время». Читал ли Алик те статьи, вспоминал ли о ней хоть изредка?

Узнает ли? — фильтровала Катя взглядом выходящих пассажиров Боинга. Прошло... Она мысленно подсчитала — прошло долгих двадцать шесть лет!

Выходя из зоны выдачи багажа, Алмаз глазами искал Катю, какой она все эти годы жила в его памяти — угловатая, с копной иссиня черных волос, голубоглазая, с пухлыми губами.

А встретила его блондинка с приятной округлостью линий во всех полагающихся местах. Вроде даже выше ростом стала. Разве что глаза прежней Кати, глубокие, излучающие голубизну.

— С прилетом! — выдавила она из себя улыбку.

Голос низкий с хрипотцой, как у той Кати.

Отошли от восторженно глядящей толпы встречающих, неловко поцеловались.

— Ну, выкладывай, — сказал полковник, продолжая рассматривать встретившую его женщину, силясь найти в её облике черты беспечной босоногой девчонки.

— Макса похитили. С-с-сына, — подавилась она словом, порывисто прильнула головой к плечу Алмаза, вздрагивая в такт всхлипам.

Полковник нежно обнял ее.

— Ну, перестали, Катюша. Ну, будет, будет.

Прошли в кофе «Полет», безлюдное в эти ранние часы. Алмаз, как и себе, заказал ей коньяк. Для успокоения и четкого изложения событий.

— Детей у нас с Борисом, мужем моим, не было. Не получалось, — начала излагать Катя историю семейной жизни. — И причиной тому была не я. Борис с первой женой до развода

бездетно прожил три года. Та, выйдя замуж вторично, как бы наверстывая упущенное время, родила аж двойню...

Далее Катя, несколько успокоившись, рассказала, что Борис, зная о своей неспособности, не очень-то и расстраивался от отсутствия ребенка. Даже шутил пошло — не надо тратить деньги на презервативы. А её женская сущность требовала материнства. Разводиться не решалась, хотя были такие мысли. Удерживал статус замужней женщины, да и возраст. За тридцать, кому нужна... Прочитав в медицинской газете о донорской сперме и зачатии без полового акта, решилась. Борис первоначально был категорически против. И уступил не ей, а именитому тестю, депутату сената, авторитетом которого, без его ведома, нередко пользовался в бизнесе.

— Муж невзлюбил ребенка с самого рождения, — продолжила Катя вздохнув, после минутной паузы. — Раздражался, когда малыш капризничал. А когда он чуть подрос, стал ревниво присматривался, находя сходство то с одним, то с другим конкурентом по бизнесу — «ну, вылитый недоумок Абрам!», или — «нос большой, как у этого придурка Пузанкова!» После похищения Максута, вроде даже обрадовался: «Пусть сенатор выкупает родного внука, — заявил, — а я тут — сторона». Хотя и выкупа-то ещё не потребовали.

— Сколько лет сыну? — спросил Алмаз.

— Четыре.

— Когда это случилось? Похитили когда?

— Вчера утром. Гулял он с Дилей на берегу Ишима. Они всегда по утрам...

— Кто такая? — не дал досказать детектив. Профессия. Таковы все следователи: «Вопросы здесь задаю я!»

— Гувернантка наша. И она исчезла, вчера после обеда. Пошла в магазин за продуктами и не вернулась. Может, и её похитили.

— Вряд ли, — медленно произнёс Алмаз. — Ну, а до исчезновения, наверное, рассказала, как это случилось. Лица похитителей, может, запомнила.

— Да, конечно. Двое неизвестных подъехали на желтых Жигулях. Тот, что за рулём — русский, пожилой. Другой — лет сорока, видимо, казах, но разговаривал на русском. Он-то и сказал, что за мальчиком его, якобы, послала я. Диля хотела сесть в машину, но мужчина её грубо оттолкнул, сказав: «Недалеко, пешком дойдёшь!» Она, почуввав неладное, бежала следом, кричала. Есть свидетельница, соседка наша, художница. Сидела неподалеку на скамейке. По просьбе Дили она и позвонила в полицию. Я и с ней разговаривала. Ну, видела она, как Максута

увезли, а толку с этого... Жигули, со снятыми номерами, нашли быстро на окраине города. Дия признала машину, хотя не уверена, были ли на ней номера в момент похищения сына.

— Кто бы мог это сделать? Подозрения у тебя есть? — посмотрел следователь на Екатерину долго и внимательно, как будто она сама могла быть соучастницей похищения своего сына. Абсурд, конечно. Но следователь, он и есть следователь!

— Абсолютно никаких.

— И всё-таки?

— Наверное, с целью выкупа. Муж — миллионер... Дед Макса — депутат сената.

— Из моей практики, да и вообще, похитители выставляют требования в первый же день. Оперативность на их стороне. А тут молчат почему-то вторые сутки.

— Может, на психику давят?

— Не думаю. Ладно, пока...

На минуту замолкли. Солнечные лучи начали просачиваться сквозь ажурные занавески на окнах, предвещая ясный день. Столы в зале бросали правильные геометрические тени.

— У тебя что на семейном фронте? — прервала молчание Екатерина.

— Отставной, как и по службе.

— Знаю, так спросила.

Слабая улыбка осветила лицо Алмаза.

— Вроде про литературу пишешь, про театры, семейными хрониками не ведаешь.

— Интересовалась твоей судьбой.

Взгляд её столкнулся с пристальным взглядом Алмаза. Она отвела глаза.

Из аэропорта поехали к отцу Екатерины. Квартира сенатора находилась в престижном доме за высоким бетонным забором. Охрана на въезде.

Катя познакомила Алмаза с отцом — известным писателем-натуралистом Булатом Тогузаковым. С детства посвящала его во все свои секреты. Даже девичьи. Мать умерла, когда ей было двенадцать, отец так и не женился повторно.

Сенатор знал о предстоящем прилете бывшего начальника УБОПа Алматы, встретил приветливо, и сам предложил остановиться у него.

Катя собрала на стол, на правах хозяйки разливала чай. Разговор как-то не клеился. Мужчины все не говорили о похищении ребенка. Щадили Екатерину. И так нервы на срыве.

— Может что выпьете? — как бы извиняясь, спросил Тогузаков. — А то ведь и не предложил...

Полковник отказался, сказав, что с утра не употребляет. Что трезвеннику экологу понравилось. Без особого интереса стал он расспрашивать о Южной столице: «Ну, как там метро строится, в театрах что дают?» После односложных ответов Алмаза зависало молчание.

— Н-да, — прервал Тогузаков очередную паузу.

Катя внимательно посмотрела на отца, как бы читая невысказанные им сомнения.

— Только он может спасти Максута, — сказала уверенно, переведя взгляд на Алмаза. — Только ему доверяю.

Вздохнув, попросила:

— Позвонил бы ты, папа, министру, пусть помогают ему.

— Удобно ли? — засомневался деликатный писатель.

— В каком плане? — не понял Алмаз.

— В полиции, наверное, этим уже занимаются, а тут вы встречаете.

— Без проблем. Свои, договоримся, только рады будут.

Сенатор прозвонил министру внутренних дел, попросил включить отставного полковника Исакова в следственную группу. Тот восторга не проявил, но и не отказал:

— Пусть помогает, если у него есть дельные соображения.

Соображение у Алмаза было — не считать себя умнее похитителей. Вступить с ними в переговоры, усыпить бдительность, и уж потом принимать взвешенное решение. Полковник знал по опыту — похитители, получив выкуп, не всегда возвращали заложников. Не нужны им живые свидетели преступления. То, что до сего времени нет звонков, свидетельствует — это не шушера какая-то, кому невтерпёж уколоться или выпить, а серьезные преступники. Похищение спланировано, и исполнено дерзко в людном месте.

Тогузаков рано уходил на работу. В семь уже в кабинете. Занимался в сенате вопросами экологии. Коллеги прозвали его дедом Мазаем и серьёзно не воспринимали. Да и что с экологии взять? Ноль, ноль, да хрен по вдоль. Это тебе не нефть качать...

— Вот, — собравшись уходить, эколог передал полковнику ключи от квартиры: — Чувствуйте себя дома!

И протянул визитку:

— Если какая заминка, звоните.

Ушла и Катя, в следственный отдел пригласили дознаватели. Алмаз остался наедине с проблемами. Оно и лучше одному. Привык.

Приняв душ, оценивающе посмотрел на своё отображение в большом зеркале над мойкой. Ещё о-го-го, годится! Для чего годится, не признался ни себе, ни глухонемому изображению в зеркале. Пацана надо выручать в первую очередь. Оделся,

прошел в гостиную, где, устроившись на диване, стал анализировать события последних лет, связанные с похищением людей с целью выкупа.

Похитителей, как правило, никто не видит. Жертв они держат в дачных домиках или в заброшенных строениях. Требования выставляют в первый же день, угрожая расправой. Выдумкой и хитростью не отличаются и «прокалываются» в основном при получении денег.

Здесь же всё иначе: мальчика похитили прилюдно. Бросили машину, на которой его увезли. Требования пока не выставляли. Несложно, конечно, найти хозяина машины. Но, скорее всего, она в угоне.

Глава вторая.

НЕ МЫ ОДНИ УМНЫЕ

В день прилета *двадцать первого октября* полковник Исаков, не имея пока иных зацепок, (оперативно-розыскные мероприятия в подобных делах обычно начинаются после звонка похитителей), решил установить личность пропавшей гувернантки. Откуда взялась? Куда делась? Загадочное её исчезновение можно истолковать двояко. Просто сбежала. Испугалась, что ребёнка похитили по её недосмотру — один вариант. И второй — она соучастница преступления.

Вернулась Екатерина, заглянула в гостиную.

— Ну, что там? — поднялся навстречу Алмаз.

— Да про Диляру всё расспрашивали — кто такая, откуда взялась. Да я почти ничего про неё и не знаю. Борис её нанял месяц тому назад.

Позвала на кухню перекусить. Сама выпила лишь чашку кофе, Алмаз подкрепился основательно.

— Подскажи номер телефона мужа, — попросил, когда после еды перебрались в гостиную.

— Он-то тебе зачем?

— На дуэль вызову, — построил гримасу Алмаз. — Невесту отбил!

— Я серьёзно.

— Узнать о прошлом исчезнувшей гувернантки. Должен знать о ней, раз нанимал.

— Номер у него недавно поменялся, где-то записан, искать надо. А фирма называется «Гарант». Фамилия его Гросберг. Гросберг Борис Исаакович.

Полковник саркастически улыбнулся.

— Ты выходит наполовину — русская, на вторую половину — казашка, а по фамилии — еврейка.

И как-то ревниво посмотрел на Екатерину.

— После рождения ребенка я снова стала Тогузаковой. И у Макса фамилия деда. Борис не признал его своим сыном и запретил ребенку называть себя папой.

— И как же он его называет?

— Дядя Боря.

— Странно...

— Иногда Макс спрашивал: «А где мой папа?» На войне, говорила.

Алмаз посмотрел на Екатерину изучающее, уж не его ли имела в виду?

Узнав в справочной службе номера телефонов фирмы «Гарант», полковник позвонил в приемную.

— Здравствуйте! Алмаз Исаков звонит, — представился секретарше, умолчав о звании, что в азиатских странах воспринимаются регалиями. — Хотел бы встретиться с господином Гросбергом.

Секретарша была предупреждена шефом, о возможном звонке полковника Исакова.

— Здравствуйте, товарищ полковник, — ответила певучим голосом. — В любое удобное для вас время. Можете прямо сейчас подъехать, шеф вас примет.

Алмаз бросил произвольный взгляд на Катю. Похоже, она сообщила мужу о предстоящем прилете из Алматы «крутого детектива». Ему об этом она не говорила. Да и зачем.

— Ты только не бей его, — грустно пошутила Катя, провожая Алмаза. — Я и сама виновата. Потому как терплю столько лет...

Офис строительной фирмы «Гарант» оказался в деловом центре Астаны, на первом этаже нового дома выстроенного в стиле модерн. Фейс контроль при входе. Секретарша, привносящая шарм в деловую обстановку приемной.

— Здравствуйте! — поклонился детектив рисованной красавице.

— Алмаз Исакович? — выдала она в ответ улыбку, составляющую немаловажную часть оснащения фирмы. — Одну минутку, — прощепетала, исчезая за высокими дверями кабинета, откуда послышалось: «Борис Исакович, к вам настоящий полковник!»

Выйдя из кабинета, кивнула на дверь:

— Проходите. У вас десять минут! — предупредила. Это входило в круг ее обязанностей — пиарить шефа: занятой человек, время — деньги, болтать ему некогда!

— Спасибо, — поблагодарил «настоящий полковник».

Прошел в кабинет, прикрыв за собой дверь. По правую сторону, непомерно длинного кабинета, сплошные окна на всю высоту помещения, стена напротив окон, как мухами, «засижена» полуобнаженными толстушками из эпохи возрождения. Прямо-таки античный зал музея изобразительных искусств! Надписей только на стенах не хватает: «Руками не трогать» и шарушки с седыми буклями.

Картины, хрустальные люстры, дорогая импортная мебель. Все кричит: «Не сомневайтесь, господа заказчики, это солидная фирма, нам можно доверять, мы не обанкротимся!» А начинал-то, после отсидки, имея в активе, как съязвил один из конкурентов: «Хрен, манишку да записную книжку».

В дальнем конце кабинета, за массивным столом, хозяин. В облике что-то театральное. Холеное, с правильными чертами лицо, как-то не соответствовало ни массивной мебели, ни должности. Для такого большого кабинета больше бы подошло нечто неотесанное, приземленное. Пишет, как бы не замечая посетителя. На лице напряжение скульптурного мыслителя Родена.

За спиной его же писанный маслом портрет. Усердием художника изображен деловым: кипа бумаг перед ним, вот он на мгновение оторвался от дел, уставился на посетителя: Занят я!

Длинный, порой тернистый путь преодолел Борис Гросберг, пока дошел до этого кабинета. После окончания Алматинского архитектурно-строительного института в восемьдесят втором круто попер в гору. Минуя должность мастера — стал прорабом, и минуя должность начальника участка — руководителем строительного управления. Талантами и рвением к работе не отличался, зато приходился племянником секретарю райкома партии.

В период разгула дикого капитализма, когда рушились государственные устои и обесценивались понятия о чести и порядочности, на базе руководимого предприятия создал акционерное общество «Wira». Обманным путем, скупив за бесценок у рабочих акции, стал единоличным хозяином фирмы. Но, не долго «музыка играла». По началу путем все шло — налаждался оформлять заведомо безвозвратные кредиты в банках. Делился с кем надо. А тут по жадности и недомыслию кинул зятя большого человека. Тот не был антисемитом, но не любил, когда кто-то считал себя умнее его. Обиделся, сам подобным путем капитал нажил. Возбудили уголовное дело по статье 177,

часть 3 «Мошенничество в особо крупном размере». Три года отмерили. И дядька не помог. Был уже не у дел.

Набрался ума на зоне — с грамотными людьми довелось сидеть. Освободившись, рьяно начал наверстывать упущенное. Жульничал, но уже с оглядкой на уголовно-процессуальное законодательство Республики. Тестя сановного приплетал, когда надо: «Вот, он посоветовал...» Преуспел.

— Не помешал? — сухо произнес полковник, вместо приветствия, на подступах к столу-крепости.

— А-а-а! Какие люди! — как бы только теперь заметил вошедшего «занятой» хозяин аляповатого кабинета, с напускным выражением добродушия на лице. — Наслышан о твоих подвигах, следак. Наслы-ышан! Прямо таки Шерлок Холмс казахстанского разлива! Хе-хе.

Протянул было руку, но полковник, как бы не замечая, задрал голову на изображение голых баб.

Вытянутую руку хозяин кабинета переориентировал в сторону приставного стола.

— Прошу, дорогой, прошу.

Полковник сел, положив руки с тяжелыми кулаками на стол. По молодости не раз использовал их как аргумент. Уголовники кликуху приклеили — «Колун». Но уважали, и не только за кулаки, но и за справедливость. Достоинства человеческого не унижал. А что разок под дых даст, так ты не серди.

Помолчав, Гроссберг продолжил:

— Да-а, наслышан... Газетки почитываем, и иная информация доходит, хе-хе. Тесть, вон, депутат сената!

В его голосе проскальзывали ласкающие слух нотки, внушающие мысль о чистосердечности.

— Что будешь, виски, коньяк?

Алмаз не принял бесцеремонного «приглашения» перейти на «ТЫ».

— Спасибо, — процедил сквозь зубы. — Не пью по утрам.

И тут же подумал: «Откуда эта неприязнь, первый раз человека вижу. Это что — ревность?»

— У меня к вам, господин Гроссберг, всего один вопрос.

— Выкладывай, братан, поможем, — растянул губы в подобии улыбки хозяин кабинета.

Многие годы работы в «органах» выработали у следователя невосприимчивость к лести. Не спуская пристального взгляда с визави, сухо спросил:

— Гувернантка ваша, бывшая, откуда она взялась? И, самое главное, куда делась?

— Это уже два вопроса, хе-хе.

Гросберг насторожился, как сторожевой пес, уловивший непонятный, потому и опасный звук. И решил — будет лучше, если сразу отшить этого типа, непонятно откуда знакомого с его законной супругой. Подсознательно появилась потребность утвердить свое право на неё. Предотвратить посягательство на собственность.

— Если хочешь срубить хорошие бабки — не получится, — посмотрел на детектива, прикидывая: сколько тот стоит. — Екатерина Булатовна, знаю, тебя наняла. Но денег у неё, — развел руки и, причмокнул мокрыми губами: — Пшик! А у меня нет дурных. Налоги исправно плачу, содержу, получается, полицию. Пусть ищут бездельники. Непонятно, зачем пенсионера беспокоят.

И, демонстрируя занятость, вытянув руку, посмотрел на золотые швейцарские часы Cartir dArt, стоимостью дороже иного автомобиля.

— Однако, — изобразил озабоченность. — Сегодня у меня...

Детектив не дал досказать.

— Относительно исправного отчисления в казну вне моей компетенции, перед финансовой полицией будете оправдываться, — произнес полковник многозначительно. — Я же занимаюсь раскрытием особо тяжких преступлений. Повторить вопрос?

Гросберг нервно облизал сухие губы. Таким тоном с ним разговаривали там, за колючей проволокой...

— Ну, секретаршей тут была, — признался нехотя. — Секретарши, они вроде логотипа фирмы. Состарилась маленько, взял помоложе, видели же. А ту в прислуги.

— Сколько она здесь проработала?

— Года два, наверное.

— Личное дело сюда, — похлопал детектив по краю стола, не спуская все это время с собеседника острого, неподвижного взгляда.

Уже вошел в привычную роль: он — следователь, перед ним — подозреваемый.

— Да, конечно, сию минуту, — услужливо засуетился глава фирмы.

Нажал кнопку голосовой связи с приемной:

— Люся, личное дело Садыковой. Срочно!

— Кто така-ая? — спросила секретарша манерно растягивая слова.

— Твоя предшественница.

Воцарилось тягостное молчание. Борис Исаакович поерзал по креслу, перегнувшись, достал из тумбы стола невысокие

толстостенные стаканы и емкую бутылку с красочной этикеткой.

— По сто грамм? — посмотрел на детектива.

Искаков проигнорировал предложение.

— Напрасно, напрасно, — бубнил Гросберг, как бы самому себе, наливая золотистый напиток в стаканы. — Может, всё-таки, составите компанию? — поднял глаза, переходя на «вы».

— Из самой Франции, восемь лет выдержки, хе-хе.

Детектив промолчал.

Зашла Люся, как по подиуму продефилировала к столу шефа, демонстрируя в пластике движения изящные формы и распространяя настырный аромат духов. Проходя мимо стула детектива, Люся, качнув бедром, как бы случайно задела его локоть.

— Пардон, мосье! — обнажила зубки.

Гросберг мысленно одобрил инициативу секретарши.

— Нет дела, — доложила она хозяйину.

— Куда делось?

— Забрала, наверное, — сказала Люся виноватым голосом.

— Свободна.

Секретарша несколько замешкалась, перевела вопросительный взгляд с шефа на посетителя, как бы ожидая от него вопроса.

— Пока свободна... — смягчил голос Гросберг.

Секретарша обиженно надула губы — «сверхурочная» работа не предвиделась. А посетитель очень даже...

Хозяин подкладывал её под нужных людей. И сегодня это планировал.

— Вот, — развел руками, — к сожалению, ничем не могу помочь.

И улыбнулся во всё лицо:

— А вы, полковник, понравился моей секретарше, квартира у ней...

Искаков перебил:

— Сами-то хоть читали резюме пропавшей гувернантки, кто такая, откуда?

— Когда читать? Дел невпроворот, доступное жильё народу строим! Расспрашивал, верно. Иногда...

— И откуда она?

— Оралманка из Узбекистана.

— Познакомились где?

— В южной столице, в банях Арасан. Там она, э-э-э... — заблеял несолидно глава фирмы. — Ну, это между нами, работала массажисткой, — изобразил жест, ударив пару раз ладонью

в торец сжатого кулака. Улыбнулся с напускным просто-душием, как бы привлекая детектива к солидарности — мужики, дескать, мы...

— Между нами не получится, — сказал Алмаз без всякого выражения. — Придется в Департаменте внутренних дел показании давать. В киднеппинге её подозревают.

— А это ещё что за хрень?

— Там объяснят.

Алмаз поднялся, мельком взглянув на хозяина кабинета: «Что-то утаивает!»

— В ближайшие дни прошу не покидать Астану, — просветил его взглядом. — Понадобится.

Гросберг воспринял взгляд чисто коммерчески — одной Люсей тут не обойтись, придется раскошелиться.

— Так вот, — стал поспешно выходить из-за массивного стола, цепляясь за его угол. — Выкуп не потяну, кризис, сами понимаете, а оплатить ваши услуги...

И, не закончив фразу, в спину уходящего детектива выпалил:

— Сколько берёте?

Алмаз не обернулся. «Слизняк! — зло вертелось в голове. — Захапал чужое...» Под словом «чужое» подразумевалась Катя.

Портретный Гросберг со стены смотрел вслед уходящему детективу с недоумением: «Дурак, что ли? От денег отказывается?»

Секретарша возле двери кабинета, красиво изогнувшись, подслушивала разговор. Выходя, полковник чуть было не налетел на неё. Подтрунил:

— Извините, помешал выполнять служебные обязанности!

— Тсс, — махнула рукой Люся, шустро отойдя в сторону, — для вас же и шпиону, — прошептала смущено.

Когда дверь за детективом захлопнулась, смущение с её лица моментально исчезло.

— Вот, — озираясь на дверь приёмной, сунула в нагрудный карман пиджака Исакова клочок бумаги. — Позвоните вечером, сообщу кое-что очень интересное.

Полковник слегка кивнул. Да о чём она может сообщить? О жульничестве хозяина? Ему это не интересно. Жаль девушку, мечтала, наверное, стать моделью или актрисой. А стала предметом интерьера приемной, а подчас и товаром, который глава фирмы предлагал нужным людям.

Выйдя из конторы, Алмаз глубоко вдохнул. Небо над Астаной безоблачное. Южный ветер принес в город из степи горький запах полыни. Вспомнились строки любимого писателя

Ивана Бунина: «В шелках песков лишь сизые полыни растит Аллах для кочевых отар».

В сквере напротив на облетевших тополях, распуская слегка крылья и выгибая шеи, переругиваются вороны, стараясь, перекричать друг друга.

Сбрасывая с себя неприятный осадок от общения с мужем Екатерины, полковник крикнул черным птицам:

— Каррр! Эй, наверху, кончайте скандалить!

— Вы кому? — остановилась старуха с крючковатым носом, во всем черном, похожая на одну из ворон.

— А вон, — улыбнулся Алмаз, указывая вытянутой рукой на птиц. — Им! Раскаркались тут.

— К доктору вам надо, к мозгоправу, — поставила диагноз пожилая дама. — Да, да. К нему.

Алмаз нанял мотор, велел везти в Департамент внутренних дел.

— Работаете там? — поинтересовался пожилой таксист, не имеющий лицензии.

— Да нет, — успокоил детектив водителя. — На пенсии...

Таксист помолчал, затем продолжил:

— Не похож на пенсионера, и голос, вон — молодой.

Дальше ехали молча. Каждый думал о своем. «Зря взял, — думал водитель, — видно же...» Алмаз думал о крутом повороте судьбы.

Начальника департамента — полковника Федора Шмелева Алмаз Искаков не застал. Пообщался с капитаном Зайтжаном Аюповым, руководителем следственной группы по делу о похищении ребенка. Капитан был проинформирован о полковнике, да и наслышан о нём, охотно делился скудной пока информацией:

— Владельца брошенной похитителями машины установили по номеру двигателя и кузова, — сообщил. — Некто Втулкин. Втулкин Василий Федорович, тысяча девятьсот сорокового года рождения. До пенсии — инженер «Энергосбыта» в Алматы. По прежней работе характеризуется исключительно положительно. Подключили алматинских коллег. Дома Втулкина те не застали. Жена — Жанна Григорьевна сообщила, что муж занимается частным извозом и иногда мотается между городами. Где он на текущий момент — она не знает. Обеспокоена, обычно звонит. Сама не может дозвониться, мобильник мужа отключён. Вот такая информация.

Капитан замолчал.

— Еще что?

— В сорока метрах от брошенных «Жигулей» розыскная собака нашла снятые с машины номера и детские вещи. Собираюсь пригласить мамашу для опознания.

— Этого не следует делать! Состояние её критическое. Сам респрошу, во что сын был одет.

Принесли найденные вещи — красную куртку, бежевые джинсы, сапожки под цвет куртки. Вещи даже на полковника произвели гнетущее впечатление. Раздели ребенка на холоде... Зачем?! Как бы мать это восприняла и перенесла!

— Ну, и какие наши дальнейшие действия? — спросил полковник не то себя, не то капитана.

— Ждем звонка похитителей. Телефоны родителей пацана и городской и мобильные на прослушке. Сцапаем, выявив по звонку логово. Или позже, при передаче денег.

— О! Sancta simplicitas.

— Не понял, товарищ полковник.

— Святая простота.

— Это по-каковски же?

— По латыни.

— В школе милиции латынь не преподавали, — огорчился капитан. — Видимо в академии...

— Да-а, — протянул полковник. Не все так просто, — подумал о похитителях, — не одни мы умные...

Из департамента уже в пятом часу на служебной машине, предоставленной Зайтжаном, полковник поехал на квартиру сенатора. Из машины позвонил на трубку Кате, чтобы и она подтягивалась туда.

— А я уже здесь, — ответила Катя.

И помолчав, обдумывая, сказать или нет, добавила:

— Ушла от Бориса, не могу больше...

— Как? — спросил Алмаз, сам не понимая смысла своего вопроса.

— Спасибо тебе, — только и сказала Катя. — Жду.

Сержант на въезде в жилой массив парламента, не тот, что был утром, изучив документ полковника, сверил фотографию с личностью.

— Вы к кому? — спросил.

Алмаз назвал фамилию сенатора.

— Живу у него временно, — сообщил.

Сержант старательно пощелкал по клавиатуре ноутбука, остался доволен изысканиями. Встал, четко приставил руку к козырьку форменной фуражки:

— Проходите, товарищ полковник, дом номер семь, квартира четвертая. Их, верно, нет дома. Дочка там, — сказал, сделав ударение на слове «дочка» на последнем слоге.

Алмаз поднялся на второй этаж. Позвонил, хотя у него и был ключ, любезно одолженный Тогузаковым. Катя тут же открыла, не спрашивая. Эта была не та молодая женщина, встретившая его утром в аэропорту. Впавшие щеки, темные круги под глазами. За день состарилась лет на десять.

Полковник обнял женщину.

— Все будет путем, Катюша. Потерпи два-три дня.

Катя проводила полковника в гостиную.

— Кушать. Кушать будешь?

— Позднее... Сейчас хочу кое-что выяснить относительно вашей гувернантки.

— Её тоже похитили?

— Не думаю.

— Сама замешана?

— Пока не знаю. Откуда она?

— Прописывала же, — закрыла лицо руками Катя, вспоминая.

— Точно не скажу, кажется, из Самарканда.

— Сколько у вас проработала?

— Месяц. Или около этого. К ребенку хорошо относилась.

Чистюля.

— А в конторе твоего бывшего мужа?

Катя внимательно посмотрела на Алмаза.

— Я не знала, что она там работала.

И, помолчав, добавила:

— Алик.

— Позвонить мне надо.

Катя проводила Алмаза в кабинет отца. Большая, почти квадратная комната, функциональная обстановка и много книг на стеллажах вдоль двух стен.

Первый звонок был капитану Аюпову, с поручением узнать в миграционной полиции всё о Диляре Садыковой, приехавшей в республику из Узбекистана.

Второй звонок — в частное сыскное агентство «Фемида», Михаилу Семеновичу Купцову.

Набрал алматинский номер. Ответил женский голос:

— Сыскное агентство Фемида. Чем можем быть полезны?

— Здравствуйте! — поздоровался Алмаз, — Михаила Семеновича можно?

— Как о вас доложить? — осведомился сухой голос.

Надо же, секретаршу содержит. Разбогател!

— Скажите, Алмаз Исаков со своим пустячком беспокоить изволит, — пошутил.

— Вы бы с пустячками не отвлекали шефа. Я для этого.

— А вы отвлеките.

Секретарша так и доложила, упомянув о «пустячке».

— Здорово, старый хрен, ядрена мать! — шутейно поздоровался Михаил Семенович.

Вместе когда-то работали, и подобное приветствие у них служило паролем.

— Сам-то хороший? — был отзыв на пароль.

— Стараюсь, Алмаз, стараюсь. Звонишь-то откуда? Межгород, Аннушка сказала.

— Сейчас в Астане. Как и ты в частном порядке дело одно раскручиваю. Помощь нужна, Миша.

— Слушаю внимательно, — посерьёзnel Купцов

— Информация самая что ни на есть секретная. Здесь в Астане похитили внука известного писателя. Предположительно, пацана увезли в Узбекистан. Необходимо послать твоего сотрудника в Самарканд с секретным заданием — отыскать там некую Диляру Садыкову. Установить негласную слежку. Всё в частном порядке, не ставя в известность узбекскую полицию.

— Не вопрос, — ответил Михаил Семенович.

— Сколько будет стоить?

— Ты о чем, Алмаз? У меня хорошая память...

При расследовании одного запутанного дела Исаков, в бытность начальником УБОПа Алматы, крепко Михаилу помог.

— Ладно. Понаблюдать надо. Нет ли при ней мальчика лет четырех.

— Ну, и?

— Потом решим. В любом случае мальчика надо вернуть в Казахстан, не подключая к делу правоохрaнительные органы Узбекистана. Это затянет дело.

— Мальчик — гражданин какой страны?

— Наш он, наш. Внук сенатора Тогузакова.

— Знаю такого.

— Я тебе позднее перезвоню, дал тут своим задание уточнить адрес Садыковой.

— Сегодня суббота. В конце той недели устроит?

— Раньше нельзя?

— В России агент мой.

— Ладно. Мне с твоим человеком переговорить надо будет.

— В среду или четверг должен вернуться. Сам позвонит тебе. Да ты его знаешь — Жилин Василий.

— Все, о кей.

Попрощались.

Ужинали без сенатора, позвонил — задерживается. Катя приготовила бес бармак. Это что-то! Алмаз давно так вкусно не ел.

— Катя, ты не поторопилась, уйдя от мужа, — спросил Михаил, приступая к десерту — яблочному пирогу и ароматному чаю со сливками. — Статус у тебя на работе — замужняя женщина, не какая-то там фитилька. Так же?

Вместо ответа Екатерина тяжело вздохнула.

— Молчишь что?

— Не хотела говорить, ну раз ты начал...

— Да нет, можешь не говорить, если неприятно. Но, с другой стороны, это может быть полезным для оперативно-розыскной работы.

— Ты и Бориса подозреваешь?

— Подозревать всех — часть нашей работы.

— Он не способен на поступок...

— Заметил. Но, все-таки.

— Теперь уже скажу, — задержала Екатерина взгляд на полковнике. — Легче станет. Эх, Алик, Алик. Куда ты тогда пропал?

— Война, — сказал он, как бы оправдываясь. — Многие вообще не вернулись. Из моей роты только в одном бою восемнадцать человек погибло. Сам чуть девятнадцатым не стал...

— С самого начала как-то у нас не заладилось, — начала Катя, отматывать свою жизнь назад. — Упреки постоянные — взял меня не девственницей. Соврала первый раз в жизни — жених в Афгане погиб. Потом об этом очень пожалела, думала, навлеку беду на тебя. Знала ведь, что ты там.

И поспешно добавила:

— Узнала, уже будучи замужем.

Алмаз внимательно посмотрел на Екатерину, как бы увидел её впервые.

— И была недалеко от реальности, — произнес мягко, щадя Катю. — Рядом со смертью ходил. Ты, понятно, к этому непричастна со своей...

— Со своим враньем. — договорила за него Катя.

— Со своей фантазией, — поправил Алмаз. — Война!

И на минуту замолк. Резко обозначились скулы, морщины на лице углубились. Шрам на правом виске набух и покраснел. Полыхнули воспоминания... Душный вечер. Уходящее за горы солнце все еще освещает лысые макушки, окрашивая их в розовый цвет. Краина оставленного моджахедами

кишлака Чарикар в шестидесяти километрах севернее Кабула. Разведгруппа, осмотрев полуразрушенные в начале войны мазанки, уже забралась на БТР. Он задержался, показалось, тень мелькнула. Дал в том направлении очередь из автомата. Как из-под земли выскочил «дух» в стеганом халате, припал на колено, прицеливаясь из гранатомета, истошно крикнул: «Алла акбар!» Яркая вспышка, грохот от разрыва гранаты, взметнувшийся ввысь земляной столб накрыл его. И темнота...

— В беспамятстве, тяжело раненный, попал к моджахедам, — вернулся Алмаз к действительности, выходя из плена памяти. — Казнить не успели, наши в том бою захватили полевого командира Шайахмира, обменяли его на меня.

Отвлекаясь от кошмаров вспомнил забавный эпизод:

— Старшина роты Бондаренко в довесок к Шайахмиру еще и двух баранов запросил. Мой рейтинг поднял.

Катя «хохму» не восприняла, закрыла лицо руками, тяжело вздохнула и долго сидела в таком положении, уйдя в прошлое.

— Все это я пережила с тобой, — открыла она лицо. — Утром семнадцатого ноября, восемьдесят четвертого, никогда не забуду, сердце защемило, и твой голос: «Катя, Катя». Поняла, в беде ты. Задыхаясь от волнения, на коленях стала молить то Иисуса, то Аллаха спасти тебя. И сейчас все время читаю молитвы. Максуту помочь.

Алмаз помнил эту дату — день второго своего рождения. Катя, выходит, вымолила его!

Опять полыхнуло пламя в мозгах, опять грохот.

Возвращаясь к реальности, Алмаз испытующе посмотрел на Катю.

— Может, все-таки, вернешься к мужу? Погорячилась...

— Прощала и не раз. Теперь уже нет. После твоего визита он приехал домой и наговорил всякой гадости: «Не понятно какого рода-племени твой выродок...» И тому подобное. Что касается меня, стерпела бы. Уже привыкла. Но за Максута, когда он в таком положении, не прощу. Иначе предам его.

Желая сменить тему разговора, Катя, глядя на темные окна, как в прошлое, попыталась пошутить:

— Обещал ведь жениться. Обманщик!

И взглянула на Алмаза быстро и испытующе. Грустная улыбка осветила лицо. Голос низкий, теплый, как у той Кати в прошлом.

— А ты и уши развесила, — послал Алмаз ответную улыбку. — Разве можно мужикам верить?

— Ты тогда был еще мальчиком...

Вернулся сенатор.

— Как дела? — поинтересовался у гостя.

Полковник коротко проинформировал о результатах дня.

— Ждем звонка похитителей. Скорее всего, звонить будут вам.

— Почему не зятю?

— Полагаю, у них определенная информация.

— Что за информация? — не понял Тогузаков.

— Господин Гросберг не собирается ребенка выкупать, и они это знают.

— Так значит...

Недосказав, сенатор замолчал.

Катя, прерывая тягостную паузу, пошутила:

— Алик сдержал свое слово, данное четверть века тому назад, предложение сделал. Ты как, папа, благословляешь? — улыбнулась отцу.

— Пусть мне вначале внука вернет, — посмотрел Тогузаков испытующе на полковника, — потом предложение рассмотрим.

И нарочито серьезным голосом добавил:

— На пленарном заседании сената.

Тепло стало у Алмаза на душе. За многие годы, почувствовал рядом родные души.

Глава третья.

БИБИГУЛЬ АПАЙ

В воскресенье утром, *двадцать второго октября*, художница сидела на берегу Ишима на той же скамейке, что и позавчера, когда неизвестные на её глазах увезли ребенка. Она приходила сюда каждое утро, делала зарисовки. Рисовала дома, гуляющих людей, ворон на деревьях. Все, что творилось кругом, было её собственностью, её жизнью. Гуляющие люди останавливались около художницы, с любопытством наблюдали за творением старой женщины, иногда заказывали портреты. Она исполняла заказы за небольшую плату. Хоть на краски и кисти! И так в любую погоду. Когда шёл дождь или снег сидела под старым черным зонтом ещё социалистического производства. Тогда крепкие зонты делали. Всё было крепкое.

Переменна осенняя погода в Астане. Как симпатии опереточной красавицы! Только вчера дул тёплый южный ветер, принося в город ароматы степи, а сегодня студёный северо-восточный срывает с осин последние желтые листья, покружив их в воздухе, роняет на асфальт, сметая затем на обочину

тротуара, образуя нарядные золотистые полосы. Те листья, что долетают до Ишима, плыли по течению как маленькие кораблики.

Кутаясь от холода в шаль, прикрыв глаза, слегка покачиваясь, Бибигуль апай вспоминала детство. И казалось оно не таким далеким, чуть ли не вчерашним днем, хотя ей годков широкое за шестьдесят. Вспоминала Алтайскую деревню Усть-Кан, выюжные зимние ночи, то злобное, то жалобное завывание ветра в печной трубе. А утром фантастические морозные узоры на окнах с изображением причудливых птиц и страшных драконов, про которые рассказывала бабушка Гайша. За ночь во дворе выюга соорудила снежные горы. Колючий ветер всё ещё гнал по их склонам полчище снежинок. Убирать сугробы во дворе некому, да и незачем. Растают в положенное время.

Весна, журчащие ручьи по всей деревне бегут наперегонки к небольшой речушке Кан, протекающей у подножия невысокой горы, поросшей березами. Журавлиный клин в синеве неба. Сочный запах молодой травы. Потом зацвела черёмуха и наступало длинное, длинное лето. С морковкой, молодой картошкой, огурцами и помидорами.

Осень. Душистый ржаной хлеб из муки нового урожая. И опять журавли в густой синеве неба, только летят они в другую сторону.

И во все времена года — теплая рука матери. Отца она не помнила, родилась в тот год, когда он ушел на войну. И, как большинство аулчан, не вернулся.

Мужчина и женщина остановились возле её скамейки. Женщину она знала, славная, соседка по подъезду, жена буржуйская. Буржуя она не любила, никогда не поздоровается. Мужчину, что рядом с соседкой, видела впервые. Высокий, крепкого сложения, можно бы сказать с правильными чертами лица, если бы не шрам на правом виске и выступающий упрямый подбородок, придававший лицу некую монументальность. Пытливые глаза выдают в нём дилера, как принято сейчас именовать торговых посредников, или следователя. Тех и других Бибигуль апай знала по сериалам.

— Саламатсыз ба, Бибигуль апай! — радушно поздоровалась с ней Екатерина на казахском, который знала в совершенстве.

И уже на русском, представила своего спутника:

— Вот, товарищ полковник с вами хочет побеседовать.

Умные, карие глаза художницы, совершенно не тронутые временем, смерили полковника оценивающим взглядом. Значит, угадала — следователь!

— Здравствуйте! — поклонился учтиво Алмаз.

— И вам не хворать! — с улыбкой опустила голову старая женщина. И, взглянув мельком на Катю, подумала: «Такого бы ей мужа. И ладный, и культурный!»

— Не буду вам мешать, — сказала Катя. — Присяду неподалеку.

И, пройдя мимо двух пустых скамеек, опустилась на третью, аккуратно пригладив юбку на коленях, уставилась ничего не выражающим взглядом в пустоту. Все она делала механически, горе временами отключало разум.

— С вашего позволения задам несколько вопросов, — сказал учтиво полковник.

— Да, конечно.

— Здесь двадцатого числа на ваших глазах увезли ребенка, расскажите, как это произошло, — начал Алмаз, продолжая стоять.

— А вы садитесь, полковник, садитесь, — указала пожилая женщина на свободный край скамейки, протянув руку ладонью вверх.

И после того, как Алмаз сел, продолжила:

— Рассказывала уж и не раз. И полицейским вашим, и Екатерине, — махнула рукой. — Ей два раза рассказывала. Живем же по соседству. Сдается, ничего не доходило до её сознания. Плачет всё. Оно и понятно... Валерьянкой отпаивала, успокаивала, как могла: денег у мужа много, выкупит сына.

— Вы видели похитителей, может, какие приметы запомнили?

— Одного из них я и раньше видела.

— Вот как! — окинул полковник старую женщину быстрым, испытующим взглядом. Не фантазирует ли? — И где?

— А здесь же. И совсем недавно, двенадцатого октября.

— Вы даже дату запомнили. Хорошая, выходит, у вас память! — прозвучало сомнение в голосе следователя.

Нюанс этот Бибигуль апай уловила.

— Я же художница, образы интересные коллекционирую. Внешность его привлекла — на восточного хана похож. Сделала набросок, а под ним дату поставила. Всегда так делаю, иначе забываю, когда рисовала.

Старухе можно доверять!

— И где тот коллекционный образ? — проявил следователь не свойственное ему нетерпение. Ребенок пропал, мать вон, убитая горем, — посмотрел в её сторону.

— Да здесь. Вашим тот портретик хотела отдать, да не нашла тогда. А сегодня случайно на глаза попал.

Пожилая женщина раскрыла объемную потрепанную папку, стала перебирать листки разного размера. Некоторые из них

пожелтевшие от времени. Не мудрено в таком ворохе листочку затеряться.

— Вот, — подала следователю рисунок на плотной бумаге, размером чуть больше тетрадного листа. — Возьмите, может и пригодится.

С рисунка на полковника смотрел широкоскулый азиат, давно небритый, с восточным прищуром глаз. «Ко мне лучше не подходи!» — как бы предупреждал. Дата внизу — 12 октября 2007 года.

— Спасибо, — поблагодарил полковник. — Верну после.

— Дарю, — улыбнулась пожилая женщина, демонстрируя белизну прекрасно сохранившихся зубов.

— Бибигуль апай, — впервые за время беседы обратился Алмаз к женщине по имени.

И тут же смутился:

— Можно так обращаться?

— Да, конечно.

— Бибигуль апай, хан этот восточный что делал тут двенадцатого октября?

— Прогуливался взад-вперед. Тут много народа гуляет. Но он как бы ожидал кого. А появилась Диляра с ребенком, выбрал момент, когда мальчик отошел от гувернантки, подошел к ней, и, кивнув на ребенка, о чём-то расспрашивал. Мне показалась, Диляра кокетничала с ним, засмеялась, проведя рукой по его небритой щеке. Может они были знакомы? Впрочем, я не уверена в этом. Бойкая она девица. И раньше, гуляя с мальчиком, заговаривала с незнакомыми мужчинами, неприлично громко смеясь.

— И больше он не появлялся. Или ещё раньше?

— Раньше нет, второй раз я его увидела, когда ребенка увезли.

— Екатерине, — кивнул следователь в её сторону, — гувернантка сказала, она хотела сесть в машину, но её грубо оттолкнули, бежала следом, кричала.

— К автомобилю она и не подходила, а только издали помахала мальчику, тот оглянулся, когда его усаживали на заднее сидение. Она побежала следом, когда машина уже порядочно отъехала по Сакко и Ванцетти.

Бибигуль апай по-старому называла улицу, переименованную после объявления суверенитета страны на Букейхана.

— Вернулась, подошла ко мне. «Беспокоюсь, — говорит, — меня не взяли. За мальчиком, сказали, их Екатерина Булатовна послала». Попросила позвонить в полицию. Я сказала, давайте вначале матери позвоним. А она: «Нет, нет, надо срочно в полицию.» Я и позвонила на ноль два.

— И что сказали?

— Сказала, неизвестные люди ребенка увезли.

— И что дальше?

— Надо отдать должное, приехали они скоро. Минут через десять. Рассказала коротко, что видела. Тогда и думать не думала, что мальчика похитили, потому и не распространялась шибко. Диляру они с собой забрали.

— А её портретика у вас нет?

— Могу набросать по памяти. Дайте-ка хана.

Алмаз протянул рисунок, который все ещё рассматривал урывками, вороша в памяти — не встречался ли ему прежде изображенный на нём человек. В «картотеке» памяти такой не значился.

На обратной стороне листка с портретом похитителя, художница стала изображать портретик Диляры. Лицо Бибигуль апай стало сосредоточенным, одухотворенным. Даже часть морщин исчезла. Старческая рука твердо держала карандаш и уверенно наносила штрихи на бумагу. Через минуту-другую рисунок был готов. Расписалась и поставила дату — 22 октября 2007 года.

Рука у Бибигуль апай была точна, голова работала исправно. Её показаниям можно доверять!

— Вот, — передала она детективу изображение больше-ротой, коротко стриженной молодой женщины с пристальным взглядом. Она как бы дерзила: «А ты, мент позорный, докажи!»

— Сколько же ей? — поинтересовался Алмаз.

— Двадцать пять, может, чуть больше. Сдается, выглядит старше своих лет.

— А второй похититель, вы и его можете изобразить?

— Нет, — покачала головой художница. — Он из машины-то не выходил, за рулем сидел.

— Молодой, старый?

— Пожилой.

— Казах, русский?

— Славянского типа. Точнее не скажу. Да и про молодого, сказала, что похож на восточного хана. И только.

Полковник поднялся и, глядя мимо Бибигуль апай на ряд невысоких елей, словно пришедших с гор в гости к тополям, произнес с сомнением:

— Похитили-то его зачем?

— Вы меня спрашиваете? — подняла глаза на следователя художница.

— Да нет, рассуждаю вслух, — торопливо ответил Алмаз. — Спасибо вам, Бибигуль апай.

И выдал комплимент:

— Вам бы с вашим талантом и наблюдательностью в полиции работать.

— Берите, — улыбнулась женщина.

— Никому не рассказывайте о том, что видели, — попросил полковник. — Особенно газетчикам. Это повредит следствию.

Поклонился:

— Еще раз спасибо! И здоровья вам.

— Берегите себя, — склонила голову Бибигуль апай.

При приближении Алмаза Катя порывисто поднялась, устремилась к нему, вопрошая с надеждой:

— Ну, что?!

Алмаз молча взял её под руку, приглашая пройтись. Он продолжал мысленно анализировать информацию, полученную от художницы. Шли молча по набережной Ишима. На какое-то время теснившиеся на небе облака расступились, пропуская солнечные лучи, осветившие половину лица Екатерины. Её сознание словно раздвоилось... На солнечной половине Алмаз, вот он, рядом — крепкий и надежный, на него можно опереться. На пасмурной половине — сын. Где он, её кровинка?

— Ну? — выдавила наконец из себя Катя.

Детектив, к тому времени проанализировав полученную информацию, стал вслух систематизировать её, словно заносил в протокол:

— Дилера соврала, что хотела сесть в машину. Побежала вслед за ней, спустя некоторое время, явно напоказ. Это — раз. За восемь дней до похищения Максута, она встречалась с Ханом и при разговоре коснулась рукой его щеки. Чего не позволила бы себе с незнакомым мужчиной — это два. Выходить на Хана надо через неё.

— Ха-ан? — как отзвук прозвучал голос Кати. — Мне она про Хана не рассказывала.

— Так окрестила Бибигуль апай одного из похитителей. Похож на восточного хана.

И помолчав, продолжил:

— Сообщник Хана — человек пожилой, похоже, русский, водитель Жигулей. За рулём он был, но из машины не выходил. Похититель, скорее всего, нанял его, не посвящая в планы. Надо выяснить: кто такой и почему бросил машину со снятыми номерами.

Долгое время шли молча.

Полковник вспомнил своего сына Андрея. Его ведь, по сути, тоже похитили. Взбалмошная жена, мастер спорта по баскетболу, с которой всего-то прожил два года, когда в восемьдесят шестом закрыли спортивную школу в Алмате, уехала со своим

тренером в Саратов, забрав годовалого сына. И больше он его не видел. Хотя и пытался. Дважды приезжал в Саратов.

Маргарита препятствовала общению отца с сыном, ссылаясь на то, что это отрицательно скажется на психике ребенка. Мальчик, который только начал говорить, называет папой отчима. Может, и права была она. Их пути разошлись. Сейчас ему, — стал прикидывать полковник, — должно быть, двадцать. Знает ли Андрей о нём?

Судьба представила полковнику шанс вернуть сына. Он поймал себя на мысли, что уже считает Макса своим сыном.

— Где же они его держат, — произнесла Катя после нескончаемого молчания, глядя в пустоту. По её щеке скатилась слеза. — Голодный, простуженный.

Полковник достал платок, промокнул глаза Кати.

— Всё будет путем, — прозвучала в его голосе уверенность.

— Зайдешь, пообедаешь? — вопросительно посмотрела Катя.

— Тут же совсем рядом.

— Удобно ли так часто?

— Помнишь, мечтали тогда — ты приходишь с работы усталый, я на кухне...

Алмаз помнил.

— Вечером буду, а сейчас в департамент полиции надо заглянуть.

— Можно с тобой?

— Категорически нет!

Катя смотрела вслед уходящему полковнику. Верила, найдет он Максута.

Перекусив в кафе, Алмаз пешком проследовал до Департамента внутренних дел Астаны. Ему и раньше по службе доводилось контактировать с полковником Федором Шмелевым. Да и помимо службы полковники встречались не раз. Начальник департамента уже знал о включении Алмаза Искакова в следственную группу и отнесся к этому с одобрением. Колун! После объятий, и вопросов о житье-бытье, перешли к делу. Алмаз коротко доложил о встречах с зятем сенатора Тогузакова и художницей Бибигуль. Высказал подозрение: бона похищенного мальчика, оралманка из Узбекистана, возможно, соучастница преступления.

— Пока единственная зацепка, — сказал убедительно, — поиск надо начинать с банного комплекса Арасан, промышляла там года два тому назад. Может, кто из тамошних проституток её помнит. Наводку даст.

Шмелев не спросил где эта баня. Известный политик, кандидат в депутаты парламента, год назад там засветился.

— Н-да, — пытался он вспомнить фамилию политика. В газете «Свобода мыслей» была карикатура, тазиком голый кандидат прикрывался.

— Сотрудника бы вашего в Алматы послать? — вопросительно посмотрел Алмаз на Шмелева. И с улыбкой добавил:

— Казанову!

— Есть такой, — вздохнул Шмелев, — племянником доводится. Никак не женю шалопая.

Позвонил по внутреннему телефону:

— Зайди, Женя, — попросил не по-уставному.

Увидев в кабинете шефа незнакомого человека, атлетически сложенный лейтенант по фамилии Иткин, вытянулся перед дядей:

— Здравия желаю, товарищ полковник! По вашему приказанию...

— Ладно, ладно, — махнул рукой Шмелев. — Знакомься вот, Алмаз Исакович из Алматы. Друган мой!

Обменялись рукопожатием.

— Вас величают? — спросил Алмаз.

— Просто Евгений, не дорос ещё до отчества, улыбнулся лейтенант белозубо.

— Задание несколько необычное, — начал Исаков.

— По твоей части, — как бы осуждающе встрял Шмелев. — Баб в Алматы трахать. Свои там не управляют...

Лейтенант перевел недоуменный взгляд с одного полковника на другого. Шмелев остался доволен шуткой.

Алмаз проинструктировал парня:

— Некто Диляра Садыкова, бывшая гувернантка в доме дочери сенатора Тогузакова, подозревается в соучастии похищения его внука Максута. Два года назад она работала массажисткой в банях Арасан. Следует установить контакты с тамошними жрицами любви и разузнать о ней как можно больше. Может, даже, вернулась она на прежнее место. По выявлению подозреваемой, понаблюдаете, нет ли по месту её жительства мальчика лет четырех. Если он при ней, не принимая никаких действий — сообщите мне. Если нет, без шума задерживаете женщину и доставьте в Астану. Рядом с ней может оказаться мужчина лет сорока азиатской внешности. Он исполнитель похищения. Дерзкий, способен на крайности. Брать его надо, подключив тамошний ОМОН.

Передал лейтенанту ксерокопии рисунков Бибигуль апай, записав на обороте портрета Диляры номер своего мобильного телефона.

— Постоянно будьте на связи, — напутствовал.

— Свободен, — сказал дядя приказным тоном. — Вылетай сегодня же. А там сразу за дело. Вечером чтобы первый рапорт. Четким, трезвым голосом!

— Слушаюсь, — уставно ответил лейтенант, старательно сдерживая улыбку. Такое задание по душе.

После ухода племянника Шмелев позвонил в финансовую часть департамента, коротко приказал:

— Алдаберген, выдашь лейтенанту Иткину кроме проездных и суточных энную сумму на банные расходы.

— Не понял, шеф.

— Среди банных проституток преступницу надо выявить.

— А статья расходов? На что деньги списать?

— Профилактическая работа среди тружениц коммерческого секса.

— А сумма?

— Я по баням не хожу, дома моюсь...

— Понял, шеф.

— С машиной что, — поинтересовался Исаков, после звонка Шмелева в бухгалтерию, — нашли хозяина?

— Выпьешь? — спросил Шмелёв, вместо ответа на вопрос.

— Налъете — выпью, — пошутил Алмаз, вспомнив сценку в воровской малине из фильма «Место встречи изменить нельзя».

Секретарша внесла поднос — водка, лимон, бутерброды с колбаской. Выпили, закусили.

— Когда ещё, — промокнул губы салфеткой хозяин кабинета, — доведется вот так.

— Ты о чём?

— Да посидеть вот так. По-людски...

— У Аллаха дней много, еще не раз посидим, — философски изрек Алмаз. — И что там с хозяином машины? Нашелся?

— Твой Хан, не торгуясь, купил в Алматы его развалюху. Попросил на ней отвезти его в Астану. Остановились здесь в частной гостинице. После похищения мальчика, о чём бывший хозяин Жигулей и не догадывался, Хан через два квартала высадил его, сам за руль сел. А выпившего Втулкина, фамилия у него такая, задержали на вокзале. В дежурной части он и поведаль: обмывал сделку — машину продал удачно, а напоследок ещё и таксанул — покупателя на проданной машине в Астану отвез. У полицейских уже была наводка.

— И где тот таксист?

— Пока у нас.

— Сюда давай, может, что по существу сообщит.

Привели задержанного — человека небольшого роста, пенсионного возраста, с редкой щетиной на круглом лице, седыми взлохмаченными волосами, и испуганными, как у пойманного зверька, глазами. Дополнительно ничего существенного он не сообщил. Повторил сказанное: покупатель вышел на него по объявлению в газете «Колеса». Назвался Ардаком. Машину купил не торгуясь. Заплатил за Жигули четвертой модели 1987 года выпуска полторы тысячи долларов. Оформлять не стал. Сказал, сам все сделает. Покупатель — что надо! Попросил отвезти его в Астану. Здесь три сотни отвалил за извоз. Тоже зелеными. Одну сотенную он обменял на тенгушки, две забрали полицейские. Живет в Алматы по улице Гете, в своем доме под номером 42. Пенсия небольшая, вот и приходится маленько подрабатывать. Собрался купить подержанную иномарку. Гольфа третьей модели. Деньжат немного накопил, да машину вот удачно продал. Жигуленок тот ему как родной был. Ремонт ему давал своими руками, каждый жиклер знает, каждый болтик...

Он бы и дальше говорил, слушатели уж больно внимательные, но его остановили:

— Хватит пока.

Проверили, все совпадает. Не привлекался, не судился.

Провели дактилоскопию. Кроме пальчиков задержанного на изъятых банкнотах еще одни, предположительно, Хана. Сверили по картотеке — раньше не светился.

— Плохи ваши дела, Василий Федорович, — сокрушенно произнес Алмаз по окончании допроса.

— Виноват, выпил маленько, — переступал задержанный с ноги на ногу, теребя картуз. — Понимаю, общественное место...

— Да это пустяки, штрафом бы отделались. Вас обвиняют в содействии похищения ребенка. Статья 126 Уголовного кодекса, часть вторая «Похищение человека группой лиц по предварительному сговору». От пяти до десяти лет тюрьмы. А если ваш подельник потребует выкуп, то статья 206 выходит — «Захват заложника». По пятнашке светит!

На испуг брал, перечисляя суровые статьи, вспомнит может что с перепугу...

— Постарайтесь вспомнить, может, звонил он кому по мобильнику, пока в Астану ехали? Зачтется вам как содействие следствию.

— Раза два или три звонил. Не болтал, говорил коротко.

— Обращался по имени, что говорил или спрашивал?

Втулкин уставился на детектива ничего не выражающими глазами.

— Знал бы наперед, может, что и запомнил, а так, не прислушивался. О своем думал. Радовался, подфартило!

Почесав затылок, сам вопрос задал:

— Похищение человека, сказали? Малого, что ли? Или ещё кого?

— Да, ребенка.

— Я уже говорил вот им, — кивнул на Шмелева, — малой, вроде как сын Ардака. Жена после развода видаться не даёт, вот и решил покатасть.

В искренности задержанного сомнений не оставалось. Вернули Василию Федоровичу изъятый при задержании мобильный телефон, сказали, что машину он может забрать со штрафной стоянки, а найденные номера взять здесь. По возвращению домой попросили не выезжать из Алматы до особого распоряжения.

Две купюры с портретами Франклина приобщили к уголовному делу о похищении ребенка, как вещественное доказательство с отпечатками пальцев подозреваемого.

— А деньги, что за машину? — спросил Втулкин, разведя руки и не скрывая огорчения. — У жены они. Куда их сдать?

— Пусть пока у вас, суд потом решит, — сказал Шмелев неуверенно.

В его практике подобного случая не было.

— Может, машину заберете? На ходу она, я за ней как за дитем!

— Не положено, дядя Вася, — смягчил Шмелев свои слова улыбкой. — Возможно, и деньги у вас останутся. Не оформляли же сделку, меньше про них болтайте.

— Спасибо вам огромное! Дай Бог... Вот уж, как говорится, не было ни гроша... — причитал счастливчик, отпущенный на волю с деньгами, пятясь к выходу. Это был самый счастливый день в его жизни. Так ему казалось.

И уже в дверях вспомнил:

— А техпаспорт на машину? Ардаку его отдал.

Шмелев позвонил в канцелярию, дал указание выписать справку об утере документа на автомобиль.

— По справке у себя там новый техпаспорт получите.

— Ну, что дальше? — спросил Шмелев после ухода Втулкина, не то себя, не то Искакова.

— Похитители должны бы уже объявиться. После звонка планы будем строить.

— А если не позвонят? — усомнился Шмелев.

— Как не позвонят!

— Мало ли людей без вести пропадает, в том числе и детей. И никаких звонков.

— Тут-то явное похищение.

— Похищение, исчезновение, не вижу большой разницы.

— Ты, смотри, такое Екатерине Булатовне не ляпни!

— Само собой.

— Знаешь, Федор, когда уходил от мужа Екатерины Булатовны, впечатление осталось — что-то не договаривает. Более того, деньги хотел всучить.

— Взятку что ли?

— Вроде как нанять хотел, ребенка разыскать.

— И нанимался бы, — прикрыл Шмелев лицо иронической маской. — Совместил бы приятное с полезным.

— Не тот он человек, чтобы деньгами сорить. Может, хотел откупиться, чтобы под него не копали.

— Может и так. В девяносто втором, — вспомнил Шмелев, — банкиров «кидал». Те, верно, тоже жулики, но закон на их стороне. Выходит, уже отсидел.

— Надо бы вызвать и допросить под протокол.

Шмелёв тут же позвонил капитану Аюпову.

— Заитжан, пригласи-ка ко мне зятя сенатора Тогузакова. Знаешь такого?

— Сенатора знаю, зятя нет.

— Директор строительной фирмы «Гарант».

— Понял, товарищ полковник. Как срочно?

— Прямо сейчас.

Шмелев положил трубку.

— Посмотрим, как перевоспитали на зоне. Срок, помню, мотал за мошенничество в особо крупном размере.

— Допрашивай его без меня, Федор. Не хочу присутствовать.

— И сколько он отвалил? — посмотрел Шмелев с иронией. — Может поделишься...

— У меня иные сложности в отношениях с ним, но к делу они не относятся.

— Ладно, пошутил. Остановился-то где?

— У сенатора Тогузакова.

— Понятно, — произнес Шмелев, хотя ничего и не понял.

Не стал Алмаз распространяться об отношениях с Екатериной, и о том, что Гросберг не признает похищенного Максута своим сыном. Засобирался:

— Давай, Федор, до завтра.

— Утром в восемь уже здесь, подтягивайся.

Выйдя из департамента, полковник Искаков решил пройти пешком. Утешительного в расследовании было пока мало.

Охвачены возможные места появления сбежавшей гувернантки — Самарканд, Алматы. Гроссберга допросят с пристрастием. Шмелев это умеет... А главный фигурант — похититель? Где он, и почему не выставляет условия? Возможно скрывается неподалеку, считая себя умнее всех...

Через четверть часа доставили «приглашенного». Посланный за ним старшина полиции, по кличке Центнер — 106 кг веса при росте 192 см., с лихими, закрученными усами и раскованными манерами, деликатностью в отношениях с подозреваемыми не отличался. А тут сам начальник департамента послал. Шеф машину казенную зря гонять не станет. Лимит на бензин!

Глава фирмы «Гарант» стал изображать персону: «Занят! Как освобожусь, сам подъеду». Центнер нацепил на него наручники и без сантиментов затолкал в старый Уазик. Сзади там «клетка» с решетками.

В машине задержанный стал угрожать, упоминая генерального прокурора и озвучивая фамилию сановного тестя.

— Сам заткнешься, — гаркнул Центнер, — или помочь?

Глава фирмы предпочел первое.

Гроссберг влетел в кабинет Шмелева, стараясь сохранить равновесие и достоинство. Это Центнер в дверях дал ему пинка под зад — достал таки он с угрозами уже и здесь в департаменте, почувствовав безопасность. Народ кругом!

Центнер зашел следом. Приставил руку к козырьку:

— Товарищ полковник...

— Спасибо, Иван Трофимович, — дружески улыбнулся Шмелев, одобряя его решительные манеры.

Вместе службу начинали в Управлении внутренних дел Целиноградской области. Шмелев — лейтенантом, Центнер — рядовым. Эти самые решительные манеры Ивана жизнь лейтенанту спасли при задержании рецидивиста по кличке Джокер.

— Буду генеральному жаловаться! — вместо приветствия, тараща глаза, выпалил глава фирмы. — Беспредел!

— Проходите, садитесь, уважаемый Борис Исаакович, — бросил взгляд в его лицо полковник. — Гостем будете.

В обращениях полковника не было и следа грубости.

— В гости добровольно ходят, а не так... — пробормотал Гроссберг, несколько притушив, горевшую в глазах злобу.

— Ладно, разберемся.

Гроссберг сел на край стула, расставив ноги, демонстрируя случайность и кратковременность своего пребывания в этом кабинете. Изобразил на лице подобающее главе фирмы надменное выражение. Мельком взглянув на полковника,

стушевался слегка: где-то уже видел эти пронизательные глаза, олицетворяющие неумолимость правосудия....

— Вот здесь подпишите, Борис Исаакович, — пододвинул Шмелёв бланк.

— Что это?

— Ознакомлены со статьей УК об ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

— Меня в чем-то подозревают?

— Нет. Вы свидетелем по делу проходите.

И после короткой паузы, добавил:

— Пока.

Гросберг расписался. Где же он его видел?

— А теперь чистосердечно признаемся. Зачтется. Потом.

— В чём?

— Что утаили от полковника Исакова.

— Жена моя, ну, вы, наверное, её знаете — журналистка известная, дочь депутата сената, из Алматы этого пенсионера выписала. Вам не доверяет! — выпятил нижнюю губу глава фирмы — большой специалист по части интриг.

Умолк, чтобы увеличить эффект последующих слов.

— Ну, и, по понятным причинам, утаил, что продолжал сожительствовать с бывшей секретаршей. Это же не преступление. Так ведь?

— Морально разложились, значит. Учтем без протокола.

— Записывайте, записывайте, подпишу, — загоношился Гросберг.

— Учите меня вести дела? — сухо процедил полковник, смерив его взглядом.

— Извините.

— Вопросы морали не будем здесь рассматривать, а сокрытие места пребывания преступницы — вашей бывшей гувернантки — предусматривает наказание по статье 365 Уголовного Кодекса — «Укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений».

— Где у вас доказательства! — зазвучал в голосе подследственного протест

— Найдём её и без вашей наводки, но если она вас сдаст, не завидую.

После подписания протокола с лейтмотивом: «Знать не знаю!» полковник гаркнул:

— А теперь — пошел вон, ублюдок! Не советую по прокурорам ходить.

Гросберг вышел, аккуратно закрыв за собой дверь. Наконец-то вспомнил! Тогда полковник был ещё майором...

Центнер встретил «клиента» в коридоре плотоядным взглядом.

— Отпустили, отпустили, — посторонился глава фирмы от внушительной фигуры.

— Жаль, — сказал Центнер. — Я бы вас всех...

Не досказал, куда бы он определил всех буржуев. В Уголовном Кодексе не было подходящей статьи.

— Отвезти? Клетка свободная, — покрутил на пальце ключи от машины, с некоторым подобием улыбки на лице..

Борис Исаакович дернулся.

Вернувшись в контору, Гроссберг позвонил своему адвокату, назначил время.

Глава четвертая.

БАНИ

Двадцать второго октября, во второй половине дня лейтенант Евгений Иткин вылетел в южную столицу с пикантным заданием: войти в контакт с банными жрицами любви. В бухгалтерии, сверх положенных суточных, выдали скромную сумму на «непредвиденные расходы».

— Ты там не шибко-то роскошествовай, — напутствовал начальник финчасти департамента. — Сдашь в кассу, что останется.

— Свои как бы не пришлось докладывать, — пробурчал Евгений. Знал банные тарифы.

Прилетев в южную столицу, лейтенант тут же поехал на объект. Обходя вокруг банного комплекса Арасан, что занимает чуть ли не квартал, остановился у торговца вениками. Похоже таджик с высокогорного Хорога. Глаза голубые. Стал перебирать веники, прикидывая, с чего начать деликатный разговор о девушках.

— Стоит сколько? — спросил для начала, кивнув на веники.

— Товар первый сорт! — вздыбил большой палец торговец. — Солодка, лечебный. Двести тенге один штук.

По-русски сносно говорит. Он-то по-таджикски ни слова.

— Кызымку бы, — сладостно улыбаясь, изобразил лейтенант руками на своей груди пышный бюст, — да вот таким веником. А?

— Такой жопа здесь много, — пробурчал замерзший таджик. День холодный выдался.

— Кто-то тут и рулит? — опять изобразил следователь пантомиму, подвигав вкруговую руками, словно держась за руль автомобиля.

— Сантехник Ахмат тут командир.

— Нельзя сюда?

— Кто сюда? Она сюда, да? — не понял таджик.

— Ахмат сюда, — подстроился Иткин к скудной лексике таджика.

— Давай! — прошелестел озябшими пальцами торговец, заинтересованно посмотрев на лейтенанта. — Нельзя нет.

Иткин сунул в карман его безразмерного жилета цвета хаки, надетого поверх свитера, пятисотенную купюру, и остался сторожить веники. Минут через десять в сопровождении посыльного появился Ахмат, наголо стриженный великан с оплывшим бесполом лицом. Такому только и быть евнухом при бане.

— Ты спрашивал, — смерил сантехник лейтенанта взглядом, как бы подбирая ему нужного размера гроб.

— Ну, допустим, я.

— Есть молоденькие цыпочки, но дорогие.

«Цыпочки» в статью «непредвиденные расходы» не укладывались. Да и не представляли интереса как информаторы. Про Диляру они и знать не знают. Два года здесь не появлялась.

— Нам и старая сойдет, — состроил лейтенант придурковатую физиономию и добавил, употребив короткое неприличное слова: — ... возраст не спрашивает.

Уголки губ сантехника дрогнули в кривой усмешке:

— И то верно, да и опыта у них больше, — одобрил он, бережливость клиента. Да и «старухи», видать, в элитной бане большим спросом не пользовались.

— Стоит сколько?

— За отдельную кабину в кассе оплатишь, сюда, — похлопал евнух по карману черного халата, — пять кусков. Ну, а девке, как там договоритесь. Есть тут одна, шибко образованная. По кличке «Нимфетка». Понравишься, ничего не возьмет.

— Давно здесь?

— Я что ли?

— Нимфетка.

— Да лет пять уже. Секс-мекс её не особенно интересует, поговорить красиво любит.

Часть «непредвиденных расходов» перекочевали в карман сантехника.

Лейтенант принял душ, обмотался простыней, хлопнул стопарь.

— Да-а, любопытно, — сказал сам себе. Допрашивать в банях ему ещё не доводилось.

Без стука в предбанник вошла Нимфетка.

— Чай! — продемонстрировала два ряда жемчужных зубов.

Сбросила халатик, и без приглашения примостилась на коленях Евгения. Миниатюрная, прекрасно сложенная. И не такая уж и старая при электрическом освещении. А по фигуре — юная дева.

— Не спрашиваю, как тебя зовут, о, мой господин! — произнесла дева драматическим голосом. — Потому как знаю, милый!

Уж не шмонала ли карманы, пока он фыркал под душем? Удостоверение же там! Да и деньги...

— И как? — насторожился лейтенант.

— Петрарка! А я твоя Лаура.

Было в ней какое-то скрытое очарование!

Иткин приоткрыл рот, пытаясь понять, о чём она буровит.

Лаура с пафосом продекламировала:

Амур, мой бог, дождуся благостыни,
И мёд скупой — устам, огонь полыни
Изведавшим, — не сладок, поздний мёд!

— Шекспир? — брякнул лейтенант, что пришло в голову.

— Нет, Петрарка, это твои стихи.

Иткин не стал возражать:

— Да, наверное...

Выпили на брудершафт, закусили поцелуем. Иткин, верный служебному долгу, решил вначале расспросить про Диляру, а уж потом транжирить казенные деньги. Ссадил девушку с колен.

— Лаура, — посмотрел смущенно поверх её головы, чтобы не отвлекаться. Не доводилось голых баб допрашивать. — Тут раньше работала некая Диляра...

— Зачем она тебе? — окинула Нимфетка лейтенанта близоруким взглядом серо-голубых глаз.

Полицейские регулярно наведывались в бани и неплохо имели. И деньгами, и натурой. А этот, кто он?

— Долг отдать, — соврал сходу Евгений.

— Допрашиваешь меня, да? — прошипела Нимфетка, и, оттолкнув клиента, стала натягивать халатик, не попадая рукой в рукав.

— Ты что, Лаура? Какой допрос? Просто поинтересовался, — натянуто улыбнулся следователь.

— Мент! — взвизгнула девушка, — деньги тебе нужны, а не амора!

Кто такая «амора» Евгений не знал. Но надо менять тактику. Тараща глаза, поставленным голосом потребовал:

— Документы, гражданочка!

Прием проверенный, требование предъявить документы осаждает строптивых задержанных.

Но, не на ту попал!

— Вот, — изогнувшись в бесстыдной позе, Нимфетка продемонстрировала хорошую работу интимного парикмахера. — Не ослепни!

— Остынь, Лаура, — как бы извиняясь, произнес Евгений.

Обнял девушку.

— Ну, угадала ты — мент я. Но не из ваших, из Астаны. Хочешь, удостоверение покажу. Там Диляра наследила.

Нимфетка так же быстро отошла, как и вспылила.

— Натворила-то что? — спросила без особого интереса, опять мостясь на колени клиента.

— Любовника зарезала, — соврал Иткин.

— Знала её, строила тут из себя... Но давно её нет.

— И как давно?

— Может год, может больше, я что — слежу. Ахмата спроси.

— Вернулась, может?

— Ахмат не принял бы! Другим в назидание.

— Где её искать?

— Рядом с вокзалом, по Шолохова, комнату снимала у бабы Дуси.

— И номер дома знаешь?

— Угадай! — улыбнулась девушка, и пальчиком изобразила на выпуклой груди лейтенанта цифры — два и восемь.

— Двадцать восемь?

— Угадал! Угадал! — порывисто обвила девушка шею любовника и провела язычком между его губами.

— Потом, потом, — ссадил Евгений девушку с колен и стал поспешно одеваться.

— Ты куда, Петрарка? — недоуменно смотрела на Евгения Нимфетка, словно только сейчас увидела его. — Я ещё стихи буду читать.

— Завтра, милашка, завтра. В это же время, — скосил лейтенант взгляд на Лауру. — Вот аванс, — протянул две купюры по пять тысяч. Всю оставшуюся сумму, выделенную на разврат.

Отвергнутая девушка от денег отказалась.

— Потом жалеть будешь! — крикнула вслед уходящему кавалеру. — Когда женишься на толстой тетке...

Пухлая нижняя губа придавала выражение обиженного ребенка. Бросали её. Но вот так, голую, не обласканную, впервые... Заплакала.

Троллейбус, в котором ехал Иткин, с воем обогнала пожарная машина, и свернула с проспекта Сейфулина на Шолохова. «Уж,

не у бабы ли Дуси случилось что?» — закралось беспокойство в душу лейтенанта. Предчувствие его не обмануло. Выйдя из троллейбуса и пройдя то скорым шагом, то бегом два квартала, он увидел возле дома номер двадцать восемь пожарную машину, небольшую толпу зевак и серые клубы дыма и пара. За ветхой оградой догорала времянка.

Иткин, показав удостоверение участковому, что скучал возле калитки, прошел во двор. В трех шагах от залитого водой пепелища лежал человек, уставившись широко открытыми глазами в безоблачное небо. Погода его уже не интересовала. Портрет покойного, сложенный вчетверо, лежал в кармане лейтенанта. Он даже доставать его не стал, и так понятно — Хан.

Иткин позвал участкового, они вдвоем осмотрели труп. Стреляли в Хана, судя по кровавому следу, во времянке. Когда жертва, как показалось стрелку, рухнула бездыханно, он, уходя, поджег строение. Однако, смертельно раненный Хан, сумел выползти из охваченной огнем хибары. Правая рука, уже без надобности, зажимала рану на шее.

В кармане куртки обнаружили удостоверение личности выданное МВД Киргизии на имя Жасипова Марата. Внимательно рассмотрев фотографию на документе, и сравнив её с лицом покойного, Иткин отметил лишь некоторое сходство. Документ, хотя и подлинный, похоже, не его. Денег при нем не было, что вызвало подозрение в ограблении. Может, инсценировка — вокзал рядом, убили, ограбили. Все на поверхности и расследовать нечего.

Пока приехала оперативно-следственная группа, Иткин успел снять ксерокопию с изъятых удостоверения личности и позвонить в Астану. Шмелев приказал ему принять участие в расследовании убийства подозреваемого гражданина.

Участковый, придерживая, привел на место происшествия бабу Дусю — хозяйку дома за номером двадцать восемь. Баба Дуся с утра успела основательно опохмелиться, уснула и окончательно еще не проснулась. Полагая, что её собираются арестовать, слабо сопротивлялась и с отсутствующим взглядом бубнила под нос: «Законы знаем, не имеете права».

Убитого баба Дуся не признала.

— Через забор, видать, перелез фулиган, — предположила. — Шастуют тут всякие, вокзал же рядом.

Пожарная машина к тому времени уже уехала, зеваки разошлись, исчезновение времянки хозяйка так и не заметила.

Сопроводив бабу Дусю в дом, Иткин показал ей рисованный портрет Диляры.

— Знакома вам эта женщина?

Баба Дуся насторожилась...

— Знать не знаю, — дернула выступающим подбородком.

И после выразительного молчания, вопросительно подняла глаза:

— А кто такая?

Настороженность и проявленный интерес выдали её — знает!

— Комнату у вас снимала, — прожег взглядом Иткин.

Баба Дуся выдержала натиск. «Сопля! — оскорбила лейтенанта мысленно, — и туда же...» А вслух сказала:

— Мало ли кто бывает. Приходят с вокзала, ночуют. На хлебушек дадут, и ладно.

Посетовала:

— Голова с дыркой, не запоминаю...

Врала всё. Диляру она на рисунке узнала. Ещё бы, в 2004-ом приехала она с годовалой дочерью из Самарканда, комнату сняла. Одной семьей жили. Дитё баба нянчила. Через два года Диляра в Астану уехала, оставив дочь Аиду на её попечение. Деньги высылала, да и сама навещалась. Говорила, любовник содержит. Через полгода забрала дочку.

Ничего предосудительного в том, что девки водят к ней мужиков с вокзала, не видела. Зарабатывают честно, не воруют. Своим «товаром» торгуют... Государству никакого убытка, не коррупция, о чём газеты пишут. Читала их баба Дуся, хахали гулящих девок оставляли...

Оперативники сфотографировали труп Хана в разных ракурсах, протокол составили. Допрашивать бабу Дусю не имело смысла, учитывая состояние. Обязали завтра утром явиться в полицию Турксибского района. И непременно трезвой.

Пригрозил дознаватель:

— На пятнадцать суток закрою, там основательно протрезвишься.

Труп забрала «скорая» еще при следователе районного отделения департамента внутренних дел.

Евгений Иткин, проводив опергруппу, пошел на вокзал. Рядом тут. В дежурной части полиции сержант Изиев по рисунку признал Диляру Садыкову.

— Утром сегодня карагандинским поездом приехала. Девочка при ней, лет трех-четырёх. Вид у женщины был встревоженный, словно боялась кого. Завел её в дежурку, проверил документы. В порядке. Метрику показала на девочку, зовут малышку, запомнил, Аида. В графе родители — её фамилия. Пригласил кассиршу Маню, раньше у нас работала. На время вышел из дежурки, забрав девочку. Маня обыскала её по полной программе. Умее! Чистая. Ни каких претензий к гражданке, отпустил.

— Не было поблизости вот его? — показал лейтенант портрет Хана.

— Нет, — отрицательно покачал головой полицейский, — определенно нет.

Иткин вернулся к бабе Дусе уже затемно. Хозяйка встретила ворчанием:

— Ну что тебе ещё? Покоя от вас нет, ироды.

Иткин раз за разом выставил на стол из большого пакета бутылку водки, две бутылки пива, колбасу сырокопченую, сыр пошехонский, шпроты, лук зеленый, хлеб бородинский.

— А краля твоя где? — повеселела хозяйка.

— Вон, — указал Евгений на потускневшее зеркало, в котором смутно отражалась помолодевшая Дуся.

— Была когда-то, — подбоченившись посмотрела хозяйка на своё отражение, изобразив на лице простую, как у ребенка улыбку.

Да ещё какая была! Складная, глазастая, голосистая. От женихов отбоя нет. Но все они промелькнули, как полустанки, за окном служебного купе в котором прошла большая часть жизни проводницы Дуси. Новые люди, бесконечные разговоры, мимолетные, как мелькание полустанков, увлечения.

Сейчас поговорить-то не с кем. Соседка из двадцать шестого дома — бывшая учительница английского, тоже пенсионерка со стажем, и такая же одинокая — «инвалидка» сексуальная. В огороде всё копается. Евдокия не раз с ней разговор заводила. Подойдет, бывало, к забору, семечки лузгает и про своих женихов бывших рассказывает. Иные большими выдумщиками были по части секса. О-о-о! Всю зацелуют. Натурально выражалась баба Дуся, русским языком. Кого стесняться-то, обе бабы. Та губу оттопырит: «Фу, скабрзность какая!»

Сосед из тридцатого дома, криворотый Гера, заглядывался когда-то на молодую Дусю. Сейчас, импотент, морду кривую воротит.

Девки, что хахалей с вокзала приводят, и те с ней не особенно-то якшаются.

А тут — на тебе! Красавец, да ещё со своей водкой и закуской. Как в молодости!

— Располагайся, будь как дома, — сказала весело баба Дуся, — я живо...

Зайдя в соседнюю комнату, хозяйка надела новую кофту, юбочку короткую джинсовую (девки дарили, а что-то и оставляли по забывчивости, в основном из белья), покрасила губы, напудрилась густо.

Вернувшись, убрала со стола разнокалиберные тарелки и прочую кухонную утварь, постелила чистую скатерку.

— Будем пировать! — сказала, улыбаясь, отчего морщин на лице добавилось.

Выпили за знакомство, закусили. Баба Дуся, вытерла рот тыльной стороной руки, кивнула на бутылку:

— Хорошо, когда выпьешь да ишо!

Ещё выпили под традиционный тост: «Ну, будем здоровы!»

Баба Дуся порозовела, глаза заблестели, начала про своих женихов. Гость умел слушать, не перебивал. Вопросы припас на потом.

— Сам-то женатый? — поинтересовалась помолодевшая душой хозяйка.

— Пока нет.

— У меня большей частью женатики были.

И, как бы в тему, довольно приятным голосом пропела:

*Я иду, иду, иду,
встану и подумаю,
у него же дети есть,
что же я это делаю.*

И тут из соседней комнаты детский голос:

— Баб Дуся, я кушать хочу.

— Внучка ваша? — спросил Иткин, маскируя интерес в голосе. Хозяйка смутилась было, но оправилась.

— Я ведь соврала тебе, что не знаю ту женщину.

— Какую? — деланно удивился Иткин.

— Рисунок ты показывал. Дочка её, — кивнула на перегородку. — Сегодня утром заходила, оставила её на недельку. Просила никому не говорить.

— Родня, что ли?

— Комнату у меня снимала, когда в банях массажисткой работала. Одной семьей жили, дитё я нянчила. Пойду, покормлю.

Баба Дуся положила на тарелку сыр, колбасу, хлеб, понесла в соседнюю комнату.

Иткин посмотрел на часы — двадцать два часа пятнадцать минут. Позвонил на трубку Исакову, коротко сообщил о последних новостях.

— Уверен, что девочка? — спросил Алмаз тревожным голосом.

— Пока не видел, в другой комнате она.

— Пройди, спроси ненароком, не Максом ли зовут? Сразу перезвонишь.

Иткин прошел в соседнюю комнату. Девочка кушала сидя на кровати. Баба Дуся мирно спала на диване.

— Тебя как зовут, мальчик? — спросил Евгений. — Макс, да? Девочка посмотрела на него внимательно большими карими глазами.

— Вы, дяденька, пьяные?

Евгению стало стыдно.

— Пошутил я.

— У вас шутки не получаются, — улыбнулась девочка, — вам лучше быть серьёзным.

Вундеркинд, да и только! А что девочка — сомнений нет.

— Зовут как?

— Аида.

— Меня — дядя Женя. Ну, ладно, познакомились. Кушай.

— А вы, дяденька, будете? — протянула ему тарелку.

— Я уже поел.

Иткин вышел, прикрыв за собой дверь. Не стал тревожить хозяйку, оставил допрос на утро, пусть проспится. Недопитую бутылку убрал на кухню, замаскировав среди батареек пустых.

Позвонил Искакову:

— Девочка она, девочка. Никаких сомнений.

— А возраст?

— Года четыре. От силы пять. Смышсленная очень. На вокзал ночевать пойду. К своим. Бабу Дусю, хозяйку, завтра допрошу. Отключилась она.

Сгустились сумерки. Евгений, вернувшись на вокзал, пошел спать в дежурную часть. Комната отдыха у них вполне приличная. Принял душ, лег на диван, хотя в комнате были две заправленные кровати.

Рабочий день закончился. Думал о Лауре — обидел, непостижимая её душа тянула его.

Утром, *двадцать третьего октября* лейтенант Иткин застал бабу Дусю никакой. Она тупо бубнила:

— Покоя от вас, иродов, нет!

— Лечить вас пришел, — улыбнулся лейтенант. — Если помешал, извините, могу уйти.

Баба Дуся посмотрела на него осмысленным взглядом.

— Лечить, говоришь?

Евгений принес из кухни недопитую вчера бутылку. Хозяйка потянулась было, Иткин остановил её душевный порыв.

— Один вопрос, один ответ. Но без врак. В награду — стопарь.

— Ты прямо немец...

— Что такое полиграф, знаете?

Баба Дуся, вытянув морщинистую шею, отрицательно покачала головой.

— По-простому — детектор лжи. Вот, держите, — вложил в руку допрашиваемой небольшой диктофон. — Будете отвечать, нажмете на это, — показал кнопку включения. — Соврете — прибор загудит, а я пойду на кухню, и вылью водку в раковину, — указал на бутылку. — Начнем?

Наступило короткое молчание. Баба Дуся переводила взгляд с бутылки на Иткина и обратно. На бутылку смотрела с вожделением, на лейтенанта — недоверчиво. Наконец решилась — была- не-была:

— Давай, ирод.

— Вчера в вашем дворе обнаружен труп мужчины. Кто он?

Баба Дуся испуганно нажала кнопку.

— Не знаю.

— Тогда подскажу — знакомый Диляры Садыковой.

— Когда Диля привела дочь, с ними его не было.

Баба Дуся с минуту помолчала, вспоминая вчерашние события. Как бы не ошибиться! Прибора боялась. Потерев надбровья, продолжила:

— Вчера это было. Ну, да, вчера. Диля с ребенком пришла и, как всегда, с продуктами, пустой никогда не приходила. Оставила ребенка, взяла ключ от временки, сказала, что позднее вернется с другом, возможно переночует. Больше я её не видела. Вот те крест, — перекрестилась на пустой угол. — А мужика того живьем не видела.

Не врал.

— Ладно. Сегодня будет наш врач, девочку осмотрит, не больна ли. Грипп ходит...

— Пусть. Наливай, давай.

Иткин налил — себе глоток, бабе Дусе полный стакан. Заработала!

Чокнулись, выпили. Баба Дуся испуганно посмотрела на диктофон. Все ещё держала его в левой руке.

— Чё же я делаю, мне же в милицию сказали трезвой явиться. Сутками грозились.

— Ладно, отмажу на сегодня. Скажу — приболела, завтра будет.

Евгений решил ещё раз взглянуть на Аиду. Кивнул на дверь:

— Как она там?

— Спит, — вздохнула старая женщина. — Мне она как родная дочь. Чуть ли не с пеленок нянчила.

Иткин тихо зашел в соседнюю комнату, с умилением посмотрел на спящую девочку. Да-а, пора бы уж и своих заводить...

На выездах из Алматы, на автостанциях, вокзалах и в аэропорту у дежуривших омововцев были растиражированные портреты Садыковой Диляры.

А в это самое время женщина, несколько похожая на неё, но блондинка, сидела в служебном купе поезда, следующего из Алматы в Уральск, и кокетничала с проводником. Дочь её, лет четырёх, под стук колёс, спала тут же на полке, свернувшись калачиком.

Глава пятая.

ЯСНОВИДЯЩАЯ ВИРГИНИЯ

Когда от Веры Фалько ушел третий муж, Алижан Парнак, оставив её в однокомнатной квартире наедине с суровой жизнью, она сильно расстроилась и впала в депрессию: «Кормить кто будет?» Первый раз в жизни её бросили. До этого сама от мужей уходила. Молодая была, востребованная.

Пошла брошенка к бабе Фросе, навести порчу на изменника. Не совсем насмерть. А так, чтобы тот бабам разонравился. Вернётся тогда, кому он порченный нужен.

— Ты уж его не шибко-то мордуй, — попросила колдунью.

— Фотография его детская нужна, — сказала колдунья. — Где он голенький, пупсик.

— Детских нет, познакомилась, когда ему уже за тридцать было.

— Ладно, давай какая есть.

И такой не нашлось. Не был он человеком публичным, фотографии его в упор не замечали.

Вера отнесла колдунье снимок первого мужа, от которого ушла ко второму по экономическим соображениям, а уж от второго к Алижану — чисто по любви. На фотографии первый муж был похож на третьего, такой же скуластый и в усах. Сойдет.

Баба Фрося три дня вымачивала снимок в уксусе, после чего передала Вере, чтобы та закопала покоробившиеся изображение на кладбище, на безымянной могилке.

Результат наведенной порчи остался тайной для Веры. Алижан уехал в Самарканд, был откуда родом, и что там с ним стряслось, брошенка так и не узнала. А бабу Фросю результат колдовства вообще не интересовал. Была она реалистом и во всякую чертовщину не верила. Совесть чиста, никакого вреда людям, на «порче» которых она зарабатывала на жизнь.

Однако, от колдовства бабы Фроси вышел другой прок, куда как полезней. Фалько сама решила заняться экстрасенсорикой, стать ясновидящей. А что — у неё два высших образования, не то, что у бабы Фроси с её педагогическим техникумом.

Нахваталась из подвернувшегося журнала «Самиздат» заумных выражений: оккультизм, карма, магия и прочей белиберды, взяла несколько уроков у психиатра, придумала псевдоним — «Виргиния» и дала объявление в газету «Караван Сарай»:

Ясновидящая Виргиния. Магистр Космоэнергетики. Работа с кармой, избавление от проклятий и стрессов. Решает проблемы семейного характера. Наведение порчи — исключено.

Предварительная запись по понедельникам с 11.00 до 13.00.

Количество приемов ограничено. Тел. 387 — 37 — 60.

Виргиния превратила свою однокомнатную квартиру в магический салон. Обтянутый черным крепом потолок давил на психику, красные шторы создавали кровавый полумрак, посредине комнаты на шестигранном столе стеклянный шар размером с футбольный мяч, на который, когда надо, падал узкий луч света, оживляя его.

К ней-то и собралась Екатерина в воскресенье ***двадцать второго октября***. Без предварительной записи.

Ясновидящая, скучающая по деньгам вторую неделю, сидела в своем мрачном салоне при свечах возле телефона. И тут звонок. Выдержав театральную паузу, Фалько сняла трубку:

— Салон магистра космоэнергетики Виргинии. Чем можем быть полезны?

— Мне бы на прием к ясновидящей, — сказала как-то неуверенно Екатерина.

— Запись только на следующий месяц.

— Мне срочно.

— Экспресс прием будет дороже, — предупредила Фалько клиентку.

Екатерина согласилась.

Через полчаса Екатерина была у ясновидящей. Виргиния профессиональным взглядом определила — за сорок девушкам.

— Заблудшего будем возвращать, или нового привораживать? — спросила без обиняков, зная по опыту — женщины этой возрастной категории за этим только и приходят.

— Сына у меня похитили.

С подобной проблемой к ясновидящей обратились впервые. Похищали золотые украшения, женихов, мужей, домашних животных. Бралась. А тут, на тебе — ребенка украли.

— Тебе, милочка, в милицию надо, — в ущерб себе посоветовала ясновидящая. — Я-то чем помогу? С бандитами же надо дело иметь...

— В полицию уже обратилась. Ищут.

Унылое выражение не сходило с лица Виргинии — долги по коммуналке, объявление в газете надо возобновить и кушать охота.

— Ладно, — согласилась, изображая искреннюю жалость к клиентке, — подскажу, где примерно искать. А бегать с пистолетом за похитителями не моя специфика. Фотографию принесла?

Фотография сына всегда была в сумочке.

— Вот.

— Сколько ему тут?

— Четыре.

— А месяцев?

— Четыре года и три месяца.

— Карма ещё неустойчивая, — начала охмурять ворожея, — оккультизм здесь не поможет, к эзотерике придется обратиться.

При других обстоятельствах образованная женщина посмеялась бы, но, убитая горем Екатерина, хотела верить.

— У меня и портретик похитителя, если надо.

— В милицию отнеси, пусть они ищут.

— Макс, наверное, при нем.

— Ну, давай, — неохотно согласилась Виргиния.

Екатерина достала из сумочки изображение Хана. На всякий случай, собираясь к ворожее, взяла его у Алмаза, не посвящая в свои планы.

Ясновидящая, мельком взглянула на рисунок, потом внимательно, потом перевела недоуменный взгляд на клиентку. С портретика на неё надменно смотрел бывший третий муж! Как бы насмеялся: «Ну, что, дурёха, поумнела?» Ничего паразиту не удалось!

— Зовут как?

— Сына?

— Этого, — ткнула пальцем Фолько на похитителя.

— Хан.

— Кореец, что ли? — усомнилась Виргиния. Обозналась, может.

— Кличку такую полицейские дали. На хана восточного похож.

Нет, не ошиблась — он красавец изображен!

Алижан, когда они расписались в девяносто втором, возил Веру в Самарканд, родственникам показывать. Старинный город ей понравился. Родственники — не особенно.

— Определию конкретно место, где искать мальчика. Это будет стоять, — посмотрела Виргиния на золотое кольцо с бриллиантом на руке клиентки. — Сорок тысяч нашими.

Екатерина хотела сегодня вернуть кольцо Борису, подарок его ко дню свадьбы, и, чтобы не потерять, надела на палец. Алчный взгляд ворожеи не остался незамеченным, сняла украшение.

— Вот, задаток.

На лице растерянность и тоска.

Виргиния провела камушком по магическому шару. После неприятного скрипа на стеклянной поверхности осталась бороздка — бриллиант настоящий!

Ясновидящая положила фотографию Максута на шар, прикрыла снимок левой рукой, правой закрыла глаза, шевеля губами, стала мысленно повторять таблицу умножения на шесть: «... шестью один — шесть, шестью два — двенадцать, шестью три — восемнадцать». Дойдя до строки «шестью девять», убрала руку с бледного лица.

Нажала ногой кнопку под столом, на шар упал синий луч, оживил его. Шар засветился изнутри, бросая блики на потолок. Не отрывая взгляд от шара, ясновидящая начала вещать загробным голосом:

— Иду виртуально на юг, в сторону родины древнего философа Алишера Навои. Преодолеваю путь равный пятидневному переходу верблюда. Взбираюсь на холм, с которого в четвертом веке до нашей эры Александр Македонский смотрел на этот город. Вижу мавзолеи и мечети Шахи-Зинда.

Долго молчала, выходя из транса. Окинула быстрым взглядом Екатерину.

— Самарканд! — воскликнула.

Придав взгляду решительность, продолжила:

— Там твой сынок. А фамилия похитителя — Парнак. Редкая фамилия для узбеков, найти будет не сложно.

«Посадят изменщика. Так ему и надо!», — злорадно подумала ясновидящая. Не знала, что порча, наведенная бабой Фросей в прошлом году, настигнет бывшего мужа сегодня вечером и основательно!

Провожая клиентку, Виргиния подумала: «Кольцо ей ни к чему, а с продажей проблема может возникнуть».

— Колечко можешь выкупить, за тридцать тысяч уступлю.

Екатерина отрицательно покачала головой. Нет таких денег ни у нее, ни у отца. Да и заработала, наверное, такую сумму, ложаась в опостылевшую постель.

Только проводила клиентку, опять звонок. «Масть пошла!» — расцвела улыбка на губах ясновидящей.

Сняла трубку:

— Салон магистра космоэнергетики Виргинии. Чем можем быть полезны?

— Налоговая инспекция, — прозвучал голос из трубки с эпической монотонностью.

Улыбка на губах магистра увяла.

— Ошиблись номером, — выпалила на одном дыхании Виргиния. Поспешно отключилась и стала задувать свечи.

Телефон просигналил повторно. Виргиния взглянула на него испуганно. Сняла трубку.

— Да, — промолвила нерешительно.

— Вы что же трубку-то бросаете, магистр?

— Кот у меня озорует, шнур из розетки выдернул, — привычно соврала Виргиния.

— Завтра с лицензией и котом к девяти ноль-ноль в налоговую инспекцию. Должок за вами.

— Кота-то зачем?

— Кастрируем, чтобы не баловал.

Вера не улыбнулась. Не до шуток!

Глава шестая.

БЫВШИЙ ПРОРАБ

В конце *сентября 2007-го года*, ближе к вечеру приехал в Бишкек к Мурату Хамитулы племянник из Казахстана. Широкоскулое лицо с бронзовым загаром выдавало в госте степняка. Пытливый взгляд раскосых, чуть на выкате глаз, производил впечатление, что он постоянно ожидает ответа на свой немой вопрос. Алижан и раньше навещал дядю с интервалом год-два, так что не удивил появлением. Более того — обрадовал старика гостинцами. Конские деликатесы всегда привозил — казы, жая копченая. Знал, дядька любит. Не забывал и про напитки. Сам не увлекался, но не прочь был хлопнуть рюмашку-другую в хорошей компании.

Славно посидели, родню повспоминали. В живых мало кто из стариков остался.

— Скучно живешь, Мурат ага, — сказал племянник, ковыряясь в зубах, после обильного ужина. — Времени у тебя — хоть отбавляй, а вот с деньгами, похоже, напряженка, — обвел взглядом обшарпанную кухню, как бы собираясь составить смету на ремонт. — А мог бы в Таиланд слетать, поразвлечься. Тропики, девушки шоколадные! Старики туда только за этим и летают. Омолаживаются, хе-хе!

— Сам-то бывал? — скользнул заинтересованным взглядом Мурат.

— Каждый год, — соврал племянник, не моргнув глазом.

Красавец, острослов, ему и здесь кызымки не отказывают!

— И море там есть?

— Хоть утопись.

— А альбатросы?

— И альбатросы и девочки... В Таиланде всё есть.

Старик тяжело вздохнул:

— Хотелось бы, конечно.

— Понимаю, — посмотрел на него испытующе племянник, — финансы поют романсы.

— Поют, — согласился Мурат.

— Есть возможность заработать хорошие бабки.

И замолчал, словно взвешивая слова.

— Делов-то — раз плюнуть, — сказал после паузы.

И опять замолчал. Тишина затянулась на этот раз надолго, в который раз гость прикидывал: стоит ли старику доверять такое ответственное дело. Хотя и знал хорошо бывшего прораба, работал у него одно время на стройке. Ушлый, и мозги мог запудрить заказчиком, и работяг подчинять своей воле. Но когда это было...

Старик же, воспользовавшись паузой — после упоминания об альбатросе, стал вспоминать детство, словно книгу с картинками листал. Большим фантазёром рос, начитался Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера и прочих романтиков. От отца книги остались, такого же фантазёра.

В морозные выюжные ночи, мальчик, прижимаясь к печке в деревенской избе, мечтал о жарких странах и тропических морях. Альбатрос в душе, расправляя крылья, призывал: «Давай, Мурат, рванёмся в штормовой простор». «Вот, вырасту, — обещал мальчик гордой птице, — уж тогда и рванём!» Вырос. А все откладывал и откладывал: «Вот, окончу институт, устроюсь на работу, накоплю деньги, уж тогда...»

Женился на последнем курсе, сын родился, потом дочь. Основным стимулом жизни стало воспитание детей. Альбатрос уже редко бередил душу, а он, не совсем уверенно, увещал: «Вот, вырастут дети, встанут на ноги, уж тогда...»

Годы наслаивались, оставляя на лице отметины-морщины, а «черепашьего супа» из романтической песни так и не похлебал. Да-а, не довелось...

Алижан все молчал, глядя в окно, за которым густели сумерки. Взвешивая всё за и против.

— Ну, — прервал его молчание старик, дернув головой. — И что там у тебя за работенка? Коней угонять? — пошутил неуместно.

Слухи доходили о лихих делах племянника. Да и сидел он...

— Почти угадал! — насмешливо выгнул брови степняк, ничуть не обидевшись шутке старика. — У сенатора в Астане похитят внука. Будешь посредником в получении выкупа.

Старик, изображая решетку, скрестил пальцы, приставил к глазу.

— Я тебя вижу, ты меня нет...

— По телефону будешь контактировать.

— Вымогать деньги, хочешь сказать?

— Свое вернешь! Строил, строил социализм, а когда его развалили, ни хрена тебе не досталось. А они там наверху — хорошо поимели, пусть теперь делятся...

Старик долго молчал, прикрыв глаза. Прошрое с настоящим тасовал. Много что построил будучи прорабом. Радовался каждому сданному объекту — они как памятники его труду. И в коммунизм верил. С наступлением капитализма выдали ему никчемную книжицу с приватизационными купонами, которую, сам не зная зачем, хранил по сей день.

— Эй, уснул? — окликнул старика Алижан.

— Какая сумма выкупа? — открыл старик глаза.

— Пятьсот тысяч долларов. Будут торговаться — сбавляй.

— Откуда такие деньги у сенатора? — засомневался старик.

— У зятя займет. Буржуй он новоявленный...

— С ребенком вот, не хорошо это... Может самого сенатора похитить?

— Кто его выкупать-то станет? — улыбнулся саркастически племянник. — Кому он нужен?

— Правительству, наверное. А ребенка — нехорошо это...

— Не бери в голову. Для малого это нечто вроде игры, казаки-разбойники. Да и няня его при нем будет... А сенатор, зачем он правительству?

— Заседать.

— Почему он заседает, потому что жопа есть, — скаламбурил Алижан. — Другую жопу приспособят.

— Хо-хо-хо, — только и проскрипел старик, соглашаясь.

Опять последовало выразительное молчание.

Пасмурное утро. За окном в тумане смутно проглядываются голые, облетелые тополя, напоминая о старости. «А там, в Таиланде, — думалось старику, — круглый год лето, пальмы...»

Опохмелились, поговорили предметно о предстоящей афере.

— Звонки из разных городов, — инструктировал племянник.

— Первый раз — назначаешь сумму выкупа и сроки выплаты. Второй раз — сообщаем номер счета, куда переводить деньги. И попробуй, поймай тебя. Ты — мистер икс!

Алижан оставил старику три мобильных телефона с установленными номерами Тогузакова. Передал диктофон с записью голоса ребенка, чтобы при разговоре с сенатором,

«вплести» эту запись, имитируя, что внук его вот он, рядом — жив и здоров.

— Звонить будешь в конце октября. В какой день — я сообщу, — сказал Алижан собираясь уходить.

Беспокойство возобладало в душе Мурата — один остается с проблемами. В глазах — тревога: «Может, не надо?»

— Ну-ну! — похлопал по плечу старика Алижан, в ответ на немой его вопрос — всё будет путём...

Аванс не хилый оставил.

— На одну поездку в Таиланд, считай, уже заработал! — улыбнулся. — Альбатрос там заждался.

Первые дни после отъезда Алижана старика мучили сомнения, так ли поступил, согласившись на звонки. Правильную жизнь прожил, копейки не то что у людей, у государства не похитил. Хотя возможности были. И стройматериалы у него в подотчете, машину-другую кирпича «сэкономить» ничего не стоило. И в нарядах рабочим тысчонку-другую мог приписать, а они бы поделились. Сплошь и рядом такое на стройках...

Проходили дни, недели, а Алижан не звонил. Успокоился старик, наверное, передумал.

Рано утром *двадцать второго октября* Мурата Хамитулы разбудил телефонный звонок междугородний. Мурат это сразу понял, гудки требовательные. Снял трубку.

— Слушаю вас.

— Это я, Мурат ага. Здоровье как?

— По возрасту, — буркнул старик.

Первый раз не обрадовался племяннику.

— Настроение? Все от настроения зависит!

— С чего веселиться-то? — ответил старик вопросом на вопрос.

— Будем поднимать настроение. Два звонка и — «Синее море, белый пароход!»

— Гы-гы, — прочистил горло старик, как бы подавившись слюной.

— Первый звонок из Тараза завтра утром. Место там сам выберешь, безлюдное чтобы. Разговор не более трех минут. Трубку, без отпечатков пальцев там оставишь, иначе вычислят и найдут её в твоём кармане.

Во рту Мурата солёный привкус усталости, вспотели ладони. Сомнения одолевают — соглашаться или нет. Но, отказываться уже и поздно — племянника подведет. Да и аванс не хилый получен... В случай чего, — подумал, — за один трехминутный звонок много не дадут.

— И что сказать?

— Деликатно так, но твердо, назовешь сенатору сумму выкупа — пятьсот тысяч долларов. Начнет торговаться — сбавляй в разумных пределах. Ну а дальше импровизируй, тебя ли учить, Мурат ага. Ещё вопросы?

— Да всё, вроде.

— Диктофон, что оставил, при тебе?

— Подожди минутку.

Старик тяжело вздохнул, сторбившись, пошел за прибором.

— Вот он..

— Ну-ка, включи.

Через несколько секунд послышался четкий детский голос: «Дедуля, я по тебе соскучился».

— Вставишь эту фразу, где надо, при разговоре с сенатором. О втором звонке сообщу дополнительно. Пока, конец связи!

Короткие гудки, отключился племянник, опять оставив Мурата с его сомнениями. Все ли так делает?

— Хо-хо-хо, — проскрипел старик.

Стенные часы с астматическим хрипом пробили три раза, и продолжили монотонно отсчитывать секунды, вычитая их из жизни Мурата. И ни одну ушедшую секунду невозможно вернуть ни за какие деньги. А дни, месяцы, годы? Не зря ли прожиты!

Сообщение от похитителей на мобильный номер сенатора поступило только на четвертый день — в половине десятого утра, **двадцать третьего октября**. К тому времени его телефонная сим-карта была в мобильнике Алмаза, с записывающим устройством. В переговорах детектив должен изображать чадолюбивого деда. Да и находился, когда просигналил мобильник, в его кабинете.

— Здравствуйте, Булат ага, некто Аслям вас беспокоит. Внук ваш у нас гостит, — бодро произнес звонивший, как бы желая обрадовать сенатора.

И замолчал в ожидании реакции.

Молчал и «дед», не проявлял спешки. Из трубки слышались помехи: тихие звуки бравурного марша, совершенно не соответствующие теме разговора.

— Алло! Вы меня слышите? — беспокойный голос после паузы.

— Продолжайте, — произнес полковник не удосужившись поздороваться. И засомневался — «дядей» ли доводится сенатор звонившему. Голос старческий, скрипучий.

Старик же ожидал иной реакции дедушки. Засуетится, залебезит: «Вы уж там — помягче, мальчик впечатлительный.»

После повторной паузы, звонкий детский голос:

— Дедуля, я по тебе соскучился...

И опять скрипучий, старческий:

— Любит вас внучок, любит. Скучает, хотя ему и здесь неплохо. Кормим, вовремя спать укладываем.

— Ваши условия, — властный голос «сенатора».

— Уважаю деловых людей, — проскрипела трубка. — Не зря за вас голосовали.

— Сенаторов не выбирают, их назначают.

— Все равно одобрямс... Пятьсот тонн капусты.

— Не понял, — продолжил игру Алмаз.

Сенатор мог и не знать блатного сленга.

— Пятьсот тысяч.

— Пол миллиона тенге! — натурально удивился Алмаз. — Где же я вам их возьму?

— Пятьсот тысяч долларов, уважаемый Булат ага.

Долгая пауза.

— Полагаю, у вас достоверная информация обо мне, должны знать — не вору, денег таких у меня нет.

— У зятя попросите.

— Не получится.

— Под проценты даст.

— Долг не смогу вернуть.

— Отработаете. При вашей-то должности, сенатор.

— Исключено. Двести тысяч. Но для этого надо продать квартиру. Десять дней отсрочки.

На том конце опять замолчали. Может быть совещались.

— Триста, — проскрипел голос. — Но предупреждаю, что разговор наш конфиденциальный. В полицию, знаю, вы уже сообщили о похищении внука. У нас там «крот», — соврал Мурат. — Но об этом разговоре ни-ни. Затяните с выкупом — на счетчик поставим. Не запугиваем, вреда ребенку не причиним, беспредел не по нашей части. Не выкупите внука, вывезем за пределы Казахстана, в Эмираты там, или еще куда, и будет он, повзрослев, каким-нибудь Абу Хасаном.

— Двести, и никаких торгов.

После короткой паузы:

— Ни вам, ни нам! Согласны на двести пятьдесят тонн, — с профессиональным равнодушием произнес Мурат, — Пять дней отсрочки. Сегодняшний день — первый! Не звоните по этому номеру, его уже нет. Сам позвоню двадцать седьмого. Не пытайтесь умничать — устраивая захват. Никаких киношных эффектов с передачей мешка с деньгами не будет. Переведете их на указанный счет. Потому-то полицию и не стоит беспокоить, уровень не их.

— Пять дней не реально, — возразил «сенатор». — Не успею квартиру продать.

— Кредит оформляйте, вам не откажут. А там уже разбирайтесь... Конец связи!

Звонивший отключился. Проходил он у следствия с этого момента под псевдонимом Старик.

Полковник переписал из дисплея мобильного телефона номер Старика: +7-777-342-17-70, и тут же позвонил капитану Аюпову.

Знают ли похитители, что аналитики Департамента внутренних дел Астаны за пять минут без проблем установят место, откуда звонили. А сыщики в штатском через четверть часа прочешут район вдоль и поперек. В выявленной зоне опросят людей, просмотрят записи камер наружных наблюдений близлежащих учреждений.

Мурат Хамитулы знал это, племянник просветил. Поэтому, приехав из Бишкека в Тараз, звонил из городского парка, безлюдного в это время года. Здесь же на скамейке оставил «чистый», без отпечатков пальцев, мобильный телефон.

После неприятного разговора, собранный, как в былые годы, не привлекая внимания, не оглядываясь, уходил из парка высокий старик. Никакой сутулости в свои семьдесят два года, с живым взглядом темно-карих, почти черных глаз. Две глубокие морщины, идущие от уголков глаз до упрямого подбородка, делали лицо вытянутым. Короткая стрижка жестких седых волос молодила.

— Хо-хо-хо, — выдохнул старик устало, уже на троллейбусной остановке, вспоминая разговор с предполагаемым сенатором, — грехи наши тяжкие.

В нем как бы жили два человека — один энергичный, решительный, другой — неуверенный в себе пессимист. Но они мирно уживались, и душевное состояние старика было относительно спокойное.

После тяжелого выдоха Мурат ага на всякий случай прочитал короткую молитву, которой выучила его в детстве бабушка. Любила сироту. Отец погиб на войне, мать скончалась тогда же в военное лихолетье от туберкулёза. Бабушка забрала осиротевших детей — старшую сестру Лиру, его и младшего брата Рината.

Под старость снова осиротел — дети разъехались, жена померла.

Старик доехал троллейбусом до автостанции, сел в маршрутное такси Тараз — Бишкек.

Тепло в машине, мотор монотонно урчит, укачивает. Уютно. Так бы ехал и ехал. Начиная дремать, подумал: «В Таиланде, наверное, всё время лето. Море, пальмы...» О шоколадных девушках старался не думать, но нет-нет, да мелькали и они бесстыдницы.

Заснул. Сон ему: альбатрос над морем парит, а в море шоколадные девушки плещутся, машут руками, зовут в компанию. А дальше совсем путаница. Идет он по берегу моря, утопая по щиколотку в горячем песке, ведет за руку мальчика, внука сенатора.

— Дедуля, мы зачем здесь? — спрашивает мальчик, запрокинув голову.

— Не выкупили тебя, увез в Таиланд.

— Это не хорошо, мама там расстраивается.

Автобус подбросило на ухабе, старик проснулся. Вначале не понял где он. И сообразив, прокручивая сон, вздохнул:

— Хо-хо-хо, грехи наши тяжкие.

И мысленно прочитал короткую молитву: «Ля иляха иль Аллах, Мухаммат — расулуллах».

Бабушка говорила сорок раз надо. Да зачем? Аллах — он и с первого раза расслышит.

Глава седьмая.

ТУПИК

После разговора со «Стариком» и звонка в департамент, детектив занялся анализом накопившейся информации. Пока ничего определенного, что указывало бы место заточение Максута.

Минут через двадцать перезвонил капитану Аюпову:

— Ну, что там у вас?

— Звонили из Тараза.

— Удивлюсь, если задержали.

— Ищем. И вот ещё — голос мальчика воспроизведен с диктофона. Его в Таразе может и не быть.

Искаков и не рассчитывал на скорую развязку. «Не одни мы умные», — подумал в который раз.

— Держи меня в курсе, — попросил. — Подключусь, если вычислите место нахождения ребенка.

«Тараз, Тараз, — мысленно повторял полковник, анализируя события. — Там что ли их логово? Или только долдон там». Звонивший не впечатлил полковника. Жесткости нет в голосе.

Непонятна пауза, выдержанная похитителями. Любая отсрочка не в их пользу. Так оно и случилось — выявлено убийство Хана, Диляра засветилась у бабы Дуси со своей дочерью. Но эти события пока ничего существенного в поисках похищенного ребенка не дали.

Похитители осведомлены об отношениях в семье Гросберга. Потому-то и обратились к сенатору, знали, муж Екатерины

не станет выкупать ребенка, хотя и располагает деньгами. Вопрос — кто осведомитель? С большой вероятностью можно предположить — бывшая гувернантка. Она знала о семейных неурядицах супругов. Борис Гросберг продолжал поддерживать отношения с ней, и, конечно, сетовал — Максуд не его сын, а с женой нет близости. Это — раз. Без труда могла узнать номер мобильного телефона сенатора. Это — два. И три — исчезновение самой гувернантки.

Вызывает сомнение относительно незначительная сумма выкупа! Полковник вспомнил два подобных случая. Там суммы вообще были смехотворные! В декабре 1997-го в Талдыкоргане наркоманы похитили двенадцатилетнего сына местного предпринимателя. Когда мальчик не вернулся из школы, мать забеспокоилась, позвонила мужу. Тот пошёл в полицию, вознаграждение назначил за оперативность. Звонок в тот же день. Похитители, как бы извиняясь, попросили триста тысяч тенге, якобы за содействие в освобождении пацана. Оперативник, дежуривший в квартире родителей мальчика, представившись отцом ребёнка, стал торговаться. Когда сумма выкупа опустилась до тридцати тысяч, в дверь недоумков позвонили. Вычислили их без проблем по номеру городского телефона.

Второй случай произошел в Алматы в 2002-ом. Пропала девица не самого строгого поведения. Она и раньше исчезала. Через неделю родители, крепко пьющие супруги, заявили участковому, что неизвестные требуют от них сто тысяч тенге за освобождение дочери. Такой суммы у них нет. Вот разве что бабушку потрясти? Деньги на похороны копит. Да когда это ещё, старушенция крепкая! Их переживет. Нажать бы на неё.

Только начали раскрутку, сама дочь объявилась. Никто её не похищал, фантазировали родители.

Здесь же совсем другой случай. Дерзкое похищение ребёнка в людном месте свидетельствует: операция продумана до мелочей, похитители — хорошо организованная преступная группа. С состоятельных родителей могли миллионы потребовать. Но, деньги, похоже, их мало интересовали. Сами значительную сумму потратили на подготовку операции. Только то, что известно полиции, порядка двух тысяч долларов.

Произведена «зачистка» — ликвидирован исполнитель, и не какой-то лох, а человек рискованный, физически крепкий.

Полковник стал прокручивать возможные причины ликвидации Хана и мотивы похищения ребёнка.

Предположение первое. Во времянке бабы Дуси вечером 22-го октября столкнулись интересы двух мужчин — Хана и ещё кого-то, предположительно, любовника Диляры. И она там. Веселье, потом разборки, в финале — выстрел и поджог времянки.

Предположение второе. Диляра заманила Хана к бабе Дусе, напоила и там с ним расправилась. С какой целью? Грабёж? Маловероятно, хотя это, похоже, инициировалось. При осмотре трупа не обнаружено ни денег, ни мобильного телефона.

Диляра исполнила чьё-то указание? Чьё? Старика? Вряд ли он главный. Указание мог дать «Мистер икс»! Вычислив Хану, а он засветился при похищении ребёнка, следователи могли выйти на него. Очень вероятно!

Предположение третье. Разработчику похищения не нужны деньги. Он преследует иную цель.

1. Вывезти ребенка за пределы Казахстана. Оговорился же Старик, что мальчика могут увезти в Эмираты или в другую страну.

2. Получив деньги от сенатора, вогнать его в долги, и, подавив волю, начать шантажировать, принуждая к преступным деяниям против государства.

Мысли полковника переключились на Максута. Где его содержат? Можно предположить, после убийства Ханы, Диляра увезла его к Старiku. На это ушло время, потому-то звонок о выкупе поступил с запозданием. Тогда и Диляру должны ликвидировать. Надо и её спасать!

Хан, Диляра, Старик. А кто же он — «Мистер икс», главарь банды? Его, видимо, знает только Диляра. Искать надо её.

Уравнение со многими неизвестными, где главное — местонахождение Максута.

Выпал из следственной обоймы Хан. «Мистеру икс» нужен мальчик, а не деньги. И он не собирается его возвращать. Почему понадобился именно этот ребёнок? — напряженно размышлял детектив. Проблемы с ним, искать будут усердно — внук депутата сената! Но понадобился же! Сам по себе Максут ничего особенного не представляет. Если бы знать причину его похищения, выявился бы, как следствие, и организатор.

В Косово похищали людей для изъятия органов. В Казахстане подобное не наблюдалось. Если предположить, что это первый такой случай, похитили бы пацана в ауле. Пропал и только...

Фантастика, конечно, но организатором похищения мог быть биологический отец Макса. Женился он и по каким-то причинам потерял способность к зачатию. Прознав в «Центре репродукции человека», каких женщин продуктивно оплодотворили его спермой, решил вернуть «своего» ребёнка. Выбор пал на Максута. Мать успешная женщина, красавица. Потом можно и её «похитить». Увести от бесплотного мужа будет не сложно. В подобных случаях женщины впослед-

ствии произвольно ищут биологических отцов ребёнка. Их тянет к ним...

Хотел было уже звонить Михаилу Семеновичу, чтобы тот справки навел. Частные детективы — они всё могут! И подкупить, и мозги запудрить, для них законы не писаны. Но отмел версию. Бред сивой кобылы!

И ещё одно фантастическое предположение — Екатерина и до рождения сына не шибко благоволила мужу, не держала его за личность, а с появлением ребёнка всю свою любовь отдала Максуту. Ревность Бориса обуяла. Собственник! Выучил жену, одевает как королеву, деньги зарабатывает, а нежности взамен не получает. Вот и решил избавиться от ребёнка. Опять-таки бред. Практичный Гросберг не стал бы тратить полторы тысячи долларов на покупку старых «Жигулей» в Алма-Ате. За пять сотен в Астане бы нашел.

Полковник переключился на деда Максута: похитители — недруги сенатора! Мсть... зависть... шантаж...

Тихо зашла Катя. Встала за спиной Алмаза. Он поднялся, коснулся губами её щеки.

— Пошли завтракать, — позвала Екатерина.

— Папа ещё не ушел?

Алмаз несколько смутился, назвав сенатора «папой». Поправился:

— Булат Тогузакович ещё дома? Нужен он мне.

— Папа ещё дома, — ответила Катя, выделив звучанием голоса слово «папа». И улыбнулась одними глазами, что не осталось незамеченным полковником. От его взгляда разве что ускользнёт.

Когда они появилась в просторной кухне, служившей одновременно и столовой, Тогузаков, отложив газету, поднялся из-за стола, поклонился:

— Доброе утро!

— Хотелось бы, — ответил Алмаз.

— Подвижки какие? — спросил сенатор, взмахом рук приглашая полковника за стол.

— Звонок был от них. На ваш мобильный номер. Потребовали полмиллиона долларов.

— Скромно, иные бы миллион запросили.

— Торговался, ополовинил сумму.

— Лихо!

— Мне показалось, звонивший — лицо подставное. Вычислим, конечно, возьмём. Но цепочка на нём может замкнуться.

— Так давайте выкупать.

— Не будем торопиться.

Полковник бросил на Екатерину выразительный взгляд. Сенатор понял — детектив не договаривает что-то в её присутствии.

— Катерина, доклад в моем портфеле. Прочти, пожалуйста. Поправь, где надо.

И когда дочь вышла, спросил:

— Не так что-то?

— Сдается, деньги их не интересуют. И возвращать вашего внука они не собираются.

— А что их интересует?

— Этого пока я не знаю. Вам, Булат Тогузакович, надо сегодня дать объявление в газету «Крыша» о продаже квартиры.

— Не понял?

— Сказал звонившему: деньги будут после продажи квартиры. Тайм аут взял на пять суток.

— Объявление-то зачем?

— Осведомитель у них, знает всё, что происходит в семье.

— Детектив прямо-таки.

— Вопрос у меня к вам.

— Да.

— Нет ли у вас недоброжелателей, завистников?

— У японцев есть выражение: «Писатель писателя не признает». Это у них. Не признает и ладно! У нас же, когда сойдутся два писателя, говорят не о творчестве, а поливают дерьмом третьего.

— Ну, а на государственной службе?

— Ничего не могу сказать. Звонил недавно поэт один, упрекал — не помогаю писателям книги издавать. Зря место в сенате занимаю.

— Помогли?

— Чем же я помогу? Издательства и типографии в стране частные, а литература стала неходовым товаром. Книги никто не читает и не покупает.

Сенатор бросил взгляд на собеседника, как бы желая услышать от него подтверждение: «Да, это так».

Вернулась Екатерина.

— Кончили секретничать?

— С докладом что? — спросил отец вместо ответа.

— Кому нужна твоя экология, папа. Как охотились прокуроры в заповедниках, так и будут охотятся.

— А ты пиши, разоблачай.

— А кот Васька читать будет, так что ли?

— Давайте завтракать, я и так сегодня задержался.

Завтракали молча. Катя по казахскому обычаю, на правах хозяйки, ухаживала за мужчинами, подливала чай.

По-семейному всё. Если бы еще Макс был за столом!

Просигналил телефон в кабинете. Тогузаков вышел и скоро вернулся с трубкой.

— Вас спрашивает леди с ангельским голоском, — протянул трубку полковнику.

— Спасибо.

— Ладно, пойду я уже, — потоптался сенатор, ожидая, что полковник его задержит, и, поговорив по телефону, сообщит что-нибудь обнадёживающее.

Катя, бросив взгляд на Алмаза, пошла провожать отца.

Алмаз встал из-за стола, подошел к окну.

— Слушаю, — сухо бросил в трубку.

В ответ игривый голос:

— Приветик! Это я, красotka Люся.

Полковник узнал по голосу секретаршу Гросберга.

— Да, Люся.

— Не дождалась вашего звонка, сама вот.

Замолчала.

— Говорите, я вас слушаю.

— Верно, что полиция платит осведомителям?

Полковник вспомнил — секретарша обещала сообщить что-то важное. Он проигнорировал её предложение. Сплетни...

— Зависит от ценности информации.

— Вас интересовала бывшая секретарша шефа, кое-что знаю о ней.

— Говорите, слушаю.

— И деньги по телефону?

— Потом договоримся.

— Потом не хочу. Давайте встретимся вечером. Бумажка целая?

— Не понял.

— Бумажка с номером телефона, что я вам в карман вложила, уходили когда.

Алмаз достал из нагрудного кармана мятый клочок, на котором округлым детским почерком были написаны цифры номера мобильного телефона.

— Да.

— По тому номеру позвоните сегодня в половине седьмого.

Не дожидаясь ответа, Люся отключилась.

Зашла Екатерина.

— Звонил кто? — посмотрела пытливо.

— Секретарша твоего мужа.

— Бывшего, — сделала Екатерина ударение на слове. — И что она сказала?

— Обещала при встрече сообщить нечто важное о Диляре Садыковой.

— Встречаетесь когда?

— Сегодня вечером.

— Последнее время всё думаю о Диляре — при ней Максут. Уж больно с ним сюсюкалась.

— Очень даже возможно.

— Говорила как-то, родители в Самарканде.

— Письма, может, ей приходили?

— Какие письма. Работала-то у нас всего ничего.

Катя решилась-таки рассказать про ясновидящего. Алмаз понимал — чушь полнейшая. Но слушал внимательно. Малейшая надежда хоть на йоту отвлекает её от тягостных мыслей.

— Не исключено, — прокомментировал серьезно. — Сыщика вот занарядил в Узбекистан.

— Ты что, тоже у ясновидящей был, — грустно улыбнулась Катя.

— Самому положено быть ясновидящим.

Катя отвернула ворот рубашки Алмаза:

— Смени сорочку, купила тебе вчера новую.

Алмаз посмотрел на Екатерину, нежность затеплилась в душе. Никто за ним до этого не ухаживал.

— Спасибо.

Вечером Алмаз позвонил Люсе.

— В Ганновере, после восьми, — назначила встречу девушка.

— А точнее?

— Ну, в восемь с минутами, как освобожусь.

Люся пришла на встречу в половине девятого. Швейцар, с улыбкой на всё лицо, принял меховое манто. Не впервой здесь. Девушка вся из себя! Прическа, профессионально наложенный макияж, черное вечернее платье с глубоким вырезом, туфли на шпильках. И, сногшибательный аромат дорогих духов. Подготовилась девушка к встрече основательно.

Ресторан, в этот ранний для гуляк час, да ещё в понедельник, был почти пуст. Заняли крайний столик в глубине зала, тылы прикрыты бархатной драпировкой. В затылок никто не дышит.

— Угощаю я, — белозубо улыбнулась Люся. — Вы мой гость.

Алмаз не стал изображать кавалера. Официант принёс водку в графине, закуски. Сама Люся и заказывала. Выпили, по её предложению, за любовь. Здесь Алмаз тоже не стал возражать.

— Информировать, — поднял глаза от тарелки, — буду оценивать важность сообщения.

— Так уж и сразу. Пофлиртовать положено девушке! Душу приоткрыть... Чуть-чуть, — улыбнулась красотка. — Чтобы желание у вас появилось, заглянуть в неё глубже.

Алмаз нехотя согласился. Свои мысли одолевали.

— В колледже бухучета я была самая яркая.... Послали на районный конкурс красоты, — воодушевленно и, видимо, не в первый раз начала излагать Люся фрагменты короткой биографии.

«... где же его держат?» — думал Алмаз о Максуте.

— ... каверзы, интриги, папочки... Пришлось лечь под спонсора. На городской конкурс попала.

«... надо позвонить Михаилу Купцову, связаться с его сыщиком, дать наводку по Самарканду».

— ... послали на республиканский. Там о-о-о! Рассказать — не поверите. Торговать нами начали! Выкупил меня Борис Исаакович.

«Уж не замешан ли он? — мысленно спросил себя следователь, внимательно посмотрев на девушку. — Хотела же что-то важное сообщить».

Красотка Люся восприняла взгляд по-своему — попался, таки, котик!

— Возьмите меня замуж, — вострепнулась. — Буду любить вас. Ребёночка рожу...

— Информацию обещали, — проигнорировал предложение полковник.

— В постели я — Клеопатра! — выложила последний козырь красотка.

— Люся, меняем тему.

— Всегда вот так, работа, работа... — обиделась девушка.

«Ну, ладно, ещё не вечер!» — подумала.

Выдала дежурную улыбку.

— В прошлый четверг, — посмотрела на полковника внимательно, — девятнадцатое получается, эта самая Садыкова, которой вы интересовались, приходила к шефу. Зашла в приёмную и сразу к дверям кабинета. Обозвала меня шваброй, когда заслонила дорогу. Сильная такая корова, так толкнула, что я чуть не упала. И прошла в кабинет.

Озираясь по сторонам, Люся продолжила шепотом:

— Кричала там, в приемной было слышно: «Кинешь, тварь, ментам сдать!»

— Ещё что говорила?

— О каком-то счете в Бишкеке. Но я ничего не поняла, — сделала девушка неопределенный жест, разведя руки.

— Дальше что?

— Тут же и вышла. И мне, уже дружелюбно: «Местечко подыскивай, подруга, долго тут не засидишься». Не поняла, о чём это она.

«Диляра была у Гросберга накануне похищения! — отметил мысленно детектив. — Выкуп, похоже, сенатор должен перечислить на его бишкекский счёт. Но, брать его преждевременно, нет доказуемых улик. Да и сообщники, встревожившись, могут покинуть Казахстан, прихватив Максута.

— Ценная информация! — оценил полковник. — Сколько за неё?

— Поехали ко мне, одна живу, — улыбнулась красotka Люся. — В постели отработаешь!

— Не получится, Люся. Ты уж извини.

Алмаз с сожалением взглянул на девушку. И, не обращая внимания на её слабые протесты, рассчитался с официантом по счёту.

От денег за информацию девушка отказалась.

Глава восьмая.

ЗАДЕРЖАНИЕ СТАРИКА

После определения места, откуда Старик выходил на связь с «сенатором», капитан Аюпов тут же связался с начальником Управления по борьбе с организованной преступностью по Таразу. Указанный участок местные полицейские оперативно прочесали вдоль и поперек. Нашли мобильный телефон Nokia, с которого был сделан единственный звонок сенатору Тогузакову. Поспрашивали возможных очевидцев о подозрительном старике со скрипучим голосом. Посетителей утром в осеннем парке было мало, разве что, редкие влюбленные парочки, которые стариками не интересовались. При входе в парка толпился народ — остановка рядом, киоск газетный.

— В основном старики и берут периодику, — ответила на вопрос полицейского пожилая киоскерша, в макияже. — Всех разве запомнишь.

— А, впрочем, постойте-ка, постойте, — остановила уже повернувшегося к ней спиной сержанта.

Тот недовольно буркнул — замёрз, и кушать охота. В кафе, что неподалеку, направился было.

— Ну, что там у тебя ещё?

— Мужик один, стариком-то его не назовешь — ладный такой. Лицо во, — опустила челюсть киоскерша, изображая — вытянутое оно у него. — Газетами не интересовался. Вышел из

парка и скоренько так, во-он туда потопал, — махнула рукой в сторону остановки.

Повезли киоскершу в Управление внутренних дел, с её слов составили фоторобот, который тут же факсом отправили в Астану.

Похожим получился! Глазастой оказалась киоскерша.

Два дня *двадцать третьего и двадцать четвертого октября* таразовские пинкертоны ходили с растиражированным портретом Старика по людным местам города, пока вечером на второй день поиска на автостанции один из шоферов вроде признал его.

— Не буду утверждать, — сказал, разглядывая изображение, — но очень похож на одного пассажира. Вчера утром, в одиннадцать тридцать сел в мой автобус. В Бишкеке, не доехав до автостанции, вышел возле кинотеатра «Мир».

Министр внутренних дел Казахстана позвонил киргизскому коллеге, попросил содействия. Тот дал указание главе милицейского управления Бишкека.

Местные сыщики с фотороботом Старика стали обходить торговые точки в районе кинотеатра «Мир». Живёт, возможно, где-то здесь, за продуктами ходит, как многие пожилые люди в семьях.

Опознала Старика уличная торговка овощами и фруктами, когда молодой человек при погонах сержанта показал ей фоторобот.

— Постоянно у меня что-то берет. Иногда в долг, — сказала торговка сержанту. — Положительный человек, зря это вы...

— Что зря? — состроил недовольную мину сержант — учить тут ещё будете мен...

— Ну, подозреваете, наверное, в чём-то.

— Вас не касается. Живёт где?

Торговка нехотя указала на двухэтажный дом.

— Вон в том доме.

Две бабки, сестры родные, скучали на лавочке перед указанным домом. Старухи по рисунку сразу признали соседа.

— Мурат ага, шестая квартира, — сообщила старшая. — А наша седьмая как раз напротив.

— Натворил-то что? — спросила младшая.

— Наследство ему из Канады привалило, — соврал сержант. — Дедушка его там скончался. Скоропостижно.

Бабки не обратили внимания на несуразность сообщения — Мурат ага сам дедушка. Их наследство заинтересовало. Есть же у людей порядочная родня! А тут с тебя внуки тянут...

— И сколько оставил? — спросила старшая.

— Конфиденциальная информация.

— Пойду, обрадую, — поднялась младшая, — причитаться с него будет за радостное сообщение.

— Ты что, совсем дура, — осадила младшую сестру старшая, — у человека родственник помер, а ты «пойду, обрадую».

— Категорически не надо, — запретил сержант. — Сердце может не выдержать. Я сейчас врача вызову, и сам сообщу. Завуалировано так, намёками.

Сержант, отойдя в сторону, вызвал по рации подмогу.

Задержали Старика.

Старухи недоумённо смотрели вслед, почему в наручниках счастливого увели? Возможно, предположили, с государством не захотел делиться.

В среду утром, *двадцать пятого октября* капитан Аюпов, получив сообщение о задержании Мурата Хамитулы, тут же выехал в Бишкек. В городском управлении внутренних дел его уже ждали, кабинет предоставили. Под конвоем, в наручниках привели задержанного. Не очень-то он киргизов интересовал — казах, пусть сами и разбираются. Им своих преступников хватает!

Конвоир, по указанию капитана, снял со Старика наручники. Отошел, позвякивая ими, и у выхода из кабинета облокотился на косяк, скрестив руки на груди. С легкой иронией во взгляде собрался наблюдать за допросом. Следователь, бросив на него неприязненный взгляд, приказал:

— Свободен. И не торчи там за дверью!

— А где же стоять прикажите? — ухмыльнулся тот нахально.

— Пошел вон! — сверкнул глазами капитан.

И добавил вслед:

— Мудозвон!

Мизансцена была заранее оговорена — плохой киргиз и хороший казах.

Потому-то конвоир не обиделся, вышел, пятясь задом, аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Прошу, Мурат ага, — мягко сказал Аюпов, указав на стул за приставным столиком.

Старик сел, положил ногу на ногу, потер затекшие от наручников запястья, демонстративно зевнул.

— Я следователь Управления по борьбе с организованной преступностью по Астане, — представился капитан. — Фамилия моя — Аюпов.

— Приятно познакомиться, — сказал Старик, глядя мимо визави. На его лице трудно было что-либо прочесть.

— Ну, уважаемый, — начал допрос капитан, — рассказывайте.

— О чем, начальник? — флегматично улыбнулся Старик.

— О жите, начиная с утра *двадцатого октября* текущего года и до момента задержания. По порядку и складно.

— Я не писатель, чтобы складно рассказывать.

— Ладно, для почина начну сам. Двадцатого октября текущего года в Астане организованная преступная группа похитила внука сенатора Тогузакова. Вот портретики похитителей.

Аюпов выложил на стол перед Стариком ксерокопии рисунков Бибигуь апай с изображениями Хана и Садыковой.

— Знакомы вам эти люди?

Ни один мускул не дрогнул на лице Старика.

— Первый раз вижу. Может, художник плохой. Натуру искажил.

Старик соврал, племянника он узнал сразу.

— Тогда вот, может, узнаете по снимкам, — выложил капитан две фотографии убитого Хана. Один снимок — снятый во дворе бабы Дуси, другой в морге, после вскрытия. Изображения — не для слабонервных!

Вторая фотография произвела эффект, что не осталось незамеченным капитаном.

— Ну, — подстегнул Аюпов Старика, не спуская с него глаз.

Старик облизал сухие губы, провел пальцами по уголкам приоткрытого рта. Помолчал, напряженно размышляя.

— Вот и ваш портретик, — выложил фоторобот следователь.

— В Таразе утром в понедельник двадцать третьего октября засветились, когда у сенатора Тогузакова деньги вымогали. Статья 206 УК Республики Казахстан — пятнадцать лет светит.

— Огорчу вас, — натянуто улыбнулся Старик.

— Это чем же?

— Не проживу столько.

— Диета там, режим, — пошутил и следователь, — после тюрьмы на моих похоронах ещё простудитесь. Ну, да ладно. По делу давайте.

— Вопрос можно?

— Задавайте.

— Где и за что убили Алижана, — показал старик на снимки.

— Мог бы и не говорить. Но нет смысла утаивать. Убили его в Алматы вечером двадцать второго октября. Мотивы убийства пока не известны. Он вам кем-то доводится?

— Племянник.

— Соболезную.

— Спасибо.

— И главный вопрос, Мурат ага, — где содержите мальчика?

— Этого я не знаю. Устал я, отправляйте в камеру.

Старик зевнул. Прикрыв глаза, вытянул руки со сжатыми пальцами, как бы подставляя их под наручники.

— Дам указание не надевать «браслеты», — сказал Аюпов. — Отдохнете, подумаете хорошенько, через пару часов продолжим.

На повторном допросе Старик не стал трепать себе нервы, выложил всё как есть. Упомянул и об обидах на буржуев, и о шоколадных девушках. Не сказал он только про полученный аванс.

— Шайтан попутал! Или из ума уже выжил... — сказал в заключение.

Обыск в его квартире ничего не дал. Следов пребывания ребенка там не обнаружили. Опросили соседей. Мальчика, приехавшего погостить к бабушке, они не видели.

С вечера *двадцать пятого октября* в квартире Мурата дежурил Аюпов. Хан уже должен бы позвонить своему дядьке, сообщить номер счёта, на который следует перечислить выкуп. А Мурат, в свою очередь, по «чистому» мобильнику должен повторно связаться с сенатором. Но Хан убит, и звонить Старика должен кто-то другой. Может и сам главарь банды.

Звонков не было ни двадцать пятого, ни двадцать шестого, ни двадцать седьмого октября. Дежурить у Мурата дальше не имело смысла.

Капитан позвонил Исакову доложил о ситуации.

— Вы оказались правы, похоже, деньгами они не интересуются, — сказал в конце информации.

— Похоже, — выдохнул полковник. — Подежурь ещё эту ночь, к утру подъеду.

Алмаз первый раз за свою практику попал в патовую ситуацию, потому и решил пообщаться со Стариком.

В субботу утром *двадцать восьмого октября* он сменил капитана Аюпова.

— Детектив Исаков, — представился доброжелательно Старика. — Знаком с вами, пока, верно, по телефону.

— Что-то не припомню, — кинул тот равнодушный взгляд на следователя.

— Сенатора изображал, когда вы звонили.

— А-а-а. То-то голос знакомый...

Воцарилось молчание.

— Мурат ага, — прервал молчание Исаков, — у нас к вам особых претензий нет, будете сотрудничать — обойдется условным сроком.

Старик удивленно поднял брови.

— Всё уже рассказал вашему предшественнику.

— Я о другом — помощь ваша нужна.

— Смогу ли... — неуверенно сказал Старик.

В глубине души он не прочь был оказать услугу следствию. Алижана уже не подведет...

— Если вдруг они вам позвонят, не паникуя вступите в диалог. Скорее всего, получите задание повторно связаться с сенатором. Поинтересуйтесь, почему сам Алижан вам не позвонил. Ну, и спросите, когда вам обещанные деньги поступят. Можете слегка наехать — обманите, дескать, пойду, покаюсь. Бояться вам нечего. Охранять будем.

— Тонкий намек, — натянуто улыбнулся Мурат ага.

— Можно и так сказать.

— И сколько мне отмерят?

— Это не я решаю.

— Из вашей практики. Были, наверное, подобные случаи?

— Мне понравилась ваша искренность на допросах. Думаю, и судье она понравится. Учитывая раскаяние, содействие следствию, думаю, года три. Условно, как я уже сказал.

— Словечко-то замолвите?

— Непременно, Мурат ага, непременно.

Обреченность во взгляде старика исчезло.

Три дня и две ночи «квартировал» полковник у Старика. Никаких звонков. Пили чай с вареньем из айвы, хозяин сам его варил по рецепту покойной жены. Корицу добавлял. Играли в подкидного дурака. Мурат ага предложил. Вот смех-то, расскажи кому — Старик постоянно выигрывал.

— Ловко у вас получается, — восхитился Исаков.

— На БАМе то погода несносная, то стройматериалов нет, вот, и резались с утра до вечера.

Про стройку века Мурат ага гостю рассказал.

Полковник был внимательным слушателем. Старик чем-то был похож на его отца. Такой же бесхитростный.

По представлению Исакова киргизы подчистую освободили Старика. Не было у них ничего на него. Да и не интересовал он их, своих дел хватало.

Перед отъездом полковник зашел к Мурату проститься. Оставил визитку.

— Позвоните, если что.

— Непременно.

Исаков обнял старика. Тот шмыгнул носом, вытер глаза. Нервы уж не те...

Глава девятая.

САМАРКАНД

В пятницу утром *тридцатого октября* рейсом 764 Узбекских авиалиний Василий Жилин вылетел из Алматы в Ташкент. Друг армейский там в органах. Рассчитывал на его помощь. В половине одиннадцатого местного времени (разница с Алматой — минус час), лайнер А320 приземлился в международном аэропорту Ташкента. Василия встретил Шавкат Кадыров. В смутное время, перед развалом Союза, в Таджикистане срочную службу проходили. Прикрывали в горах друг друга от бандитских пуль! А это жизни стоит. В системе министерства внутренних дел Узбекистана Кадыров дослужился до чина подполковника.

Шавкат повёз слабо возражающего Василия (в Самарканд же срочно надо!) к себе. Восточное гостеприимство!

— В Самарканде тебе что? — поинтересовался Шавкат после обильного застолья. — Сам отвезу.

Василий почувствовал неловкость под взглядом бывшего десантника. Шпионить же надо в его стране. Тяжело вздохнул, дипломатические увертки не по его части.

— Колись! — благосклонно улыбнулся хозяин.

— Шавкат, тебе лучше не ездить со мной. Задание, — покрутил растопыренными пальцами Василий. — Ну, скажем так, частного порядка. Твоему начальству моя самостоятельность не понравится...

— Тогда — тем более! Посадят — передачи буду носить, — пошутил Шавкат.

— И твоя «самостоятельность» твоему начальству не понравится.

— У меня, считай, его нет. Списали после ранения, лабораторией криминалистики заведую. Сам себе начальник.

— И оттуда могут «списать», — проскользнула тревога в улыбке Жилина.

— Государства наши в разводе, но мы-то с тобой по-прежнему однополчане. Выкладывая.

Помялся Василий, помялся и решил-таки — без помощника тяжёло будет. Если придется вывозить ребёнка из страны, может даже невыполнимо.

— Ладно, — размашистым движением вытер губы, — в случае чего я тебе ничего не рассказывал, а ты ничего не слышал.

— Поумнел! — удовлетворительно хмыкнул Шавкат. Знал заскоки друга — с плеча рубить, не думая о последствиях.

— Двадцатого октября в Астане похитили внука депутата Сената. По данным нашей полиции оралманка из Узбекистана увезла ребёнка в Самарканд. Надо выследить её, и всё прочее...

— Всё прочее — это что?
— Забрать мальчика, если обнаружится.
— Документы на него есть?
— Какие документы, ему всего четыре года.
— Хотя бы метрика.
— Как-то не подумали...
— Разберёмся, давай координаты нашей бывшей гражданки.
— Адреса не знаю. Вывезла ребенка из Казахстана, предположительно, некая Диляра Садыкова, казашка, двадцать три года, переехала в Казахстан из Самарканда в две тысячи третьем. Это данные нашей миграционной полиции.

Подполковник позвонил своему человеку из управления внутренних дел Самарканда, и через четверть часа уже был известен адрес, по которому проживала Диляра до миграции — улица Кафтар кучаси, частный дом за номером 18. Рядом со старым кладбищем.

— Могу участкового инспектора занарядить, чтобы понаблюдал, — предложил Кадыров.
— Может и понадобится. Присмотрюсь вначале.

Жилин отказался от машины, предложенной Шавкатом. Километров триста надо ехать, ноги затекут в легковом автомобиле. То ли дело автобус. Сидишь вольно в кресле, природой любуешься. Надоело — откинул спинку сидения и дремлю.

На полпути в Джизаке перекусил. Прибыл в Самарканд под вечер. Устроился в гостинице «Малика Самарканд».

В субботу утром Василий был уже на объекте. Дом старый, одноэтажный, из шлакоблоков. Подслеповатые три окна, выходящие на улицу, украшены синими наличниками. Ограда глинобитная. И тишина. До вечера никто не выходил со двора и никто не заходил туда.

На другой день, в воскресенье опять безрезультатно проторчав до обеда возле объекта, Василий позвонил Шавкату на трубку — помощь нужна.

Через час подошел рослый узбек, что для азиатов редкость. Познакомились, Мансуром звать майора. Возраст неопределенный, лицо гладкое, моложавое, но в волосах уже сквозила седина.

Мансур отвел Жилина к себе домой, чтобы не маячил. Жил недалеко в своем доме. Часа через три вернулся.

— Ну! — проявил нетерпение Василий.

Мансур не спешил. На Востоке жизнь медленно движется.

— Три часа проторчал на улице, — поведал майор. — Да-а, битых три часа. Тишина. Постучал, зашел под предлогом

проверки паспортного режима. Да-а, зашел. Все так, как ты говорил — Диляра Садыкова, приехала к родителям двадцать пятого октября с внучкой.

— С какой ещё внучкой? — не понял Василий. — Самой-то всего двадцать три.

— Её мамы внучка, — пояснил майор. — Документы проверил: она по паспорту — Диляра Садыкова, дочери — Аиде, славная такая девчушка, четыре года. Метрику Диляра показала, мамой там она записана. Мальчика в доме нет.

Вечером того дня — в воскресенье *первого ноября* информация поступила Искакову. А в понедельник утром сам он был у Шмелёва.

— Федор, круг замыкается, — сообщил несколько возбужденно.

— Толком говори.

— Сообщение из Узбекистана. Садыкова двадцать пятого октября появилась у своих родителей в Самарканде с дочерью Аидой. Получается у Диляры две дочери одного возраста. Одна в Алмате, другая в Самарканде. Обеих зовут Аида. Один из детей — Максут! Такое подозрение у меня было и раньше. Мальчика после похищения переодели, его же одежду собака нашла недалеко от брошенного автомобиля похитителей.

— Проверить надо нашу девочку, а уж потом с узбекской разбираться, — внес предложение начальник департамента.

— Так звони своему племяннику.

Шмелёв набрал номер мобильного Иткина. Тот долго не отзывался, а потом капризный женский голос:

— Женя занят. Что передать?

— Трубку передай, — гаркнул полковник.

— Фи, как грубо.

После продолжительной паузы, недовольный голос Иткина:

— Слушаю вас.

— Ты где, охламон?

— Как где, куда послали — в бане.

— Пусть срочно полицейский врач, женщина, осмотрит дочь Садыковой.

— Так уже. Ещё вчера. Девочка она.

— Сегодня ж возвращайся!

Приказной тон дяди Евгению не понравился.

— Мыло можно смыть? — буркнул.

И, отключившись, уже Нимфетке:

— Опять проблемы по службе. Ты уж извини, в другой раз специально приеду. Отпуск возьму.

Шмелёв позвонил в аэропорт. Прямого рейса в Самарканд не оказалось, через Ташкент надо лететь. Вопросительно посмотрел на Алмаза.

— Удостоверение с собой?

— Да, а что?

— Билеты за счёт департамента закажу.

— Полечу с Екатериной.

— Она-то зачем?

— Переодетый сын при встрече бросится к матери, и всё решится само собой. Без осмотра и прочих формальностей. И никаких проблем с возвращением — сын при матери.

Шмелев поднялся, постоял задумавшись.

— А с Садыковой что? — спросил.

— Без меня разбирайся.

— Разберёмся. Может и без тебя, а может и с тобой. Когда мальчика заберёте, звони сразу. Буржуя здесь порадуя, — злорадно улыбнулся Шмелёв.

— Подозрения у меня — он главный в этом деле, — задумчиво произнес Исаков, вспомнив информацию Люси. Кричала же Садыкова на любовника: «Кинешь, тварь, ментам сдам!» Были, значит, основания...

Распространяться, однако, не стал.

— Допроси там покруче Садыкову, — попросил Шмелёв. — Может с перепугу Гроссберга сдаст. Потом официально затребуем её у узбеков.

Екатерина не удивилась сообщению Алмаза — надо им лететь в Самарканд. Сон был в минувшую ночь: Село Бобровка, солнечный полдень, как тогда, четверть века назад. Бегут они вдвоем по цветущему лугу, взявшись за руки. Кузнечики серенады на скрипочках исполняют, бабочки хороводы водят. Добежали до стога сена. «Помнишь? — посмотрела она на Алика томно. — А не права оказалась Ксения Степановна», — кивнула на Макса. И проснулась.

Долго лежала, прокручивая сон, запоминая, чтобы рассказать потом Алмазу. Вспомнила давно прочитанное — первый мужчина «заряжает» девушку на всю жизнь. И сколько бы ей не рожать от разных мужиков, все её дети будут генетически связаны с первым. Сказать ли об этом Алмазу?

Стали собираться.

— Одежду сыну возьми, — распорядился Алмаз.

Катя посмотрела на него с трепетной нежностью — заботится о ребёнке! Она так этого ждала...

— Зачем, он был тепло одет.

— Возьми, — с ударением сказал Алмаз. — И свидетельство о рождении не забудь.

Проблем с билетами не было.

Утром *второго ноября* в Ташкенте их встретил Кадыров. Василий попросил! А в Самаркандском аэропорту сам их ждал.

Сразу поехали к Садыковым.

— Мансур там дежурит, — сказал Жилин, лихо крутя руль «Гольфа» второй модели, выдавшего лучшие времена. Напрокат взял в турфирме.

— Кто такой? — посмотрел на него Алмаз.

— Местный участковый. Майор. Так вернее. Страна не наша...

Алмаз одобрительно посмотрел на сыщика.

Улица Кафтар кучаси была как всегда безлюдна. Участковый топтался недалеко от дома Садыковых.

Василий представил своих спутников:

— Полковник Исаков, начальник Управления по борьбе с организованной преступностью по Алмате. — Не стал упоминать, что бывший.

Мужчины обменялись рукопожатием.

— Екатерина Тогузакова — журналистка. Родная мать ребенка, — ткнул Жилин пальцем на дом.

Майор поклонился женщине.

Подошли к дому Садыковых. Входная калитка во двор оказалась запертой изнутри. На настойчивый стук майора в занавешенные окна, не отзывались. Надрывалась во дворе собака, звеня цепью. Участковый, демонстрируя хорошую форму, легко перемахнув через дувал, открыл калитку. Собака, породу которой невозможно было определить даже приблизительно, завидев входящих людей, как бы извиняясь (служба, куда деваться!) неуверенно помахала хвостом, и на всякий случай глухо зарычала. Входная дверь дома тоже оказалась запертой. Майор, не тратя время, пинком открыл её. Миновав слабо освещенную прихожую, прошли в гостиную. За столом сидела перепуганная пожилая женщина. Чтобы как-то успокоиться, двигая спицами, шепотом считала петли вязанья: «Двадцать пять, двадцать шесть...» Девочка в цветастом узбекском платье рядом на полу строила из кубиков пирамиду. Желтоглазый, мордастый котяра безошибочно выбрал главного из вошедших — стал тереться о ноги участкового инспектора, издавая негромкие, булькающие звуки.

Вечерние сумерки густели. В комнате полумрак. Екатерина окинула ребёнка быстрым взглядом. Сердцем узнала сына!

— Максут! — закричала. — О-о-о! — вырвался стон из души, освобождая место радости. Порывисто устремляясь к сыну, присела на корточки, обняла ребёнка, стала осыпать поцелуями. По её щекам текли слезы.

— Мама? — удивился Максут. — Ты уже ожила?

— Я и не умирала...

— Тетя Диля сказала — твоя мама умерла, теперь я буду мамой, а ты будешь моей дочкой.

— А вот и папа твой, — указала Екатерина, на оторопевшего Алмаза. — С войны вернулся.

— Па-па? — неуверенно по слогам произнес Максут. — Папа! — воскликнул радостно и бросился к Алмазу, разбросав руки, словно желая взлететь. — Папа, родненький! — обнял его колени.

Алмаз взял ребёнка на руки, прижал к себе, сдерживая навернувшиеся слезы.

— Папа, я так долго тебя ждал.

Екатерина повела сына в соседнюю комнату, переодела. Когда они вышли, на мальчике была куртка, брючки, желтые ботинки.

Челюсть Мансура натурально отвисла.

— Это что? — судорожно сглотнул он слюну.

— Это, — блеснул эрудицией Василий, — финита ля комедия.

— Выходит мальчика похитили? — предположил Мансур.

— Мальчика, мальчика, — положил Жилин руку на его плечо. — Екатерина Булатовна, покажите майору документы.

Мансур шевеля губами и коротко кивая головой — (всё правильно!) читал метрику Максута. Затем изучил удостоверение личности Екатерины, сопоставил фотографию с натурой.

— Да, дела. А с этими как? — кивнул на хозяйку.

И уточнил:

— С дочерью её.

Тут и сама она появилась. Разуваясь в прихожей, пропела приятным голосом:

— Ваша мать пришла, молочка принесла.

Увидав в комнате Екатерину, участкового и двух неизвестных мужчин, рванулась было назад, но в дверях как об тумбу столкнулась с майором.

— Нехорошо, гражданочка, так. Нехорошо, — сказал он без эмоций.

И посоветовал:

— Документы у тебя казахстанские, лучше туда вернуться. У нас за похищение детей законы суровые, пожизненное можешь схлопотать.

И отошел от двери. Беги, дескать, если охота. Диляра села, ноги не держали.

Полковник Искаков попросил Екатерину с сыном и Василия подождать его в машине.

— Всего минут на десять — пятнадцать задержусь, — уточнил.
— А вы, — посмотрел на участкового, — останьтесь.

— А я? — отложила пожилая женщина вязание.

— У дочери спросите.

— Тебе лучше, мама, выйти. Что надо, потом расскажу.

— Диляра Ахметовна, — посмотрел на неё полковник долго и внимательно, когда они остались вдвоем, — я следователь из Астаны. Вполне согласен с участковым инспектором, — кивнул на Мансура, — вам следует вернуться в Астану, и явиться с повинной к полковнику департамента внутренних дел Шмелёву. Он вами интересуется.

— Да, да, я явлюсь, — зачастила Диляра, как бы боясь, что не дадут досказать. — Это все он! Он внедрил меня в семью, он всё организовал.

— Он, это кто?

— Борис Исаакович. Обещал заплатить нам по двести пятьдесят тысяч долларов. Мне и Алижану. Хотела новую жизнь начать...

— Ему уже не нужны деньги. Вы же знаете? — посмотрел испытующе следователь.

На лице Диляры появилось недоумение.

— Как не нужны?

— Его застрелили.

— Застрелили? — прозвучало вопросительно.

Лицо её ничего не выражало.

— Вы когда видели его в последний раз?

— В воскресенье, двадцать второго привела к бабе Дусе дочку. И, как договорились ещё в Астане, позвонила Алижану на трубку. Сказала — жду в назначенном месте. Под вечер, светло ещё было, он привел Максута, одетого девочкой. Передала ему ключ от временки. Там с кем-то он хотел встретиться. Пошли с Максutom на вокзал. Договорилась с проводником поезда Алматы-Уральск. Доехали до Шымкента. А оттуда автобусом и попутками добралась до Самарканда. Вот и всё.

— Никто не интересовался вашей личностью, ребёнком?

— В Алматы на вокзале милиционер подходил. Показала цветную ксерокопию метрики дочери. Они одного возраста.

— Где та ксерокопия?

Женщина достала из верхнего ящика комода фальшивку. От подлинника не отличить!

— Оригинал где?

— У бабы Дуси.

— С Максutom что намеревались делать?

— Сдать как найденныша в приют. Получив деньги, сообщила бы анонимно Екатерине Булатовне где искать сына. Сама мать.

И, после короткой паузы, продолжила, как бы исповедуясь:

— Мне этот Гросберг до фонаря. Мечтала после получения денег начать новую жизнь. Вернуться в Алматы, квартиру купить, дочку в элитный садик устроить, поступить учиться. Я способная...

— В ваших способностях ничуть не сомневаюсь. Это же вы, чтобы запутать следствие, застрелили Алижана, — как рентгеном, испытующим взглядом, просветил её следователь.

Взгляд его не выдерживали даже отпетые преступники. Диляра удар выдержала. Темные глаза твердо смотрели на следователя. Сработал инстинкт самосохранения!

— И весь выкуп ваш, о чем предупредили Гросберга, — взаимно связал полковник последние события с информацией Люси.

И отвлеченно подумал: «В Узбекистане за похищение детей — пожизненный срок. Алижан же за свои деяния получил пулю. Что хуже, что лучше?»

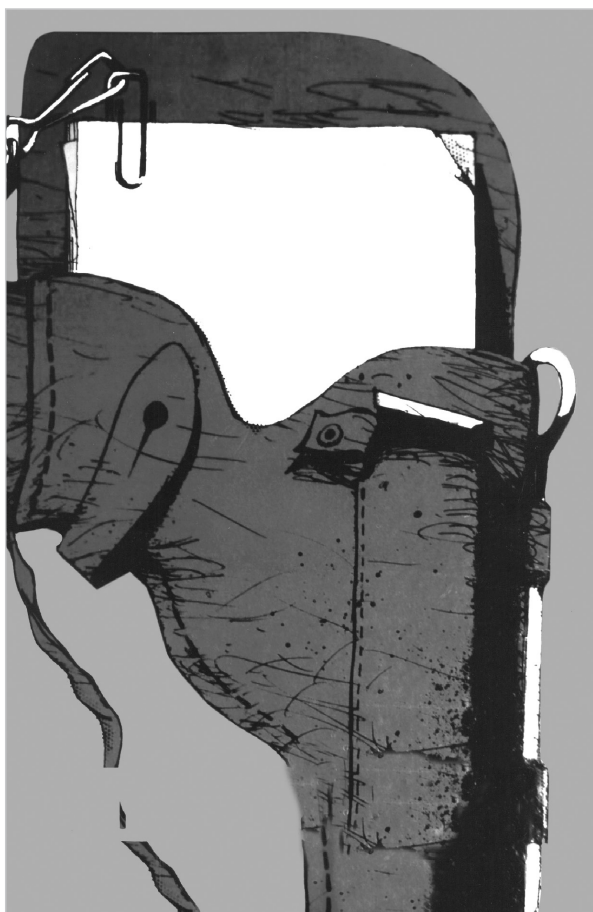
ЭПИЛОГ

Читателю в романах нравится хеппи энд — торжествует справедливость, наказывается зло. Так и случилось. Гросбергу отмерили десять лет, Садыковой — три года. Убийство Хана осталось нераскрытым.

А через год Катя родила девочку, зачатую естественным путем. Назвали её Бибигуль. Вот рада-то была художница! Нарисовала маслом портрет Екатерины, кормящую грудью малышку. Не хуже «Сикстинской мадонны» Рафаэля получилось!

БЫВШИЙ мент

Детектив

Все тайное со временем становится явным

Сократ.

1

Полковник Михаил Купцов, видный, еще несработанный мужик, стал «отставным», когда в декабре двухтысячного, мягко выражаясь, выставили его из Алматинского областного Управления внутренних дел. Проводили на заслуженный отдых, с положенной по случаю «помпой». Грамота почетная, чапан, расшитый золотом, джип японский. Его же служебный, почти новый, с реальным пробегом каких-то тридцать пять тысяч километров. Не так скучать будет по работе. Еще бы Михаил работал с подлинным увлечением, но место понадобилось для племянника персоны с громкой «государственной» фамилией.

Жизнь в сорок пять (ментовский пенсионный возраст) не затухает. Надо только перестроиться, занять себя подходящим делом и иметь надежные тылы. На текущий момент — весну две тысячи пятого, отставной полковник все еще прилаживался к своему новому положению, а тылы у него оголились напрочь. Сын Андрей в Америке колледж закончил, (сам вытолкал, о чем не раз пожалел), семьей уже обзавелся, принял там гражданство. После ранения в Ираке стал, как и отец, полицейским, копом по-ихнему. Жена — Марта Францевна в Германии, куда они перебрались было после «отставки» Михаила. К теще, очень своенравной, вдовствующая фрау, с букетом мнимых болезней, которая обосновалась на исторической родине раньше.

Не ужилсЯ Купцов на новом месте среди немчуры, не тот менталитет, а приспособливаться не хотел из-за упрямства. Шибко уж они правильные. Мимо урны окурков не брось, никого никуда под настроение не пошли, а уж по морде, как весомый аргумент, и говорить нечего. Ну, это для гротеска, подобного Купцов не позволял и на родине, где нравы куда проще.

Маялся четыре года на чужбине. Чем только не занимался! Газоны стриг, деревья обрезал, развозил по домам купленную мебель, выгуливал собак. Все очертенело! И цивилизация, и симулянтка теща с ее болезнями, и даже любимая сырокопченая

колбаса. Немец знакомый, переселенец из Нальчика, сетовал: «Променял солнце на колбасу!» И то верно, докучали постоянно морозящие дожди. Казалось, подыми руку, встань на цыпочки и дотянешься до прохуdivшегося неба.

И главное, поговорить-то по душам не с кем. Немцы, да и русские, переселенцы из Казахстана и других республик бывшего Союза, чтобы не казаться перед коренными жителями гражданами второго сорта, говорили здесь на немецком. Купцов же не стыдился своего происхождения.

Весной две тысячи пятого вернулся Михаил в Алматы. Жена осталась в Германии. «Мама больная, не вынесет моего отъезда», — оправдывала, по сути, распад семьи.

Облик Алматы за время отсутствия Купцова изменился кардинально. Без всякой архитектурной мысли среди серых, приземистых «хрущевок» понатыкали помпезные двадцати этажные, а то и более высокие дома. Получилось нечто вроде увеличенного макета кладбища, где среди скромных могильных плит, возвышаются дорогие «высотные» надгробья. Знакомые улицы, запруженные иномарками всех мастей и моделей, словно сузились. Заторы на дорогах. Народ стал суетным, нервным. Бегут все куда-то, бегут.

Купил Михаил двухкомнатную квартиру на проспекте Сейфуллина, обставил скромно и задумался о бытии. Утилитарно, как доживать время отпущенное Господом. Без проблем можно устроиться начальником охраны в солидную фирму. Помнят его еще. Но тогда надо подчиняться какому-то выскочке. Отчитывать еще станет недоумок. Поучать...

Решил открыть собственное сыскное агентство. Сам себе хозяин, да и опыта не занимать. Настраиваясь на нужный лад, а скорее чтобы коротать ставшие длинными вечера, стал читать детективные романы, оставленные бывшим хозяином квартиры. Все антресоли ими забиты. Здесь и классика жанра: Агата Кристи, Норманн Льюис, Фредерик Форсайт, Росс Макдональд, и современные авторы. К классике, по части развития сюжета романа, у бывшего профессионального сыщика, претензий не было. А вот большинство современных авторов, в расчете на ударную концовку романа, неправдоподобно запутывают все. Бывший детектив с первых страниц разгадывал мудреные заморочки сочинителей и читать дальше было уже не интересно. Язык, верно, у современных авторов добротный, чему, конечно, немало способствует компьютер.

Шли дни, наблюдал Михаил за внешним миром с балкона третьего этажа, звонил по газетным объявлениям частным детективам, представляясь потенциальным клиентом. Врал — жена любовника завела, проследить бы и морду хахалю

«начистить». Или совсем она пропала, звонки с угрозами, выкуп за освобождение требуют. А то машину угнали... За все брались шустры ребята, только плати.

На лестничной площадке возле люка мусоропровода познакомился с соседом, художником Петром Субботиным. Контактный мужик, доброжелательный. В гости Михаила пригласил:

— Заходи, холостякую, хе-хе, — дернул сосед головой, указывая на свою дверь. — Жена у сестры в Томске гостит, хе-хе, по рюмашке хлопнем за знакомство, хе-хе.

В детстве, играя в хоккей, стукнулся Петя головой о бортик, тогда-то это «хе-хе» к мальчику и пристало. Употреблял к месту и без места. «Остаточное явление от контузии, — объяснил психиатр родителям. — Счастливое детство, пусть себе хихикает! Погрустнеет с годами — само пройдет». Годы наматывались, оставляя на лице зарубки-морщины, Петр не грустнел, так и продолжал хихикать. Слыл в компаниях весельчаком.

Рюмашкой «за знакомство» не ограничились. В магазин по очереди два раза бегали. За жизнь поговорили. Петр посетовал — развернуться на телевидении не дают, проекты его отклоняют, а всякую хреновину гонят. Михаил про свои планы поведал — собирается открыть частное сыскное агентство.

— Вот, — ткнул Петр в мольберт, почесав затылок, — портреты приходится малевать. Подрабатываю, хе-хе.

— Прямо таки кустодиевская красавица, — обозрел Купцов незаконченную работу. — Что-то знакомое в облике. Но та натура, вроде, хуже была.

— Напрягись, — улыбнулся Петр. — Личность известная!

— Уж не Анастасия ли Соловей?

— Угадал. Никак не закончу, музыку не могу отобразить.

— Это как?

— Ну, певица же она...

— Ноты пририсуй вокруг головы, — пошутил гость.

— А что, — оживился Петр, — это идея, хе-хе.

И тут же взялся за кисть. Пририсовал вкривь и вкось вокруг головы нотные знаки — до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Чудно получилось, авангардно.

— Да, — как бы вспомнил художник, — завтра на сеанс приходит. Хочешь, познакомлю. Веселая вдовушка.

— Ну, — замялся Михаил, — зачем мне...

— Песни послушаешь. По заявке, хе-хе.

— Разве что...

— Да, вот еще, — кивнул художник на портрет, — свекру, сказывала она, рискованный детектив нужен. Независимый. Сын его погиб при весьма загадочных обстоятельствах.

— Читал в Интернете. Там, — махнул Михаил неопределенно рукой. И задумчиво произнес:

— Надо ли ворошить прошлое...

— По твоей части... Бабла у них, хе-хе, — провел Петр кистью правой руки по горлу, задрав подбородок, — во!

2

Три года тому назад, в ночь с 17-го на 18-ое июня 2002-го года, мужу Анастасии Соловей, успешному бизнесмену, бывшему парламентскому скандалисту Зиновию Никонову, всадили две пули — в грудь и в голову. Официальная версия дознавателей — самоубийство. О казусе не писала тогда разве что аптекарская газета «Будьте здоровы». Три «весомых» довода приводили дознаватели Департамента внутренних дел и Комитета национальной безопасности. Пули выпущены из его же зарегистрированного револьвера, в барабане две гильзы стреляные. Обнаружили револьвер рядом с покойником, отпечатки пальцев на оружии только его — это раз. Дверь и окна комнаты, где это произошло, были заперты изнутри — это два. И третий довод, хотя и слабый — на дисплее ноутбука нечто вроде лирической предсмертной записки: «Прощай Баку, синь Тюркская прощай!»

Версия самоубийства властям подошла куда больше. Красиво умереть не запретишь! А что получается, если убийство — политический заказ? Порядка нет в стране, власть не может защитить своих граждан. Царь слабый! Подобное уже было в семнадцатом году прошлого века. Ничего путного из этого не получилось.

Медэксперт первоначально придерживался иного мнения: как человек мог выстрелить в сердце, а потом в голову, или наоборот? Но впоследствии почему-то согласился с официальной версией, сомнительно произнеся при подписании документа: «Да-а...»

Михаил Купцов в Германии постоянно читал казахстанские газеты в Интернете. Ностальгия! Тогда, летом 2002-го, это «феноменальное» событие не особенно удивило отставного полковника — чудят казахи. Да и сам «самоубийца» — Зиновий Никонов, человек публичный, был чудным, непредсказуемым. Будучи советником президента мог заявить, что расходится во взглядах с Главой государства, за что и был изгнан со «двора». Позднее депутат мажилиса клеймил олигархов: мало того, что те, торгуя недрами, внуков обворовывают, так еще с награбленного налоги недоплачивают. Старики нищенствуют, умирают

ранее отмеренного Аллахом срока, не получая надлежащего медицинского обеспечения. Молодежи приткнуться некуда, работы достойной нет.

Накануне встречи с вдовой задумался бывший мент: «Заинтересована ли Анастасия в раскрытии давнего преступления? Уж больно веселой выглядит на незаконченном портрете. Или только свекор-пенсионер хочет «раскрасить» свои серые будни новыми скандалами? Да и сможет ли он, по истечении трех лет, покопаться до истины в частном порядке?»

— Эх, Настасья, ты Настасья, отворяй-ка ворота, — промурлыкал Михаил, вспоминая сумбурный весенний вечер двухтысячного года. Анастасия Соловей выступала на юбилее Управления внутренних дел области, а после фуршета Михаил лично повез ее домой. И случилось ЭТО, чуть ли не по ее инициативе... Больше они не встречались. У Михаила было такое желание, но на его звонки и вздохи певица отвечала: «Как-нибудь в другой раз».

А может, Настасья, птичка ты певчая, сама замешана в этом деле? Уж шибко темпераментна — бах-бах и выпорхнула из клетки, свободна, как ветер мая.

Дверной звонок проиграл марш из оперы Бизе «Кармен», призывая тореро к бою.

— Открыто!

Художник в блузе, перепачканной красками, чем-то напоминал кота Леопольда из мультика. Тапочками, что ли, или длинной шеей, на которой голова с копной волос, казалось, вращалась сама по себе.

— Приехала, хе-хе, — сообщил заговорщицким шепотом, — одеколونها, хе-хе, и подтягивайся.

Михаил пригладил начавшие сесть на висках волосы, взглянул в зеркало — сойдет с натяжкой за первый сорт. Пошел за соседом.

Анастасия сидела перед мольбертом, закинув ногу на ногу, курила тонкую розовую сигарету. Певица была достаточно щедро оделена природой — черные кудри волнами ниспадали на левую грудь, прикрывая ее, правая — наполовину обнажена. Румянец на щеках, полные яркие губы. Совершенно не тронутые временем голубые насмешливые глаза как бы приглашали Михаила: «Посмотри, какая красавица». На вид тридцать, хотя Купцов знал — рубеж этот веселой вдовой пройден пять лет назад.

— Привет, Пинкертон! — поздоровалась певица и без жеманства подставила румяную щеку для поцелуя.

— Здравствуйте, Анастасия Юрьевна! — изобразил Михаил улыбку, которая вышла не совсем естественной, и неуклюже поцеловал.

— Зачем такие формальности, Миша, если не запомнила — Семенович? — прикусила она кокетливо нижнюю пухлую губу.

И, сверкнув глазами, пропела:

— Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня?..

И перешла на другой мотив, не сводя взгляда с Михаила:

— Ты помнишь наши встречи, и вечер голубой, взволнованные речи, любимый, дорогой!..

Михаил помнил все — заброшенный яблоневый сад в предгорьях, весенний вечер, сиреневую мглу, волнующий запах ее тела, страстность.

Петр с удивлением переводил взгляд то на певицу, то на соседа.

— Не понял, хе-хе, вы что, знакомы?

— Вроде того, давай-ка Васильевич за шампанским, встречу отметим.

Анастасия покачала головой, рассыпая волнами волосы.

— Лучше водку, мужики. Не стоит сырость в желудке разводить.

— Тогда и бегать не надо, мигом организуем.

Михаил сходил к себе за напитком, Петр подсутился с закуской.

Анастасия только пригубила, мужчины бутылку «приговорили». Разговоры, как водится, на десерт.

— Все поешь? — поинтересовался Купцов.

— А что, надо плакать? — ответила вопросом на вопрос Анастасия.

— Да нет, так спросил.

Купцов про Германию рассказал — живут скучно, даже не понятно, как дети рождаются.

— Чем думаешь заняться? — поинтересовалась певица.

— Контору сыскную открывает, — вместо соседа ответил Петр. — Я же говорил тебе.

— Первое дело, считай, у тебя уже есть, — улыбнулась Анастасия. — Филипп Кузьмич, свекор мой, давно подыскивает Крутого Уокера. Порекомендую.

— Говорил он, — кивнул Купцов на Петра. — Тебе-то самой это надо? Или только свекру?

Вдова повела круглыми плечами, большим и указательным пальцами правой руки слегка прищепила нижнюю губу, чисто по-бабьи выражая неопределенность.

— Воспоминания стираются, когда на них накладываются события повседневной жизни, — провела артистично

растопыренными пальчиками по пышному бюсту. — Все так запутанно.

— Распутаем если не возражаешь, — просветил насквозь взглядом Анастасию бывший мент, отчего той стало неудобно, словно на публике расстегнулась юбка.

Петр включил музыку.

— Потанцуем, хе-хе, — задвигал согнутыми руками, подпрыгивая ногой.

Танцы не удались, куража не доставало.

— Может, споешь? — попросил Петр Анастасию.

— Денег у вас не хватит рассчитаться, — грустно улыбнулась певица.

Никакая она не веселая вдова, подумал Купцов.

Петр под благовидным предлогом затащил соседа на кухню:

— Так забирай, — шепнул, кивнув на прикрытую дверь. — Баба — во! — вздыбил большой палец. — И споет и станцует, хе-хе.

— И допрошу в постели. Так что ли?

— Ну, смотри, потом не обижайся...

Михаил пошел провожать Анастасию, остановил такси, сразу рассчитался с водителем.

Был полдень. Единственное жемчужно-серое облако, темное посредине, со светящимися краями, двигалось на проспект Сейфуллина со стороны гор. Облако нашло на солнце, потемнело враз. Крупные, редкие капли дождя начали разбиваться об пыльный асфальт, оставляя на ней черные пятна. Потом полило. И, как это бывает весной, дождь так же внезапно кончился, как и начался. Небесный душ очистил воздушный бассейн над городом, вобрав в себя смог, ярче засияло солнце.

На проспекте Сейфуллина группами по пять-шесть человек, стояли молодые люди, предлагая себя в качестве дешевой рабочей силы. Курили, сплевывая на асфальт, смеялись. На обочине валялись пакеты со спецовками. Михаил вспомнил свою молодость, стройотряды с лозунгами: «Даешь целину!», «Даешь Байкало-Амурскую магистраль!» Слезы на глазах навернулись.

— Стареешь, Купцов, стареешь, — сказал сам себе.

В среду утром 17 мая 2005-го года Михаила разбудил телефонный звонок. Снял трубку:

— Купцов, слушаю вас.

— Здравствуйте, Михаил Семенович! Некто Никонов беспокоит, ваш номер телефона Анастасия дала.

— Здравствуйте, Филипп Кузьмич. Слушаю вас.

— Встретиться надо, разговор долгий, не телефонный.

Договорились, через час в парке Горького.

Филипп Никонов, семидесятипятилетний старик, выглядел моложе своих лет. «Законсервировался» в шестидесятилетнем возрасте и уже не старился. Слегка прихрамывал, опираясь на посошок. Купцов, чисто по-ментовски, окинул взором старика, как будто собирался по памяти нарисовать его портрет. Умные глаза, короткая стрижка, упрямый подбородок. Поздоровались. Заметив любопытно брошенный взгляд на палочку, старик пояснил:

- Память о Вьетнаме, с янки дрался.
- И кто кого? — как бы в шутку спросил Купцов.
- Не знаю, война без меня закончилась.
- Может, присядем? — предложил Михаил.
- Давайте лучше пройдемся, целый день приходится или сидеть, или лежать.

Шли молча. Временами Филипп Кузьмич останавливался, то рассматривал белку, затаившуюся в кроне сосны, то палочкой разгребал прошлогоднюю листву под деревьями, с любопытством ребенка рассматривая застигнутых врасплох жуков с блестящими спинками, суетно ищущих укрытие. Михаил не торопил с разговором.

— Во Вьетнаме такие леса, неба не видно, — сказал старик, посмотрев на голубой проем между верхушками сосен.

— Доводилось живых-то американцев видеть?

— Много раз. Однажды в джунглях в местечке Плей-Ме на границе с Лаосом, когда батарею нашу ракетную разбомбили, а потом два года у них, пока война шла. Плен отбывал.

— На войну-то как попали? — спросил Михаил.

— В семидесятых на стороне вьетнамцев воевали китайцы и наши добровольцы, точнее наемники, там хорошие деньги платили. Тогда-то и предложили мне в войнушку поиграть. Согласился. Мы, пацаны, пережившие войну с фашизмом, мечтали, повзрослев, носить погоны. Военную специальность приобрел на военной кафедре Свердловского горного института. Вначале на зенитчиков обучали, потом на ракетчиков переучили.

— Самим-то довелось сбивать американцев?

— Господь миловал, крови на моих руках нет...

Подошли к пруду.

— Отметимся, — кивнул старик на кафе «Поплавок», сооруженный на воде.

Спустились по крутой лестнице, сели за столик на палубе. Старик заказал два martini и кулек семечек, которые высыпал на соседний столик налетевшим воробьям. Видать не впервой здесь.

— Михаил Семенович, — начал старик.

— Можно просто Михаил.

— Увертюру будем считать законченной. Теперь о деле, нанять вас хочу.

— Догадываюсь. Независимое расследование.

— Вот именно.

— Только зачем, по истечении стольких лет, ворошить прошлое? Это может быть и небезопасно. Не для меня, понятно, работа такая. За риск платят. Для вас.

— Не смешили бы, а?

— Я серьезно, кому-то может это очень не понравиться. Да и вдова, согласна ли она? Может быть не возражает только из уважения к вам...

— Давайте о деле. С Анастасией мы об этом не раз говорили. Она — за. Не сомневайтесь. Бывший офис сына отремонтирован, занимайте. Транспортom снабжаю. Набирайте штат, открывайте счет, куда бы я мог переводить деньги на текущие расходы.

— Последний раз — вам это надо?

— Твердое да!

Михаил еще надеялся отлучить старика от затеи несуразным тарифом.

— У меня ставка — сто условных единиц за сутки на период расследования. Понадобятся деньги на экспертов, информаторов и подкуп должностных лиц. И сто тысяч по конечному результату. Оговорюсь заранее — желаемого результата может и не быть.

— Заметано, — без колебаний согласился Никонов.

— Тогда прямо сейчас и начнем.

— Вот, — выложил старик несколько американских купюр с изображением Франклина. — Для начала.

— Не это имел в виду, — отодвинул детектив деньги.

— Хорошо, продолжайте.

— У вас есть какие-то соображения? Кому был неугоден ваш сын?

— Одно могу сказать — Зиновий не самоубийца. Уж очень жизнь любил. Такие люди никогда не уходят добровольно.

— А не мог убийцей быть, извините конечно, кто-то из ваших близких? Сноха, например? Из собственной практики знаю — дамочки в запале патроны не экономят. Да и киллер, предположим — убийство заказное, осуществил бы теракт на улице, или во дворе. А стреляют они метко, и из своего оружия.

— Все так, Михаил. Видимо, такое исполнение и было инициировано кем-то первоначально, чтобы бросить тень на своих. А уж потом бездарные следователи подтасовали убийство под самоубийство. И всех это устроило. Настя, хотя

баба и взбалмошная, не способна на крайности. Да и мотивы отсутствовали, у каждого из супругов была своя жизнь — Анастасия порхала и пела, он бизнесом занимался. И жили-то последнее время порознь, на усадьбе у каждого свой дом.

— Ну, а сексуальные конфликты? Может, достал он ее ревностью? Певица же, банкеты, поклонники...

— Думаю, нет. Зиновий всегда был откровенен со мной. Обмолвился бы. Про любовь не скажу, штука заразная и скоропроходящая, но супруги уважали друг друга.

— Опять извиняюсь, — начал неловко Михаил.

— Не надо впредь извиняться, деньги плачу не за это, делайте свою работу. Вы хотели спросить, была ли у сына любовница?

— Ну, примерно.

— Да, была, и не одна. Он из этого секретов не делал. Бая изображал. Бабушка его, мама моя покойная, из рода найманов.

— Анастасия, как она к этому относилась?

— Спокойно. Иначе бы они давно расстались.

— Кто они, пассии вашего сына?

— Скажу про одну — Нину Русину. Журналистка, редактировала первую его книгу «В структуре власти». Помните, наверное, в администрации Президента Зиновий одно время работал. Эти годы и описал. Незадолго до гибели начал вторую книгу, нечто вроде детектива, под условным названием «Казнь претендента».

— И где она?

— Редакторша что ли?

— Рукопись детектива. Ну и редакторша.

— Нина исчезла на следующий день после убийства. Позвонил ей в то утро, сообщил о гибели Зиновия. Она сухо выразила соболезнование, как бы уже знала. Сказала — срочно уезжает. Куда, не сообщила. Да я и не спрашивал. Рукопись тоже исчезла. Может это и послужит для вас зацепкой.

— Похоже, да.

Купцов записал адрес будущей своей конторы, Алма-тинский адрес исчезнувшей редакторши и усадьбы Никоновых. Договорились встретиться там завтра утром.

Следствие началось.

3

Купцов отыскал в своей трепанной записной книжке номер домашнего телефона бывшего сослуживца Василия Жилина. Не хотел светиться, звонить на службу. Набрал номер. К телефону долго не подходили.

— Алле, — ответил наконец сонный женский голос.

Василий был закоренелым холостяком и не позволял девушкам отвечать на звонки, если те оставались у него «безнадзорно».

— Жилина можно? — спросил неуверенно. Не туда что ли попал?

С запозданием добавил:

— Здравствуйте, леди!

— Василия Макарыча нет, на службе, — «проснулся» голос.

И уже певуче, с ноткой кокетства:

— А кто его спрашивает?

Купцов назвал себя.

— А-а-а, — воскликнула радостно женщина, — Это вы, Михаил Семенович? Из самой Германии? Догадываюсь, у Васи же сегодня день рождения, юбилей, можно сказать, сорок исполняется. Спасибо за звонок!

И радостно сообщила:

— А он, знаете, женился ведь! Наконец-то!

И помолчав, добавила:

— На мне. Аней зовут.

— Поздравляю, Анна!

— Спасибо! Как там житуха у немцев?

— Здесь я.

— О-о-о! Вот Вася-то будет рад. Вспоминает часто. Ждем вас сегодня, ждем. К семи подруливайте. Дом-то Васин не забыли? Квартира тридцать вторая.

— Непременно буду.

— Вы, наверно, не знаете, ушел же он из органов, в охране сейчас. Мобильный его запишите.

— Диктуйте.

Записав номер, детектив подумал: «Неужто та самая безалаберная Анжелика, которая не раз жаловалась в их убойный отдел, что изнасиловали?»

Набрал Жилина.

— Гэгажданин Жилин, — изменив голос, картавя, произнес Купцов, — угадайте с трех раз — кто звонит?

— Шеф! С первого ггаза. Вы откуда?

— Из Алматы.

— Вернулись, значит?! — искренне обрадовался Жилин. — Я же говорил, когда провожали: «Где немцу хорошо, там русскому полный п..дец!» Насовсем?

— Бесповоротно. Еще вопросы?

— Пока нет.

— У меня предложение. Контору сыскную открываю, нужен помощник. Три дня на размышление.

— Не надо трех дней, согласен. Когда выходить?

— С юбилеем Вася, вечером поговорим.

25 мая Купцов со «штатом» въехал в отремонтированный, еще пахнувший краской офис, расположенный в верхней части улицы Родостовцева. Одноэтажный коттедж прятался в глубине сада. Большая приемная, его кабинет, кабинет помощника, комната отдыха с примыкающей к ней кухней. На первых порах обязанности секретарши взялась исполнять Анна. А потом так и осталась.

Прошедшую до въезда в офис неделю сыскари добросовестно отработывали траченные на них немалые деньги заказчика. Купцов занимался дворней Никоновых, Жилин искал следы пропавшей редакторши Нины Русиной.

Отправной точкой для расследования была дата — 18 июня 2002 года, утро того дня, когда дворник Ахмат обнаружил в кабинете труп хозяина. Он и сейчас работал у Никоновых, хотя год назад оформил пенсию. Жил здесь же на усадьбе во флигеле с поварихой Гульжан, состоя с ней в гражданском браке.

— Вот, хитрый татарин, — представил его шутливо Филипп Кузьмич, как основного свидетеля, свойски похлопав его по плечу. — А это следователь, Михаил Семенович, — кивнул на детектива. — Будет повторно расследовать убийство Зиновия. Расскажешь ему что знаешь.

Дворник был сутулый, как большинство пожилых, высоких мужчин, с продолговатым, резко очерченным, загорелым, спокойным лицом. Наголо стрижен. Чувствовалась в Ахмате скованность. Купцову знакомо такое состояние внутреннего напряжения не только последствийных, но и свидетелей. Люди подсознательно остерегаются полицейских, как бродячих собак на улице — вдруг укусят.

— Что рассказывать-то, — проворчал Ахмат, глядя мимо посетителей.

— Не буду мешать, — неодобрительно посмотрел Филипп Кузьмич на дворника. — Общайтесь.

— Давай колись, — категорично потребовал детектив после того, когда они остались одни, сели на скамью возле небольшого пруда, в который с каменной горки журча, каскадами ниспадал ручеек. — При хорошем адвокате червонец тебе светит за укрывательство преступления, — пошутил.

Ахмат какое-то время как бы обдумывал свои мысли, докуривая сигарету. И как бы посетовал:

— Ну что тут говорить, что тут сказывать...

И замолчал, прикуривая новую сигарету.

— Уж сказывай, раз начал, — выжидающе посмотрел детектив на дворника.

— Вот стою я перед вами словно голенький. Я с племянницей гулял, тети Пашиной, и в Пекин ее водил, и в Сокольники, —

закончил тот стихотворную строку. Попытался хихикнуть, но смех не получился. Закашлялся. Все еще тушевался.

— Здесь все дома? — слегка постукал себя пальцами по голове детектив, недоуменно уставившись на дворника немигающим взглядом.

— Вы пошутили относительно адвоката, а я вам подыграл. Так ведь? — сощурил глаза Ахмат. — Классика, Александр Галич!

— Все так, — улыбнулся и Михаил.

Хорошо его дворник прикупил, проявляя за одно эрудицию. Напряженность прошла.

— Почему бы, Ахмат, нам, интеллигентным людям, не перейти на «ты». И, как говорил один из ваших, из татар: Ты бабай и я бабай, ты мне мозги не тра-та-та... — не досказал детектив ненормативное слово в рифму.

— Не клепай, — рассмеялся Ахмат.

— Во-во, не клепай!

— Я только на половину татарин. А на вторую половину — дворник.

— Кто я — знаешь. Есть что рассказать, помимо того, что газеты тогда писали, выкладывай? Потом доспрошу. Или допрошу. Впрочем, это одно и то же.

Дворник долго молчал, прикуривая уже третью сигарету. Михаил не понукал.

— У Филипыча работал, когда он еще трестом «Культбытстрой» управлял. Прорабом был. Уважал меня Филипыч, ну и я конечно. Когда он ушел в политику, уволился со стройки. Построил ему вот эти два дома, — махнул он рукой. — Потом озеленением усадьбы занялся, так при дворе и остался.

И без всякой связи с предыдущим, спросил:

— Пивка, может?

Он так и не перешел на «ты».

Михаил посмотрел на Ахмата с некоторым недоумением. Вот уж поистине, как говорила его немецкая теща: «Черт летел и ноги свесил.» Уместно ли детективу с подследственным пиво распивать?

— Вижу, не против, — кинул дворник на Михаила быстрый взгляд. — В момент и организуем.

Достал из поясного футляра допотопный мобильник, набрал номер, попросил: «Пивка бы нам, Гульжан.»

— Баба моя, — пояснил. — Кухарничает здесь.

Вскоре появилась и Гульжан, невысокая женщина, в нарядном, весьма откровенно облегающем сарафане, яркой наружности, крашенными волосами с кокетливыми серебристыми прядями. Улыбнулась Купцову в знак приветствия.

Она относилась к тому типу женщин, без возраста, навскидку ей можно было дать от тридцати до сорока.

Блондинка протянула дворнику пакет с позвякивающими бутылками.

— Может еще что? — спросила она Ахмата, как бы не замечая присутствия постороннего.

Вместо ответа сожитель махнул рукой, все, дескать, иди. Она согласно кивнула:

— Понадобится что, звони.

Купцов взглядом проводил женщину. Шла она как по подиуму, аккуратно переставляя стройные ножки, играя бедрами.

Ахмат, откупорив, передал бутылку Купцову. От него не ускользнул внимательный взгляд детектива на уходящую женщину.

— Вчера, — как бы оправдываясь, шелкнул он пальцем по подбородку.

И улыбнулся:

— День Парижской коммуны отмечал.

Сделав большой глоток, дворник поставил бутылку на край скамейки.

— Да-а, — тяжело вздохнул. Почесал затылок.

Наступила пауза. Купцов рассматривал разноцветные пеларгонии на каменистой горке, не проявляя спешки.

— Кто первым труп-то обнаружил? — прервал детектив затянувшееся молчание после того, как Ахмат закурил очередную сигарету. Курил часто.

— Я и обнаружил. По утрам Филипыч по дорожкам бегал. А тут нет его и нет. Пойду, думаю, посмотрю, приболел может. Последние дни что-то хмурой ходил. Зашел в дом, входную дверь хозяин никогда не запирает. Поднялся на второй этаж, постучал в спальню. Молчок. Приоткрыл дверь, заглянул — постель не разобрана. Ладно, думаю, в кабинете может, иногда бывало там, на диванчике прикорнет. Спустился на первый, стучу. Опять молчок. Открываю дверь, и на тебе...

— В кабинет-то как попал, он же изнутри был заперт?

— Не был он заперт.

— Газеты же писали.

— Был открыт, что бы там ни писали... Филипыч ни одни двери никогда не запирает. Один же всегда, боялся, вдруг сердце прихватит, двери ломать придется.

— Ну а дальше?

— В скорую позвонил, потом по ноль два. Приехал участковый, и, осмотрев труп, позвонил в КНБ. Оттуда приехали

двое. Один высокий, повыше меня будет, другой — низенький. Фамилий не знаю, не докладывались. О чем они говорили с участковым — не слышал, меня из дома выставили. Когда позвали, дверь кабинета была взломана.

«Ты хулиганил?» — кивнул на поломанную дверь сотрудник КНБ, тот, что высокий. «Да вы что, смеетесь!» — возмутился его нахальству. «Когда я засмеюсь, ты заплачешь», — сказал он с угрозой, не спуская с меня глаз. И как бы пошутил: «На своих похоронах!» Приставив два пальца к виску, изображая пистолет, спросил: «Жить хочешь?» Я молчу. «Виджу, хо-очешь, — злобно улыбнулся. — Всем охота жить, даже тараканам!»

Предложил подписать бумагу, что дверь была заперта изнутри, а я утром ее взломал. Велел помалкивать, если жить хочу. И сейчас мне сдается — не болтал зря.

— Подписал?

— Позднее, когда приехала скорая и увезла труп. Я рассудил, что Филипыча уже не воскресишь, так зачем еще один труп. Мой! Так ведь?.. — не то спросил, не то оправдал свою трусость Ахмат.

— А что не помалкиваешь, как обещал?

— Прошло-то сколько... Да и вы, — посмотрел на Купцова вопрошающе, — никому же не скажете?

— Не скажу! Обратил внимание, куда стреляли?

— В грудь. А уж потом, видать, в голову. Контрольный. «Вальтер» его на полу валялся.

— Хранил обычно где?

— Сейф небольшой в стене замурован, за картиной. Там и хранил.

Хотя Ахмат и пылал любовью к хозяину, бывший мент засомневался, не был ли он, по меньшей мере, пособником преступления. Подписал же фальшивку! Больно уж тихо все произошло, «по-домашнему».

— Во двор-то как преступник проник, — с подозрением посмотрел детектив на Ахмата. — Возможно, ты калитку незапертой оставил?

Кивнул на опустевшие пивные бутылки:

— Отмечал, может...

— Ворота автоматические, сильнее нажать на створку, можно протиснуться. А дом никогда и не запирался. Говорю же, один он жил. Окочурюсь ночью, шутил как бы, попадете как?

Обошли усадьбу. На площади в четверть гектара два современных коттеджа (мешанина стилей барокко и модерна). Изумрудный газон пересекает извилистый ручей, пологие берега которого усыпаны белой галькой. Местами заводи,

поросшие камышом. Плавательный бассейн, куда впадает ручей, стилизован под озеро. Разбросаны цветники в продуманном «беспорядке». Вдоль забора голубые ели.

— Моя работа, — не преминул похвастать дизайном дворника. — Елки вот такие были, — вытянул руку ладонью вниз на уровне пояса, — а сейчас вымахали вон, — посмотрел с любовью на верхушки пятиметровых елей.

Попасть на территорию усадьбы через ограду, при наличии переносной лестницы, не составило бы труда. Собак, как выяснилось, ни тогда, ни сейчас во дворе не держали.

— Вот еще что, — как бы вспомнил Ахмат, прикуривая очередную сигарету. Рассказывал он охотно, видимо, не часто ему доводилось встречаться с таким внимательным слушателем.

— Не мое, конечно, дело, но хозяин мало общался с женой. Все больше с нами.

— С кем именно?

— Со мной и с Гульжан. В карты вечерами иногда играли. Потому и помню хорошо, что и как в кабинете расставлено. После убийства искали что-то. Большого беспорядка, верно, не было, но видно же — картина, сейф за которой, чуть косит, ящик стола приоткрыт, ваза с цветами на полу, книжки в шкафу неровно поставлены. А хозяин был большой аккуратист.

И помолчав, добавил:

— Аккурати-ист ...

Детектив изменил тактику допроса.

— Часто на усадьбе людей убивали? — как рентгеновским лучом, жестким взглядом просветил дворника.

Лицо Ахмата стало похоже на физиономию внезапно проснувшегося ребенка.

— Не понял вас, — смешался он.

— Да или нет? — повысил голос Купцов.

— Вообще не убивали. Вы что, смеетесь...

— Значит, должен до мелочей помнить предшествующий убийству вечер — 17 июня 2002-го года.

Ахмат продолжал недоуменно смотреть на следователя. Молчание длилось несколько секунд, но они показались необыкновенно долгими. Что от него хотят?

— Отвечай быстро!

— Да, помню. В карты играли с Филипычем.

— Вдвоем?

— Вначале втроем. Гульжанка была третьей.

— Потом?

— Десять пробило, когда собрался уходить. Часы в кабинете с боем. Соврал: «Голова болит.» А так — выпить захотелось. Гульжан осталась.

— Она во сколько вернулась?

— Тогда у хозяйки жила.

— Вы еще не сожительствовали?

— Любовницей хозяина была. Сошлись после его смерти. Ну, не сразу, понятно.

— Кто был инициатором?

— Определенно и не скажу, постоянно же в одном дворе терлись. Обедали иногда за одним столом. Да и Анастасия подначивала: «Женились бы уж что ли, электричества бы на вас меньше расходовалось...»

— Какое электричество? — не понял Купцов.

— Шутила она, ложились бы, дескать, раньше.

— Кому была выгодна смерть Никонова?

— Не знаю, политикой не интересуюсь. Единственное могу сказать: Филипыч себя не убивал.

— Политику что припел?

— Ну, вы же, наверное, думаете — из-за политики его убили. Так все шептались, в самоубийство никто и не верил.

— Я думаю во всех направлениях. Ушел ты, говоришь, после десяти, выпил...

Ахмат хотел перебить следователя, но тот остановил его движением руки.

— Вернулся когда?

— Не возвращался я, посмотрел телевизор и лег спать.

— Кто может подтвердить?

— Да никто, один тогда жил.

— Называется это — отсутствие алиби. И переходишь ты, голубчик, из разряда свидетелей в разряд подозреваемых.

— Какой мне резон? Зарплату получал. Так ведь?

Наступила предусмотренная детективом психологическая пауза. Купцов не спуская глаз наблюдал за Ахматом, как бы ожидая признательные показания. Молчание становилось зловещим. Ахмат закашлялся, давась, будто проглотил рыбью кость.

Детектив, смягчившись, спросил:

— Каким он был по жизни, Зиновий Филиппович?

— Как, каким? — посветлел дворник, радуясь смене обстановки. — Обыкновенным. Зарплату вовремя платил. Другие вон, аульные, живут при дворах за еду и обноски. Нам же хорошо платили. А Гульжанка во французских платьях шеголяла. Хозяйка дарила. Сузит немного, похудее она, и шеголяет. Умеет, видели же.

— Ругал, может, хозяин, унижал достоинство?

— Любил порядок. Иногда делал замечания, и то, не повышая голоса. Ну, а когда трестом управлял, другое дело — загнет,

бывало! Доставалось и мне, суров был. Два раза приказы не повторял. Да иначе и нельзя с нашим братом, наглеть начинаем, — старательно демонстрировал бывший прораб откровенную искренность.

— Суровым, говоришь, был? — в задумчивости спросил детектив.

— Еще как...

— Ладно, — прервал допрос детектив. — Пригласи-ка сюда свою кралю.

Наступило замешательство.

— Оставишь нас, когда придет.

Ахмат выразил взглядом недовольство — запутает простушку. Наболтает та чужому человеку, черт знает что. Хотел даже возразить, вздохнул глубоко, рот раскрыл, но передумал. Набрал номер на мобильном телефоне. Длинные гудки прервались отбоем.

— Схожу, — засуетился услужливо. — Видать, во флигеле, а трубку на кухне оставила, растяпа. Это частенько у нее, карманов-то нет, — сказал, улыбнувшись, сделав ударение в слове «карманов» на последнем слоге.

— Пожалуй, я сам к вам загляну, — встал детектив. — Если не возражаешь...

Ахмат, шевеля губами, пробормотал вполголоса: «Меня что, спрашивают?»

Михаил прошел неспешно вглубь усадьбы по извилистой, мощенной природным камнем дорожке, обсаженной лавандой, источающей пряный аромат. Думал об Ахмате, старался глубже понять психологию этого человека. Кто он? Работал когда-то прорабом у Никонова. Старше его лет на десять, а всего лишь прораб, а тот уже управляющий трестом. Потом вообще в услужении у него. Может, завидовал, копил ненависть? Зависть не самая лучшая страсть человека. После гибели хозяина, сошелся с его пассией. Может еще при жизни хозяина на нее глаз положил... Вон какая ладная!

Детектив, постучавшись, вошел во флигель. Его встретила женщина с быстрым взглядом, быстрыми нервными движениями. Она отложила раскрытую книгу, и вопрошающе посмотрела на Михаила.

Довольно большая светлая комната с доминирующей в интерьере широкой кроватью с фигурными спинками. Стол раздвижной, два стула из темного дерева. Мебель, знавшая лучшие времена и апартаменты, явно не сочеталась с газовой плитой в углу комнаты и умывальником. Узкая дверь, задрапированная шторкой, видимо в чулан. Комната прибрана, словно хозяйка только что закончила уборку.

— Гульжан вас звать? — задал детектив вопрос, скорее сам себе, примеряя на женщину экспромтом ампула убийцы. И близко не подошло.

— Знаете же. Проходите.

Низкий голос, приятного тембра не гармонировал с некой вульгарностью во взгляде. Женщина встала, как бы уступая стул, постояла в нерешительности, не зная, куда девать руки, присела на край кровати.

— Я частный детектив, — представился Купцов.

Слегка кивнул.

— Повторно расследую убийство вашего хозяина.

Получилось это как-то театрально.

— Сказали уже. А вы садитесь, в ногах правды нет.

Речь была быстрой, слова почти сливались.

Детектив прошел, сел, развернув стул к Гульжан.

— Кто сказал?

— Филипп Кузьмич и сказал. Просил оказать содействие.

— Оказывайте, — улыбнулся детектив, посмотрев на женщину обволакивающим взглядом. Та смущенно поправила бретельки на сарафане, словно пытаясь прикрыть обнаженные плечи.

— Задам несколько вопросов, старайтесь отвечать коротко, и, по сути.

— Фильмы смотрим, грамотные. И вот, — показала обложку детектива с изображением прелестной девушки с большим пистолетом.

— Давно здесь работаете?

— Осенью будет пять лет.

— Значит, проработали два года при хозяине.

— Значит.

— Какими были взаимоотношения Зиновия Никонова и Ахмата?

В глазах Гульжан мелькнуло беспокойство. Ответила неопределенно:

— У него и спросите, у дворника. Я ведь и соврать могу, женой как бы прихожусь.

После неуклюжей паузы детектив спросил:

— Были ли у вас, скажем так, неслужебные отношения с хозяином?

Гульжан укоризненно посмотрела на следователя, словно тот рассказал неприличный анекдот. Промолчала.

— Можете не отвечать. Молчание — знак согласия. До Никоновых где работали?

— В кафе, подавальщицей.

— Здесь?

— В Таразе.

— К Никоновым как попали?

— Ахмат выписал из Тараза. Он там прежде работал.

— Были знакомы?

— Ухаживал, — подняла она глаза на детектива. — Моложе была, чем-то привлекала посетителей кафе.

— Да и сейчас хоть куда, — улыбнулся Купцов, вспомнив ее походку.

— Здесь хозяйину приглянулась. На стол же подавала. Отдельно он кушал, в своем доме. Бесбармак мой нахваливал. На комплименты по части внешности не скупился.

Гульжан замолчала, как бы вспоминая похвалы хозяина.

— И? — подстегнул детектив.

— Любовницей стала. Перебралась от Ахмата в дом Анастасии. Кухня там. Да и ради приличия также. Не могла же двух мужиков обслуживать.

— Новость для меня! Как Ахмат воспринял ваш уход?

— Переживал. Я предлагала ему, давай уйдем, снимем квартиру. Алматы не Тараз.

— В каком смысле?

— Работу приличную можно найти.

— А он?

— Не захотел.

— К хозяйину был привязан?

Гульжан задумалась, как бы отматывая жизнь вспять.

— Скорее не хватало решимости, боялся перемен.

— Как вы думаете, Ахмат завидовал Никонову?

— А вы как думаете?

— Вас спрашиваю.

— Спросите его.

— Понятно, — прозвучало утверждение в голос детектива.

— Семнадцатого июня, две тысячи второго года, вечером, вспомните, в каком часу ушли от Зиновия Филипповича?

— Это накануне самоубийства? — подняла она глаза на детектива.

— Накануне убийства.

— В карты мы играли вдвоем. Ахмат, муж мой теперешний, где-то после десяти ушел. А я позднее.

— Не был хозяин чем-то обеспокоен, ожидал, может, кого?

— Не заметила.

— Не звонили ему? Или он сам.

Гульжан задумалась, миндалевидные ее глаза сузились, словно она близоруко фокусировала взгляд на событиях того вечера.

— Да, был звонок, перед самым моим уходом. После звонка Зиновий сказал: «Поздно уже, Жаным, иди.» Звал меня так, одни когда.

— Жаным, означает что?

— Гульжан — цветок души, а Жаным, ласково — душечка.

— Во сколько это было?

— На часы я не посмотрела. Ну, наверное, около двенадцати.

Помолчали. Гульжан тупо рассматривала маникюр, слегка массируя длинные, ухоженные пальцы.

— Вам самой есть что сказать?

Взор женщины устремился в прошлое. Она пыталась сосредоточить взгляд на одной точке, разглядеть там то, на что, возможно, не обратила внимания в тот роковой вечер.

— Про звонок. Подумала, тогда: «Кто это так поздно?» Из трубки донесся хриплый голос, слов не разобрала, не поняла даже мужской голос или женский. Потом смешок. Зиновий изменился в лице, не то чтобы испугался, а как бы неприятно ему стало. Ответил: «Хорошо». Разговор на этом закончился. А мне сказал: «Поздно уже, Жаным, иди.» И посмотрел как-то странно, жалостливо, что ли.

— Раньше так не смотрел?

— Сейчас, мне кажется, он прощался.

— Вы были близки духовно?

— Для него я была забавой. Умела забавлять. Дочь — студентка. Надо одевать, платить за обучение.

— А он для вас?

— Оплачивал обучение дочери.

— Где она училась?

— В Англии.

— Закончила?

— Год еще.

— Сейчас кто оплачивает?

— Мы с Ахматом. Анастасия помогает.

— Последний вопрос, можете на него и не отвечать. Поддерживали ли близкие отношения с Ахматом, после того, как ушли от него к Зиновию?

— Ответу однозначно — нет. Зиновий Филиппович не потерпел бы. Ребенка хотел. С женой у них не получалось...

— И что с ребенком?

— Я не хотела, предохранялась. Но он об этом не знал. Ходил по врачам — с одной не получается, с другой. В последние два месяца у нас не было близости. С редакторшей он все больше... Не ревновала. Я-то ему кто?

Помолчали. Ее прямотушние располагало. Михаил встал, собрался уходить.

— Не все сказала, — поднялась и Гульжан.

Ее глаза едва заметно вспыхнули.

— Долго не могла уснуть в тот вечер, придя к себе. В какой-то момент — сердце вроде остановилось, и послышалось, позвал он: «Жаным, Жаным...»

Выйдя из флигеля, Михаил взглядом искал Ахмата. Спросить, дома ли хозяйка. Желательно совместно осмотреть кабинет Никонова. Дворник тархтел газонокосилкой в дальнем углу усадьбы.

— Можешь отвлечься? — спросил его, подходя.

Ахмат выключил агрегат, утер тыльной стороной ладони пот со лба. Прикуривая сигарету, тревожно посмотрел на детектива с вопрошающим выражением лица.

— Цела осталась твоя красotka, не соблазнил, — пошутил Купцов.

— Хотя бы и так, не резинка, не сотрется, — расплылся в улыбке дворник.

— Анастасия, не знаешь, дома?

— Вот ее бы кобылу, — резко дернул руками Ахмат, словно привлекая кого-то к себе.

Усмехнулся свойски.

— Спрашиваю, дома? — повысил голос Купцов.

— Утром еще уехала.

— Вернется?

— Нам не докладывают. Позвоните.

Михаил набрал подсказанный номер. Трубка, скучным голосом оператора, ответила: «Абонент временно не доступен».

Детектив, в присутствии дворника, осмотрел кабинет Никонова. Большой письменный стол напротив окна, компьютер не самого последнего поколения, оно и понятно, три года как стоит. Вращающееся кресло перед столом. Роскошный фикус в большой деревянной кадке. Три книжных шкафа. В основном классика — Пушкин, Достоевский, Бунин. Купцов навскидку взял томик Достоевского. Полистал. На полях пометки карандашом — вопросительные и восклицательные знаки. Книга читанная, а не для украшения.

Дивана, на котором был обнаружен труп, уже нет. Поясной портрет на стене, написанный маслом, выявлял стремление «натурщика» к самовозвеличению. Уж, не Петра ли работа?

— Кто? — кивнул следователь.

— Филипыч. Не узнаете?

— Вижу, что он. Малевал кто?

— Девица одна, с чудным именем Виргиния. И меня изобразила. Правда карандашом.

— Телефон знаешь?

— Поискать надо, записан. Уж и не припомню, по какому поводу она просила позвонить.

— Найдешь, сообщи. Мой номер запиши. И вообще, звони, если что еще вспомнишь.

Михаил подспудно чувствовал какой-то пробел в ответах дворника.

Пошли к выходу.

— Вот еще что, — остановился детектив уже в воротах. — Был у Зиновия Филипповича шофер?

— Да, конечно, Валера Пузанков. И сейчас шофер в семье.

— Тот же?

— Валера уволился. По пьянке машину долбанул.

— Давно?

— Через год где-то после трагедии.

— Часто выпивал?

— Не сказал бы. По сравнению со мной, вообще трезвенник. Обменялись взглядами.

— Кто еще прислуживает? — вопрошающе посмотрел детектив. — Убирается кто?

— Гувернантка.

— Молодая, старая?

— Скорее — да.

— Что да?

— Сказал же, молодая, веселая. Иногда такое загнет, хоть стой, хоть падай. Любительница, — щелкнул дворник по подбородку, как бы одновременно оправдывая себя — не я один такой... — Подруга хозяйки — не разлей вода.

— И бывшего хозяина?

— Еще как, — хитро улыбнулся дворник.

— Сейчас здесь?

— После обеда приходит, не раньше пяти.

Купцов расспросил и про редакторшу. Ее Ахмат охарактеризовал лишь внешне, часто употребляя эпитеты: молодая, фигуристая...

— Веселая? — подначил Михаил.

— Гордая, с нами не общалась.

Выходит прямо-таки гарем содержал Никонов при дворе! Надо выяснить еще любовные его пристрастия на стороне.

Купцов медлил с отъездом. Ускользало что-то существенное. Спросил дворника:

- Может, что утаил? — бросил взгляд в лицо.
 - Все выложил, как на духу.
 - Звони, вспомнишь что.
- Уже за воротами детектив пожал протянутую руку Ахмата.

Сев за руль и заведя машину, Купцов все еще медлил с отъездом. Вспоминал трагические события прошлых лет, прослеживая возможную взаимосвязь тех преступлений с убийством Никонова. Это ведь как в пасьянсе, всегда себе немного подыгрываешь.

За полгода до убийства Никонова, в горном ущелье Акбулак, недалеко от Алматы был расстрелян видный политический деятель Берик Орумбаев. Вскорости объявился тогда и заказчик — бывший сенатор. Явился с повинной и чистосердечно признался: Орумбаев, дескать, нанес ущерб его «чести и достоинству», оклеветал в газете. На дуэль клеветника вызвать он не мог, времена не те, вот и заказал. Принято это сейчас! Самое несуразное — заказчик оформил кредит, чтобы нанять киллера. Нашел его по Интернету, деньги перевел по western union. Кто такой — знать не знает.

Никто этой байке не поверил, но оскорбленного гордеца засадили на десять лет. На зоне он и сгинул. От рака. Не ново. Подобное не раз практиковалось.

Берик Орумбаев был реальным конкурентом действующему президенту на предстоящих выборах. Но когда они еще! И кому он не нравился в такой ипостаси? Не самому же «королю». Тот недосыгаем — отец родной большинству избирателей, особенно пенсионерам и русскоязычным. А вот окружение короля — патриотичные коррупционеры, делающее бизнес на государственной службе, сменись власть, остались бы не у дел. Они и могли перестраховаться.

Синовий Никонов в своей новой книге, о которой обмолвился его отец, мог расшифровать истинного заказчика убийства Орумбаева. Это — раз.

Два — заказчиком мог быть и некий господин Икс, кого не устраивала политическая стабильность в Республике. Планам захвата власти спокойствие в стране не «катило». Лодку государственную раскачивал...

Мысли беспорядочно носились в голове. Придворные Никонова? Ахмат — верный пес. Собака хозяина не укусит. Разве что взбесится? Гульжан — получала деньги на обучение дочери. Анастасия? Мсть за редакторшу. Со слов Ахмата, соперница была и моложе, и привлекательнее, что певицу могло обижать. Никонов, разведясь с Анастасией, мог и жениться на ней.

Вообще бы тогда «птичка певчая» осталась у разбитого корыта. Надо прощупать и саму редакторшу, уж больно поспешно та исчезла.

Кухарку и дворника Михаил уже допросил. Причин ненавидеть хозяина, у них не было. Однако, заказчик, кто бы он ни был, мог подкупить или шантажировать кого-то из них...

И вообще, кто он — предполагаемый заказчик? Кому мог досадить Никонов? Политик — никакой, с ветрыными мельницами воевал, вреда от него никому. Те двое из КНБ, скорее всего, не причастны к убийству. Фальсифицировали самоубийство, чтобы не создавать лишних проблем с расследованием, и, воспользовавшись случаем, устроили шмон. Искали в кабинете Никонова компромат на элиту, чтобы выслужиться, или чтобы держать кое-кого на поводке.

Не все понятно с оружием убийства. Если револьвер Никонова хранился в сейфе, как убийца мог до него добраться? Значит, он стрелял из своего оружия, а револьвер Никонова был подброшен после. В барабане револьвера, чтобы имитировать самоубийство, две гильзы должны быть стреляные! Куда же стреляли? Не в потолок же, было бы видно...

Михаил, выключив мотор, вышел из машины, нажал на кнопку домофона. Через минуту-другую калитку открыла Гульжан. Улыбаясь одними глазами, спросила:

— Забыли что?

— Извиняюсь, надо еще раз осмотреть кабинет. Ахмата зови.

Повторный осмотр кабинета следов пуль ни на стенах, ни на потолке не выявил. Уже собираясь уходить, Купцов обратил внимание на большую деревянную кадку фикуса. Кивком головы указал Ахмату:

— Часто почву меняете?

— Рекомендуются через пять лет.

Купцов посмотрел на дворника со значением:

— После убийства меняли?

— Собираюсь все...

— Надо сейчас, помогу.

Вынесли растение на улицу, с осторожностью Ахмат извлек из кадки корни. Просеяли почву. Вот они — две тупые пули в латунной оболочке калибра девять миллиметров, что соответствует калибру Вальтера! Один вопрос решен однозначно — Никонов убит из другого оружия.

Купцов положил пули в карман, кивнул на извлеченное дерево:

— Сам управисься?

Ахмат нервно облизал сухие губы.

— Справимся, — ответил чуть более охотно, чем следовало. — Не впервой.

Ахмат проводил Михаила до калитки. Прощаясь, Купцов достал из кармана пули, и, перекатывая их на ладони, как бы шутейно спросил:

— Надеюсь, не ты фикус расстреливал?

— Надеяться не вредно, — ответил бывший прораб, криво растянув губы в подобии улыбки.

Профессиональный слух детектива уловил еле заметные фальшивые ноты в голосе.

Уже на первоначальном этапе расследования сказывалось отсутствие группы поддержки: криминалистов, опытных полицейских для слежек. Работы хватает, а штат, как у Шерлока Холмса — он и «доктор» Вася.

4

«Доктор» Вася, он же отставной капитан полиции Василий Жилин в это самое время выявлял: куда свалила Нина Русина, прихватив, по предположению Купцова, рукопись второй книги Зиновия Никонова. Да и существовала ли вообще рукопись? Может, Никонов приятно проводил досуг с «этой Нинкой», обсуждая сюжеты будущей книги, о которой загодя поведал корреспондентам оппозиционной газеты «Взгляд в будущее». А те давай власти пугать: «Мало вам не покажется!» Но и тогда Русина должна обладать некой секретной информацией, возможно, стоившей Никонову жизни и опасной для нее. Потому и скрылась столь поспешно.

Начал отставной капитан с осмотра жилья Нины. Может зацепка какая выявится. Ключи запасные от ее квартиры передала старшая по подъезду. Филипп Кузьмич ей позвонил.

Трехкомнатная квартира располагалась на шестом этаже элитного дома по улице Навои.

— Чтобы мне так жить, — одобрил Жилин отделку и убранство квартиры, обходя методично комнаты. Имел привычку мыслить вслух и разговаривать с отсутствующим собеседником. Спрашивал его, и сам же за него отвечал.

Два окна гостиной, и окно просторной кухни выходили на юг, окна спальни и кабинета — на улицу Навои.

Жилье перенимает какие-то черты обитателя, его индивидуальность.

— Деловая! — охарактеризовал Жилин хозяйку, оценивая ее обзорев убранство кабинета. Ничего лишнего — строгая

функциональная мебель. Ни слоников, ни матрешек. На стене картины Ван Гога «Пейзаж в Овере после дождя». Капитан прочитал это на обратной стороне репродукции. На столе, рядом с монитором компьютера фотография девочки 7-8 лет, видимо, дочери.

— Деловая! — повторил, сыщик, не то — одобряя, не то — с долей сарказма. Ценил Жилин в женщинах иные качества — простоту и доступность.

Соснительно заглянул в спальню, будто Нинка могла там переодеваться, а он, как мальчишка, подглядывает. Покидала хозяйка квартиру в спешке. Распахнуты дверцы платяного шкафа, рядом большой чемодан, почти пустой, кое-что из белья. Поверх белья раскрытый фотоальбом. Видимо, Нина собиралась взять чемодан, а потом, из-за громоздкости, передумала и уложила отобранные вещи в сумку или рюкзак. Сколько влезло. Перебирая содержимое чемодана — все фирменное, сыщик сконструировал мысленно фигуру беглянки: предположительно рослая, широкие бедра, узкая талия, бюст — третьего размера. Смотрится мадам!

— Торопилась-то что? — задал вопрос сыщик отсутствующей Нине. — Испугалась, говоришь. Куда, дуреха, лезла? Могли ведь зачистку с тебя начать. А, может, сама мужика хлопнула?!

И пробурчал:

— Разберемся, милочка, разберемся...

Полистал фотоальбом. Выпускная школьная фотография класса, датирована 1985-ым годом. В овале, в верхнем ряду улыбающийся юноша, похожий на самого Жилина. Такой же мордастый. Надпись под изображением — Костя Чухонцев. Здесь же рядом Нина Русина, с открытым, ясным взглядом.

Детских вещей в квартире нет, значит, дочка жила не с ней.

Панически покидала квартиру Русина не сегодня, и не вчера, а три года назад. Все эти годы, узнал Василий у консьержки, коммунальные услуги оплачивал отец Зиновия. Значит, были таки надежды — вернется она нежданно-негаданно.

— Так, так, дедуля, — рассматривал Жилин квитанции, обнаружив их на столе под клавиатурой компьютера. — Ждете, вернется подруга вашего сына. Память, говорите, о сыне... Благородно! Убрались бы что ли маленько...

Все три года после отъезда Русиной жилье пустовало, в квитанциях нет расхода электричества, воды, Нет оплаты междугородних звонков.

Проверил сыщик файлы компьютера. Ничего, стоящего внимания. На один файл компьютер потребовал пароль. Василий вспомнил хакера. Проходил по банковскому делу.

Должен уже освободиться, сотрудничал со следствием, срок минимальный дали.

— Найдем, куда ты на хрен денешься, — высказал мысли вслух. — Прочтем ваши секреты...

Дворничиху тетю Люсю Василий застал рано утром на следующий день. Она хорошо помнила Нину, машину ей мыла, и более того — назвала модель и гос номер.

— Гольф второй модели, — сообщила, — у мужа такой же, а номер, совсем легкий — очко.

— Какой номер? — не понял Василий.

— Ноль двадцать один, последние две цифры — очко!

Когда не стало машины во дворе, дворничиха не припомнила. Махнула безнадежно рукой:

— Давно-о их нет. Ни Нинки, ни Гольфа ее.

Отставной капитан, после осмотра квартиры и общения с дворничихой, стал, как он выражался, «фильтровать базар»: «Родители Русиной живут в Бишкеке. От Кузьмича информация. Но Русина вряд ли туда «свалила». Спецслужбы, которых она, предположительно, боялась, быстро бы вышли на нее. Могла уехать в Россию. Поездом вряд ли. По пути следования поезда по территории Казахстана те же спецслужбы ссадили бы беглянку. Улетела? Пожалуй, самый подходящий вариант. Никто в полете не ссадит с самолета».

В аэропорту Жилину чертовски повезло. Начальником службы безопасности оказался Валера Ильин, школу милиции вместе заканчивали. Для серьезного разговора отставной капитан потащил бывшего однокурсника в буфет. Знал слабинку. Заказал по сотке и бутерброды с семгой. Не экономил деньги заказчика. Выпили, закусили. Василий еще по сотке заказал и бутерброды с икрой.

— Двойную порцию мажь, — приказал буфетчице.

Вышли на воздух покурить. В разговоре выяснилось — была такая брошенная «тачка» на стоянке аэропорта. Номера, конечно, Валера не помнил, но Гольф, серебристый — точно. Сам видел.

— Мы вначале приняли ее за мину-ловушку, — рассказал Валера, — стоит и стоит. Никто за парковку не платит. Осмотрели снаружи. Инструкция — двери не открывать! Ключ в замке зажигания. Поверни — бабахнет! Сообщили органам. Те с саперами приехали. Людей вывели с близлежащих домов, оцепление выставили. Обследовали — без подянки. Передали машину гаишникам, те и увезли ее на штрафную стоянку. На это, видимо, хозяин и рассчитывал, оставляя ключи.

— Хозяйка, — поправил Василий, улыбнувшись удаче.

Снова буфет посетили, Василий только закусывал, за рулем, а Валере заказал выпивку и бутерброды.

Штрафную площадку ГАИ, что на северо-восточной окраине города, Жилин посетил после обеда. Предполагая, что буфета там нет, прихватил бутылку не самой дорогой водки и палку докторской колбасы. Сойдет охраннику, нечего баловать. За бетонной оградой припаркованы более сотни машин, привезенные в Казахстан со всего мира. Некоторые «старожилы», со спущенными колесами, успели проржаветь. Видать, их уже не заберут. Серебристый Гольф с приметным номером 021 стоял на въезде, перед вагончиком сторожа, сияя чистотой, словно тетя Люся только что его помыла.

Василий деликатно постучал. Не дождавшись приглашения, зашел в тесную сторожку. Из обстановки — старый диван с рельефным, от выступающих пружин, матрасом. Стены украшали календари за прошлые годы с изображением полуголых бесстыжих девиц. За небольшим ломберным столиком сидел амбал, старательно ковыряясь в зубах. На столе объедки, обрывки газет. Отсутствие шеи и «жеванные» уши выдавали профессионального борца. Судя по возрасту, на вид за сорок, бывшего. А тупой взгляд характеризовал не отягощенность интеллектом. Сила есть — ума не надо!

— Здравья желаю, — по-военному поздоровался Василий, изобразив улыбку. — Принес тут кое-что, — продемонстрировав, положил пакет на диван.

— Чо надо? — раздраженно просипел амбал, всем своим видом выражая крайнюю неприязнь.

Другой бы обиделся, но не Жилин. Он спокойно подошел к окну, указал на Гольфа.

— Твоя техника?

— Ты кто, а? Чо шныришь здесь? — прозвучали истерические нотки в голосе сторожа. — Тут тебе не автобарахолка...

— Покультурнее можно? — прервал его Жилин без эмоций. — А то обижусь.

Заскрипел стул, амбал стал подниматься, вытягивая согнутую правую руку, намереваясь сгрести и выкинуть подозрительного типа из сторожки. А уж там, на воле, «культурно» разобраться. В тесной сторожке мебели можно поломать. Это и стало его ошибкой. Жилин моментально схватил вытянутую руку, и, используя ее как рычаг, бросил грузное тело на пол. Глухой стук, стон, упоминание матери Жилина. Сторож не успел понять, что случилось, как на его запястьях за спиной щелкнули наруч-

ники. Василий с натугой поднял полутора центнеровую тушу, водрузил на стул.

— ... твою мать, — стонал сторож.

— Просил тебя не выражаться. Так? — нравоучительно сказал Василий.

— Пошел бы ты...

— Напросился таки!

Жилин ладонями с двух сторон резко ударил по жеванным ушам. Последовал невообразимый вопль.

— Потихе, а. И так нервы на пределе...

— Шас майор подъедет, мало не покажется, — прохрипел сторож, откашливаясь и сплевывая на грязный пол.

— Пока он подъедет, я из тебя отбивную сделаю.

Кивнул на окно.

— Чья машина?

— Ну, моя, допустим.

— Допускаю. Документы?

— Да пошел ты.

Пришлось бывшему капитану полиции оказать физическое воздействие. Скупое, но доходчивое.

— Документы, — повторил Жилин.

Амбал подбородком указал на нагрудный карман. Учitava отсутствие шеи у бывшего борца-тяжеловеса, сделать такое движение было не просто.

Жилин достал документы — техпаспорт автомобиля, выписанный на Русину, видать, в машине раззява оставила, водительские права с фотографией амбала, и доверенность на вождение, оформленная на него же.

— Ключи!

— В машине.

— Вот что, — Жилин посмотрел на водительские права сторожа, — Борис Поливода, — браслеттики дарю. Носи! — пошутил. — А это, — выложил на стол из пакета бутылку и колбасу, — за моральный ущерб. Сиди тихо, приедет майор, привет передай.

Забрал поддельную доверенность и техпаспорт автомобиля. Водительские права бросил на стол.

Машина завелась, что называется, с пол оборота. Бензобак полный, видать, сторож сливал бензин со штрафных машин.

Жилин отогнал автомобиль на усадьбу Никоновых. Ничего интересного при тщательном осмотре салона не обнаружилось.

Начальнику охраны аэропорта не без труда удалось выяснить, что три года тому назад 18 июня Русина Нина Семеновна вы-

летела рейсом 502 в Москву. Искать ее в громадном мегаполисе все равно, что иголку в стоге сена.

— Мамаша, наверняка, знает о дочери, — предположил Купцов, когда вечером подводили итоги дня. — В Бишкеке она проживает. Надо съездить, Вася. Адреса не знаю, друган мой — Николай Рябов, тамошний следователь УВД, поможет.

— Можно, Аню возьму? — как-то стеснительно попросил Жилин, что ему не шло.

Купцов пожал плечами:

— Бери, обойдусь.

5

Анна осваивалась с работой секретаря-референта. Очень старалась, записалась даже на курсы. Приезжала в офис на своем стареньком Опеле раньше начальников. Включала телевизор, чайник и хватала телефонную трубку. Телефонов два, если кому надо дозвониться, она со своей болтовней не помеха.

— ... во-вторых, Зойка, — продолжила прерванный разговор, чайник засвистел, ходила на кухню выключить, — будешь подполковником, — сказала с сарказмом.

С застывшей на губах улыбкой секунд десять слушала подругу.

— Как это, каким образом? Ты меня заинтриговала, — слышался из трубки взволнованный голос. — Говори, как есть, не люблю абстракций.

Зойка — девушка из интеллигентной семьи. Имеет незаконченное высшее филологическое образование.

— Каким образом, спрашиваешь? Старым, проверенным. Он же настоящий полковник, вот и будешь под полковником. Ха-ха-ха! В-третьих — пока холост, жена в Германии насовсем осталась. Вот дуреха, таких мужиков поискать.

Дальше подруги говорили враз, не слушая друг друга.

— Познакомь, Анька, а? С меня интерес, — тараторила Зоя. — Серегу бросила, платье купила — обалдеть! Из каталога. Высокий?

— Ой, Зойка, не знаю, не знаю. Больно строгий, глянет — обмочишься. Стараюсь в глаза не смотреть.

Из трубки послышался хриплый, прокуренный смешок. Анна с гордостью продолжила:

— Мой Вася у него заместителем.

Видимо, Зойка спросила: «Какой Вася?»

— Не помнишь что ли, постоянным клиентом нашим был. Заступался. Моторный такой!

Хлопнула входная дверь.

— Все, Зойка, все. Начальство...

Купцова заинтересовали гэбэшники, приезжавшие на усадьбу после гибели Никонова. Владели они какой-то информацией! Допросить их невозможно, но можно купить. Надо выявить личности.

Составить их фотороботы взялся Петр Субботин. Приехал в офис с карандашами и бумагой. Анну на ее Опеле послали за Ахматом.

Внешность верзилы дворник вообще не запомнил. Физиономия, не за что глазу зацепиться. Помнил только рост.

— Высокий такой, выше меня будет, — показал он, подняв сантиметров на пять ладонь согнутой руки над головой.

Коротышку помнил.

— Недомерок, — показал рукой некое расстояние от пола. — Туфли чиненные, на толстой подошве, тридцать девятого, самое большее, сорокового размера.

— Туфли не рисуем, — улыбнулся художник. — Про лицо говори. Что особо бросается в глаза?

— Про лицо? — переспросил Ахмат, — лицо обыкновенное, как у всех. Глаза, нос... Разве что уши, оттопыренные. Ну и брови — густые.

— У людей лица разные, — как школьнику стал втолковывать ему Петр, — и глаза, и рот, и нос. Вот запомнил же — уши оттопыренные, брови густые.

— Ну да, — согласился Ахмат, — густые, а еще рот широкий, а губы, как олады.

— Очертание лица? — изобразил художник руками овал.

— Круглое.

И подумав, добавил:

— Как блин.

Минут через сорок портрет был готов и показан Купцову.

— Так это же Евгений Леонов, — улыбнулся Михаил. — Натурально он!

Ахмат задумчиво почесал затылок:

— Да-а, и тот был похож на Доцента из кино. Я тогда еще голову ломал, кого же он напоминает?

— Уменьшить можешь? — спросил Купцов Петра, кивнув на рисунок.

— Не вопрос.

За пять минут на квадратике плотной бумаги изобразил карикатурный портрет актера Евгения Леонова.

Купцов в трех читаемых газетах разместил рисованный портрет коротышки, сопроводив текстом: «Интерпол разыскивает господина Хорошкова (фамилия может быть и иной), на предмет получения наследства. Знающих будущего миллионера, просят за вознаграждение звонить в сыскную контору Фемида». Указал номера телефонов.

Звонили из любопытства: «Откуда наследство, какая сумма?» Предлагали себя, ссылаясь на «иную фамилию». Один звонок заинтересовал Жилина.

— Сосед мой, — сообщил звонивший. — Образина! Таким только и везет...

— Почему образина? — поинтересовался Василий.

— Рост — метр с кепкой, рот до ушей.

— Адрес, диктуйте! — как бы приказал Жилин.

— Я что, самый последний дурак? — замешкался звонивший с ответом. — Бабки вначале гони за информацию.

— Хорошков и отстегнет с наследства.

— Никакой он не Хорошков, а Урбель. Феликс Урбель.

— А ваша фамилия? — проявил Жилин неосторожно ментовскую сущность.

Почуввав неладное, звонивший отключился. Жилин доложил шефу о поступившей информации.

— Урбель, Урбель. Феликс! — повторил Купцов, занося фамилию в настольный календарь. — С таким именем только в КНБ и служить, а с такой фамилией найти человека в Алма-Ате не составит труда. Может, что и сольет за вознаграждение...

Газеты читал и начальник Урбеля, тот самый долговязый, с неприметным лицом. Обозрев карикатуру на Феликса в одной газете, в другой, позвонил оригиналу:

— Зайди, господин Хорошков.

Тот ничего не понял, но пошел, раз вызывают.

— Ты, Феликс, прямо таки народный артист, а не секретный агент КНБ, — начал долговязый с подковырки.

— Не понял юмора, шеф.

— Вот, — ткнул начальник на объявление в газете «Времена».

— Так это не я, — дернул плечами Феликс, — фамилия совсем другая. Хорошков какой-то.

— Там же сказано: «Фамилия может быть и иной». Например — Урбель. Не расстраивайся, если шлепнут, в некрологе не перепутаем, — сказал насмешливо.

— Шуточки, однако, у вас, шеф.

— Выясни, кому принадлежат указанный телефон, и все прочее. Не светись, физиономию знают.

«Свою жену учи бесбармак готовить», — проворчал мысленно Феликс. А вслух бодро отрапортовал:

— Будет исполнено, шеф!

Через день недомерок (шустрый малый!) уже докладывал начальнику: «Коттедж, где установлены объявленные телефоны, расположен на улице Родостовцева. Принадлежит особняк отцу покойного Зиновия Никонова, а занимают его бывшие менты — Михаил Купцов и Василий Жилин, нанятые Никоновым старшим для повторного расследования закрытого дела».

— Купцов, Купцов, — задумчиво произнес долговязый, рассматривая бюстик «железного» Феликса на шкафу, уцелевший каким-то чудом после объявления суверенитета. Пора выкинуть, памятник-то давно снесли, улицу переименовали! — Так он же в Германии. Еще в двухтысячном, если не ошибаюсь, свалил. Жена немка. Тещу, шумливую старушеницу, еще при Советах выслали в фатерланд.

— Наверное, не ужился там, — предположил Феликс.

— Хватка бульдожья. Этот непременно тебя вычислит. Портрет, не трудно догадаться, составлен со слов дворника Никоновых. Глазастый, я еще тогда на него обратил внимание. Прощупай, не болтнул он чего. Купцов умеет задавать вопросы. Нам этот геморрой не к чему...

— Мы-то причем? Позвонили нам из полиции, убийство публичного человека, вот и поехали разбираться...

— Разобрались?

— Вы меня спрашиваете?

— Не себя же.

— Да, выяснили, — как бы с подначкой, ответил коротыш, — еще до убийства...

— Болтай больше! — осадил начальник Феликса. — Пристрой своих следить за Купцовым и за вторым, как его?

— Жилин. Василий Жилин, его же бывший сотрудник из Управления Внутренних дел области. Дубина.

— Телефоны на прослушку. Сдается мне, Русину они станут разыскивать. С Бишкека начнут. Сам лично проследи, на «хвост» сядь, если в Киргизию поедут.

6

26 мая, сидя в тиши кабинета под пальмой, которую Анна купила в «Садовом центре», что рядом с офисом, Михаил Купцов допрашивал самого себя: «За что убили Никонова?» Заказчик, как зависимая величина в математике, «извлечется» из ответа на этот вопрос. А исполнителем мог быть кто угодно.

За многолетнюю работу в «органах» детективу довелось раскрыть десятки хитросплетенных преступлений. Основной мотив убийства — деньги. Чаще всего убийства случались при уличных грабежах или квартирных кражах. Иногда людей «мочили» при рейдерских захватах их имущества. На втором месте преступления связанные с убийством — семейные разборки. Большею частью по пьянке. Здесь и расследовать нечего. Уровень участкового инспектора. Совершали тяжкие преступления маньяки. Редко случались убийства на почве ревности. Перевелись мавры и черные вдовы, пожирающие супругов. И совсем редко — убийства, связанные с политикой. Купцов помнил один такой случай. Зимой не то в девяносто втором, не то девяносто третьем, в низовьях реки Или застрелили на охоте районного прокурора, представив убийство как несчастный случай.

Мсть? Кто мог мстить Никонову? Ну, бранился он с парламентской трибуны, критиковал олигархов — природные богатства распродают иностранцам, уходят от налогов. Да плевали они на Зиновия, «откатят» часть награбленного кому положено и никаких проблем с фискалами.

С подачи Никонова посадили таки одного хапугу. Недоумок тот на хозяина начал тявкать. Покопавшись в памяти, детектив вспомнил его фамилию — Магдыаш! Да, Аскольд Магдыаш. На суде бесцеремонно тыкал пальцем на Никонова, угрожая: «Писака хренов, ты еще пожалеешь!» Несдержанный, такой может глупости натворить. Так он, надо полагать, еще сидит. Следует выяснять...

С Зиновием Никоновым детектив не был лично знаком. Видел пару раз на митингах, где со своими людьми следил за порядком. И только.

Надо искать ответ на два вопроса: Кто желал его смерти? И кто исполнил то желание? Весьма возможно — это одно лицо.

В республиканской библиотеке просмотрел Михаил газеты трехлетней давности. За полгода до убийства, и за две недели после.

До убийства про Никонова писали скупое: Успешный бизнесмен, общественный деятель. Ездит по городам и весям, выступает на митингах, критикуя власти: «Богатые — богатеют, бедные — беднеют. В селах остались доживать старики. Молодежь, в поисках призрачной доли, уезжает в города, пополняет ряды безработных. При Советах всем работы хватало!»

После убийства портреты Никонова две недели не сходили со страниц газет. Потом постепенно все стихло. Люди вычеркнули номера его телефонов из записных книжек, списали человека, словно и не жил он на белом свете.

Анастасия... Кем она была для Никонова? Женой, подругой?.. Детей у них не было. В бытность Никонова депутатом парламента статейки в газетенках появлялись о его донжуанских похождениях. Как она на это реагировала?

Долго не мог дозвониться до певицы, мобильный телефон ее постоянно отключен. Городской — на автоответчике. Оно и понятно — человек публичный, досаждают журналисты, поклонники. Утром сегодня дозвонился таки. Видимо разбудил, отозвался сонный голос:

— Да-а-а.

— Доброе утро, Анастасия Юрьевна, — выпалил бодро детектив. — Купцов Михаил беспокоит. Не разбудил?

— Миша, через пять минут. Ладушки...

Отключилась. Позвонила через полчаса.

— Ну, здравствуй. Я уже накрасилась, и готова к употреблению, — пошутила игриво.

Купцов несколько смутился после подобной шутки. Воцарилось молчание. Детектив подбирал нужную тональность. Только официально!

— Эй, ты уснул там?

— Анастасия Юрьевна, Филипп Кузьмич нанял меня по вашей рекомендации, — сказал с расстановкой Михаил. — Отговаривал его не ворошить прошлое. Дорогое удовольствие и не безопасное.

— Испугался, да? — с иронией в голосе спросила Анастасия.

— Мне-то чего бояться, работа такая. У вас проблемы могут возникнуть...

— Вдруг скелет обнаружится в шкафу. Так что ли?

— Всякое бывает. Ладно, офис мужа знаете где?

Анастасия помолчала, зевнула звучно.

— Бывшего, — не то спросила, не то констатировала певица.

— Убитого в ночь с 17-го на 18-ое июня двух тысяч второго года.

Голос детектива звучал сухо, словно он, будучи судьей, читал обвинительный акт.

И опять неловкое молчание.

— Замену еще не нашли? — задал бестактный вопрос детектив, заполняя паузу. И тут же укорил себя: «Теряешь форму, следак!»

— Место пока вакантное, не упусти шанса...

— Пошутили и ладно. Филипп Кузьмич на период следствия передал мне офис на Родостовцева. Когда вам удобно заехать?

Анастасия, после короткой паузы, с легким укором в голосе спросила:

— Вызов на допрос?

— На собеседование.

— У меня встречное предложение, Миша. Помнишь тот дивный сад...

Купцов при расследованиях категорически отвергал встречные предложения. Перебил даму:

— Извините, Анастасия Юрьевна, вы, как меня информировали, поддержали Филиппа Кузьмича по части проведения независимого расследования. Так?

— Все так, а от меня ты чего хочешь? — обиделась певица на официальный тон следователя.

— Вы были женой. Близким человеком...

— Не хочу, чтобы копались в моей жизни. И потом, почему ты, после всего, что было между нами, на «вы»? — сделала Анастасия ударение на слове «было», плохо сдерживая раздражение.

— Не королева же я англичка, а ты не герцог, какой там, не знаю!

Купцов помолчал, обдумывая ответ. Было не похоже на него, чтобы за словом в карман лез. Сказал, не меняя тональности:

— На данный момент, Анастасия Юрьевна, я следователь, а вы, мягко выражаясь, носитель информации по делу. И отношения между нами должны быть соответствующие.

— Миша...

— Михаил Семенович! А проще, — произнес он, как бы извиняясь, — гражданин следователь.

— Гражданин следователь, почему бы нам не совместить полезное с приятным. Яблони еще цветут...

— Не получится, Анастасия Юрьевна. Мне платят не за «цветочки». Когда вас ждать?

Зависло молчание.

— Где-то после одиннадцати.

— Тогда так — в одиннадцать тридцать.

И добавил, смягчив голос:

— Без опозданий, Анастасия Юрьевна! Буду признателен.

Томный вздох в трубку:

— Постараюсь, Михаил Семенович.

Анастасия приехала на десять минут раньше. Костюм на ней деловой — жакет в талию, юбка ниже колен, кофточка белая шелковая с жабо под горлышко, колготки, хотя большая часть женского населения города уже «голоногая», туфли на шпильках. Молодил профессионально наложенный макияж.

Михаил без пиджака, но при галстукке, встал при появлении Анастасии, вышел из-за стола, улыбнулся приветливо.

— Спасибо! Даже раньше приехали.

Усадил даму за приставной стол, сам сел напротив.

— Чай, кофе?

— Чаю, зеленого, если можно.

Анна подала чай, кинув ревнивый взгляд на посетительницу.

Сказала мысленно: «Фи-и-и, старая».

Купцов чувствовал себя несколько натянуто, ему не доводилось допрашивать женщину, с которой был когда-то близок. Анастасия пила чай и с явным беспокойством рассматривала следователя, как бы желая предугадать каверзные вопросы.

— Давайте, Анастасия Юрьевна, проведем совместное расследование. Я, — скажем так, старший следователь, вы ассистент. Расследуем убийство политического деятеля Никонова Зиновия Филипповича.

И, посмотрев на свои записи, продолжил:

— 1955-го года рождения, бывшего советника президента и бывшего депутата парламента.

— Завуалированный допрос? — в упор посмотрела Анастасия на следователя. — Отвечу сразу на предполагаемый первый вопрос: Зиновия не убивала! И не заказывала! Более того, уважала и обязана ему своим теперешним положением. Вытащил из заурадного ансамбля и сделал примадонной.

Обворожительно улыбнулась:

— Где расписаться, гражданин старший следователь?

— Спасибо за откровенность. Давайте попробуем нарисовать символический портрет Никонова. Каким он нравился, или не нравился окружающим. Говорят, был решительным, властным. Людей, может, обижало это. А кто-то, может, и завидовал ему?

После короткого молчания, Анастасия как бы стала размышлять вслух:

— Я, вероятно, удивлю тебя — Зиновий был человеком робким и испытывал постоянную потребность в самоутверждении. Жесткость — личина, за которую он прятался.

Она замолчала, глаза ее увлажнились.

— Продолжайте!

— Раньше как-то об этом не думала, но сейчас мне кажется, он убеждался в своей полноценности, полагая, что может овладеть любой женщиной.

— И как часто овладевал?

— Лет десять тому назад, Никонов, тогда управляющий строительным трестом, пригласил наш ансамбль «Божьи коровки» на юбилей своего главбуха. А потом взял шефство над нами. Как говорят сейчас — башлял. Даже на гастроли с нами

ездил. У ансамбля были постоянные финансовые проблемы. Наш продюсер, человек талантливый, но не деловой, подобную опеку принял с радостью. Впоследствии Зиновий выкупил у него ансамбль. Продюсер стал работать по найму художественным руководителем.

— Ладили они?

— Не всегда. Были у них какие-то финансовые конфликты.

— В каком плане?

— Подробности не знаю. Не то Зиновий не доплатил ему при покупке ансамбля, не то по контракту впоследствии. Бывшему продюсеру к тому же не нравилось, что Зиновий ухаживал за нами. Считал, это вносит раздоры в коллектив. А ухаживать за женщинами Зиновий был мастак непревзойденный. Перебрал весь ансамбль. Остановился на мне. Через год поженились. Я у него была третьей официальной женой. И у меня он был не первым мужем...

— Каким же? — спросил следователь.

Лицо Анастасии приняло невинное выражение.

— К делу не относится...

— Учите меня, как вести следствие? — многозначительно посмотрел детектив на собеседницу.

— Да, нет, — смутилась Анастасия, — говорю что думаю.

— Кто-то из бросивших вас мужей мог снова вспылать любовью. Уже к примадонне. Убрал соперника. После гибели Никонова не предлагали вам утешение?

— Никто меня не бросал, — отрицательно покачала она головой, — сама уходила.

— И все же?

— Мужей было два. Первый, безумно влюбленный одноклассник. В медицинский вместе со мной поступил, боялся — уведут. Спортсмен, красавец. Поженились на втором курсе. Спился после того, как стал Олимпийским чемпионом. Вытаскивала его из кабаков, притонов, вытрезвителей. Ушла, оставив на попечение матери. Тогда, бросив институт, уже пела. Шантажировал, грозился срывать концерты. Откупалась мелкими подачками. Потом он исчез.

— Фамилия?

— Соловей Вадим Петрович.

— А второй?

— Сейчас он миллионер, а может и миллиардер. Бывает на концертах, звонит иногда. Подолгу живет за границей. Семья — жена, трое детей.

— Не знаете, был ли он 17 июня 2002-го в Алматы?

— Да. На второй день после трагедии звонил, высказал соболезнования, сказал, что узнал из газет.

Анастасия ушла в себя, лицо ее стало непроницаемым, как у игрока в покер, у которого на руках королевский флеш.

— Фамилия?

— Можно, не буду говорить? Уж кто не имеет отношения к убиству, так это он. Не хочу, чтобы досаждали.

— Придется назвать, не тратить же деньги вашего свекра на подкуп работников загса.

— Коваль Сергей Тарасович.

— Известная личность. Кстати, наша беседа записывается на диктофон. На память свою не надеюсь. После завершения следствия все записи будут уничтожены. Продолжаем жить, — улыбнулся следователь первый раз после того, как Анастасия начала «исповедоваться».

— Сергей очень хотел детей. У меня не получалось... Потому и ушла. Сильно переживала, любила его. Были мысли свести счеты с жизнью. Да как-то стыдно. Мама еще была жива, для нее удар. Появился Зиновий. Энергичный, страстный. Поженились в девяносто седьмом. Он на пятнадцать лет старше. Стал как бы и отцом, и мужем. Своего отца я не знала. Два года — сказка «Тысяча и одна ночь». Потом обыденность, откуда-то вылезли недостатки, которые раньше не замечались. Увлелась бывшим продюсером. Обходительный, талантливый музыкант. Врать не умела, рассказала мужу. Предложила развестись. Зиновий только рассмеялся: «Разводиться по таким пустякам?..» Перестали общаться по душам. Делали вид. Он — семьянина, я — замужней, благонаправной дамы.

— Продюсер тот, кто он?

— Ха-ха-ха! — рассмеялась звонко певица. — Заревновал! — ткнула изящным пальчиком. — Так я тебе и сказала...

— Придется, иначе буду выяснять по другим каналам.

— Патрик Вейтцнер. Шесть лет как живет в Лос-Анджелесе.

— Не приглашал вас в Америку?

— Летала за год до трагедии. Пела. Без особого успеха. Семья у Патрика...

— Вычеркнули Патрика, живем дальше.

— Зиновий, когда застукали его в бане с девицами, стал блюсти мораль. Завел домашний гарем — горничная, повариха, редакторша. Книжки же писал. Женский персонал сам нанимал. «Любимой женой» была повариха. Ветреная особа. Я это без укора, сама такая.

— Находил ли Никонов удовольствия вне «гарема»?

— Утверждать не могу, но думаю — нет.

Голос Анастасии, лишенный модуляции, не сочетался с изящной жестикуляцией. Руки ее были в постоянном движении.

— Кто мог желать смерти Зиновия Филипповича?

Анастасия пожала круглыми плечами.

— Уверенно скажу — только не я.

Помолчав, добавила:

— Нет особого желания излагать дальше подробности личной жизни. К делу они прямого отношения не имеют

Михаил нутром следователя чувствовал — Анастасия не до конца откровенна, возможно, выгораживает кого-то. Веско произнес:

— В интересах следствия желательно знать о ваших поклонниках. Были же они у примадонны!

На лице певицы отразилось неподдельное возмущение:

— Вначале ты препарируешь мою жизнь, а сейчас намерен раздирать ее по кусочкам!..

— Извините, Анастасия Юрьевна, я лишь хотел...

— Извиняю, — перебила она.

Взгляд ее блуждал где-то очень далеко.

— И хватит, устала я.

— Спасибо за откровенность, — мягко произнес Михаил, — вы очень помогли. Анна вас отвезет, скажете куда.

— На машине я.

Михаил проводил Анастасию до калитки. Поцеловал неловко протянутую руку. Попросил передать гувернантке Екатерине, чтобы та позвонила.

Вернувшись, детектив сел в плетеное кресло на веранде. Попросил чая у Анны. Мысли бессистемно бродили в его голове. Анастасия так и осталась загадкой. Ее поклонники? Была ли у кого-то из них побудительная причина для ликвидации Никонова? «Гарем» надо допросить. Но вряд ли кто из «наложниц» стрелял в Никонова. Однако, может сообщить полезные для следствия сведения. Гульжан показалась детективу бесхитростной женщиной. Редакторша Нина Русина в бегах. Ее надо еще отыскать. Бывшие жены Никонова до Анастасии — кто они?

7

Третьего июня, на трассе Алматы — Бишкек в потоке машин ничем не выделялись два автомобиля: старенький Опель вишневого цвета и не первой молодости белые Жигули четвертой модели. Но, если присмотреться повнимательнее, можно заметить определенную закономерность. Расстояние между Опелем и Жигулями в любой отрезок времени в пределах 100-150 метров. Такое впечатление, что шофер Жигулей выслеживает немецкую иномарку.

За рулем «четверки» тот самый Феликс Урбель, портрет которого, со слов Ахмата нарисовал Петр Субботин. А ксерокопия того портрета в трепаном бумажнике Жилина — водителя вишневого Опеля. Даже комично — в передней машине портретик, а следом рулит оригинал.

Феликс Урбель, 1965-го года рождения еще со школы мечтал о карьере агента национальной безопасности. Насмотрелся фильмов о Джеймсе Бонде: Безупречный смокинг, галстук-бабочка, стальная взгляд, пистолет с глушителем. Агент 007 разъезжает на шикарных автомобилях, попивает мартини с водкой (смешать, но не взбалтывать!) и занимается любовью со всеми встречными женщинами. Причем встречаются ему исключительно роскошные красавицы. Соблазняя их, по ходу дела лихо расправляется с врагами. А враги готовят покушение на главу государства. Недоумки из его охраны пребывают в праздном безделье. Феликс (уже примерил на себя образ Бонда — в самый раз!) вычисляет террористов. Погоня, стрельба, рукопашная схватка. Лицо украшают шрамы, грудь — ордена!

В восемьдесят третьем Феликс поступил в Алматинское погранучилище. Здесь и готовили тогда агентов КГБ. Не хотели принимать из-за маленького роста. Продемонстрировал физическую подготовку — на руках прошел вдоль стола приемной комиссии. Генералу, начальнику училища, он понравился своей целеустремленностью.

— Шпиона будем готовить, — пошутил, — его в багажнике автомобиля можно перевозить через границу.

После окончания училища распределили было Феликса на пограничную заставу, но вмешался родной дядя по материнской линии — второй секретарь райкома партии, в идеологическую сферу влияния которого входило училище. Определили в КГБ, где Феликс начал протирать штаны в чине лейтенанта, а уже в КНБ суверенной Республики Казахстан дослужился до майора. На главу государства не покушались, тявкили как шавки из-под ворот завистники, за которыми он и следил. Сплошная рутина, никакой романтики. Да еще зарплата маленькая. Второй год на подержанную иномарку копит.

Курдайский перевал на Бишкекской трассе знаком Жилину с детства. Как себя помнит, каждой весной приезжали сюда с отцом грибы собирать, а по осени, когда он уже подросток, карабкались они по кручам, охотились на горных куропаток. Решил сегодня переночевать на перевале. Дело трехлетней давности потерпит еще сутки. Аню с собой взял, красоты здешние показать.

На сто девяносто восьмом километре дорога врзается в склон горы. Над асфальтной лентой нависают почерневшие за века от солнцепека скалы, поросшие местами бледно-зелеными лишайниками. Немного фантазии и видишь каменные изваяния богатырей, диковинных зверей и птиц. Загорелые скалы навевают размышления о вечности. Абсурдной кажется сама мысль, что когда-то придется и умирать...

Проехав по восточному склону перевала полтора километра, Жилин свернул влево на знакомую грунтовую дорогу, которая, пыля и грозясь опрокинуть машину на косогорах, привела на слегка покатое плато в два футбольных поля. Дорога пересекает плато по кромке глубокого ущелья с крутыми скалистыми обрывами и уходит в неизведанные дали.

По дну ущелья журчит ручей, образуя заводи, поросшие рогозом и камышом, царство лягушек и стрекоз. На противоположном склоне, перепархивая с уступа на уступ, перекликаются горные куропатки. По зеленому ковру плато разбросаны большие красные тюльпаны Грейга и мелкие желтые — Островского. Высоко в синеве неба парит беркут, высматривая добычу.

Жилин остановил машину на том самом месте, где останавливался отец. Выйдя из машины, как и отец, подложил камни под колеса. Следом вышла и Анна.

— Вот, Анюта, мое детство, — обнял Василий за плечо подругу, широко взмахнув свободной рукой. Анюта не упустила случая прильнуть к мужу. — С отцом здесь останавливались. Ничего не изменилось с тех пор! Помру, похоронишь тут.

— Только со мной, проси кого-то другого. Михаила Семеновича, например.

И без видимого перехода продолжила:

— Давай познакомим шефа с Зойкой. Помнишь же ее, симпатичная, фигурка...

— Помню?.. — прозвучал вопрос в голосе Василия. Он, не сисяясь, отыскивал это имя в недрах памяти.

— Надо подумать.

— Что думать-то, — возразила Анна с жаром, — он свободный, она — пионерка, всегда готова, — изобразила пионерский салют.

— Аня, кончай свои старые замашки, — без укора сказал Василий. — Сказал же — подумаю. Сейчас запарка, не до Зинки.

— Не Зинка, а Зойка!

— Зинка, Зойка, какая разница — между ног пирожок. Сказал же — не до баб ему, запарка.

Анна в скудной тени машины стала расстилать скатерку. Жилин разулся, снял джинсы, рубашку, лег на траву, блаженно предвкушая выпивку. Первейшее дело на природе!

Анна разложила на скатерке снедь: хлеб, яйца, сваренные в крутую, копченое сало, зеленый лучок, краснобокую редиску. Демонстративно выставила большую емкость с минеральной водой.

— Прошу, к нашему шалашу, — зазывно раскинула руки, продемонстрировав голливудскую улыбку.

— А это? — деланно обиделся Василий, изобразив некий размер, оттопырив мизинец и большой палец.

— Так как ее зовут? — прикусила Анна кокетливо нижнюю губу.

— Ну, Зойка.

— Вспомнил таки! Познакомишь?

— Момент же надо выбрать, а не так: Вот привел, между ног пирожок.

— Сам ты пирожок, — лукаво улыбнулась Аня. И на манер фокусника, раз за разом стала доставать из сумки стопки, бутылки разного калибра по емкости и крепости напитка. Нарочито долго протирала стопки, и, наконец, стала разливать. Наблюдавший за фокусом Василий одобрительно кивал головой. Плеснула она ему водки, как и себе, на донышко. Лицо Василия вытянулось. Обозрев с улыбкой обиженного мужа, пристально глядя на него, и выдержав красноречивую паузу, спросила:

— Когда, говоришь, знакомим?

— По приезду.

Долила до краев. Выпили, налегли на закуски.

Василий скаламбурил:

— Хорошо, когда выпьешь да ишо.

Бутылка опустела, снедь заметно убыла. Василий, с неизменной жизнерадостностью, заложив руки за голову, лег на спину, прикрыл глаза. Проплывали перед мысленным взором, как облака по небу, прожитые годы. Отец — механик завода Тяжелого машиностроения, с лихими чапаевскими усами и наколкой на левом плече — два парашюта под углом и надпись под ними: ВДВ. Такая же татуировка и на его плече, два года отслужил в воздушно десантных войсках. Вечно озабоченная мать у плиты, с причитаниями: «Ах, Боже мой, Боже мой!» Нинка Кожевникова из восьмого «Б», с огромными серыми глазами, нежным овалом лица, и чуть грустной улыбкой, первая, а возможно и единственная его пылкая любовь. Облака остановились, Василий задремал. Анна притулилась рядом. Боже мой, какое счастье, думала она! Давно мечтала стать чьей-то собственностью, заботился чтобы. Вот он, крепкий, надежный, отец ее будущего ребенка.

Феликс, подъехав к повороту на грунтовую дорогу, подождал пока Опель, пыля и кособочась на ухабах, скрылся из вида. Запер машину, подергал недоверчиво дверцы и крадучись пошел следом. Увидев минут через двадцать припаркованный автомобиль, по неглубокой балке, согнувшись, прокрался как можно ближе, залег на краю плато за скальными глыбами. В бинокль парочка хорошо видна. Сидят голубки, он что-то рассказывает, размахивая руками, она слушает, ловя каждое слово. Его благоверная давно бы ему рот заткнула: «Ты мне это сто раз уже рассказывал!» Хотел доложить обстановку шефу, для получения дальнейших указаний, но телефоны его молчали. И городской, и мобильный. Продолжил наблюдение. Ничего интересного, выпивают, закусывают. Феликс сам бы не прочь перекусить. В машине термос с чаем, бутерброды. Останутся ли ночевать? Если — да, где ему ночь коротать? Здесь на камнях, или в машине...

Вздremнув, Жилин поднялся, резкими движениями размял затекшие плечи, надел джинсы, обулся, достал из машины полотенце. Собрался уже спуститься к ручью, сполоснуться, как заметил отблеск линз бинокля. Метров сто пятьдесят, — определил расстояние.

— Аня, — сказал негромко, повернувшись спиной к наблюдателю, хотя тот не услышал бы и громкого разговора, — не штатная ситуация, за нами следят.

Анна непроизвольно начала крутить головой.

— Не дергайся, Аня, делай вид — посуду убираешь.

Анна, складывая в сумку оставшуюся еду и посуду, немного успокоилась.

— Так, — стал выдавать инструкцию Жилин. — Я как бы спускаюсь к ручью воды набрать. Огибаю плато и скрытно выхожу на наблюдателя с тыла. Ты же, чтобы отвлечь его, устраиваешь стриптиз, снимаешь с себя все, вроде собираешься загорать.

— Я стесняюсь. И боюсь.

— Бояться нечего, следят за нами и только, убивать не собираются. Разберемся.

Василий покопался в багажнике, сунул незаметно в карман торцовый ключ, взял пластмассовую канистру. Пустая, продемонстрировал наблюдателю, дурашливо облив остатками воды подругу. Скрылся за бровкой ущелья. Анна разулась, сняла байковую рубашку. Походив манерно возле машины, сняла джинсы. Вспомнив телевизионную передачу по каналу ДТВ «Голые и смешные», сняла и лифчик. Груды были полные с торчащими розовыми сосками. Феликс внимательно наблюдал

за ней. Ладная! А его корова толстеет все. Сам на ее фоне еще меньшим кажется.

Ловко карабкаясь по склону ущелья, не впервой здесь, каждый камень знает, Василий обогнул плато. Вот он коротышка, выпятив зад, рассматривает с любопытством Анну. Исчезновение Жилина не встревожило, в противоположную сторону пошел, да еще с канистрой.

Следак снял ботинки, бесшумно, подкрался к наблюдателю. Приставил к коротко стриженому затылку торцовый ключ.

— Подняли руки, — скомандовал поставленным голосом, — дернитесь — мозги вышибу! Вам это надо?

— Никак нет, — по-военному отрапортовал Феликс.

Жилин профессионально обыскал пленника, забрал документы, пистолет, мобильный телефон.

— Расслабились, — сказал буднично, успокаивая пленника. — Можете показать личико.

Поворачиваясь, Феликс ребром ладони, ударил бывшего мента по горлу. Удар получился ощутимый, на мгновение вырубил Василия. Наблюдатель побежал, спотыкаясь о камни. Остановил его выстрел...

Василий заглянул в удостоверение:

— Товарищ майор, — сказал сурово, — второй выстрел будет на поражение.

Феликс поднял руки. Тяжелыми ударами билось сердце. С едва заметным оттенком иронии Василий рассматривал пленника. Это был невысокий человек, хорошо сложенный, с волевым подбородком на округлом лице, маленьким вздернутым носом и большим ртом. Василий даже удивился, как он мог так ощутимо ударить. Надо бы разочек двинуть, руки чтобы не распускал, но бить такого маленького, все равно, что ребенка.

— Так-то лучше. Подходите, я не обиделся, — пригласил, как ни в чем не бывало. Включил диктофон своего мобильного телефона на режим записи. А заодно и сфотографировал пленника с поднятыми руками. Получилось очень комично.

— Гитлер капут, опускайте руки, и не вздумайте брыкаться. Весовые категории разные. Ушибу. Кто я — знаете. Кто вы — теперь знаю и я. Начнем объясняться в любви. Что надо?

Феликс несколько успокоился — бить не будут, убивать не собираются. Да и за что? Лицо разгладилось, осталась лишь опaska во взгляде.

— Что надо? — повторил вопрос Жилин.

— Слежу за вами.

— Зачем?

— Приказали.

Жилин сунул пистолет за пояс, поставив на предохранитель.

— Давайте подробнее.

— Мое начальство предполагает — в Бишкеке вы должны встретиться с некой Русиной. Должен ее задержать и доставить в Алматы. Нужна она им...

— Кому им?

— Начальству, не мне же.

— Конкретно, фамилии, должности. Только не врать, иначе... — сделал Жилин угрожающее движение рукой со сжатым кулаком. — Да вы присядьте.

Урбель сел на камень, стал массировать затылок. Герой из него не получился. Поднял глаза на бывший «объект» наблюдения. Недооценил его.

— Окажись вы на моем месте, стали бы отвечать на подобные вопросы? — спросил тусклым голосом.

— Вы что, намерены меня допрашивать? — повысил Жилин голос.

— Нет, просто спросил.

— Просто отвечу — спрашивать сейчас, моя прерогатива. Говорите!

Урбель назвал несколько фамилий, с указанием должностей и номеров служебных телефонов.

Одного из них Жилин знал, не врет. Как поступить с пленником? С гэбэшниками лучше не связываться открыто. Решил — пусть до Бишкека «сидит на хвосте», там видно будет. Может и сгодится...

— Ваша машина где? — спросил дружелюбно, как у сообщника.

— Там, — вытянул пленник руку, — на трассе.

Феликс, с явным беспокойством, ждал дальнейшего развития событий. Жилин понимал — недопустимо без надзора надолго оставлять транспорт на оживленной трассе. Могут сообщить полиции. Те начнут прочесывать окрестность. Надо принимать срочные меры.

Подсел ближе к пленнику.

— Интересное кино, майор, — переключил диктофон мобильного телефона на режим прослушивания, демонстрируя на дисплее снимки с поднятыми руками.

— Как, думаете, начальству вашему концерт и пантомима понравится?

Ответом было красноречивое молчание.

— И я того мнения. Запоминайте, майор, с одного раза, повторять не стану, — растянул Жилин улыбку во весь рот, — с сего момента вы мой агент. А я не стану информировать ваше

начальство о ваших подвигах. Рапอร์ตуете им: «Продолжаю слежку, ничего необычного». И никакой самостоятельности. Доходчиво излагаю?

Урбель согласно кивнул, облизав нервно сухие губы. Сердце ударило молотом, хаотичные мысли цеплялись друг за друга: «Выберу момент, вырублю». Жилин перехватил его взгляд...

— Если у вас, господин Урбель, что и получится, все равно вам не завидую. Запись и снимки переправлю своему шефу. Он сообразит как распорядиться. К этому вопросу больше не возвращаюсь. Отдыхайте. Утром, часиков в десять, встречаемся на трассе, уточним дальнейшую субординацию.

Жилин отдал документы и разряженный пистолет. Застрелится еще дурак под настроение.

На том и расстались. Василий поспешил к машине. Анна, все еще раздетая, была на грани срыва. Обнял.

— Все, Нюра, все! — сказал ласково. — Потолковали по душам, расстались друзьями.

Анна с запозданием заплакала, хлюпая носом. Стало тепло на душе Жилина, и от прикосновения ее горячих грудей, и от сознания: Любит она его, любит...

— Ну, вытерли сопли! — счастливо улыбнулся Василий.

Позвонил по мобильному телефону Купцову. Доложил. Переслал записи.

— Что еще? — спросил Михаил.

Жилин задумался, предлагать — нет. Решил все-таки:

— Заторможенный он, не откровенен до конца. Подлянку по глупости может сотворить. Подмазать бы.

Купцов выдержал паузу, обдумывая ситуацию. Подкуп должностного лица при «исполнении»? Впрочем, их же метод...

— Не вижу причин, почему бы и нет. Сколько?

— Ну, хотя бы тонну зелени.

— Обещай пять, если будет за что.

8

Четвертого июня детектив приехал в офис рано, восьми не было. На небе ни облачка, день обещает быть жарким. Лучи солнца, сквозь раскрытые окна, врываются в кабинет, делят его на два квадрата — светлый и темный. В светлом квадрате уже припекало! Купцов не любил кондиционеры. Простужался. Да и без простуды, голова от них болит. Заварил зеленый чай, вышел на воздух, держа в одной руке заварной чайник, в другой пиалу, расположился на просторной, обвитой виноградом, веранде. Дверь офиса оставил открытой, телефон зазвонит, будет

слышно. Ждал звонка Екатерины, домработницы Никоновых. Плеснул из чайника на донышко пиалы, прихлебывая горячий напиток, вспомнил знойный Узбекистан, где и пристрастился к чаю. Там только им и спасались от жары. Как-то в Самарканде забрел в чайхану. Хозяин, полагая, что русский человек, да еще молодой, не соображает в крепости напитка, решил сэкономить на заварке. Михаил не то чтобы возмутился, а как бы похулил напиток. Возмутился сам чайханщик: «По калькуляции положено заваривать чай второго сорта, а я за свои деньги покупаю первый, смешиваю со вторым, чтобы лучше было!» Рассмешил...

В Самарканде познакомился с будущей женой, студенткой педагогического института. Семью ее перед войной сюда депортировали из Баку. Немцы, те кофе предпочитают, нет пристрастия к чаю, как у англичан или японцев, или у тех же узбеков.

Как там Марта среди немчур? — бродили мысли в голове. — Прожили столько, сына на ноги поставили и оказались чужими...

Воспоминания о прошлом перемежались с делами насущными. Екатерина должна бы уже позвонить, вчера и Ахмата попросил ей напомнить, и Анастасию. Анастасия называла домработницу гувернанткой. Вроде титула. Детей нет, некого воспитывать. Екатерина выполняла обязанности прислуги.

Дождался таки. Звонок. Детектив прервал свои воспоминания, буркнул в трубку:

— Купцов, слушаю вас.

— А это Екатерина, — низкий голос из трубки.

— Познакомиться бы надо, леди, — с явной настойчивостью произнес детектив.

— Ресторан! — бойко выпалила Екатерина, не то всерьез, не то шутя.

— Предлагайте.

— Вы сейчас где, в офисе Никоновых?

— Сюда же звоните...

Договорились на десять.

Купцов пытался воссоздать внутренний мир Зиновия Никонова. Тогда, полагал, добытые факты, как детские кубики, выстроится в определенный рисунок, который и поможет выявить причину — за что его убили. Что-то не сходилось, не доставало для полноты картинки каких-то «кубиков». Показания опрошенных порой противоречивы. Люди вообще склонны представлять других такими, какими им хочется их

видеть. Со слов строптивой Анастасии — Никонов робкий, не уверенный в себе. И на портрете Виргинии изображен таким же. Со слов Ахмата — жесткий, властный. Для Гульжан — нежный, заботливый. Не однозначно о нем отзывались и журналисты. У одних он неподкупный правдолюбец, у других — пустобрех, популист.

У детектива пока не определился подозреваемый под первым номером. И нужен ли он без доказанных фактов? Купцова в начальной стадии расследования всегда настораживало обилие косвенных улик против одного из фигурантов дела. Как в детективных романах. Но там никогда не оказывается преступником тот, кого заподозрили первым. Пока таковой с натяжкой можно считать Анастасию. У нее было достаточно побудительных причин избавиться от мужа — семьи по сути уже не было, после его гибели приобрела полную свободу, и материально хорошо поимела. Добавят ли что существенное показания Екатерины...

Михаил ревизовал бар. Анна ключ оставила. Запирала от мужа. Михаил знал пристрастие Жилина к спиртному, но относился снисходительно. Работе это не мешало, иной, вон, и хлеб не ест, а дурак дураком.

Соловьиная трель домофона прервала мысли. Пошел встречать.

Перед раскрытой калиткой стояла элегантная, среднего роста женщина, возраст которой стремительно приближался к тридцати. Приятная фигура, большеerotая, с быстрыми карими глазами, гривой иссиня-черных волос, ниспадающих на спину.

Екатерина не была красива в обычном смысле этого слова, но миловидна. Цепким взглядом она окинула детектива с ног до головы.

Обменялись улыбками. Екатерина при этом, как бы специально продемонстрировала великолепные зубы. Прошли на веранду. Купцов усадил гостью, сам сел напротив.

— Мартини, или покрепче? — предложил, помня обмолвку Ахмата, что та не прочь опрокинуть стопку.

— Кофе, если можно.

Купцов сходил на кухню, принес кофейные чашечки, растворимый кофе, сахар, печенье, закипевший чайник. Екатерина, одернув юбку, закинула ногу за ногу, закурила без аффектации.

— И что вам от девушки надо? — посмотрела визитерша на Михаила пристально, не скрывая этого.

Бойкая, отметил детектив, такая способна совершить поступок! Решил ошарашить девушку неожиданным, провокационным вопросом. Проследить за реакцией.

— И за что вы так ненавидели Зиновия Никонова? — пронзил взглядом насквозь.

Екатерина звонко рассмеялась:

— Вопрос на засыпку?

— Хотите сказать, любили?

— Курочку Рябу? За каждый трах получала бонус. Да, любила за денежки.

Купцов, не ожидавший такого откровения, спросил, чтобы хоть что-нибудь сказать:

— Оружие у вас есть?

— Как у каждой женщины, под юбкой, — бросила Екатерина вульгарный взгляд вначале на Михаила, потом, как бы приглашая его взор, на чуть раздвинутые круглые колени.

— Понятно, — промямлил детектив, смутившись.

Екатерина, довольная произведенным эффектом, спросила с притворным чистосердечием:

— Обыскивать будете, или как?

— Еще чего...

Припомнился конфузный случай. Как-то возле Зеленого базара, пристала молодая цыганка с гаданием: «Скажу — что было, что будет, чем сердце успокоится...» Михаил помнил, что было, а что будет, его по молодости не заботило, стал подначивать, выдавая двусмысленные комплименты. Губы цыганки сложились в горькую складку, изобразив презрительную улыбку. Неожиданно она вывалила конусообразную грудь из ворота просторной красной кофты и, сжав сосок, обрызгала струей молока лицо Михаила.

Купцов, прежде чем задать следующий вопрос, обдумывалого, наблюдая за бойкой собеседницей. Совершенно простодушное лицо. Однако Купцов не был уверен, что простодушные это искреннее.

— С Никоновым, когда познакомились?

— Подробности? — ее темные глаза встретились с глазами детектива.

— Ну, если по существу.

— Отвезете домой?

— Не вопрос.

— Тогда налейте. Лучше водки.

Михаил сходил за бутылкой и стаканами. Екатерина сама налила себе, отодвинув стакан Михаила.

— Вам же за руль садиться.

Выпила залпом.

— С Зямой познакомилась, когда и Настя. Пели в ансамбле «Божьи коровки». Коров было три — Настя, я и Соня

Карчевская. Сейчас она в Москве проживает. Кордебалет из шести телок. Зиновий перебрав всех, остановился на Анастасии, стал раскручивать ее. Выписывал специалистов клипы снимать, аж из самой Америки. Пиарил с большим успехом, — поджала она губы. — С таким же успехом мог бы «раскрутить» меня или Соню.

Намеренно растягивая слова, повышая голос на последнем слове фразы, Екатерина как бы спрашивала собеседника: «Ведь так?»

— Анастасия, — криво улыбнулась она, — сами знаете, стала успешно солировать, ансамбль наш после ее ухода распался. Вот и вся биография.

Детектив кивнул — понятно, дескать.

— После где выступали?

— Пела какое-то время в ресторане «Версаль», пока не выгнали, — подняла глаза на бутылку.

Екатерина говорила с удивительной легкостью, будто и не про свое прожитое. Купцов не перебивал, хотя большая часть сыпавшихся слов к делу не относилась.

— Сейчас прислуживаю, — сказала она горестно, — редко когда пою на ее концертах. Хулиганю. Хотите послушать?

Михаил растерялся, никто из его подследственных еще не пел на допросах.

— Ну, если...

— Если, если, — мило улыбнулась Екатерина. После третьей стопки карие глаза ее стали масляными.

Спела хрипловатым контральто романс про «бананово-лимонный Сингапур» из репертуара Вертинского, употребляя смачные слова, которые в подпитии позволял себе маэстро. Из ее уст звучали они не скабрёзно, даже поэтично.

— Bravo, — похлопал сдержанно Купцов. Хотя романс ему понравился.

Екатерина жеманно улыбнулась.

— И еще вопрос, не было ли у вас, э-э, — замялся Купцов, — недоразумений с Анастасией из-за увлечения Никонова вами?

Екатерина первый раз задумалась, глядя на детектива лишенными выражения глазами. Лицо ее оставалось неприкосновенным.

— Были, конечно, но не такие, чтобы убивать кого-то из них.

— Вы знали, что у Никонова есть револьвер?

— Об этом знали все. Иногда он по бутылкам во дворе стрелял.

— Вам не предлагал?

— Если вас интересует, умею ли обращаться с оружием, скажу однозначно — да.

— И последний вопрос. На сегодня. Кому, по-вашему, была выгодна смерть Никонова?

Екатерина провела ладонями по лицу, как бы снимая маску. Лицо под маской оказалось старше лет на пять.

— Честно?

— Только так.

— Из тех, кто контактировал с Зямой, заподозрила бы Настю. Только не подумайте...

Екатерина, погружаясь в свои мысли, не закончила фразу. Но и так понятно, когда-то Зиновий предпочел Анастасию.

— Зачем это ей? — спросил детектив с сомнением. — Она и так все имела и была свободна.

— Да уж куда там? — вопросительно подняла брови Екатерина.

— Хотя отношения у них и были сугубо показные, не могла же Настя открыто приводить домой другого мужика.

— Кто он другой?

— Этого я не знаю. Не слежу.

— Но предполагаете?

— Предполагать, подозревать — ваша работа...

Зазвонил городской телефон. Михаил извинился, прошел в помещение. Екатерина в его отсутствие опрокинула еще стопку. Расстегнула две верхние пуговицы облегающей кофточки, опасно выставив углубление между грудями.

Звонил Филипп Кузьмич. Просил встречи.

— У меня сейчас Екатерина Сергеевна, — сообщил детектив, — подъезжайте минут через двадцать.

— Да не спешите.

— Уже заканчиваю допрос.

Михаил, вызвав по телефону такси, вернулся на веранду.

— Филипп Кузьмич подъедет скоро, — сказал деликатно. — Такси вам заказал.

Губы Екатерины сложились капризным бантиком, как у маленькой девочки, перед тем, как она вот-вот захнычет. Посягни он сейчас на ее добродетель, встретил бы слабый отпор.

Подъехал таксист. Купцов пошел провожать гостью, и, усаживая в автомобиль, спросил буднично:

— Не припомните, где были в ночь с 17 на 18 июня две тысячи второго года?

— Проверяете алиби?

— Формально, можно сказать.

— Ожидала подобной вопрос. Наверное, у себя дома.

— Кто-то может подтвердить?

— Только сама. Что-то не так?

— Спасибо, — произнес Михаил задумчиво, оставляя Екатерину в списке подозреваемых.

Екатерина бросила на детектива прощальный взгляд, спрятав разочарование за улыбкой.

Филипп Кузьмич деликатно позвонил, хотя калитка и была открыта. Пошутил:

— Это Скотланд-Ярд, не ошибся адресом?

Смеющиеся глаза молодили его.

— Казахстанский филиал!

Михаил, помня ресторанчик в парке, где Филипп Кузьмич заказывал мартини, выставил бутылку BIANKO. Для него и держал. Но заказчик, печально вздохнув, помотал головой.

— Какие прогнозы? — поинтересовался.

— В нашем ремесле прогнозы противопоказаны, — посмотрел Михаил с открытым дружелюбием на визитера. — Обычная сыскная работа — на основе побудительных причин выявляем подозреваемых, проверяем алиби, постепенно сужаем круг фигурантов...

— И кто в там круге?

— Вначале кого нет. Просмотрев оппозиционные газеты того периода, думаю, это не политический заказ.

Никонов согласно кивнул. Взгляд его был пронизательный, словно хотел прочитать не высказанные мысли детектива.

— И кого же все-таки подозреваете? — прервал Филипп Кузьмич затянувшееся молчание.

— Пока всех, кто окружал вашего сын, исключая разве что вас. Осталось допросить журналистку Русину, бывшего мужа Анастасии — некого Ковалю и бывшего шофера Зиновия Филипповича.

— Вчера только звонил.

— Шофер?

— Ну, да. Просится на работу.

— Вы вроде уволили его?

— Сам уволился после аварии, никто не принуждал.

— Продолжайте.

— Екатерина разве не рассказала, что машину она грохнула?

— Новость для меня.

— Роман у них был. После гибели Зиновия. Вбалмошная эта кого угодно сожрет. Выпили на природе, Катя и газанула на валун. Валера на себя аварию взял. Когда восстановил машину, уволился. Думаю, не хотел больше с Катей встречаться.

— Как она в дом Никоновых попала?

— С Анастасией раньше выступала. После развала ансамбля певчего и приласкал ее Зиновий. Озорные были девчонки...

— Могла Екатерина совершить преступление?

— Убили бы Анастасию, можно бы заподозрить...

— Не ладили?

— Фавориткой всегда себя считала. Даже потом, при жизни Зиновия, будучи в прислугах, на хозяйку покрикивала.

— А сейчас?

— Обе веселые вдовы, — горько улыбнулся Филипп Кузьмич.

— Извините мой скепсис, вас не соблазняли?

— Полагаю, наняли вы меня не дамочек ублажать, — сказал детектив с некоторой ноткой иронии, ничуть не обидевшись.

— Пошутил, извините.

— Проехали, — подвел некую черту следователь. — Вас, наверное, интересует, на что деньги за прошедшее время истрачены?

— Не собираюсь ревизовать.

— Тем не менее, коротко доложу: Нашли машину Русиной. Сама она улетела в Москву 18 июня, получается на следующий день после убийства. Боялась, похоже, чего-то... Мой помощник Василий Жилин сейчас в Бишкеке, встречается с матерью Русиной. Выявляет место пребывания дочери. Туда же выехал сотрудник КНБ майор Урбель. Тоже интересуется редакторшей. Нейтрализовали.

— Да вы что?.. — прошептал Никанов в полной растерянности.

— Завербовали.

— А-а, — одобрил заказчик коррупцию в силовых структурах, — Расходы, понятно... Не возражаю.

— В пределах разумного.

Филипп Кузьмич вопрошающе посмотрел на детектива, в ожидании информации, полученной от гэбэшника.

— Пока все, — поднял глаза детектив. — Если дело не коснется политики с черного хода, через неделю, другую закончим. Да, все хочу спросить, как вы намереваетесь поступить с киллером?

Никонов задумчиво посмотрел на детектива.

— Передать властям, наверное... — сказал неуверенно.

— А он нужен им?

— Не торопите события...

9

На Курдайском перевале забрезжило утро. Ночь не принесла прохладу. Раскаленные за день скалы сушили воздух, исключая выпадение росы. Посветлела полоска неба на Востоке. Утренний

свет постепенно просачивался в ущелье. На противоположном склоне плата вкопала горная куропатка, сзывая выводок на утреннюю кормежку. Жилин осторожно, чтобы не разбудить, освободил онемевшую руку из-под головы Анны. Она счастливо улыбнулась во сне. Полюбовался изгибом уголков ее губ.

Ловко прыгая со скалы на скалу по знакомой тропке, Василий спустился на дно ущелья. Вот и родник, из которого они с отцом набирали воду для чая. Василий умылся, сел на теплый камень. Будучи пацаном, называл его слоником — округлая спина, голова и выступ, похожий на хобот.

Монотонно журчит вода, как бы рассказывая про события минувших веков. По сути, Василий так и остался ребенком. Прикрыл глаза, стал фантазировать под шум воды. Видение его внутреннему взору: саблезубый тигр, осторожно переставляя лапы, бесшумно крадется к роднику. А это кто?! — ужаснулся Василий, увидев возле родника сидящую на слонике (сотни лет назад камень здесь же лежал) девушку небывалой красоты. Да это же Анна! Расчесывает деревянным гребешком длинные черные волосы. Тогда не стриглись. Тигр припал на передние лапы, готовясь к прыжку! Василий поднял двумя руками большой скальный обломок, бросил в зверя. Раненный хищник кидается на обидчика. И крик:

— Вася! Вася!

Это уже наяву. Аня, неловко хватаясь за колючие кустарники, спускается по крутому склону. Босая, в одной сорочке.

— Стой, где стоишь! — замахал руками Вася. — Не то сорвешься!

Он легко взобрался по откосу, словно взлетел, и, крепко держа за руку, помог Анне спускаться к ручью. Сели на слоника. Ему хоть бы что! Он и десятерых выдержит.

— Давным-давно, в прошлой жизни, здесь был мой дом, — фантазирует на полном серьезе Василий. — Здесь вот жил, — широко взмахнул рукой, привлекая взор подруги.

— А я?

Глаза Анны смотрели тревожно.

— А где я жила?

— Здесь и жила, вместе жили...

Анна задумчиво произнесла:

— Хорошо, что и в этой жизни встретились.

— Иначе и не могло, звезды же руководят, — сказал Василий, посмотрев оценивающе на фигуру жены. Вроде поправилась...

— До нас им, делать им больше нечего... — улыбнулась Анна.

— Сам читал.

Анна, зная, что муж не отягощен избытком интеллекта, подтрунивала иногда.

— На глухом заборе пацаны написали слово из трех букв. Старая дева с трудом вскарабкалась на забор и сильно огорчилась. Дрова там оказались, и ничего больше.

Рассмеялась звонко.

— Вот и верь всему, что написано...

— Дрова это хорошо, — прокомментировал серьезно Василий.

— Ты ничего не замечаешь?

— Что я должен заметить?

— Курить бросила. Два месяца как...

— И верно...

Анна прижалась к мужу.

— Врач сказал ребеночку вредно, — прошептала.

Ее темные глаза светились счастьем.

Василию понадобилось некоторое время осмыслить информацию, когда дошло, сердце его переполнилось бесконечной нежностью. Бурно прореагировал, закружил, подхватив жену.

— Э-э-эх!

— Тише ты, — стучала кулачками Аня по плечу мужа. — Головка у ребеночка закружится.

— Мальчика?!

— Мальчика, мальчика. Рожу тебе сразу сержанта полиции! В сапогах и с погонями.

Василию захотелось, чтобы рядом оказался отец. Вот бы порадовался! У его братьев и старшего, и младшего, одни девки нарождались. А тут мальчик, продолжатель рода — Макар Васильевич! Уже и имя дал. Деда.

Ниже по ручью склон ущелья пологий, там и стали подниматься. Василий не отпускал руку жены. Да и она остерегалась:

— Осторожней, осторожней, папочка!

Вернувшись на трассу, Урбель давясь перекусил. Без аппетита. Будь они все прокляты! И его начальник, и этот мордастый со своей голой девкой. Надо же, удумал стриптиз устроить, отвлечь его. Хитро!

Разложил сидения Жигулей, стал приспосабливаться ко сну на неудобном ложе. Долго ворочался. Герой из него не получился, прокололся как последний лох. Обида бередила душу, не давала покоя. Задремал только под утро. Сон ему: секретарша шефа Виктория глазки строит. Умеет старый хрен кадры подбирать! Обнял секретаршу, прижал, стал расстегивать кофточку.

— Я сама, — прошептала она горячо.

И тут грохот! Стучит кто-то. Шеф, как всегда, не вовремя...

Проснулся. Стучали по крыше автомобиля. Виктория исчезла, оставив Феликса на Курдайском перевале в компании с его отвратительным настроением. Возле машины стоял человек, выражая нетерпение, с бляхой гаишника на груди. Майор вышел из машины, с капризной миной на заспанном младенческом лице. Подтянул сползающие полосатые трусы, презрительно посмотрел на гаишника, словно на глаза ему попался предмет мебели, стоящий не на своем месте. Гаишник, сузив глаза, оценивающе посмотрел на баклана. Сам — пустяк, машина — развалюха... Что с такого взять? Да и за что? Стоянка здесь не запрещена, будь он даже пьян.

— Че надо, козел? — процедил сквозь зубы Урбель.

Голос звучал холодно и безразлично. Мог Феликс себе позволить подобную фамильярность, на погонах гаишника всего две маленькие звездочки.

Лейтенант с решительным загорелым лицом поигрывал полосатым жезлом, коим только что стучал по крыше автомобиля.

— Права и документы на машину!

— А пошел бы ты, знаешь куда...

Подошел второй гаишник, стоявший до этого на противоположной стороне дороги возле машины с мигалками.

— Вован, — блеснули зубы первого, — слышал, как он нас обозначил?

— Слышал, а ты возрази, — угрюмо посоветовал второй.

Получив удар под дых, Феликс согнулся пополам, хватая открытым ртом воздух. Гаишники закурили, ожидая пока баклан надышится.

— Я майор КНБ, — простонал Урбель.

— А я мама римская, — пошутил первый гаишник, постукивая выразительно жезлом по ладони. — Права и документы на машину! — повторил приказ.

Разобрались — кто есть кто. Гаишники виновато топтались возле Жигулей, Феликс надел штаны, принял надменный вид. В голове подзуживал злобный хорек: «Сдай вчерашнего обидчика, сдай. Скажи этим — бензобак с двойным дном, наркоту перевозит». Однако, здравый смысл, гнал хорька: «Приказ, следить безотрывно».

Тут и сам Жилин вырулил на асфальт. Гаишники замахали радостно жезлами. Деньги халявные привалили! Наверняка мужик с бодуна, красotka вон рядом. Не чай же распивали на природе...

Феликс дал отмашку:

— Эти со мной.

Жилин, развернул машину по направлению к Бишкеку, заглушил двигатель. Анна смотрела на мужа со страхом.

— Нюра, расслабься, — произнес он мягко. — Все схвачено! Поведаемся сейчас и поедем.

— Куда? — шепотом спросила Анна.

— Куда и ехали, к киргизам.

Василий, демонстрируя спокойствие, специально для Анны, вальяжно пошел к гаишникам.

— Пост ваш где, господа хорошие? — смерил их властным взглядом.

Те взяли под козырек:

— На семьдесят пятом километре!

— Свободны!

Гаишники поспешили к своей машине. Василий подошел к Жигулям, распахнул дверце.

— Доброе утро! — искренне улыбнулся Феликсу, как будто и не было вчерашних недоразумений.

Тот что-то буркнул в ответ, и, подавившись слюной, закашлялся. Не спрашивая разрешения, вчерашний обидчик сел в машину. Майор, как мог, маскировал неприязнь.

Подражая Купцову, Жилин устроил нечто вроде планерки.

— Ну, — посмотрел начальственно, — докладывайте обстановку, майор.

— Вчера все сказал.

— Играем в одни ворота. И, не дай вам Бог, огорчить меня.

Урбель с тоской проводил взглядом отъезжавших гаишников.

— Сюда смотрим, — жестко сказал сыщик.

Урбель неохотно повернулся к нему, нервно облизнул губы кончиком языка.

— Обсудим совместные действия, — смягчил Жилин голос, и, доброжелательно посмотрев на Урбеля, спросил:

— Какие ваши планы?

— Согласно приказа — следить за вами

— Чтобы облегчить работу вам и себе проинформирую: в Бишкеке навещаю родителей Русиной. Выявлю местопребывания их дочери — Нины Семеновны. И вам же она нужна. Так?

— Нужна.

— Зачем?

— Важной информацией владеет. Бомбой замедленного действия, — повторил агент чьи-то слова.

Жилин достал мобильный телефон. Посмотрел на дисплей — зона покрытия полная. Набрал номер. Голос Купцова из трубки:

— Да Василий! Ты где?

— Один момент, — ответил сыщик, поглядев на агента КНБ.
— Погуляйте, — приказал, — с шефом секретный разговор.

Феликс нехотя вышел из машины. Командуют тут всякие...

— На Курдайском перевале я, из машины Урбеля звоню.

— Понятно.

— Через пару часов на месте будем. Нельзя его отпускать, себе проблемы создадим. Да и в Бишкеке может пригодиться.

— Разумно!

— Вчерашний разговор остается в силе?

— Как сказал — пять тысяч. За дело, понятно.

— О' кей! Указания какие?

— Сам все решай по обстановке. Удачи!

— И вам хорошего дня!

Доклад на этом закончился. Василий просигналил агенту, считая его уже своим подчиненным. Тот вернулся с кислой миной.

— Веселее, майор, — улыбнулся Василий. — Сообщение из центра приятное — ваша информация будет щедро вознаграждена.

Урбель с опаской посмотрел на Жилина. Да нет, похоже не провоцирует, не достает пачку меченных купюр. Да и кто он такой? Частный сыщик всего-то.

— Сколько? — спросила агент КНБ, демонстрируя обыденность разговора.

— За ценные сведения шайба из пяти штук.

Лицо агента заметно посветлело, проявился интерес. Заторможенный мозг, при упоминании денег, прибавил ходу. Иномарку он подержанную присмотрел, а с таким «довеском» можно новую взять.

Никакие чувства не отражались на лице Урбеля.

— Гарантии где? — спросил он.

— Слово шефа — гранит.

Урбель прогнал по извилинам мозга полученную информацию — торговля секретными материалами? Но он и так уже сказал почти все, что знал. Да и тайны государственной никакой. На своих, вон, работает за голую зарплату. А они хорошо имеют...

— Спрашивайте.

— Кое-что нам известно, потому рекомендую не фантазировать. Русина вам зачем?

— Сказал же уже — обладает некой секретной информацией.

— Обладает и пусть...

Урбель задумался, как бы прикидывая стоимость своей «секретной информации». Не дешевит?..

— Говорите, — подстегнул сыщик.

— Опубликуй она прихваченные документы — большие чины полетят. А кое-кто, возможно, на зоне приземлится.

— Кто конкретно?

— Из окружения президента.

— Понятно. Никонова, выходит, вы убрали?

— Этого я не знаю, но...

Феликс замолчал, шевеля челюстями, словно пережевывая недосказанные слова.

— Что, но? — повысил голос Жилин.

Его начали раздражать театральные паузы и недомолвки агента. Платят — пой соловьем!

— Говорили, помог кто-то нашим.

— И кто этот «кто-то»?

— Убийство явно спонтанное. Не стал бы профессионал инсценировать самоубийство двумя выстрелами. Да и вообще, киллеры работают на свежем воздухе. Отходить безопаснее.

Феликс опять замолчал, как бы отдыхая после длинной фразы. Болтуном не назовешь.

— Продолжайте, — примирительно сказал сыщик, уже свыкаясь с манерой Урбеля «тянуть резину».

— Моего шефа интересует рукопись Никонова. Незадолго до гибели обмолвился на встрече с журналистами — документальный роман пишет. Помогала ему журналистка Нина Русина. Предположительно, она и скрылась с компроматом на больших людей.

— Убийца Никонова вас не интересует?

— Зачем он нам? — вопросом на вопрос ответил Феликс.

— Вдруг да упомянутые документы у него...

— Убийство совершенно не по политическим соображениям. Аналитики КНБ просчитали.

— За что-то же тогда его грохнули?

— Из-за денег, — менторским тоном изрек Урбель. — Мировая статистика!

Жилин, расслабившись, откинулся на спинку сидения. Переключился на текущие дела.

— Феликс, давай на «ты», раз в одной команде. Меня Васей можешь звать.

Урбель криво улыбнулся. В его поведении появились оттенки превосходства.

— Васька, говоришь? — сказал не глядя на Жилина, словно он и не существовал. — Хорошее русское имя...

— Наглеешь прямо на глазах, — бросил взгляд Жилин на майора. Да ладно, сам такой. — Адрес-то Русиных знаешь?

— Садовая, 47. Дом частный, мать Нины там живет. Мужа в прошлом году схоронили.

— Бывал у них?

— Да, и после убийства Никонова. И потом...

— Ну, и? — вопрошающе посмотрел Жилин.

— Дочь не приезжала даже на похороны отца. Остерегается, видеть.

— Кого она так боится, Нинка эта? — спросил Жилин, как бы самого себя.

— Считает, видимо, Никонова мы убрали. Теперь за ней охотимся.

— Будете убивать? — простодушно спросил Жилин.

Агент помотал головой, прикрыв глаза.

— Нужны только документы. Без них она не опасна, что угодно может болтать. Да и не станет, привлечь же могут.

— Пока все, — подвел сыщик предварительный итог допроса. — Встречаемся на въезде в Бишкек, — оценивающе посмотрев на коротышку — стоит ли полностью доверять. — Тебе же звонить надо, — позаботился, как о своем человеке. — Скажешь, как есть: Объект, то есть я, заночевав на Курдайском перевале, едет в сторону Киргизии, продолжаешь слежку.

Пригрозил на всякий случай, тараща глаза:

— Ох, не вздумай работать на два фронта! Себе навредишь...

— И так получается на два фронта...

— Ладно, умничать-то, поехали!

При пересечении киргизской границы пограничники долго муржили Жилина. Машину два раза досматривали, изображая, как Геннадий Хазанов на концертах, выразительные мины. Василий простодушно улыбался, охотно отвечал на вопросы о цели своей поездки: «Жениться вот собрался, везет невесту друзьям показать».

Урбель же проехал пограничный пост без проблем. Даже козырнули ему киргизы, знают майора. Не первый раз границу пересекает...

— Хоть что-то дай, — шепнул Жилину, дернув подбородком, младший по званию пограничник. — Совсем что ли без понятий...

Пришлось отстегнуть установленные неведомо кем, и, неведомо какими соображениями, две сотни. Американских!

Поехали дальше. Аня дремала, время от времени вздрагивая. В полудреме ей не то снилось, не то она фантазировала, но была та логическая связь, какой не бывает в настоящих снах. Детство. Счастливое ощущение утра. Бежит она по бескрайнему полю к

своей деревне Топорино. Никак не может добежать, деревня все отдаляется. А тут пропасть! Вскрикнула, падая. Голос матери: «Нюра, маши руками!» Полетела паря, время от времени часто-часто взмахивая руками, как это делают птицы крыльями. Небо ясное, густо-синее. Внизу желтое, словно припудренное солнечной пылью пшеничное поле. А вот и деревня. Летит по улице Большевицкой чуть выше телеграфных проводов, натянутых между столбами. Покружилась, приземлилась во дворе дома № 26. Дом, оказывается, снесли, остался только каменный фундамент и два сиротливых корявых клена, под кронами которых она в детстве строила шалаш, создавая свой маленький мирок.

Подошла кошка, белая с рыжими подпалинами, стала, мурлыча тереться о ноги.

При въезде в Бишкек, Жилин, коротко посоветовавшись с Урбелем, пристроился за его машиной. Пропетляв минут двадцать по окраине города, Феликс, свернув на улицу Садовую, съехал на обочину. Василий припарковался рядом. Анна проснулась.

— Нюра, — прильнул Василий к жене, и, как теркой провел по ее нежной щеке небритым подбородком. — Выйди ноги разомни. Мы тут недолго...

Подошел к Жигулям.

— Ждешь меня здесь, — приказал майору. — Начальству доложишь, если надо. Веду, скажешь, наблюдение за объектом и домом Русиных. Что потом докладывать — война план покажет.

— Вот, — передал чекист миниатюрный микрофон со штырьком, — ближе к телефону прикрепишь. Мамашу Марией Федоровной зовут. Женщина сообразительная, не проколишь. Спровоцируй, чтобы после твоего ухода дочке позвонила. Тогда ее номер определим по жужжанию диска телефона.

— Класс! — первый раз доверительно, с уважением посмотрел Жилин на компаньона.

Дом за номером 47 добротный, рубленый, с палисадником, заросшим бурьяном. На звонок Жилина долго никто не подходил к калитке.

Переступив через невысокий штакетник, огораживающий палисадник, Жилин деликатно постучал в створку. За окном появилась женщина, с простым приятным лицом, с начавшими сесть волосами и умным, ясным взглядом светло-голубых глаз. Помахала рукой: идите, дескать, к калитке, выйду.

Лязгнула задвижка.

— Электричество то и дело отключают, вот и не дозвонились, — сообщила хозяйка, как бы оправдываясь. И с запозданием поздоровалась:

— Здравсьте, проходите!

У Жилина уже была заготовлена легенда.

— Не узнаете, Мария Федоровна? — сказал, стараясь говорить легко.

— Ну, как бы,... — растерялась женщина.

— С Ниной в одном классе учились, Костя я. Чухонцев.

— Как же я сразу-то не признала, — окинула мать Нины пришельца оценивающим взглядом. — Изменились. Прошло-то сколько...

— В восемьдесят пятом школу закончили. Нинка-то дома?

Мария Федоровна насторожилась.

— В отъезде.

— Жаль...

— Передать может что? Звонит иногда.

— Так давайте сами и позвоним, — улыбнулся гость с напускным простодушием.

— Номера-то ее не знаю. Она звонит, чтобы не тратилась.

— Записку можно оставлю?

— Проходите, — пригласила Русина, все еще медля у калитки. — Дома и напишете.

Жилин вслед за хозяйкой прошел в комнату, из окна которой та выглянула на стук. Комната просторная. Диван с валиками, ножная швейная машинка «Зингер» возле окна, стол круглый, застеленный льняной скатертью, посудный шкаф, нижний этаж которого представлен комодом. Жилин попросил попить,

— Может чаю, — засуетилась хозяйка.

— Тороплюсь я.

Пока Мария Федоровна ходила, Василий прикрепил микрофон к столешнице с нижней стороны. Написал записку на листке блокнота: «Нинок, позвони по номеру 87011111280. Костя».

Силки расставлены.

— Ну, пошел я. Завтра, если что, загляну.

— А не попили, — кивнула Мария Федоровна на стакан, что поставила перед ним.

Василий с удовольствием выпил.

Выйдя за калитку, Жилин метров двадцать прошел ускоренным шагом, потом припустил рысцей. Запыхавшись, заскочил в машину Феликса.

— Включай свою бандуру!

— Вот, — продемонстрировал чекист небольшое приемное устройство, что держал. — Включено.

— А теперь, Джеймс Бонд, мозги проветри! Далеко не уходи, может понадобится.

Феликс обиженно покинул машину. «Слушай, слушай, — подумал злорадно. — Мы потом...» Приемник автоматически записывал поступающую информацию.

Жилин услышал жужжание диска телефона. Длинные гудки. На том конце сняли трубку.

— Рекламное агентство «Радуга». Чем можем быть полезны? — отозвался поставленный, заинтересованный голос.

— Здравствуйте! Русину пригласите.

— Мама, это ты?

— Не узнала, доченька, волнуясь...

— Стучится что?

— Ничего особенного, Костя Чухонцев заходил. Оставил номер мобильного телефона. Просил тебя позвонить.

Три секунды показались Жилину долгой паузой.

— Мама, ты уверена, что это был Костя.

— Да, похож. Раздался, верно. Но такой же мордастый.

— Ты только не волнуйся, но у Кости есть номера моих телефонов. Мог сам позвонить.

— Боже ты мой!

— Мама, ради Бога, не волнуйся. Звонила на прошлой неделе Насте. Свекор ее — Филипп Кузьмич, нанял частного детектива, для повторного расследования убийства Зиновия. Скорее всего, он и был.

— Мордастый такой, и очень вежливый. Сказал еще зайдет.

— Не говори где я, и, конечно, не сообщай мои номера. Скажи, как есть, дочка, мол, сама звонит.

— Так и сказала. Юля как там?

— На музыку ходит, учится хорошо.

— Ну ладно, за деньги же говорим. Сама не волнуйся. Юлечку за меня поцелуй.

Щелчок, разговор прервался.

Жилин коротко просигналил, приоткрыв дверцу машины. Феликс занял свое место за рулем. Поинтересовался:

— Получилось?

— Отличная аппаратура! — похвалил Жилин, передавая приемник. — Включи воспроизведение записи. Только не говори, что нет такой функции. Не поверю.

— Я и не говорю, — сказал чекист, перехватив пристальный взгляд Василия. Не совсем дуб, каким показался вчера.

Жилин записал на диктофон звуки жужжания телефонного диска Марии Федоровны.

— Стоп, — скомандовал. — Теперь сотри это.

Феликс исполнил указание.

— Включи повторно.

Запись началась с фразы: «Рекламное агентство «Радуга». Чем можем быть полезны?».

— Эту запись и представишь начальству. Твой отчет о проделанной работе.

— Дальше что? — спросил Урбель.

— Пока все, Феликс Эдмундович, — улыбнулся Василий. — Берешь курс на Алмату.

— Альбертович! — поправил майор Жилина. — Деньги обещанные?

— Диктуй номер своей трубки. Созвонимся на той неделе.

— С тобой, Федя, — иронически улыбнулся Василий, записав продиктованный номер, — можно работать.

— Феликс, — поправил Урбель. — Феликс Альбертович.

— Кличка у тебя будет конспиративная — Федя, — свойски обнял Василий агента за плечо. — Ну, давай, счастливой дороги, — похлопал по спине.

После отъезда Урбеля, Жилин позвонил Николаю Рябову, киргизскому коллеге. Раскручивали вместе запутанное дело наркоторговцев. Николай оказался на месте.

— Сейчас прямо и подруливай! — обрадовался Рябов.

Улицы Бишкека были меньше запружены автомобилями, чем алматинские. Реже встречались дорогие иномарки, Все больше Жигули. Вот и знакомое серое здание. Хотя и были свободные места на ведомственной стоянке, дежуривший у входа полицейский дал отмашку:

— Нельзя здесь ставить машину!

— К Николаю Петровичу! — высунулся из машины Жилин.

Полицейский козырнул и стал усердно руководить парковкой Опеля.

— Долго там? — спросила Анна.

— Как придется. Может со мной?

Анна возразила.

Пропуск выписан, сыщик поднялся на второй этаж. Прочитал на дверях: «Полковник РЯБОВ Н. П. Начальник управления по борьбе с организованной преступностью». Василий помнил его еще майором. Порадовался — растут люди! Просторная приемная с блондиночкой, азиатской внешности. Экзотика!

После объятий, хлопанья по плечу, присущих встрече восклицаний: «Во, даешь!», «Прямо таки!», «Ну, нисколько!», обмен короткой информацией о житье-бытье.

Жилин попросил расшифровать записанные на диктофон звуки набора телефонного номера. Рябов пригласил специалиста. Небрежно одетый молодой человек, с сонными, будто только разбудили, глазами, вслушиваясь в шипение диктофона, записывал цифры.

— Вот, Николай Петрович, — передал начальнику листок. — Звонили в Москву.

— Код — понятно. В номере не может быть ошибки? — спросил Рябов.

— Обижаете, господин полковник. Можем позвонить, проверить.

— Надо? — подняв брови Николай, посмотрев на гостя.

Жилин, привыкший все делать основательно, кивнул.

— Хорошо бы.

— Кого спросить? — бросил лаборант вопрошающий взгляд на Жилина.

— Не нужно спрашивать, выясните, что за организация.

Молодой человек набрал номер, трубка ответила:

— Рекламное агентство «Радуга». Чем можем быть полезными?

— Проверка номеров, — буркнул лаборант, перед тем как отключиться.

— Все нормально, — улыбнулся Жилин. — Можешь меня с Михаилом Семеновичем соединить? Доложить надо.

— Все еще вместе работаете, — не то спросил, не то одобрил Рябов. — Это хорошо. Набирай сам, — пододвинул телефон.

Жилин коротко доложил:

— Объект в Москве, работает в рекламном агентстве «Радуга».

Назвал номер московского телефона.

— Кем она там? — спросил Купцов.

— Этого я не знаю. Заподозрила бы, начини я звонить и выяснять. Феликс крепко помог, отпустил. Звоню от Николая Рябова.

— О-о! Дай-ка его.

Минут через десять оживленного разговора, Рябов, заговорщицки посмотрев на Жилина:

— Семеныч, а мы тут с Васей на Иссык-Куль собрались. Порыбачить.

Купцов попросил передать трубку Василию.

— Одних суток на отдых хватит? — спросил.

— Ну, с дорогой...

— Два дня даю. Расслабляйся.

10

Острый, подобно лезвию бритвы, ум Михаила Купцова анализировал накопленную информацию. Круг подозреваемых постепенно сужался. Осталось допросить еще троих, а потом, собрав всех вместе, можно сказать: «Леги и джентльмены, убийца один из вас. Колитесь!» Но такой метод приемлем разве что для криминальных романов.

Купцов мысленно перебирал фигурантов дела, как когда-то камушки на берегу Черного моря. В 1963 году, ему тогда восемь исполнилось, отцу, члену Союза писателей Казахстана, дали путевку на две персоны в Дом творчества Коктебель. Мать не смогла поехать, готовилась к защите диссертации. Отец взял его. Стояли чудесные августовские дни. У отдыхающих было повальное увлечение — поиск среди прибрежных галек сердолика, розового минерала.

После завтрака отец садился за сочинение романа, он шел к морю. В пределах поселка берег укреплен от размыва большими бетонными плитами. На них загорали лысые дяди и толстые разноцветные (по купальникам) тети. Скопище курортников до смешного напоминало лежбище моржей. С пирса удильщики ловили кефаль. Иногда он подолгу стоял на пирсе. Наблюдал. Было видно, как в прозрачной воде проплывают рыбы. Хотелось крикнуть, предупредить их: «Не подплывайте к приманке, вас обманывают!»

За пирсом берег дикий, безлюдный. Искупавшись и обсохнув, он начинал собирать камушки, загадочно блестящие на солнце у уреза воды. Набив карманы, садился сортировать, выбрасывая в море менее привлекательные. Сердолик не попадал. Но некоторые камушки, особенно мокрые, были очень красивые — синие, зеленые, красные, а то и полосатые, как тигры. Высыхая, камни тускнели, как бы старились на глазах.

Из допрошенных можно «выбросить в море» Гульжан, Екатерину, Ахмата. Все они наняты Зиновием Филипповичем, имели хорошую зарплату, а Ахмат еще и жилье. Никонов оплачивал обучение дочери Гульжан, а Екатерина, помимо зарплаты, получала еще и бонусы за интим. С гибелью Никонova любой из них мог быть уволен по прихоти Анастасии.

Из своих в «круге подозреваемых» осталась Анастасия. Через полгода после смерти мужа она унаследовала не только два коттеджа на престижном участке в четверть гектара, но и не хилый домик на Лазурном берегу. Унаследовала вдова и банковские счета покойного мужа. А разведись с ней Никонов, к чему дело и шло, осталась бы она «при своих интересах».

Загадкой является поспешное исчезновение Нины Русиной после гибели Никонова. Если она прихватила компромат на властную элиту, и собиралась опубликовать, то давно бы это сделала. А если нет, то для собственного же спокойствия, передала бы документы компетентным органам, и жила не таясь.

«Талантливая, но взбалмошная», так ее характеризовал редактор газеты «Свободная мысль», где она проработала почти два года, до поступления к Никонову. В остальных газетах больше полугода не задерживалась. Такая, в запале, могла нажать и на курок... Что мало вероятно, но требует проверки.

До встречи с Русиной, Купцов решил собрать о ней кое какую информацию. В Алмате этим занялся Василий Жилин, в Москве – нанятый по Интернету агент Роберт.

Досье, представленное Жилиным

Русина Нина Семеновна, родилась в Бишкеке 12 мая 1968 года. Там же закончила с золотой медалью среднюю школу. В 1991-м закончила факультет журналистики Казахского Государственного университета. Работала репортером на телеканалах и в оппозиционных газетах. Нигде долго не задерживалась из-за неуживчивого характера. В 92-м году вышла замуж, через два года развелась. Опять-таки из-за характера. Дочке Юле двенадцать. У Никонова работала последние три года его жизни. Рекорд «оседлости». Вначале помощником депутата, когда он был мажилисменом, потом редактировала его первую книгу «В структуре власти».

Книга наделала много шума. Через пару недель, после появления в продаже, весь тираж скупил районная библиотека. Но на полках библиотеки она не появилась.

Вскоре Русина начала редактировать вторую книгу Никонова «Казнь претендента».

Никонов брал редакторшу в заграничные поездки. Ходили слухи, что успешный бизнесмен собирается узаконить с ней отношения.

На следующий день после убийства Никонова, 18 июня 2002 года Русина поспешно (оставила машину на стоянке аэропорта) улетела в Москву.

Сообщение агента Роберта, присланное по электронной почте

Нина Русина с 19 июня 2002-го года проживает по адресу: Москва, улица Фестивальная, дом 26, квартира 137. Квартира

двухкомнатная, куплена и оформлена на ее имя пятого мая того же года Центром недвижимости «Крыша».

Работает в рекламном агентстве «Радуга», по адресу: улица Октябрьской революции, 25 (рядом с Красной Площадью). Зарплата 80000 рублей. Дочь Юля ученица пятого класса школы № 57. Встречается Нина с Константином Чухонцевом, тренером по дзюдо детской спортивной школы «Олимпийские надежды». Встречи носят эпизодический характер. Чухонцев женат, имеет двоих детей.

Вечером 10 июня в аэропорту Домодедово Михаила Купцова встретил человек худощавого телосложения, неопределенного возраста, с табличкой «Роберт» в поднятой руке. Большой нос, серые глаза на выкате, сдобные губы выдавали его национальную принадлежность.

— Владимир Робертович, — представился частный сыщик, кособочась.

И для придания солидности легковесной фигуре, добавил:

— Полковник федеральной службы безопасности в отставке.

Большой фантазер! Из-за перенесенного в детстве полиомиелита даже в училище военное не взяли. А так хотелось быть красавцем: парадная форма, «золотые» погоны, кортик на боку...

Инженер-сантехник после сокращения переквалифицировался в частного сыщика. Детективов начитался. Специализировался на отслеживании неверных жен. Занятие малоприбыльное, но и не вредное для здоровья. А попробуй-ка за неверными мужьями шпионить, по мордасам можно заработать.

— Михаил Семенович, рад знакомству, — пожал детектив протянутую руку, недоверчиво глядя на кособокого полковника.

— То же из бывших? — поежился Владимир Робертович от цепкого взгляда.

И добавил неопределенно:

— Да-а-а, приходится нам сейчас...

— Не понял, о чем дакаете? — посмотрел Купцов на детектива уже ничего не выражающим взглядом.

Тот слегка растерялся.

— Да о жене вашей. Не вернется она, деньги только зря тратите. Физиономию разве что хахалю набить. Похаживает тут один. Но это уж, извините, не мой профиль.

И, оценивающе окинув фигуру клиента, добавил:

— Да вы и сами с таким пустяком справитесь. Вот, — порывшись, достал из барсетки пачку фотографий, отобрал одну, — вот, можете убедиться.

На фотографии была запечатлена счастливо улыбающаяся Нина с букетом цветов, рядом мужчина, почти на голову ниже. Но основательный по фигуре.

Михаил, рассмотрев снимок, сунул его в карман.

— Возьмите все, — протянул агент Роберт остальные фотографии, — мне-то они зачем, вам память о жене. Где с хахалем, порвете.

Михаил раз за разом просмотрел снимки.

— Должен сколько?

— В счет тех денег, что перевели.

Помолчав, сказал сокрушенно:

— Зря только приехали.

Во всем, что он говорил, скрывалась самоуверенность.

— Да не жена она.

— А кто же? — разочарованно посмотрел агент Роберт на нанимателя. — Наняли, получается, не по профилю.

— Красивая, талантливая женщина.

— Вам-то она зачем, извиняюсь за любопытство?

— Поговорить надо.

— Так можно прямо сейчас, — неуверенно протянул свой мобильный телефон агент Роберт. — Позвоните...

— Поздно уже, завтра.

— Как угодно...

«Темнит, — подумал агент, посмотрев мимо Купцова вглубь зала аэропорта, — бросила, стыдится признаться. Да, ладно, не его это дело, главное — башляет не торгуясь.»

Владимир Робертович подвез на своей машине работодателя к гостинице «Ярославской», где заказан номер. Договорились встретиться утром возле дома Русиной.

Купцов заполнил карточку гостя, взял у портье ключ от номера, поднялся на третий этаж. Просторный холл был погружен во мрак, лишь небольшой светильник горел на столе дежурной. Она окинула гостя оценивающим взглядом стареющей красавицы. Улыбка растянула узкие, подправленные помадой губы.

— Надолго к нам? — спросила дежурная.

— Только переночую.

— Чай, кофе или что послаще? — подмигнула свойски бывшая красотка. Разбегающиеся от уголков глаз лучики углубляли морщины.

— Чай, если можно покрепче.

— Пирожное к чаю? — посмотрела она многозначительно.

— Да, пожалуй.

— Виолетта, — тихо позвала дежурная.

Из сумрака холла появилась невысокая блондинка с ладной фигурой и большими, фиолетовыми от макияжа глазами.

— Вот, — скосила на нее глаза дежурная, — ваше пирожное.

— Стольник американский за час, пятьсот за ночь, — бросила девица на гостя фиолетовый взгляд.

Михаилу не хотелось обижать девушку, да и стареющую красавицу, которая, несомненно, имела комиссионные от порочной любви. Соврал:

— Другая ориентация, девушки.

С улицы донесся вой сирены милицейской машины. Дежурная, открывшая было рот, для сообщения о куда большей стоимости «другой ориентации», лязгнув зубами, закрыла его.

— Отдыхайте, — указала изящным пальчиком, — тридцать шестой номер по коридору направо.

Комната была небольшая со стандартным набором мебели для второразрядных гостиниц.

Купцов, приняв душ, выглянул на шум за окном — три милиционера подгоняли к автобусу стайку разномастных девиц.

Дежурная принесла чай. Прихлебывая горячий напиток, детектив стал изучать представленный агентом Робертом суточный график передвижения Нины Русиной во времени и в пространстве. Окна объекта наблюдения зажигаются в семь утра. Выходила она из дома в половине девятого и шла к метро «Водный стадион»... И дальше расписан весь день до позднего вечера, когда гас свет в ее окнах.

Звонить надо утром, держа «под прицелом» дверь подъезда. Как бы опять деру не дала.

Утром одиннадцатого июня с перерывами, как бы отдыхая и набираясь сил, моросил дождь. Небо в перерывах светлело, проявлялось бледно-молочное пятно солнца. «Прямо-таки Германия, — подумал Купцов. — Как там Марта? Зря, может, уехал... Андрюша не поймет...»

Посмотрел на часы — пятнадцать минут девятого. Набрал номер телефона Нины.

— Да, говорите, слушаю, — отозвалась она.

Голос звонкий, доброжелательный. Никакая не скандалистка.

— Купцов Михаил, — представился детектив. — Отец Зиновия Никонова...

Она не дала договорить:

— Ждала вас. Анастасия вчера звонила... Вы где, в Москве?

— Более того, перед вашим домом.

Нина, держа трубку, вышла на балкон. Увидев одиноко стоявшего мужчину, помахала рукой, как старому знакомому.

— Выйду сию минуту, — сказала в трубку.

Вышла скоро. Двигалась Нина легко, молодо. Подкрашена, наряжена, видимо, уже была собрана на работу. Карие глаза открытые и ясные, лицо благородное, как на портретах придворных леди викторианской эпохи.

Обменялись улыбками. У Нины она была широкой, у Купцова — сдержанная.

— Арестовывать будете? — спросила шутливо, протягивая сжатые в кулачки руки, как бы предлагая надеть наручники, — Или как...

— Или как. Поговорить надо...

Наступила небольшая пауза.

— Давайте так, — предложила она, — сейчас поеду на работу, отмечусь. Потом, ближе к одиннадцати, встречаемся у ресторана «Славянский базар». Это напротив моей работы. Уточнить где, «или как»? — посмотрела она в сторону агента Роберта. Тот курил около своей машины, припаркованной под аркой на въезде во двор.

— Он покажет, — перехватил Купцов ее взгляд.

— Давно заметила, думала страдалец, а он оказывается шпик. Не оценила...

Утром ресторан «Славянский базар» почти пуст. В большом зале, куда под руку, изображая хозяйку, Нина ввела детектива, заняты всего несколько столов. Величественной походкой подошел официант, поклонился. Красная атласная рубаша на нем подпоясана кушаком, широкие черные шаровары с напуском заправлены в хромовые сапоги. Высокий, широкоплечий, с копной желтых волос и «лошадиной» физиономией.

— Рады дорогим гостям! — чисто механически улыбнулся официант, продемонстрировав крупные зубы.

Проводил парочку в глубь зала, где и днем царил полумрак.

— Здесь вам будет интимно, — выставил зубы.

И про себя добавил: «Воркуйте, голубки.»

Детектив галантно пододвинул стул даме, движением рук пригласил сесть. Нина села, изящным движением поправила платье. Обозрела зал, как впервой, хотя частенько здесь обедала.

Водрузилось неловкое молчание. Михаил, не вникая, листал меню, мысленно задавал вопросы спутнице, исподволь наблюдая за немymi ответами. Нина вспоминала. Три года назад они с Зиновием, возможно, сидели за этим же столом. Болтали ни о чем. Какие-то моменты прошлого она вычеркнула из памяти, будто дурной сон. Но сейчас придется реанимировать. Выражение ее лица менялось сообразно мыслям. Оно походило на загадочную картинку из детского журнала «Мурзилка», где в переплетенных ветвях дерева замаскированы фигуры. Взглянул

мельком на картинку — видишь морщинистое лицо старухи, меняешь угол зрения — вырисовывается улыбка юной девы.

— Можно, буду называть вас Мишей, сообразно обстановки? — изящно махнула рукой «юная дева», как бы обращая внимание кавалера на интерьер ресторанный зала.

Купцов бросил оценивающий взгляд на спутницу. Не понял, куда та клонит. Промолчал.

— Миша, угощаю я, как хозяйка, — сказала она, манерно растягивая слова.

— А я плачу, как дознаватель, отвлекший вас от работы.

— Нетушки, кто угощает тот и платит, — улыбнулась Нина.

Выражение ее лица стало напускное, словно неопытная девочка пытается сыграть светскую львицу. Девочка бросила оценивающий взгляд на дядю Мишу, к этому вопросу больше не возвращались.

Официант нетерпеливо топтался возле стола, с ироническим превосходством разглядывая парочку. Оценил наметанным глазом. Он — деревенский вахлак, тракторист там или оператор машинного доения. Редко, но забредают они... Она — манекенщица, вышедшая в тираж. Подцепила дурачка на ярмарке в Лужниках. Угостит, но *поймет* потом по тройному тарифу. Деревенщины оставляют хорошие чаевые или вообще ничего, пересчитывая по несколько раз сдачу, сверяясь со счетом.

Не заглядывая в меню Русина заказала салат из крабов, похлебку купеческую, осетрину, кофе.

— Пить что будете? — выразительно посмотрела она на Михаила.

— Боржомом.

Лицо официанта Пьера (по паспорту — Пахом) вытянулось, стало похоже на печальный лик святого.

— Водочка Калашников, двойной очистки. Исключительная! — дернулась его рука с воображаемым стаканом.

Выпивший человек становится щедрее.

Купцов проигнорировал рекламу.

— Свободен! — сказал приказным тоном, взгляд его как будто проник внутрь. — Через полчаса подашь.

Пьер открыл и закрыл рот. Приказ «вахлака», особенно холодный взгляд, как удар током. Да ни какой он не оператор машинного доения, те заискивают перед официантами. А этот — натуральный браток. Или круче того — вор в законе! Как же он так прокололся...

— Будет исполнено, — сказал официант, подобострастно кланяясь. Хотел добавить, нечто вроде: «Ваша честь» или «Ваше

благородие», но, перехватив вопросительный взгляд братка: «Ты все еще тут!», удалился, пятась задом.

Наступила долгая пауза.

— Спрашивайте, — подняла Русина глаза.

Купцов отозвался не сразу. Мысленно он задал уже все вопросы. И вынес вердикт: Не виновна! Разве что дорисовать портрет Никонова, выявить потайные черты его характера, что в какой-то мере скорректирует отправную точку расследования.

— Убийца Зиновия Филипповича до сих пор не найден, — сказал Купцов, вопрошающе посмотрев на спутницу, словно это она должна его найти.

— Дело давно закрыто, как у вас говорят, «за отсутствием состава преступления».

— Но вы-то знаете — есть состав.

— Есть, нет — какая разница. Прошло сколько. Если вы даже его найдете, упакуете нарядно, власти не захотят принять ваш подарок.

Говорила она по-книжному образно.

— Убийца должен понести наказание, — сказал детектив. Прозвучало это как вопрос.

— Как вы собираетесь исполнить это?

— Найти надо вначале. Возможно даже с вашей помощью.

— Спрашивайте.

— Какие-то вопросы можете проигнорировать, считая некорректными.

— Итак? — улыбнулась Нина.

— Любили Зиновия Филипповича?

Нина посмотрела на детектива удивленно: «О чем он?..»

— Такой вопрос можно задать неискушенной девушке, а не сорокалетней женщине. И как, по-вашему, любят ли наложницы своего господина? Тем не менее, постараюсь ответить: Уважала его за талант, за искренность.

— И за щедрость? — не то спросил, не то утвердил Купцов.

— Да, и за это!

Глаза ее смотрели сквозь детектива, словно он был прозрачным. Слезы навернулись от погружения в струю прошлой, но не забытой жизни, к которой она не позволяла себе возвращаться.

— Продолжайте, — сказал он с тихой настойчивостью, разглядывая на моложавом лице проявившиеся следы прожитых лет.

— Зиновий нуждался в моей поддержке. Несмотря на напускную суровость, был человеком мягким, и я бы даже сказала слабохарактерным. Не знаю почему, но с первого дня знакомства отношения у нас сложились доверительные. Рассказывал про детство, которое не назовешь счастливым.

Отец, взрывник на руднике, из-за случайного взрыва детонатора лишился кистей рук. Начал пить. Деградировал. Скандалы в семье, побои. Зиновий стал заикаться, плохо учился.

Уловив недоуменный взгляд слушателя, она пояснила:

— Филипп Кузьмич приемный отец. Мать Зиновия рано умерла, пьяницу отца лишили родительских прав. Из приюта мальчик попал к Никоновым, сменил фамилию и отчество. Но об этом не знает Анастасия. Филипп Кузьмич и его приемный сын даже внешне были похожи. Исповедовался Зиновий только мне. От заикания вылечился сам. В аэроклубе летал на маленьких самолетах, под оглушительный рев мотора читал стихи Пушкина. Заики, когда не слышат своего голоса, перестают заикаться. После института строил гидростанцию на Вахше. Задался целью стать властелином своей жизни. В какой-то степени ему это удалось. Рос по службе, успешно руководил тысячными коллективами. Но душевная травма, полученная в детстве, сказывалась и в его успешной жизни.

Он нуждался в постоянной подпитке энергией со стороны, подтверждении собственной значимости, таланта. «Зарядным устройством» для него была я. Талантом Зиновий, безусловно, обладал — был советником президента, депутатом парламента. Там наверху, — скосила Русина взгляд на потолок, — считали его слишком одаренным, чтобы доверять большие посты. В последние четыре года, уйдя из политики, не используя прошлые связи и не воруя, сколотил немалый капитал.

Михаил слушал внимательно, не перебивая рассказчицу вопросами, хотя они и возникали.

Помолчав, Нина продолжила:

— Вы сейчас думаете: «Зачем все это она рассказывает, какое это имеет отношение к убийству?»

— Может и имеет. Продолжайте.

— Понимаю, предаю его, — вздохнула она тяжело, — но это, возможно, приблизит вас к убийце. Зиновий страдал бесплодием. Сильно переживал, род Никоновых на нем выклинивался. О его бесплодии знала Анастасия и я. Кстати, Анастасия сама не могла иметь детей. Но скрывала это от Зиновия. По моему настоянию Зиновий начал лечиться. Сама нашла ему клинику. Когда врач выяснил, что лечение результатов не даст, вступила в сговор с врачом..

— Не понял, — встрял детектив.

— Заплатила ему хорошо, уговорила соврать. Стала присматривать донора, похожего внешне на Зиновия. Ему сообщила — в положении уже. Радости его не было предела...

— Перебью. Честно ли так?

— Терзалась долго. Советовалась с Филиппом Кузьмичом. Он ведь сам растил чужого ребенка, как родного. Сказал — решай сама. Решила таки — приобретет Зиновий душевный покой на всю оставшуюся жизнь. Человек рядом будет расти, который утешит его в старости. Что в этом преступного? Или аморального.

— Анастасия знала о вашей, извините, якобы беременности?

— Да, конечно. Зиновий сообщил ей. Предупредил — будет разводиться.

— Что бы она имела после развода?

— Не знаю. Зиновий был исключительно порядочным. На улице бы не осталась.

Подошел Пьер. Потоптался, покашлял деликатно, стараясь перехватить взгляд «брата». Дождался.

— Блюда стынут! — ощерился.

Купцов посмотрел на даму, брови его поднялись в немом вопросе.

— Я бы что-нибудь выпила. Нервы, как начну вспоминать...

— Пожалуй, и я. Мне водки, — сказал Михаил, посмотрев на Пьера.

Перевел взгляд на Нину:

— Заказывайте себе.

— Солидарна.

— Сколько? — услужливо спросил Пьер, обращаясь к Михаилу.

— Бутылку самой дорогой. Откроешь здесь, — ткнул на стол.

— Будет исполнено, э-э, — проблеял официант, и, пятась, про себя добавил: «Ваша честь!»

— Как прореагировала Анастасия? — спросил детектив, возвращая Нину к прерванному разговору.

— Я не спрашивала у Зиновия. Но, думаю, не драматизировала. По сути, вместе они уже не жили несколько лет.

— За сколько дней до трагедии Никонов сообщил жене о решении развестись.

— Скажу точно, за неделю.

Пьер подкатил тележку с закусками. Нина откинулась на спинку стула, прикрыла глаза. Детектив любовался правильными чертами ее лица. Сколько пришлось пережить этой хрупкой женщине! Не могла она желать смерти Никонова. Хотела она того, или нет, но ее откровения выдвигали Анастасию на «авансцену» подозреваемых.

Пьер старательно протирал стаканы, просматривая результат усердия на свет. Продемонстрировал бутылку.

— Калашников, це! — цокнул восхищенно. — Но не тот, что автоматы изобретает, хе-хе. А совсем другой. Бизнесмен!

Официант демонстративно откупорил бутылку, плеснул по чуть-чуть в пузатые стаканы, посмотрел вопрошающе на «братка», столько ли. Не получив мимического сигнала, на свое усмотрение, долил ему до краев. Братки не интеллигенция, основательно пьют.

— Приятно кушать!

— Помянем Зиновия, — подняла стакан Нина, и выпила одним глотком, по-мужски.

Ели молча. Пьер передал остальных своих клиентов напарнику, трагически шепнув: «Питерский...» Этим было сказано все. И большие чаевые, и, не дай Бог, что не так сделает, страшно подумать... Стоял почтительно в секторе обзора братка, но на деликатном расстоянии. Не подслушивает. Братки это не любят.

За кофе разговор продолжился.

— Нина Семеновна, несколько формальных вопросов.

— Догадываюсь. Была ли у Зиновия в ночь трагедии?

— Угадали. Где находились с десяти вечера 17-го июня до утра 18-го, две тысячи второго года?

— У себя дома.

— Кто-то может подтвердить?

— Была одна. Как всегда.

— Кто сообщил о гибели Никонова?

— Шофер. Должен был заехать утром. Запаздывал. Позволила...

— Чем объясняется ваш поспешный отлет в Москву?

Русина долго молчала, уставившись в свою кофейную чашку. Михаил не пошукал.

— У Зиновия был информатор в КНБ. Не буду вдаваться в финансовые их отношения.

— Знаете фамилию?

— Он был зашифрован для моей же безопасности — генерал Саид. После выхода книги «Казнь претендента» Зиновий намеревался передать имеющиеся у него копии секретных материалов, полученных от Саида, Президенту. Понятно, не выдавая информатора.

— Вы не сказали о причине вашего бегства. Кстати, машина, которую вы бросили в аэропорту, стоит у Никоновых.

— Я боялась. Зиновию поступали анонимные звонки с угрозами: «Писака, тебя и твою сучку ждет та же участь...» Зиновий воспринимал их серьезно, предупредил: «Случись что со мной — исчезай немедленно». Купил для меня квартиру здесь в Москве.

— У вас при вылете из Алма-Аты были компрометирующие силовые структуры материалы?

— Конечно, нет. Он держал их в сейфе.

— Самое доступное место.

— Не совсем. Сейф имел двойное дно. Чтобы открыть сейф, надо было набрать на кодовом замке год его рождения. Для открытия тайника сейфа на том же замке следовало набрать те же цифры в обратном порядке. Дверку сейфа он никогда не заперал.

— На каком этапе книга, которую вы редактировали?..

— Сюжетная линия закончена, оставалась литературная обработка.

— О чем она?

— Преступная группа, — начала Нина и, замолчав, подняла глаза на детектива, улыбнулась.

— Стала употреблять ваши термины. Ну, да ладно, возможно и к месту. Преступная группа, с молчаливого одобрения верхушки, грабит народ. Разоряет недра. На очередных выборах — власть может смениться. Тогда преступники окажутся не у дел, а кое-кто и за решеткой. Решают убрать главного претендента. Кого, вы знаете. Вот и все.

— В рукописи названа его фамилия?

— Конечно, это ни для кого не секрет.

— И, пожалуй, последний вопрос: врач, который лечил Никонova от бесплодия, кто он?

— Можно, не буду сдавать?

— Такой пустяк вычислю и сам. Лишняя трата времени.

— Пусть. Я и так всех предала...

— Могу ознакомиться с содержанием рукописи?

— Ждала вопроса. Вот, — достала из сумочки флешку.

— У вас осталась копия?

Нина утвердительно кивнул.

— Да.

Детектив пригласил официанта. Тот поклонился, продемонстрировал крупные зубы.

11

12 июня Жилин встречал шефа из Москвы. Было раннее утро. Рейс задерживался, Василий, скучая, дважды посетил буфет. Наконец самолет приземлился. Сразу поехали на Родостовцева. Анна уже суетилась на кухне, готовила праздничный завтрак. Как же, шеф вернулся! Подавая на стол, ревниво поинтересовалась:

— Ну, как там наша красотка?

Зойка же тут на выданье!

Купцов бросил вопросительный взгляд на помощника, как бы спрашивая: «Она-то откуда знает?» Анна, выгораживая мужа, попыталась изобразить улыбку:

— Михаил Семенович, мне можно доверять. Не так что ли?

— Аня, я что, сказал нельзя? Корень слова «секретарша» — секрет. Ты и должна их знать, но не больше чем я.

Перекусив, сыскари уединились. Купцов не доверял стенам кабинета, разговор вели на воздухе, прогуливаясь по аллеям усадьбы. Есть где разгуляться! Михаил Семенович рассказал о поездке, не упомянув о тайнике сейфа, сообщил лишь о наличии рукописи романа с условным названием «Казнь претендента».

— После одиннадцати поедem к Никоновым, — предупредил.

Вернувшись в кабинет, детектив позвонил Филиппу Кузьмичу. Доложил коротко о поездке. Попросил разрешения повторно осмотреть кабинет Зиновия Филипповича. Попросил дать указание дворнику, чтобы тот не мельтешил.

— Я сам подъеду, — сказал старик. — Может, сгожусь.

Образовалась пауза. Детектив враз не решил, нужен ли кто при осмотре секретной ячейки сейфа.

— Михаил Семенович! — прервал его молчание Никонов.

— Да.

— Молчите, подумал, связь прервалась.

— Стоит ли вам беспокоиться, Филипп Кузьмич.

— Стоит, стоит, подробнее о Москве расскажете, давно не был.

Детектив уже и сам решил, открывать тайник нужно при заказчике. Неизвестно, что там еще обнаружится кроме диска.

Надобность в сопровождении Жилина отпала. Михаил приехал на усадьбу раньше Никонова. Было одиннадцать с минутами. Калитку открыл Ахмат.

— А-а-а! — вскинул руки, снисходительно улыбаясь. — Любитель частного сыска! Проходи, гостем будешь!

Михаил непроизвольно обратил внимание на «вольность» в поведении дворника: перешел в обращении на «ты», ведет себя так, словно полноправный хозяин.

— Ахмат, — смерил его испытующим взглядом детектив, — ты что, усадьбу выкупил?

Глаза дворника немного сузились, натянуто улыбнулся:

— Откуда у меня деньги...

— Не знаешь, Анастасия дома?

— Почему не знаю, знаю — дома, просила не тревожить до обеда. Легла поздно.

В поведении дворника отсутствовало какое-то связующее звено с его положением. Купцов не стал пока акцентировать на этом внимание.

— Филипп Кузьмич должен подъехать, — сказал Купцов, глядя на Ахмата лишенными выражения глазами. — Кабинет надо повторно осмотреть.

— А что там осматривать, — недовольно пробубнил тот, — ничего не изменилось.

— Это и хорошо, что не изменилось...

— Тогда и смотреть нечего, — пробурчал дворник неприязненно. — Ходят тут всякие...

— Не забыл, с кем разговариваешь? — произнес детектив, не повышая голоса, и посмотрел на дворника долго и внимательно. Ахмат промолчал, уставившись в пустоту.

Подъехал Филипп Кузьмич. Рукопожатие, обмен улыбками. Пошли к коттеджу. Ахмат поплелся следом. Никонов оглянулся.

— Занимайся своим делом, — бросил взгляд на дворника, — нам ты не понадобишься.

— Дверь открою.

— Не запиралась же никогда.

— Стала запираться...

— Ну-ну, — неопределенно промолвил старик. — Может и надо.

Ахмат отпер входную дверь, ключи оказались при нем. Хотел пройти следом, но Никонов осадил его:

— Свободен.

Ахмат оглянулся, словно желая кого-то увидеть за спиной. Потоптавшись, молча ушел.

Купцов проводил его долгим взглядом.

— Ахмат сегодня какой-то странный, — сказал. — Второй раз с ним встречаюсь и как будто это разные люди.

— Бывают у него заскоки. Человек он непредсказуемый. Срок мотал за убийство. По ревности. Довольно образованный, начитанный. Выпить, верно, любит...

Детектив окинул старика быстрым взглядом.

— Уж не он ли в вашего сына стрелял? Тоже по ревности. Из-за Гульжан...

— Думал я об этом, — без всякого выражения сказал Филипп Кузьмич. Вздыхнул, как от усталости. — Вряд ли.

Прошли в кабинет.

— Филипп Кузьмич, — кивнул детектив на картину, за которой тайник, — знаете ли вы о секретном отсеке сейфа?

— Ну, замок кодовый. Чтобы открыть, надо набрать год рождения Зиновия. Да он сейф никогда и не запирает. От семьи, говорил, у меня нет секретов.

— А тайник там внутри?

— Не понял, — округлил глаза старик.

— В сейфе двойное дно.

— Любопытно.

Купцов снял картину. Сейф был не заперт и пуст. Набрал на кодовом замке цифры: пять, пять девять, один. Под мелодию из кинофильма «Крестный отец», со дна сейфа поднялись две створки. Изумление Никонова было искренне детским, он даже приоткрыл рот. Купцов выложил из тайника раз за разом с десятков увесистых пачек, где были и евро, и доллары. И в завершение осмотра извлек плоскую пластмассовую коробку с компакт диском.

— То, что искало КНБ, — продемонстрировал находку Филиппу Кузьмичу.

— Опасная находка, — нервно облизал губы старик. — Тут я вам не советчик. А деньги надо передать Насте, она же наследница.

— Я бы на вашем месте не торопился.

— Это почему?

— Дождитесь конца расследования.

— Вы что, ее подозреваете?

— Подозревать моя специальность.

— Ну-ну. Запирайте тогда.

Детектив покидал пачки денег в тайник, закрыл его створки. Диск оставил при себе. Повесил на место картину.

Покинув помещение, мужчины прошли к пруду, присели на скамью, над которой нависли ветки плакучей ивы. Умел Ахмат наводить красоту! Михаил Семенович подробно рассказал о встрече с Ниной Русиной.

— Все жду — вернется, — грустно сказал Филипп Кузьмич. — Снохой ее считаю, а дочку ее — внучкой. Другой-то родни и нет.

Проводив старика до машины, детектив вернулся. Надо задать несколько вопросов Ахмату. Во дворе его не видно. Прошел к флигелю, постучался. Постаревший голос Гульжан:

— Открыто.

Она сидела за тем же столом, за каким ее застал Купцов при первом посещении. Раскрытая книга перед ней. Не определившись, с чего начать, детектив спросил:

— Читаете что?

— Что попадет, — откинулась она на спинку стула, закрыла книгу. Купцов посмотрел на обложку: «Преступление и наказание» Федора Достоевского.

— Преступления... преступления, — задумчиво произнес он, ни к кому не адресуясь. — Были они и будут. А вот наказания не всегда им сопутствуют.

— Нашли убийцу?

— Пятьдесят на пятьдесят...

— И кто?

— А вы на кого думаете?

Гульжан подняла голову, глаза ее быстро заморгали, горечь застыла на складках губ.

— Не хочу ни думать, ни жить, — прошептала она. В комнату вместе с шепотом вошла скорбь. — Пропади все пропадом!

Лицо женщины скукожилось, состарив ее, задержались губы, она заплакала, хлюпая носом. Холодные слезы бежали по щекам, она вытирала их тыльной стороной ладони. Размазанный макияж попадал в морщинки на лице, отчетливо обозначая их.

Купцов достал платок, протянул ей.

— Ну, хватит, хватит...

Гульжан, как бы захлебываясь словами, хотела что-то сказать, порывисто встала, и, прильнув к груди детектива, затихла, изредка конвульсивно вздрагивая.

— Вот и хорошо, — прижал слегка к себе женщину Михаил. — А теперь рассказываем. Выплескиваем горечь из души.

Гульжан села на край кровати, выдавила из себя улыбку. Выражение ее лица стало спокойнее.

— Ну?

— Ахмат вам не рассказывал?

— Что он должен рассказать?

— Значит, не рассказывал. Может, не имею права об этом пока говорить, но не сегодня так завтра все равно узнаете.

— Конечно, узнаю. Говорите.

— Анастасия Юрьевна улетает в Америку. Насовсем.

— Ну и дела... Дальше? — нетерпеливо спросил детектив.

— На Ахмата переписывает дом Зиновия Филипповича. Второй дом — продает.

— Теперь хозяйкой будете.

Гульжан покачала отрицательно головой.

— Ахмат сказал, чтобы я убиралась.

Она опять порывисто соскочила, мелкими шажками устремилась к Михаилу, и зарыдала, прильнув головой к его груди. Купцов, поглаживая, слегка хлопал ее по спине, как делала мать, жалея его в детстве.

— Ну, перестали. Перестали...

— Возьмите меня в кухарки, — продолжая всхлипывать, сказала Гульжан, — я хорошо готовлю, и вообще...

Подняв голову, женщина заглянула в глаза детектива.

— Буду делать все...

— Не получится Гуля, зарплата моя не позволяет содержать домработницу.

— Остается пойти на панель, — обреченно вздохнула она. — Дочь надо доучивать.

— Есть у тебя сумка?

Гульжан вопросительно подняла брови.

— Небольшая, под деньги, — улыбнулся детектив.

Женщина достала из-за стола потрепанную хозяйственную сумку, с ручками, обмотанными синей изоляционной лентой. Детектив, выйдя из флигеля, осмотрелся. Ахмата по-прежнему не видно. Прошел в дом Никонова, открыв тайник сейфа, забрал всю наличность. Оставлять деньги там, когда коттедж отошел Ахмату, было бы крайне неразумно.

Вернулся во флигель. Гульжан, высказавшись и облегчив душу, с отсутствующим видом сидела на кровати.

Случайные стечения обстоятельств были редкостью в практике детектива. Но сегодня они свершились — безысходное положение Гульжан и радикальное решение ее проблем.

— Дочку-то как звать? — спросил детектив, перехватив ее влажный от слез взгляд.

— Бибигуль.

— Сколько надо до конца обучения?

— Три тысячи колледжу и тысяча на одежду и проживание.

Купцов, покопался в сумке, отыскивая упаковку поуевсестее.

— Вот, — выложил деньги на стол. — Хватит и на обучение и на последующее обустройство Бибигуль.

— Откуда? — прошептала со страхом женщина.

— От Зиновия Филипповича.

— Делать что с ними? Я с ума сойду...

— Открой счета. Выбери два-три банка. Сделай это сегодня. Документы, пока не купишь квартиру, можешь хранить у меня. Знаешь же где офис?

Гульжан кивнула. Светло стало в душе, лицо ее озарила улыбка.

Купцов арендовал банковскую ячейку на имя Никонова Филиппа Кузьмича. Деньги Зиновия переместились из одного тайника в другой.

Вернувшись в офис, Купцов попросил Анну ни с кем его не соединять. Включил компьютер, вложил изъятый из тайника компакт диск, надел наушники. Нажал нужные кнопки на клавиатуре.

После тихого скрипа дверей и стука каблучков, певучий женский голос:

— Аслям Ибраевич, к вам Луценко.

— Пусть войдет.

Приглушенный женский голос, видимо, из приемной:

— Проходите, Никита Степанович.

После повторного скрипа, бодрый голос:

— Доброе утро, Аслям Ибраевич! Про здоровье и не спрашиваю, видно не вооруженным глазом. В избытке!

— С вами, мудозвонами, будет здоровье.

— Не понял, шеф.

— У тебя — команда или шпана уличная? Одни твои охладомоны ликвидируют объект. Ладно, сработанно профессионально. Другие, твои же, профессионально вычисляют их и сдают полиции. Комедия, обхохочешься! Общее руководство осуществляет кто? Или каждое подразделение само по себе?

Грохот, похоже, удар по столу.

— Человеческий фактор, Аслям Ибраевич, на мобильные телефоны ребята позарились. Вот и вычислили их без проблем.

— Пошел бы ты со своими факторами.

— Так точно, Аслям Ибраевич, уже иду! Адрес знаю...

— Дальше что?

— Человека надежного подготовил. Явится с повинной, изобразит заказчика.

— И что скажет твой человек?

— Берик Орумбаев в газете обозвал его двуликим Янусом. А он гордый, обиделся. Вот и заказал.

— И кто он такой гордец?

— Сенатор бывший. Большой раком! Семье деньги хочет оставить. Миллион зелени за месяц отсидки просит. Врачи прогнозируют, от силы полгода протянет. Может, хе-хе, и меньше. Расходы небольшие.

— Ты будешь платить?

— Аслям Ибраевич, откуда у меня деньги? Сократим расходы, если что...

— Ладно, решим с деньгами. Судом займись.

— Все схвачено, Аслям Ибраевич.

— Может такой вариант даже и лучше, чем дело бы зависло. А так раскрыли, осудили.

— Личная неприязнь, хе-хе, так сказать.

Запись чистая. Голоса узнаваемые. Купцов не по своей воле стал обладателем опасной информации, послужившей Зиновию Никонову сюжетом его романа «Казнь претендента». Скорее всего, она и стала причиной его гибели. Существенная неувязка в деле — ликвидация Никонова произведена не профессионально. Возможно кем-то из окружения Зиновия Никонова, чтобы выдать это за бытовое преступление. Надо искать исполнителя, а уж через него выходить на заказчика.

Детектив стал систематизировать факты. Наступал критический момент в расследовании. В картине преступления, сотканной из отдельных косвенных улик, фрагменты то выстраивались в определенном порядке, то распадались. Казалось, стоит посмотреть на них под другим углом, и вот он — преступник. Однако, неопровержимые улики отсутствовали.

Первый факт — Анастасия Соловей после смерти Зиновия Никонова хорошо поимела. Но в последний момент поняла: ценой повторного расследования может стать не только ее собственность, но и свобода. Собралась бежать в Америку.

Второй факт — Ахмат. На него Анастасия переписала коттедж. С чего бы ради? Хватай его и сажай. Дня через три — напишет явку с повинной. Но закрыть Ахмата детектив не может. Расследование частное.

Америка, Америка, — перескакивают мысли детектива в другое русло. — Кто там ждет Анастасию, кому она там нужна? В памяти всплыла фамилия Вейтцнер. Патрик Вейтцнер. Бывший продюсер Анастасии Соловей. Был у них роман. Патрик улетел за океан задолго до убийства Никонова. Проживает в Лос-Анджелесе, где и его сын Андрей. Патрик мог, конечно, прилететь, убить человека и снова улететь. Но зачем ему это?

Похоже, что Анастасия прилетает в Америку, и там сходится с Патриком. Тогда почему она задержалась здесь на долгих три года?

Купцов вышел из кабинета. Секретарша увлеченно играла в карты с компьютером. Вид сосредоточенный, прикусила нижнюю губу. Видно, наступила кульминация партии. Почесала затылок, но этот массаж не породил нужного результата. Развела руки — сдаюсь!

— Зайди, Анна.

— Ой! — вздрогнула она. — Я и не заметила вас.

Купцов усадил секретаршу в кресло, сам прошел за стол. Посмотрел на нее оценивающе: фигура округлилась, лицо подурнело. Перехватив взгляд шефа, Анна кивнула, как бы соглашаясь с его определением:

— Да, — виновато улынулась. — Декретные мне полагаются?

— Однозначно.

— Однозначно — да, или однозначно — нет?

— Однозначно — да.

— Спасибо, Михаил Семенович. Вы для меня как отец родной.

— Ладно. Василий где?

— Василий Макарыч, — сделала Анна ударение на отчестве мужа, — поехал трясти господина Ковалю.

— Понятно. Позвони, пусть возвращается. Нужен он.

Анна согласно кивнула.

— Узнай, по каким маршрутам можно прилететь в Алма-Ату из Лос-Анджелеса.

— Можно идти?

— Иди.

Оставшись один, Купцов продолжил мысленно перебирать возможные причины убийства Никонова. Гульжан говорила, в тот вечер звонили Никонову. Если звонил Луценко, вряд ли Зиновий Филиппович согласился бы принять его так поздно.

Звонил Патрик, прилетевший инкогнито из Америки? Требовал деньги, которые Никонов не доплатил ему. Угрожал оружием, нервничал!

Анна, зайдя, на мгновение задержалась в дверях.

— Не помешала?

— Кто-то пришел?

— Узнала, как можно прилететь к нам из Лос-Анджелеса.

— Ну, и...

— Прямого рейса нет. Есть рейсы через Москву, через Неаполь и через Франкфурт. Стоимость билета тысяча с небольшим баксов.

— Василий Макарович? — посмотрел с улыбкой детектив на секретаршу.

— Будет минут через двадцать.

Вернулся Жилин. Детектив коротко проинформировал помощника — Анастасия поспешно сваливает за океан, Ахмат становится хозяином усадьбы.

Купцов который раз сопоставлял эти факты. Искал взаимосвязь.

— Когда? — вторгся Жилин в мысли шефа.

— Она не должна улететь, пока не закончим расследование, — сказал Купцов, не отвечая на вопрос.

— Поможем.

— Ты о чем?

— Поможем остаться.

— Надо, Вася! Но как? Не можем же мы взять у нее подписку о невыезде.

— Произведем несанкционированное изъятие паспорта у мадам. Куда она без документов? — развел руки Жилин, сопроводив жест каверзной улыбкой.

— Кто это делает?

— Вчера мамашу навещал, встретил там во дворе Федора Дудикова.

— Дизеля?

Василий кивнул:

— Классный специалист!

— Грубо как-то.

— Деликатно не получится. Да и так не просто. Изъятие документа можно осуществить только в сутолоке при регистрации перед посадкой в самолет. У Дизеля должен быть билет на тот же рейс.

— Скорее всего, она вылетает в Лос-Анджелес.

— Ну, можно точно узнать. Друган Валера...

— Звони, — нетерпеливо прервал помощника Купцов.

Через четверть часа сыщики знали — Соловей Анастасия Юрьевна, приобрела билет до Лос-Анджелеса через Москву на 16 июня 2005 года.

— Надо срочно брать билет Дизелю до Москвы на тот же рейс, — засуетился Жилин.

— Проблемы могут возникнуть...

— Не понял, — округлил глаза Василий.

— В аэропорту Дизель «нон грата». Знают его там.

— Приоденем, тросточку дадим. Да и билет же у него...

— Не нравится мне все это, — нехотя согласился Купцов.

Василий застал пожилого карманника по кличке Дизель во дворе дома № 76 по улице Гете, где тот и проживал со своей супругой, бывшей красавицей по кличке Сонька. Лысеющий мужчина, с беспокойными серыми глазами и с непомерно широкими плечами, за что и получил кличку Дизель, «забивал козла» в компании трех пенсионеров.

— Здорово булы, отцы, — поздоровался Василий.

— И вам не хворать, — бросил Дизель быстрый, настороженный взгляд на сыщика. Затем с размаха стукнул костяшкой

домино по столу:— Рыба! Ну, ладно, — отодвинулся от стола. — Пришли тут ко мне.

Старики нехотя поднялись.

— Как насчет пивка? — изучающе посмотрел Василий на карманника.

Дизель оглянулся по сторонам, как бы остерегаясь кого.

— Зря, гражданин начальник, деньгами соришь. Отошел я от дел. Чист.

Карманник выставил руки, потер крючковатые пальцы, как бы демонстрируя непригодность их к тонкой работе.

— Артрит. Куда с такими граблями? — сказал сокрушенно. — Да и при моем возрасте зону топтать...— Э-эх, прошли времена, — сказал сокрушенно, демонстрируя в кривой улыбке латанные желтым металлом зубы.

— Разговор есть интересный, — улыбнулся и Жилин. — Хочу вас, Федор Харитонович, нанять на работу.

— Подметать если, так у нас с Сонькой и так три двора...

— По основной специальности, Федор Харитонович!

Долго толковали за щедрым столом на хате у Дизеля. Все траты на застолье взял на себя следак. Достигли таки взаимопонимания.

13

13 июня Михаил Семенович впервые после возвращения из Германии позвонил Рахиму Исаеву, бывшему своему заместителю по УВД. Рахим в департаменте внутренних дел города ведал отделом по борьбе с организованной преступностью, носил полковничьи погоны. Встретились, допоздна засиделись в ресторане Версаль. Вспомнили прошлое, обсудили насущное. Купцов просил полковника допросить двух фигурантов расследуемого им дела, не информируя об этом прокуратуру.

14

Если посмотреть на глобус сверху, можно сделать любопытное умозаключение, имея даже элементарные астрономические познания — когда на южную столицу Казахстана опускаются вечерние сумерки, на американском побережье Тихого океана, где расположен Лос-Анджелес, зарождается утро. Телефон Андрея Купцова зазвонил утром 14 июня. Трубку сняла жена Юлия, отозвалась певучим голосом:

— Хэлло.

— Купцов Михаил из Казахстана, — представился детектив. — Юля, здравствуй!

— Ой, папа, здравствуйте! — чисто по-русски назвала свекра сноха. — Как здоровье, папа?

— Как у вас говорят, все о' кей! Андрей дома?

— Андрюша-а, папа, — позвала Юля.

— Привет, па! Проблемы?

— Ты откуда знаешь?

— Ну... Так у нас принято. Зря не звонят.

— Получается, по-вашему.

— Выкладывай коротко, за мной уже напарник подъехал, сигналист.

— Коротко: в Лос-Анджелесе надо найти человека по фамилии Вейтцнер. Патрик Вейтцнер.

— Адрес знаешь?

— Адреса не знаю. Возраст от сорока до пятидесяти. Эмигрировал из Казахстана где-то в конце девяностых прошлого века.

— Ты уверен, что он проживает в Лос-Анджелесе?

— Предполагаю.

— Думаю, найдем. А если он совершил какое-то, даже незначительное правонарушение, вообще, но проблем.

— И, самое главное, надо выяснить, не вылетал ли он за океан в первой половине июня 2002-го года?

— Понял, па. Отдыхай! Завтра утром жди доклада.

— Предположительно преступление он совершил у нас. В ночь с 17-го на 18-ое июня 2002-го года.

— О' кей, па!

Утром 16-го июня Михаила разбудил звонок из-за океана. Информация от Андрея Купцова была ожидаемой: Патрик Вейтцнер 14 июня 2002-го года вылетал в Алматы через Москву. Вернулся двадцать второго июня.

— И чем он у вас занимается? — поинтересовался Купцов старший.

— Таксует.

— И еще, семейное положение?

— Один живет.

— Все, сынок, спасибо.

— Па, извини, не мое, конечно, дело, все хочу спросить: вы что, развелись с мамой?

— Да нет, просто живем врозь. Она в Европе, я в Азии.

— Жаль...

— Не захотела возвращаться. А я немчуру на дух не переношу.

— Сюда приезжайте, здесь вообще нет наций. Все американцы.

— Ладно, подумаю, — как бы оправдываясь, ответил Михаил. Хотя знал, этого не случится. Теща не согласится, а без нее Марта не поедет.

Много чего свершилось 16 июня 2005-го года. Выкатилось утром из-за гор светило, и, не проявляя интереса к событиям, происходящим на освещаемой территории, деловито покатилося на Запад.

А события были весьма значимые. Гульжан разместила полученные деньги в трех банках. Жизнь ее стала простой и ясной, напевая что-то про «бригантину в дальнем синем море», она просматривала объявления о купле-продаже квартир.

Купцов мысленно строил хитроумные комбинации из трех фигурантов расследуемого дела — Анастасии, Патрика и Ахмата, группируя и переставляя их местами.

А за стойкой № 7 началась регистрация авиабилетов на рейс 502 Алматы — Москва. За Анастасией Соловей занял очередь видный, благоухающий дорогим парфюмом мужчина, словно только что сошедший со страниц журнала мод. Костюм на нем белый с иголки, того же цвета туфли, светлая фетровая шляпа, тросточка с затейливым набалдашником. Рядом говорливая, нарядная дама, вполне соответствующая моднику.

— Ой, Феденька, ты же опять оставишь саквояж где попало. А там варенье абрикосовое для тети Пуси.

— Оставлю, — не стал спорить с женщиной Дизель. Он-то и был упакован по последней моде.

— Не забудь пригласить тетю Пусю на август, на арбузы и дыни...

— Забуду.

Сонька с опаской взглянула на Анастасию, как бы прикидывая, можно ли той передоверить мужа.

— Я дико извиняюсь, мадам, вы до самой Москвы?

— Да, — буркнула Анастасия, не удостоив Соньку взглядом.

— Не могли бы вы присмотреть за Феденькой, самое главное, чтобы он саквояж где попало не оставил.

— За мной бы кто присмотрел, — ни к кому не адресуясь, вполголоса произнесла Анастасия.

Дальше произошло нечто странное и моментальное. У Соньки подвернулась нога из-за непомерно высоких каблуков, она, сохраняя равновесие, вцепилась за рукав жакета Анастасии. Та выронила сумочку, которую прижимала к себе локтем. Дизель услужливо поднял оброненную вещичку, обер платком, задержав в руках на мгновение.

— Извините мою благоверную, — соорстил на лице не то улыбку, не то гримасу. — Ну, говорил же дурехе, не по твоему возрасту такие каблуки.

— С вашей стороны, Федор Харитонович, бестактно публично мудировать мой возраст, — обиделась супруга, перейдя в обращении к мужу на «Вы».

— Будировать, а не мудировать, сколько раз говорил. Шла бы ты домой, Софья Абрамовна. Утюг, наверное, опять забыла выключить...

— Вот он, — продемонстрировала электроприбор Сонька, достав его из дамской сумки. Чмокнула мужа. Очередь заулыбалась.

— Так не забудь пригласить тетю Пусю на арбузы.

И Анастасии:

— А вы уж присмотрите за моим. Ну, прямо малое дите.

Выйдя из здания аэропорта, Сонька передала паспорт певицы Жилину.

— Теперь Феденьке и лететь может не надо? — спросила у сыщика. — А то ведь он, как дите малое, балует без присмотра.

— Надо, мать, надо. Человек наш его там встретит. Конкретный! Погостит у него пару дней и обратно, — сказал Василий, напустив на себя строгость.

Подошла очередь Анастасии. Тревожные ее мысли беспризорно витали в другом пространстве и времени. Регистраторша слегка постукала по столу накрашенными ноготками:

— Гражданочка...

— Ах, да, — стала рыться в сумочке женщина. — Вот, — протянула билет.

— Паспорт.

— Ах, да...

Ревизовав содержимое сумочки, Анастасия недоуменно посмотрела на окружающих, словно ища поддержку.

— О, Боже, — посмотрела под ноги, не выронила ли.

— Гражданочка...

— Наверное, паспорт дома оставила.

— Полтора часа еще, может и успеете, — сочувственно сказала регистраторша. — Без документов никак, — словно извинялась. — Следующий!

Дизель подал свои документы.

В Москве Федора встретил агент Роберт. Три дня они беспробудно пьянствовали в самых дорогих ресторанах. Двадцатого июня агент Роберт проводил дорогого гостя. Посадил изрядно помятого Федора в самолет, вылетающий в Алматы.

Полковник Рахим Исаев тем временем допрашивал Ахмата Садыкова, 1940-го года рождения, уроженца села Карамалы, Узбекистана. Ранее судимого за убийство.

— Догадываетесь о причине моего интереса к вашей персоне? — спросил полковник задерженного.

— Ни грамма, — покачал головой Ахмат.

Был он внешне спокоен, сидел с безразличным видом, вытянув ноги, откинувшись на спинку стула.

— Курить можно? — спросил, закидывая ногу на ногу.

— Курите.

Ахмат закурил. На его лице застыло благочестивое выражение. Но от Исаева невозможно было скрыть незначительные проблески тревоги. Не зря в департаменте коллеги кликуху приклеили — «детектор лжи».

— Вы раньше с Купцовом, любителем частного сыска, не работали? — спросил Ахмат, настраивая следователя на мысль, что тот взялся за безнадежное дело. — Пустой базар трет.

— Вопросы здесь задаю я, — прервал его жестко Исаев.

— Я что, арестован, рот мне затыкаете?

— Задержали вас, — посмотрел следователь пристально на Садыкова, — по подозрению в убийстве.

— Когда это было-то, — подобрал ноги Ахмат, как бы собираясь встать. — Отмотал положенное, начальник.

— А выводов не сделали.

— Какие еще выводы?

— Надлежащие.

— Я вас что-то, гражданин начальник, не пойму.

— Сейчас поймете. Но сначала задам несколько вопросов, которые возможно вам не понравятся.

— Валяйте, только я, так я думаю, не обязан отвечать на все ваши дурацкие вопросы. Есть презумпция невиновности.

— Вы хотели сказать «презумпция»?

— Хотел, не хотел, — огрызнулся Ахмат, — задавайте ваши вопросы.

— Анастасия Соловей переписала на вас коттедж стоимостью полтора миллиона условных единиц. Вопрос — за какие такие заслуги? Уж не за ликвидацию ли ее мужа в две тысячи втором году?

Ахмат искренне возмутился:

— Подозреваете в убийстве Филипыча? — брызнув слюной, вытер пятерней влажный рот. Он был не из тех, кто стесняется своих чувств и скрывает манеры.

— Возможно. Только не сочиняйте про жаркие любовные связи с его женой Анастасией. Не поверю.

Исаев смотрел на Ахмата, как на блефующего покерного партнера. Тот быстро отвел глаза, уставился взглядом на свои ботинки. Закурил.

— Много курите.

— Тебя это, гражданин начальник, заботит? — перешел односторонне на «ты» Ахмат.

— Абсолютно нет. Отвечайте на вопрос.

— Отвечу, при одном условии, — произнес подследственный как-то неубедительно.

— Условия диктую я.

— При одном условии, — повторил Ахмат, собираясь с мыслями. — Не хочу иметь неприятности, выгораживая других. Пусть даже за коттедж... Свобода дороже!

— Хорошо, что за условия?

— Запишете в протоколе, что после отлета в Америку гражданки Анастасии Соловей, пришел к вам, и поделился сомнениями.

— Делитесь, слушаю.

Ахмат вздохнул глубоко, посмотрел с недоверием на следователя.

— В тот вечер мы с хозяином играли в карты — я и Гульжанка. Кухарка, пассия его тогдашняя. Любил он в подкидного перекинуться, — начал Ахмат, исподволь наблюдая за восприятием следователя. — Я ушел, когда пробило десять, выпить захотелось. Филипыч не поощрял, сам не пил и не курил, до ста лет хотел дожить. Выпил у себя в комнате, посмотрел телевизор. Вздремнув малость, вышел во двор.

— Дату и время назовите, — перебил Исаев.

— Поздно вечером семнадцатого июня две тысячи второго года. Возможно, уже и восемнадцатое было... На часы не смотрел. Пошел по дорожке к дому Филипыча. Частенько ночью прогуливался, бессонницей страдаю. Вижу, человек вышел от хозяина, прикрыл за собой дверь, встал под светильником, что-то засовывает в карман. Возможно пистолет. Но, не уверен. Окликнул его. Человек поднял голову, очки, вижу, необычно большие. Тут его и признал — продюсер хозяйки, Патрик. Бывший продюсер. Говорили, уехал куда-то. А тут появился, выходит. Подходить не стал, ночь все-таки. Да и Патрик поспешно пошел к воротам. А утром все и выяснилось.

— Выяснилось что?

— Убийство.

— Что же вы об этом следователям не рассказали?

Ахмат зевнул, не прикрывая рта, демонстрируя крепкие коренные зубы.

— Вот, рассказал.

— Почему тогда не рассказали?

— Не спрашивали, — снова принялся созерцать свои ботинки Ахмат.

— А когда хозяйка собралась отбыть в Америку, предположительно к бывшему продюсеру, стали шантажировать ее. Потребовали вознаграждение за ваше трехлетнее молчание. Так?

— Угадали! Но не совсем. Свое потребовал! Кто такая Анастасия, кто такой Никонов? Создали они что своими руками? Нуль. Она — порхала и чирикала, он — с парламентской трибуны чепуху молот. Я еще ни разу не видел депутата, который бы соображал о чем говорит. Коттеджи эти я выстроил, имею на них право. Вот и воспользовался правом. Свое вернул! А как — не имеет значения.

— Ошибаетесь, господин Садыков. За сокрытие фактов преступления — одна статья, за рэкет — другая, — выставил Исаев для наглядности поочередно один палец, потом другой. — В совокупности червонец вам светит.

— Все, что я тебе рассказал, начальник, сказки, — провел Ахмат пятерней по уголкам губ. — К делу не пришьешь.

— Проверим. Проведем очную ставку с Анастасией Соловей.

— В Америке? — ехидно улыбнулся Ахмат, посмотрев на свои часы.

— Не улетела она.

— Как, — дернулся подследственный. — Погода вон, — кивнул на раскрытое окно, через которое в комнату врывались солнечные лучи.

— Паспорт потеряла.

— Помогли. Догадываюсь кто. Напрасно ты, гражданин начальник, с этим шабашником связался. Дело давно закрыто с одобрения верхов, — ткнул он на потолок. — Начальство не одобрит твою самодеятельность.

— Придерживаюсь иного мнения. А вам, скажем так, в интересах следствия, придется задержаться у нас.

— Не имеете права!

— На семьдесят два часа — имею. Люки чугунные с канализационных колодцев воруют, на вас указали. Так-то вот...

Поднимаясь, Ахмат импульсивно рванулся вперед, Рахим ладонью толкнул его в лицо.

— Сидеть!

Арестант беспомощно опустил на стул. Затих.

— Алло, — грустно отозвалась Анастасия на телефонный звонок.

— Добрый день! По поводу вашего паспорта беспокою, Анастасия Юрьевна, — сообщил полковник Исаев, представившись.

— Нашли? — спросила Анастасия грустно.

— Можно и так сказать. Пришлю машину за вами, маленькие формальности.

— Уже не к спеху.

— Разговор есть, Анастасия Юрьевна.

— Заинтриговали.

— Взаимно. Машина будет минут через двадцать. Никуда не отлучайтесь.

Голос мягкий, но настойчивый. Анастасию начала обволакивать паника. Она покрылась испариной, и в то же время ее знобило. Сжало горло, стала тяжело дышать. Заметалась по комнате, как бы ища выход из замкнутого пространства. Исчезновение паспорта, звонок полковника, как он представился, «по борьбе с организованной преступностью». Прознали таки про Патрика. Про его встречу с Зиновием накануне убийства. Но он клялся ей в непричастности... Могут ее обвинить — почему не заявила тогда, что Патрик в тот вечер заходил к ней? Бежать! Бежать в Киргизию, а оттуда вылететь в Америку. Паспорт? Взять у Кати. Внешне они схожи. Деньги на карточках, дорожная сумка, вот она, собрана.

Позвонила Екатерине на трубку:

— Еду к тебе!

Выходя из дома, по привычке посмотрелась в зеркало, из глубины глянуло на нее чужое изображение во всем черном, со впавшими глазами.

За калиткой певице улыбнулся молодой человек, приятной наружности, с цепкими глазами.

— Анастасия Юрьевна, здравствуйте! — поклонился театрально.

Фанат, подумала певица.

— Потом, мальчик, потом...

— Спешите куда?

— Спешу.

— Подвезем, — встал на ее пути молодой человек.

Догадалась, задерживают.

Автомобиль с синими полицейскими номерами остановился за квартал не доезжая до усадьбы Никоновых. Молодой человек приятной наружности, коротко поговорив по мобильному телефону с водителем, сообщил Анастасии, куда следует пройти.

Стыдобушка. Дожила до чего!

— Вещички дома оставьте, — предупредил он.

Прошел с ней в дом. Выйдя, сопровождал до полицейской машины, придерживаясь дистанции, чтобы не компрометировать. Из машины вышел человек в бронежилете, маске, с автоматом на плече.

— Наркотики, оружие? — произнес сухо. Глаза в прорезях черной маски были кукольно голубые, окаймленные белесыми ресницами.

Анастасия промолчала. Она не могла говорить, вот-вот грохнется. Полицейский без трепета, как манекен, прошупал живую плоть не исключая интимные места. Чисто! Пригнул ее голову, затолкал на заднее сидение автомобиля. Сел рядом, положив автомат на колени.

— Поехали! — скомандовал шоферу.

Доставив Анастасию в Департамент внутренних дел, полицейский в бронежилете, сопровождал ее до кабинета Исаева. Начал докладывать:

— Товарищ полковник, задержанная Соловей...

— Свободен, — прервал его Исаев.

И приветливо, как старой знакомой, улыбнулся певиче:

— Анастасия Юрьевна, поклонник вашего вокала! Извините за моих твердолобых. Этих, — ткнул рукой, с выставленным указательным пальцем, на закрытую дверь, — занарядили совсем по другому адресу. Дежурный перепутал. А та машина, которая должна была поехать за вами, попала под обстрел. Наш прокол — приносим извинения. Хо-хо-хо, — выдохнул по-старчески, хотя годков-то ему чуть больше сорока.

Подобный блеф вряд ли бы прошел с Ахматов, а на Анастасию подействовал. Состояние полуобморочное, самое подходящее для душевного разговора и чистосердечного признания.

— Анастасия Юрьевна, с чего начнем? — спросил Исаев, изобразив улыбку телеведущего Эдварда Радзинского.

И себе же ответил:

— Давайте с кофе.

Секретарша не первой молодости, и как бы сказал известный политик «но и не второй», принесла кофе и печенье.

— Я заплачу, — прошептала Анастасия, еле шевеля губами. В голове была полная неразбериха.

— За кофе что ли? — взглянул на нее следовательно так, словно только сейчас увидел.

— За все... Лишь бы улететь.

— Будем считать, что этого вы не говорили, а я не слышал. Погнали. Я задаю вопросы, а вы коротко и обдуманно отвечаете. Производится аудио запись. Фамилия, имя, отчество, год рождения, место проживания.

Анастасия, запинаясь, ответила.

— В каких отношениях вы находитесь с гражданином Соединенных Штатов Америки Патриком Вейтцнером?

— Мы были любовниками до его отъезда в Америку.

— С какого по какой год?

Анастасия задумалась, вспоминая.

— Где-то с конца девяностых до его отъезда.

— Встречались ли с гражданином Вейтцнером после?

— Да, ездила на гастроли в Америку.

— И только?

— Накануне убийства Зиновия он прилетал в Алмату. Но он не убивал.

И закричала:

— Не убивал!!!

— Успокойтесь. Кто сказал, что он убил Никонова?

— Подозреваете.

— Ладно, дальше поехали. В ночь с 17-го на 18-ое июня 2002-го года встречался ли гражданин Вейтцнер с Никоновым?

— Да.

— Цель встречи?

— Никонов задолжал ему какие-то деньги.

— Оружие у него было?

— У Патрика что ли?

— Да.

— Этого я не знаю, но думаю — нет. Он близорукий, и вряд ли когда-то держал в руках пистолет или что-то подобное.

— Посетил ли он вас после встречи с Никоновым?

— Зашел. Остался до утра.

— Ваши показания должен подтвердить Вейтцнер.

— Ну, позвоните ему. Номер телефона я подскажу.

— Весьма разумно. Вы же там, в Америке, должны с ним встретиться? Так?

— Да, — ответила вконец замороченная Анастасия.

— Встречу организуем здесь. Выясним все, а потом, голубки, вместе и улетите. Бай-бай Казахстан!

— Я вас не поняла.

— Сейчас, из моего кабинета звоните Патрику. Говорите: «Милый мой хороший, прилетай, поможешь продать недвижимость. Вместе потом и улетим». Иначе вы проходите по делу, как соучастница убийства. Он за океаном получит срок заочно, а вы здесь — на всю катушку.

— Я согласна, — тихо произнесла Анастасия.

— Согласны звонить?

— Да.

Вечером семнадцатого июня 2005-го года Боинг 474 из Москвы приземлился в аэропорту Алматы точно по расписанию. Патрик вышел из зоны таможенного досмотра одним из первых, багажа у него не было. Анастасия грустно улыбнулась любовнику, словно и не рада встрече. Отстранилась от объятий:

— Ну, люди же смотрят, Пат.

Прошептала:

— Вот телефон с набранным номером вашего консула в Алматы. Вернись в зону досмотра, как бы за вещами, звони консулу, проси убежища.

Разговор прослушивался Купцовым. Крошечный датчик Феликс Урбель закрепил на воротничке Анастасии.

Вейтцнер посмотрел на нее с недоумением:

— Ты о чем, Птенчик? — назвал ее любимым прозвищем.

— Тебя подозревают в убийстве Зиновия.

— Да ты сама знаешь — не убивал.

— Предупредила, поступай, как знаешь. Здесь тебе не Америка! Так раскрутят...

На звонок Патрика «консулу», случись такое, отозвался бы Купцов. Отказ от звонка весомый довод непричастности Патрика к убийству. Умно!

Анастасия, исполнив порученную роль, отступила. Ее место занял крепко скроенный, тепло, не по погоде, одетый человек. Пистолет маскировал под одежду.

— Патрик Арнольдович, — улыбнулся Жилин, он и был тепло одет, — с вами хотят потолковать.

— Уже предупредили.

— Не возражаете, провожу вас?

Патрик кивнул, не задавая лишних вопросов.

Кабинет принял прежний вид, каким был при жизни Зиновия Никонова. Диван, верно, другой, но очень похожий. На нем за небольшим журнальным столиком расположился Михаил Купцов. Напротив, в удобных креслах Гульжан и Ахмат. Жилин топтался возле дверей.

— Проводится следственный эксперимент, — сказал Михаил Купцов. — Производится видеозапись, — кивнул на небольшую камеру. — Итак, — посмотрел на ручные часы, — три года тому назад, вечером семнадцатого июня вы, Гульжан, и вы, Ахмат играли с Зиновием Никоновым в карты. Так было? — посмотрел детектив на Ахмата.

— Ну, примерно, — ответил тот нехотя, как бы подчеркивая несерьезность и никчемность мероприятия.

— Да, — подтвердила Гульжан.

— Кто когда ушел? — поочередно обозрел Купцов сидящих.

— Я ушел сразу после того, как десять пробило, — сказал Ахмат, не удостоив следователя взглядом, — она, — ткнул пальцем на Гульжан, — тогдашняя любовница хозяина, — осталась на десерт. Любил хозяин сладких женщин, — скривил губы Ахмат, изображая улыбку. Открыл рот, хотел еще что-то сказать, детектив осек:

— Вы пока свободны.

Жилин вышел следом за Ахматом, ловко защелкнул на его правом запястье клешни наручников. Другой конец был пристегнут к его левой руке.

— Не дергайся, — предупредил.

Ахмат что-то угрожающе пробурчал. Жилин не обратил на это внимания.

— Что было после ухода Ахмата? — посмотрел детектив дружелюбно на женщину.

— Какое-то время мы еще играли, может полчаса, может час. Зазвонил телефон.

— Городской или мобильный?

— Мобильный, — сказала Гульжан с некоторым сомнением, и уверенно добавила: — Да, мобильный. К городскому вставать бы ему пришлось.

— Вы слышали разговор?

— Зиновий Филиппович слушал молча. Сообщение ему не нравилось, помрачнел как-то. Только и сказал одно слово: «Хорошо».

— Ушли когда?

— Около двенадцати.

— Спасибо, свободны. Скажите там, — указал на дверь, — Вейтцнер пусть зайдет.

Зашел Патрик. Близоруко щурясь посмотрел на детектива.

— Присаживайтесь, Патрик Арнольдович, — улыбнулся одними губами детектив. Глаза оставались холодные. — С вашего согласия отмотаем время на три года назад.

— Но проблем, — сказал Патрик, сев в кресло напротив Купцова. Закинул руки на затылок, устало прикрыл глаза. — Спрашивайте.

— Вы Патрик Вейтцнер, гражданин Соединенных Штатов Америки, бывший продюсер певицы Анастасии Соловей.

— Все так.

— В ночь с 17-го на 18-ое июня 2002-го года в этом кабинете вы встречались с Никоновым Зиновием Филипповичем.

— Предварительно позвонил, он любезно согласился принять меня.

— Отвечаете только — да или нет.

— Да.

— Цель вашего посещения?

— Нет.

Купцов недоуменно посмотрел на американца.

— Что нет?

— Не убивал Никонова.

— А я что, сказал — убивали?

— Сказали же, отвечать да или нет, — саркастически улыбнулся допрашиваемый. — Подозреваете, вот и сказал — нет, не убивал.

— Цель вашего посещения?

— Пришел за долгом. Не доплатил он мне...

— За какие услуги?

— За раскрутку его будущей жены, певицы Анастасии.

— Угрожали ему?

— Нет.

— Дал он вам денег.

— Да.

— Сколько?

— Двадцать пять тысяч американских долларов. Обещал еще столько же, если заберу Анастасию.

— Заберете, как?

— Увезу в Америку.

— Согласились?

— Сказал — надо бы увеличить приданное.

— Согласился он?

— Ответил, подумает.

— Дальше что было?

— Поблагодарил, пожелал спокойной ночи. Выйдя из дома, стал рассовывать деньги по карманам. Тут меня окликнули. Человек стоял довольно далеко, рассмотрел только силуэт.

— Высокий, низкий?

— Не могу сказать уверенно, скорее высокий.

— Пошли куда.

— К Анастасии. Теперь уже не таясь, имея полное право.

— Почему тогда не увезли ее в Америку?

— После случившегося, могли что угодно подумать. Мой прилет мы с Анастасией утаили, чтобы не отвлекать следствие. А оно вон как сложилось...

— Почему не забрали Анастасию три года тому назад после закрытия дела?

— Были причины...

— Какие?

— Как говорят у вас — мотал срок. В Америке. Человека сбил, будучи пьяным за рулем.

— Спасибо, пока свободны.

Тем временем «пристегнутые» дошли до флигеля. Молча курили. На звонок мобильного телефона Жилин коротко ответил: «Да, хорошо». Дернул пристегнутой рукой, как бы призывая «сиамского близнеца» к общению. Последовало сердитое ворчание, как у собаки во сне.

— Итак, гражданин Садыков, — начал Жилин монотонным голосом прилежного судебного исполнителя, — ночью с 17-го на 18-ое июня 2002-го года с большого бодуна ты вышел из этого флигеля. Помочился на цветник...

— По себе судишь, мусор.

— Пистолет Макарова, калибра девять миллиметров, — продолжил сыщик, не реагируя на оскорбление, — у тебя был заткнут...

— Не было у меня никакого пистолета.

— Вот он, — протянул ему оружие сыщик. — Весь двор миноискателем проутюжили, пока ты в кутузке у Рахима парился, а нашли в мешке с рисом. Хитер папаша! Но и жадный, выбросить надо было улику куда подальше...

— Суешь оружие, чтобы отпечатки оставил? Знаю ваши подлючные приемчики...

— Эксперт по дактилоскопии уже их зафиксировал. Обнаружил на патронах. Неаккуратно работаешь, киллер хренов!

Изнemoгая от ярости, Ахмат выхватил из рук сыщика пистолет, коротко взмахнув, ударил его рукояткой. Жилин среагировал, удар получился скользящий, слегка рассек левый висок. Василий платком прижал рану.

— Мог бы искалечить тебя, но не буду, — сказал с ноткой сожаления в голосе. — Чтобы перед прокурором предстал во всей красе. Пошли, волынку за пояс заткни. Разряженный, покажешь, как стрелял.

В кабинете царил полумрак, включена только настольная лампа. На диване сидел Никонов старший. Короткая стрижка, как у сына, ежик черных крашенных усов. Ахмат дернулся испуганно, но тут же понял, это Филипп Кузьмич, заgrimированный под сына.

— Кончайте ломать комедию, — отмахнулся Ахмат свободной рукой, словно видеть ему мешала паутина. — Да, я его застрелил! Вот этим, — медленно стал поднимать пистолет, наставляя на Никонова.

И тут сухо прозвучал выстрел. Ахмат стал оседать, увлекая за собой Жилина. Василий отстегнул наручники вначале с Ахмата, потом с себя.

— Сдаю оружие, — положил Филипп Кузьмич револьвер сына на стол перед детективом. — Вы, Михаил Семенович, спрашивали, — грустно улыбнулся, — как я собираюсь поступить с убийцей Зиновия. Вот, я и распорядился.

На суде Ахмат Садыков (выжил таки!) сказал в свое оправдание, что стрелял не конкретно в Зиновия Никонова, а стрелял по капитализму, который забрал у него веру в справедливость.

Филиппу Кузьмичу дали условный срок за хранение незарегистрированного оружия, посчитав его выстрел за самооборону.

После суда к Жилину подошел Урбель, пожал ему руку.

— Может к нам, — подмигнул заговорщицки, — зарплату обещают добавить...

— Польщен. Не могу ответить взаимностью и пригласить вас в наше сыскное агентство. Расписание штатное, — развел руки. — Разве что, — хитро улыбнулся, — по совместительству...

Купцов посетил Ахмата в изоляторе временного содержания перед его отправкой в колонию. Помнили еще там бывшего мента, допустили к осужденному, переведя его по случаю в «персональную» камеру. Однако «душевный» разговор не состоялся.

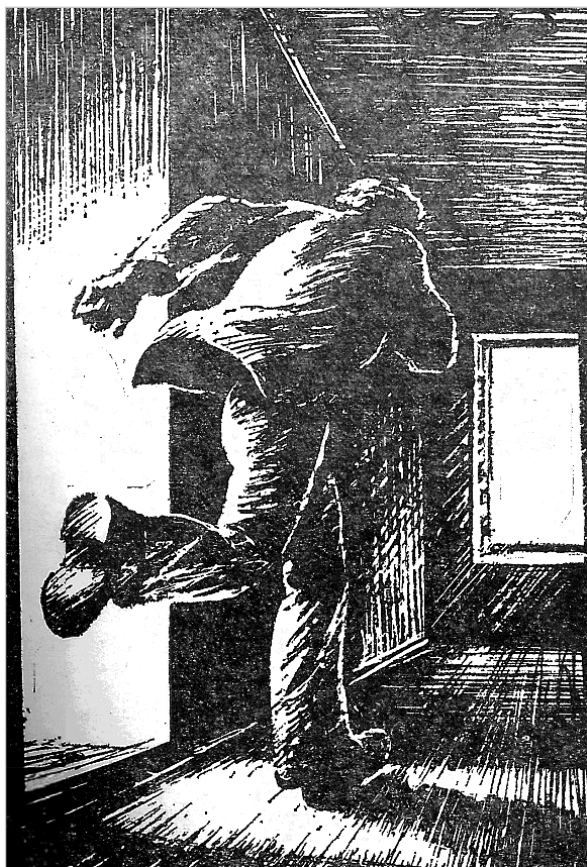
— Кто же все-таки заказал Зиновия? — задал единственный вопрос детектив.

— Меньше будешь знать, дольше проживешь, — ответил Ахмат, оглянувшись через плечо на массивную, скучно окрашенную дверь камеры.

Слова прозвучали неприязненно.

— Да и мне на зоне будет спокойнее, — улыбнулся.

Узел

1. Черная дыра. 11 июня 2000 года

— Ну что, голуби вы мои? — обвел скучным взглядом полковник Купцов сотрудников отдела по борьбе с организованной преступностью Управления внутренних дел Алматы. Словно и не он собрал их ранним воскресным утром, а они пригласили шефа на междусобойчик. — Гуляем, значит, отдыхаем, — не то спросил, не то осудил Купцов коллег, выводя замысловатую дробь кончиками пальцев по столешнице: тра-та-та... тра-та-та... тра-та-та...

От индифферентного, казалось бы, взгляда шефа не ускользало ничего — кто с перепоя, кто из объятий знойной подруги, а у кого рутинное семейное счастье с букетом проблем. А фраза «ну что, голуби вы мои» означала: случилось что-то из ряда вон. Настолько серьезное, что придется отложить текущие дела, которых «воз и маленькая тележка», и всем отделом «рыть копытом землю». Эти перлы тоже из лексикона шефа.

Дружное молчание. Отважный капитан, это и его звание, и кликуха, Василий Жилин безуспешно пытался глубже втянуть голову в распахнутый ворот рубахи и дышать в сторону от начальства. Хоть закусывай! Производственная «травма» со следаком случилась прошлой ночью, перебрал. Ведет Жилин дело об изнасиловании элитной проститутки Анжелики. Пострадавшая, в основном материально, дает «на лапу» следаку натурой. Слаб «железный колун» по дамской части. Да и подогреть же красотку надо. И самому взбодриться. Вот и случился перебор. Штатский ухажер от профессиональных объятий проститутки и передозировки спиртного коньки бы отбросил, а Вася совсем живой. Да еще и бандитов ловит.

— Василий Макарович, — гротескно учтиво обратился шеф к Жилину, — расслабься и дыши глубже. Похоже, крепко вчера поработал?

Капитан не по комплекции резво вскочил, чуть не опрокинув стол.

— Так точно, товарищ полковник!

— И какой счет?

— Не понял, Михаил Семенович, — не уловил сарказма Жилин, начисто лишенный чувства юмора.

— Палок, спрашиваю, сколько бросил?

— А-а-а, так ведь для пользы дела, — на полном серьезе стал оправдываться капитан. — Сообразно обстановке. Контингент тяжелый, товарищ полковник.

— Так все-таки — сколько? — повысил голос Купцов.

— В интересах следствия пока не разглашаю, — наконец-то отшутился Вася, лучезарно улыбнувшись.

Невинные девичьи глаза отважного капитана, вводившие подчас в заблуждение даже «паханов», озарили кабинет голубизной.

— Головой надо работать, Жилин, головой. Преимущественно.

— Так точно, товарищ полковник!

— Все! — стукнул Купцов широкой ладонью по столу. Взгляд его сделался цепким, колючим. — С сегодняшнего утра переходим на казарменное положение. Никаких фуршетов и прочих трали-вали. Кто лично знает Марата Исламова?

Все семеро присутствующих знали Исламова, как везунчика и главного торговца оружием за государственным «прилавком». Товара этого как грязи! Оружие всякого «калибра», вплоть до боевых самолетов, и танков досталось Республике в избытке после распада Союза. Но лично, пожалуй, знал везунчика майор Рахим Исаев, правая рука Купцова. Рахим начинал свою карьеру при Советах в областном Управлении Госбезопасности под началом подполковника Исламова.

Молчание затянулось. Купцов начал «просвечивать» присутствующих пронизательным взглядом.

— Ну...

Умалчивать о знакомстве с Исламовым становилось небезопасно. Взорваться шеф может. Исаев шутейно поднял руку:

— Можно!

— Валяй...

— Я его знаю. Ну не так чтобы... Точнее, знал раньше.

— Друганы, выходит, — резюмировал Михаил Семенович. — Вот ты и будешь закоперщиком. Хлопнули твоего друга вчера вечером.

Купцов коротко и очень точно обрисовал обстоятельства убийства генерального директора «Казвоенторга» Исламова Марата Хасановича, 1952 года рождения, человека физически крепкого, энергичного. Исламов проживал в собственном доме в микрорайоне «Дубок». Поздно вечером десятого июня позвонили с улицы. У Исламова домофон. Визитера, надо

полагать, он знал, потому без боязни пошел открывать. Киллер, что затаился во дворе, с расстояния десяти шагов всадил ему три пули. Хватило бы и одной, настолько точны были выстрелы. Стрелял профессионал высокого класса. Пистолет ПМ с глушителем оставил на месте преступления.

— Раскрутишь оперативно дело, полковника сразу получишь, — авансировал Купцов. — Дело у самого президента на контроле!

Второй год майорские погоны Исаев перенашивал. То — то, то — другое...

— При надобности подключай весь отдел. А сейчас бери одного опера в помощники, чтобы постоянно с тобой. В случае чего, заменить бы мог. Видишь, как метко стреляют... Всю информацию, даже самую абсурдную, докладываешь мне.

Помолчали. Жилин, уже не маскируясь, откровенно зевнул, обдав коллектив кондовым перегаром. Похлопал по сдобным губам: шлеп-шлеп-шлеп. Бросил исподволь взгляд на шефа.

— Извиняюсь, пардон, — потянулся, улыбаясь не к месту воспоминаниям вчерашнего вечера.

— Радика-ал, — похвалил его Купцов.

Любил шалопая, рискуя собой жизнь ему спас в одной из метовских операций, будучи еще лейтенантом.

Жилин задвигал стулом, собираясь подняться, Купцов махнул рукой:

— Сиди!

Перевел взгляд на Рахима Исаева:

— Да, кстати, — как бы вспомнил, — Акимов-то Нурлан, с которым мы пять лет тому назад обнимались-целовались, вместо того, чтобы засадить лет на десять, работал у Исламова заместителем. И, если «банковать» по правилам, он и должен занять еще не остьившее кресло. Интерес, значит, имел. Да и опыта не занимать... Лучше меня, Исаев, знаешь, ты же тогда его дело вел.

— Акимова можно исключить, — возразил Исаев без раздумий. — Правильный он человек.

— Знаем, наслышаны. Бывший коммунист, совесть и честь народа. Робин Гуд! А троих, пусть даже отморозков, замочил только так.

— Не доказано это, дело давно закрыто, — возразил Исаев.

— Вот для начала и открой его заново и докажи его причастность к убийству Ахметова и двоих его поделщиков. Обстоятельства кардинально изменились, Дело, повторяю, у президента на контроле. А тут еще газеты на разные лады начнут вкаты. Закроем Акимова, доложим, — Михаил Семе-

нович кивнул на потолок, — так, мол, и так, подозреваемый уже задержан. Имеются веские доказательства...

— То есть — никаких, — встрял Исаев.

— И спокойно работаем, — проигнорировал Купцов реплику майора. — Никто не дергает. Найдется более подходящий субъект, извинимся перед Акимовым. Рад будет по уш.

Купцов окинул присутствующих взглядом, как бы ожидая возражения. Дружное молчание.

— Все свободны, — хлопнул ладонью по столу полковник. И, когда сотрудники задвигали стульями, задержал взгляд на Исаеве:

— Задержись, майор.

— Ты же знаешь, Рахим, — сказал Купцов, не глядя ему в глаза, когда они остались одни, — мне до пенсии ничего. И я бы не хотел, да и ты, думаю...

— Что бы мы не хотели?

— Чтоб меня поймали. Поймали и выгнали.

— Акимов не виновен в случившемся.

— Сдался он тебе. Ну, посидит малость. Будем считать — за прошлые преступления ... Трех насильников и убийц в девяносто пятом он замочил, это факт.

— Не доказано.

— Не хотели мы тогда доказывать, а сейчас хотим. И докажем.

— Не честно! Он судебскую ошибку исправил. За жену отомстил.

— Кончай, Рахим, сентиментальничать. Каждому свое. Исламову, Акимову, Купцову, да и тебе. Приказ, понял?

— Заявление сейчас?

— Акимов тебя на работу взял, когда из КНБ выперли?

— Ты же знаешь за что...

— Прошу тебя, Рахим. Думаю, Акимов у нас долго не задержится. А сейчас срочно надо им заткнуть черную дыру.

2. Шесть лет тому назад. 27 сентября 1994 года

27-го сентября 1994 года Акимова Ирина Сергеевна, молодая, цветущая женщина тридцати восьми лет, отпросившись, ушла с работы на два часа раньше. Домой она не вернулась ни в этот день, ни на следующий.

29-го сентября труп женщины нашли на городской свалке. Экспертиза установила — перед убийством Ирина была изнасилована. Похищены два золотых кольца, серьги с бриллиантами и незначительная сумма денег.

Киоскерша Иткина, что торгует газетами на углу Кирова и Коммунистический, напротив Главпочтамта, где работала Акимова, показала: Ирина Сергеевна, ее постоянная покупательница «Аргументов», примерно в четыре часа проголосовала и села в красную машину. На номер автомобиля киоскерша внимания не обратила, в марках автомобилей не разбирается, но запомнила — машина старая, красного цвета, с багажником на крыше. Иткина еще удивилась: такая краля, а садится в старый драдулет. Видать торопилась или еще что...

Не составило труда вычислить пять похожих по описанию машин — два Москвича и три Жигуленка. Путем повторного отбора с участием Иткиной, остановились на Жигулях одиннадцатой модели. Машина принадлежала ранее неоднократно судимому, в том числе и за изнасилование, Шалбаю Ахметову, 1962 года рождения, человеку без определенных занятий.

Ахметов не запирался, подтвердил, что действительно в этот день подвозил женщину, похожую по описанию на Ирину Акимову, от Главпочтамта до микрорайона «Дорожник». По пути, на пересечении улиц Рыскулова и Аэродромной, к нему подсели знакомые Усман Кадыров и Мустафа Разуев, которые могут подтвердить, что он высадил Ирину Акимову в целости и сохранности на остановке «Комбинат», где ее поджидал мужчина кавказской внешности. Он и рассчитался с Ахметовым. Щедро, тысячной купюрой.

Вечером того дня Ахметов с Кадыровым и Разуевым, людьми с уголовным прошлым, гуляли на летней площадке «Дастархан», что рядом с «Зеленым базаром». По показаниям официантки Марины, оставили пять тысяч. Рассчитывался Ахметов. По телефону, что в баре, он два раза звонил куда-то и сообщал — задерживается по делам. Деньги не ахти какие, но откуда? Кадыров с Разуевым, как и Ахметов, не утруждали себя постоянной работой. Промышляли на базарах — помогали торговцам товар разгружать, лохов «кидали», подбрасывая деньги, шарики-малики разыгрывали. Не раз задерживались, но дело до суда не доходило.

Шестого октября закрыли подозреваемых. Три месяца троица нюхала парашу в СИЗО разных ведомств, ментовские органы тогда перестраивались. Много болтали о правах человека, законности, демократии.

Подозреваемые держались стойко, вещественных доказательств не было, дело рассыпалось. Перед самым новым годом троицу освободили.

25-го января 1995 года жена Ахметова — Куляш заявила об исчезновении мужа. Беспутный Шалбай, оказывается, был

образцовым семьянином. Если задерживался где, непременно звонил, семья чтобы не беспокоилась. Куляш Ахметова высказала подозрение, сон ей был, — мужа убили менты, что не могли доказать его вину по делу Ирины Акимовой. Куляш и к цыганке обращалась, что торгует турецким золотом возле ювелирного магазина «Рубин». Земфира подтвердила ее подозрение: да, убит и зарыт глубоко на горе. Душа его не отпетая муллой мечется, не может попасть ни в рай, ни в ад.

Возбудили уголовное дело по статье — «Исчезновение человека».

Пропавшие мужики обычно через день-два, край как через неделю сами находятся. Запили, загуляли, уехали, куда попало, по пьяни. Шло время, Ахметов не объявлялся. Стали наводить справки о его приятелях, что проходили с ним по делу об убийстве Ирины Акимовой.

Обошли барахолки — места их обитания. Оказалось и они пропали. Верно, об этом никто не заявлял. Семьями не отягощены, вольные джигиты.

Усман Кадыров перестал появляться на излюбленных рынках «Рахат» и «Болашак» примерно за неделю до заявления Ахметовой.

Нашли сестру Усмана. Она и написала под диктовку заявление об исчезновении брата.

А Мустафа Разуев, без видимой причины, оставил сожительницу Камиллу, бабешку, по определению Жилина, «хоть куда». Случилось это двадцать восьмого января, на третий день после исчезновения Шалбая. Не появлялся Мустафа на базарах, где его знали многие торговцы. Подрабатывал там грузчиком, деньги иногда у торговцев одалживал. И, как всегда, «забывал» возвращать.

Подозрение в ликвидации троицы пало на Нурлана Акимова, мужа покойной Ирины Сергеевны, тогдашнего начальника КНБ Талгарского района. Полковник, якобы, поклялся над гробом жены — отомстить. А мужик он был конкретный, слов не ветер не бросал.

3. Нурлан Акимов. 2 февраля 1995 года

В феврале девяносто пятого веских улик для взятия под стражу Нурлана Акимова по уголовному делу об исчезновении Шалбая Ахметова и Усмана Кадырова не было. Расследование этого дела вел Рахим Исаев, следователь по особо важным делам

Управления внутренних дел Алматы. Тогда он еще был в звании капитана.

Утром второго февраля Исаев позвонил Акимову, представился и попросил аудиенции.

— В любое удобное для вас время, — сказал полковник, ничуть не удивившись просьбе следователя. Голос густой, спокойный.

В Талгар Исаев приехал на своей машине. Акимов, после доклада дежурного, спустился со второго этаж для встречи Исаева. Крепкое рукопожатие.

Седой, выше среднего роста, широкоплечий. Небольшая полнота придавала облику фундаментальность. Черты лица правильные, разрез карих глаз выдает азиата. Одет в гражданское.

— Где будем общаться? — спросил Акимов.

— У вас, понятно.

— Мне бы не хотелось. Не посчитайте за чужачество, но давайте на нейтральной полосе.

— Без проблем, — согласился, несколько удивленный, Исаев.

— Кабинет директора школы вас устроит?

— Вполне.

— Пять школ в городе, выбирайте.

— Мне без разницы.

— Тогда третья школа. Директором там Кондрашкин Олег Михайлович, мой приятель.

— Подойдет.

Акимов позвонил. Похоже, он заранее договорился.

Кондрашкин приветливо встретил их, организовал чай, извинился — водку не держит.

— А у нас с собой, — улыбнулся Акимов. — Не возражаете?

— Ну, если без песен...

После ухода Кондрашкина Рахим Исаев долго причесывался перед зеркалом, продувая без надобности расческу. Сейчас он должен допросить человека, у которого убили жену, мать двоих его детей. Впоследствии, возможно, его надолго упрячут за решетку. А те трое? Выиграли у ментов «краплеными» картами. Рахим не сомневался в их виновности.

Случись такое с его Сауле... Учились вместе с шестого класса. Первая любовь! После выпуска она пошла в театральный, он в ментовскую школу. Вышла замуж за однокурсника. Тот уже снимался в кино. Родила дочь. Мужа закружила киношная слава. Компании, поклонницы. Семью бросил. Сауле запила. Рахим уехал с ней и малышкой в низовья Или в поселок Аралтобе. Бабушка его там. Работал участковым.

Долгое возвращение Сауле к жизни. Женидьба, рождение сына, возвращение в Алматы. И вот, кто-то бы надругался над его женой, лишил жизни...

Полковник смотрел в окно. На фоне серого неба зябли оголенные ветки тополя, на ветру трепыхались редкие грязно-желтые листья, все еще цепляясь за жизнь.

Рахим обошел длинный стол, за которым Кондрашкин распекал учителей на педсовете, сел напротив полковника.

— У вас нет с собой записывающего устройства? — спросил Акимов.

— В машине оставил.

— В моем кабинете вчера копались. Не ваши?

— Думаю, нет.

— Выпьете?

— За рулем я.

— Шофера дам.

Акимов достал из кармана плоскую фляжку с инициалами SV.

— От прадеда досталась, — пояснил. — Серебряная, изготовлена во Франции. Люди уходят, а вещи остаются. Помните Ахматову: «Здесь все меня переживет, даже старая скворешня.»

Акимов разлил по пиалкам золотистую жидкость.

— Водка, настоящая на трех целебных травах, — пояснил. — Рецепт покойной жены.

Молча выпили.

— Нурлан Акимович, — начал неловко Исаев. — Вы, видимо, догадываетесь о цели моего визита.

— Конечно. Благодарен, что приехали, а не вызвали в Управление повесткой. Здесь кое-кто ждет этого.

— Я должен составить протокол допроса.

— Это ваша работа.

— Нурлан Акимович, мне крайне неприятно вести допрос, — сказал Исаев, осознавая недостаточность своих слов.

— Рахим... Так же вас звать?

— Да.

— Рахим, выполняйте порученное дело по полной программе. Сулите послабление за чистосердечное признание, угрожайте. А я, — слабая улыбка осветило лицо полковника, — буду выкручиваться, алиби выставять, награды демонстрировать. Докажете — не в обиде.

Исаев составил протокол допроса, где особо отметил, что в день исчезновения Ахметова — 24 января 1995 года, Акимов вместе с директором заповедника Хоревым и двумя

его сослуживцами охотился в урочище Ак-Булак. Запоевали кабана. Шашлыки, водка. Заночевали у егеря Селюхина.

Пресса, не имея на текущий момент других «остросюжетных» тем, ажиотаж раздувала — менты своих отмазывают. Прокуратура напоминала... Однако, дело не продвигалось. Исаев, явно симпатизируя Акимову, особого рвения и не проявлял.

Один из «обиженных» сотрудников Акимова донос настроил: Имел поручение от шефа установить места время препровождения Шалбая Ахметова и Усмана Кадырова. Исполнил, доложил. Появились и другие косвенные улики — в дни исчезновения разыскиваемых людей Акимов отсутствовал на работе. Да и мотивы у него были серьезные...

20 февраля 1995 года Акимова взяли под стражу, предъявив обвинение в убийстве Шалбая Ахметова и Усмана Кадырова.

23 февраля, в День Советской Армии, вызвал Исаева, минуя его непосредственное начальство, первый заместитель министра Внутренних дел. Поздравил с присвоением очередного звания. Несомненно, с его подачи. Вручил погоны майора, заставил нацепить. Угощал коньяком, кофе. Интересовался семьей, службой. Спросил и про Акимова.

— Двигаем, потихоньку, — доложил новоиспеченный майор без энтузиазма, что не осталось незамеченным генералом.

— Закрыл бы ты это дело, Рахим, — не приказал, а дружески посоветовал генерал. — Кто такой Акимов? Наш человек. Боевой офицер, личность! А те двое? Уголовники, изгой общества. Выпутались, нашли лазейку. Если он их и убрал, так вам меньше работы. Не произойдет очередного убийства. В театр, майор, сходишь, вместо морга, — похлопал отечески по новому погону. — Театр любишь?

— Да, — соврал чистосердечно Исаев. Кино предпочитал, как все менты.

Вскоре уголовное дело по Акимову было закрыто.

4. Полковник Купцов. 16 июня 2000 года

Полковнику, как он сам определил, до «звонка» осталось «хрен да маленько».

«Стану розы выращивать, — мечтал Михаил Семенович, копаясь на даче, — а то голландцы, голландцы, мать их трах-бах. У нас солнца больше, значит и розы ярче должны быть. Выведу сорт «Ментовка». Звучит, а?»

Утром в понедельник, 16-го июня Купцов вызвал к себе Исаева.

— Садись Рахим, садись, — указал на кресло за своим столом.
— Привыкай, скоро это место займешь.

Сам он по привычке отшагивал по кабинету, то вдоль, то поперек, как бы измеряя и перемеряя площадь. Исаев сел за приставной стол, на то самое место, где сидел обычно во время совещаний.

— Ты вот что, Рахим, — остановился наконец Купцов перед майором, — перво-наперво закрой Акимова. Пусть отдохнет от торговли аэропланами. Скандалы вон из-за них в мировой прессе. Газеты читаешь?

Купцов под «аэропланами» подразумевал МиГи, кои «Казвоенторг» продавал по дешевке Северной Корее. Полковник не одобрял торговлю оружием.

— Мы-то денег этих и не видели, — продолжил осуждение.
— Народ я имею в виду. Оседают они на счетах чиновников где-нибудь в Бангладеш, или в иной банановой республике. А кто повыше — недвижимость за бугром покупает. Каскелен им не нравится, навозом там пахнет. При дележе грызутся господа, убивают друг друга. И тут, пожалуй, не обошлось без этого. Закрой Акимова, — повторил Купцов с ударением.

— На каком основании?! — возразил Исаев. — У нас против Акимова — ноль. Пять лет тому назад...

— Не перебивай! — повысил голос Михаил Семенович, что бывало редко. — Учить тебя... Второе — оперативно раскрути «висяк» об исчезновении подозреваемых в убийстве его жены. Трупы откопай! Они есть и лежат не глубоко. Дам наводку — не один Акимов творил самосуд. Проверь прошлое окружение полковника. Есть куда шагать. Топай! Третье — Акимов, наверняка, догадывается, кто заказал Исламова. Бывший разведчик как ни как. Поможет нам — трупы его оставим покоиться, нет — повесим по принадлежности. И, сугубо конфиденциально, какая ему разница, два трупа или три? Статья-то одна! Возьмет на себя Исламова, поможем срок скосить. Председатель районного суда наш человек, бывший опер. Понял?

— Понял. Даже больше чем хотелось бы...

Купцов наконец сел за свой стол.

— Последнее мое дело, Рахим. На контроле у Президента! Пенсия персональная и прочие почисти. Генерал вон «джип» обещал. Да и ты очки наберешь. На все про все десять дней. Понял?!

— Вы что, смеетесь?! — возразил Исаев.

— Тогда не теряй время. Фитиль зажжен.

Взяли Акимова на службе. При обыске в кабинете в ящике письменного стола «обнаружили» незарегистрированный пистолет. Нурлан Акимович удивился было, но тут же понял — подлянку подстроили. Старый фокус, но действенный. По закону три месяца можно содержать заключенного под стражей.

5. Живой труп. 19 июня 2000 года

Понедельник. Шесть часов вечера. Истекал третий день из десяти, «отстегнутых» Исаеву полковником Купцовым. Дело «буксовало». Однако, министр внутренних дел на встрече с журналистами, улыбаясь на американский манер, сообщил: «Заказчик убийства Марата Исламова взят под стражу. Дает признательные показания. В интересах следствия фамилия его пока не оглашается.»

Конец дня. Солнце все еще палит. Пешеходы лениво переставляют ноги, придерживаясь теневых сторон улиц, пьют газировку, едят мороженое, потеют.

Исаев, перед уходом с работы, перелистывал свои записи. Сотрудник КНБ Поливода, пять лет тому назад донесший на Акимова, выехал из Казахстана. Сами показания, из прекращенного тогда следствием дела, непонятным образом исчезли.

Нурлан Акимович на камерные неудобства не жалуется. Свидания с ним никто не просит. На допросах — немногословен: «Да, были отдельные конфликты с Маратом Хасановичем, чисто производственного характера, не более. Заказчиков Исламова не знает. Лиц, подозреваемых в убийстве жены, не преследовал. И физически не уничтожал. Докажите! Нету — тела, нету — дела».

Просигналил телефон. Снял трубку. На том конце молчат. Жена, похоже, звонит. Привычка — позвонит и начнет прихорашиваться. Телефон перед зеркалом.

— Слушаю, Сауле, слушаю, — произнес Исаев чисто механически, продолжая думать о мотивах расследуемого преступления.

— Это Василий, шеф. Шеф, а шеф, — выпалил Жилин, волнуясь, — угадайте, кого встретил? Пари держу. Сто баксов против бутылки пива. Идет?

— И угадывать не хочу. Маруху из своей коллекции, фамилию, думаю, и сам не знаешь.

— Вот и нет, шеф! Сто баксов с вас.

— Ну-ну.

— Покойничка встретил, кого Акимов, якобы, замочил пять лет назад.

— Кого?! — не понял Исаев.

— Шалбая Ахметова. Помните, по делу Ирины Акимовой проходил пять лет тому назад?

— Так он что, все еще живой?

— На все сто процентов.

— Взял, при тебе?

— А за что брать-то? Мы же его тогда подчистую освободили. Слежу пока. Может, кого еще грохнет. Тогда уж...

— Шутки у тебя дурацкие. Ты где?

— Шалбай зашел в дом 186, что по Сейфуллина.

— Пересечение с какой улицей?

— Бывшей Советской.

— Выше, ниже?

— Ниже, прямо на углу.

— Жди там, выйдет — задержи.

К указанному месту Исаев подъехал на служебном «Уазике» с четырьмя омоновцами. Оцепили здание. Жилин пошел осматривать квартиры, подъезд он заметил, майор перешел на противоположную сторону проспекта. Удобнее оттуда наблюдать за домом. Долго ждать не пришлось. На балкон второго этажа выскочил совершенно голый мужик и с криком: «Убивают!» Перемахнул через перила. Упал приземлившись. Тут же следом появился на балконе Жилин, огласив проспект:

— Стой, гад, стрелять буду!

Исаев подбежал к упавшему. Похоже, живой, помог подняться. Ахметов, вместо «спасибо», ударил майора под дых, отчего тот сложился пополам, хватая открытым ртом воздух. Ахметов побежал, прикрывая руками «срам». С балкона сухо затрещала короткая автоматная очередь.

Когда Исаев разогнулся, все еще импульсивно дыша, увидел голое тело, лежащее на асфальте вниз лицом. Жилин редко промахивался. Две иномарки резко сворачивая, чтобы не наехать на человека, стукнулись, издав глухой звук. Одна из машин перевернулась, ее переднее колесо продолжало вращаться.

— Скорую, Вася, скорую! — прохрипел Исаев, бросив взгляд на балкон, где все еще стоял ошеломленный Жилин.

Побежал к пострадавшему. Перевернул тело. Три сквозных ранения ниже груди.

Подошел Жилин. Явно смущенный.

— Скорая уже едет, — доложил.

— Ты что же, изверг, людей калечишь, — щупал Исаев пульс пострадавшего. — Жив! Слава Богу, жив! Мог же совсем убить.

— По ногам целил, — оправдывается капитан, — а он как-то неровно бежал, подпрыгивая. Сам и виноват.

— Заткнешься? — буркнул Исаев.

В ожидании «скорой», Жилин воспитывал шоферов столкнувшихся машин, размахивая их «правами».

— Дистанцию надо соблюдать, и не превышать скорость. Мотайте пока ГАИ не видно.

Скорая прибыла через двенадцать минут. Раны Ахметова оказались серьезными. Кровь экстренно понадобилась для переливания. У Жилина ее избыток. Верно, изрядно разбавленная водкой.

Ахметов очнулся на второй день. Пытался сбежать, но Жилин, замаскированный под врача, изобразив на лице радость, приковал наручниками к спинке кровати дважды несостоявшегося покойника.

— Отдыхай, Шалбайчик, отдыхай. Здесь хорошо. Тепло, уход, харч бесплатный. Мы с тобой сейчас как братья родные. Пузырь моей крови в тебе бурлит.

И задал пока единственный вопрос:

— Пропадал-то где, братан? Пять лет...

— Да пошел ты, — огрызнулся Шалбай.

На допросах, пока что в палате, Ахметов симулировал потерю памяти — головой стукнулся при падении. Чувствовалось, кого-то панически боялся. Исаев расшифровал кого.

— Оклемаешься, в изолятор следственный определим, — пообещал, словно поощрение.

— Валяй, начальник. Потом извиняться будешь. Как тогда...

— Ага, кое-что вспомнил, таки! С балкона-то зачем прыгал?

— Тебе бы автомат под жопу сунули, и ты бы махнул.

— Сюрприз тебя, Шалбай, ждет. Знаешь, кто будет сокамерником в следственном изоляторе?

— Старо, начальник. Меня уже пугали гомиками. Настроение у них на меня не поднимается.

— Не-ет! Мужик вполне нормальной ориентации. Но ужасно нервный. Настоящий полковник.

Ахметов, далеко не румяный, побледнел, часто задышал, закашлялся, из уголка рта потекла кровь. Срочно вызвали врача.

— Это снимите, — указал врач на наручники, — и на сегодня хватит.

На следующий день Исаев, игнорируя врачей, повторно допрашивал Ахметова. Шалбай, выторговав обещание не оставлять его наедине с Акимовым, поведал историю покруче чем в романах Эдгара По.

В то роковое утро, 24 января 1995 года, Шалбай проснулся у себя дома с дурным предчувствием. Сон ему был сумбурный. Кусками. Древние развалины... Мумия разгуливают среди живых людей... Храм с высоким сводом, шест посередине, стриптизерша...

Голова гудела. Пошарил в шкафу на кухне, в чуланчике. Пусто. Заварил, как на зоне, крепкий чай. Немного полетчало, но организм настоятельно требовал спиртного.

Доехал до загородного базара «Европейка» на четыреста восьмидесятом автобусе, изобразив инвалида по зрению. Пошатался по торговым рядам, опохмелит может кто. Свой человек здесь, грузчиком иногда подрабатывает.

Встретил Юру Лымаря по кличке Бык. Лохов вместе «кидали» под настроение. Шалбай не любил Быка. Забирал большую часть добычи, нахально ухмыляясь:

— Тебе и этого много, Шалтай-Болтай.

Бык никогда не навязывал свою кампанию, Шалбай сам «примазывался» — фигура внушительная. Подцепленного лоха и запугивать то не надо, сам карманы выворачивает.

Договорились.

Для наживки Шалбай занял у знакомого торговца коврами четыре пятисотенных купюры, пообещав сегодня же вернуть пять. Свернул деньги трубочкой, перетянул резинкой. Стал высматривать добычу. Глаз наметанный. Мечтателя найти деньги под ногами вычислял безошибочно. Но сегодня промашка вышла с первым клиентом.

Шалбай в толчее метнул ему приманку под ноги. Не то случайно, не то умышленно тот растоптанным башмаком сорок пятого размера наступил на деньги и стал с интересом рассматривать выставленные для продажи искусственные цветы. Торговец без энтузиазма рекламировал товар:

— Год простоят! Хоть дома, хоть на кладбище.

Шалбаю надоел переступать с ноги на ногу, да и замерз. Рассчитав «угол атаки», как бы случайно толкнул на лоха толстую тетку. Извинился:

— Пардон, мадам!

Лох сошел с денег, Шалбай поднял приманку.

— Бабло топчешь! — озираясь шепнул любителю цветов. — Вот! — показал свернутые деньги.

— Граждане! — завопил тот, — кто тут деньгами сорит?

Шалбай поспешно потянул его за рукав.

— Пошли!

— Куда?

— Деньги делить.

— Как можно! — возмутился честный гражданин, — надо в опорный пункт отнестись. Там по радио объявят. Найдется хозяин, даст на водку.

Шалбай спешно ретировался, перешел на другой ряд.

Два следующих «клиента» наживку «заглотнули», охотно пошли за Шалбаем. Бык, в условленном месте, обработал их.

Шалбаю не терпелось выпить, закусить, поболтать в тепле со случайным собутыльником, однако Бык настоял:

— Бог троицу любит...

Присмотрел Шалбай третьего. Ушастый такой попался. Голова, словно, к ушам пришита. Шляпа на нем, пиджачок легкий, невзирая на холод. Видать, на машине приехал. Подбросил деньги. Тот как ждал — хватить и в карман. Озирается по сторонам, не видел ли кто. Шалбай притерся к ушастому:

— Поделиться надо, братан...

— Не вопрос, — согласился лох охотно. — Но не здесь же...

— Топай за мной, — мотнул головой Шалбай, — местечко знаю укромное.

Повел «клиента» на соседний рынок «Рахат», где за шестым рядом пустые контейнеры, безлюдно и Юра Бык, как и Бог, любящий «троицу».

— Эй, пацаны, — окрикнул Бык «счастливчиков», — деньги не находили?

— Вот он, — как бы испугался Шалбай, указывая на ушастого.

— Я п-потерял, — зазаикался Бык. Такое с ним случалось от возбуждения. — На д-двухсотке номер телефона крали моей — 13-17-80.

Меченую купюру он мастерски всовывал в чужие деньги.

— А ну, покажи что в карманах, — протянул Бык широкую, как лопата, ладонь.

И тут случился фокус-покус. Ушастый схватил ладонь, и, рванув Быка на себя, стал падать на спину. Бык с легкостью балерины перелетел через него, ударился головой о пустой контейнер. Звук — словно раскат грома. Подошел другой мужик, тоже в пиджаке, но без шляпы. Сунул Ахметову под нос «корочки» с цветным фото, защелкнул на его запястьях наручники. Шалбай только и успел рот разинуть.

Затолкали его в подъехавший «Уазик-фургон» с задернутыми шторками на окнах. Поехали. Бык так и остался лежать возле контейнера на желтом от мочи снегу.

Мозг Шалбая усиленно заработал: за что взяли? На текущий момент ничего криминального за ним. Он еще и повеселится! Голову вот не успел поправить. Жаль, деньги все у Быка остались, порадует гад, очухается когда. А он чист, белый как молоко.

Завязали глаза. Ну, это уже беспредел! Задергался, стал озвучивать избранные места из Конституции с указанием параграфов. Законы знает!

Последовало «признание» — увесистый подзатыльник.

— Заткнись, падла!

Повезли неизвестно куда, не предъявив обвинений. Явное нарушение прав человека. На вопрос за что и куда везут, грубый окрик:

— Заткнешься, или добавить?!

Тревога холодной змеей начала заползать в душу. Вспомнил сон: мумия среди живых людей разгуливает, ищет кого-то. Стриптизерша, похожая на любовницу Гулю, подмигивает, задирая бесстыдно ногу.

Обострилось чувство времени: удар сердца — секунда, Шестьдесят ударов — минута. Через полчаса машина, похоже, выехала за город, не останавливается на светофорах, идет с постоянной скоростью.

Похитили?! Да кому он нужен, кто его выкупать станет?

Дело по Ирине Акимовой закрыто, освободили под чистую. Даже извинились.

В ушах, как наяву, прозвучал крик той женщины: «Подонки! Муж мой полковник, он всех вас передушит!» Только посмеялись тогда! Погубил ее другой выкрик: «Номер вашей машины запомнила, подонки!» Усман все... Садист! Он и должен отвечать, если что...

Через час машина остановилась. Подсели, судя по голосам, двое.

— Ахметов? — спросил начальственный голос.

— Так точно, товарищ полковник! — был короткий ответ.

Второй картавил:

— Похгодка сехгодня, Нурлан. А?

Через десять минут опять остановились. Машина коротко просигналила. Скрипнули ворота. Картавый кому-то приказал:

— Не регистрируй!

Четверть часа тряслись по ухабистой дороге. Остановились. Двое в пиджаках вывели Ахметова из машины, сняли повязку, приковали наручниками к кронштейну зеркала заднего вида.

Те, что подсели, отошли в сторону, о чем-то негромко разговаривали. Один в защитной форме, лет пятидесяти, с глазами навывкат. Изображает крутована, руки широко расставлены, как у борца-тяжеловеса. Второй, в кожаной куртке, седой, чуть моложе. Можно назвать его красавцем.

Приближается вечер, неспешно темнеет. Где-то недалеко монотонно шумит река. Темно-зеленые ели на северном склоне

присыпаны снегом. На южном, бесснежном склоне, зеленые пятна можжевельника по серому фону сухой травы. Цокает фазан, на скалах перекликаются кеклики, собираясь на ночлег. Заходящее солнце окрасило вершину горы на горизонте в жизнерадостный розовый цвет.

Седой подошел к машине. В руке пистолет. Снял наручники с Ахметова.

— Смотри мне в глаза, — приказал.

Серые глаза его застыли.

Шалбай все понял. Она предупреждала — передушит всех!

Упал на колени.

— Клянусь мамой, не я ее убивал. Это Усман. Кадыров Усман! Если позволите, я сам его. Ножичком.

— Встать!

Шалбай встал. Ноги подгибались.

— Теперь беги — у тебя шанс.

Шалбай не понял, да и ноги не слушались.

Седой поднял пистолет над головой, сухо прозвучал выстрел. С бесснежного склона с возмущенным криком поднялась стая черных ворон.

— Беги! — приказал седой.

Шалбай побежал. Бежал он как-то боком, озираясь...

Седой еще раз выстрелил вверх, как бы подстегивая жертву.

Шалба уже не озибался. Когда он отбежал шагов на пятнадцать, раздался третий выстрел. Его Шалбай не слышал, раскинув руки, упал на чистый белый снег.

Седой подозвал картавого.

— На, сделай контрольный, — протянул пистолет.

Тому, охотнику, прекрасно владеющему оружием, стрелять в людей не доводилось. Рука тряслась. Он пальнул мимо головы. Оправдается, если что, дырки второй на черепе нет.

Аллах не любил Шалбая, не спешил с ним встречаться. Не то рука Акимова дрогнула, не то череп Ахметова имел пологий скос и был сверхпрочным, как у неандертальца, но пуля скользнула по кости, отключив Шалбая, слегка изменила траекторию и вонзилась в старую осину.

Утром следующего дня Ахметов очнулся от натужного рокота бульдозера и толчков в бок. Не мог понять, где он — на том свете или все еще на этом. Если на том, то откуда взялся бездушный бульдозер? Вот механизм поутих, словно закудахтал. Раздался отборный мат:

— Тра-та-та-та-та, твою мать! Опять разулся!

На языке механизаторов «разулся» означало — гусеница трактора сошла с ведущего зубчатого колеса. Ремонта часа на два. За так.

Ахметов, приваленный скальными обломками, простонал:

— Спасите-е...

— Твою мать! — повторил бульдозерист со звериной фамилией Куница, увидев приваленного камнями человека, на которого наехал бы, не «разуйся» бульдозер. Стал отбрасывать куски породы, высвобождая человека. Вспотел. Пот разъедал глаза, струился по хребту.

Всякое доводилось Кунице за долгую строительную биографию. На Севере мерз, сшибая длинные рубли, изнывал от жары на строительстве Нурекской ГЭС в Таджикистане. Свалился вместе с бульдозером в Вахш, спасся чудом. Но, чтобы человека живого откопать в насыпной плотине не доводилось. Уж не привидение ли?

— Ты кто? — спросил с опаской, когда Шалбай сел. Лицо в грязи, глаза сумасшедшие.

— Хрен в пальто, — ответил выходец из плотины.

И вместо благодарности пообещал:

— Болтнешь кому, ножичек получишь. Понял?

— Понял! — поспешно ответил Куница.

— Зовут как?

— Александр.

— Чик и нет Шурика. Понял? Кхе-хе-хе-хе, — не то засмеялся, не то закашлял спасенный.

Куница с перепуга ничего не понял, но поспешно закивал головой.

— Это что за хреновина? — поморщился Ахметов, ощупывая затылок.

Голова словно чугунная, шум внутри заглушал рокот бульдозера мощностью в триста лошадиных сил. Куница опять не понял:

— Вы про што спрашиваете-то?

— Вот про это, кругом, — махнул рукой Шалбай.

— А-а-а, — обрадовался Куница перемене темы разговора, — насыпная селезащитная плотина. Высота — тридцать пять метров, ширина по основанию сто пятьдесят, по гребню...

— Заткнись! — рявкнул Ахметов.

— Так сами спросили.

— До Алма-Аты далеко?

— До Талгара семь будет и там еще километров тридцать.

Куница напоил Ахметова чаем из термоса, остатками сполоснул ему лицо. Через дачи провел до автобуса, на котором

можно доехать до автостанции. Стольник из заначки отдал, лишь бы скорее расстаться.

Появляться дома, или хотя бы позвонить, Ахметов боялся. Адрес его наверняка знают похитители, телефон, может, прослушиваться. Куница ведь мог и проболтаться! Пошел к подруге, у которой не был почти год. Гуля только вчера выставила Сабыржана. И любовник так себе, и денег не дает. Шалбай занял еще не остывшее место на старой скрипучей кровати.

Через неделю полегчало. Промышлять на базарах — самоубийство. Надо где-то отсидется... Собранные Гулей кое-какие пожитки, уместились в солдатском рюкзаке. Пять сотен дала. Первый автобус дальнего следования от автовокзала Саяхат был до Кегеня. На него и сел.

Для «отсидки» выбрал село Талды, подальше от райцентра. Подженился на хозяйственной апайке. Полно в ауле и невостребованных кызымок, да толку от них? Ни двора, ни скота. А устроены бабы, что молодая, что старая, по одному типовому проекту.

Помогал тестю ремонтировать кошары, пас баранов. Незаметно прошли пять лет. За это время бараны убывали, а семья наоборот. Апайка произвела на свет двух крикливых пацанов. Очень похожих на Шалбая.

На Новый, двухтысячный год, тесть зарезал последнего барана. Славно повеселились!

Шалбай, энергичный по натуре, помаялся еще с полгода от безделья. Комбикорм порой доводилось жрать. От баранов остался. Не читал отощавший Шалбай газет, не то бы порадовался росту «реального жизненного уровня» населения Республики.

Голод пересилил страх и погнал Шалбая на север, в большой и веселый город Алматы. Многих в те годы потянуло туда за куском хлеба.

Поселился у Гули. Она опять была свободной, как вольный степной ветер. Здесь-то Жилин и заполевал хахаля. Совершенно случайно.

По описанию Ахметова вершителем его судьбы пять лет тому назад был Акимов — широкоплечий, седой, лицо как у памятника.

Подготовили опознание. Подобрали четырех мужиков соответствующей внешности. Акимова посадили вторым. Пригласили понятых, завели Ахметова.

— Посмотрите внимательно, — попросил Исаев, — нет ли среди этих людей человека знакомого вам.

Ахметов сразу узнал Акимова — резко обозначенные скулы, холодный взгляд. Перед внутренним взором Шалбая полыхнуло багровое заходящее солнце, стая черных ворон на фоне темнеющего неба, взревел наезжая бульдозер. Сердце словно тисками сжало.

Шалбай с трудом перевел взгляд на мужика, сидящего рядом с Акимовым. Вместо лица увидел белое пятно.

— Нет, — выдавил из себя Шалбай, — этих людей я не знаю.

Лицо Акимова тронула еле заметная ухмылка.

— Посмотрите внимательнее, — скорее обрадовался, чем огорчился Исаев.

Повторно посмотреть на Акимова Шалбай не смел. Остановил взгляд на человеке со шрамом на лице.

— Этот. Вроде знакомый. На плече наколка должна: «Не забуду мать родную». Толя Сысоев. Зону вместе топтали.

— Все свободны! — повеселел Исаев.

Акимов поначалу подумал — театр менты устроили. Подобрали человека, похожего на покойного Ахметова, показали его фотографию. Но когда Ахметов не узнал его, засомневался. Впрочем, Хорев мог и «промахнуться»... А он, видимо, только контузил бегущего Шалбая.

Исаев, пользуясь создавшейся обстановкой, допросил Ахметова по старому делу — убийству Ирины Акимовой. Нажал крепко:

— Тебе же в тюрьме безопаснее будет...

Шалбай натиск выдержал.

Исаев изучал прежнее окружение Акимова. Начальник Талгарского КНБ частенько закусывал на лоне природы в компании директора заповедника Александра Хорева, сорока шести лет, слегка картавого, любителя покрасоваться на публике своей крутизной.

Единственная дорога к заповеднику проходила через возводимую селезащитную плотину, из насыпи которой Куница и откапал Ахметова. Пропавшие Кадыров и Разуев могли покоиться там же, а Хорев мог быть участником тайных захоронений.

Лица картавого в тот роковой день Ахметов не разглядел, но голос запомнил. Позвонили Хореву, записали его треп. Любил он рассуждать о высоких материях. Записали голоса двух актеров драмтеатра, картавили те специально. Фонограммы дали прослушать Шалбаю. Тот уверенно определил голос Хорева:

— Он. Век воли не видать.

Предположительно, самосуд над Ахметовым 24 января 1995 года вершился в заповеднике. Место укромное, доступ сюда ограничен. Ночью тело перевезли на плотину, забросали камнями, рассчитывая, что строители надежно его засыпят и утрамбуют. Возможно, принимал участие в сокрытии трупов и прораб строительного управления «Селезащита».

Повезли Шалбая «на природу». Расположен заповедник между горными реками Правый и Левый Талгар. Допрос егерей ничего не дал. Люди новые, прежние давно уволились.

Каньон Левого Талгара Ахметов сразу отшел — оба склона до последнего кордона лесистые. А дальше дороги нет. По Правому Талгару за пятым кордоном поляна напомнило Шалбаю то роковое место. Левый склон порос елками, правый, южный — безлесий, серый от выгоревшей на солнце травы, местами заплатан яркими зелеными островками стелющегося можжевельника.

— Здесь, — не совсем уверенно предположил Ахметов. — Кажется здесь, — повторил, обозрев склоны.

Миноискателем обшарили площадку возле родника. Ахметов зимой его и не заметил. Нашли семь гильз от пистолета ПМ и тринадцать от ТТ. Подвыпившие служители правопорядка иногда здесь в стрельбе соревновались.

Задержание Хорева напоминало сценку из боевика. Блокировали служебную Ниву директора заповедника двумя машинами, люди в масках грубо выволокли Хорева из машины, бросили лицом на асфальт, надели наручники. При понятых изъяли из машины обрез шестнадцатого калибра. Зачем бы он понадобился директору заповедника, когда у него служебный пистолет? Закрыли. Условие поставили — сдашь Акимова, даруем свободу. Нет — по статье за хранение незарегистрированного оружия на полную катушку. Пять лет!

Держался Хорев на редкость стойко. Пресса в его защиту выступила. Жена Марина компанию эту организовала.

6. Прораб Абашкин. Конец июня 2000 года

Причастность Акимова к исчезновению Кадырова и покушение на убийство Ахметова не вызывали сомнений ни у Исаева, ни у Купцова.

— Шалбай твой загипнотизирован Акимовым как крыса коброй, — сказал Михаил Семенович, после отчета Исаева о проделанной работе за истекшие время. — Ищи состоявшиеся трупы.

— Они тем боле не опознают полковника, — невесело пошутил Исаев.

— Опознают, да еще как!

Не без проблем нашли в арсенале КНБ служебный пистолет Акимова. Откопать бы еще останки Кадырова, а возможно и Разуева, извлечь из черепов пули, и провести баллистическую экспертизу. Тогда, как полагает Купцов, полковником можно манипулировать.

25-го июня Исаев с Жилиным собрались осмотреть Талгарскую селезащитную плотину. Предварительно в Алматы в строительном тресте «Селезащита» ознакомились с проектом и ходом строительства. Началась стройка в восемьдесят девятом. Финансировалась эпизодически и не в полном объеме. Когда выделялись деньги из Госбюджета — грохотали на стройплощадке механизмы — отсыпалась плотина, бетон укладывали. Заканчивались деньги — наступала тишина.

Грязевой поток, прошедший в девяносто третьем по Правому Талгару, подхлестнул Минфин, стройка ожила. Но тут новая напасть, «приближенный» ко двору чиновник дачу затеял строить ниже плотины. Часть механизмов на себя оттянул.

Попутно следаки заехали к прокурору Талгарского района, постановление взяли на проведение «археологических» раскопок на возводимой плотине. Полагали, и не без оснований — трупы Кадырова и Разуева покоятся «на высоком месте», как предсказала цыганка.

Прораб участка «Плотина» Абашкин Юрий Михайлович встретил ментов настороженно. Вид затрапезный. Над трепанным брючным ремнем свисает живот, рубашка в натяг, вот-вот пуговицы на пузе отлетят. Похоже, уже случалось подобное, пуговицы разного калибра и цвета. Лицо заплывшее, из щелок беспокойно смотрят выцветшие серо-голубые, суетные глаза. Абашкин слегка поддатый, хотя день только начался.

— Документы можно? — пробасил прораб, и не солидно для своей должности и комплекции шмыгнул носом. Делал он это постоянно, вполне оправдывая прозвище «Пылесос».

Жилин предъявил служебное удостоверение, не выпуская его из рук.

— А это ксива на раскопки, — протянул постановление прокурора.

Абашкин долго вникал в суть постановления, даже посмотрел с обратной стороны, как бы ища какой-то подвох.

— А раскапывать-то зачем?

— Ищем древние захоронения.

— Откуда они?

Жилин объяснил, не вдаваясь в подробности.

— Какие трупы, — пробасил Абашкин. — Мы каждый слой укатываем и активируем.

И показал, расставив пухлые ладони, некую толщину укатываемого слоя.

— Как человека можно сюда втиснуть?

— Ночью могли яму вырыть, — предположил Жилин.

— Не-е, плотина у нас каменно-набросная, какая там яма. Вы что, смеетесь?

— Однако Куница откопал одного. Верно, не совсем покойного.

— Александр Павлович что ли?

— Наверное, если других Куниц у вас нет.

— Не может быть!

— Давайте спросим.

— Уволился Александр Павлович. Три года как.

— Уволился или уволили? — сделал ударение на последнем слове Жилин.

— На пенсию проводили. По старости.

Абашкин промолчал, что Куница купил дачу в кооперативе «Заповедник». Рядом тут, чуть ниже плотины. Сторожем там устроился. Узнали менты про дачу от бульдозериста Тонких, кому Шурик передал технику. Он и сходил за пенсионером.

Куница, крупный мужчина, с девичьим румянцем на щеках, с носом, который рос на семерых. Хорошо сохранился, передвигался легко, словно танцуя. Плясал в армейском ансамбле вместо муштры.

Исаев согнал с Александра Павловича румянец, заставив расписаться под документом, сулящим реальный срок за фантазию.

— Показывайте место, — приказал майор после соблюдения формальностей.

Куница обстоятельно обследовал плотину, уточняя у прораба расположение оси сооружения, и места нахождения нулевого пикета. Отмерял широкими шагами отрезки то вдоль, то поперек плотины. Исаев наблюдал за ним с легкой иронией во взгляде.

— Вот здесь! — уверенно топнул ногой пенсионер. — Пожалуй, метра три без меня отсыпали. А то и больше, — предположил.

— Когда примерно вы человека здесь откопали? — спросил Жилин.

— 25-го января одна тысяча девятьсот девяносто пятого года, — выпалил Куница, не задумываясь.

— Вы так точно дату запомнили? — удивился капитан.

— Шестьдесят мне в тот день исполнилось.

— Полицию почему не информировали?

— Худого ничего не сделал, лежал себе спокойно под камнями. Не хулиганил. А красть тут нечего, — развел руками пенсионер, — да и не люблю лезть в чужие дела. Надо, сам заявит.

Про обещанный ножичек Куница промолчал и, неловко переступая с ноги на ногу, пригласил:

— Если что, прямо ко мне на дачу, — махнул рукой. — Тут рядом. Закусочка с огорода: редисточка, огурчики...

Так и сказал: «редисточка».

— Как закончим, — пообещал Исаев, — непременно.

Исполнительная документация у Абашкина идеальная. Определили горизонт и квадрат отсыпки с 16 по 25 января 1995 года. Шестнадцатого — пропал Кадыров, а двадцать пятого — замуровали в плотину Ахметова. Точными сведениями о времени исчезновения Разуева следствие не располагало. Раскопки наметили с завтрашнего дня под наблюдением полицейских.

27-го июня прорыли экскаватором разрезную траншею глубиной четыре метра. До отметки, на которой обнаружили Ахметова. Пока пусто. Стали разрабатывать уступ вширь по всем правилам горного дела.

Слухи поползли по Талгару, один страшнее другого. Трупы откапывают каждый день. А у одного, пальто до пят, костюм модный, рубашка белая, в руках сотовый телефон пищит. Позвонить, видать, хотел, не успел, заживо засыпали.

Организованные слухи просочились через стены следственного изолятора. Акимов не дрогнул.

29-го июня дежурил на раскопках Жилин. Сам напросился. Обычно посылали на это несложное дело сержантов. Жилина подспудно беспокоила недовольство, проявляемое прорабом после начала раскопок. «Что-то тут не так...» — думал следак, вроде как куш ему привалил. Сколько перелопатят дурной породы, по постановлению прокурора, никто не учтет. Под это дело и горячее можно списать и зарплату своим людям подтянуть. А они отстегнут прорабу его долю. Выпить он, похоже, не дурак... Прорабы — они ушлые. Жилин как-то вел одно дело. Прораб по фамилии Фомин себе дворец на дачном участке отгрохал. Арматуру со стройки аж в Талды-Курган отгружал. Верно, при социализме, когда стройматериалы были ничейные...

Вот и решил понаблюдать, поспрашивать. На стройке всегда найдутся недовольные начальством работяги.

Никого не откопали и в этот день. За то любопытные разговоры...

— Интересная история прослеживается, шеф! — сообщил Жилин Исаеву на следующее утро.

— Почему история, а не история?

— При Карамзине так говорили.

Жилин любил блеснуть эрудицией. Университет как-никак закончил.

— А-а-а, — протянул Исаев, который университетов не кончал, а родился сразу ментом. Папа был участковым.

— Пылесос-то, невзирая на пузо, оказывается дамский угодник!

— Какой пылесос?

— Абашкин. Кликуха у него такая. Носом постоянно шмыгает.

— Понятно. Ты что, опытом с ним делился?

— Куда там. Я любитель против него. Так вот, живет он с поварихой Зойкой. До этого с табельщицей шуры-муры крутил. Квартира у Юрия Михайловича под Алматой. В поселке Красный Восток. База «Селезащиты» там. Неделями прораб дома не появляется. Возле поварихи на плотине пригрелся. Вагончик у ней там жилой. Бабешка, при визуальном осмотре, так себе, но сексопилка.

— Лично проверил? — напустил строгость Исаев, и тут же рассмеялся. — А то, может, прикидывается, следствие в заблуждение вводит.

— Видно же. Манеры...

— Ну-ну, ты у нас специалист.

— Вначале жена прораба наведывалась на плотину. Скандалы учиняла. А потом, якобы, бросила Абашкина, уехала к матери в Белоруссию.

Семейная хроника прораба Исаева мало интересовала.

— Херню всякую собираешь, — прокомментировал доклад капитана.

— Ой, ли, — обиделся Василий.

Второго июля Абашкин не остался ночевать у поварихи, а уехал домой на служебном автобусе. Третьего июля на работу он не приехал. Не появился и четвертого. Работяги в тот день остались без горячего. Осмотр вагончика повариха не оставил сомнений — исчезла и Зойка.

— Ни вещичек ее нет, ни записочки, — прокомментировал Жилин ситуацию.

Во второй половине того дня следки поехали в поселок Красный Восток, прихватив с собой бульдозериста Тонких, соседа прораба.

Скучный двухэтажный дом. Квартира Абашкина на первом этаже. Звонили, стучали — тишина. Нашли участкового, проникли в квартиру. Духота, по кухне бродят голодные тараканы, в единственной комнате разбросаны старые вещи, книги, бланки отчетности по строительству плотины. На столе недопитая бутылка водки.

— Что-то не похоже на Михалыча, — кивнул на бутылку наблюдательный Тонких. — Михалыч конкретный мужик, — изобразил бульдозерист некий размер, выставив большой палец и мизинец.

Посмотрев вопросительно на Исаева, кивнул на бутылку.

— Можно? Выдохнется ведь, жара.

— Давай, — разрешил Рахим.

Тонких взял бутылку, поболтал, вылил содержимое в граненый стакан, энергично выдохнул:

— Гы!

И, запрокинув голову, плеснул водку в широко открытый рот.

— Хорошо! — обнажил редкие зубы. — Но с Михалычем что-то неладно! Конкретный он мужик, — указал на пустую бутылку.

— Что я говорил, шеф! — прокомментировал Жилин.

— Нужен мне твой Пылесос, — проворчал Исаев.

6 июля на небольшой глубине, где-то чуть больше метра, откопали труп женщины. По зубным протезам, с привлечением дантиста из Красного Востока, установили — труп принадлежит жене Абашкина. Время захоронения определил патологоанатом — май двухтысячного.

Опросили соседей Абашкина. «Тихо жил, — показали они, — не шумел, не скандалил. Закладывал, верно. Допился, жена ушла...»

Возбудили уголовное дело. Объявили в розыск Абашкина Юрия Михайловича и Шлат Зою Федоровну.

7. Лобовая атака. 22 июля 2000 года

— Ты что, Рахим, решил старика почестей заслуженных лишить! — встретил полковник Исаева упреком, когда тот зашел к шефу с докладом утром 10-го июля. — Сам Кайрат Аслямович только что звонил. На него сверху давят. Всякое наговорил, дёрванный. То выгнать обещал, то автомобиль. Мой же служебный. Всего тридцать пять тысяч пробега. Стоит столько же «зеленых» на барахолке.

— Копаем, Михаил Семенович, — вяло оправдывался Исаев, прикидывая возможность купли подержанного авто. Десять лет ему вкалывать, откладывая всю зарплату.

Купцов вышел из-за стола, стал по привычке отмерять ширину и длину кабинета. Так он концентрировал мысли.

— Ну, что молчишь? — остановился перед Исаевым.

— Доложил же, Михаил Семенович, копаем. И в прямом, и в переносном смысле. Один труп, вы знаете, уже откопали.

— Не там копаешь, майор, не там, — сел Купцов за приставной столик напротив Исаева. — Улик больше чем достаточно. Систематизировать надо. Ну, и немного подтасовать. Учить тебя... Ахметов твой десяти свидетелей стоит. Подготовь его, и шашку наголо.

— Так он же живой. Был бы трупом — другое дело.

— Тем и ценнее, на суде может выступить.

— Вряд ли.

— Рахим, на Акимове похищение человека и покушение на убийство — это минимум. Исчезновение Кадырова в обвинительном заключении упомяни. Заявление его сестры приложи. Для прокуроров. Впечатлительные они. При определенном раскладе червонец Акимову светит. Возьмет на себя Марата Исламова — поможем. Крепко поможем.

— Не контактный он.

— На суде с ним не особенно будут контактировать. Вляпают на всю катушку по совокупности статей. А мы поможем пяток лет скосить. Если Исламова на себя возьмет.

— Вернут на следствие, — буркнул Исаев.

— Доследуешь.

Купцов поднялся, подошел к окну, и, как бы в пространство, буркнул:

— Но уже без меня...

По постановлению прокуратуры продолжали перелопачивать селезачитную плотину. Борщи рабочим варила новая повариха. Не такие наваристые, как сбежавшая.

А полковник Михаил Купцов готовился пойти ва-банк крапленными картами. Не особенно заботясь о последствиях. Кого бояться-то? Министерство само заинтересованно в скорейшем завершении громкого дела. Выборы грядут.

Статьки промелькнули в газетах с портретами полковника о раскрытии преступления пятилетней давности.

По субботам иногда проводились судебные заседания. Нет любопытной публики, нет прессы. По сценарию Купцова,

Акимов, с соблюдением ментовских «ритуалов», привезут в Акбулакский районный суд. Ученик его, бывший опер, там председателем. И начнется фарс с участием прокурора, адвоката, свидетелей. Процесс, однако! Выносятся приговор, по совокупности статей — десять лет колонии строго режима.

И заключительная сценка: судья остается с Акимовым тет-а-тет и доверительно увещевает: Нурлан Акимович, вам это надо сидеть из-за каких то подонков? Я лично с вами солидарен, за жену мстили. Возьмете на себя Исламова, рвем решение суда и сочиняем новое. Так, мол, и так, пишем, придирался Исламов по пустякам, грозился уволить. Вот и заказали — припугнуть его малость. Исполнитель акции перестарался. Фамилию его подскажем, в сизо недавно скончался. Наркоманом был. Ну, от силы лет на семь потянет. Могу поспорить. При хорошем адвокате, опять-таки поможем, пятью обойдется. Там юбилей, и прочие знаменательные даты. Амнистия. Года через два, глядишь, — вольная птица. А тут, — стучит судья пальцем по столу, — на полную катушку.

22-го июля в наручниках, под конвоем, на специальной машине с решетками доставили Акимова в районный суд. Унылый зал заседаний с давно немывтыми окнами и запахом неволи. Железная клетка для подсудимых.

Все шло по разработанному Купцовым сценарию — допрос обвиняемого, показания свидетелей, заключение экспертов, выступление прокурора и адвоката.

Заключительная сценка спектакля прошла совсем по иному сценарию. Акимову предоставили последнее слово. Он встал, подошел вплотную к решетке. На его лице трудно что либо прочесть.

— Извините, — сказал спокойно, буднично, — один момент...

Демонстративно полез в штаны, шокируя молоденькую секретаршу суда, извлек гранату РГ-5.

— Всем оставаться на местах, — скомандовал «судопроизводству», — один шаг, взорву себя и всю вашу компанию.

Слова прозвучали холодно и жестко.

Прикрикнул двум сонным охранникам:

— Автоматы на пол, рядом со мной.

Те, люди военные, привыкшие к командам. Исполнили.

Акимов забрал оружие, приказал охране открыть клетку. Загнал их туда, запер. И со словами:

— Финита ля комедия, — бросил гранату на стол судьи.

Граната мягко стукнулась и распалась на три части. Это был муляж, искусно слепленный из непропеченного тюремного хлеба.

8. Надежда. 22 июля 2000 года

Ради большей конспирации наружную охрану Купцов не выставил. Акимов беспрепятственно вышел из здания суда, оставив автоматы на столе вахтерши. По Байзакова поднялся до Абая. Сел на тридцать пятый автобус, первый попавшийся. План на текущий момент — лечь на дно. А уж потом, изменив по возможности внешность, искать киллера, стрелявшего в Марата Исламова. А через него выйти на заказчика. Только так можно себя реабилитировать.

Примитивные ментовские уловки Акимов расшифровал и сделал свой первый ход. И пока успешный.

Перехват менты устраивают оперативно. Через десять минут все выезды из города будут перекрыты. Через час его фотографию покажут по телевидению, завтра растиражируют газеты: «Разыскивается особо опасный преступник». При задержании застрелят: «Оказал вооруженное сопротивление, могли пострадать мирные граждане.» Исламова отнесут на его счет. Громкое дело закроют. Кому-то на погоны упадут звезды.

— Не-ет, господа, — сказал себе Акимов, — мы еще побоемся!

Субботнее утро. День предстоял жаркий, уже начинало припекать. Улицы безлюдны, горожане схлынули из вонючего города на природу, ближе к горам, к воде. Пьют водку, закусывают, ругают власть: «Вот я бы на их месте...»

Первое время, пока не снимут кордоны, надо лечь на дно. Укрыться у знакомых — не безопасно, да и их подведешь. Надо отлежаться у совершенно незнакомых людей. А через месяц, когда снимут кордоны, покинуть город.

Обратил внимание — соседка по креслу, похожая на Катю Хорошкову из далекой романтической молодости, косит на него взгляд. Катя, Катя, как бы сейчас пригодилась твоя чистая любовь.

Акимов оценивающе посмотрел на соседку. На вид лет двадцать пять. Светлая, худощавая, определенное обаяние в чертах лица — изящный разлет бровей, широко расставленные, голубые, почти фиолетовые глаза, миловидный ротик, мягко очерченный подбородок. Такие особы бывают библиотекарями, воспитателями детских садов, преподавателями. Понравилась. Произвело приятное впечатление ее манера сидеть — очень прямо. Акимов счел себя слишком старым, чтобы изображать вздыхателя. Но время поджимает...

— Уроки уже закончились, мисс? — как старый знакомый улыбнулся девушке.

Что соседка «мисс», полковник не сомневался, голубые глаза помимо ее воли источали призыв: вот они мы, хорошенькие!

— А я вас сразу узнала, — обнажила мисс в ответной улыбке жемчужные зубки.

— Нет, вы обознались, — категорично возразил Акимов. — Я приезжий, из Катун-Карагая. В Алмате впервые.

— Это где такая страна?

— Восточный Казахстан.

— В прошлом году продавали мед в нашем подъезде, якобы из Катун-Карагая. Оказался фальшивым.

— Я всамделишный. Можете потрогать, — протянул руку Акимов.

— Знаю, читала про вас. Фотография была — Акимов, верно?

Вот тебе, на! Опознала первая попавшаяся простушка!

— Очень рада вашему освобождению, — продолжила мисс. — Все женщины за вас.

— И вы?

— Конечно. Герой нашего времени. По-настоящему любили жену.

На ее лице восхищение. Акимов изучающе посмотрел на «училку» — можно ли довериться. Вроде — да. Поинтересовался:

— Одна живете?

— Возможно, — насторожилась девушка. — Вам-то это зачем?

— В бегах я...

Девушка побледнела, обвела быстрым взглядом почти пустой салон, определяя возможную опасность. Положила свою маленькую руку с длинными тонкими пальцами на руку Акимова.

— Сейчас выходим, — сказала шепотом, почти не разжимая губ.

Она рассчиталась с кондуктором, стараясь пошутить:

— И за мальчика.

Вышли. Спутница цепко взяла Акимова за руку, как берут детей, переводя их через улицу, потянула за собой.

— Надеждой зовут. Живу тут недалеко, на Шевченко.

И скороговоркой, как бы предупреждая возражение, продолжила:

— Одна. У родителей своя квартира. Приезжают ко мне редко, летом на даче обитают.

— У вас могут быть неприятности.

— Пусть, — коротко ответила она. — Но постараемся обойтись. Зачем они?

Дом Надежды торцом выходил на небольшой сквер с клумбой красных канн посередине. С противоположной стороны,

тоже торцом, к скверу примыкает здание суда. Пока там тихо. Прямо-таки «ирония судьбы». Акимова тут искать не станут.

Дом старый, четырехэтажный. Однокомнатная квартира Надежды на третьем. К маленькому балкону протянул ветви карагач. По нему, при надобности, можно спуститься. Идеальное убежище.

Жилая комната большая, разделена по диагонали книжным стеллажом на спальню с раскладным диваном и гостиную с журнальным столиком и двумя креслами. По зеленому полу, как в детском саду, орнаменты — синие и красные квадратики, треугольники, круги. На стеллажах русская и зарубежная классика.

Неловкое молчание, как в лифте, куда зашли два незнакомых человека.

— Я вас стесню.

— Ничуть. Располагайтесь.

— Литературу преподаете? — спросил Акимов, кивнув на книжные полки.

— Математику. Но сейчас каникулы.

— Значит, не ошибся.

Надежда посмотрела на Акимова, глаза ее чуть-чуть расширились, как бы спрашивая: «не ошиблись в чем?»

— Когда в автобусе подсел к вам, подумал: или воспитательница детского сада, или преподаватель.

— Чулок синий, крыса белая, — дополнила Надежда с лукавой улыбкой. — Так оно и есть.

— Скорее мышка.

— Знаете, кем мечтала в детстве?

— Сколько вам?

— Тридцать. С небольшим хвостиком. Как у мышки, — прикусила Надежда нижнюю губу, улыбаясь одними глазами.

— Тогда так: вначале мечтали стать воспитательницей детского сада, потом — учительницей, а потом — эстрадной певицей. Яркое освещенная сцена, конференсье торжественно объявляет: Надежда! Встречайте свою Надежду! Бурные овации. Выходите, нет выпархиваете...

— Угадали! Угадали! — захлопала в ладоши Надежда. — Ставлю вам пять!

Детский восторг Надежды почти без остатка растворил неловкость.

— В госбезопасности знают все и обо всех, — пошутил Акимов.

— А еще мечтала стать детективом. Ловить бандитов.

— Сегодня вам это удалось. Одного уже поймали.

— Вы не бандит. Вы... Вы — Монте Кристо.

И поспешно заполнила образовавшуюся паузу:

— Один мой одноклассник — следователь. У него черный пистолет, как у Высоцкого в песне.

— «Где мой черный пистолет? На Большом Каретном», — пропел Акимов.

— А журналист, что писал о вас только положительно, Генка Богомолов, бывший мой однокурсник, физмат закончил.

— Вот как? — удивился Акимов. — Понятно...

— Понятно что? — чуть расширила глаза Надежда. Выразительно и одновременно по-детски наивно.

— Доводы у него точные. Как формулы.

— Я звонила Генке после его первой статьи о вас. Железный мужик — сказал Генка, правильный. Он полагает — Исламова убили из-за денег. Больших денег. Не поделили их господа во фраках, вот и повздорили.

— Пожалуй, это так.

Акимов посмотрел на Надежду внимательно. Словно только увидел. Не такая она уж и простушка...

— Получается, я с вами знакома давно. Может даже очень давно. А вы со мной всего как полчаса.

— Иногда они много вмещают...

— Однако, хозяйка заболталась. Кушать, наверное, хотите?

И, посмотрев в глаза полковника чуть дольше, чем положено скромной девушке, как бы вспоминая что-то, добавила:

— Нурлан Акимович. Так ведь?

Полковник удивился повторно.

— Не знаю как Агата Кристи, а Госбезопасность взяла бы вас на службу.

— Я мигом, — спохватилась Надежда с детским задором. — Я сноровистая, как мама говорит. Можете душ принять. А я слетаю в магазины, куплю что покушать.

— Не стоит беспокоиться.

— Живите проще! — улыбнулась Надежда.

— Куда уж проще...

— Я вас усыновляю. И за все в ответе.

Глаза ее улыбались, источая флюиды спокойствия.

— За все, за все, — изобразила учительница строгость. — За безопасность, за чистоту ушей, и...

— И?..

— Пока не знаю. Вам же надо помогать.

— Вы уже помогли.

— И буду. И мы победим.

Акимову стало вольно, гнет с души свалился. После гибели жены неумная тоска давила все его существо. Давила изо дня в день. Она и толкнула на крайность. Сейчас он, словно освобожденный от земного притяжения, парил, как в своих детских снах. Надежда подставила свои маленькие руки, и защитила от всех невзгод, как когда-то мать, а потом жена Ирина.

— Надя, — взял он ее за плечи и чуть привлек к себе. — Давай на «ты» раз мы сообщники и объявили им войну.

— Кому?

— Наперсникам разврата.

— Не поняла...

Полковник с пафосом продекламировал:

— Вы жадною толпой, стоящие у трона...

И перешел на прозу:

— Заказчика Исламова надо искать там.

— Найдем, — уверенно сказала Надежда, и облегченно вздохнула. — Я скоро вернусь, — обдала полковника светящимся взглядом.

Вернулась она действительно скоро. Стала раскладывать на диване покупки: белье, байковую рубашку, спортивные брюки, носки, летние туфли.

— Вот это — тебе, и это — тебе, это — тоже тебе. И будешь ты совсем новенький.

Счастливо рассмеялась.

Долгими вечерами она мечтала — появится он, сильный, надежный... Она будет ему готовить, покупать одежду, стелить постель. Говорить на работе: «А мой-то, учудил вчера...»

Надежда вся светилась. Зарождалась ли ЛЮБОВЬ? Да что может означать это слово, сочетание гласных и согласных, когда вот он, кого так долго ждала. И если бы сейчас предрекли — впереди пропасть, остановись! Она бы шагнула.

— Спасибо, — привлек ее Нурлан, поцеловал за ухом, как целовал только жену.

Ее шелковистые волосы пахли какой-то дурманящей травой из его детства. Нурлан закрыл глаза... Они с матерью на сенокосе. Яркое, палящее солнце, кузнечики стрекочут, воздух насыщен терпким запахом пижмы и той самой дурманящей травой.

Надежда прильнула к его широкой груди, сердце на мгновение остановилось и застучало гулко, ускоренно.

— Спасибо, — повторил Нурлан. — Мой ангел-хранитель.

— Смогу ли...

— Сможешь. Мы все сможем.

Надежда сварила пельмени. Дежурные, покупные. Достала из холодильника початую бутылку водки.

— Для отца держу, — сказала, как бы оправдываясь. — Сама редко когда.

За едой Акимов расслабился. Рассказал о побеге. Интересовался ее работой, родителями. Словно вернулся домой после долгой отлучки. Она ни о чем не расспрашивала. Захочет, сам расскажет. Только однажды как-то неловко проявила сочувствие.

— Ты так и не женился...

И покраснев, добавила:

— Осведомлена по статье Богомолова.

— Не встретил надежную Надежду, — скаламбурил Акимов, слегка обняв ее.

— Может я не та? — дернулась она.

— Самая что ни есть та.

Подошло время новостей. Надежда включила коммерческий канал. В полицейской хронике, показав фотографию Акимова, сообщили: «Из следственного изолятора сбежал опасный преступник...» Дальше шли приметы и предостережение — «Вооружен и очень опасен. Тех, кто видел его, просим сообщить...» Указан номер телефона.

— Врут все! — возмутилась Надежда.

По настоянию Акимова она выпила «капельюшу» и слегка опьянела.

— Про судебное шоу молчат, — прокомментировал полковник. — Хороший материал для твоего Богомолова.

— Врут и только, — повторила Надежда. — Преступник не вооружен и совсем не опасен. Более того — приятен во всех отношениях.

Надежда положила руки на плечи Акимова, заглянула в глаза и по-детски покачала головой.

— Ты же не опасен, седой волк?

— Для них — возможно и опасен.

— За что они тебя так не любят?

— Отказался быть бараном на закланье.

Долгий взгляд голубых глаз.

— Всю жизнь ждала. Если понадобится — умру за тебя.

Глаза ее повлажнили.

— Ну-ну, не надо умирать. Мы им еще докажем.

— А стоит ли? Не проще исчезнуть и появиться там, где их нет.

— Я должен найти заказчика Исламова. Дело чести.

— Почему ты? Их вон сколько, пусть находят.

— Я профессиональный разведчик.

— Много шпионов поймал? — улыбнулась Надежда.

— Откуда они в Казахстане. Какие тут секреты? Разве что — кто сколько хапнул и на какие заграничные счета перевел. Самый большой секрет знаешь у кого? Крохи со стола сметают прихвостни типа Исламова. Знаешь, сколько стоят МиГи?

— Это что?

— Самолет боевой.

— В промтоварах не попадали.

— Фантом американский стоит одиннадцать миллионов. Долларов, понятно. Наши МиГи во Вьетнаме в шестидесятых только так их сбивали. «Казвоенторг» официально продавал МиГи Северной Карее по стоимости Жигулей. Двойная бухгалтерия. Кое-что перепало и Исламову.

— А тебе, его заместителю?

— Предлагали там что-то. Отказался.

— Почему убрали Исламова? — спросила Надежда после долгого молчания.

— Думаю, стал возникать, требовать большую долю. Ему отказали. Стал шантажировать. Убрали. Сейчас создают видимость — была грызня в низах «Казвоенторга». Возьми я на себя Исламова — кое-кто очки наберет перед выборами — преступление раскрыто, голосуйте за нас.

— Ты бы хотел занять освободившееся кресло Исламова?

— Мне его и не предложат. Но, как нельзя лучше, подхожу на закланье. Старое мое дело пять лет тому назад закрыли не из-за отсутствия улик. Крепко тогда наследил, метался как в угаре. Сверху цыкнули на следakov: «Наш человек. Ну, погорячился немного...» А сейчас стали серьезно копать прошлое. Сделку, видать, хотят предложить: «Возьмешь на себя Исламова — послабление, нет — на всю катушку раскрутим».

Помолчали. Незаметно прошел день, на город напознала ночь. Свет не зажигали. Неожиданно пошел дождь, уютно зашелестели листья карагача.

— Уедем в Россию, — предложила Надежда.

Вздохнула, и посмотрев на полковника продолжила:

— Когда я закончила шестой класс, мы с семьей ездили на Алтай. Путешествовали на папином Запорожце. Деревня от деревни за тридцать верст. Простор! Дом купим на берегу Катуня. Корову заведем. Я буду доить, а ты ловить рыбу. Хариусы там водятся, таймени. И чистая, чистая вода.

— Меня достанут где угодно. Должен раскрыть это дело. Тогда они пожертвуют одним из своих, и я свободен.

— Как ты это сделаешь? Находясь в бегах...

— Надо найти киллера, и через него выйти на заказчика. Киллер — хороший стрелок. А так — сопля, в момент расколется.

— Где его искать?

— В Казахстане нет подобного «сервиса». При надобности приглашают российских. Начать надо с Омска. Слухи доходили, готовят их там по спецзаказу.

— Тетка моя живет в Омске. Если еще жива.

— Есть и другой путь расследования. Исламов компроматы на элиту собирал. В его доме, после убийства, делали обыск. Тайно. Материалы эти не нашли.

— Откуда тебе это известно?

— Слил бывший коллега. Он сейчас под колпаком КНБ. Не сможет помочь. Но, предполагаю, где Марат мог хранить «бомбу». Подруга у него... Настя.

— Не Смирнова?

— Ты откуда знаешь?! — удивился Акимов.

— Вчера, информация в «Дорожном патруле»: ...Анастасия Смирнова погибла на месте. Наехавшая машина скрылась.

— Выходит, концы здесь отрублены. Начну с Омска.

— А я?

— Это очень опасно. И не женское дело...

— Мисс Марпл вон у Агаты Кристи...

Надежда неотрывно смотрела ему в глаза, словно, убеждая в своей правоте.

— Кстати, — продолжила, после продолжительного молчания, — не с деньгами же ты сбежал из суда. Понадобятся они в Омске.

Акимов с удивлением посмотрел на девушку — откуда такая практичность у учительницы? Сам он о деньгах еще не думал...

— Я у родителей попрошу. Они не откажут.

— Как объяснишь?

— Выхожу замуж, свадебное путешествие.

— С особо опасным преступником, как пишут газеты?

— Они поймут, кто есть кто.

Лицо Акимова напряглось, задвигались желваки. Долгий, испытующий взгляд...

— Заметано, Мисс Марпл, — улыбнулся наконец, напряжение с лица стало спадать. — Мент, говоришь, твой бывший одноклассник?

— Да. Отличный парень. Альпинист. Я же и сама по горам лазила.

— Рисковый, выходит?

— Тот еще аферист.

— Тогда так, мисс Марпл — встречаетесь с одним типом. Живет во втором микрорайоне, телефон его помню, адрес уточню. Мент твой пугнет его, но раскручивать будешь ты. Скажешь: «Долг надо вернуть Акимову. Пять тысяч баксов». Что

я на свободе — он, конечно, уже знает. Второе — нужен паспорт. Не на мое имя. Попросишь Богомолова. У журналистов большие связи.

— Геннадий уважает тебя.

— Фотография на документе чтобы немного на меня походила.

— Фотографию я сама... Будишь походить на хиппи.

23-го июля Надежда с майором, бывшим одноклассником, дежурили у пятиэтажки во втором микрорайоне. Ахметов вышел из дома в 11.40. Ермек подозвал его, распахнув полу куртки, продемонстрировал пистолет.

— Ты, жертва криминального аборта, — начал дипломатично.

— Что надо?! Меня выпустили.

— Надо будет, еще затолкаем. Слушай внимательно. С тобой, недоносок, будет говорить наш человек. Не вздумай финтить. Понял?!

Подошла Надежда. Разговаривала с неприсущей ей жесткостью:

— Вернешь долг Акиму. Пять кусков. Зеленых.

— Какой долг, какой Аким?!

— Будет второй раунд, — выставила Надежда два пальца, изобразив ствол. — Кых! Понял?

Ахметов понял, второй раз полковник не промахнется.

— Откуда такие деньги, — возразил плаксиво Шалбай. Ноги плохо держали его, что не осталось незамеченным шантажисткой.

— В штаны наложил. Фу, — театрально отстранилась Надежда. — Все. Сегодня воскресенье, звоню завтра утром. И не вздумай драть. Откопаем...

В понедельник утром на звонок Надежды ответила женщина.

— Ахметова зови, — коротко бросила Надежда.

— Его нет. Кто спрашивает?

— Знакомая.

— Он вам должен?

— Возможно.

— Вы с ним встречались?

— Возможно.

— Что было на вас при встрече?

— Желтая кофта и синие джинсы.

— Для вас пакет.

Надежда подумала — не провокация ли. Если да, то легче избежать нежелательного контакта на рынке.

— Встретимся в два часа возле «Зеленого базара». У центрального входа. Будет стоять человек в зеленой шляпе, в руках газета «Деловая неделя». Спросите у него время. Он посмотрит на часы и ответит с ошибкой на один час. Передадите пакет.

За тысячу тенге не составило труда найти посредника. Мужик с потрепанным лицом матеренные песни исполнял возле рынка, аккомпанируя себе на гармошке. Напялила на «артиста» старую отцовскую шляпу, газету в руки сунула, объяснила роль — идут съемка юмористической сценки скрытой камерой.

Прошло все гладко. Денег оказалось три тысячи шестьсот. Вся заначка жены Ахметова.

Утром 24-го июля Рахиму Исаеву позвонила женщина.

— Рахим Булатович?

— Да.

— Не вычисляйте меня, без надобности. Информация для вас.

— Слушаю внимательно.

— Акимова в городе уже нет — это раз. Ищите компроматы на заказчика Исламова. Они были у погибшей Анастасии Смирновой.

Пауза. Надежда обдумывала, что еще сказать.

— Это два? — спросил Рахим.

— Это три. А два — работать надо, майор, а не собак вешать на невинных, — сказала Надежда от себя. Нурлан об этом не просил.

И отключилась.

9. Исык-Куль. 29 июля 2000 года

Акимов отлеживался. Читал Карамзина, Пушкина, Пастернака. Телевизор почти не включал. Подолгу общался с Надеждой, выискивая в ее натуре и даже в облике сходство с Ириной. Амурных тем избегал. Ему сорок восемь, ей тридцать два, не Ромео и Джульетта, да и само положение Акимова, не беззаботно-романтическое. Надежда по кулинарной книге освоила выпечку — мужик в доме! Потчевала своего Нурлана пирогами.

Отношения складывались доверительные. Акимов больше рассказывал о детстве, о родителях. Отца уже нет, мать с его двумя детьми живет в Саратове. Только однажды упомянул жену:

— Была бы возможность — поделился бы с ней оставшейся жизнью.

Надежда не ревновала его к прошлому, даже себя видела рядом в его детстве: он — мальчик, похожий на задиру из пятого «А» Бобина, а она — девочка Надька с жидкими косичками и голенастыми, как у кузнечика, ногами. У Надежды, по сути, и не было взрослой жизни — школа, институт и опять школа.

Полковник, запрограммированный на суетную, без передыха жизнь, через неделю лежки почувствовал дискомфорт, словно связали его, посыпали нафталином и задвинули на антресоли. Да и время заматывает следы. Киллер, стрелявший в Исламова, мог получить более серьезный заказ и по исполнению ликвидирован. Такое практикуется. Отчего профессия всегда востребованная.

Беспокойное состояние Акимова не осталась незамеченной. Надежда обследовала возможные выезды из Алма-Аты. Кругом на дорогах автоматчики. Даже тропы, идущие к горам, охранялись людьми, замаскированными под грибников и собирателей трав. Под пиджаками и куртками, в такую-то жару! угадывались контуры оружия. Город на замке изнутри, охота на Акимова продолжалась.

Надежда чувствовала причастность к судьбе полковника. Где же справедливость?! Они, власть имущие, не защитили его семью, не очистили от скверны память погибшей жены и вынудили преступить закон. А теперь пытаются еще свалить на него свои гнусные дела. Возмущалась: «Мы бараны для них, или хуже того — мусор. О-о-о, нет, господа властелины, мы постоим за справедливость...»

Вечером, за чаем с тортом «Трухлявый пень», собственного творения, по рецепту матери, Надежда предложила:

— Нурик, — так она стала его звать, — раз ты торопишься, я же вижу, можем махнуть через Алмарасан на Иссык-Куль. Дорогу я хорошо знаю. Сезон на озере, народу тьма, никто на нас не обратит внимания. Да и кому придет в голову искать тебя у киргизов. Парик нацепишь, крест на грудь массивный, очки темные и будешь у меня хиппи. А там и Россия рядом.

— Ну, ты просто ангел! — подбросил полковник Надежду под потолок и поймал у самого пола, ожидая визга. Надежда и не ойкнула, она доверяла Акимову себя всю.

Стали готовить снаряжение. У Надежды, бывшей альпинистки, кое-что еще сохранилось — рюкзаки, карематы, обувь. На Нурлана пришлось все покупать, начиная от кепки и кончая ботинками.

Запаслись продуктами. Учитывая неподготовленность полковника, переход займет четыре дня. Сама Надежда имела спортивный разряд, облазила весь Тянь-Шань. С японками на Эверест до семи тысяч поднималась. Те на «покорение» шли, она в группе поддержки груз несла. Японки тогда так и не добрались до вершины, снег пошел, ветер усилился.

Заранее продумали маршрут, особенно выход из города. Надежда беспокоилась, как бы полковнику еще раз не пришлось демонстрировать крутизну. Пуля, она ведь дура.

Вышли затемно, во вторник третьего августа. По берегу речки Весновка поднялись до проспекта Аль-Фараби, встретив несколько компаний молодых людей, которым ни до кого нет дела. Дошли до трамплина.

— Теперь все, теперь я как дома, — радовалась Надежда. — Дальше путь свободен, лишь бы шею не свернуть в темноте.

Небо усыпано крупными звездами. Под лунным светом листья деревьев блестят как лакированные. Надежда без труда нашла еле заметную тропу, проложенную дикими животными, утрамбованную впоследствии скотом и туристами.

Через два часа перешли Большую Алма-Атинку, первый раз сели отдохнуть. Журчит монотонно река. Под кустом какой-то зверек шуршит сухими листьями, изредка издавая писк. Чистый, как звук флейты.

— Слышишь? — прошептал Нурлан.

— Слышу, мышка-норушка шуршит.

— Нет, это Земля. Летит по орбите вокруг Солнца и шелестит метеоритами. Еще и скрипит, вращаясь на ходу.

— Здорово!

— Шестьдесят или семьдесят раз облетит вокруг Солнца и конец.

— Кому?

— Да кому угодно. Хоть ты царем будь.

— Мы с тобой доживем до ста. Ты вон какой крепкий.

— Наверное, это не интересно. Современники уйдут, и останешься среди незнакомых. Неуютно станет...

— За то тех уже не будет, кто пакостил тебе.

— Будут другие. Какая же коммунальная кухня без тараканов.

К утру дошли до Алешкиного моста. Решили основательно отдохнуть, перекусить и немного поспать.

Солнце вот-вот выкатится из-за соседнего хребта. Первые робкие лучи осветили верхушки елей, окрасили золотом одинокое облако, похожее на чудовище с разинутой пастью. Пятнами осветился южный склон. Солнце как бы прошупывало плацдарм для высадки большого светового десанта. Появ-

ление огненного диска было встречено разноголосым щебетом дроздов, что расположились на яблоне ниже по склону.

— Сво-бо-да! — крикнул Нурлан, подняв руки, как бы обнимая все Заилийское Алатау.

Да-да-да! — отозвалось эхо. Звук еще несколько раз повторился, отражаясь от склонов гор, постепенно затухая: да... да... да...

— Ты бы хотел остаться здесь навсегда? — встала рядом Надежда.

Он положил ей руку на плечо, чуть привлек, почувствовав ее тепло. Отрицательно покачал головой.

— Не сейчас.

Три дня и четыре ночи — целая жизнь, волшебный нескончаемый сон.

Чолпон-Ата встретила беженцев жарой, пылью и праздной ленью. На проезжей части главной улицы имени вождя мировой революции лежала красная корова и задумчиво смотрела на противоположный берег озера. Была оттуда родом. Из-за ветхих заборов выглядывали чумазы счастливые дети. Сняли у киргиза комнату на три дня. Осмотрелись. Было много машин с казахстанскими номерами. Избегая нежелательных встреч, с раннего утра уходили подальше от поселка, и купались на безлюдном «диком» пляже.

Надежда попросила Нурлана показать ей несколько ментовских приемов защиты и нападения. Полковник отказал было — «зачем тебе это?» Но Надежда настояла.

Жизнь в поселке праздная. Средний класс «загорает» на общем пляже. Читает газеты, пьет разливное пиво из пластмассовых стаканчиков, закусывая жестким, кислым от уксуса шашлыком из мяса второй категории. Отцы семейства «за так» глазят на привлекательные фрагменты девушек в мини купальниках (вот эту бы!), матроны вытирают сопلي малышам, которые постоянно простужены, невзирая на жару. Вода холодная, не соответствует Иссык-Куль летом своему наименованию — теплое озеро.

Состоятельные граждане, обосновались за высокими бетонными заборами на индивидуальных пляжах. Пьют водку Абсолют из хрустальных стопок, закусывают балыком и икрой. Глаза на чужих баб не пялят, с собой прихватили. На подобии багажа. Блондиночек. Азия — дефицит масти.

И никому нет дела до Нурлана и Надежды.

Сонный, скучный, обнищавший Бишкек. Остановились у Гарика Степанова, двоюродного брата покойной жены Нурлана. Задерживаться не стали, только переночевали.

10. Убийный цент. 10 августа 2000 года

До Омска добрались на автобусах с тремя пересадками. Временно приютил чету бывший однокурсник Акимов по училищу Анатолий Феофанов. Толян, как обращался к нему полковник, оставил госслужбу, охраняет покой и добро «новых русских». Политикой не интересуется, на «выбора» не ходит.

Акимов, не раскрывая планов, расспросил Феофанова о наличии в Омске учебного центра по подготовке охранников. Полагал — там могли готовить и киллеров. Феофанов знал про такое заведение, бывший сослуживец туда звал, денежную работу сулил после «курсов». Всего-то раз в полгода надо увидеть через оптический прицел «абстрактный» затылок, хозяин которого создает проблемы «хорошим людям». Отказался.

Догадывался Феофанов, не в сторожа бывший полковник собирается переqualificироваться. Удивился — серьезный мужик, а ищет сомнительное приключение. Да еще с женой приехал. Однако, по настоянию гостя, обещал свести с нужным человеком, но с условием — впредь не общаться. Ему это не надо. Семья...

Встреча с нужным человеком была назначена в Бобятово, деревне, расположенной в двадцати километрах южнее Омска. Деревню основал в конце семнадцатого века беглый каторжанин Никита Бобятов. Половина деревни с гордостью эту фамилию носит — мы Бобятовы!

До места Акимов доехал маршрутным автобусом. По схеме, что набросал Феофанов, без проблем нашел жилье Ивана Бобятова. Дом на отшибе, добротный, бревенчатый, на бетонном фундаменте, под оцинкованной крышей. Во дворе Жигули второй модели. За огородом начинается лес. Три окна, выходящие на улицу, занавешены не то от солнца, не то от посторонних глаз. Постучал условно — три редких стука и два частых. Занавески в двух окнах слегка шевельнулись. За Акимовым наблюдали. Через минуту занавеска на левом окне отдернулась, створка распахнулась, выставив на обозрение бритоголового амбала.

— Открыто, топай, — не по комплекции детским голосом пригласил бритоголовый.

Акимов прошел во двор, поднялся на высокое крыльцо, пройдя темные сени, зашел в дом. Обошел громадную русскую печь, за которой цветастая штора на кольцах, делила горницу на две половины. В первой, куда и прошел полковник, лавка вдоль стены, большой стол, сколоченный из струганных досок,

два табурета. Чистота. Запах полыни. Бабушка Нурлана таким запахом моль из дома выгоняла.

— Садись, гостем будешь, — пригласил бритоголовый. — Бутылку поставишь — хозяином будешь.

Последняя фраза условная: пришел по адресу, можешь говорить не остерегаясь.

Акимов сел на табурет, обменялся с бритоголовым изучающим взглядом.

— Ну, давай, дядя, вешай лапшу, — оскалился бритоголовый, — а мы уши растопырим, — пошлепал толстыми пальцами по жеванным ушным раковинам, что выдавали бывшего профессионального борца.

Шестерка, на «чистоту» проверяет, а за шторкой кто-то слушает, резюмирует, — догадался Акимов.

— Насчет баньки я — оскалился Нурлан. — Истопить можешь? Да пару девок, спину потереть. Чешется...

— Какие девки? — уставился качек, не поняв подначки. Облизал губы.

— Покладистые.

— Братан, пургу не гони, а, — обнажил бритоголовый желтые, прокуренные зубы с золотыми латками.

— Вы же, сударь, сами просили лапшу вешать, — нарочито учтиво заметил полковник.

— Побазарили и ладно. Дело давай. Где родился, где судился, где зону топтал.

— Послушаем вначале вас, — предельно вежливо попросил Акимов. — О себе не надо, познакомились уже. Про фирму. Есть ли стоящие заказы?

Бритоголовый опять нервно облизал губы.

— Ты че, а? — скривил рот. — Командовать тут удумал...

Задание ему было — раскрутить «казаха», а заодно проверить физическую подготовку. Особенно реакцию. Хорошая реакция — хороший стрелок.

— Пригласите хозяина, — кивнул на шторы Акимов.

«Выпендриваешься сучара», — начал закипать амбал, подымаясь, выпучив глаза. Намеревался перейти ко второму пункту тестирования, пугнуть фраера ложным выпадом, проверить реакцию. Поднялся и Акимов. Качок неспешно обошел угол стола, расставив руки. Какое-то время их взгляды скрещивались в молчаливой борьбе. Бритоголовый демонстративно замахнулся, Акимов перехватил его руку, резко заломил через бедро. Вопль:

— ... твою мать!!! Отпусти, больно!

Акимов слегка оттолкнул экзаменатора.

Проскрипели кольца цветной занавески, неспешно появился невысокий мужчина, лет пятидесяти, с обширной лысиной, окаймленной седыми, аккуратно уложенными волосами. Светло-серые глаза чуть на выкате. Костюм явно сшитый на заказ ладно сидит.

— Арнольд Бампе, — представился он, и неодобрительно посмотрел на амбала. Тот продолжал скулеж:

— Пугнуть хотел, думал...

Слабая улыбка осветила лицо Арнольда Михайловича.

— Каждый раз, когда ты думаешь, это плохо кончается. Ты не создан для этого.

— Руку чуть не поломал.

— Успокойся, Феликс, — отечески похлопал хозяин по плечу травмированного, — отгул тебе на три дня. На поправку... Только не переусердствуй, как в прошлый раз.

— А это? — прошелестел пальцами отпусник.

— Свободен!

Выпроводив качка, «хозяин» прошел за стол, жестом пригласил сесть Акимова:

— Прошу!

Полковник сел, посмотрел на визави с возрастающим интересом. Обладал Арнольд Михайлович суровой мужской элегантностью, которая так нравится женщинам. Но внешний вид был обманчив. За ним скрывался жесткий прагматик.

«Хозяин» в последнее время живо интересовался казахстанскими новостями — читал газеты, смотрел телепередачи. Беглого полковника узнал сразу. Заинтересовался им. Заказ поступил. Из самой Англии. Привез его лично уважаемый питерский коллега. Поездом приехал. Конспирация...

Пять миллионов зеленых — цена результативного выстрела! Можно только догадываться, во сколько обойдется удовольствие заказчику прочитать некролог в газете. Имя его засекречено. Как до поры и объект ликвидации.

С пятью-то миллионами Арнольда Михайловича, где угодно примут. Хоть в самом Париже. Но планировал обосноваться на исторической родине в Польше. Миллионеров там не густо, уважать будут. Купит поместье с лесом, речушкой, заведет собак, лошадей. Дальше фантазия буксовала.

Обычная схема «бах, и ваших нет», для такого серьезного дела не годится. Охрана у объекта крепкая, профессиональная. Надо подготовить неординарного стрелка, заинтересованного не деньгами. Он и она (о Надежде знал от Феофанова) идеальная пара для многоходовой комбинации. Полковник — фигура для отвлечения. А в нужный момент ОНА сделает единственный результативный выстрел и исчезнет в небытие.

— А вы, милостивый государь, — ткнул Арнольд Михайлович пальцем, — оштрафованы. Удержу потом с гонорара. Инспектора по кадрам травмировали. Однако, высший бал за реакцию!

— Неловко вышло... — как бы извинился Акимов. — Нервы.

— О ваших проблемах, полковник, слышан? — сказал Арнольд Михайлович, сверля его взглядом.

Акимов внешне не среагировал на обращение «полковник». Скорее «хозяин» блефует.

— На что претендуете? — спросил Арнольд Михайлович буднично, как бы теряя интерес к посетителю.

— Один заказ, но стоящий.

— Бывает и такое...

— После исполнения исчезаем.

— Почему во множественном числе?

— Я и Надежда. Жена моя.

— Возможно... возможно, — сказал Арнольд Михайлович, растягивая слова. — Серьезная работа требует тщательного отбора, проверки, подготовки. О вас я кое-что знаю. Не любят вас соотечественники, Нурлан Акимович!

— Вы меня с кем-то путаете, — возразил Акимов. — Николаев я, Георгий. Мать — русская, отец — казах, образование — среднее и так далее...

— Полковник, давайте не будем тратить время на легенды. Я не дешевка, чтобы соблазниться обещанным за вас вознаграждением. Серьезная работа предстоит, и вы мне симпатичны, как исполнитель. Вы и Надежда.

— Она не при деле.

— Оставим, пока как есть, — улыбнулся Арнольд Михайлович чисто механически, мускулами лица, глаза при этом ничего не выражали. — Псевдоним ваш вполне правдоподобный.

— Да, — кивнул полковник.

Теперь он был почти уверен — Арнольд Михайлович один из подготовителей ликвидации Марата Исламова. Но выудить у него информацию — все равно, что разговорить вот эту русскую печь. Надо искать брешь.

— Итак, Георгий...

— Хасанович.

— Итак, Георгий Хасанович, вас я знаю. Читал, да и человек у меня в Алма-Ате. Кто она — спутница ваша?

— Я за нее отвечаю.

— Кто бы за вас ответил, — неопределенно прокомментировал Арнольд Михайлович поручительство полковника.

И подвел черту:

— Хорошо, приступайте к тренировкам. Вы и Надежда. Смышленная женщина — она полезна в наших делах.

Шарага Арнольда Михайловича официально именовалась «Учебный центр по подготовке охранников и телохранителей». Имела печать с изображением щита, банковский счет, платила исправно налоги. Понятно, не из всех доходов. Штамповала из упертых дебиллов вышибал питейных заведений.

Среди курсантов Арнольд Михайлович примечал крепких парней для подготовки исполнителей «особых поручений». Критериями подбора таких «кадров» служили цинизм, отсутствие моральных ценностей, уголовное прошлое и стремление к сиюминутному обогащению. Двух-трех отобранных парней индивидуально тренировали по специальной программе — физическая подготовка, рукопашный бой, длительная отсидка в засаде, стрельба. Из развлечений в свободное время — крутые боевики, обесценивающие человеческую жизнь.

Провал «стрелка» после выпуска, Арнольду Михайловичу ничем не угрожал. Подготовил охранника, согласно договору, а как его впоследствии использовал работодатель — не его забота. Ну, научил отлично стрелять из пневматической винтовки с оптическим прицелом. Если за это предъявлять обвинение, можно привлечь руководителя бухгалтерских курсов — выучил человека хорошо считать деньги, а он, подлец, банк потом грабанул.

11. Подготовка. 20 августа 2000 года

На первом этапе подготовки, Надежду стал тренировать сутулый, гориллоподобный инфантильный тип, с лицом младенца, по кличке Тюля. Но инфантильность его была чисто внешней. В экстремальных ситуациях срабатывал Тюля как сжатая пружина — движения его рук не улавливались глазом. Непонятно откуда появлялся нож или пистолет. Удар кулаком наносил молниеносно и, когда надо, смертельный. Считал себя офицером, человеком чести. Три года проучился в артиллерийском училище, откуда выгнали за воровство и пьянку. Пользовался Тюля успехом у женщин, и не у каких-то там замухрышек, а у настоящих дам. Но за людей их не держал, привязанностей не имел.

Бабешек, коих иногда доводилось готовить, не воспринимал как женщин. Они были болванками, для изготовления штучного товара. Деньги хорошие после сдачи «товара» заказчику. За классного телохранителя — пятьсот баксов, за «убойную» — три тысячи. «Товар» его не подводил. Рекламаций не было.

— Ты откуда такая свалилась? — растянул губы Тюля при знакомстве с Надеждой. — Не из балета?

— Из-под муда, — коротко бросила Надежда.

Смысла этого выражения она не знала. Слышала, Бобин из пятого «А» так выражался на перемене.

Тюля пошлепал влажными, сдобными, как оладьи губами и определил для себя — товар путевый получится.

— Кликуха твоя будет — «Балерина», шибко тонкая.

Надежда промолчала. Она уже знала — на спецкурсе у всех клички. Молчание ученицы Тюля воспринял как неуважение. Должна же заискивать!

— А ну погнали! — приказал грубо. — Все что скажу без обсуждений, иначе в момент из курсов вылетишь. Пятьдесят приседаний. Начала трясти задом.

Надежда, к удивлению инструктора, исполнила упражнение без напряжения.

— Тридцать отжимов от пола.

Отжалась. Надо же!

— Сбрось-ка штаны.

— Это еще зачем? — подозрительно, с опаской посмотрела Надежда.

— Не рассуждать!

Надежда сняла джинсы. Эластичные плавки прикрывали выпуклость ниже живота.

— Расставь ноги.

Надежда исполнила.

Тюля лапищами стал ревизовать мышцы ног. Без иных намерений, все равно, что лошадь на базаре перед покупкой ощупывал. Когда дошел до интимного места, Надежда дернулась, резко развернулась, и ударила ногой, обутой в тяжелый ботинок, по гениталиям гориллы. Приему Нурлан обучил на Иссык-Куле. Тюля, не издав ни звука, скорчился, держась за ушибленное место. Не устоял, свалился на пол, смешно дрыгая ногами.

Надежда надела джинсы, спокойно ждала, пока инструктор очухается. Тюля поднялся, размазывая кулаком сопли.

— Ты че делаешь?! Нужна ты мне, кошка драная. Мышцы проверял перед серьезной тренировкой.

— Извини, — улыбнулась Надежда. — Думала, садомазохизмом увлекаешься. Решила подыграть.

Тюля зауважал курсистку — еще и юморная.

— Возникнешь еще подобным образом, устрою тебе мазохизму. Вот, — поднял, как фокусник пустую руку, в которой внезапно, после взмаха, блеснул нож, словно выхваченный из воздуха.

Подготовка шла интенсивно, по десять часов ежедневно. Тренажеры, упражнения на выносливость, каратэ, стрельба из снайперской винтовки. Спецтренировки — семьдесят два часа лежки в лесной сторожке, и по радиосигналу поражение одним выстрелом профиля, что появлялся всего на три секунды.

Надежда и Нурлан понимали — ее готовят к террористическому акту.

Тюля был доволен ученицей. Одно ему не нравилось — неконтактная. Другие курсистки, их, верно, было не так уж и много, выбалтывали о себе все, рот им приходилось затыкать. А эта больно гордая. Брезгует его обществом. Такое отношение Тюлю обижало. Да и подозрительно... «Товар» он должен сдать кондиционный, а тут неведомо, что у нее в башке. Пытался разговорить. Расспрашивал про Алма-Ату, и всегда оговаривался, как бы оправдываясь — не доводилось там бывать.

Надежда на вопросы отвечала односложно. Больше слушала. Вопросов не задавала. Иногда одобрительно поддакивала. Тюля был особо красноречив с похмелья. Как-то с большого бодуна похвастал:

— Девки у вас там классные. Но дорогие стервы — за маруху американский столик.

— Это в каком районе? — осторожно спросила Надежда.

— А то не знаешь, на Саина.

— В «Дубках» они дешевле, — без всякой интонации сказала Надежда. — Я сама том живу.

— Хватит врать-то, — усмехнулся Тюля. — Одни буржуи там за китайскими стенами. Дома понатыканы, как надгробия на кладбище.

И замолчал. Почувствовал — допустил оплошность, болтнул лишнее.

— Кладбище, говоришь? — впервые за все время тренировок улыбнулась ученица, но ответной улыбки не удостоилась. — Интересное наблюдение у вас — действительно, как на кладбище.

— Ты чё болтаешь? — подозрительно посмотрел Тюля на ученицу. Живой интерес Надежды обеспокоил его.

— Опасно, говорю, в Дубках жить. Иногда постреляют...

— Хватит болтать, давай работать!

— Молчу, шеф, — впервые уважительно обозначила курсистка Тюлю.

Надежда дождалась-таки момента истины. Если не сам Тюля замочил Исламова, то готовил киллера для этого дела. Тюля же понял, молчунья, раскрутила его, как последнего фрэера. Выпил вчера лишка... А хахаль ее... Кто он? Говорят настоящий

полковник. Сюда-то зачем полез? Мог и свою фирму открыть. Подозрительные типы.

Необычное всегда тревожит. Надо выбрать подходящий момент и доложить шефу.

Подвернулся подходящий момент. Арнольд Михайлович поинтересовался ходом подготовки Надежды Федоровны. Тюля ответил не враз. На его лице появилась страдальческая гримаса. Полюбовался кепкой, которую держал в руках.

— Ну, — посмотрел на него Бампе с возрастающим интересом.

— Михалыч, — косо улыбнулся Тюля, — казахи эти совсем не те... Цветные они!

Арнольд Михайлович молчал с отрешенно-равнодушным выражением лица. Тюля неловко переступал с ноги на ногу, что выдавало волнение.

— Паскуда эта, вынюхивает все, словно ищейка. Ментяра она, приемы знает, врезала так, что на баб неделю не смотрел. Я думаю...

— Конкретно говори, — прервал хозяин.

— Интересовалась, бывал ли я в Алма-Ате. Врет, говорит, живет в микрорайоне Дубок. Ну, Михалыч, сам подумай, пошла бы она к нам, если бы там жила...

— С каких это пор ты стал думать за меня? — проткнул его Арнольд Михайлович взглядом.

— Прокололся я, Михалыч. Лишка болтнул. Но с пользой. Дубок ее интересует, кладбище, говорит, там. Стреляют...

Бампе криво усмехнулся. Нервный тик.

— Стреляют, говоришь, — скользнула по его лицу тень раздражения.

После продолжительной паузы, что было хуже нагоняя, закурил, выпустил струю дыма на Тюлю. Тот не курил и не выносил табачного дыма. Закашлялся. Хозяин знал это, сгустил дымовую завесу.

— Мой дед, Исаак Моисеевич Бампе, курей разводил, — без видимой связи переменял тему. — Евреи они любят курятину. Улавливаешь?

Тюля заморгал. Не уловив ход мыслей шефа, в знак согласия, из-за отсутствия шеи изобразил кивок наклоном туловища.

— Молодец, сообразительный! Так вот, куры у деда Исаака иногда болели. Чумка там или прочая напасть. Дед лечил болящую курицу радикально. Понял?

Тюля опять ничего не понял, но повторно поклонился.

— Дед брал в одну руку болящую курицу, в другую топор, и... Понял?

Слабая улыбка осветила лицо шефа. До Тюли, наконец-то, дошел смысл куриной истории. Он побледнел, заискивающе хихикнул.

— Я сам это сделаю. Тихо, тихо, — изобразил Тюля ответную улыбку на детском лице.

— Ее нельзя убирать. Занаряжена.

— Сам пойду на дело.

— От тебя за километр трупам смердит. И казахи тебя, похоже, засеки, раз за тобой аж сюда приехали.

Замолчали. Арнольд Михайлович нарушал оглушительную тишину, нервно забарабанив пальцами по столу.

— Надо полковника изолировать, — сказал после драматической паузы.

Затянулся, выпустил струю дыма на Толю. Тот терпел.

— Казахи должны повязать полковника. Шибко по нему скачают. За его освобождение птишка кого угодно грохнет.

— И сделает, ментовка же она...

— Нет. Она училка. Как это ни странно.

Тягостное молчание.

— Птишка что — кликуха ее? — спросил Тюля, не найдя другой темы. Паузы пугали его, подвохи предполагал в мыслях хозяина.

— Можно и так. Птишку стеречь надо. Держать в клетке.

— Она почти готова. Прекрасно работает.

— Похоже, ты наследил тогда в Алма-Ате...

Пауза. Дымовая завеса. Мозг Бампе интенсивно работал, но на его лице не отображались никакие эмоции. Наконец он озвучил свои мысли:

— Полковник, похоже, вычислил тебя, копает, концы здесь ищет, чтобы на заказчика выйти. Так получается...

— Зачем ему это?

— Себя реабилитировать. На него же убийство в Дубках повесили. При другом раскладе мы могли бы ему кое на что намекнуть.

— Меня сдать? — появился вызов в изгибе рта Тюли.

— Да кому ты нужен... — смягчил Арнольд Михайлович ситуацию грустной улыбкой.

«Сам дурак», — мысленно сказал Тюля и улыбнулся своей потайной дерзости.

— Кому конкретно мешал алма-атинский торгош оружием? — спросил как бы сам себя Арнольд Михайлович. На его лице явно обозначились морщины.

— Откуда мне знать, — развел руками Тюля. — Слышал, им были недовольны в верхах.

— Кто это говорил?

— Ну, намекнули. Те двое, что башляли. Я же у них, Михалыч, паспорта не смотрел. Одного Мухтар звали, другого уж и не помню, на японца похож.

— У них что, своих стрелков нет? — произнес Арнольд Михайлович, глядя мимо собеседника, как бы рассуждая вслух.

— Есть, конечно. Но когда стрелка со стороны приглашают, посредники с заказчика больше берут. Коррупция, однако! — поднял палец Тюля.

— Ты хоть смысл-то этого слова знаешь?

— Коррупция, она и в Африке коррупция.

— Курятник, курятник, — опять побарабанил Арнольд Михайлович пальцами по столу. На этот раз спокойно. — Надо срочно ехать в Казахстан, Федя. Найти покупателя на полковника. Цена конкретная — пятьдесят тонн капусты. Привезешь сюда команду, упакует они полковника на глазах у Пташки. Тогда она наша с потрохами. Сделает все что прикажем, на обещание обменять полковника на киллера, стрелявшего в Исламова, — поднял Арнольд Михайлович тяжелый взгляд на Тюлю. Хмыкнул: — хе-хе.

Тюля хотел хихикнуть за компанию, смех застрял в горле, закашлялся:

— Кхе-кхе-кхе! Шутки у тебя, Михалыч, однако, удачные.

— Ладно, поезжай, улаживай.

— Деньги, гы-гы, — прокашлялся Тюля.

— Скучный вы человек, Федор Захарович.

Хозяин переходил на официальный тон, когда о деньгах заводил разговор не он, а кто-то. Привычку эту сотрудники знали.

— Не надо денег, усек я.

— Да, из тех, что казахи отстегнут, — смиловился шеф, — половину можешь себе оставить.

Акимовы, как называла Надежда семью, состоящую в гражданском браке, после ухода от Феофанова сняли двухкомнатную квартиру по Добролюбова. Квартира меблированная, уютная. Встречались по вечерам, освобождалась Надежда поздно. Полковник же приходил рано. Тренировками его не докучали, и так «ученый». Сам полковник понимал — ему отводится в предстоящем убойном спектакле пассивная роль с последующей ликвидацией. Да и Надежда «разовая». Ну, это их замыслы, а у него своя игра.

Вечером 20-го августа Надежда вернулась возбужденная:

— Ура, ура!

— Тюлю раскрутила?

— Угадал! Знает он микрорайон Дубки, был там, а возможно и сам стрелял в Исламова.

Надежда подробно рассказала о похмельном трепе Тюли. Не комментируя. Пусть полковник делает выводы из «первоисточников».

— Странно, что его не убрали, — заметил полковник.

— Это мог сделать только «хозяин», но, не стал — кадр ценный.

— Крепко, Федоровна, поработала! — похвалил полковник. — Из тебя бы ой какой чекист получился.

— Уже! Или еще нет?

— Уже, уже! Принимаю тебя на работу по совместительству, — пошутил полковник.

За окном вечерело. Стали обсуждать возможные варианты вывоза Тюли в Казахстан. Такого громилу не просто «упаковать».

12. Московский гость. 23 августа 2000 года

Раннем утром 23-го августа Алматы встретил Тюлю веселым летним дождем. Хорошее знамение. Тюля летел через Москву. Так солидней. На нем песочного цвета дорогой костюм с двубортным пиджаком и несколько мешковатыми брюками. Из-под рукавов выступают белые манжеты с «простенькими» золотыми запонками. Лакированные штиблеты, красный галстук. На указательном пальце правой руки массивная золотая печатка.

Изображал из себя Федор Захарович, крупного лесоторговца. Слух этот долетел до Алматы за два дня до самого псевдоторговца. Интерес к нему повышенный, строительный бум в Южной столице.

Встречали Федора Захаровича три фирмача. Автомобиль представительного класса подали прямо к самолету.

— Ассалям алейкум, Федор-бай, — приветствовал старший из встречающих, широко раскинув руки, как бы собираясь взлететь.

— Здорово, пацаны, — обнялся Федор Захарович с каждым отдельно. Потом сгреб всех, проявляя широту чувств. Размах рук позволял это.

— Сегодня делов не будет. Отдых, отдых!

— Апартаменты заказаны, Федор-бай. Ужин, а на сон грядущий — массаж тайский. И прочий сервис...

— Видеокамера под потолком за люстрой? Хе-хе... — хитро скосил глаза Тюля.

— Мы не политики какие-то там, Федор-бай. У нас без подлянки.

— Да нет, мне подобный сервис очень даже нравится. Я своего темперамента не стыжусь, — похвастал псевдокоммерсант.

— Ну, если закажете...

— Да пошутил, пошутил. Человек я семейный, верующий.

Врал все по привычке. Очень хотел иметь такое экзотическое кино.

Обедали в еврейском ресторане «Звезда Давида», ужинали в турецком «Янычаре». Все на самом высоком уровне — напитки, холодное, горячее, музыка и прочий кордебалет.

От халавы Федор Захарович категорически отказался. Сам за все рассчитался. Чтобы потом пацаны не обижались, не обзывали шпаной. Бумажник не отощает. А так розыгрыш как бы получается с обещанным лесом. Приехал, покутил, пошутил и уехал. Никто не в накладе. У кого нет чувства юмора — его проблемы.

Повторная встреча не предвиделась. Как не предвиделся и лес. А задача его была не простая — выйти на нужного человека и сдать полковника.

На другой день принял Федора Захаровича зам акима Южной столицы Мягких Петр Степанович. Либеральная фамилия Петра Степановича не соответствовала ни его должности, ни натуре. Мягких интерес личный имел к сибиряку. Замыслил дом из кругляка поставить, какой был у деда Максима на Урале. Дух сосновый! Сибиряк пообещал, и надо же, приятно удивил, отказавшись от предоплаты:

— Какие деньги, братан, считай подарок. Ну, разве что пустячок один...

Петр Степанович много что мог. За счет государства. Гектар земли, например, в национальном парке под особняк.

Просьба Федора Захаровича действительно была пустяковой — свести с начальником убойного отдела Южной столицы Купцовым Михаилом Семеновичем.

Встреча с Михаилом Семеновичем состоялась в ресторане «Версаль». Там на втором этаже за Купцовым закреплён отдельный кабинет. Что угодно болтай, никто не увидит и не услышит.

— Ваш товар у нас на хранении, — постарался изобразить коммерческую улыбку Тюля.

Получилось косо, сказывалось отсутствие дипломатических навыков.

— Полковник?

Тюля согласно кивнул.

— И цена товара?

— Пятьдесят кусков, как обещали.

— Двадцать пять.

— Пойдет, — согласился Тюля себе в ущерб.

Инстинкт подсказывал — Купцов не тот человек с кем можно торговаться.

Михаил Семенович не спрашивал, кто он на самом деле. Ему это не нужно. Верно, Мягких охарактеризовал «российского гостя», как исключительно порядочного коммерсанта.

Выпили, закусили, музыку классическую послушали, стриптизершу глазами пощупали.

Ударили по рукам. Не совсем понял Купцов условия Тюли — спецназовцы, что будут «брать» полковника, должны быть в масках. На вопрос: «Зачем?» Тюля ухмыльнулся: «Так надо, психологический фактор». Расшифровывать не стал. В голове Купцова это засело маленьким вопросительным знаком.

13. Захват. 27 августа 2000 года

Вечером 27-го августа вначале позвонили и тут же нетерпеливо постучали:

— Участковый! Проверка паспортного режима.

Акимов приготовил тысячную купюру откупных. Открыл дверь без опаски.

Ввалилось шесть крепких джигитов. Полковника повалили на пол, надели наручники и лишь тогда предъявили ордер на арест, подписанный самим Генеральным прокурором Республики Казахстан. Представитель УВД Омска, который зашел позднее, подтвердил законность ареста.

Холодный туман прополз по всему телу Надежды. Она рванулась к Нурлану.

— Я с тобой!

Старший группы — Василий Жилин отстранил ее вежливо. Проверил паспорт.

— Из Алматы?

— Да, — еле слышно ответила Надежда и посмотрела на Жилина умоляюще: — Вы же знаете — он не виновен...

— Возвращайтесь, голубушка, самостоятельно. Мы с удовольствием поселим вас в камеру по соседству с гражданином Акимовым. За укрывательство опасного преступника.

— Не надо Надя, не унижайся, — спокойно сказал Нурлан. — Поезжай в Саратов. Адрес у нашего друга. Береги себя.

Нурлана увели. Надежда хотела закричать, заплакать. Не получалось. Ком застрял в горле, стало тяжело дышать. Тошнило.

— Акимчик, — положила она руку на живот. Уже знала о беременности, но об этом пока не говорила Нурлану. — Папу, папу нашего... — прошептала.

И, наконец, полились слезы.

Ночью Надежда не спала. Сумбурные планы спасения Нурлана сменялись один за другим. Нет, нет, нет. Фантастика. К утру она решилась на отчаянный поступок. Пересчитала оставшиеся деньги — тысяча семьсот долларов. Должно хватить. Покупает пистолет, гранату. Берет в заложники Арнольда Бампе, ставит условие — сдача киллера, стрелявшего в Исламова. Тот пишет признательные показания по заказному убийству генерального директора «Казвоенторга» 10-го июня 2000 года. Показания заверяет нотариус. Документ по факсу передается Генпрокурору Казахстана. Она, прихватив показания киллера, исчезает. Сделать это в миллионном Омске, считает, возможным.

Понедельник, утро 28-го августа. Надежда приняла душ, оделась, подкрасилась и, выйдя на улицу, направилась к автобусной остановке. Она ни чем не отличалась от сотен озабоченных женщин, спешивших на работу. И, конечно, не заметила, что следом в автобус, идущий до «блошиного рынка», сели два непримечательных молодых человека.

На рынке «нужный человек» сам как-то вычислил ее.

— То, что нужно тебе, («тряпки» имел ввиду), есть у нас, — улыбнулся мило.

— Отойдем, — кивнула Надежда.

Все ее мысли были заняты Нурланом: «... в душной камере, в наручниках.» Иначе она обратила бы внимание на бледность и ненормальный блеск глаз «доброхота».

Уже при входе в подвал шестнадцатиэтажного дома к странной парочке подошел молодой человек, ловко шелкнул одну клешню наручников на запястье правой руки маньяка-насильника. Вторая была уже пристегнута к его левой руке.

— А вы, милочка, — посмотрел на Надежду сочувственно, — ступайте, и впредь будьте осмотрительней.

Маньяк выхватил свободной рукой нож, но, получив профессионально под дых, выронил оружие.

Надежда, не оглядываясь, пошла прочь ускоренным шагом. Мужчина, что наблюдал сценку из-за угла, последовал за ней. Она опять не заметила слежку.

Гранату Надежда купила здесь же на рынке у отставного прапорщика.

— Учебная, — сказал он, — но ты же собираешься только попугать кого-то. Сойдет за первый сорт, — пошутил. Пистолет «прапор» посоветовал поискать у магазина «Охотник», что на Карла Маркса.

Там Надежда и купила ПМ с двумя обоймами.

О покупках Надежды, следившей за ней человек, сообщил Бампе. Он и был его агентом.

Арнольд Михайлович принял меры. Когда Надежда появилась в приемной, секретарша ловко выхватил у нее сумочку, и профессиональным взглядом ощупала хрупкую фигуру. Пустая. Улыбнулась, как бы извиняясь:

— Проходите! — открыла дверь кабинета.

Арнольд Михайлович вышел из-за стола, театрально поднял руки.

— Возмущен! Негодую! — вполне, естественно изобразил трагическое лицо.

— Крыса амбарная, — процедила Надежда. — Иуда.

— Торопитесь с комплиментами, Надежда Федоровна. Если бы я не приставил к вам охрану, возможно, ваш труп нашли бы в подвале высотного дома. Солидарен, и сам тут не сидел сложа руки, разработал план спасения Нурлана Акимовича. Знаю — невиновен. И пришел к нам, чтобы выявить убийцу Марата Исламова. Стрелок «упакован» и надежно спрятан. Выдаем его алма-атинским следакам при одном условии...

— Что за условие? — перебила его Надежда.

— Вот с этого и начнем. Время наступило и поджигает. Прежде, чем информировать вас, Надежда Федоровна, я бы хотел услышать, способны ли вы ради спасения Акимова сделать один прицельный выстрел? Чтобы облегчить ваш ответ, скажу — тот, кто уйдет в иной мир, тяжело и безнадежно болен. Вы избавите родных от тягостных ожиданий его смерти, и прекратите его страдания. Физические и духовные. Ангел взмахнет крылом, — ткнул пальцем на Надежду, — и все кончено.

Улыбка осветила лицо Арнольд Михайлович.

— Я согласна, — не задумываясь, ответила Надежда. Поняла не все из ветвистого монолога Бампе.

— Вы умная женщина, Надежда Федоровна, и понимаете — информация, которую я сейчас озвучу — бомба. И она взорвется непредсказуемо, если вы вдруг вздумаете самовольничать. Погубит вас и Нурлана.

— Я согласна, — повторила Надежда, — но мне нужны гарантии.

Возможно, думала Надежда, все образуется и без выстрела... А можно и промахнуться... Надо переиграть Арнольда.

Бампе думал о своем — многоходовая операция подходила к завершающему этапу. И нельзя ее назвать безупречной. Основной расчет — после теракта моментальная ликвидация стрелка, и его исчезновение из Омска.

Поступило сообщение от высокопоставленного чиновника из администрации «объекта» — девятого сентября, при наличии хорошей погоды, «объект» выезжает на природу. Предстоит грандиозный банкет по случаю его юбилея.

Аванс за теракт уже перечислен из Англии и «жирует» на счетах Бампе в Кипре.

— Я вас слушаю, — напомнила Надежда о себе.

— Да, да, — посмотрел Арнольд Михайлович на женщину внимательно — не блефует?.. Похоже, нет. — Какие конкретно гарантии вы требуете?

— Признательные показания ликвидатора Марата Исламова. Кто он?

— Березкин. Березкин Федор Захарович.

— Он же Тюля?

— Он же...

— Кто заказчик?

— Его не знает ни Тюля и, тем более, я. Не интересовался. Можно только строить догадки. Но однозначно — не Акимов. Вы же, Надежда Федоровна, своим выстрелом реабилитируете полковника. Показания Березкина для этого будут достаточны.

— Признания Тюли должны быть переданы казахам до моего выстрела...

— Голубушка, Надежда Федоровна, исключено. Тогда у вас пропадет интерес к «объекту». А так, после акции мы исчезаем, и находят труп Березкина вкупе с его раскаяниями. Кругом ажур.

— Хорошо, — согласилась Надежда, — для начала его показания передаете мне. И я подумую...

— В плане?

— Достаточны ли они...

Бампе на это ничего не сказал. Если бы у него не было надежных сведений о прошлом Пташки, посчитал бы ее классным агентом. Аналитический ум, твердость характера. И надо же так любить! Самого Арнольда любил по-настоящему только один человек — он сам.

— Кстати, о достаточности, — улыбнулся Бампе, — то бишь о капусте. Двадцать пять кусков за выстрел, куда их вам?

— С пятнами крови?

— Нет, — показал головой Бампе, — отмытые в банке.

— Оставьте себе.

- Напрасно кокетничаете...
- Переведите детскому дому.
- Конкретно?
- Какая разница. Сироты везде не обласканы.

Надежду стал тренировать сам Арнольд Михайлович. Тренировки сократились до двух часов в дкнь, и только стрельба. Перед каждым упражнением Надежда собирала винтовку. Она состояла из трех деталей: массивного приклада, ствола с глушителем и оптического прицела. Заряжалась винтовка одним патроном. Долго лежала в ожидании мишени. Выбирала нужную цель из трех появляющихся изображений. Мишени качались, надо узнавать лицо на расстоянии ста метров. И она узнавала... Вымученная улыбка человека, позирующего фотографу.

14. Урочище Маралсай. Конец второго тысячелетия

Недоразвитый агрессивный капитализм застал инженера Харина Николая Васильевича пенсионером-первогодком, и, походя, лягнул. Дали Николаю Васильевичу «пики» — книжицу, отпечатанную на лощеной бумаге. Заверили — по завершению каждого года он, как акционер и владелец куска социализма, будет получать дивиденды, сказать проще — деньги. И хорошие. Сейчас, объяснили, все совместно нажитое за семьдесят лет существования Советов, принадлежит не коммунистическим функционерам, а рабочему классу, крестьянам и трудовой интеллигенции. К последней категории он и относился. И будет он не «эй ты», а господином Хариным.

Поимели Николая Васильевича по полной программе. Заводы и фабрики — захапали бывшие обкомовские и райкомовские секретари, совхозное и колхозное добро — захапали бывшие директора и председатели. А кровь земную — нефть, стали сосать иностранные компании, делясь доходом с новой властью.

Даже пенсию заслуженную, считай, обесценили. Если при Советах Харин за свои сто двадцать рублей, мог позволить кое-какие излишества, к дочке в Кострому съездить, или еще куда, из одежонки кое-что прикупить, то получаемых тангушек сейчас хватало лишь на оплату квартиры и скудное пропитание. На лекарствах экономил, старался не болеть, а доведется — терпел.

Реально Харину досталось то, что он имел на закате развитого социализма: двухкомнатная квартира, «жигули» четвертой модели, дача и кусок огражденной земли на Бурундайском кладбище, где покоилась жена.

Дача считалась престижной даже по капиталистическим меркам — в национальном парке, рядом с кордоном лесника. Кругом лес по склонам гор, участок площадью шестнадцать соток, дом рубленый на высоком берегу горной реки — Левый Талгар.

Дом этот в семьдесят пятом построил Пригородный лесхоз для секретаря райкома Зимина Владислава Марковича. Потрафил ему. Владислав Маркович расслаблялся здесь от напряженной партийной работы, принимал высокопоставленных персон, и, для поднятия партийного тонуса, развлекался с девочками. Предпочитал дородных, коих поставлял главврач районной поликлиники из персонала. С гарантией отсутствия последствий.

В начале восьмидесятых Владислава Марковича «ушли». Не то место райкомовское кому-то приглянулось, не то высокопоставленную задницу лизнул не так усердно. Приписали ему отсутствие скромности и превышение партийных полномочий. Мало того, что всю районную поликлинику огулял, так еще земли совхозные на Шингильдинском массиве корейцам под посадку лука раздавал. Не за так, понятно. Волга вон «двадцать четвертая» в гараже! На какие шиши, спрашивается, купил?

Подвели было суровую статью, но Владислав Маркович из камеры предварительного заключения кое-кому «привет» передал. Через адвоката. И посетовал: одному скучно сидеть... «Кое-кто» не то чтобы шибко испугался, а был человеком благородным... Освободили Владислава Марковича, «портфельчик» дали, с коим он стал ездить городским транспортом на государственную службу в Алматы.

Рубленый лесхозовский дом на высоком берегу горной реки пустовал два года. Сторонились районные чиновники строения, как прокаженного.

На третий год обветшалый дом с прилегающим участком передали лесхозовским пасечникам, братьям Абдулиным. Пасеку те здесь разместили. Летом братья качали мед, зимой дом использовался под омшаник. Однако, проклятое место оставило Абдулиных без работы. На пчел напал клещ варро, зимой семьдесят шестого пчелиные семьи пропали.

Харин часто бывал в этих местах. Тогда еще не объявленных национальным парком и доступных простолюдинам. Природу любил, уединение. По весне грибы собирал, летом — урюк, траву целебную заготавливал, осенью с ружьишкой кекликов по крутым склонам гонял. Иногда и добудет парочку.

Присматривался к пустующему, после нашествия клеща варро, дому на берегу реки. А тут его приятеля Евгения Шингарова директором обллесхоза поставили. Он и помог. Харин два года арендовал «прокаженный» дом, а потом и выкупил. Всего за сто семьдесят рублей. Можно сказать бесплатно дом достался. Да еще земли шестнадцать соток. Лес кругом, горы, кеклики. Все его!

В восемьдесят восьмом объявили примыкающие к Алмате лесные массивы национальным парком. Поставили ниже владений Харина шлагбаум и желающих хлопнуть на природе рюмашку стали пускать сюда за деньги.

Напротив рубленого дома Харина, на противоположном берегу реки, областной акимат обосновал зону отдыха для «белых людей». Поставили белую юрту, сколотили беседки, качели высокие, сортир изваяли — замысловатое сооружение, похожее на крепость викингов начала второго тысячелетия.

На отшибе зоны отдыха приютилась серая юрта. Предназначалась она для натуральных баранов. Барашки шли на шашлык, и жирный, вредный для организма бесбармак.

Наезжали сюда именитые гости, рангом, по военной тарификации, не ниже генералов. Гремела живая музыка, радостно блеяли глупые бараны, визжали кызымки на качелях. Добросовестно отрабатывали гонорар певцы и танцоры.

Раз в год навещался на природу и Сам. Перед его приходом зона отдыха напоминала дурдом во время пожара. Аким области бросал государственные дела на самотек и лично руководил наведением марафета. Латали и поливали подъездную дорогу. Под наблюдением главного санитарного врача района, кандидата биологических наук, чистился и дезинфицировался сортир. Работники лесхоза поливали поляну на территории зоны отдыха. Завозили мебель, посуду, баранов, лошадей, службу. За три дня до приезда высокопоставленного сановника перекрывалась подъездная дорога к зоне отдыха.

На пологом правом берегу реки, как раз напротив дома Харина, устанавливали громадный цветной тент, под ним стол пластмассовый, кресла. Подновляли купальню — отгороженный валунами участок бурной реки. Любил Он окунаться в ледяную воду.

В день и час «икс» мимо харинских ворот с ревом проносились полицейские машины, зловеще мигая огнями на кузове. За ними следовали три слоноподобных «джипа» с тонированными стеклами. Поди, угадай в котором Сам! Следом за «джипами» свита на дорогах иномарках. Замыкали кортеж автомобили шушеры, коих и к столу то не допускали. Толпились они возле

сортира-крепости, курили дорогие американские сигареты, надувая важно щеки в ожидании обедков с царского стола.

«Вот незадача-то, доведется если на ходу стрелять в Самого», — думал Николай Васильевич, провожая любопытным взглядом кортеж, не испытывая при этом антипатии к власти имущим. Ничемные, не имеющие практического значения дурные мысли.

Проверяли Харина «органы» на благонадежность. Надежен! Последнее время у его ворот и пост-то не выставляли. Просили только не высовываться. А то, не ровен час...

Начиналась гулянка. Надрывалась музыка, бляели бараны, визжали кызымки на качелях. Часа через полтора на пойму реки по мощеным ступеням спускался Сам, в окружении счастливчиков. Все хмельные и веселые. Садились за стол под тентом. Официант в белой рубашке и белых перчатках подавал пиво. После пива и бесед на «неполитические темы», Сам шел к берегу, сбрасывал дорогие одежды, и совершенно голый лез в купальню.

— Ух! — восклицал совсем как простолюдин.

Женщин поблизости не было. Свита с интересом обозревала вершины гор, голубое небо, белые курчавые облака. Не дай Бог, Он заметит нескромный взгляд на свою персону. Хотя, опять-таки, — отмечал про себя Харин, разглядывая тайком сквозь ветки карагача купающегося в восьмикратный бинокль, — таить ему нечего. Дай Бог каждому...

Николай Васильевич имел дурную привычку постоянно думать. Собрать все его думки за год, отсеять повседневно-бытовые, останется пара пустяков. «Почему бы, — думал он, слушая за так живую музыку с того берега, — не устроить и ему на своих шестнадцати сотках нечто вроде «бардельеро», как образно выразился бывший уголовник из кинофильма «Калина красная». А что — доходное дело!»

Вырубил на участке старые яблони, дурные карагачи. Построил беседку, мангал устроил под легким навесом. Уборную благоустроил — покрасил, кумганчик азиатский, кассета с туалетной бумагой. Сервис и гигиена!

За зарослями шиповника установил четырехместную палатку. На всякий интимный случай. Сам-то моралист, не изменял даже покойной жене. Но что касается будущих гостей, то куда уж деться. Таковы времена, таковы нравы. За них он не в ответе.

Дал объявление в газете «Из рук в руки». Обстоятельное. И природу расхвалил, и намекнул на интим.

Звонки были праздно-любопытные, что да почем. Звонили мужики, и, как-бы, между прочим, интересовались возрастом

девочек. А когда он отвечал: «Товар ваш», интерес пропал совсем.

Одна дамочка долго выпрашивала, кто он, да в каком возрасте. Под конец допроса предложила свою компанию:

— Повеселимся! Мне тоже за шестьдесят.

Получив отказ, выпалила:

— Хрыч старый! Развратник!

Харин стал оправдываться:

— Да знаете, сам-то я...

На том конце дали отбой.

Однажды приехали на Тойоте два турка с тремя блондинками. А может и не турки, документы Харин не проверял. Компания ему сразу не понравилась. Тот, что был за рулем, предложил:

— Выбирай любую.

— Да вы что! — возмутился Николай Васильевич. — Смеетесь?

— Да нет, серьезно.

И рассмеялся, так:

— Ха-ха-ха!

Харин потребовал деньги вперед. На что «турок» обиделся:

— Ты что, не доверяешь?

— Не всем подряд.

Обиженный полез в карман, но достал не кошелек, а ключи от машины.

— Вот, залог. Автомобиль. А утром триста зеленых получишь. Если возникать не будешь.

И пошло веселье. Пошумнее, чем бывало на противоположном берегу.

Наутро Николай Васильевич обнаружил затоптанную клумбу цветов, поваленную четырехместную палатку и поношенное женское белье. И ни «турок», ни девочек, ни «Тойоты». Как же он вчера лопухнулся!

Второе объявление в еженедельнике «Караван сарай» было лаконичное: «Уик-энд, там, где отдыхают цари. Для состоятельных».

Тишина. Харин уже и надежду потерял.

Недели через две — звонок. Требовательный, похожий на междугородный. «Опять дочка с мужем разводится», — подумал Николай Васильевич, нехотя снимая трубку.

— Слушаю тебя, Валентина, слушаю...

— По объявлению, — мужской голос.

— Да, да, — обрадовался Николай Васильевич, — зона в ущелье Маралсай...

— Про зону не надо, — перебил голос, — не пугайте людей.

— Так это зона отдыха.

— Встретиться надо, обсудить условия.

— А-а-а... Это, пожалуйста. Только так — оплату вперед и не автомобилями.

— Базара нет, — сказал звонивший. — Давайте так. Я загляну к вам, ну, скажем, третьего сентября, в семь утра.

— Что так рано? — удивился Харин.

— С поезда буду.

— Тогда адресок запишите.

— Знаю.

— От кого?

— По номеру телефона в справочной службе узнал.

Воскресение, семь утра, третьего сентября. Короткий звонок в двери. Николай Васильевич поднялся с кровати, и, сунув ноги в растоптанные тапочки, прошел в прихожую. Постоял прислушиваясь. Нужный ли человек?.. Опять звонок, на этот раз длинный, требовательный. На всякий случай закрыл дверной глазок тапочкам, вдруг да кто выстрелит с той стороны. Дурь, конечно, кто в него стрелять-то станет, брать-то что? Потом выглянул. Перед дверью стоял элегантно одетый мужчина.

— Вы к кому? — спросил на всякий случай.

— По объявлению.

— Одну минуту!

Николай Васильевич прошел в ванную, набросил на себя махровый халат в полоску. Вернувшись, открыл один замок, второй, сбросил цепочку.

— Входите, милости просим.

— Побеспокоил, извините, — вместо приветствия произнес Бампе.

И поинтересовался:

— Одни живете?

— Как перст. Вот тапки, — пододвинул Николай Васильевич ногой свои тапочки к визитеру.

Арнольд Михайлович безразлично посмотрел на предложенные оттопки, и, на западный манер, не снимая туфель, молча прошел в большую комнату. Осмотрелся. Вонючая интеллигенция, — определил по книжным полкам. Сам он университетов не кончал.

Выставил из портфеля на стол бутылку молдавского коньяка «Белый аист». Николай Васильевич с закуской подсуелится — колбаса докторская, огурчики со своего огорода. Организовал рюмашки.

— За все хорошее — выдал тост хозяин.

— Да-а-а, — согласился гость.

Выпили.

— Организация моя называется «Интерсервис», — начал Бампе деловую часть визита. Показал удостоверение. — Хотим сделать подарок юбиляру, что в субботу, девятого сентября получается, будет гулять напротив вашей дачи. Съемки скрытой камерой. Инкогнито! Тем и ценнее кино. Человек перед камерой, будь он хоть кто, не естественно себя ведет. Догадываетесь о ком я?

— Да, да, да — обрадовался слегка опьяневший Харин. — Он, как подопьет, нагишом в речке купается. Крепкий мужик, воды холодной совершенно не боится. Только деньги вперед — пять тысяч.

Харин имел ввиду тангушки. Бампе же не торгуясь отсчитал пять тысяч долларов. В глазах пенсионера рябило от зеленых купюр. Он и не заметил, как гость обтер салфеткой бутылку и свою рюмку. Засобирался.

— На следующей неделе, во вторник будет мой человек, — сказал уже в прихожей. — Позвонит вам.

15. Выстрел. 9 сентября 2000 года

До Алматы Надежда добралась во вторник утром 5-го сентября. Ехала с пересадкой. От Омска до Петропавловска — тридцать пятым поездом «Новосибирск-Адлер», а дальше шестнадцатым через Караганду. На станцию «Алматы — первая» поезд прибыл в 6.55. В купе заглянул молодой человек:

— Газеты, журналы, сканворды...

— «Известия» у вас есть? — спросила Надежда.

— Только за двадцать восьмое августа, мадам.

Надежда подала десять копеек российских, молодой человек поблагодарил:

— Мерси, мадам.

Надежда полистала газету. На третьей странице написано карандашом: 345, 81, 077124. Следовало читать по-арабски справа налево. Получалось: 421770, 18, 543. Первые шесть цифр — номер телефона, по которому она должна позвонить, затем номер ячейки камеры хранения и последние три цифры — код.

На станции «Алматы — два» Надежда сошла с поезда. К ней подошли два молодых человека с нашивками на черных рубашках — ОМОН. Потребовали документы. Надежда с опаской протянула поддельный российский паспорт на имя Валентины Хариной. Омоновец, что выше ростом, полистал документ, сверил фотографию с оригиналом, взял под козырек:

— Следуйте строго по маршруту, гражданка! — сказал негромко, но внятно.

Вернул паспорт.

Под колпаком Арнольда, догадалась Надежда. Все схвачено! Ей же необходимо передать конверт с признательными показаниями Тюли Рахиму Исаеву. Тогда отпадет надобность стрелять. Нурлан как-то говорил про Исаева — думающий мент.

По инструкции Бампе она по прибытию в Алмату должна взять из камеры хранения саквояж с разобранной винтовкой, позвонить Харину, назначить встречу рядом с вокзалом. Он и отвозит ее на объект. Там она заляжет, как на тренировке, и будет три дня ждать момента появления «мишени». Если на даче случайно встретит кого-то из соседей, представится дочерью Николая Васильевича — приехала из Костромы погостить. На такую пигалицу внимания никто и не обратит.

— За вами постоянный надзор моих людей, — предупредил Арнольд Михайлович, чтобы не вздумала самовольничать.

Войдя в зал ожидания вокзала, Надежда подошла к стойке буфета, попросила стакан сока. Омоновцы наблюдали. Невозможно что-либо скрытно передать буфетчице. Демонстративно пошла в туалет. Надо быстро и не кому попало отдать конверт, адресованный Исаеву. Хорошо заплатив за доставку.

Проститутка Анжелика (по удостоверению личности Анна Балыкина) в «дамской комнате» прихорашивалась перед зеркалом. Поддержнула трусики через платье, поплевав на пальцы, стала приглаживать брови. Собиралась «на выход».

— Выглядишь на сто баксов, подруга, — встала рядом Надежда. — Хочешь заработать?

— Лесбиянок не обслуживаю, — вытянула проститутка губы, как для поцелуя. — Могу дать телефончик. Если заплатишь. Баба классная, — и, оценив взглядом комплекцию Надежды, добавила, — не баба, а конь!

— Услуги другого плана. Вот, — показала Надежда стодолларовую купюру. — Хочешь?

Анжелика протянула руку.

— Подожди!

Надежда достала из сумочки конверт, напечатала: «УВД, майору Рахиму Исаеву». Протянула конверт, приложив сверху деньги.

— Передашь дежурному полицейского управления. Это за Никольским базаром, рядом с кинотеатром «Целинный».

— У меня дружок там, Вася, — затараторила Анжелика, — мужик, я те дам...

— Помолчи. И еще, позвонишь...

Надежда из блокнотика вырвала листок, написала на нем номер своего городского телефона и номер телефона Харина.

— Позвонишь по первому номеру и оставишь на автоответчике сообщение: «Звонить Надежде по телефону 42-17-70». Это второй номер, не перепутай.

— Так вот, мой Вася... — продолжила Анжелика.

— Все, подруга. Получишь еще сто после.

Надежда вышла из туалета.

— Что-то повеселела, — отметил омоновец, тот, что повыше ростом.

— Мне тоже надо в туалет, — сказал другой. — Понаблюдай, я скоро.

Надежда взяла из камеры хранения саквояж, отыскала телефон-автомат. Подошел высокий омоновец, протянул мобильник:

— Пожалуйста.

Харин, предупрежденный накануне звонком из Омска, сразу снял трубку.

— Слушаю, — сказал поспешно.

— Николай Васильевич?

— Он самый.

— Валентина, оператор телекомпании «Интерсервис».

— Да, да. Ждал вашего звонка.

— На машине?

— Да, да.

— Спускайтесь по Коммунистическому, на Ташкентской свернете влево. Проедете автобусную остановку, припаркуетесь. Выйдете из машины, станете протирать стекла. На мне светлая куртка, джинсы синие, в руках саквояж. Жду через полчаса.

По Ташкентской, через Малую станицу Николай Васильевич выехал на трассу Алматы — Талгар. По дороге хотел было заговорил с «киношницей», но та отвечала неохотно, односложно. Надежда полагала, и не без основания, шофер — человек Бампе.

Омоновцы в общем транспортном потоке сопровождали Харина до Талгара и свернув за ним у первого светофора направо, скрытно проследовали за его «Жигулями» до селезащитной плотины. Харин их и не заметил. Дальше объекту наблюдения нет возможности контактировать с кем-либо, да и нет мобильной связи в горах.

Омоновцы дождались возвращения Харина. Убедились — один. Деньги отработаны.

Начало сентября выдалось теплым. Выйдя из туалета, Анжелика стала прогуливаться возле конного памятника Аблай-хану, демонстрируя время от времени мужикам, что пялились на нее, ножки, как бы поправляя короткое платьице. Хан смотрел на проститутку осуждающе.

Анжелику сняли на два дня, пообещав хорошо заплатить. Увезли на Капчагайское водохранилище.

Вернулась она в Алматы только в субботу 9-го сентября. Попутным транспортом, с фингалом под левым глазом и без обещанных денег. Опять групповое изнасилование и нанесение морального и материального ущерба.

Позвонила Жилину на службу:

— Вася, это я, Анжелика.

— Ну, — отозвался Жилин, не проявляя радости.

— Вася, а меня опять изнасиловали. Заявление...

— Без тебя тут дел хватает, — прервал ее Жилин.

— А у меня для твоего Рахима важное письмо, — вспомнила Анжелика про конверт.

— Хватит врать-то.

— Передала скрытно женщина на вокзале. Шпионка! Сто баксов заплатила за доставку, — затараторила Анжелика.

— Ну, если врешь!

— Так я приеду?

— Только быстро. Через полчаса совещание.

Анжелика взяла мотор и уже через десять минут была на месте. Позвонила от дежурного Жилину:

— Ку-ку, Вася!

Василию это не понравилось. Но, спустившись со второго этажа, не цыкнул на девушку, когда дежуривший сержант посмотрел на «Ку-ку» с иронической улыбкой.

— Вот, — передала Анжелика конверт.

Василий уже развернулся было уходить, ему в спину:

— Заявление об изнасиловании когда?

— Сама разбирайся, — буркнул Жилин.

— Деньги гони, я на моторе приехала.

Василий неохотно отдал пятьсот тенге. Ну, уж эти бабы...

10.05 утра, суббота, 9-ое сентября. Сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью заняли привычные места в кабинете шефа.

— Ну что, голуби вы мои, — начал совещание Купцов, окинув скучным взглядом коллег. — Преступность растет, а раскрываемость наоборот.

Дружное молчание коллектива выражало согласие с начальством.

— Верно, Василий Макарович сегодня к удивлению свежий, — остановил полковник взгляд на Жилине, — но это, к сожалению, положительно на раскрываемость не влияет.

— Так точно, товарищ полковник, — вскочил Жилин, чуть не опрокинув животом стол.

— Сиди, шут гороховый, — отеческой махнул рукой полковник.

— Важная информация, товарищ полковник, — сообщил капитан, переминаясь с ноги на ногу.

— Заказчика Исламова вычислили, — ухмыльнулся невесело Купцов.

— Можно и так сказать...

— Ну, докладывай.

— Исаеву конверт передал.

Купцов перевел взгляд на майора.

— Вот, — протянул Исаев показания Березкина.

Купцов внимательно прочитал документ.

— Так, так, так, — нервно постучал пальцами по столешнице. — Как это к нам попало?

— Анжелика привезла, — доложил Жилин, который все еще стоял.

— Кто такая?

Жилин помолчал, как бы осмысливая заданный вопрос — кто же она ему?

— Ну, та... — замялся, — знакомая одна.

— Давай ее сюда.

Жилин подошел к телефону, что на столе шефа, стал набирать номер Анжелики. Купцов нажатием клавиши, переключил аппарат на громкую связь.

Анжелика долго не отвечала. Была не в духе...

— Алле, — отозвалась наконец певучим голосом.

Настроение настроением, а работать надо.

— Аня, бери мотор и быстро к нам, — приказал Жилин, как подчиненному сотруднику.

— Это еще зачем?

— Аня, раз я сказал, надо.

— Мотор за твой счет, пупсик.

— Все, Аня, — засмутился Василий. — Жду у дежурного.

Купцов отпустил сотрудников, оставил одного Исаева.

— Твои соображения, Рахим? — посмотрел на Исаева, когда дверь за сотрудниками закрылась.

— Акимова надо выпускать.

— Это мы всегда успеем. Сие сочинение, — пододвинул показания Березкина к майору, — как ты думаешь, выбито?

— Конечно, кто же добровольно станет признаваться в преступлении. Но данные — объективные! Откуда бы Березкин мог знать про звонок Исламову с улицы и другие подробности покушения. Даже указал номер оставленного им пистолета!

— Все так! — сказал Купцов после длительного молчания. — Не сомневаюсь. Но тот, кто показания выколачивал, он что, услугу нам оказывает?

— Думаю, да.

— А от нас ему что нужно?

— Чтобы Акимова освободили...

— Зачем ему это?

— Подруга Жилина может что прояснит...

В субботу утром, 9-го сентября Надежда проснулась незадолго до семи. Ночью она почти не спала, временами проваливаясь в какую-то черную бездну. Три предыдущих дня «лежки» в дачном доме Харина тянулись дольше года. Постоянно ждала: вот-вот появится Нурлан. Его уже должны освободить, он вычислил Харина по номеру его телефона и знает где ее искать...

Несмотря на рань, на противоположном берегу началась суeta. Приезжали, судя по комплекции и осанке, все более высокие чины, проверяли готовность зоны отдыха для приема юбиляра.

Всей территории зоны отдыха Надежда не видела. В секторе ее обзора — широкая пойма бурной реки, с запруженным участком для купанья, и с большим матерчатым навесом, над пластмассовым столом. Выше поймы — поляна, куда ведет пологая декоративная лесенка, выложенная природным камнем. На краю поляны белая юрта и дощатый помост для певцов и танцоров. Дальше, из-за деревьев, зона отдых не просматривается.

Гремит бравурная музыка, которую прерывает чей-то звонкий голос, настраивая аппаратуру:

— Раз, два, три...

9.15. Надежда продолжает ждать — вот-вот появится Нурлан, обнимет, закружит. «Ласточка, — скажет, — все, отбой!» Она, смеясь, будет отбиваться: «Ну, хватит, Нурик, хватит...» А, возможно, и сообщит о беременности: «Головка у ребеночка закружится...»

10.05. За воротами харинской дачи протарахтел трактор «Беларусь», подметая латанную асфальтную дорогу, поднимая

завесу пыли, что оседала на яблонях Харина. Хорошо его нет, он бы вправил мозги трактористу. За «Беларусью» бежал зам акима района, весь потный, показывал, где еще мести.

Прошла поливочная машина.

В зону отдыха приезжают все новые чины. При галстуках и без оных. Высматривают, вынюхивают, указывают, сами хватаются то за метлу, то за грабли.

10.30. Зона опустела. Только официант во всем белом тренируется на пойме реки. Вот он изящно несет поднос на пальцах согнутой руки, ловко его опускает, ставит бокалы на стол, кланяясь на японский манер, уходит, пятясь задом.

Нурлана все нет...

10.45. В кабинете Купцова повисла напряженное ожидание.

— Вот, — завел Жилин Анжелику в кабинет шефа, — приехала.

— Фамилия, имя, отчество, адрес, — бросил Купцов взгляд в лицо девушки, посадив ее напротив.

— Это что, допрос? — возмутилась проститутка.

— Считайте что так.

— Адвоката требую.

— Аня, давай без выкрутасов, — попросил Жилин. — В твоих же интересах.

— Я люблю интересы, — улыбнулась проститутка полковнику, — только без обмана. Пишите: Анна Ивановна Балыкина, для друзей — просто Анжелика. Живу по адресу: Курмангазы сорок пять, квартира тоже сорок пять.

Подмигнула:

— Принимаю круглосуточно и без выходных.

— Анна Ивановна, ценю ваш юмор, но, давайте по сути.

Купцов потряс конвертом.

— Кто и когда передал вам это?

— А-а, сейчас вспомню. Сегодня у нас что, суббота? — посмотрела на Жилина.

Тот кивнул.

— Передали в понедельник. Нет, во вторник...

Достала календарик из сумочки. Беззвучно шевеля губами, стала изучать.

— Да, точно, во вторник. Пятого числа получается.

Купцов кивнул.

— Вот видите, — продемонстрировала ему Анжелика календарик, — пятое сентября обведено кружочком. У меня проблема женская... Вам мужикам...

— Аня, — перебил ее на полуслове Жилин, — забыла, где находишься.

— Того же дня меня увезли на Капчагай и там изнасиловали. А вот он, — указала на Жилина, — не хочет принимать заявление. Мне что, прокурору писать?

— Примет, примет, — успокоил ее Купцов. — Кто передал конверт?

— Сейчас вспомню, — напрягла память Анжелика, сморщила лобик, закатила под густой макияж зеленые глаза.

— Да, вспомнила — передала женщина. Невысокая, худощавая, не красавица, волосы черные, похоже, крашенные.

— Василий, — начал Купцов и тут же обратился к Анжелике:

— Анна Ивановна, посидите, пожалуйста, в приемной. Кофе себе спросите у секретарши.

— Бля-я-я! — закатила опять глаза Анжелика. — Совсем забыла...

Покопавшись в сумочке, достала небольшой листок.

— Вот, — протянула полковнику, — должна была позвонить по указанному номеру, и оставить на автоответчике сообщение: «Звонить Надежде...» Второй номер телефона там же, на бумажке.

— Посидите в приемной, — повторно попросил Купцов

— Василий, — спросил Михаил Семенович, когда Анжелика вышла. — Пассия Акимова подходит под описание?

— Нет, — возразил Жилин. — Она светлая. Блондинка.

— На ней мог быть и парик. Тем более, твоя подружка сказала — крашенная.

— Какая она подружка, — засмутился Жилин. — Поблядешка.

— Нехорошо, Василий, отзываться так о женщинах, чьими услугами пользуешься, — укорил Купцов. — Фамилия акимовской пассии?

— Калачева. Калачева Надежда Федоровна. Работает, точнее, работала в двадцать второй школе.

— Быстро слетай на квартиру Калачевой, добудь ее фотку.

— Слушаюсь.

Купцов выяснил в справочной службе: первый номер, записанный на листке, принадлежал Калачевой Надежде Федоровне, второй некому Харину Николаю Васильевичу.

Сержант, посланный по адресу, Харина дома его не застал.

10.55. Послышался приближающийся вой сирен полицейских машин. Вот они на большой скорости проскочили мимо харинских ворот. Следом появились слоноподобные джипы, джипы поменьше, «Мерседесы», «БМВ», «Тойоты». Замыкали кортеж иномарки мыслимых и немыслимых моделей.

Властная верхушка олимпа и зарубежные гости сели за праздничный стол. Тамада — Заслуженный артист республики произнес первый задравный тост. Надежда из-за деревьев всего этого не видела. Только слышала дифирамбы в адрес юбиляра.

Возле сортира-крепости топталась шушера. Курили дорогие американские сигареты, чувствовали причастность к историческому моменту.

Надежда, перегнувшись через стол, задернув ажурную занавеску, распахнула створку окна, что выходит к реке. Через занавеску с противоположного берега ее не видно. Машинально собрала винтовку. Соорудила нечто вроде бруствера, взяв из книжного шкафа три тома из собраний сочинений Льва Толстого. Сев за стол, положила конец цевья на книги, приложив приклад к плечу, подвигала стволом, выбирая удобную позицию для стрельбы. В оптический прицел стала рассматривать официанта. Он все еще тренировался. Ладный — молодой Ален Делон, да и только! Ему бы в кино сниматься.

Нурлана все нет...

11.05. Лучи солнца разделили кабинет полковника на два квадрата — светлый и пасмурный. Полковник предпочитал светлый квадрат, считая пасмурный могилой. И сейчас он стоял в светлой половине кабинета, отбрасывая тень на потертый паркет.

— Рахим, срочно узнай, — попросил майора, — кто здесь в Алма-Ате из высшего эшелона власти.

— Узнавать не надо, Михаил Семенович. Пресс-секретарь его Тойбаев вчера с журналистами встречался, коньяком их поил. Юбилей у шефа.

— Что за юбилей?

— Шестьдесят пять стукнуло.

— Ты как считаешь, Рахим, может на него готовится покушение?

— Ну, если олигархов систематически отстреливают, такая величина может и обидеться. За личность не держат.

11.17. Вернулся Жилин с фотографией Надежды. Со снимка смотрела светловолосая девушка с чуть прищуренными ироничными глазами. Легкая улыбка на губах.

Пригласили Анжелику.

— Бля буду, она! — обрадовалась проститутка. — Только волосы здесь светлые. Я вначале приняла ее за...

— Спасибо, Анна Ивановна, — поблагодарил Купцов. — Вы нам очень помогли. Свободны.

- А это, — пошелестела пальцами Анжелика. — На дорогу?
- Василий Максимович, отправь девушку.
- Слушаюсь!
- Жилин неодобрительно посмотрел на Анжелику.
- Пошли.

Полдень. Гулянка в зоне отдыха набирала силу. Гремела живая музыка, бляели, пока еще уцелевшие бараны, визжали девушки на качелях.

Начальник службы охраны юбиляра по радиотелефону давал указания жене:

- Гульжамал, на базар не ходи, сам мясо привезу вечером!

В секторе обзора Надежды, на пойме реки Ален Делон сдавал экзамен. Под навесом в пластмассовом кресле вальяжно развалился аким района. Делон виртуозно ставил перед ним бокалы.

- М-м-м... — мычал аким одобрительно. — Можешь...

Аким размечтался. А что, и его задница годится для трона...

Надежда, наведя на его лицо координационную сетку оптического прицела, разглядела шрам над правой бровью.

Где же Нурлан?!

12.00. Полковник ходил взад-вперед по кабинету, как бы измеряя и перемеряя ее длину. Ему так легче думалось.

— Рахим, Калачева приехала пятого сентября утром. Передала конверт с показаниями Березкина через случайного человека. Почему сама его нам не привезла? Это раз. Свидания с Акимовым не просит. Это два. Следовательно, кто-то этому препятствует. Кто он? И где она сейчас?

- Хотел бы я знать. Много что прояснилось бы.

- Звони в Омск, узнай кто такой Березкин.

Исаев по специальному каналу связался с Управлением внутренних дел Омска. Через десять минут по факсу поступило досье на Березкина Федора Захаровича, 1970-го года рождения, русского, сотрудника «Центра по подготовке охранников».

Исаев запросил список курсантов «Центра» по состоянию на август двухтысячного. Акимов Нурлан Акимович и Калачева Надежда Федоровна там значились.

Поступило дополнительное сообщение из Омска: «Исчез директор «Центра» Бампе Арнольд Михайлович. Место нахождения Березкина установить не удалось».

13.20. После первого «раунда» застолья юбиляр решил соснуть. Побаливала печень от вкусной, но вредной жирной пищи. Подташнивало. В сопровождении начальника охраны

прошел в белую юрту. Самобытный уют — пол коврами устлан, сундук расписной, пирамида из пуховых подушек. На стенах выделанные волчьи шкуры с оскалом естественных зубов.

Музыка поутихла, только призывно визжали кызымки и блеяли глупые бараны. Шушера возле сортира закусывала. Им выставили ящик водки и казан бесбармака.

В белую юрту заглянул помощник.

— Кумыса может? — изобразил улыбку.

— Изжога, — пожаловался юбиляр.

— Может доктора?

— Ну его в ... — очень конкретно послал юбиляр доктора.

Правители — они тоже люди и ничто человеческое им не чуждо.

— Тогда массажистку, хе-хе...

Смех помощника резко прервался, словно его отключили, когда юбиляр поднял на него глаза.

— Бойбиче уже уехала... — промямлил.

— Пошел бы ты, — махнул рукой юбиляр, и добавил:

— Пить водку.

11.35. Полковник, все еще вышагивающий по кабинету, остановился перед сидящим Исаевым.

— Рахим, быстро сюда Акимова!

— Быстро не получится, суббота сегодня.

— Свяжись с дежурным по министерству.

Через полчаса Акимова в наручниках, под усиленной охраной, доставили в кабинет Купцова.

— Снимите наручники, — приказал полковник сопровождающим.

— Не имеем права, — возразил начальник конвоя. — Особо опасный!

— Рахим, сними. А вы, — махнул полковник дважды кистью руки, как бы выметая канвой из кабинета, — свободны.

— Под вашу личную ответственность, — буркнул главный конвоир уже в дверях.

Исаев снял с Акимова наручники.

— Прошу садиться, Нурлан Акимович, — указал Купцов на стул напротив себя. — Кофе, чай?

— Спасибо.

Акимов сел, потер запястья. На его лице не было ожесточенного выражения, какое бывает у заключенных.

— Нурлан Акимович, ваша... — начал Купцов, тщательно подбирая слова, — подруга...

— Жена.

— Ваша жена, Надежда Федоровна, пятого числа передала для нас через случайного человека документ. Получили мы его только сегодня. Ознакомьтесь.

Акимов быстро прочитал показания Березкина.

— Ничего конкретного относительно заказчика, — прокомментировал.

— Конкретно то, что вы к этому делу не причастны.

— Спасибо. Я это знаю.

— Теперь и мы знаем. Документ сей, мы полагаем, выдан вашей жене, как аванс за некое предстоящее дело. Она должна отработать. В чем эта отработка заключается?

— Из нее готовили киллера. Для серьезного дела. Но она не будет стрелять.

— При психологической обработке, экстремальных обстоятельствах, скажем, для вашего освобождения... Все может быть.

Повисло молчание. Акимов смотрел в пустоту.

— Способна она на теракт? — прервал молчание полковник.

— Сомневаюсь...

— Рахим, быстро определи координаты юбиляра.

Где-то через час юбиляр почувствовал облегчение. По настоянию личного доктора принял «мезим», посетил сортир-крепость, попутно поприветствовав «аутсайдеров». В сопровождении охраны спустился к реке, помыл руки, ополоснул лицо. Снял было рубашку, но купаться раздумал.

Надежда через оптический прицел рассмотрела усталое, болезненное лицо. Палец лежал на спусковом крючке винтовки. Нурлан... Нурлан...

Юбиляр, тяжело ступая по мощенным ступеням, поднялся на верхнюю площадку, проследовал к заново сервированному столу.

12.10. Исаев позвонил дежурному КНБ.

— Возможно, готовится теракт, — пошел сразу с козыря, чтобы не вступать в длительные дебаты. — Где сейчас находится президент?

Выслушал ответ.

— Михаил Семенович, объект сейчас в урочище Маралсай, что выше Талгара. Банкет там по случаю его юбилея.

— Быстро! По дороге выясним точное местонахождение.

— Уже выяснил. Зона отдыха облакимата, квартал 26, седьмой километр после поворота к национальному парку.

— По коням. Нурлан Акимович, пожалуйста, с нами.

Акимов протянул руки.

— Вы свободны, — улыбнулся Купцов. — Пятнадцать суток за мелкое хулиганство на суде уже отсидели.

«Джип» полковника выжимал все, что мог.

14.50. Юбиляр с небольшой группой приглашенных на банкет иностранных инвесторов спустился на берег. Подошел к реке.

— Вот она, вечность! — простер руки.

Переводчик перевел инвесторам:

— Вот она, истинная ценность.

— Нефть тоже денег стоит, — улыбнулся китаец. — Всем ее хватит.

Переводчик перевел:

— Господин Яо Хей будут качать нашу нефть, гарантирует — в накладе никто не останется.

Хозяин и гости сели за стол под навесом. Официант от волнения опрокинул поднос с напитками, и, кланяясь на японский манер, стал пятиться. Китаец улыбнулся.

Юбиляр зло покосился:

— Что, руки из жопы растут?!

Китаец посмотрел на переводчика.

— Ничего страшного, сынок, — перевел тот.

Надежда, рассмотрев поочередно через оптический прицел всех сидящих за столом, безошибочно остановила прицел на юбиляре. Палец на спусковом крючке.

«Признавательные показания Тюли не сработали... — тревожная мысль. — Нурлан в опасности!»

15.05. Перед шлагбаумом при въезде в национальный парк джип Купцова остановила охрана. Купцов предъявил документы.

— Приглашение, полковник, — потребовал начальник охраны. Потряс бумагой. — Вас здесь нет.

Полковник отвел охранника в сторону.

— Не исключено покушение на вашего шефа.

Посмотрел на дачу Харина.

— Это чей дом?

— Пенсионера одного.

— Он здесь?

— Возможно.

— Давайте проверим.

Сбросив с петель закрытые на замок ворота, Купцов с Акимовым в сопровождении охранника прошли во двор.

Дверь дома заперта изнутри.

15.13. Лицо юбиляра в оптическом прицеле окаменело, стала мишенью. Надежда глубоко вдохнула, выдохнула и плавно, как на тренировке, стала сжимать палец на спусковом крючке винтовки.

Галечник под левой ножкой пластмассового кресла юбиляра просел со слабым хрустом. «Мишень» в оптическом прицеле резко сместилась вправо, ушла с перекрестия. Надежда, не уточняя прицела, дождала курок до упора. Пуля пролетела в сантиметре от левого виска «мишени», издав ультразвуковой свист.

Одновременно — слабый хлопок выстрела, и настойчивый стук в дверь дачного дома.

«Нурлан!» — радость Надежды совпала с грохотом взрыва. Большое яркое пятно ослепило ее. Сработало взрывное устройство, заложенное в прикладе снайперской винтовки для ликвидации стрелка.

Взрывной волной выбило входную дверь рубленого дома. Кислый запах взорванного тротила.

Надежда, запрокинув голову на спинку кресла, разбросав руки, безжизненно смотрела на потолок.

Нурлан бережно взял ее на руки, понес на волю.

Ярко светило солнце. На том берегу ударили литавры. «Как прекрасен этот мир!» — кричала музыка Давида Тухманова.

— Надя, Наденька, — прошептал Нурлан, прижимая к себе безжизненное тело.

Слезы текли по его небритому лицу, выбирая удобные морщины.

Вьетнамский синдром

*Мы не все вернемся из полета
Воздушные рабочие войны.*

Из песни былых лет.

1. Дыра в ад

Не любил Ким Ибрагимов американцев. Не за то, конечно, что его Марьям в марте шестьдесят третьего осталась в Штатах. Так уж получилось, нежданно-негаданно пришло приглашение от Нью-Йоркского музея Метрополитен на выставку её картин и жена в спешке, на сносях улетала за океан. Там и родилась до срока его дочь Мэри, которую он так и не увидел.

А не любил он их за высокомерие — считают себя во всём первыми. А кто они такие? Такой нации даже не существует. Есть казахи, русские, немцы, чукчи, анекдоты про которых. Но живут все эти народы на своей исконной земле. У каждого — свой язык, свои обычаи. А тут, в середине шестнадцатого века весь сброд из Европы устремился на новые земли за наживой. Золотая лихорадка обуяла! Пришлые авантюристы коренное население за людей не считали, загнали в резервации, захватили земли. Укоренились вурдалаки, окрепли, наладились грабить африканские и азиатские страны, сея там раздор и войны.

В его антипатии к американцам исключение составляли разве что Марк Твен и Эрнест Хемингуэй. О приключениях Тома Сойера и Геккельбери Финна он прочитал еще в детстве, а «Прощай оружие» Хемингуэя — в начале шестидесятых, когда на него была повальная мода. В интеллигентных домах портреты писателя — вместо икон.

Мысль, свести счеты с янки, пришла к нему спонтанно. Второго августа шестьдесят четвертого американский эсминец «Меддокс», собирающий разведданные в территориальных водах Северного Вьетнама, был обстрелян двумя его катерами. На следующий день в телевизионном обращении к согражданам президент США Джонсон заявил, что в ответ на этот инцидент Америка ответит силой. И тут же, без объявления войны, американцы приступили

к массированным бомбардировкам портов, военных объектов и столицы Северного Вьетнама.

Прибывший в Ханой министр иностранных дел СССР Андрей Громыко от имени Советского правительства заявил: его страна окажет военную помощь Демократической Республике Вьетнам. Это и привело к полномасштабной войне между Северным и Южным Вьетнамом. А по сути, война шла между Советским Союзом и Америкой. Давно она назревала, а тут представился случай — отстаивать геополитические интересы на чужой территории.

Америка увеличила количество войск в Южном Вьетнаме, а в Северный — начало поступать вооружение из Союза: зенитные комплексы «Столб» и новейшие по тем временам истребители МиГ-21. Сюда же прибыли военные специалисты, а если без дипломатических уверток — наемники, в числе которых и был доброволец — тридцатидвухлетний военный летчик, майор Ибрагимов. Он был одним из немногих, кого деньги мало интересовали. Возможно, и обидутся за жену, но в этом не признавался. Убедил себя, что едет выполнять интернациональный долг.

Обучал Ибрагимов вьетнамских летчиков тактике ведения воздушного боя, руководил боевыми вылетами, сам сбил три бомбардировщика Б-52 и два истребителя Фантом.

Полковник Дэвид Е. Лаундс, командующий военной базой в районе деревни Кхе Сан, что в шести милях от лаосской границы, после дерзких налетов вьетнамской авиации на базу, оценил голову Ибрагимова в пять миллионов долларов. В ноябре шестьдесят седьмого истребитель Ибрагимова был подбит, он катапультировался и, тяжело раненный, попал в плен.

Лагерь, тюрьмы, издевательства садистов-надсмотрщиков. В той войне на пленных не распространялась Женевская конвенция о гуманном обращении с военнопленными, война была необъявленной. Да и вьетнамцы содержали американских пленных в жутких условиях в тюремном комплексе «Хоа Ло» (Дыра в ад), построенный ещё в начале века французами.

В мае семьдесят третьего, через долгих девять лет, шесть из которых Ибрагимов провел в американских тюрьмах и лагерях, он вернулся в Алма-Ату с протезом вместо левой ноги и пустотой внутри.

Предлагал ему Пентагон остаться в Америке, блага сулил. Пилот классный, технику советскую знает. Да и семья здесь! Ибрагимов отказался.

На родине спецслужбы его в оборот взяли. Невесть откуда информация — якобы американцам самолет продал, намеревался в

Штатах остаться, жена же там с дочерью. Но, не заладилось. Три года муржили. То закрывали, то отпускали. Наконец, взяв подписку, что претензий к спецслужбам не имеет, освободили подчистую.

Долго приспособливался инвалид к мирной жизни. Не получалось, ничего же не умел делать, кроме как держать в руках штурвал истребителя. Армейское ведомство его забраковало, не положено инвалиду летать на боевых машинах, и в гражданскую авиацию не брали. Не из-за инвалидности, с головой не дружил, был вспыльчив, а иногда и непредсказуем. «Вьетнамский синдром», диагностировала медицинская комиссия. Оно и подтверждалось: частые кошмарные виденья то во сне, то в пьяном бреду.

Чтобы занять себя чем-то, начал записывать воспоминания о Вьетнаме. Сочинительством с детства «страдал». Фантазии мальчика воспринимались взрослыми как банальное вранье, иногда и попадало.

Талант к сочинительству оценила учительница русского языка и литературы Татьяна Александровна. Она работала первый год после института. Невысокого роста, ладная, всегда улыбающаяся, больше походила на старшеклассницу чем на учительницу. Остальные учителя, по восприятию Кима, были старые и вредные. Особенно директор школы, по прозвищу «корень квадратный» — преподаватель математики, с его нравоучениями.

В шестом классе тогда проходили эпос «Слово о полку Игореве». Произведение сложное, писаное не для школяров. Вызвала Татьяна Александровна к доске отличника Толю Старостина. Тот хроникально изложил поход Игоря Святославовича на половцев. Как всегда вызубрил.

— А Ярославна? — подсказала учительница, когда он замолчал.

— Что Ярославна? — недоуменно посмотрел Старостин на неё, выпятив нижнюю губу, — баб тогда в армию не брали.

И, сконфузившись от недоуменного взгляда Татьяны Александровны, поправился:

— Извините, тех теток имел в виду, — махнул рукой, указывая назад, предположительно на шестнадцатый век.

Вздыхнула учительница — не для шестого класса «Сказание о полку Игореве».

— Кто хочет добавить? — безнадежно посмотрела она на класс. Желających не было.

— Ну, активнее!

Ким поднял руку. У него с русским языком были нелады, писал с ошибками. Татьяна Александровна кивнула, соглашаясь послушать «двоечника».

Ким красочно стал рассказывать про поход князя на Половцев, упомянул и про аномальное природное явление (четыре солнца на небе!) про зверей, про птиц. Кое-что присочинил, поскольку вещей Баян в сказании не обрисовал достойным образом портрет Ярославны, плачущей на стене в Путивле. Наверняка же была писаной красавицей, похожей на Нинку Кожевникову, в которую Ким был тайно влюблен. Вот она, за первой партой, самая красивая девочка в классе. Отличница! Стал описывать её, сравнивая косы с золотистыми колосьями ржи, глаза с темно-голубыми васильками, что растут по кромке жнивья, лик — с утренней зарей.

Татьяна Александровна слушала сидя, подпершись рукой и прикрыв глаза. Иногда улыбка трогала её красивые губы, обнажая полоску белых зубов. Словно слушала самого Баяна! Когда прозвенел звонок, извещающий окончание урока, и класс дружно ринулся к дверям, подошла, слегка обняла Кима за худое плечо:

— Ким, ты будешь писателем, — сказала вполне серьезно.

Тогда он не придавал значения её предсказаниям. Мечтал стать военным летчиком. И стал им.

С оглядкой на цензуру, его воспоминания о вьетнамской катастрофе не печатали. Официально Советский Союз в военных действиях там не участвовал. Главный редактор еженедельной газеты «Караван» Гриша Брейгин посоветовал:

— Ким, у вас хороший слог и сарказма хватает, писали бы вы лучшие фельетоны для нас. А это, — слегка постучал пальцами по рукописи, — впрочем, хорошо написано, лет может через двадцать пойдет. Да и подписку же, наверное, давали...

— Университетов не кончал, чтобы фельетоны писать, не журналист, а так... — передернулось небритое лицо Кима.

— А по мне ты хоть гинеколог, лишь бы сочинял складно, — заключил редактор. И не по теме, кивнув на рукопись, предложил:

— Помянем тех, кто не вернулся с полета!

Полез в ящик стола за дежурной бутылкой. Любил рюмашку-другую хлопнуть вместо перекура.

И стал он писать в газету. Даже в штат хотели взять. Не захотел, дорожил после тюряг свободой, а иногда уходил в запой.

Там же в газете познакомился с Раей Сапруновой. Та тоже не была профессиональным журналистом, но образно писала о горах, о природе. Была мастером спорта по альпинизму. В конце восьмидесятых они сошлись. Ему — под шестьдесят, ей — ещё тридцати нет. Своим телом и страстью вернула она Ибрагимова к жизни. Пить бросил, стал следить за внешностью.

В восемьдесят шестом закончила Раиса факультет фармакологии медицинского института. Работала в аптеках, нигде подолгу не задерживалась из-за строптивного характера. Чуть не по ней — да пошли вы... И говорила конкретно куда.

С годами тускнели её чувства к Ибрагимову. Разница в возрасте сказывалась — интересы разные. Да и проигрывал Ким в сравнении с её друзьями-альпинистами. Те вот мужики — я те дам! Начал он раздражать своим присутствием в её жизни. Не посылала, верно, как директоров аптек. Содержал, и терпимо относился к её тусовкам и увлечению горами.

2. ТОО «Аспирин»

Центральная городская аптека Алматы, переименованная после приватизации в девяносто третьем году в ТОО «Аспирин», занимала весь первый этаж длиннущего жилого дома по проспекту Энтузиастов. Торцом пятиэтажное здание выходило на Садовый бульвар.

Пожар вспыхнул в торговом зале аптеки в ночь на 22 марта девяносто шестого года. Багровый отсвет в громадных, на всю стену окнах от горящих сопутствующих товаров, мешался с траурными полосами от чадающих медикаментов. Временами яркие вспышки, словно молнии, пронзали багровое зарево. То с веселыми хлопками лопались склянки со спиртовыми препаратами, вспыхивая голубым огнем.

Ночной отдел аптеки — дежурка, как её называли сотрудники, находился в противоположной стороне от торгового зала, в конце слабо освещенного коридора. Зарешеченное окно с небольшой «амбразурой» для отпуска лекарств, выходило на бульвар Энтузиастов. Доход дежурка приносила незначительный, зато аптека считалась круглосуточной, что повышало её рейтинг.

В тот злополучный вечер в половине двенадцатого к окну дежурки подошел довольно пьяный, но опрятно одетый мужчина и сообщил о пожаре в торговом зале. Раиса опасливо выглянула в коридор, он был задымлен. Вернулась, сделала несколько торопливых звонков — пожарникам на ноль один, заведующей ночной смены, директору аптеки. Стала звонить мужу, успела только сказать: «Аптека горит», как погас свет, отключился телефон.

Надо срочно покидать здание, отсидеться в дежурке вряд ли удастся. Поспешно вышла в коридор. Тьма кромешная!

Закашлявшись от едкого дыма, отшатнулась и снова оказалась в дежурке. Звериный инстинкт метнул её к светлому квадрату окна. Пьяного мужика уже нет, улица пустая и равнодушная. Отчаянно подергала решетку. Да куда там! Попробовала пролезть в «амбразуру». Напрасно. Надо идти в сторону горящего торгового зала к служебному входу. Набрав полные легкие воздуха, выскочила в темный коридор, и, держась за стенку, пошла в сторону пожара. Старалась дышать урывками, не полной грудью, но помогало это мало. Першило в горле, душил кашель. Проходя мимо, заглянула в раздевалку. Немудренная мебель — шкафы вдоль стен, стол круглый посреди комнаты, разномастные стулья и, неведома откуда, принесенный диван. Здесь сотрудницы переодевались, придя на работу, пили в короткие перерывы чай. Работали же посменно, по двенадцать часов. Дверь раздевалки оказалась распахнутой, сквозь зарешеченное окно сюда проникал слабый уличный свет. Диван пуст!

«Ах, ты бяка, — промелькнуло в голове. — Крыса!»

А минутами раньше, предвкушая жаркие объятия после полуночи, когда иссякнут клиенты. Мечтала: «Такого бы вот заполучить в собственность! Молодой, моторный, на двух ногах...»

Но сейчас не до него. Дым сгустился. Кашель разрывал легкие. Но надо идти, обратного хода нет.

Такой же кашель разрывал её легкие десять лет тому назад при восхождении на Эверест. Женщина впервые поднималась на самую высокую гору планеты, без кислородной маски. Позади месячная акклиматизация и тренировки. Девятое мая. В паре с Кенжигазы, пройдя ледник Кхумбу, с ночёвками в промежуточных лагерях, к вечеру шестого дня восхождения поднялись к последнему, пятому лагерю, что у подножия Горы на высоте 8500 метров. Всю ночь бушевал ураган. Стенки палатки, выгибаясь от яростных порывов ветра, хлопали, касались спальных мешков, били по лицу. Ощущение такое, что следующий порыв сорвет палатку и унесет в черную бездну. Сон в разряженной атмосфере неглубокий, урывками. На штурм вершины должны выйти рано утром, с таким расчетом, чтобы, достигнув пика, вернуться в пятый лагерь засветло. Ураган несколько стих только во второй половине следующего дня. Время поджидает, ожидать кардинального улучшения погоды не приходится, останешься без горы.

Вышли в шестом часу вечера. Мороз под пятьдесят! Кенжигазы в короткой, тридцатиметровой связке, идет первым. Ураган, как бы несколько отдохнув, начал крепчать, связующая

веревка под его напором выгибается дугой. Выматывают резкие порывы ветра, будто кто-то хватает и тянет вниз. Постоянно, чтобы не снесло, хочется иметь три точки опоры, и даже при этом порывы ветра разворачивают тело вокруг вбитого в фирн ледоруба. На ногах — стальные кошки. На гладких плитах их зубья проскальзывают, трудно удержаться. Высоко по склону Эвереста, ветер, цепляясь за скалы, издает то стонущие, то грохочущие звуки. Воздух разряжен, не хватает кислорода. Не только легкие, но ребра болят от глубоких и частых вздохов. Мучает кашель. Силы иссякают. Стоит ей три раза дернуть веревку, Кенжигазы спустится к ней. «Возвращаемся, — скажет она, — не могу больше». Команда, что два месяца готовила их восхождение, не осудит. Статистика такова: каждый третий, посягнувший на Гору, остался там навечно. Но другой возможности подняться на вершину не будет. Ещё десять шагов вверх, двадцать секунд передыха, следующие десять шагов. В неимоверном напряжении отыгрывают у Горы метр за метром, теряя ощущение времени, реальности.

... и, Гора сдалась! В облаках стали появляться разрывы, огромная Луна залила светом склон. Ветер стал утихать. Она перешла на снежное ребро, что высветилось справа. Ветер прекратился. Стало тихо, слышен только скрип «кошек» по фирну. Шагов через сорок осмотрелась. Со снежным гребнем, по которому шла, слева и справа вверх сходились ещё два гребня. Вершина Горы!

Три раза резко дернулась веревка — сигнал Кенжигазы: «Подтягивайся, последний бросок».

Пройдя по коридору почти половину пути до служебного входа, Раиса, задохнувшись, упала. Туалет должен быть где-то рядом. Ощупью нашла дверь, заползла. Дыма меньше, но спастись здесь вряд ли удастся. Сняла на ощупь полотенце, что висело возле умывальника, смочила и сделала маску, через которую можно дышать. Выйдя из туалета, опять упала, и, уже не подымаясь, поползла в сторону бушующего пожара. Метр за метром, метр за метром, как тогда, на склоне Эвереста. Гора помогала ей.

Доползла, наконец, до двери просторного тамбура служебного входа. Четыре высоких ступени вниз, холодный бетонный пол. Легкие туфли, которые она надевала, приходя на работу, потеряла по пути. Дыма здесь меньше. Стала судорожно шарить по карманам халата в поисках ключа от входной двери. Нет его! Или остался на столе в раздевалке, или выпал, пока

ползла. Нужно возвращаться! Поднялась по ступенькам, выглянула в коридор. С треском горели деревянные полы. Опять четыре ступеньки вниз, пять шагов к выходу, чтобы не упасть, навалилась на массивную металлическую дверь. И, о-о-о, чудо! Дверь со скрипом отворилось. Пахнуло свежестью!

«Так вон где оставила ключ, — мелькнула мысль, — в раздевалке. А эта бя... — и тут же переключилась, — жильцы, надо жильцов предупредить...»

А в городе бушевала весна — цвел урюк, моросил дождик.

По Садовому бульвару и проспекту Энтузиастов, привычно матерясь, бегали, натываясь друг на друга, пожарники, словно возбужденные некачественным китайским дихлофосом тараканы. Во дворе аптеки сгрудились кое-как одетые, встревоженные жильцы дома, держа за руки малолетних детей, уставившихся сонными глазами в пространство.

На фоне всей этой бестолковщины выделялись две группировки акционеров ТОО «Аспирин» с явными лидерами. Когда только успели собраться! Ночь — как-никак. Словно с вечера договорились. А ничего удивительного — заведующая отделом ночной смены всех сотрудниц обзвонила. Помогать, может, придется пожарникам, имуществу спасать.

На момент пожара взаимоотношения между упомянутыми группировками сотрудниц, были наэлектризованы до взрывоопасного потенциала мощностью в тридцать бабьих сил. Кто хоть раз был женат на неудовлетворенной жизнью женщине, может без натуги представить эту разрушительную силу. А всё из-за денег, будь они неладны!

Шестнадцать энергичных женщин, средний возраст которых значительно превышал бальзаковский, окружали Валентину Бабкину, кадровичку аптеки, бывшего парторга. Многие из них в недалеком социалистическом прошлом — передовики производства, ударники коммунистического труда. Девиз коалиции: «Подтянуть животы!» На собраниях пайщиков они выступали за вкладывание всей прибыли в расширение дела. А уж потом, может, лет через пять, пусть даже позднее, делить не гроши, а весомый капитал. Дамы, замороженные в молодости коммунистическими идеалами, верили в светлое будущее, а когда оно наступит — не так уже и важно. Главное — сладость ожидания. А теперь вот, горят надежды!

Женщины, озираясь, шептались, энергично размахивая руками, что напоминало сценку из немого кино. Шепот периодически крепчал и переходил в выкрики:

— Кобыла эта, сексуально озабоченная, подожгла! Чтобы страховку получить! А потом и саму аптеку продать.

— Да она не застрахована!

— Много ты знаешь!

— Сучка! Я этой сучке покажу! Директора отвлекает, шуры-муры в рабочее время...

— А ещё моду взяла командовать всеми! Кто она такая, командовать? Устав где? Каждому один голос дан!

— Племянницу свою экспедитором устроила! Коробками с оптовых складов просроченные препараты за так берут, а деньги подотчетные себе в карман. Нахапали, вот и подожгли. Докажи теперь!

Другая группировка из четырнадцати молодых и ленивых девиц «тусовалась» возле Эммы Бубликовой, упомянутой «кобылы» — высокой, склонной к полноте блондинки с красивым лицом кустодиевской купчихи, заведующей отделом готовых форм. Мужики Эмму примечали — породистая. Но подолгу возле неё не задерживались из-за её крутого нрава. Не умела она маскировать свой нрав до бракосочетания, чтобы уж потом, на законных основаниях, шпынять мужика. Девиз «бубликов» — изречение Дейла Карнеги: «Живи в отсеке сегодняшнего дня». Девы хотели красиво жить и блистать, пусть и в жидких, но бриллиантовых лучах непременно сегодня. Они даже не прочь были продать аптеку на корню. Владелец соседнего казино «Бакс» давно на неё глаз положил. А через пять лет, считали девы, их потребности снизойдут, как в той байке: «кефир, зефир и теплый сортир». И замуж не успеешь...

Молодости присуща беспечность — на пожаре девицы обсуждали моды и виды на отдых в предстоящем летнем сезоне. Увязывали планы с пожаром.

— Теперь-то уж точно аптеку продадим, — расплылась в улыбке одна из дев, которой только что, прямо на пожаре исполнилось двадцать пять, — окладов по десять на каждую выйдет. Во «Французском доме» платье куплю, — сложила губки бантиком.

— Знаешь, где их шьют? — спросила товарка чуть постарше.

— Во Франции, понятно. Где же ещё?

— В Каскелене, не хочешь? Знакомая там. Привозят из твоей Франции образцы, распарывают, делают выкройки и строчат. Этикетки, верно, настоящие, из самой Франции.

— А я в Анталию... С Васей! — ослепительно улыбнулась невысокая, складная брюнетка, белозубая, с красиво изогнутой верхней губой. Год назад её улыбку за деньги демонстрировали

по местному телеканалу, рекламируя зубную пасту «Лесной бальзам». Потом она стала демонстрировать свои жемчужные зубки «за так» и не всегда к месту.

— Тоже мне, нашла с кем, — буркнула с затаенной неприязнью та, что собиралась купить платье во «Французском доме».

— Завидно, да? — парировала брюнетка. — Думаешь, Вася мне не рассказывал, как ты к нему липла, кошка драная!

— Сама давно в зеркало смотрелась, уродина!

— Ша, падлочки! — прикрикнула Эмма на девиц, — заткнулись, консолидироваться надо.

Любила Эмма сленг и импортные словечки, смысл которых не всегда понимала.

— На старух этих, гляньте, — кивнула на противоборствующую группировку одна из дев, — давно на пенсию пора, а они всё о деньгах.

— А эта мандаринка чему лыбится? — неприлично ткнула пальцем в сторону Раисы Сапруновой васина подруга. — Выручку, поди, захапала... На пожар теперь спишет!

В «Аспирине», кроме противоборствующих группировок, работало восемь вольнонаемных женщин, не удостоенных членства ТОО. Наняли их, когда торговлю начали расширять. Единственной их представительницей на пожаре и была Раиса. Стояла она рядом с крепким мужиком, с грубыми, словно вырубленными топором, чертами лица. Хотя годков ему явно за пятьдесят в фигуре ни малейшей дряблости, под легкой курткой вырисовывается мощный торс.

— Ты только глянь, Ким, — улыбалась Раиса, выступая не в тему, указывая рукой на пламя, — как в кино!

— Рая, ну Рая, — негромко увещевал тот, дергая её за руку, — нельзя так...

— Лязя, лязя! — чуть не приплясывала Раиса.

Сам директор заведения — господин Султан Гари, небольшого роста, но с нордическим, как сам он считал, характером, не выказывал своего отношения ни к одной группировке. Был мудрым руководителем. Хотя однажды и дал промашку — как-то по близорукости засмотрелся на прелести Эммы Бубликовой, та его и придавила увесистым бюстом... Не то чтобы попал под её влияние, но последнее время при общении с ней чувствовал себя не совсем уютно, потеть начинал, ерзать, улыбаться.

Сейчас Султана теребили телевизионщики, милицейское и пожарное начальство среднего звена.

Возле казино «Бакс», вход туда со двора аптеки, обособленно стояли несколько молодых мужчин, одетых явно «не на пожар» — малиновые пиджаки, белые рубахи нараспашку, лакированные туфли, массивные золотые цепи, печатки на пальцах. В залах ещё «блефовали», крутилась рулетка, кипели страсти. Мужчины вышли остудить пыл, курили дорогие сигареты, сплёвывая на асфальт, без особого интереса взирали на пожар. Главенствовал здесь хозяин заведения Жан Хусаинов.

— Хорошо горит, — мотнул он головой в сторону пожара. — Я этому мудаку два миллиона зеленых предлагал за помещение, сейчас и одного не дам. Ремонт большой потребуется.

Три года назад хозяин казино хотел выкупить у государства аптеку, игровые автоматы там установить, но не удалось — пресса вмешалась. Ким Ибрагимов статью написал с интригующим заголовком: «Земля — крестьянам, заводы — рабочим, а аптеки?..» Коллективу тогда разрешили выкупить заведение в рассрочку. А теперь вот, пожалуйста, полюбуйте.

Продолжал моросить дождь, Ким Ибрагимов держал над Раисой большой зонт с веселыми разноцветными клиньями.

Раиса временами крутила головой, как бы ища кого-то в толпе зевак. Её нервозность не осталось для Кима незамеченной, но он не стал допытываться, кого она выглядывает.

Полковника Управления внутренних дел Алматы Михаила Купцова интересовал вопрос: если это поджог, то кому это было нужно? Полковник прислушивался к перепалкам акционеров ТОО, наблюдал за «элегантной» группой «баксистов», коротко допросил директора аптеки. Султан Гари был в нокдауне и плохо соображал, чтобы складно врать. Как бы оправдываясь, благоговейно посмотрел на следователя:

— Электричество. Проводка, наверное, замкнула, старье же всё.

Явно что-то утаивал. Может, и основное — поджигателя.

За неделю до пожара, 15 марта, была разбита витрина торгового зала аптеки со стороны Садового бульвара. Не случайными подпившими хулиганами. В аптеке обнаружили булыжник светлого гранита размером в два увесистых кулака. Заявили в милицию. Поблизости от аптеки оперативник Василий Жилин таких булыжников не обнаружил. Центр города, улицы и дворы ухожены. Следовательно, булыжник принесён или привезён. Битье витрины, надо полагать,

было предупреждением директору: «Не станешь отстегивать положенное, мало не покажется!» И не показалось. Кто они? Многие рэкетиры, расплодившиеся в переходный период от социализма к капитализму, к этому времени были на полном государственном обеспечении. Но «свято место» пусто не бывает. Повязали одних, расчистили место другим. Более жестоким и сообразительным.

Два интересных момента выявил Купцов по горячим следам. Объявился парень лет двадцати, студент мединститута по фамилии Степанов. Он видел поджигателя.

— Вышел покурить на балкон, — рассказал Степанов, — квартира на шестом этаже в сто пятом доме по Садовому, за перекрестком. Было двенадцать часов. Это я знаю точно, в двенадцать десять собирался посмотреть по первой программе боевик «Холодное солнце». Выкурил сигарету, хотел уже уходить, как увидел человека, спешно идущего по Садовому бульвару в сторону проспекта Энтузиастов. Лица не разглядел, далековато, да и дождь. Одет в длинный, темный плащ. Кепка на нем. Подошел к аптеке, предметом, похожим на ломик, разбил витрину. Мелькнул огонек, поджег что-то и бросил горящий предмет внутрь. Раздался хлопок, вспыхнуло яркое пламя. Изнутри до этого аптека была освещена слабо.

Человек в плаще не спеша прошел во двор между аптекой и казино. Показалось, прихрамывает. но не уверен. Вернулся в комнату, хотел позвонить пожарникам, но вспомнил: телефон отключен за неуплату. Соседей не стал беспокоить — поздно, малышня у всех. Снова вышел на балкон и увидел, как другой мужчина, с зонтом, бежит в сторону отдела ночной торговли аптеки. Это в другом конце здания, по проспекту Энтузиастов. Он, видимо, предупредил дежурную, и она сообщила куда надо. Вскоре и «пожарка» с воем появилась. Выть-то зачем, улицы пустые...

Момент второй. Человек с зонтом, им оказался некто Георгий Базылев, на вид — лет сорока, крепкого сложения, торговый агент фирмы «Тенгиз копир», сам каким-то образом вычислил полковника, хотя на том и не было формы. Толкнул слегка в бок, привлекая внимание:

— Командир, это я дежурную предупредил о пожаре! Иначе сгорела бы на хрен! Так и запиши.

Базылев был пьян, но адекватен. Одет опрятно, выбрит, явно не алкаш.

— Расскажите поподробнее, — внимательно посмотрел Купцов на подвыпившего.

— Вышел из казино во двор, точнее меня выставили. Деньги проиграл, а халявное виски с расстройства продолжал употреблять, — начал словоохотно Базылев, — мужик ко мне подходит. Слушай, говорит, аптека горит. Беги, скажи дежурной, со стороны проспекта её окошко. Не то сгорит. Я посмотрел на аптеку. Огонь внутри был хорошо виден.

— Сам-то что стоишь? — спросил.

— Ноги больные, — говорит, — ковылять долго.

Я и побежал. У окна дежурки — никого. Молодая женщина что-то записывала в тетрадь. Я сказал о пожаре. Вначале она не поверила, даже, рассердилась: «Иди, — говорит, — куда шел!» За наркомана, видать, приняла. Зевнула, прикрыв ладонью рот. Потом выглянула в коридор и сразу за телефон. Через пару минут в дежурке погас свет.

Складно рассказывает.

— Во что был одет человек? — поинтересовался Купцов.

— Какой человек? — не понял Базылев.

— Что послал вас.

— А-а-а, тот, — улыбнулся Базылев, кивнув в пространство, — на нем был плащ. Знаете, старомодный такой.

— А кепка, была на нем кепка?

— Нет, кепки не было.

— Волосы темные, светлые?

— Седые. Стрижка короткая, ёжиком.

— Казах, русский?

— Азиат. С раскосыми и жадными очами.

Купцов недоуменно посмотрел на свидетеля.

— Раскосые — ладно, а жадные...

— У Блока это, в «Скифах».

— Рост. Какого роста?

— С меня. Может, чуть выше.

— Вы бы узнали его при встрече?

— Вряд ли. Разве что по короткой стрижке.

— Не обратили внимания на походку?

— Нет, при мне он стоял. А позднее, когда тушили пожар, его не было. Впрочем, я и не высматривал. Зачем он мне?

Несколько странное впечатление произвела на полковника Раиса Сапрунова, дежурившая в ту ночь в аптеке. На вид слегка за тридцать, среднего роста, стройная, с располагающим лицом, на котором выделялись огромные серые глаза и красиво очерченные губы. При слабом уличном освещении Купцов

заметил наметившиеся морщинки возле её глаз, и заметные складки от носа к подбородку. Поработай над ней визажист, была бы красавицей.

Полковнику вначале показалось, что девка с придурью — замороженно смотрела на пламя, что вырвалось из окон торгового зала, и улыбалась, показывая жемчужные зубки. Как бы радовалась — хорошо горит! За руку Раису держал мужчина много старше. Выяснилось позднее — муж, журналист Ким Ибрагимов. Полковник читал иногда его фельетоны. Сокрушался — нельзя на основе опубликованных материалов возбуждать уголовные дела, как при социализме, когда газеты были сплошь «партийные».

— Раиса Юрьевна, — учтиво обратился Михаил Семенович, — пару вопросов, если не возражаете.

— Ты кто? — окинул его Ибрагимов коротким цепким взглядом с ног до головы.

— Следователь.

Обаяние с лица Раисы смыла нервозность. Скривив лицо, резко произнесла:

— Что вы все ко мне пристали, всё уже рассказала, и пожарникам, и ещё кому-то, и ещё. Перепишите их протоколы, я подпишу.

Муж Раисы, который всё ещё держал её за руку, огрызнулся:

— Отойди по-хорошему, видишь, человек неадекватен.

Следователь достал удостоверение. Звание полковника Кима впечатлило. Он отпустил руку жены, как бы позволив ей общаться.

— Один только вопрос, Раиса Юрьевна, — улыбнулся ей Купцов. Он был осведомлен о ней от директора. Знал и то, что она не акционер.

— Ответь ему и пусть отвалит, — буркнул Ибрагимов.

— Это вы подожгли аптеку, Раиса Юрьевна?!

Этим шутливым вопросом следователь хотел подзадорить женщину на разговор. Неожиданным был ответ:

— Хотела, но меня опередили, — серьезно сказала Раиса.

Шутка следователю понравилась.

— Вам-то это надо?

— Ещё как надо!

— Рая, — одернул её муж, — не болтай чепухи.

И посмотрел на Купцова лишенными выражения глазами.

— Она шутит с перепуга. Не совсем удачно...

— Нет, я серьезно!

— Полковник, — поднял Ибрагимов руку с оттопыренными пальцами. — Нам надо забрать выручку, пока её не сперли пожарники, и сдать. Деньги, понимаете?

Купцов записал адрес и телефон Сапруновой. Хотел записать служебный телефон её мужа, но, оказалось, ни в одной редакции он не служит. Вольный художник

Сюрприз обнаружился после пожара. Жильцам уже разрешили вернуться в свои квартиры, акционеры ушли досыпать, немногочисленные зеваки разошлись — любоваться больше не на что.

Султан Гари в одиночестве, без определенной цели прошел через служебный вход в торговый зал. Свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь молодую листву карагачей, создавал в помещении мрачную сюрреалистическую картину. На фоне черноты — скелеты инвалидных колясок, остовы костылей и еще какие-то неопознанные останки на залитом водой полу. И отвратительный запах гари. Его аптека, которую Султан Гари любил, как собственное дитя, умерла.

Предупреждали, предупреждали по-хорошему — главное правило бизнеса: умей делиться! Торговался все, двадцать процентов от прибыли за «крышу» считал беспределом! Таких и ставок-то по городу нет, обычно — десятая часть.

А это что? Перед дверями центрального входа, что со стороны бульвара Энтузиастов, куча тряпья. Султан пнул это «что-то» и отшатнулся.словно током ударило — труп!

Сбиваясь и повторяя цифры, досчитал до десяти, привычка — ничего не решать спонтанно. Надо срочно сообщить Купцову, тот визитку оставил. Поспешно покинул торговый зал, рванулся было в казино, но передумал, не хотел с Хусаиновым встречаться, язвительщё начнет, татарская морда. Воспользовался таксофоном, что напротив аптеки. Набрал дрожащей рукой ноль два, попросил соединить с полковником.

Купцов приехал минут через пятнадцать, словно только и ждал звонка. Его сопровождали опер Василий Жилин и эксперт Борис Шаповалов.

Султан Гари своим ключом открыл им парадную входную дверь в торговый зал. После того, как Жилин сделал несколько снимков с фотовспышкой, труп выволокли на крыльцо аптеки. При свете мощного фонаря эксперт осмотрел его. Пульс зачем-то проверил, хотя и так было видно — мужик мертвое мертвого. Возраст, навскидку, тридцать-тридцать пять, роста ниже среднего, полноват, лицо округлое, серые глаза навывкате,

губы пухлые, черные выющиеся волосы коротко острижены. На безымянном пальце правой руки — кольцо, гравировка с внутренней стороны — Фрида

— Американец, похоже, — непонятно зачем «диагностировал» Шаповалов национальность трупа, ткнув пальцем на крохотный значок с изображением звездно-полосатого флага на лацкане пиджака.

На погибшем — дорогой костюм. Во внутреннем кармане пиджака пять американских купюр — два по пятьдесят, три по сто. И никаких документов.

— Задохнулся, — поставил предварительный диагноз Шаповалов.

— Как он сюда попал? — посмотрел на эксперта полковник.

— Вопрос не ко мне.

Купцов перевел взгляд на Гари.

— Как он сюда попал? — повторил вопрос.

— Эта дверь, — кивнул Султан на вход в торговый зал со стороны проспекта Энтузиастов, — была заперта, выходит, служебным входом воспользовался.

— А он что, не запирается?

— Запирается, почему не запирается.

— Ключа при нем нет.

— Так, дежурная, — предположил Султан Гари, — видать, оставила дверь открытой, когда на работу пришла. Или...

Произнеся «или», Султан замолчал на середине фразы.

— Или что?! — с ударением спросил полковник.

— Даже и не знаю. У неё надо спросить.

— Спросим, спросим, — многозначительно посмотрел следователь на директора аптеки. — Со всех спросим...

3. Допрос

Утром 25 марта начал моросил дождь. Капли зигзагами, обгоняя друг друга, ползли по оконному стеклу, кабинет следователя наполнился сероватым светом. Михаил Семенович посмотрел на часы — половина десятого. Ждал Раису Сапрунову. После тщетных приглашений по телефону, Купцов вызвал её повесткой с предупреждением, что в случае неявки в означенное время будет доставлена принудительно.

Вот и она, пришла в сопровождении мужа.

— А вы что? — окинул полковник Ибрагимова с ног до головы, когда тот зашел в кабинет следом за женой.

Ким объяснил причину появления состоянием жены. Нахвталась дыма, психологический стресс, сейчас на больничном. У него автомобиль, вот и подвез.

— Если не возражаете, побуду тут.

Следователь не стал возражать. Пусть адвоката изображает, Сапрунова имеет на него право. Но Ибрагимов почему-то передумал присутствовать при допросе, сказал, что подождет жену в машине. Только спросил:

— Полчаса вам хватит?

— Да, пожалуй. Самое большее — час.

— Тридцать минут, — сказал Ибрагимов, отчеканивая каждый слог.

Вытянув левую руку, слегка постучал по стеклу часов.

— Нам в психушку к одиннадцати.

Когда Ибрагимов закрыл за собой дверь, Купцов поднялся, обогнув свой стол, выдвинул стул от приставного столика, развернул его несколько, и, вытянув руки, пригласил:

— Присаживайтесь, Раиса Юрьевна.

Раиса села, поправила платье на коленях.

Купцов прошел за свой стол.

— Ну, — улыбнулся доброжелательно, — рассказывайте все, что знаете. Потом коротко запишем.

— Чего рассказывать-то, — подозрительно посмотрела женщина на следователя, — побольше моего, наверное, знаете...

— С того момента, как пришли на работу, и до того момента, когда я подошел к вам во время пожара.

— В прошлую среду, — начала монотонно Раиса. Лицо её ничего не выражало. — Да, кажется, в среду, заступила на дежурство, как всегда, в девять вечера. Разложила лекарства, что чаще всего спрашивают: от головы, от желудка, от давления. План, тридцать тысяч тенге за смену, обычно набегает к одиннадцати. После покупатель рдеет. Наркоманы большей частью беспокоят.

— Пока не забыл, — перебил её Купцов, — дверь входную за собой заперли, когда пришли на дежурство?

— А что? — встревожилась Сапрунова, резко поджав губы.

— Ответьте на вопрос, — как можно мягче произнес Купцов.

— Не помню, — посмотрела женщина на следователя недоверчиво — куда он гнет.

— Хорошо, дальше пошли.

Раиса долго молчала, как бы что-то вспоминая. Пять секунд... Десять... Мысли мелькали, как кадры ускоренной съемки: «Не

звонит... Никто, похоже, не знает, что он был... Лишь бы самой не проколоться...»

— Ну, наркоманы, говорите, после одиннадцати...

— Примерно в первом часу, — продолжила Раиса, несколько успокоившись, — на часы не смотрела, потом узнала, подошел подвыпивший мужчина, сказал встревожено: «Коза, аптека твоя горит со стороны бульвара.» Не поверила. На всякий случай выглянула в коридор. Он был слегка задымлен. Вначале-то сразу хотела бежать, но подумала: ночь, четыре этажа над аптекой, жильцы спят. Детишки. Стала звонить. Позвонила пожарникам, потом Ольге Васильевне, заведующей отделом ночной смены, директору. Позвонила мужу, только начала говорить, погас свет, отключился телефон. Стала выбираться. Коридор был уже в дыму, а надо идти в сторону пожара. Там служебный вход.

— Муж ваш отозвался на звонок?

— Да, только и успел спросить: «Что случилось?»

Сапрунова не стала рассказывать о трудностях преодоления дистанции в тридцать метров. Не упомянула она и про то, что дверь служебного входа оказалась не запертой.

— Вышла на улицу. Шел дождь. На проспекте Энтузиастов уже стояла пожарная машина. Из окон торгового зала вырывалось пламя. Обрадовалась...

Раиса осеклась, натянуто улыбнулась.

— Ну, а дальше, — прервал следователь создавшуюся паузу.

— Обрадовалась пожару. Свобода! Полная свобода! Через два дня не надо идти в аптеку! Не могу по ночам работать. Нервная система не приспособлена. Муж с недавних пор за то, чтобы дома сидела, помогала ему в творчестве. Я занимаюсь стилистической правкой. У меня словарный запас богатый. Да и корректура на мне.

Помолчав, вернулась к теме:

— Пошла в соседний подъезд, постучала в первую же квартиру, сообщила о пожаре и оттуда позвонила мужу, чтобы ботинки привез, я, оказывается, босая выскочила. Точнее выползла. Вскоре и он подъехал. Видели же.

И, опять помолчав, добавила:

— Вот и всё, — улыбнулась.

Глаза придавали лицу выражение чистосердечия, но следователь чувствовал — что-то она не договаривает.

— Чисто формально, Раиса. Можно, просто Раиса, учитывая вашу молодость?

— Не такая уж и молодая... Однако, спасибо за комплимент.

— Не обижайтесь, как я уже сказал, чисто формально...

— Да, да.

— Не мог аптеку поджечь ваш муж? Чтобы вы дома сидели с ним, статьи его правили.

Раиса округлила глаза, отчего лицо её стало кукольным.

— Зачем? Вы что! Тем более он с Гари, с директором, в приятельских отношениях. Давно знакомы. Гари меня-то взял по его просьбе. Здесь сторонних не берут. А потом, семнадцатого, нет, восемнадцатого марта, когда витрину разбили, Ким дежурил со мной в аптеке. А это, надо полагать, было увертюрой к пожару. Исполнитель один. Верно?

— Вам бы не в аптеке, а у нас работать, — улыбнулся Купцов.

— Приглашайте. Свободная, — развела руки Раиса.

— Кто, по-вашему, поджег аптеку?

— Думаю, рэкетеры или владелец казино. Он аптеку хотел выкупить. До приватизации. Ким, муж мой, не позволил. Статьей своей. Султан меня и на работу-то взял, как бы в благодарность...

— А милые дамы, коллеги ваши, что постоянно отношения выясняют? Кто-то из них мог поджечь.

— Откуда знаете о склоках?

— Слышал на пожаре. Всем там досталось. Вас только не упоминали.

— Я-то для них вообще пустое место. Но не они. Только и могут собачиться.

— Наняли, может, кого?

— Не думаю

— А сам Гари? Ну, скажем, чтобы получить страховку...

— Нет! — твердо ответила Раиса.

— Почему?

— Во-первых — трус. А потом, зачем? Гордится своей аптекой, считает её главной в республике.

— А ваш муж, он не трус?

— Он уж точно не трус. Я, верно, до конца его так и не узнала, хотя живем пятый год. Скрытный он. В молодости был военным летчиком. Во Вьетнаме несколько лет воевал. С американцами. В плену у них был. Садиста-надсмотрщика заколол. Признался, когда в этом заподозрили сокамерника, пытать невинного начали.

— Это он сам вам рассказал?

— Да что вы! Молчун. В рукописях вычитала. Без его ведома. Но он не поджигал аптеку. Ведь я могла погибнуть. Любит он меня.

— И ревнует?

— Не замечала. Да и повода особого не даю.

— А вы? Вы любите его? — спросил полковник, чтобы поддержать угасающий разговор.

Раиса задумалась.

— Это имеет отношение к пожару?

— Нет, конечно.

— Тогда не буду отвечать.

Наступила предусмотренная следователем пауза.

— Все, могу идти? — прервала Раиса молчание.

— Да, конечно. Вот, — подписал и передал повестку следователь, — отдадите на выходе дежурному. Вы нам очень помогли, спасибо, всего вам хорошего!

— И вам того же.

Когда Раиса уже взялась за дверную ручку, Купцов без всякого выражения спросил:

— Да, Раиса Юрьевна, давно видели Фриду?

Сапрунова обернулась не сразу, а когда обернулась, посмотрела на следователя с опаской.

— Какую ещё Фриду?

— Еврейку.

— Была на факультете такая.

— И где она сейчас?

— Говорили, улетела в Израиль.

— Улетела или говорили? — спросил следователь, голосом лишенным модуляции.

— Улетела.

— Адрес Фриды...

— Этого я не знаю.

— А вот этого господина? — достал Купцов из ящика стола фотографию погибшего на пожаре. Фотография была ретуширована, и только опытный глаз мог определить, что на снимке изображен покойник. — Подойдите ближе, — пригласил полковник.

Взглянув на снимок, Раиса побледнела. Цель была достигнута. Она узнала покойника. Стало понятно, откуда он взялся в аптеке.

— Ну! — подстегнул её Купцов.

Хватило мгновения, чтобы прийти в себя.

— Я не знаю этого человека, — четко, с расстановкой произнесла Раиса, глядя в глаза следователю, как бы не оставляя тому повода для дальнейших вопросов.

«Знаешь, — мысленно возразил следователь, — но не буду рушить твою семью. Задохнулся твой хахаль, ну и ладно. Не будем усердно «расшифровывать», не преступник, не в розыске...»

Простились повторно. Она была симпатична полковнику. Хрупкая, но сильная женщина, покорившая Эверест. Купцов знал об этом, справки до встречи наводил.

Дело безнадежно повисло. Купцов полагал — Султан Гари знает поджигателей, но молчит. Боится мести, или уже «отстегивает» положенные проценты от прибыли. Понять его можно — милиция не защитит.

Допрошены были многие сотрудники «Аспирина», казино, допрошены с пристрастием вымогатели разных мастей, что попадали в сети милиции. Всё по нулям.

Проработали версию поджога Кимом Ибрагимовым. Резон у того какой-то и был — не хотел он последнее время, чтобы жена работала по ночам. Приметы сходны — стрижка, хромота. Но после выхода из горящей аптеки Раиса звонила мужу из тридцать седьмой квартиры. Просила привезти ботинки. Хозяйка квартиры это подтвердила. Привез он ботинки. На такси приехал, потому как выпил вечером и своей машиной не воспользовался. Нашли и таксиста, что подвозил Кима Ибрагимова к аптеке.

Всё это делалось для исключения маловероятных версий. Того требовала следственная наука.

4. Масштаб жизни

Раиса заступала на дежурство в девять вечера, когда до следующего утра закрывался торговый зал аптеки. В иные дни, когда она просила, часов с одиннадцати, а иногда и позднее, её подменял Ким. Покупателей практически в это время уже не было, и Раиса шла спать в раздевалку.

Ким заваривал чай, гасил большой верхний свет, оставляя лишь подслеповатую настольную лампу, и... возвращался мыслями в далекое детство. Мысли, как еле уловимый запах, уносили его в прошлое. За ночь заново проживал несколько счастливых лет, вспоминая год за годом.

Вот они с отцом собираются на рыбалку. Перебирают снасти, копают за сараем червей. Лошадку, запряженную в старенькую телегу, отец брал в колхозе Большевик.

До реки Белой по левобережной пойме, заросшей бархатной «гусиной» травкой, всего километр, а может и меньше. Переправляются на противоположный берег на пароме с гребным колесом. Вращают колесо, налегая на изогнутые рычаги, два мужика. Лопасты шлёпают по воде, создавая невысокие буруны. В середине реки течение сильное, паром начинает разворачивать и сносить. Паромщик, с трудом выравнивая судно рулевым веслом, кричит мужикам: «Эй, ханурики, уснули там!» Те добавляют обороты. Полчаса уходит на переправу. Паром пристаёт к отдалённому от пологого песчаного берега бревенчатому причалу, сооружённому прямо на воде. Мелководье здесь, подойти ближе к берегу паром не может из-за осадки. Лошадка боязливо ступает на бревенчатый настил, и, ощупывая его копытами, как бы проверяя на прочность, спускается с причала, и по брюхо в воде, напрягаясь и фыркая, тащит телегу к берегу.

Дорога к озеру петляет по широкой песчаной пойме реки. Телега вязнет в песке, лошади тяжело, напрягаясь, выгибает хребет. Отец спрыгивает с телеги, шагает рядом, держа веревочные вожжи. Изредка причмокивает, подбодря лошадку. Не стегает её кнутом, жалеет, Да и кнута-то у него нет. Песок набивается в его тапочки со шнурками. Отец снимает их, засучивает штанины, тапочки передает ему. Ким держит в каждой руке по тапочку. Начинает дремать, роняет тапочки...

Стоило чуть отвлечься от воспоминаний детства, подползали вьетнамские события и назойливо стучались в память.

... американцы, после нескольких лет войны, не добившись ощутимых успехов на земле, начали операцию под кодовым названием «Раскат грома» — ковровые бомбардировки территории Северного Вьетнама.

На основных направлениях действий стратегических бомбардировщиков вьетконговцы сооружали в джунглях замаскированные взлетные площадки. Сюда скрытно, в разобранном виде доставлялись МиГи. Собранные на месте истребители встречали американцев в самых неожиданных местах. Сбив несколько бомбовозов, МиГи улетали на китайские аэродромы. Садиться на взлетную полосу в джунглях не было ни смысла, ни технической возможности. Она предназначалась только для взлета с короткого пробега.

17 марта 1967-го года Ким Ибрагимов со своим механиком Василием Маковским прибыл на полевой аэродром за день до доставки его истребителя. Редкая возможность расслабиться. Решил прогуляться. В конце взлетной полосы небольшая поляна. Вероятно, в начале войны участок выжгли напалмом. Трава по

пояс. Большой желтый цветок пробился сквозь темно-зеленые заросли. Ким нагнулся, вдохнул аромат цветка — пахнет как подсолнух из его детства.

А это что?! Из бурьяна на него пустыми глазницами, смотрел череп. Человеческие останки уже не вызывали у него ужаса. Привык. В правой кисти небольшой овальный предмет на цепочке. Ким аккуратно снял хорошо сохранившийся серебряный медальон. Открыл створку. Фотография светловолосой девчушки. Вот-вот рассмеется.

Многие из сослуживцев Кима не вернулись из полета. Ким представил последние земные часы погибшего. Катапультировался с подбитого самолета. Пробирается к своим на север. Вот он теряет чувство времени, иссякают силы. Снимает с шеи медальон, открывает створку. Она смотрит на него с фотографии, вот-вот рассмеется. Улыбнулся ей в ответ. Начинает вспоминать совместно прожитую жизнь. Она короткая. Если вспоминать только счастливые моменты, можно прожить жизнь повторно, ускоренно, в масштабе один к тысяче, или даже к ста тысячам.

Вот они бегут по кромке аэродрома под Николаевкой. Весна! Море красных маков. В небе висят жаворонки, поют гимн вечной жизни.

Последний вздох, последний удар сердца. Теперь он будет жить в её памяти.

— ...сын, тапочки давай!

Это отец. Память опять вернулась в детство. Телега уже на берегу старицы реки Белой. Лошадка распряжена, посеется рядом на привязи. Ким спросонок не может понять, куда же задевались тапочки.

— Я... Я их выронил, папа.

Отец смеется:

— Сам собрался выкинуть их, новые купить.

5. Последний вылет

Прошло полгода. За это время Михаил Семенович раскрыл не одно запутанное дело. Тем не менее, про поджог аптеки, нет, да и вспоминал — преступление осталось не раскрытым. А тут подвернулся случай пыль стряхнуть с «архивного» дела. Началось с банальной гулянки. Пригласил его на той адвокат Сатыпалдым Жумабаев. Вместе юридический кончали. Он защитился, стал кандидатом наук, что не так часто случается среди адвокатов.

Они хорошо зарабатывают и без надбавок за ученую степень. Выхали мужской компанией в урочище Маралсай. Тамошний директор лесхоза — родственник новоиспеченного кандидата.

Осень. В нарядном, багряном одеянии абрикосы по склонам ущелья, березки в золоте, в чашобе шиповника цокают фазаны. Идиллия! Скатерть расстелили под раскидистой яблоней. Шашлыки подоспели. Выпили за ученого, за его папу, маму, за здоровье присутствующих. Трёп после обильного возлияния.

— На прошлой неделе дело проиграл, — пустился в разговор новоиспеченный кандидат наук, привычно, как на судебном процессе выразительно тараща глаза и разбрасывая руки. — Интересное дело, да-а-а... — причмокнул.

Самодовольная улыбка играла на его лице.

— У тебя все дела интересные, — подколот с насмешкой один из гостей. Тоже юрист. — Как дело — пол-Мерседеса. Вон, на какой арбе катаешься. А тут, значит, облом — не удалось бабки срубить!

— Подарили! Родственники машину подарили, — как бы перед прокурором начал оправдывался Сатыпалдым.

— У меня родственников побольше, однако, пешком хожу.

— Голодранцы — твои родственники...

— Потому как не воруют, как твои клиенты, — ответил с достоинством правдолюбец.

Шутейная перепалка перерастала в скандал.

— Хватит вам, — стал остужать Купцов пыл спорщиков, — гонорары адвокатам не запрещены. Сатыпалдым — ученый, ему больше и платят. Ну, рассказывай.

— С этим дураком, — примирительно кивнул адвокат на «правдолюбца», — разве что расскажешь. Уже и забыл, что хотел.

И помолчав, сделал неопределенный жест рукой:

— Ах, да, случай интересный. Журналист Ким Ибрагимов, — вытянул руки адвокат, как бы указывая на него, — читали, наверное, его криминальные хроники?

— Покритиковал какого-нибудь сановника в статье, тот обиделся и подал на него в суд, — предложил Купцов.

— Нет, он сам подал иск. На ТОО «Аспирин». Жена его при пожаре в аптеке чуть не сгорела. И, знаете, выиграл. Пять тысяч долларов. За нанесение вреда здоровью и моральный ущерб. Фактов нет, но, уверен на сто процентов — аптеку он поджег.

— Ошибаешься, — возразил Купцов. — Он спал дома, когда аптека запылала.

— Вот, — приставил два пальца к виску Сатыпалдым, изображая пистолет, — стреляй, если не прав.

И тут полковник в первый раз серьезно засомневался... «Он не трус», — вспомнил характеристику жены.

Сейчас, когда Ибрагимов высудил у аптеки пять тысяч долларов, явно просматривался интерес. Он мог заранее всё просчитать, минута в минуту. Пять тысяч баксов того стоят. А попутно и от любовника жены избавился.

Купцов изучил иск, предъявленный Ибрагимовым «Аспирину». Документы собраны со знанием дела. Ничего лишнего. Здесь и заключение пожарников — нет утвержденного плана эвакуации людей при пожаре. Здесь и письмо Государственной службы охраны — пожарная и охранный сигнализации аптеки в отдельные дни не функционировали. Заключение врачей: Сапрунова Раиса получила психологическую травму на пожаре и месяц пролежала в клинике. Крепкие документы, ни одному адвокату не подкопаться.

В уголовном деле о пожаре было несколько строк о булыжнике светлого гранита, коим за неделю до пожара была разбита витрина аптеки со стороны Садового бульвара. Булыжник, понятно, выбросили. Кто же его хранить станет, как орудие преступления, не нож, не пистолет... Купцов подобрал в своем дворе похожий камень, чисто вымыл. Проверил — остаются ли следы от пальцев на камне. Там, где выступали плоские кристаллы полевого шпата, а он входит в состав гранита, отпечатки оставались. В деле нет дактилоскопической карты Кима Ибрагимова. Не требовалось. Ибрагимов, как и все простые смертные, не знает, конечно, рисунка отпечатка своих пальцев. Купцов снял в криминалистической лаборатории свои отпечатки, попросил увеличить их для наглядности. Сделал две копии. Одни отпечатки — якобы с булыжника, другие — с дверной ручки, за которую брался Ибрагимов полгода тому назад.

Пригласил Базилева, что предупредил Раису о пожаре. Показал ему фотографию Ибрагимова. Книжка его «Необъявленная война» недавно вышла в издательстве «Казахстан», с фотографией автора.

— Вроде похож, — сказал неуверенно Базилев. — Лицо волевое, стрижка короткая. Не буду утверждать, под шафе тогда был, — прозвучали в его голосе нотки сомнения.

Вызвал повесткой Ибрагимова. Официально.

— Поздравляю вас, Ким Салимович, — сказал после рукопожатия.

— С книгой что ли?

— И с книгой, и с тысячами!

— Какие там тысячи, так себе. Попросил издательство перевести гонорар на счет афганцев.

— Другие тысячи имею в виду.

— Не понял...

— Пять тысяч «зелени», что у аптеки высудили.

— А-а-а, — натянuto улыбнулся Ибрагимов, — пустяки. Так это... Забавлялся от нечего делать. Года два тому назад один тип на меня в суд подал, оклеветал, дескать, его в статье. Предъявил иск на двести тысяч тенге за моральный ущерб. Полгода судились. Вот тогда и наловчился по судам ходить. А тут ситуация, можно сказать, подтолкнула. Да и Султан меня рассердил. Я для него иногда статейки писал. Заказные. А тут он взял и уволил жену после пожара. По сокращению. Она, верно, и сама собиралась уходить. Ну, позвонил бы предварительно, извинился. Сказал, платить нечем, аптеку надо восстанавливать. Так нет, взял и уволил. И вообще, не люблю буржуев. Я — за социализм.

— Что-то вы сегодня разговорились, Ким Салимович. «В ударе нежных чувств», как сказал бы поэт. Может, заодно, ещё что-то интересное расскажете? Про поджог аптеки, например...

— Сам удивляюсь. А рассказать мне больше нечего. Тем более на эту тему.

Беспокойство мелькнуло в его глазах, и это не осталось не замеченным полковником.

Булыжник, накрытый газетой, лежал на столе справа от следователя.

— Знаете, что это? — стянул Купцов газету.

— Камень.

— Этим предметом восемнадцатого марта была разбита витрина аптеки, в тот день, когда работала ваша жена.

— Вещдок в вашем лексиконе.

— И знаете, что любопытно?

Ибрагимов взглянул на следователя быстро и испытующе — куда он клонит. Булыжник, похоже, тот самый. Отчеканил:

— Меня это не интересует.

Купцов продолжил с необычным спокойствием, ни на миг не спуская глаз с Ибрагимова.

— Отпечатки пальцев, оказывается, и на камнях остаются. Там, где выступают плоские кристаллики. Вот, обратите внимание, — ткнул пальцем на «вещдок».

Ибрагимов заинтересовано посмотрел на камень. Зеленым фломастером были обведены три участка размером с мелкую монету.

— И самое интересное, знаете что? — пристально посмотрел следователь на подозреваемого, словно желая проникнуть в самую глубину его души.

— Знаю, — твердо ответил Ибрагимов.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Что? — не отводил взгляда следователь.

Ответ получил не сразу.

— Сейчас снимете у меня отпечатки пальцев и сравните.

— Уже сравнил.

— Вот как! И где вы их взяли?

— С дверной ручки. Полгода назад, когда вы были у меня с Раисой, дверь за собой закрыли. Я тогда попросил криминалиста снять «пальчики». На всякий случай. Пригодились! Вот результаты дактилоскопической экспертизы.

Показал увеличенные изображения с отпечатками своих пальцев.

— Вот эти — с булыжника, а эти — с дверной ручки. Идеально совпадают.

— Спасибо, впечатлили, — глухо произнес Ибрагимов.

Резко обозначились скулы.

— Пригласить Базилева для опознания вас?

— Кто такой?

— Человек, которого вы просили предупредить жену о пожаре.

— Не надо.

— Потом все равно нужно будет.

— Потом и опознает.

— Хорошо. Может, расскажете — зачем это вам было нужно?

— Вас интересует факт или версия?

— И то, и другое.

— Версию вы уже знаете — пять тысяч долларов.

— Полагаю, что мысль наказать аптеку пришла вам в голову гораздо позже. В чём же первопричина?

— Стоит ли ворошить прошлое? Какая вам разница? Да и эта версия более правдоподобна... Поджог из-за денег.

Надолго замолчал. Мысли Ибрагимова блуждали где-то очень далеко. Вьетнам, тюрьмы, лагеря... И опять тюрьма светит. Надолго, возможно, до конца жизни. О гибели человека на пожаре он знал.

— Расскажите, — попросил Купцов мягко, что для него было нехарактерно. Привык требовать. — Груз с души снимите.

— Разве что ... Можно закурить? — кивнул на пачку следователя.

— Да, конечно.

Ким закурил. Закашлялся.

— Давно не курил. Лет пять, пожалуй. Ароматный табак, — посмотрел на сигарету. — Хотя и вредный. Но сейчас это не важно. На зоне все равно закурю... И чем раньше там загнусь — тем лучше. Место освобожу.

Долго молчал, лицо ничего не выражало.

— Так вот, поженились мы с Раисой четыре года назад. Мне — почти шестьдесят, ей... Много моложе она. Полюбил её. Ревновал, наверное, больше к прошлому. Неразумно, конечно, ревновать к прошлому! Иные вон на проститутках женятся и вполне счастливы. Иногда Раиса встречалась с одноклассниками. Тип один как-то приезжал к нам на дачу. Явно не со своей женой... Не помню, как его и звали, но мне он не понравился. Смотрел на меня свысока, а с Раисой разговаривал по-свойски, без уважения... Анекдоты травил. Эдакий хохмач! Всё в нём вызывало у меня раздражение.

Звонит как-то вечером. Узнал по голосу, картавит. Со мной не поздоровался, Раису просит. Долго они говорили. Тот, похоже, закрутиться хотел, а Раиса: «Да погоди ты, поговорим ещё, как там Фрида твоя? Толстеет всё...» И в конце разговора приглашает: «Я сейчас в аптеке первой по ночам дежурю, приходи после одиннадцати, поболтаем». Он, видимо, спросил, в какой день Раиса дежурит. А она: «Позвоню».

Тут у меня крыша и поехала.

Иногда ходил с женой в аптеку на дежурство. Ей было тяжело по ночам работать. Подменял, давал возможность поспать. Предположил — в первую же ночь, когда не пойду с ней, он там будет.

Вот и задумал аптеку поджечь. Раиса спасется, двужильная она, а типчик этот — как уж сумеет.

Витрину, вы уже знаете, я высадил. За несколько дней до поджога. Имитировал предупреждение рэкета.

— Умно! — улыбнулся Купцов, как бы одобряя задумку.

Ким недоуменно посмотрел на следователя.

— В ту ночь, — продолжил Ким, так и не поняв причину восторга следователя, — аптеку па пульта службы охраны не сдавали. Товар из Германии пятьсот двадцатым рейсом прибывал после часа ночи. До этого времени я мог свободно выйти из аптеки и вернуться. Сигнализация не работала. Не работает она, и после битья витрины. Все заранее просчитал.

Посидел возле Раисы в «дежурке», газету рекламную полистал, а после десяти, якобы, спать пошел в раздевалку.

Диван там раскладной. Народ в это время толпится возле окна выдачи, Раисе некогда отвлечься. Полежал минут пятнадцать, обулся и на улицу. Ключ от входной двери у меня свой был. Изготовил тайком от Раисы. Камень припас загодя. Во дворе у себя подобрал.

— Какое совпадение, — улыбнулся Купцов. — Этот — кивнул на булыжник, — я тоже у себя во дворе...

Ким, бросив взгляд в лицо следователя, резко спросил:

— Купили, выходит, меня?

— Получается.

— А честно? По-мужски?

— А людей заживо жечь?

Ибрагимов опять надолго замолчал.

— Ну, а дальше? — подстегнул Купцов.

— Без риска быть обнаруженным, швырнул булыжник в окно и вернулся в аптеку. Кто меня там искать будет?

— Ловко!

— В ночь на двадцать второе — Раисино дежурство. Предложил помочь, отказалась, одна пошла. Поехал скрытно следом на своей машине. Наблюдал издали за аптекой. В одиннадцать типчик тот появился возле окна дежурки. Постоял недолго, и, обойдя аптеку, зашел во двор со стороны бульвара. Вход там служебный в аптеку. Мышеловка захлопнулась.

— Чем подожгли-то?

Следователь уже знал ответ, но перепроверял.

— Бензином.

Ибрагимов опять надолго замолчал. Купцов многозначительно посмотрел на часы.

— Ну, и?

— Разбил витрину монтировкой, в бутылку с бензином вставил фитиль, скрученный из носового платка, поджег и бросил внутрь. Когда запылало, прошел во двор, отпер служебную входную дверь аптеки. Вдруг Раиса без ключа окажется у выхода. Это у ней частенько...

Долго молчали. Купцова терзали сомнения — открывать дело повторно или нет. Должность обязывала... Взял тайм-аут на размышление, сменил тему.

— Вы же раньше были связаны с авиацией? — спросил.

— Откуда вам известно?

— В вашей книге прочел, — сказал Купцов. — Талант у вас, живо написано.

— Давняя история. Настолько давняя, что кажется, не со мной это и было. Да и спецслужбы вытравили события прошлых лет

не только из документов, но и из памяти... Официально Союз во Вьетнаме не воевал. Натаскивал там вьетнамских летчиков. Они на наших МиГах летали. Полётами руководил.

— Самим-то доводилось схлестнуться с янки?

— Один боевой вылет в неделю. Большие деньги платили. Без документов летали. Только сапоги красные. Оповестительный знак для вьетнамских партизан если собою.

— И часто сбивали?

Ким на минуту замолк, морщины на его лице углубились. Резко обозначился ножевой шрам на правом виске, память об американских лагерях. После паузы стал говорить, не глядя на следователя, словно он и не существовал. Как бы вспоминал вслух прошлое:

— Это случается только раз. В ноябре шестьдесят седьмого вступил в бой с тремя американскими истребителями. Сбил одного. Но и мой МиГ развалился от попадания ракеты. Катапультировался и чудом уцелел. Ноги, верно, лишился. Попал к американцам. Лагеря, тюрьма. Жуткие условия. Иные не выдерживали, сводили счеты с жизнью...

В семьдесят третьем американцы начали выводить войска из Вьетнама. Северный Вьетнам обязался передать всех американских пленных, а они, в свою очередь, — вьетнамских и тех, кто воевал на их стороне. Вернулся в Союз. Спецы из госбезопасности на меня наехали. Истребитель, якобы, американцам продал, чтобы у них остаться. Жена же там с дочерью. Три года здесь парашу нюхал. Кончилось подпиской, что претензий к следствию не имею. За свободу чего не подпишешь.

— Срок за аптеку, выходит, авансом отсидели, — пошутил Купцов.

Ибрагимов промолчал.

— Ким, — впервые обратился следователь к нему по имени, — вы меня извините, но я обязан... Служба...

— Понимаю.

— Но сделаем так: вы с повинной пришли. Крыша у вас тогда поехала. Вьетнамский синдром! Много не дадут... Да и я словечко замолвлю. А сейчас обязан вас задержать.

— Можно, завтра?

— Обязан...

— Последний день на воле, — просительно посмотрел Ким на следователя.

— Явитесь, слово офицера?

— Просто человека.

— Ну, хорошо...

В этот вечер па оживленной автотрассе Алма-Ата – Талгар «жигули» пятой модели, уходя от лобового столкновения с иномаркой, выехавшей для обгона на встречную полосу, резко свернули вправо, выехали на обочину и на большой скорости врезались в вековой тополь. Водитель «жигулей» Ким Ибрагимов скончался на месте. Водитель иномарки с запозданием взял вправо и по касательной зацепил крутую тачку и был задержан владельцем помятой машины.

Купцов узнал о дорожном происшествии из телепередачи «Рейдер». На следующее утро позвонил начальнику ГАИ Талгарского района Ахмету Изиеву. После дежурных приветствий, (давние знакомые), поинтересовался вчерашним дорожным происшествием.

— Своих дел мало, — пробасил Ахмет, — нам взялся помогать?

— Погибший — друг мой.

— А-а-а, вон как, — произнес Изиев с сочувствием.

Помолчали. Странное чувство причастности в аварии овладело Купцовым.

— Как это произошло? — прервал он паузу.

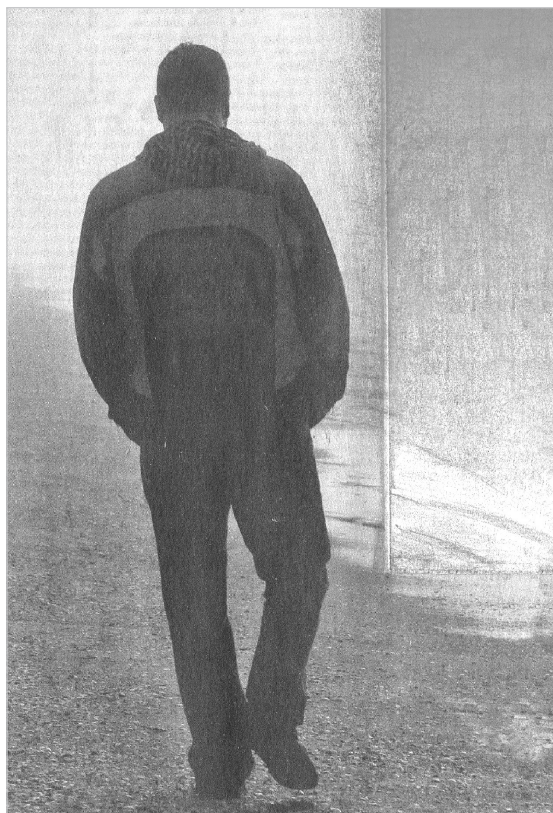
— Не все понятно с аварией, обочина там широкая... А он — в дерево. Не тормозил даже...

Опять помолчали. Каждый о своем. Михаил не прощаясь, чисто механически, положил трубку телефона. Затем удалил с диктофона запись допроса Кима Ибрагимова.

Дело о поджоге аптеки так и осталось нераскрытым. Не писать же в заключительной части расследования: «Вьетнамский синдром... Ракета, пущенная тридцать лет назад американским пилотом, настигла цель».

Внук великого комбинатора

Ироничный детектив

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Множество «внуков» Остапа Бендера вольно гуляют сегодня по республикам бывшего Советского Союза. Не исключено, что среди этой проворной братии есть и родной отпрыск великого комбинатора.

Ходили слухи, что бабушка его — «знойная женщина, мечта поэта» мадам Грицацуева, покинутая товарищем Бендером, будучи уже на сносях, удачно вышла замуж за инженера Бруля, обрусевшего немца.

Мальчик, очень похожий на папу Остапа, родился в конце 1928 года под знаком Козерога. Назвали младенца Генрихом. В сороковом, за год до войны, семью Бруля депортировали из Старгорода в одну из азиатских Республик. Генриху исполнилось тогда двенадцать. Закончил юноша с отличием десятилетку в райцентре Курмаш, сельскохозяйственную академию в Москве, и всю последующую жизнь лечил крупный рогатый скот в совхозе «Путь Ильича». Природа отдыхала на Генрихе, никаких авантюрных наклонностей папы Остапа. Не траться на обои, одними почетными грамотами мог оклеить не только зал, но всю двухкомнатную квартиру. Женился поздно, на красавице доярке Асель. В счастливом браке первенцем был Эдуард. Он-то, в угоду сюжета романа, и унаследовал гены деда Остапа в полной мере.

Не ищите в нем идентичности с товарищем Бендером. При внешнем сходстве, Эдуард тем не менее другой индивид. Да и времена другие, другие нравы, и воруют, не в пример прошлому, масштабно, на государственном уровне. В прокурорской лексике это явление стеснительно называется «превышением должностных полномочий». Казнокрада не оскорбляют грубым словом «вор», а означают завуалировано, по-латыни — коррупционер. Нам простолюдинам не совсем понятно, то ли это должность, то ли ученая степень.

Глава 1. ЛЮБИМЫЙ ПЛЕМЯННИК

Париж знаменует Эйфелева башня, Лондон — большой Биг Бен, Москву — Кремль, а большой, как областной центр, город V — обилие миллионеров. И не каких-то там завалящих, а полновесных, долларовых. Их на душу населения в большом городе V значительно больше, чем в Гонконге или Сан-Франциско.

Миллионеры в городе V подразделялись на две категории — легальные и подпольные. Легальные — нефтяные магнаты, бизнесмены, банкиры — соревнуясь в рейтинге, лезли в журнал *Forbes*, выставляя богатство на показ. Иные даже приписывали себе несуществующие капиталы. Да и зачем они, миллионы и миллиарды, если не выделяться из толпы.

Подпольные миллионеры — высоко поставленные городские и областные чиновники, служители фемиды, и просто жулики, отличаются скромностью, богатством не кичились. Перестраховываясь, критиковали руководящую элиту. У них это «страховой полис», на случай, если фискалы начнут подводить под суровые статьи Уголовного кодекса Республики, которые заканчиваются фразой: «С конфискацией имущества...» А тут, попробуй, тронь — вопль: «Преследуют за политические убеждения!» Случалось, переигрывали, получали сроки. Официально не за политику, нет, а за «превышение должностных полномочий». С доказательством «превышений» ни у финансовой полиции, ни у прокуроров, как говорят американцы — «но проблем», хватай почти любого чиновника, потряси слегка, и, как осенью листья с берез и осин, посыплется неопровержимые улики.

В это, ничем не примечательное утро 13 мая 2009 года, фотохудожник Эдуард Бруль сидел за красным пластмассовым столиком на летней площадке кафе «Встреча». Ладный — высок ростом, отлично сложен, смуглое от весеннего загара лицо, не лишённое обаяния, слегка тронута порочностью. Короткая стрижка, спортивная осанка и легкая бежевая спортивная куртка молодили Эдуарда, выглядел в свои тридцать семь лет не более чем на двадцать пять. Но стоит внимательно посмотреть на его, чуть на выкате голубовато-серые глаза, когда он думал о деньгах, точнее, об их отсутствии, враз проявляются прожитые годы.

Бруль, единственный ранний посетитель летней площадки, прихлебывая крепкое пиво «Байкал №8», читал без особого интереса в оставленной кем-то вчера вечером газете «Горизонт» астропрогноз. Звезды настоятельно советовали ему: «Скрывайте

от других свои планы, вынашивайте их в строжайшей тайне и подготавливайте события, как на физическом, так и на ментальном уровне». «Собачий бред!» — возмутился Эдуард. Какие планы, какая строжайшая тайна? Сплошная невезуха, пустая, как барабан, голова, пустой карман и никаких планов.

Жена выставила из квартиры со всеми удобствами и милейшей тещей-кулинаркой. По чужим углам слоняется. За аренду студии долг за полгода. Да что там студия, за пиво сейчас нечем рассчитаться. Тут-то, пожалуй, и можно ожидать как физического так и «ментального» события. Официант вон косится.

Подавальщик Мурат, похожий на молодого половецкого хана, любимый племянник владельца кафе дяди Юсупа, сидел за столиком возле буфета, нехотя разгадывая мудреный сканворд из журнала «Реши для души». Исподволь наблюдал за «типом», как бы тот деру не дал. Подозрительный, с помятой внешностью. Смена, посмотрел Мурат демонстративно на ручные часы, заканчивается, а он тут второй час кружку пива пьет.

Бруль в похмельной голове решал задачу посложнее сканвордовой: как бы поделикатнее уболтать официанта подождать оплату за пиво. Сегодня же вечером вдвойне рассчитается! Временные финансовые затруднения — вывернули карманы в медицинском вытрезвителе.

И на самом деле сержант Васин вытолкал его оттуда часом раньше. Денег, верно, у Эдуарда не было и на момент доставки в медицинское учреждение. Выпроваживая похмельного клиента, сержант забрал у него в залог дорогой японский фотоаппарат SONU. «Самоокупаемость заведения у нас, — сказал Васин, — рассчитаешься за культурное вытрезвление — имущество вернем в целости и сохранности».

Мурат подошел к столику засидевшегося клиента, стал деликатно, как учил дядя Юсуп, стряхивать щеткой со стола несуществующие крошки, что означало: «Пора закругляться». Бруль отхлебнул из кружки и посмотрел на официанта, изобразив на лице киношную улыбку голливудского актера Барри Нельсона.

— Ну, как, братан, получается?

— Что получается? — не понял официант.

— Отгадывать сканворды.

— Допивай свое пойло, расплачивайся и сваливай, — огрызнулся Мурат.

— Давай так, я отгадаю три самых мудреных слова твоего сканворда...

— Пей пиво, — не дал досказать Мурат.

— Не газуй, я еще не все сказал. Если не отгадаю хотя бы одно слово — плачу пять сотен. Отгадаю — ты штуку отстегиваешь.

— Покажи деньги.

— Наличных не держу.

— Не понял... А это? — указал Мурат пальцем на почти пустую кружку.

— Пойдет? — проигнорировал Бруль неудобный вопрос.

Проучу-ка нахала, решил официант.

— Давай, только смотри... — пригрозил.

Пошел за журналом и, вернувшись, полистал его, выискивая вопрос заковыристее.

— Ну, хотя бы вот — панегирик?

— Дифирамб, — не задумываясь, выпалил Эдуард.

Официант заглянул в ответы на последней странице журнал, и по удивлению на лице было понятно — отгадка правильная.

— Сказ на сцене кабуки?

— Дэрури.

Официант сверился. Да!

— Зенон из Катиона?

— Видимо Китиона? — поправил Эдуард, делая ударение на первом слоге. — Тогда — Стоек.

— А кто такой Зенон? — как бы заискивающе спросил Мурат, подсаживаясь за столик Эдуарда.

— Древнегреческий философ. Счастливец, жил еще до нашей эры. Дышал чистым воздухом, консервантами не травился. Сам Аристотель его уважал.

Чтобы уж совсем не казаться вахлаком, Мурат не стал расспрашивать про Аристотеля. В ауле, где он родился и рос при социализме, так звали совхозного племенного быка. Громадное животное, с кованым кольцом в носу, наводило ужас на пацанов.

— Еще кружечку, — указал Мурат на опустевшую тару. — За мой счет?

— Можно, — нехотя согласился Эдуард. Водки хотел попросить.

Мурат, нарушив табу работодателя — родного дяди Юсупа, и себе налил кружку.

У дяди три производственных табу: первое — не пить в рабочее время. В свободное — это тоже не поощрялось. Второе — не брать из кассы денег. И третье — не вступать в неформальные контакты с посетителями, особенно с посетительницами. Мурат легкомысленно преступил сразу через два запрета. Закурили, прихлебывая пиво. Первым, после образовавшейся паузы, заговорил Мурат.

— Как это у тебя ловко получается? Ничего, что на «ты»?

— Нормально. Получается, спрашиваешь?

— Да, получается. Отгадывать с хода.

— Интеллект, — постукал Эдуард по коротко стриженной голове, отчего раздался звук, исходящий от спелого арбуза при аналогичной процедуре.

— Да-а-а, — протянул официант, не найдя темы для продолжения интеллектуального разговора. — Дела-а-а.

— Сотку не нальешь? — уловил Бруль брешь в коммерческой броне официанта. — Я рассчитаюсь. Фотографию художественную сделаю. Можно с девушкой. Правильно выбрать ракурс, и ты Аполлон. А девушка твоя — Афродита.

Кто такие и откуда эти Аполлон и Афродита Мурат не знал, предположил — артисты из американского кино. Гуляли у него как-то киношники, матерились изысканнее аульного сквернословия Сагита, который за кражу скота сидел три года, нахватався на зоне емких выражений, хорошо говорил на русском и ботал по фене.

Мурат сходил в буфет. Принес два по сто пятьдесят. Одну стопку для себя, пренебрегая советом дяди не мешать пиво с водкой.

Выпили за знакомство. Земной шар тем временем повернулся вокруг оси на тридцать градусов, выставив летнюю площадку относительно Солнца в выгодное положение. Лучи, пробившиеся сквозь молодую листву урюка, нежно ласкали затылок Бруля. Беззаботно чирикали на ветках чумазые от неблагоприятной городской экологии воробьи. Стало хорошо! Завязался разговор.

— Фотохудожник, — скромно заметил визави, когда Мурат спросил о профессии. — Это даже не профессия, — мудрено развивал тему Эдуард, — это движение души, Божий дар! Вот ты, к примеру, можешь не дышать?

— Ну, с минуту, разве что.

— Постоянно, значит, не можешь. А я вот дня не могу без творчества. Художественное фото, это высший класс. Видишь вон, девушка с парнем сели за крайний столик?

Мурат без интереса посмотрел на посетителей.

— Хахаль — не в счет, сморчок. А девушка — прямо таки красавица из сказки «Тысяча и одна ночь».

— Она здесь каждый день ошивается. Жанной звать. По удостоверению личности, в залог оставляла — Айжан.

— Ну и?

— Что, ну и?

— Как ты ее представляешь?

— Шалава, она и есть шалава.

— Я не о профессии. О натуре! Вижу ее обнаженной, на красном коне, как у Петрова-Водкина.

— Не знаю как там твои кореша Петров с Водкиным, но я от нее не в восторге. Темперамент фальшивый.

Оказывается, официант нарушал и третью заповедь дяди Юсупа — вступал в недозволенные контакты с посетительницами... Натурой те расплачивались, нанося ущерб заведению.

— Ну, а ты, — кивнул на пустые стаканы Эдуард, — давно здесь?

Мурат повторно сходил в буфет, и чтобы не мотаться взад-вперед, принес по двести и фисташковые орешки на блюдечке.

— Не спеши, посидим, — чокнулся Мурат с новым знакомцем. Хотелось излить душу умному, мало знакомому человеку. От знакомого всегда что-то утаиваешь. Стыдишься что ли...

Отхлебнули. Эдуард — большой глоток, Мурат лишь пригубил, проявляя культуру.

— Я ведь случайно в этом заведении, — начал половецкий хан арию из оперы своей жизни. — Закончил лесфак в двух тысяча четвертом. Заочно.

— Диплом, говоришь, купил, — без осуждения прокомментировал Эдуард.

— Зачем купыл, друзья падарыли, — тараша глаза, изобразил Мурат грузина-недотепу из анекдота. — Пристроил дядя Юсуп, тогдашний глава одного из юго-восточных областей Республики, директором Зеленогорского национального парка. В стране строительный бум, пиломатериал позарез нужен. Лес подконтрольный — дармовой. Наладил производство — доски, брусья, плинтуса изготавливались в подсобном предприятии национального парка промышленно и не залеживались. В национальном парке, верно, заготовка древесины запрещена категорически. Приспособились, как бы старые, гнилые деревья убираем, защищаем природу от жуков-короедов. Лес — дурной, вырубил его под корень, а через сто лет он опять вырос. Природа!

— Ты что, уже сто лет прожил? — пошутил Бруль.

— Нет, зачем, я же лесфак закончил. Заочно. Учили же чему-то... Дядя тогда вот это кафе купил, я япошку праворукую.

— Гейшу?

— Тойоту с правым рулем. Почти новую, девяносто второго года. Резина хорошая, родная, сиденье с подогревом, жопу зимой не морозишь.

— Класс! — кивнул на опустевшую тару Бруль.

— Давай так, — предложил Мурат. — Смена уже закончилась, возьмем Жанну, — кивнул на девушку, — вижу, глаз не нее положил, и к моему дядьке, живу у него. Усадьба большая, места всем хватит.

Брулю предложение понравилось. Он уже дошел до кондиции медицинского вытрезвления, вчера замели в таком состоянии и из такого же заведения. Да и сама Жанна несколько раз выразительно покосилась на фотохудожника. Краля, что надо! Фигурка, мордашка...

— Удобно ли? — пококлетничал Эдуард.

— Нормально! Усадьба недалеко от города, в селе Раздольное. Дядька с женой по средам, сегодня получается, уезжает на ловлю форели, вечером только вернутся. Сад, пруд большой, покупаемся, отдохнем на природе!

— Класс!

Бруль поднялся, сделал онемевшими от долгого сидения плечами нечто вроде боксерского движения, оценивающе посмотрел на шуплого парня с редкой бородкой, что сидел рядом с Жанной. Тот давно знаки нетерпения проявлял.

— Посиди пока, — кивнул Мурату, — пойду, разберусь, козлик вон что-то нервничает.

— Иди, иди, — ухмыльнулся официант, предвкушая театральное действо.

Бруль, в развалку, как бы нехотя, подошел к столику ранних посетителей.

— Ну...

— Пиво, — начал поспешно диктовать кавалер, приняв фотохудожника за официанта, — это раз.

Эдуард грубо перебил его.

— Молодой чемодан, извиняюсь — человек в смысле, рассчитаемся! А ты, малолетка, — выразительно посмотрел на Жанну, — кыш домой, уроки делай...

— П-позвольте, — закипятился кавалер, заикаясь. — З-за что рассчитывать. Я еще ничего не брал!

Бруль насупил брови, строго посмотрел на Жанну-Айжан.

— Сестру вон его, — кивнул на Мурата, — хотел совратить.

— Да, да, хотел, — пропищала та.

— А она малолетка, — изобразил внук великого комбинатора пальцами тюремную решетку, приставил изображение к правому глазу, прищурив левый. — Я тебя вижу, ты меня нет.

— Стольник американский обещал, — скривила пухлые губы Жанна-Айжан.

— Склонял к проституции несовершеннолетнюю! Сто пятьдесят седьмая статья Уголовного кодекса, — навскидку соврал Эдуард. — Три года изоляции, с конфискацией или без оного. Гони стольник, извращенец!

— За что, я до нее и пальцем не дотронулся.

— Дотронешься. Через три дня ей восемнадцать. Только так, как в шахматах — тронул — ходи.

— Куда ходить? — не понял перепуганный козлик

— Женись! У нас у мусульман строго, резать будим! — изобразил Эдуард страшную мину, вытаращив глаза и проведя ребром ладони по горлу.

У Рината, студента художественного училища имени Исаака Левитана, наличных было две тысячи национальной валюты и миллион инвалюты в перспективе. Вчера вечером возле гастронома «Друг желудка» продал за три тысячи свое, пока что, лучшее творение — картину «Обнаженная блондинка». Парадокс полотна — натурщица не «круглая» блондинка, а местами жгучая брюнетка. Ноу хау художника.

— Ну! Позвать что ли, — кивнул Эдуард на официанта. — Кандидат в мастера спорта по ушу. Приемчик продемонстрирует.

— Ушу это гимнастика, — пробубнил Ринат. — Вот, — выложил две бумажки по тысяче, — больше нет.

— Ах, ты бля, врун! — соскочила с места Жанна-Айжан. Замахнулась миниатюрной красной сумочкой, откуда выпали губная помада и вся наличность — полтинник и три монеты помельче. Полтинник докатился до столика Мурата, покачался в нерешительности и упал «орлом» к его ноге. Хорошее знамение.

— Подбери имущество и иди к братцу, домой отвезет, — кивнул Эдуард на столик официанта. — А вы, милорд, — забрал деньги, — продолжайте гулять. Приятного отдыха. Заходите, всегда рады.

«Деловой! — отметил про себя Мурат. — С дядькой надо познакомиться...»

Родной его дядя давно подыскивал такого ловкача, чтобы женить любимого племянника на деньгах.

Наняли мотор, заехали в медицинский вытрезвитель за фотоаппаратом.

— Э-э-э! — обрадовался сержант Васин, профессионально обозрев Бруля, — ты, я вижу, опять «зигзаг». Хозрасчет у нас, до плана как раз одного клиента не хватает. Марья Сергеевна-а! — кликнул фельдшерицу. — Клиент своим ходом...

— Полегче, а, — возник Мурат. — Его сам Аристотель уважает!

— Из финпола что ли?

— Из «до нашей эры».

— А-а-а, — ничего не понял сержант, но на всякий случай вернул фотоаппарат без выкупа.

Глава 2. РОДНОЙ ДЯДЯ

Село Раздольное, что в двадцати километрах от большого, как областной центр, города V, основал в 1864 году донской казак Николай Радченко. Юсуп Бикижанов обосновался здесь сто лет спустя. В свои семьдесят Юсуп еще о-го-го! Да и выглядел лет на десять моложе. Невысок ростом, ладно скроен, прочный, с азиатскими чертами лица, седым ежиком густых волос и неизменной иронической улыбкой под аккуратно стриженными усами. Хозяин крепкий, отстроил в Раздольном на купленном за бесценок участке два коттеджа — один себе, другой для племянника. Завел породистых скакунов, молочную ферму. Недавно прикупил еще три участка, примыкающих к усадьбе, с фруктовыми садами и добротными рубленными избами. Планирует Юсуп строения снести и построить здесь пятизвездочный отель. «Повалят нувориши, повалят, — оправдывал проект. — Буржуям не резон в столицах перед фискалами светиться. А тут, за трехметровым забором, хоть нагишом дуркуй, получай удовольствие от капитала».

Нанятый Муратом таксист по проспекту Кирова выехал на широкий Шульбинский тракт, обсаженный карагачами в два обхвата. Через двадцать верст и Раздольное. Мурат не преминул похвастать достоянием семьи — объехали конюшни, ферму молочную и перед усадьбой щедро рассчитался с таксистом.

На звонок ворота открыл плечистый бритоголовый узбек, низко раскланялся, демонстрируя в фальшивой улыбке непомерно крупные зубы. Ему бы в цирке «цепи рвать движением плеча» и там раскланиваться перед восторженной публикой.

— Не зарежет? — саркастически улыбнулся Эдуард, когда отошли от зубастого на «безопасное» расстояние.

— Уважает, — показал Мурат два ряда белых зубов. — Дядю Юсупа, — уточнил. — Из Ферганевого выписал, дипломированный повар. Китайский знает, родился там. Русским слабо владеет.

Новые знакомцы устроились в саду на берегу большого пруда. Здесь под раскидистой цветущей яблоней, установлен массивный деревянный стол со скамейками из толстых струганных досок в стиле кантри. Ближний берег пруда обрывистый, высотой в полтора метра, облицован гранитными плитами. Для купальщиков сооружен удобный ступенчатый спуск к воде. Противоположный берег пологий, дикий, зарос ивами и камышом. В дальнем конце пруда, по скальным глыбам, журча и пенясь, каскадами ниспадает водопад.

Обслуживали загулявших узбек, в безукоризненно белом френче с глухим воротником, белых перчатках и Жанна — босая в легком сарафане из «гардероба» хозяйки. Не впервой здесь.

Выпили, закусили, закурили дорогие сигары, которые дядя Мурата, сам не курящий, закупал для уважаемых гостей.

— Дядя — голова, Совмин перед ним — детсад, — стал излагать Мурат семейную сагу. — МГУ закончил. Очно! Три года в партшколе обучался при социализме. Языки иностранные выучил в Европе. Заочно. Три года гулял там в изгнании... Но в свое удовольствие!

— Из национального парка-то что ушел? Место, вроде, доходное было, — поддержал Эдуард разговор для приличия.

А так — по фигу ему клановые истории! Бабло бы вот срубить, предложив какую-нибудь мифическую услугу. Можно и займы попросить. Без отдачи. Подходящий момент пока не представлялся.

— Сучка одна гребанная из газеты «Свобода мысли» своими статьями задолбала, — продолжил Мурат семейную хронику. — Комиссия за комиссией, одних баранов отару скушали. Да все бы нечего, дядино номенклатурное место свату областного прокурора приглянулось. Ну и, сам понимаешь... Вначале меня поперли, за злоупотребление должностными полномочиями, потом дядю — за отсутствие надлежащего контроля. Статью областной прокурор подводил, откупились.

— Да-а, дела-а-а, — хлопнул Эдуард по попе, подвернувшуюся Жанну. — У меня в Комитете лесного хозяйства — друган, — соврал, подготавливая базу для изъятия денег. — Сечешь?

— А? — вздрогнул, начавший дремать Мурат.

— Спрашиваю, сечешь?

— Не понял...

— Друган, говорю, у меня в лесном Комитете. Восстановит тебя, — соврал Эдуард, не моргнув глазом. — Но деньги понадобятся. Большие...

— Нам это теперь и не надо, — не клюнул на приманку Мурат. — У дяди на меня другие планы. Голова — МГУ, партшкола, это тебе не хрен собачий.

— Палец ему в рот не клади, я так понимаю, — огорчился Эдуард промашке.

— Правильно понимаешь. После того, как его «ушли», между нами говоря, чуть ли не завхозом устроился в Большой дом. Думаю, догадываешься куда?

— Как бы да, — сдержанно улыбнулся Эдуард. Надоела ему пустая болтовня, денег бы вот...

— Брал по чину, и все до копейки отдавал агашкам. Оценили те, годится им такой честный мздоимец. Стали усердно

продвигать. Не из любви, за что его любить-то, не девушка. Корысти ради.

— У тебя прямо прокурорский лексикон — «продвигать», «корысти ради», — выдал комплимент Эдуард.

— Начал дядя расти, как в сказке: «не по дням, а по часам». Тогда, за счет государственный казны, аврально инфраструктуру города начали возобновлять — аэропорт, дорожные развязки, и дядя оказался первым номером у главной кормушки. Отдавал «сэкономленное» кому положено, но и ему уже оставалось. Стал скупать в центре городе престижные земельные участки. Тут-то и пересеклись его интересы с интересами зятя, сам знаешь кого. Не люблю фамилии озвучивать, себе дороже! Зять большого человека, не скандала, потому как культурный, заказал дядю Юсупа — нет человека, нет проблем. Киллер, спасибо ему, оказался нашим земляком. Предупредил дядю: «Так, мол, и так — извини, конечно, агашка, убивать буду. Тихо, тихо, даже и не заметишь. И тебе мой совет — оплати заказ и сваливай из республики».

Дядя — человек благородный, отдал киллеру положенный гонорар — пять тонн зелени. Киллер инсценировал убийство, фотографии страшные заказчику представил. И тот с ним рассчитался. Обещал медаль выхлопотать. Не за убийство, понятно, а за безупречную службу в секретных органах. Думаю, догадываешься?

— Не дурак, — зевнул Эдуард.

На сон потянуло. «С дядькой бы вот познакомиться, — подумал, — может, с него что...»

— Хорошо киллер «наварился», — продолжил Мурат, — а дядька спешно бежал в Испанию. С чужим паспортом и чемоданом денег. Жил там в свое удовольствие. Отдыхал от перелопачивания казенных денег. Работа эта нервная, опасная, как у сапера. Не там — взял, не тому дал — тюрьма. Дядя, сам понимаешь — голова, и в Испании капиталец нажил. Легально, на биржах играл. Вернулся через три года, помолодевший, с красавицей женой и двумя чемоданами денег.

— А земельные участки в центре города? — изобразил Эдуард внимательного слушателя.

— Написал дарственную.

— Догадываюсь на кого.

— Правильно догадываешься. Простил он «воскресшего» дядю.

— За что прощать-то?

— Борзый шибко. Там, — задрал голову, Мурат посмотрел на голубое небо, — таких шустрых не любят.

Говоря «там», Мурат имел ввиду не Аллаха.

Глава 3.

СНЫ ВНУКА ВЕЛИКОГО КОМБИНАТОРА

Расточительно щедро излучает тепло и ласку майское солнце. Трудолюбивые пчелы в саду Юсупа гудят на цветущих яблонях, собирая пыльцу и нектар. Десяток ульев, окрашенных в веселые цвета радуги, прячутся от жары под кронами плодовых деревьев. Сизый голубь на карнизе дома, воркуя, ухаживает за голубкой. То пробежит по карнизу, выпятив грудь и горделиво подняв голову, то кружится в вальсе. Обещает создать семью. И ведь не обманет.

Шел третий час дня. Внука великого комбинатора сморила обильная, вредная для желудка жирная пища и не полезное для печени спиртное. Для нее одинаково вреден и сивушный самогон, и дорогое вино, обогащенное волнующими нотами специй. Да и пустая болтовня Мурата надоела.

— Соснуть бы часок, — зевнул он, обнажая ровные, без изъяна зубы.

Мне бы такие, позавидовала Жанна, сидящая напротив. Зубик один косил, отчего девушка стеснялась откровенно улыбаться.

— Без проблем! — бросил Мурат двусмысленный взгляд на Жанну.

И кивнул девушке:

— Отведи гостя.

Куда вести гостя Жанна знала. Рубленый дом на соседнем участке, обреченный на снос, считался пока гостевым. Сюда и отвела девушка Эдуарда.

Посреди светлой комнаты доминировала шикарная кровать. Напротив окон зеркало в человеческий рост. Большая искусственная пальма выглядела настолько натурально, что хотелось прилечь под ней. Не навязчивый сервис — рядом с кроватью, на расстоянии вытянутой руки, столик с напитками, в углу комнаты таз эмалированный, азиатский кумган. Ковров нет только на потолке.

Эдуард снял легкую спортивную куртку, кроссовки (на рынке, в китайском ряду, такие именуют заводскими), снял потертые джинсы, и предстал перед большим зеркалом в футболке с надписью на груди — «Промстройбанк». На левой штанине спортивных трусов по вертикале красовались буквы — BMW. В прачечной белье оценили бы как средней загрязненности, и взяли бы за стирку по пять сотен за единицу.

Гость помыл ноги, сполоснул лицо. Жанна из кумгана поливала. Обтершись махровым полотенцем, вытянулся по диагонали на кровати. Жанна, сняв сарафан, прильнула сбоку, обдав внука

великого комбинатора волнующим запахом женского тела. Эдуард деликатно отодвинул девушку.

— Денег у меня нет, девочка.

— А мне и не надо.

— А мне не надо проблем...

— Справка...

Эдуард уже не мог проверить подлинность и дату выдачи медицинского документа, он спал. Жанна стянула с мычавшего внука великого комбинатора футболку с рекламой банка, трусы спортивные, и, полюбовавшись атлетической фигурой гостя, укрыла его простыней.

Во втором доме с табличкой «Коммунистическая 28», тоже обреченном на снос, стояла стиральная машина. Жанна забросила в чрево агрегата и свое белье, нажала на нужные кнопки. Агрегат ожил, забулькало внутри, подобно закипающему чайнику. Девушка закрыла глаза, улыбка тронула пухлые губы. «Вот она, семья, — прошептала, — стираем общие вещи. С этого дня...» Она еще не могла четко сформулировать, чему быть, а чему не быть с сегодняшнего дня.

А Эдуарду — сон: занесла его нелегкая на звезду Мицар, расположенную на ковше Большой Медведицы. Пейзаж кругом неземной. Смотрит космический отшельник в старинную подзорную трубу сверху вниз, ищет родную планету. Вот она — зеленая, с белой сахарной глазурью по полюсам. Вращается планета вокруг Солнца со скоростью один оборот в год. К земному шару прикреплен сбоку счетчик, наподобие электрической. Только вместо киловатт-часов отсчитывает счетчик прожитые годы. Смотрать их невозможно, хоть ты царем будь.

На табло счетчика цифра 5. Годков Эдику столько. Лето знойное, деревня, подсолнухи цветут за плетнем. Мать, красивая, в легком ситцевом платье, шляпка соломенная на ней с голубыми васильками, в туфлях тряпичных, ведет Эдика в детский сад. На нем короткие полосатые штаны с ляжками крест-накрест, майка красная, сандалии с дырочками, на голове матросская бескозырка с надписью на околыше — «Герой» и золотыми якорями на черных лентах. Пока мама разговаривает с воспитательницей, светловолосой, круглолицей тетей, Эдик отбирает у детей игрушки: «Это мое, это мое, это тоже мое». Воспитательница в ужасе:

— Мальчик у вас проблемный... Собственник. А у нас все коллективное.

— Какая собственность, — оправдывается мать, — дома шаром покати, даже тараканы к соседям сбежали.

На счетчике 11. Эдик показывает мальчикам во дворе карточные фокусы. По 10 копеек за пояснение сути.

18 на счетчике. Старичок фотограф рассказывает учеников и учителей по разумению — директор школы — математик, в светлом двубортном костюме посередине, справа жена его — преподаватель географии, слева — он, Эдик, любимый ученик директора. Пиджак на нем потертый, галстук отцовский по случаю. Одноклассники рядом. Фото на память об окончании школы.

Цифра 20 на индикаторе — приказ об его отчислении с третьего курса Художественной академии с туманной мотивировкой — «за недостойное поведение». 22— армия, спортивная рота, пятиборье, пьедесталы почета, медали, кубки. 23— начало эры капитализма в стране, кредиты госбанка для развития частного предпринимательства. Иномарки, шикарные девушки, бесшабашное веселье.

На цифре 25— серая колонна заключенных топчет зону. Он по ранжиру впереди — фуражка скучная с высоким околышем, телогрейка ватная, широкие штаны, стоптанные ботинки.

Дальше счетчик начинает набирать обороты, как и сам молодой, напористый капиталистический строй. Марш композитора Мендельсона, бриллиантовые запросы жены, нехорошая компания, опять зона.

На цифре 29 — амнистия, повторная женитьба, уже без марша. Аренда помещения под фото-студию на первом этаже общежития бывшего краснознаменного «Электротехнического» завода. Фотографии ню в «желтых» газетах, эротические сайты в Интернете. Финансовые проблемы. Семейные невзгоды. Изгнание из квартиры жены. Знакомство с Зинаидой. Некрасивой, но очень душевной девушкой, владелицей небольшой комнаты на пятом этаже того же общежития, где и его фото-студия. Зинаида и название придумала для студии — «Глаз алмаз».

Счетчик останавливается на цифре 33, показывая текущее время. Тут уж совсем фантастика. На высокой пальме мартишка нажимает на клавиши портативного приемника — шелк, шелк. Треск, писк, иностранная речь, с частым повторением греческого слова «кризис». Опять треск, и музыка: «На острове Таити жил негр Тити-мити, жил негр Тити-мити и попугай Коко». Уж не остров ли это Поля Гогена, подумал бывший студент художественной академии, живо представив его картину — «Жена короля». Интимно шелестят волны Тихого океана. Полосу песчаного пляжа окаймляет тропический лес. Под большим, с разноцветными клиньями зонтом, на раскладном стуле, широко расставив босые ноги сидит пожи-

лой, изможденный старик. Не по возрасту легкомысленно одет — набедренная повязка, лысина на голове прикрыта лавровым веночком, в руках глобус, размером с футбольный мяч. Рядом угодливые толстушки неопределенного возраста, в розовых пеньюарах. В руках лиры. Эдуард на парашюте спустился с небес на землю. Раскаленный песок жжет босые ноги.

— Нусь, раб Божий, давай дальше лепить судьбу-индейку, — окинул старик Эдуарда строгим взглядом. Взмахнул глобусом над головой, изображая орбиту Земли вокруг воображаемого Солнца.

Одна из толстухек подмигнула Эдуарду, подбадривая: «Не робей, он только с виду такой строгий». И заиграла на древнем музыкальном инструменте, нежно перебирая струны. Другая девица подбоченилась, задорно взмахнула головой, и запела: «Раз пошли на дело, я и Рабинович, Рабинович выпить захотел...» Тощий старик не в лад, высоким голосом подхватил: «Пора остановиться, пока еще не поздно, кондуктор надави на тормоза-а-а».

Э-э-э, догадывается Эдуард, да это же сам Создатель. Постарел, постарел...

— Так как? — спросил Создатель, кивнув на глобус. — Продолжим бесшабашное вращение? Всего-то семьдесят оборотов вокруг Светила и конец земной жизни. Статистика Минздрава на текущий момент. И то вранье, человеки фактически столько и не живут — Землю засрали, пьянствуют.

— Не надо, — грохнулся Эдуард на колени. — Я буду хороший!

— На, раб Божий, — протянул Создатель глобус, — крути сам свою судьбу, а меня уволь от опеки. Без тебя проблем хватает.

Неопределенного возраста девицы подхватили Создателя под руки, и, жужжа крылушками, словно большие шмели, взяли курс на небо.

— Живи каждый день, как последний. Осознанно! — крикнул Создатель уже из-за облаков.

«Фу ты, ну ты, приснится же», — стал повторно прокручивать сон Эдуард. За окном уже сгустились сумерки. В саду кричала маленькая совка сплюшка: «Сплю, сплю, сплю». Встал, сделал несколько кривых движений руками, нечто вроде зарядки. Из глубины большого зеркала на него с осуждением смотрело изображение. Оно остроило гримасу, потерло виски.

— Ты кто, чучело? — ткнул Эдуард пальцем на изображение.

Тот презрительно улыбнулся, и тоже ткнул пальцем на Эдуарда, как бы спрашивая: «Сам то хороший?»

Наклонив голову, внук великого комбинатора, визуально ревизовал себя.

— Однако, — засомневался он в реальности земной жизни, увидев собственное обнаженное тело. Изможденный старик с веночком на голове, похоже, докрутил таки глобус его жизни до упора! Вниманье новоявленного небожителя привлек столик с напитками. Похоже, в рай определили! Налил до краев в большой фужер водки «Абсолют», выпил залпом. Из сумбурной мозаики в голове стала складываться реальная картина. Постучали. Накинул наискось простыню на манер древнегреческих мыслителей. Прохрипел чужим голосом:

— Дэ-э-э!

Изображение из глубины зеркала криво улыбнулось.

Вошла Жанна. От белья, что принесла, исходил слабый запах ее духов.

— Вот, постирала, — положила вещи на кровать. Стыдливо отвернулась.

— Выпьешь? — спросил Эдуард.

Жанна отрицательно покачала головой.

— Вас Юсуп Мустафаевич зовет, — сообщила девушка. — Дело, говорит, есть.

— Раз пошли на дело, я и Рабинович, — дуэтом спели оригинал и изображение в зеркале.

Оригинал принял еще фужер водки. К нему возвратилось привычное чувство безопасности.

Юсуп приветливо поздоровался с гостем, похлопывая его по плечу:

— Племянник мой в восторге от вас.

— Рад знакомству, — проявил сдержанность Эдуард, прикидывая возможность отъема денег «у этого типа», не нарушая уголовного кодекса.

— Вдвойне, — улыбнулся дядя Мурата. — Приятно, что мой племянник познакомился с интеллигентным человеком.

— Художественную академию закончил, — соврал на всякий случай внук великого комбинатора, — Но дело даже не в академии.

— Само собой, Пикассо вон, в Испании его сильно уважают, вообще ничего не заканчивал.

Приятно провели вечер, беседуя за рюмкой водки на интеллектуальные темы. Мурат больше помалкивал.

— У меня планы на него, — кивнул Юсуп Мустафаевич на любимого племянника, — но об этом давай завтра потолкуем. На свежую голову.

На другой день Эдуард проснулся поздно. «Поправил голову», перекусил, и до вечера «отмокал» в пруду, в компании Жанны и лягушек.

Земноводные быстро привыкли к внуку великого комбинатора, принимали его за большую безобразную жабу.

Глава 4. **ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ**

У Юсупа Мустафаевича наметился двойной юбилей. Ему лично семьдесят по темечку тюкнуло. Слегка, а так он еще хоть куда! И как птицы из песни, пролетели пять лет счастливого супружества с Софьей.

Юсуп не признавал фиолетовых штампов в паспортах — постелили общую постель, вот и начало совместной жизни. А не заладилась она, ты ту печать хоть на жопу шлепни, не подлатаешь отношения.

Познакомился с будущей женой в двух тысяча четвертом. Тогда с испанским паспортом в кармане слонялся несостоявшийся покойник по Европе. Транжирил деньги без оглядки на завтрашний день, а то ведь можно и не успеть, у покойника карманов нет. В городке Пуэрто, что на одном из островов Канарского архипелага, приглянулась молодая горничная в гостинице GOLD COCK, с изображением золотого петуха на крыше. Золотой петух и клюнул транжира пониже спины.

Софью первоначально привлекла в старике экзотика — азиат, на банджо лихо играет. Потом — деньги, потом интеллект и пылкая юношеская влюбленность. Сошлись.

Через три года, по возвращении на родину Юсуп купил молодухе молочную ферму. Они так и не расписались. Да оно и к лучшему, случись что, «незаконная» вдова может заявить прокурору: «Кухарничала у хозяина. На заработанные деньги и купила ферму». Готов ответ и на каверзный вопрос: «За какое такое усердие так щедро платил хозяин?» «Ласкала нежно! В свободное от работы время. А что, это запрещено вашими законами?»

Вечером Эдуарда пригласили на юбилейные торжества. От чего только не «ломится» праздничный стол? Все есть! Не станем перечислять блюда и закуски, раздражая в кризисный период однообразно питающегося читателя.

Пожелали юбиляру кавказского долголетия, супругам — долгих счастливых лет. Выпили, закусили. Повторили хорошие пожелания, еще выпили и закусили. Есть что выпить и чем закусить.

Особым красноречием отличался внук великого комбинатора. Отрабатывал халявную выпивку-закуску. Тосты его были длинные и путанные, как лабиринты. Иногда, начав «за здоровье», заканчивал «за упокой». Однако, завершались они все односложно: «Так давайте выпьем...»

— Я вот что, мил человек, — встрял в словесный поток гостя хозяин, обтирая губы тыльной стороной ладони. — Хочу заказать тебе большой натуральный портрет жены.

Юбиляр изобразил некий овал, широко расставляя руки.

— Не вопрос, — скосил глаза фотохудожник на хозяина.

Долгожданный момент отъема денег, похоже, наступил!

— Обнаженной, так я понимаю? Ну, раз натуральный. Ну по моей части.

— Вот именно! Не хочу нанимать современных мазил из Союза художников, нарисует еще страшилку с одним глазом на лбу. Видел я такие «шедевры» там, на аукционах, — махнул заказчик неопределенно рукой.

— Можно изобразить как Данаю, на пышных перинах и с балдахинном. Или, как спящую Венеру, возлежащую под фиговым деревом. Мировые шедевры, эпоха Возрождения! Комплекция и формы вашей супруги вполне подходящие.

Софья засмушалась, а юбиляру, упоминание о соответствии параметров жены мировым стандартам, пришлось по душе.

— И то, и другое, — ласково, и в то же время оценивающе, посмотрел юбиляр на супругу, как бы собираясь самолично писать ее портрет. — Одну картину в спальню, другую, э-э-э... — заблеял, — туда же, — махнул рукой.

Не хотел, чтобы кто-то глазел на обнаженную супругу. Ревновал, любил потому как.

— Предоплата, — пошелестел Бруль пальцами. — Я-то тут за так кадры нашелкаю, а потом необходима компьютерная обработка фотографий, печатание на банере в типографии. Это уж, как говорят французы — миль пардон, за деньги.

— О деньгах, больших деньгах, разговор особый. Племяш мой тебя разрекламировал. Напористый, говорит, хватка, говорит, как у бульдога. Дельце тут одно намечается. Многоходовое! Но об этом давай завтра утром, на свежую голову.

Утро следующего дня не освежило голову внука великого комбинатора. Даже наоборот, гудела она, подобно встревоженному улью. Поднялся с кровати, сделал привычно несколько кривых движений руками, взглянул на себя в зеркало. Из глубины зеркала улыбчивое изображение Жанны. Фу, ты черт! Откуда она там?..

Изображение шевелит губами, а голос откуда-то из-за спины:

— Дядя Юсуп вас завет.

Обернулся, так вот она, за спиной оказывается стоит, отражаясь в зеркале.

Рука внука великого комбинатора, потянувшаяся было за стопкой, зависла в воздухе — столик с напитками исчез.

— Где? — кивнул Эдуард на пустое место.

— Сказали убрать, — коротко ответила девушка. — Ждут вас.

Внук великого комбинатора оделся, сполоснул лицо, поплелся за Жанной. Только руки за спиной не держит, а так очень напоминал арестанта, которому без разницы, куда и зачем ведут. Да и то, привычка, две ходки как ни как.

По извилистой топке, мощенной природным камнем, подошли к пруду. Плакучие ивы на противоположном берегу, освещенные восходящим солнцем, отображаются в зеркальной глади воды, по которой временами расходятся круги от всплывающих рыб. Мелодично перекликаются лягушки. Брачная пора. В деревне, где рос Эдуард, лягушачий концерт считался предвестником прибавления молока у коров.

Стол под яблоней на этом берегу уже накрыт. Кризиса мирового здесь нет и в помине! Самовар уютно бормочет, баурсаки, казы-мазы и прочие восточные яства. Бутылки только не хватает в композиции натюрморта. Хозяин не употребляет спиртного по утрам, считает это дурной привычкой. Фотохудожник придерживался противоположного мнения — выпил с утра и целый день свободен! И такая сервировка стола не вдохновляет его творческую натуру.

— Так вот, — как бы продолжил незаконченный вчерашний разговор Юсуп Мустафаевич, когда Эдуард сел напротив, сложив руки на стол. — Сам-то женат? — ткнул пальцем.

— Два раза пробовал, да как-то не сложилось.

— Вот и мой ахмак... Кхы-кхы! — прокашлялся хозяин. — Женился, разженился. Знаешь, кто такой ахмак?

— Жених, наверное? — вопросительно вытянул лицо Эдуард.

— Бестолочь — вот что это обозначает. Отца у Мурата нет, я за отца. Дом ему рядом со своим выстроил, живи, плодись. Приводил он после развода несколько девиц на просмотр. Красавицы! Но, кроме природных прелестей — пшик.

— Да-а-а, — произнес Эдуард, не вкладывая в это короткое изречение смысла.

— Так вот, — посмотрел Юсуп внимательно на слушателя — воспринимает ли тот должным образом его монолог. — К прелестям невесты должен быть весомый долларовый довесок. Согласен?

— Как сказал бы известный писатель, мой бывший свояк — двойной центропупс!

— Вот, вот, двойной, и я толкую, а то...

— Нельзя ли сотку, — перебил внук великого комбинатора, изобразив страдальческое лицо, — изжога от чая.

Хозяин ударил три раза в ладошки, и словно джин из бутылки возник узбек.

— Виски.

Появилась вожденная бутылка. Хозяин сам плеснул гостю на доньшко стакана. У того обиженно отвисла челюсть.

— Потом допьешь, — прокомментировал Юсуп пантомиму художника. — На трезвую голову надо потолковать.

— Не на больную же, — под нос буркнул обиженный гость.

— Дело есть. Хочу нанять тебя. Ты, вижу, разбитной малый, не то, что мой ахмак.

Юсуп Мустафаевич начал мудрено, в стиле австрийского писателя Франца Кафки, излагать мысли.

— Поймать птицу счастья, то бишь байбише, не так просто. Знаешь, кто такая байбише?

Бруль отрицательно помотал головой, и выразительно посмотрел на бутылку. Хозяин плеснул в его стакан. На этот раз щедрее, чтобы не отвлекался.

— За все хорошее, — произнес Эдуард. Выпив залпом, поинтересовался:

— И кто она — таинственная незнакомка?

— Жена богача.

— Да-а-а, — задумчиво произнес внук великого комбинатора. — Иди туда, не знаю куда. Как в сказке...

— Знаем куда — расплылся Юсуп в улыбке, — любят они «посиделки», театр не нужен. Умничают друг перед другом, наряды демонстрируют, украшения.

Юсуп Мустафаевич стал излагать многоходовой план женитьбы племянника на деньгах.

— Шерше ля фам! — ткнул пальцем в небо. — И ни какую-то там вертихвостку! Нувориши из чиновничьей касты, боясь пиковых ситуаций, переписывают нажитое «непосильным трудом» на жен. Оформляют фиктивные разводы. Взяли такого в оборот, а он гол, как сокол. А кто она — «веселая вдова» после суда?

Наступило выразительное молчание. Голова внука великого комбинатора перестала гудеть, наступило чувство блаженной расслабленности.

— Вы меня спрашиваете, да? — улыбнулся уголками губ.

— Нет, думаю вслух, — продолжил монотонно Юсуп. — У такой «веселой вдовы», тридцати-тридцати пяти лет, полный набор барахла, рекламируемый глянцевыми журналами — побрякушки золотые, тряпки от кутюрье, шубки из дорогих мехов. Не достает пустячка — счастья в личной жизни. Тоскует она...

— Да-а-а... — заполнил Эдуард, образовавшуюся паузу в монологе хозяина.

— Тоскующую «вдову» нужно ошеломить возможностью осуществления ее девичьих грез. А мечтала она сняться в кино... Знойное небо Бразилии, карнавал, зажигательный танец румба, мачо и прочий бред из сериалов.

— Петр, друган мой, — встрял Эдуард в монолог, — большой мастак по части кино, но, нужны мани-мани, — пошелестел пальцами.

— Тоскующая «вдовушка», — продолжил Юсуп, оставив без внимания жест гостя, — и годятся для семейного счастья нашего ахмака.

Далее заказчик четко, по-военному, изложил стратегический и тактический план женитьбы любимого племянника. Эдуард, изображая московского кинопродюсера, втирается в бомонд большого, как областной центр, города V. Блещет манерами и умом. Знакомится с байбише. Льстит — ах-ах, какой типаж! Какая харизма! Мой друг, режиссер «Мосфильма», провожал когда, просил для своего нового фильма присмотреть здесь в глубинке женский образ. С восточным колоритом. Ну, вы прямо созданы...

— После рекогносцировки, — применил военную терминологию Юсуп Мустафаевич, — нанимаю агента прощупать невесту. На сколько тянет.

— Знаю такого агента, — встрял повторно внук великого комбинатора. — В бывшей общаге «Электромеханического» завода конторка его. Студия моя там же.

— Дальше шуры-муры, компрометация ...

— Сколько раз? — дурачась, улыбнулся внук великого комбинатора.

— Шутки у тебя солдафонские.

— Анекдот же, — как бы стал оправдываться «солдафон». — Поступила жалоба на сержанта, дескать, находясь в увольнении «скомпрометировал» девушку.

— Можешь не продолжать...

— Как угодно, шеф.

— Мысли перебил, шайтан.

— Вначале — ухаживаю, потом — компрометация, — напомнил Эдуард.

— Знакомишь «вдову» с Муратом, якобы режиссером будущего сериала. Мурат интеллектом не блещет, но породистый!

— А я что — нет? — сделал обиженное лицо Эдуард.

— На первых порах сгодишься.

— А если она зеленый крокодил? — зевнул Эдуард, прикрывая рот ладонью.

— В каком смысле?

— Красоты.

Юсуп Мустафаевич, вздохнул, помолчал, посмотрел на небо. Там лениво проплывало позолоченное утренними лучами солнца облако, напоминающее крокодила с разинутой пастью.

— Зеленые крокодилы — товар самый подходящий. Баба она и есть баба. Все они по одному типовому проекту слеplены...

— Сами-то из Канар вон какую краля привезли.

— Не путай хрен с пальцем, — начал терять терпение хозяин.

— Я купил жену, не при ней сказано. А тут байбише покупает дона Педро из кино.

Юсуп Мустафаевич хлебнул минеральную воду, подхватил вилкой корейский салат фунчезу, и, роня скользкую крахмальную лапшу на дорогие брюки, закусил. Поморщился от перца.

— Думаю, тебя не надо учить. Жулик ты, вижу, порядочный, — выдал комплимент. — И деньги любишь. Денег я тебе дам.

— А вдруг она дурочка? — не унимался Эдуард.

— Не следует тратить время на умных бизнес леди, — сказал Юсуп, явно стараясь завершить разговор. — Их красавцы с голой жопой интересует только эпизодически.

Посидели молча, каждый думал о своем.

«Женю вот Мурата, исполню отцовский долг, — думал Юсуп. — Своих детей Аллах не дал. Внуки пойдут, стану воспитывать.

«Мани, мани, мани», — крутилась дурацкая мелодия в голове Эдуарда.

— Документы-то в порядке? — поинтересовался Юсуп.

— Какие?

— Загранпаспорт, например.

— Зачем?

— Я же говорю, из Москвы продюсер прилетает.

— Да, конечно. Деньги вот, — начал Эдуард. — На текущие расходы.

— У меня пока поживешь. Полный пансион.

Глава 5. СПЯЩАЯ СОФИЯ

Предложение ринуться с головой в гламурный омут за ловли байбише внук великого комбинатора воспринял сдержанно, не выказывая спешки. Его больше интересовали сиюминутные деньги.

— Предоплата, шеф, — напомнил фотохудожник, когда Юсуп Мустафаевич закончил бредовое совещание.

— За что? — не понял хозяин.

— За ню.

— Какое еще ню?

— Обнаженные портреты вашей прелестной супруги, в позе Данаи, и спящей Венеры.

— А-а-а, — вспомнил вчерашний разговор хозяин. — Позы-то хоть приличные?

— Вы что, смеетесь? Мировые шедевры!

— Ну-ну. Сколько просишь?

— По пять штук за шедевр. Не хуже мировых сделаю.

Когда после торговли сошлись на трех тысячах за все про все, Эдуард был приятно удивлен.

— Тебе в баксах или евро? — поинтересовался заказчик.

— Конечно в евро, — чуть не подскочил фотохудожник, торговавшийся до этого не особенно рьяно за национальную деньги.

Заказчик согласился.

Для создания задуманных «шедевров» Эдуарду нужны были репродукции с картин Рембрандта и Джорджоне. В город надо за альбомом, к Петру Субботину, художнику широкого профиля. Позвонил. Петр оказался в городском управлении ГАИ, где со своим напарником, режиссером и компьютерным гением Алексеем Масловым творил красочный альбом по случаю юбилея организации.

Из-за буйства фантазии Петра с завидным постоянством преследовало финансовое фиаско. Эскизы театральных декораций — отвергались, проекты детских викторин на телевидении — не покупались, портреты вождей — браковались, мультфильмы — не снимались.

Петр дал ключ от квартиры, сказал на какой полке искать нужный альбом «Красота человека в искусстве».

— Там они, бабы эти, и Даная, и Спящая Венера.

Эдуард рассказал свежий анекдот про мировой кризис:

— Правительство Республики выделила банкирам для стабилизации шесть с половиной миллиардов зелени. А кондитерская фабрика «Рахат лукум» начала выпускать конфеты «Агашки в шоколаде».

— А народу — во! — прокомментировал Петр анекдот, изобразив нечто гротескное, согнутой рукой со сжатым кулаком.

Эдуард частенько навещал хлебосольных Субботиных, потому без проблем нашел нужный альбом, составленный искусствоведам Кузнецовым. Полистал, слюнявя палец, удостоверился в наличии нужных репродукций. Полистал и

энциклопедический словарь, прочитал мифы о «натурах», вдохновивших художников на шедевры. Надо же проявить эрудицию, навести тень на плетень за три тысячи евро.

Спящая Венера сразу была одобрена заказчиком, и в меру пышная, и в меру стыдливая, наготу рукой прикрывает. А вот к картине Рембрандта «Даная» серьезная претензии. Сама Даная Юсупу понравилась, ну разве что немного приодеть, уж шибко откровенна местами. А вот старуха, выглядывающая из-за занавесок, кто она? Уж больно похожа на скандальную соседку Элеонору Николаевну. Задолбала жалобами в прокуратуру — на какие, дескать, шиши бывший секретарь райкома, ныне безработный, земли у сельчан скупает.

— Так ведь мифология, — стал фотохудожник проявлять эрудицию, пересказывая заметку из энциклопедического словаря. — Мифологический аргосский царь, по фамилии Акрий, заточил в башню дочь Данаю. Чтобы та замуж не выскочила.

— Что-то не вяжется. Все папаши только и мечтают дочерей пристроить.

— Внука не хотел. Астролог предсказал кончину от его рук.

— И чем эта история закончилась? — заинтересовался Юсуп.

— Нашелся таки удалец, обрюхатил девушку.

— Поди, из охраны, — предположил Юсуп. — Козлы эти постоянно в чужом огороде. Принцессу вон английскую осрамил такой...

— Зевсом джигита звали.

Решили старуху, похожую на Элеонору Николаевну, заменить самим заказчиком. Изобразить нечто вроде семейного портрета.

Узбек декорацию соорудил, после чего был удален со съемочной площадки. Ангелочка, что над головой Софьи-Данаи фотохудожник обещал вмонтировать потом, в процессе воссоздания шедевра. Белотелая, полноватая Софья ниже талии полностью соответствовала натурщице картины Рембрандта. Выше пришлось дорабатывать — прическа, браслеты. Нужная жемчужная бижутерия нашлась в киоске союзпечати поселка.

София, возлежащая непринужденно на перинах, очень естественно изобразила Данаю.

— Вы пряма актриса, прямо София Лорен! — льстил Эдуард натурщице, как бы разглаживая складки на перине, что одновременно нравилось и не нравилось Юсупу.

— Меньше языком трепли, — пробурчал.

За художниками глаз да глаз! Тоже козлы...

Юсуп Мустафаевич долго не мог воссоздать образ старухи. То он строил безумную физиономию царя Ивана Грозного из картины Ильи Репина, то глуповато улыбался, как подвыпивший Дионис из картины Рубенса.

— Любопытство, любопытство на лице — подсказывал художник. И сам показывал, какую мину надо изображать. — И в то же время должно быть предвкушение.

— Какое еще предвкушение? — обижался бездарный натурщик.

— Вы же соглядатай, собираетесь увиденное рассказать Акрисию — отцу девушки. За деньги, понятно.

После упоминания деньг образ Юсупу дался.

С Венерой было все проще. Возлежала София-Венера под цветущей яблоней на смятых простынях. В изголовье, сложенное вчетверо, красное одеяло. Что положено по сюжету — стыдливо прикрывала рукой.

Фото-картины размером два метра на полтора по фотографиям Эдуарда изготовил Петр. Ему как раз в типографии «Радуга» на банере печатали вывеску для кафе «Версаль» с изображением морских деликатесов. За каждую единицу искусства Эдуард отстегнул Петру по сто евро.

«Шедевры» заказчику понравились. Они по сей день, в рамках из темного дерева, висят на втором этаже коттеджа Юсупа. Точно такие же украшают большой зал кафе Версаль. Как они туда попали автору романа решительно неизвестно.

Эдуард, хронически скучавший по деньгам, в течение двух недель прокутил гонорар, угодив в финале в медицинский вытрезвитель. И опять без денег для оплаты услуг — замер кровяного давления, помыв с мылом, чистую постель, охрану покоя.

Позвонил Юсупу Мустафаевичу, сообщил координаты пребывания на текущий момент.

— Тут обещают пятнадцать суток, — припугнул. — Дело с женитьбой Мурата затянется.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнес дядя Мурата, — оправдаешь ли доверие с такими выкрутасами.

— Можете не сомневаться, шеф, — пообещал внук великого комбинатора, — на работе — ни-ни.

Да и то, подумал Юсуп Мустафаевич, капитализм. Кто же сейчас на работе-то пьет.

Выкупать фотохудожника приехал Абдулла — шофер Юсупа с райкомовских времен. Из отпущенных на выкуп денег, Эдуард,

поторговавшись с сержантом Васиным, выкроил на пиво и сигареты.

Опохмелился, закурил. Жизнь продолжалась, и была она безоблачной, как голубое небо на текущий момент над большим, как областной центр, городом V.

Когда машина Абдуллы, ехавшая в Восточном направлении по проспекту поэта-просветителя Абая, пересекла улицу легендарного комдива Чапаева, на обочине появилась красавица.

— Тормози, — приказал Эдуард.

— Хозяин не разрешает таксовать, — слабо возразил шофер.

— Тор-мо-зи!

Машина остановилась. Эдуард достойно, как это делают хозяева жизни, вышел из машины, поклонился галантно, учтиво открыл дверцу.

— Прошу, мадам.

— Уже мадемуазель, — садясь, улыбнулась пассажирка

И, привычно, как своему шоферу, приказала:

— Коттеджный городок «Кристалльный воздух».

Абдулла вопросительно посмотрел на Эдуарда — это черт знает где...

— Жми, жми, видишь, мадемуазель торопится.

Новоявленная мадемуазель — Кисловодская Алла Семёновна только пятнадцать минут тому назад принявшая решение изменить статус, попросила остановить машину у шлагбаума городка. Эдуард ловко выскочил из салона, открыл дверцу. Алла протянула манерно руку для поцелуя. Это и была оплатой за проезд.

— Может быть... — начал было Эдуард.

— Все может быть, — не дала договорить пассажирка. — Адье! — красиво помахала ручкой.

И надо же — встретились! И довольно скоро...

Глава 6. **ПРИХВАТИЗАЦИЯ**

Эдуард попросил Абдуллу завезти его в общежитие бывшего краснзнаменного «Электротехнического» завода. Завод приватизировали в 1995 году. В народе процесс передачи государственного имущества в частное управление получило емкое название — прихвятизация.

Инициативная группа из руководства завода и примкнувший к ним секретарь райкома комсомола Бубликов С.С. раздали рабочим инвестиционные купоны. Обещали выплачивать

дивиденды из прибыли. Врали и сами верили во вранье. Уникальные станки продали китайцам, завод перепрофилировали, вместо электрооборудования стали выпускать «итальянскую мебель». Привозили из Италии шикарные диваны, кровати, столы, стулья, разбирали на отдельные детали, и из подкрашенной под красное дерево местной сосны по образцам лепили фуфло, выдавая его за натуральную итальянскую мебель. Товар спросом не пользовался. Кровати не выдерживали расчетной нагрузки, разваливались в самое неподходящее время. Диваны, стоило на них присесть, издавали душераздирающий стон, словно их насиловали. Кресла-качалки опрокидывались. Купленную мебель покупатели возвращали, угрожая судом.

Инициаторы свернули убыточное производство, помещения завода сдали в аренду туркам, которые стали выпускать экзотичные сладости.

С началом строительного бума в городе V, что пришелся на начало нового тысячелетия, «прихвизаторы» выгодно продали территорию завода строительной компании «Евростандарт». Вместе с цехами и турками. Строители мощными бульдозерами развалили объекты бывшего «Электромеханического» завода, турки на чистом месте стали возводить торгово-развлекательный центр «Миллениум». Миллиардное предприятие в итоге дало миллионную прибыль. Такое вполне устроило «инициаторов», дома они загородные построили, купили престижные автомобили.

Образцово-показательное заводское общежитие «Юность», не представлявшее ни архитектурной, ни коммерческой ценности на момент прихвизации основных фондов завода, стало бесхозным. Исчезли упитанные коменданты, занудные воспитательницы, ленивые уборщицы. Перестала выходить стенная газета «За коммунистический быт». Комнаты со второго по пятый этаж оформили на себя жильцы, бывшие работники завода — молодые, энергичные люди. Первый этаж, где раньше располагался красный уголок и бытовые помещения, прихвизировал вездесущий бывший секретарь райкома комсомола Бубликов, который сдал площади в аренду частным предпринимателям. Обстоятельные съемщики прорубили в панельных стенах отдельные входы, украсили их красочными вывесками:

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО
Нотариальная контора

ЛУЧШЕ НЕТУ ТОГО СВЕТУ
Ритуальные услуги

ШЕРЛОК ХОЛМС Сыскное агентство

ШЬЕМ И ПОРЕМ Ателье-люкс

Разместились на первом этаже еще с полдюжины конторок со входами из общего подслеповатого коридора. Здесь же была и студия Эдуарда Бруля.

В двух тысячном Бубликов изловчился, и втихую продал бесхозное общежитие строительной компании «Высота». Вместе с начинкой: арендаторами и жильцами. Молодежь к тому моменту успела обзавестись семьями, размножиться и не собиралась покидать жилплощадь. Да и куда деваться? Застройщик же планировал снести общежитие, а на его месте построить высотное жилое здание.

Начались баталии районного масштаба. Застройщик не скупился на подкупы. Суды — выносили решения о выселении жильцов, электросети — вырубали свет, водоканал — перекрывал воду, полицейские — совершали рейды, санкциями угрожали. Санэпидемстанция, вместе с тараканами и крысами, травила осажденных хлорофосом. Жильцы стойко оборонялись — писали письма в разные организации и разным ответственным лицам.

Перед очередными выборами в органы народовластия появились в общежитии улыбчивые тети и дяди, гладили народившихся здесь детишек по головке: «Тю-тю-тю, какой прелестный мальчик, (прелестная девочка)». Не скупились на обещании. Проходили выборы, кандидаты становились депутатами, и им уже было недосуг заниматься пустяками. Государственных дел невпроворот.

Подымаясь по обшарпанной лестничной клетке общежития с множеством исторических изречений на русском и английском языках, Эдуард обратил внимание на свежую надпись: «Любка Жукова проститутка». Реклама что ли? — подумал внук великого комбинатора.

На пятом этаже он подергал дверную ручку комнаты с номером 516. Заперто. Постучал условным кодом — три редких стука и два частых. Молчок. Перешел на открытый текст:

— Зинуля, а Зинуля, суслик твой вернулся.

После небольшой паузы, пошутил:

— На коньках из Африки.

Опять молчок. Приложил ухо к двери — тишина. Похоже, Зинаиды, как не странно, нет дома. Бывшая ударница

коммунистического труда, инженер-электротехник работала посудомойкой в ресторане «Золотая орда», и, вернувшись с ночной смены, спала до обеда.

Эдуарду же надо срочно забрать загранпаспорт. И соврать что-нибудь. На всякий случай. Теплое местечко рядом с уютной Зинулей чтобы не заняли.

Решил постучать к соседям — может ключ сожительница оставила. Пятьсот пятнадцатый — молчит. Дверь пятьсот семнадцатый приоткрылась, высунулась хорошенькая рыжая головка. Густо покрашенные глаза походили на пасхальные яйца.

— А-а-а, сосед, — распахнула дверь глазастая, бросила беглый взгляд в глубину коридора, цепко схватила Эдуарда за рукав, потянула к себе, — заходи, гостем будешь!

— В другой раз, — вырвался Эдуард. — Зинку мою не видела?

— Другого раза не будет, придурок.

Дверь шумно захлопнулась. На Эдуарда посыпалась штукатурка с потолка. Дверь снова приоткрылась.

— Импотент недоделанный!

Уж не Любка ли Жукова, подумал визитер. На всякий случай надо выяснить. С соседями он не общался и никого из общаги, кроме Зинули, не знал.

Спустившись вниз, сел во дворе на лавочку рядом с благообразной бабулей в очках. Та отрешенно смотрела в пространство, как бы разглядывая там эпизоды прожитой жизни. Из настежь открытого окна третьего этажа, как издевка хриплый голос Высоцкого: «Если вы в своей квартире, лягте на пол, три-четыре...» Своих квартир здесь нет. Общее все — коридоры, кухни, туалеты, тараканы, проблемы. И не известно, когда у жильцов общежития будут свои квартиры.

А жизнь тем временем продолжалась — где-то глубоко под землей рубили уголь в забоях, варили сталь в мартенах, бросали зерно на вспаханную землю, заседал Парламент, играли во дворе дети, народившиеся и подросшие за период осады общежития. Девочки, расчертив мелом квадратики на асфальте, прыгали на одной ножке из класса в класс. Пацаны — гоняли мяч. Под грибком сидели молодые мамы, время от времени покачивая детские коляски всевозможных цветов и конструкций. Кочуют периодически коляски с этажа на этаж, из комнаты в комнату. Девочки и мальчики, играющие во дворе, в недалеком прошлом в них писались.

Внук великого комбинатора подобрал валявшуюся рядом со скамейкой рекламную газету «Эврика», стал просматривать объявления. Без надобности. Газета предлагала продукты питания, мебель, здоровье, удовольствие.

— Что едят, Эдуард Генрихович? — спросила старуха в очках.

Она с дочерью и внучкой жила напротив Зинаиды, в комнате номер 520, и знала всех жильцов этажа.

— Всякое, — буркнул Эдуард, подняв на нее удивленные глаза, — откуда знает?

— «Всякое» — это не ответ, молодой человек, — покачала головой старуха в очках. — Я преподавала логику в школе и учила детей четко выражать мысли. Там, где вы учились, преподавали логику в девятом?

— Ну, если четко, едят — продаются шикарные квартиры на условиях покупателя, — указал Эдуард на высотные дома, выстроенные на противоположной стороне улицы, компанией «Высота».

— И сколько стоит однокомнатная? — поинтересовалась старуха в очках.

— Тысяч, наверное, пятьдесят, семьдесят. Условных.

— У нас столько и натуральных-то нет.

— Раньше-то где жили? — спросил Эдуард.

— Квартира была по улице Мира. Леночка, внучка, заболела серьезно, нужно было в Германию. Квартиру продали, купили здесь комнату. Оказалось здание уже продано застройщику. Сносить будут. Вы вот редко бываете, а тут такое творилось. Общежитие «Куриной слепотой» прозвали. Свет постоянно отключают, воду перекрывают, выживают всячески. А куда нам податься?

Эдуард и сам за полгода совместного проживания с Зинаидой дважды попадал под блокаду.

— Сталина нет, — сказала старуха сокрушенно, обедая взглядом пустующие высотки, — он бы все эти дома заселил. Без условных единиц.

Внук великого комбинатора встал, галантно поклонился.

— Очень рад был знакомству. Я из пятьсот шестнадцатой. Передадите Зинаиде, что завтра заеду. Часиков в двенадцать.

— Уехала к матери на два дня. Ключ оставила для вас.

— Вот здорово! — обрадовался Эдуард. — Паспорт надо забрать, командировка наметилась.

Старуха достала ключ из сумочки.

— Вот, не забудьте вернуть.

Эдуард взбежал на пятый этаж, нашел документ в шкатулке среди бижутерии Зинаиды. Золотое кольцо с изумрудом — его подарок. Девушка аккуратно обвернула его паспорт целлофаном. Забрал документ, оставил записку: «Уехал по государственным делам. Никого не пускай — зарежу. Твой суслик». Шутил так.

А Зинаида любила его, непутевого.

Глава 7. БЫВШАЯ МАДАМ

В другом конце города Алла Кисловодская, «мимолетное ведение» внук великого комбинатора, паковала чемоданы. Помогала служанка Катя — голубоглазая брюнетка.

Профессор Лори Янг из Американского университета Эмори установил, что дети до 5 лет ведут себя как абсолютные эгоисты. К семи годам они начинают думать о других, у них развивается парохиализм — забота о членах своей социальной группы. Аллу мудреный термин обошел стороной и в зрелом возрасте. Так и осталась абсолютной эгоисткой.

Поздний, желанный ребенок в семье военнослужащего. Ах-ах — самая красивая, ах-ах — самая умная, ах-ах — самая-самая! Из всех ахов она соответствовала только первому. Колоратурное сопрано прорезалась у девочки к двенадцати годам. Музыкальная школа. Детские фантазии — поэты слагают для нее стихи, композиторы сочиняют музыку, сцена, залитая волшебным светом софитов, прилизанный, лысеющий конферансье во фраке объявляет: «Заслуженная... Лауреат международных... Несравненная Алла Кисловодская!!! Встречайте». Выпархивает. Вся из себя. Исполняет, пританцовывая шлягер. Кордебалет сопровождает выступление — молодые танцоры в черных трико и цилиндрах такое выделывают... Высший класс! Зал неистовствует, фанаты танцуют в проходах зала, зрители встают, раскачиваются в такт музыке. Эффектный конец выступления — гордо поднятая голова, вскинутые руки. Буря оваций! Охапки цветов.

Гаишники, включив мигалки и сирены, прокладывают путь ее лимузину в толпе поклонников.

Мечты, мечты, где ваша сладость? После консерватории — на вторых ролях в оперном театре. Закулисные склоки, мизерная зарплата. Ушла, хлопнув дверью. Эстрадный ансамбль «Красавицы Востока». Первый муж — продюсер группы, пьяница и ворюга. Скандалы, развод. Второй муж — молодой бард, сочинял таки для нее и стихи, и музыку. С очередной песней, про весну, про любовь пошли на телевидение. Песня понравилась, телевизионщики пообещали: «Прокрутим. Сделайте хороший клип».

Понадобились деньги для съемки клипа. Неподъемные для барда. Кредит мужу банк не дал — безработный. Познакомился с хорошими людьми. Деньги они дали, но не успел бард вложить их в раскрутку Аллы. «Хорошие люди» оказались плохими. Влюбленного поэта за компанию сослали в места не столь отдаленные.

Третий муж — красавец-манекенщик, на восемь лет младше ее, оказался альфонсом. К тому же постоянно изменял ей.

Как-то пригласили Аллу «украсить» корпоративную вечеринку. Там она приглянулась Федору Рогожину, начальнику «Упржелдорснаба», человеку на ее взгляд состоятельному и не лишенному обаяния.

Переехала к нему в роскошный особняк с садом, бассейном и прочими излишествами. Уже не пела, исполняла роль нарядной куколочки при муже на официальных раутах.

Прошел год, другой, заскучала Алла по вольной жизни. Надоело быть «мадам господина Рогожина». Такой документ ей выдали в Непале, куда они ездили полюбоваться Эверестом. Да и скрягой оказался господин Рогожин. Влюбленность его тускнела, стал урезать «бюджет» на содержание жены.

С наступлением «мирового кризиса» наметилось сокращение железнодорожного управленческого аппарата. Об этом объявил на совещании начальник Главка и при этом как-то оценивающе посмотрел на Рогожина. Федора такое внимание насторожило. Его-то за что? Уважает руководство, исправно «отстегивает» часть «отката» от сделок при закупке оборудования. Может, место родне понадобилось? Так он сам не прочь породниться. Племянница жены, вон — Назым, недавно развелась... Родство на Востоке выше Совмина!

Знаки внимания стал оказывать разведенке: звонки, букетики. Жаль, конечно, с Аллой расставаться, но, как сказал известный литературный герой: «Жизнь диктует нам свои суровые законы».

— Алла, ты умная женщина, — начал с комплимента, выбрав момент, когда та скучала перед телевизором.

«Умная женщина» была проинформирована «прикормленной» секретаршей мужа, что тот обхаживает племянницу жены начальника Главка. Ушлые они, секретарши эти, все знают.

— Триста тысяч евро, — прервала Алла мужа, щелкая пультом, перескакивая с одного канала на другой. А вот и ее любимый актер Депардье. Настоящий мужчина. О-о-о!

— Пятьдесят. Мировой кризис! Ты же умная женщина, Алла.

— Триста. Плевала я на тебя и на мировой кризис.

— Сто.

— Триста... двадцать, — с расстановкой произнесла будущая разведенка, — не утомляй, иначе буду добавлять.

Алла Кисловодская давно считала мужа пройденным этапом. Мечтала выйти за писателя или киноактера, может не совсем молодого, но знаменитого. Возможно даже за Депардье. Фантазировала — приемы во дворцах, она в платье от Сен-

Лорана с обнаженными плечами, загадочной улыбкой и бокалом шампанского в окружении бомонда. Папарацци суетятся, чуть ли не под юбку объективами заглядывают...

Рогожин позорно капитулировал, перевел деньги на ее счет в «Сбербанке». Веселая вдова выдала взамен нотариально заверенный документ — имущественных и прочих претензии к бывшему гражданскому мужу не имеет.

Слукавила.

А Рогожин поспешил со сватовством. Время быстротечное, невеста — хоть куда, можно и упустить.

Назым условие поставила: пока не полюбит — не домогаться, и устроить на работу двух бывших мужей. Пустяки в сущности, учитывая, что сам Рогожин на доходном месте закрепится.

С востока к поселку Ключи, что в тридцати километрах от большого, как областной центр города V, примыкает некое секретное учреждение, обнесенное высоким бетонным забором. Поверх забора колючка в три ряда. Охраняется учреждение полицией. Секретное оно для тех, кто не знает о его существовании. В Ключах же секретный объект именуют дурдомом. Многие сельчане здесь работают, получая надбавку за вредность. Вредности почти никакой. Пациенты тихие, в какой-то степени даже «пришибленные».

В официальных документах дурдом мудрено именуется: «Специальная психиатрическая лечебница Министерства внутренних дел». Предназначена психушка для лечения граждан, совершивших общественно опасные деяния в состоянии какой-нибудь душевной патологии и признанные судом невменяемыми. Отлеживаются здесь и симулянты, дабы избежать заслуженного наказания за преступные деяния.

В советское время здесь насильственно содержали диссидентов — не согласен с политикой партии и правительства, значит псих, и тебе самое подходящее место в дурдоме. Через год-два, после «интенсивного лечения», диссидента, с «прохудившийся крышей», выпускали на свободу. Он уже не представлял опасности для режима. На демонстрациях в честь первого мая и седьмого ноября громче всех кричал ура.

С началом эры капитализма, с недоразвитой демократией, число пациентов в дурдоме сократилось. Демократов в стране не убавило, даже наоборот, стало больше. Иных — поощряли, а других — воинствующих перевоспитывали в тюрьмах, что для государства было экономически выгоднее. Да и наглядно.

В это, ничем не примечательное, будничное утро 29 мая, главврач дурдома Сергей Павлович Юровский — оптимист по натуре, грустил. Штат урезали — ладно, охрану ополовинили —

тоже ничего. Смету вот на лечение психов существенно урезали. Это уже удар ниже пояса! Остаток, после «фильтрации» сметы, был весьма весомым. Симулянты, опять-таки, перевелись. Грамотно сфабрикованная справка из психушки — денег стоит. А тут наладилось жулье договариваться напрямую с госпожой Фемидой, в обход дурдома.

Грустные мысли главврача прервал телефонный звонок.

— Это психиатрическая лечебница? — звонкий женский голос.

— Баня, — пошутил Юровский. — Общая.

После коротких гудков, опять звонок. Тот же голос:

— Это, извиняюсь, дурдом?

— Кто, извиняюсь, звонит, дурочка?

— Сам дурак! Сергея Павловича зови!

— Слушаю вас, леди, слушаю. Чукча, однако, мала-мала шутил, — как бы извинился главврач.

— О-о-о, Сереж, это Фима Воробей, помнишь ещё?

Адвоката Серафиму Сергей Павлович помнил прекрасно. Навещала Фима в прошлом году на пасху пациента, проигравшего в казино «Улыбка фортуны» пять миллионов из пенсионного фонда.

После встречи с клиентом Сергей Павлович пригласил Фиму на «рюмку чая». Славно посидели в комнате отдыха, смежной с кабинетом главврача. Комната функционально обставлена — диван, бар с напитками, светомузыка, ковер персидский на полу. Обстановка располагает...

Юровский негласно соперничал с Казановой. У того, по описанию итальянского писателя Джованни Джакомо, в общей сложности было 132 любовницы. Серафима в реестре Юровского заняла позицию за номером 114 с индексом «Б». Буква означает не то, что спонтанно приходит на ум. Означает она — «любовница блондиночка». Таких, «Б», в перечне главврача больше половины. Рыженьких, с индексом «Р», всего три. Брюнеточек — «Бр» — примерно треть.

— Помню Фима, помню, — и соврал: — Только что о тебе думал. Как поживаешь?

— Лучше всех! Дело к тебе, Серж.

— Всегда к услугам.

Договорились встретиться после обеда.

— Ну-сь, кто из нас троих больной на голову? — пошутил Сергей Павлович, рассадив двух блондиночек по креслам напротив.

— Моя клиентка, — представила Серафима Аллу Кисловскую.

— Так-так, — просветил взглядом главврач хорошенькую пациентку на букву «Б».

— Сергей Павлович, — обратилась Серафима с легкой иронией во взгляде, — клятву Гиппократа еще не отменили?

— В разумных пределах оставили, — пошелестел пальцами главврач.

— Приятно общаться с деловым мужчиной, — выдала комплимент Серафима. И мужчина — что надо, и деловой!

— Суть, — выбил Сергей Павлович пальцами дробный звук на столешнице, — тра-та-та, тра-та-та!

— Клиентка лопухнулась, — кивнула адвокат на Аллу Кисловодскую. — Статья 162, пункт первый гражданского кодекса трактует однозначно: при расторжении брака совместно нажитое имущество делится поровну. Совместным считается нажитое с начала совместного ведения хозяйства. Зарегистрирован брак или нет — значения не имеет. Муженек откупился от моей клиентки небольшой суммой, получив взамен нотариальный документ, что имущественных и иных претензий та не имеет. Прожили супруги два года. За это время отстроил бывший гражданский муж...

— Фамилию можно озвучить? — встрял в монолог осмотрительный в делах главврач.

— Рогожин. Рогожин Федор Васильевич.

— Продолжайте.

Фамилия знакомая. Пять лет назад, симулянт Рогожин, будучи пациентом дурдома, укусил санитаря за ухо. Тот крепко его отмутил. За что и был уволен — надо же в людях разбираться! Укусил — заплатит.

— Так вот, — продолжила Серафима. — За период совместного проживания выстроил Рогожин три коттеджа. Дворцы в стиле барокко, сама видела. И не где-нибудь в Каменке там, или Горном плато, а в национальном парке. Не он один там обосновался. Ну, видели, наверное, по телику показывали, сам премьер министр от возмущения ногами топал, слюнями, извиняюсь, брызгал.

— И здесь трясло от топота, — пошутил главврач.

— Потом, верно, Парламент узаконил незаконно построенные дворцы. Многие из новоселов там заседает.

— Почему он заседает, потому что жопа есть, — скаламбурил Сергей Павлович, широко улыбаясь.

— Ну, Серж, ты уж совсем... При дамах, — как бы сделала замечание Серафима.

— Классика, милочка, классика. Эпиграмма самого Александра Сергеевича.

— Ладно, нам не до Пушкина, — продолжила адвокат. — Нужна пустяковая справка: «В такое-то время Кисловодская А.С. была не адекватная». И только. Все остальное мои проблемы. Подобное заблуждение в судебных делах — явление рядовое. Да и сами судьи...

Про судьей Серафима не стала распространяться.

— Проблема, отнюдь не пустяковая, — покачал головой главврач вначале из стороны в сторону, потом — сверху вниз. Что означало: проблема-то проблемой, но решаемая.

— Сколько? — спросила деловая Серафима.

На листке бумаги главврач написал: 20000 \$.

Серафима согласно кивнула. Главврач чиркнул зажигалкой, сжег улику.

— Недельку придется полежать, — улыбнулся Юровский персонально Кисловодской, загодя определяя ее в реестр под номером 130. — Сами понимаете, справка деликатная. Историю болезни надо завести и прочая бюрократия. Проверки у нас...

— Я боюсь, — первый раз проявила себя «больная».

Голос главврачу понравился. Теплый.

— Бояться нечего, милочка. Отдельные апартаменты, охрану приставлю.

После небольших формальностей определили Аллу Кисловодскую в одноместную палату с прекрасным видом на вековые тополя и счастливым номером 16. В ней когда-то содержался известный авторитет Абу, который там и скончался при загадочных обстоятельствах. Среди персонала ходили слухи, что призрак его, в ненастные ночи посещает палату.

Юровский, лично сопровождая «больную», придерживая за локоток, как бы пошутил:

— Байки тут рассказывают, что по ночам палату посещает дух известного рецидивиста Абу. Будет вам с кем поболтать.

— Не пугайте, я и так вся...

— Шутка это, шутка.

Глава 8. **СЫСКНОЕ АГЕНТСТВО**

Двухтомная трудовая книжка Арнольда Исааковича Бабасюк читалась увлекательно, как остросюжетный роман. Весной 1963 года окончил юридический факультет Госуниверситета города V. Три года аспирантуры, защита кандидатской.

Начались записи в трудовой книжке, пестрые, а местами загадочные. С сентября 1966 — преподаватель Права в институте «Народного хозяйства».

Запись 11 февраля 1969 года — «Уволен, согласно приказа № 28». Можно только гадать, что в приказе. Во всяком случае не дифирамбы за выдающиеся научные открытия в области Права. Первая сплетница института, пожилая дева, зам декана факультета «Бухучет» Елена Клипович, в туалете шепотом рассказывал доктору физико-математических наук Виктории Фаткиной, что Арнольд соблазнял студенточек посулами жениться. И к ней приставал. Да разве можно верить всему. Особенно тому, что приставали к Елене Клипович не только по поводу пересдачи экзамена.

Дальше пестрота — юрисконсульт, опер, следовательно по особо важным делам прокуратуры, заместитель директора по хозяйственной части «Домостроительного комбината», управляющий делами треста «Нефтегаз», экспедитор «Асфальто-бетонного завода». С ноября 1975-го по декабрь 1980-го записи о трудовой деятельности отсутствуют, словно Арнольд Исаакович тунеядствовал целых пять лет. Отнюдь! Трудоголик Бабасюк в эти годы заведовал библиотекой в учреждении ИК 1734/ 65, сказать понятнее — в исправительной колонии общего режима. Куда попал, по его разумению, «совершенно случайно».

— Лучшие годы, — вспоминал потом Арнольд Исаакович за рюмкой в кругу друзей. — Всего Карла Маркса прочитал, всего Владимира Ильича Ленина. Режим, диета, здоровый образ жизни. Бывшие эки, как правило, долгожители. Хоть Солженицына возьми, хоть еще кого. Дай бог и мне, при ясном рассудке.

Далее во втором томе Трудовой книги: юрист, адвокат, судья. С 1990-го по 1993-ий опять пропуск. И опять библиотекарь. Умеет ловкий человек устраиваться и там!

— Не суди — сам не будешь судим, — комментировал отсидку.

После трех летнего перерыва, с сентября 1993-го — адвокат, нотариус, председатель жилищного кооператива «Мироздание».

В 2006-ом последняя запись: «Уволен, в связи с выходом на пенсию».

Полгода маялся Бабасюк без дела, критикуя, лежа на диване, ментовские сериалы. Имел на то полное право, сам был и по ту, и по другую сторону закона.

Тем временем темп жизни ускорился, людей одолевал нервный зуд — так уж они устроены. Суетились, бежали куда-то, боясь не успеть, словно сама Земля делала оборот вокруг Солнца не за 365 дней, предусмотренных календарем, а за более короткий срок. Арнольд Исаакович сунулся в одну организацию, в другую. Дипломы демонстрировал — университетский и канди-

дата наук. Документы рассматривали уважительно, но вежливо отказывали — переросток, берут молодых, перспективных.

По совету бывшего ученика, «важняка» из прокуратуры, открыл сыскное агентство, назвав его претенциозно: «Шерлок Холмс». Артура Конан Дойля давно нет, некому предъявлять претензии относительно громкого бренда.

Следил за неверными женами, мужьями, любовницами, бухгалтерами частных предприятий. Выявлял платежеспособность граждан. Консультировал по деликатным вопросам. Клиентов немного, но и тех Арнольд фильтровал, не за каждое дело брался.

Вчера, например, дамочка одна, неряшливо покрашенная, просила за мужем пошпионить. Любовницу, похоже, завел. Бредется каждый день, а раньше это делал раз в неделю.

— Ну и? — дернул головой Бабасюк.

— Духами мой Вася пропах.

— Ну и?

— Духи он никогда не покупает. Ни мне, ни себе. Экономист.

— Ну и?

— Завел, видимо, какую-то дешевку.

— Ну и?

— Что вы заладили, ну и, да ну и, — начала терять терпение дамочка.

— Ну и что вы хотите, развод с разделом имущества?

Женщина бросила на Арнольда Исааковича неодобрительный взгляд.

— Какой развод, какое имущество? Скандал предметно учинить, ему и шалаве. Неповадно чтобы.

— Обязанности супружеские исполняет в полном объеме?

— Такой кобель, его на трех баб хватит.

Арнольд с пафосом прокомментировал:

— Ни днем, ни ночью мне не обрести покой, я душу дьяволу отдам за ночь с тобой...

Посетительница округлила глаза, на всякий случай отодвинулась.

— Вы о чем, товарищ следователь?

— О любви, стихи из мюзикла «Нотр-Дам де Пари».

— Я пришла по рекомендации Сары Абрамовны, супруги вашей. Мне не нужны стихи, прошу за Васей моим проследить.

— Милочка, — стал увещевать ее Арнольд, — человек по своей сути полигам.

— Никакой он не полигам, а старший экономист.

— Полигамия это спаривание одного самца с несколькими самками. Или наоборот.

— Что наоборот?

— Спаривание одной самки с несколькими самцами. К примеру, вы бы завели любовника. Или, скажем, сразу двух! Научный факт.

— Научный фа-а-акт, — как бы передразнила посетительница, качая головой. — Хватит цену-то набивать! Сколько берете?

Отказал Бабасюк, сказав, что агентство следит только за иностранными гражданами, чтобы не шпионили, как сукины коты.

— Какие коты? — возмутилась супруга Василия.

— Классические, милочка, классические, Булгакова вон почитайте. Михаила Афанасьевича, — напутствовал детектив.

Дамочка ушла рассерженная. И в то же время теплые чувства обдали душу — ее Вася хотя и бабник, но не идиот. Бедная Сара Абрамовна, с кем живет...

Арнольд послал за ней следом «мальчика» — студента заочника «Индустриального» колледжа. Подрабатывает у него.

Смышленный парнишка на другой день привел в агентство перепуганного, неверного мужа. Чуть ли не через каждое слово старший экономист извинялся.

— Простите, время отнимаю. Вам же, простите, бандитов ловить, на двери прочел. Мне сказали, простите, что важное дело ко мне. Извините великодушно.

Арнольд всего за три сотни условных единиц просветил стеснительного донжуана.

— Духи дари жене и любовнице одного разлива. Обоняние у женщин острое, а ум — тупой, что, впрочем, делает их привлекательными.

Воцарился мир и лад в семье экономиста и за ее пределами. Хорошо мужу, которому жена в последние годы установила квоту — раз в неделю, а он привык по потребности. Хорошо жене — муж повышенный интерес проявляет, каждую пятницу флакончик духов. И не каких-то дешевых, как у бывшей любовницы, а из самого Парижа. Хорошо и одинокой романтической женщине, закончившей филфак, торгующей периодикой на углу улиц Строительной и Мичурина.

Арнольд же, не выходя из конторы, заработал триста баксов. Сотню отстегнул студенту заочнику.

Постучали три раза в гипсопрокатную перегородку — сосед, фотохудожник, приглашает в свою студию. Бабасюк любил бывать у него. Человек культурный, о чем угодно можно поговорить, хоть о политике, хоть о сексе. Последняя тема Арнольда очень интересовала. А у Эдуарда такие фотографии на стенах, такие позитивные девицы на них. Настоящий художник! Не то, что там какие-то импрессионисты.

— Чай, пиво? — встретил Эдуард соседа.

— И водку.

— Принесешь — выпьем.

— Пошутил.

— Дело есть Шерлок. Деликатное.

— Денежное, хотел сказать...

Детектив посмотрел на Эдуарда с возрастающим интересом.

— Можно и так сказать.

— За иное и не беремся.

— Заказчики появились. Дядька с племянником. У дядьки — бабла не меряно, а у племянника в активе только то, что есть у каждого мужика. Даже завалящего. Первый хочет женить второго на деньгах. И тут тебе работа подворачивается.

— Ты бы пива, что ли выпил, — перебил Арнольд.

— А что?

— Излагаешь шибко заумно. Несешь, как сенатор с похмелья.

— Можно проще.

— Излагай.

Поведал фотохудожник о дяде Юсупе и любимом племяннике Мурате, которого дядя намеревается удачно женить.

— Живу у них — сыт, пьян и нос в табаке! Дядька попросил невесту богатую племяннику найти...

Арнольд смолчал — сватовство не по его части.

Шустрый студент тем временем успел сбегать в гастромом за водкой, ветчину с яйцами поджарил. Перешли будущие компаньоны в соседнюю комнату. Выпили, закусили кулинарным изыском студента.

— Ты только вот что, — посоветовал битый юрист, — деньги сразу бери. Оно, конечно, хорошо жить на халяву, но деньги вперед. У меня было такое. Да ты, наверно, помнишь, фотографировал парочку на берегу озера Иссык.

— Не помню что-то...

— Мужик голый на тебя набросился, чуть не утопил.

— А-а-а, ты вон о ком, — вспомнил фотохудожник психа.

— С тобой я тогда рассчитался, как и договаривались. А заказчик мне так и не заплатил. Фотографии, сказал, не впечатляют, не понятно — его жена, не его. Лица, говорит, почти не видно, а остальное — сиськи-письки, как у всех баб. Да и простил ее. Сам, говорит, не херувим.

— Ну а ты?

Арнольд провел растопыренной пятерней по лицу:

— Умылся.

— Херувим ты, — рассмеялся Эдуард. — Натуральный.

Договорились, встретиться с Юсупом Мустафаевым, и по всей форме заключить два договора. Один — на поиски фиктивной разведенки, другой — на выявление наличия капитала на ее счету. С форс-мажором! Если Мурат заартачится, дескать, то — не то, а это — не это — предоплата не возвращается.

Обсудили гонорары — цифры в инвалюте фигурировали с пятью нулями.

— Не лишка? — засомневался Эдуард.

— Проси трехгорбого верблюда, получишь двугорбого. Это я тебе как бывший экспедитор говорю.

Без стука, пинком, отворилась дверь. Появился внушительный живот, обтянутый полосатой рубашкой, с поперечными складками, пуговицы вот-вот отлетят, за ним, как бы приклеенный к животу, небольшой человек с лицом каменного идола.

— Финансовая полиция, — представился живот, сиплым голосом. — Бабасюк кто из вас? — ткнул пальцем на Эдуарда, потом на Арнольда.

Сквозило от посетителя неуважением и скрытой угрозой.

— Ну, допустим, я, — поднялся детектив.

— Козел, ты чё налоги не платишь, — пошлепал недомерок толстыми, как оладьи, губами. Завизжал:

— Государство обворовываешь! Статья...

Договорить не успел, детектив профессионально ударил визитера под дых. Тот, судорожно хватая воздух, сложился пополам, насколько позволял живот, стал со стоном раскачиваться, как бы раскланиваясь.

— Посмотрим еще, кто козел, посмотрим, кто государство обкрадывает. На какие шиши Ланд Крузер купил, — кивнул на окно детектив, — артист?

Он давно этого типа заприметил, к девке из общаги похаживает, машину паркует на детской площадке.

— П-по доверенности ездю, — заикаясь, начал оправдываться полицейский, еще не отдышавшись от удара.

— Пошел вон, доверенный, пока не добавил.

Полицейский, не по фигуре проворно, ретировался. И уже с улицы прокричал в окно:

— Теневую экономику развел. Я тебя, козла, привлеку.

Бабасюк не спеша направился к двери, полицейский мелкой рысцой побежал к машине.

«Я тебе, козла, посажу», — горячился, нажимая от волнения не на ту педаль. Джип резво дал задний ход, сбил детские качели, посыпались осколки разбитой фары.

Хотел на ресторан поиметь с «недотепы». Таковым, со слов знакомой девицы, ошибочно воспринял детектива. «Наехал», называется. Поимел, называется. Ремонт машины обойдется на пять сотен баксов...

«Завтра же приставлю инспекторов, посмотрим, сколько дерешь с клиентов, сколько казне отстегиваешь. Подсчитаем!» — горячился «финик», проскакивая с расстройства на красный свет светофора.

Глава 9. **КОНТОРА ПИШЕТ**

Если в темное время суток окажетесь на пересечение Садового бульвара с улицей Юных коммунаров, то хотите вы того или нет, обязательно обратите внимание на неоновые, красные паровозики, бегущие по фронтому девятиэтажного здания — Главного управления железнодорожного транспорта. Здание первоначально предназначалось Минздраву для размещения там «Института усовершенствования врачей». Но, с наступлением капитализма смету на здоровье урезали, и недостроенное сооружение передали железнодорожному ведомству. У тех денег не то, что куры, индюки не клюют.

Перекроили проект. Восьмой и девятый этажи занял сам начальник Главка Усман Кадыров. Здесь и кабинет площадью за сто квадратов, две комнаты отдыха, зимний сад, сауна и прочие удобства. Окна кабинета выходят на юг с видом на зеленые горные склоны, поросшие яблонями и диким абрикосом.

Седьмой этаж занимает «Упржелдорснаб», возглавляемый Рогожиным Ф.В., будущим шурином (или что-то в этом роде) начальника Главка. Плох тот железнодорожник, который не бежит впереди паровоза. Федор Васильевич считал себя хорошим, и мечтал со временем занять кабинет на девятом этаже.

25 мая 2009 года, будущий шурин начальника Главка как всегда пришел к восьми, хотя рабочий день начинался часом позже. Любил с утра в тиши кабинета поразмыслить о смысле жизни, который, как бы ты не крутил-вертел, замешена на деньгах. А с недавних пор начал тренировать тело и душу по системе Мирзакарима Норбекова. Занятие серьезное, требует в процессе тренировки отключать мозг, не грузить его размышлениями. Тогда, сулит система, весь день пройдет в состоянии «радости, счастья и полета».

Некоторые ретивые подчиненные, боясь попасть под сокращение, норовили приходить раньше начальства. Запре-

тил категорически. Чтобы не лезли со своими пустяшными отчетами, не склоняли к размышлению.

— Не можешь уложиться в отведенное рабочее время — значит бездарь, «кандидат в депутаты», — шутил. — После сокращения можешь баллотироваться.

Перед началом тренировки тела и духа по системе предусмотрена легкая разминка, что ни будь эдакое, приятное.

Занялся Федор Васильевич поливом пеларгоний, расставленных на специальные, ступенчатые подставки перед южными окнами. Воду для полива уборщица тетя Маня приносила из арыка, горную, без хлора. Зацвел сорт «Deason Lilac Mist», гордость коллекции. Залюбовался.

Сел в кресло, сосредоточился. Человек деловой, мыслит системно и кратко. Надо перелопатить текущие дела, чтобы разгрузить мозги.

Во-первых, мыслил, — надо нанять секретаршу. Прежнюю, что много знала и позволяла вольности, уволил. Брать надо брюнетку. Блондинки мнят о себе больше, чем того стоят.

Во-вторых — позвонить бывшей жене. Забрать ключи от машины и коттеджа.

В-третьих — позвонить редактору газеты «Маяк». Пообещать...

Что пообещать, пока четко не сложилось в голове. Ладно, по ходу соврет...

В-четвертых — жениться на племяннице жены начальника Главка.

Подвел черту — все, конец мыслям.

Глубоко вздохнул, посмотрел на цветущую пеларгонию. Улыбнулся. Улыбка была теплой и искренней.

Разгрузив мозги, приступил к аутомануальному комплексу — массажу биологически активных точек головы — висков, глаз, носа. Через полчаса усердия дошел до ушей...

Тихо, без стука вошла женщина. Деловой темный костюм на ней, лакированные туфли-лодочки, стоячий воротник белой блузы слегка стянут большим узлом красного галстука в желтую полоску. Седые волосы гладко зачесаны. Блокнот в руках. Округлое лицо источала доброжелательность.

Рогожин не стал грузить мозги — кто такая, да зачем приперлась. Продолжая массировать уши, радостно улыбаясь, указал разутой ногой на дверь, вытянув ступню. Визитерша, сбита с толку беспричинным весельем начальника, и несуразным его жестом, поздоровалась:

— Здравствуйте, Федор Васильевич, — проявила низкий голос.

— Приемный день пятница с 16 до 18, — буркнул начальник. Улыбка несколько скривилась.

— Хорошо, записала, — чиркнула визитерша знак в блокноте.
— Какие еще будут указания, Федор Васильевич?

Улыбка медленно сползала с лица Рогожина, как туман с горного склона после восхода солнца.

— Вы кто?! — рявкнул.

— Да, извините, не представилась, ваша новая секретарша, Гульнара Эрнестовна.

— Вы не ошиблись этажом? Секретаршу я еще не нанял.

— Жена ваша будущая наняла. Тетей родной прихожусь.

— Так вы супруга Усмана Кадыровича? — поднялся с кресла Рогожин, не смея сидеть в присутствии жены начальника.

— Э-э-э... — заблеял.

Федора Васильевича охватило чувство чего-то недосказанного.

— Сестра жены. Нас шестеро, сестер-то: Майра, Айгуль, Нургуль — жена вашего начальника, я, Калямкос, тещенька ваша...

— Хватит, хватит, — замахал руками Рогожин. — Я все равно не запомню.

— Как угодно, — обиженно поджала губы сестра жены начальника.

— Фу-у-у, — выдохнул Рогожин, не жди сегодня счастья и полета. А может и вообще. Обложили. Где ты, Алла? Ни мамы, ни папы, ни теток.

Телефон сыграл любимый блюз Рогожина из кинофильма «Крестный отец». Кто бы это? Секретного номера личного телефона кроме начальника Главка и одной женщины — терапевта поликлиники № 12, никто не знал. На всякий случай придал голосу приятный тембр, натянул, как попало сползшую с лица улыбку.

— Рогожин, слушаю.

— Привет, зайчик! Тетя Гуля у тебя?

Федор Васильевич недоуменно посмотрел на секретаршу. Кто есть кто, кем он сам приходится новой, многочисленной родне? Протянул трубку секретарше.

— Вас, наверное?

— Алле, — пропела секретарша. — О, золотце мое! Да, да, да! Уже, уже, уже... Очень, очень, очень симпатичный, — посмотрела тетя Гуля оценивающе на начальника. Рогожину даже показалось — подмигнула свойски.

Через полчаса секретарша расцеловалась с племянницей:

— Чмок, чмок, чмок, — в трубку.

Расплылась в улыбке:

— Золотое сердце! Повезло тебе, сынок, — ворковала голубкой секретарша. — Ну, это я фамильярничая когда мы

наедине. По-родственному. При людях — Федор Васильевич и на Вы с большой буквы. Помощница тебе твоя Назым, о-о-ой помощница! Все продумала до мелочей. В отдел «Колеса» — начальником рекомендует Хасана, первого своего мужа. Развелись три года назад. Характерами не сошлись, романтизма у Хасана нет, прагматик.

— И на том спасибо, — как бы сказал сам себе Рогожин, — хоть романтиков не подсовываете...

— Кадрами будет ведать теперешняя жена Хасана. Золотое сердце, всех помнит! В отдел «Рессоры» — Жениса определила, бывшего второго мужа. Натурами не сошлись — квелый, а она — огонь! Жене его будущей, очень образованная женщина, два института, меня просит место присмотреть. Золотое сердце!

Рогожин уже не слушал, он пил капли, одновременно мыслил — сдам обоих бывших. Через подставных доносчиков. Что те начнут воровать, в этом он не сомневался. Все воруют!

Вечером на вилле начальника Главка произошло официальное сватовство. Обозрел жених крепкую, но складную фигуру невесты. Да, ничего бабешка! И, уловив любопытно-вопросительный взгляд жены начальника Главка, изобразил счастливую улыбку.

В голове прозвучал отрывок шутейной песенки студенческих лет: «Когда пойдут семейные невзгоды, боже мой, жена вас ножечко лягнет...»

«Да-а-а, уж...» — произнес мысленно Федор емкую фразу Ипполита Матвеевича из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев».

Глава 10.

ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА

Утром 26 мая главный специалист отдела «Колеса» «Упржелдорснаба» Тимофей Зимин доложил Рогожину: «Вчера, на железнодорожном вокзале задержали японского шпиона. Лазил шпион по новым вагонам, закупленным пару недель назад в Китае. Что-то там рассматривал, что-то вынюхивал, и записывал в блокнотик. С проводниками ласково беседовал, сигаретками угощал. Один из них, бывший опер, отлучившись, якобы по малой нужде, вызвал охрану. Шпиона задержали. Оружия и взрывчатки при нем не обнаружили. И оказался он вовсе не японцем, а фельетонистом газеты «Маяк», неким Геннадием Бобровским. Блокнот на всякий случай конфисковали как улику».

— Вот, — выложил на стол улику Зимин.

Федор Васильевич полистал блокнот. Цифры, проценты, данные санитарных врачей о содержании фенола в китайских вагонах. Жалобы проводников на тошноту и головные боли. Здесь же сопоставление стоимости китайских и российских вагонов. Что удивительно — цифры реальные. Откуда? Кто-то копает под него.

Записи в блокноте встревожили Рогожина. Бобровский уже наезжал на ведомство. Предлагали тогда дураку, до публикации статьи, «иномарку» по бросовой цене, почти новую, с реальным пробегом каких-то тридцать тысяч. Отказался, лицемер. Опасный человек. Непредсказуемый.

Предписание санитарных врачей о недопустимости эксплуатации китайских вагонов — чушь собачья. Куда их девать? Китайцы обратно не возьмут. А если бы и взяли, вернут только половину стоимости. «Откаты», — скажут косоглазые, искажая русские слова. Хорошо еще сам Рогожин не поданный Поднебесной, там с коррупцией строго, чуть что — к стенке ставят. Народу много, могут себе такую роскошь позволить...

Рогожин на всякий случай справочку в Гидрометцентре выправил о содержании вредных веществ в атмосфере города. Оказывается, они превышают допустимую норму почти в сто раз. Получается — сидеть в китайском вагоне с кондиционером, очищающим поступающий уличный воздух, и дышать фенолом даже полезнее, чем находиться на улице и тоже дышать. Очень даже весомый аргумент.

Позвонил главному редактору газеты «Маяк» Семену Файнбергу.

— Семен Моисеевич, — начал бодро, — Рогожин беспокоит, начальник «Упржелдорснаба». Как ваше драгоценное здоровье? Жена, дети... Теща, хе-хе.

— Короче! — выдохнул редактор.

— Помните, встречались на приеме у Усмана Кадыровича...

— Короче!

— Свояка брата жены премьера...

— Короче!

— Надо встретиться.

— Записывайте.

— Так запомню, Семен Моисеевич.

— Сегодня в четырнадцать ноль семь. У вас десять минут. Удачного дня!

Деловой, собачий сын, — прокомментировал про себя Федор Васильевич. Для перестраховки позвонил начальнику Главка. Родня будущая, как-никак...

Семен Файнберг, журналист, что называется от бога, никогда не был деловым, скорее даже наоборот. Как характеризовала его

родная мама: «Не может дать корма двум свиньям». Перебрал Семен почти все редакции газет и журналов города V, занимая должности репортера, заведующего отделом, ответ секретаря и даже заместителя главного редактора. В газете «Маяк» впервые сел в кресло главного. Служебный автомобиль, секретарша и прочие удовольствия!

А то, что назначал время встречи с точностью до минут — понты колотил, подчеркивая чрезмерную занятость и пунктуальность. Сам же постоянно опаздывал, не соблюдал означенного регламента. Отличался главный редактор непоследовательностью, поручал корреспондентам освещать не свойственные им темы, напутствуя: «Учись, учись, пока я здесь!» Но, тем не менее, был человеком в высшей степени порядочным. Не подставлял подчиненных, за что те его и любили. Называли не иначе, как «Наш главный».

Намеченная на 13 часов 26 минут планерка началась без пяти два.

— Ну-с, кто чем порадует? — не оборачиваясь, указал главный редактор вздыбленным большим пальцем на портрет Президента за спиной.

Президент с портрета отечески улыбался: «Давайте, ребятки, давайте. Радуйте!»

Вопрос главного редактора чисто риторический, планерка всегда начиналась с обсуждения первой полосы, где на фоне красочного портрета того же Президента, отображалась забота о народе либерально-демократической партии «Отчизна», хозяина газеты.

Корреспондент «партийной» полосы Тамара Петровская доложила о материалах номера: «Партия должна быть подстать своему Лидеру», «Река жизни», «Чем партия поможет писателям».

— Одобрямс, — похвалил редактор. — Надо быть патриотами, — высказал назидание, и, улыбнувшись, добавил:

— Своего кармана! Не будем хвалить — разгонят.

Вторым докладывал Геннадий Бобровский: «В китайских железнодорожных вагонах пассажиров фенолом, как крыс травят. К тому же переплатили за них, российские, подобного класса, дешевле. За те же бабки вагонов в два раза больше можно закупить.

— Готовь материал, Гена, — одобрил тему редактор. — Явная коррупция.

Как к себе в приемную, зашла секретарша Люба, виляя обтянутым джинсами задом. Демонстрировала Томке отношения с Семеном. Соперничали девушки. В маленьком

коллективе «служебного романа» не скрыть. Сотрудники и не осуждали — кризис мировой, заводить сегодня шуры-муры на стороне непозволительная роскошь.

— Господин Рогожин приема ждет, назначено на два ноль семь.

— О! Главный отравитель, — прокомментировал названную фамилию Бобровский. — Явка с повинной!

Замурлыкал телефон. Трубку сняла Люба, слегка вдавив Семена в кресло обтянутым задом.

— Приемная главного редактора, — ответила певучим голосом. — Да, да, да. Соединяю. Из политбюро, — шепнула, — сам Сан Саныч.

— Слушаю, Саша, — расплылся в улыбке главный.

Фамильярничал редактор, демонстрируя сотрудникам свойские отношения с руководством партии.

— Да...да...да...

Дакал минут десять, поглядывая неодобрительно на Бобровского.

— Перекур с дремотой, — помахал руками в сторону сотрудников. И Любе:

— Пригласи господина Рогожина. И чаю с лимоном и коньяком, чаю...

Федр Васильевич умел убеждать людей. Талант, однако.

— Семен Моисеевич! — распластал руки Рогожин, войдя в кабинет. — Прекрасно выглядишь, дружище, даже не спрашиваю о здоровье и так видно!

Крепкое рукопожатие.

Поинтересовался визитер здоровьем супруги — Норы Давыдовны (у секретарши справился, как звать-величать), учебой детей, передал привет от свояка брата жены премьера и только после переключился на китайские вагоны. Похвалил.

— Сам только в них езжу. Мягкие, с кондиционером.

— Фенолом, говорят, в них пахнут, — осторожно высказался главный редактор.

— Очень приятный аромат, между прочим, напоминает запах африканской дыни папай. Пробовал?

— Не доводилось как-то.

— Тогда на слово поверь — аромат изумительный.

— Говорят, для организма вредно.

— Дыня что ли?

— Фенол.

— Брехня!

Тут Рогожин цифры выдал, сопоставив разы Гидрометцентра с мизерными процентами санитарных врачей. Цифры были в пользу китайцев.

О стоимости вагонов разговор вообще не заводили. Или Файнберг забыл спросить об этом, или помнил звонок из партийной администрации.

Тепло простились.

Планерка продолжилась уже после обеда.

— На чем остановились, — обвел взглядом редактор сотрудников, хотя и прекрасно помнил.

Встал Бобровский.

— Вагоны, подвижной состав...

— Ну что тебя, Геннадий, заиклило на железной дороге? То о паровозах писал, теперь на вагоны переключился. У тебя что, папа кондуктор?

— Так ведь пассажиров травят.

— А население в целом? Нас с тобой не травят? Загазованность атмосферы в городе в сто раз превышает норму. Вот справка Гидрометцентра, — продемонстрировал бумагу, оставленную Рогожиным.

— Так ведь,.. — начал было Зимин, главный осадил его:

— Не перебивай! Автомобильные свалки Германии и Японии очистили от металлолома. За Америку принялись. Рухлядь эта воздух отравляет. А все завозим, завозим. Гоняемся за дешевизной, как пушкинский поп.

— Так ведь, — опять встрял было Бобровский, редактор повысил голос.

— Опять-таки, в какой двор не зайди, свалка мусора. Не город, а сплошная помойка. Вот тебе две темы. Вперед, на танки!

— Так ведь...

— Вперед, я сказал! Эколога послушаем, хоть тут порадуемся, цветочки-птички. Весна!

Редактор изобразил нечто абстрактное, покрутив пятерней возле головы, и даже замурлыкал:

— Расцвели весной в саду цветочки, еще лучше девушки весной! — пропел. — Давай, Егор, подхватывай.

— Каспий, — начал гундеть экологический обозреватель Егор Бугров.

— Алые паруса на горизонте! — улыбнулся редактор.

— Янки кровь земную сосут, море загадили. Животные гибнут. Понятно, ведь не свое.

После тяжелого вздоха, главный редактор зевнул, прикрывая ладонью рот. Кислорода не хватает.

— Егор, ты хоть раз задумывался, откуда тебе деньги капаят? Знаю, скажешь, из кассы. От тети Шуры. Так вот, к сведению всех — в кассу редакции деньги отчисляются от нефтедолларов.

— Внуков обворовываем.

— Достал ты меня, Егор. Конкретно достал! Отметь себе: в номер — «Парад национальных парков». Это — раз. И два — завтра сюда, — постучал по столешнице, — творческий план на полугодие. И больше ярких красок, весна, журавли в небе!

Перевел взгляд на Ольгу Развеевскую.

— Что у нас со спортом, Оля? Рекорды мне давай, рекорды!

— Барсы опять продули.

— Кому?

— Финнам.

— Финнам не стыдно. С каким счетом?

— С рекордным — пять-один.

— Сквитали, выходит, одну шайбу. Молодцы! Кто забил?

— Жубанов.

— Ай, молодец, Серик. Вот о нем и пиши... Молодой, перспективный! Барс готовится к прыжку! В этом духе. Искусство. Где Варшавская? Нет ее? Ну, бабушка не подведет. Искусство у Людмилы Ивановны всегда на высоте!

Дошли до экономики.

— Все подорожало, буквально все, — начал эмоционально экономический обозреватель Жора Скаун. — Когда отпустили национальную валюту в свободное плавание, выяснилось — плавать-то она не умеет. Но и не тонет, болтается как нечто в проруби.

— На что намекаешь, морда антипартийная! — деланно рассердился редактор. — Радуйся — поздно родился, в тридцать седьмом бы на лесоповале мошку кормил. Где наш оптимизатор?

Нажал на кнопку. Зашла, дефилируя, секретарша в мини юбке. Переделась, до обеда джинсы с драными коленями демонстрировала. Выразительно посмотрела на Тамару.

— Люба, изобрази буффонаду. Сплошная у моих корреспондентов маниакальная депрессия.

Выпускница эстрадно-циркового колледжа в этом же кабинете уже не раз изображала экстравагантные па, индивидуально для главного редактора. Вдохновляла.

Клоунесса подтянула мини, и, красиво выкаблучиваясь, пропела несколько куплетов, с припевом: «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!»

Талант!

— В таком ключе и пишите, — завершил планерку Семен. — Если и впредь собираетесь получать деньги у тети Шуры, а не в агентстве по безработице.

Глава 11.
НОЧЬ В ДУРДОМЕ

Палата со «всеми удобствами» (туалет, душ), и со счастливым номером 16, располагалась на втором этаже серого здания, и среди obsługi именовалась люксом. В убранстве чувствовалась функциональность — узкая кровать, маленький столик, два стула, в углу на тумбочке телевизор. Широкое пластиковое окно зарешечено снаружи декоративной решеткой. Светильник приторочен к потолку. Если пациент решит свести счеты с жизнью, решительно не за что привязать веревку или что-то подходящее в этом роде.

Пожилая, опрятная медсестра принесла обед: суп с фрикадельками, котлету со сложным гарниром (картофельное пюре, рис), компот.

— Что закажете на завтра? — спросила ласково. — У вас палата для тяжелобольных, питание по заказу.

— Что принесете, то и ладно, — посмотрела Алла Кисловодская ничего не выражающими глазами на медсестру.

— Уж постараясь, — пообещала опрятная женщина, бывшая любовница главврача на индекс Бр, перешедшая с годами в разряд Б (не красила седину) и списанная с «совместительства» по возрасту.

Вечером зашел сам главврач. Не формальность посещения подчеркивало одеяние. Не белый халат, а легкая спортивная куртка поверх кремовой рубашки с расстегнутым воротом, приятного салатного цвета брюки, белые кроссовки. Одежда молодила Юровского, даже его обширная лысина, отороченная короткой стрижкой, не бросалась в глаза.

— Ну-с, как отдыхаем, голубушка? — мягко спросил.

Алла Кисловодская, обозревая до прихода главврача закатное солнце через декоративную решетку, пожала плечами, что можно было расшифровать двояко: «так себе», или «сама не знаю».

— А я вам подарочки, — выставил Юровский нарядный сверток, обвязанный крест на крест розовой лентой.

— Спасибо, — поблагодарила пациентка, не высказывая в голосе интереса.

— Примерьте, иначе не получу удовольствие.

Алла без интереса распаковала сверток — халат махровый, две упаковки с трусиками.

— Из «Променада», Италия, оригинал!

— Это намек? — кивнула Алла на трусики.

— Как вам угодно...

— Нам угодно, — задумалась Алла, достала из сумочки блокнот, и на чистом листе написала: 10000 S.

Цифра, конечно, несуразная, но всего-то ополовинит затребованный, не менее несуразный, гонорар за справку из психушки.

Юровский посмотрел на Аллу оценивающе — стоит ли того и не шутит ли, Нет, не шутит. Дважды согласно кивнул, прикрыв глаза. Лысина его при этом отразила на Аллу веселые «зайчики» от лучей заходящего солнца.

— Анекдот сегодня рассказали, — заходя широко улыбнулся Юровский, — Абрам упрекает жену в неверности.

— А Сара в ответ упрекнула мужа в том же, а тот и говорит: «Э-э-э, то мы, а то нас», — перебила Алла.

— Тест на наличие юмора. Спокойной ночи, — поклонился главврач.

Алла промолчала.

Сумерки сгустились, надвигалась ночь. Не спалось. Включила телевизор — НТВ, Россия, Первый канал, пустяки, пустяки. На REN TV— какая-то серия «Мастера и Маргариты». Стала смотреть. Примерила роль Маргариты. Сыграла бы не хуже. Сон не шел. «Повезло Маргарите, — завидовала, — встретила талантливого человека. Да и первый муж — порядочным был, не то, что ее бывшие...»

Выпила сразу обе пилюли, оставленные медсестрой на случай бессонницы.

Небо заволакивали тяжелые, клубящиеся тучи, предвещая скорую грозу. Враз потемнело. Задремавшая было Алла, вздрогнула от яркой вспышки молнии. На стене на мгновение появилась и исчезла причудливая тень от декоративной оконной решетки. Стала считать в дреме: 21,22,23,24. Каждая цифра — секунда, за которую звук преодолевает 330 метров. Раздался грохот! Триста тридцать помножить на четыре, получается где-то больше километра. Учитель физики Валерий Федотович объяснял, как определить расстояние до места, где столкнулись две грозовые тучи с противоположными зарядами.

Застучали в окно крупные капли дождя, как бы просясь переночевать. Вспомнилось детство, приморская застава на Дальнем востоке, где служил отец. Частые дожди. Снова сверкнуло, но грома Алла уже не слышала. Дрема отключила слух, а потом и сознание...

Сон... В дверь деликатно постучали:

— Тук-тук-тук.

— Да, — прошептала Алла.

Вошел Коровьев, из фильма, что не досмотрела. Клетчатый пиджак на нем, кепка с задранном козырьком. В руках неаполитанская мандолина, из эпохи Ренессанса. Коровьев легонько теребит Аллу за плечо.

— Мадемуазель, спать в грозовую ночь, да в палате, в которой отравили рецидивиста? Расточительство!

Сел на край кровати, забросил ногу за ногу, запел, аккомпанируя на старинном инструменте.

Грек из Одессы, еврей из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал,
Каждый искал в ней любви и забавы,
И на груди у нее засыпал.

Дальше импровизация: «Где ж вы теперь, в какой новой обители, ищите вы одеяла свои?» И рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Не идеалы, а одеяла. Хотите встречи с брошенными идеалами, ищущими одеяла? — скаламбурил.

— Да, — прошептала испуганная мадемуазель.

— Айн, цвай, драй! — хлопал в ладоши Коровьев.

Как в кино, из ниоткуда, появился первый муж — ворюга, через секунду второй муж — бард, следом третий — альфонс и четвертый — гражданский. Голые мужики, чуть сутулясь, закрывали срам ладонями.

Коровьев скомандовал:

— Стройся!

Бывшие мужья и так стояли строем, а тут приосанились. Выглядело это комично, Алла улыбнулась во сне. Коровьев прошел вдоль строя, тыча поочередно пальцем в животы:

— Грек из Одессы.

— Я! — ответил ворюга.

— Еврей из Варшавы.

— Я, — ответил бард.

— Юный корнет.

— Я, — ответил альфонс.

— Седой генерал.

— Я с ней рассчитался, — сказал голый Рогожин, оправдываясь. — Вот документ, заверенный нотариально, — помахал бумажкой.

Коровьев сделал сальто-мортале, и оказался в форме чекиста тридцать седьмого года — синяя гимнастерка подпоясана широким ремнем, ромбики на вороте, галифе, сапоги, фуражка со звездочкой. На боку наган в кобуре.

— Прикажете расстрелять как предателей?

— Да.

— Не жалко?

— Барда, Алешу не надо.

— Исполняю приговор!

Чекист вынул наган из кобуры, взвел курок.

— Нет, нет! — закричала Алла.

Сверкнула синяя молния, осветив бледные лица бывших мужей.

— ... двадцать один, — шепотом начала Алла отсчитывать секунды.

Грохнул гром.

— Триста тридцать метров, триста тридцать метров, — прошептала Алла. Подняла тяжелые веки. Изображение мужей рассыпалось на мелкие фрагменты. Вместо чекиста стоял санитар того же роста, но не в гимнастерке, а в синем халате.

— Проходил по коридору, кричали вы, — сказал санитар, оправдывая появление.

— Где они? — прошептала Алла.

— Кто?

— Мои мужья.

— Ушли, — серьезно ответил санитар. — А вы спите, спите, голубушка.

И вышел, тихо прикрыв дверь. Долго стоял в коридоре, прислушиваясь.

Ранним утром проснулась Алла бодрая, полная оптимизма. «Приснится же, — подумала. — Если расстреливать всех бывших мужей, население Республики на четверть сократится. Впрочем, продюсера можно бы и расстрелять. Федора ни в коем случае, потрясти еще надо».

Сел воробей на решетку окна. Нахохлился, отряхнул перья, наклонив головку, заглянул в палату.

— Чик-чирик!

— Чик-чик! — ответила пациентка без всякой интонации. Думала о прошлом.

Воробей смешно покрутил головой, стал с любопытством рассматривать пациентку. Ему никто еще из палаты не отвечал на птичьим языке. Шибко больная, подумал, как бы не схватила.

— Чик-чирик, — пожалел больную и улетел.

Дежурный санитар доложил утром главврачу, что пациентка палаты №16 кричала ночью, спрашивала, куда мужья ее подевались.

Юровский аккуратно записал показания санитара в историю болезни Кисловодской. Бредовое состояние! Пусть теперь усомнятся в подлинности выданной справки. Персонал подтвердит! А Кисловодская — артистка, и учить не надо.

Днем позже Юровский внес Аллу в книжицу под номером

126, с индексом «Б». На первой странице книжицы рисованный портретик Казановы на желтом фоне, вырезанный из журнала «Хочу все знать». Юровский горделиво взглянул на соперника. Косой луч упал на изображение, оживил его. Казанова снисходительно улыбнулся: «О времена, о нравы! Сегодня бы пол вашего большего города V оприходовал».

Юровский скис, ему такое не под силу. Возраст.

Глава 12.

СОВЕЩАНИЕ НА ОЛИМПЕ

29 мая. Знойный полдень. К югу от поселка Раздольное под выгоревшим небом вершины гор сверкают кристаллическим блеском. Весна по-хозяйски распоряжалась в саду Юсупа. Отцвели яблони. Трудолюбивые пчелы переключились на малину, которая только начала цвести. Небольшие бабочки порхают над цветущим миксбордером, мерцая в воздухе голубенькими огоньками.

Юсуп Мустафаевич показывает усадьбу ландшафтному дизайнеру Казимиру Измаилову. Ждет похвал. Познакомились они только что. Про талантливого дизайнера хозяин усадьбы прочитал в газете «Экспресс» — и такой он, и сякой, и кому попало участки не озеленяет. А только эстетам, способным оценить его талант. Пригласил.

С дизайнером приехала агрономша Алена Спицына, кандидат биологических наук, латынь, что касается цветочков, знает наизусть, чем огорошивает заказчиков. Те, стыдясь своей «серости», не скупятся.

Обошли участок, сели возле пруда на декоративную скамью в стиле барокко с кованными, причудливо загнутыми подлокотниками.

— Юсуп Мустафаевич, — начал Измаилов.

— Просто — Юст, — поправил хозяин. — Так меня в Испании звали.

— Юст, я так понимаю, вы пригласили нас похвастать участком. И есть чем — все у вас прекрасно, насыщенно зеленью. Верно, зона с фруктовыми деревьями несколько великовата. Вполне хватило бы двух-трех яблонь разных сортов, пару-тройку косточковых — слива, абрикос, черешня, ну и по рядку малины и смородины.

— Решительно, Казик, с вами не согласна, — вступила в разговор Алена Спицына. — Я подсчитала, на участке 18 *Picea Dietr*, сказать проще елей, и не одного *Abies Mill*. Представляете, Юст, — улыбнулась агрономша, подражая киноактрисе Хэлли Бери, — под Новый год *Abies Mill*, посаженную у крыльца

коттеджа, и украшать не надо всякой мишурой. Шишки такие, — покрутила манерно пальчиками, изобразив нечто изящное. — Крупные, фиолетовые.

— Совершенно с вами согласен, — не понимая о чем речь, закивал Юст, как его породистый жеребец по кличке Сократ, когда его чешут за ухом. — Парочку абисов хорошо бы.

— Триста баксов за погонный метр, — нейтрально произнес Измайлов.

Хозяин занес было руку за голову почесать затылок, но, поймав на себе саркастический взгляд агрономши, передумал.

— Нормально, — согласился. — Цена реальная.

— Это стоимость посадочного материала, уточнил дизайнер. — И тридцать процентов от стоимости деревьев за посадку. С гарантией приживаемости.

Юст погрузился, но согласно кивнул.

— Пруд, — выставила руки Алена Спицына, словно собираясь поймать летящий мяч, — согласитесь, немного оголен. Водных растений не хватает. Можно посоветовать *Bergenia Moench*, проще сказать бадан, посадить его ближе к водопаду. Цветет красиво. Листья зимующие. Заиграет водоем!

Юст неохотно кивнул. Измайлов тут же выдал цифру:

— Пятьдесят баксов за большую куртину.

— Возле мостика хорошо бы высадить *Polygomatum Adans* — прекрасно цветет все лето.

Для интриги агрономша не стала расшифровывать, что это такое. Выдержав театральную паузу, с загадочной улыбкой Джоконды, посмотрела на заказчика. Тому ничего не оставалось, как согласно кивнуть. Вот что значит сила настоящего искусства.

Деньги у хозяина были. Копейничал, как большинство людей, разбогатевших к старости.

Появился Эдуард, в спортивных трусах с рекламой автомобилей BMW и с махровым полотенцем на плече. Мускулистое тело внука великого комбинатора после долгой лежки требовало движений. Бросил полотенце на большой валун, после короткого разбега, красиво пролетев по дуге, плюхнулся в пруд. Поплыл, энергично выбрасывая руки, погружая голову в воду в такт движения. Перепуганные лягушки растопырив лапы шлепались с берега в воду и скрывались в глубине водоема. Проплыв трижды от водопада до конца пруда, Эдуард подплыл к компании. Вылез на берег, помотал головой, обрызгав их. Глубоко вздохнул, набирая полную грудь душистого воздуха.

— Какие люди в Голливуде! — поднял брови, признав бывшего свояка.

Тот скрытно приложил палец к губам, как бы усы пригладил.

— Впрочем, обознался. Доброе утро!

— И вам тог же, — сдержано поздоровался дизайнер. — Ну, мы, наверное, поедем, Юст.

— А чай — засутился тот, щелкнув себя по подбородку. — Уже приказал подавать.

— За рулем. В следующий раз с шофером приеду. Тогда уж. Вы нас проводите, Юст?

— Да, конечно, конечно.

У ворот дизайнер достал калькулятор, подсчитал стоимость посадочного материала, приплюсовал стоимость посадки с гарантией приживаемости, помножил полученную сумму на коэффициент предоплаты. Получилось 4200 условных единиц.

Юст хотел было поторговаться, но, посмотрев на Алену, передумал, как бы та еще чего не добавила по латыни. Достал бумажник с изображением Американского символа — белоголового орла, отсчитал 42 зеленых купюра.

По дороге в город Алена Спицына упрекнула шефа:

— Ты что же так бессовестно?

— Газеты пусть не читает. Вредно.

Юсуп вернулся к пруду. Внук великого комбинатора, уже одетый, развлекал Софью и Жанну анекдотами. Те, держась за животы, взвизгивая хохотали.

«Годится такой фрайерок, годится. Умеет баб ублажать», — отметил Юсуп Мустафаевич, обозревая веселье. С появлением хозяина хохотушки замолчали, и, пожелав доброго утра, ушли. Посерьезнел и Эдуард. Кивнул на мобильник, оставленный Софьей.

— Звонил Арнольду Исааковичу, подтянется минут через сорок.

— О' кей! Выпьешь? — спросил Юсуп.

Лицо его ничего не выражало, все еще думал о выложенных, как бы не за что, деньгах.

Эдуард удивленно посмотрел на Юсупа. Первый раз сам предложил выпить.

— Сделаю одолжение.

— Чтобы при ученом еврее не отвлекался.

Юсуп трижды хлопнул в ладоши. Появился узбек. Тенью ходил за ним.

— Что ни будь легкое нам.

Через минуту-другую на столе появилась бутылка дорогого REMY MARTIN. Узбек взял в руки один из бокалов, прищурил левый глаз, оценивающе посмотрел на него, поднеся ко рту, дунул на хрусталь, и, тщательно протерев салфеткой, аккуратно поставил перед хозяином. Бокал гостя не стал протирать. И так сойдет шалопаю. Откупорив бутылку, разлил напиток по бокалам.

— Тост сказать? — улыбнулся Эдуард.

— Давай.

— За байбише. Где-то она сейчас перед зеркалом румянит щеки, брови выщипывает, а того не знает фазанушка, что охота на нее уже началась. С полем вас, сударь!

Тост хозяину понравился. Чокнулись, извлекая хрустальный звон из бокалов. Выпили.

— Ты как-то внимательно посмотрел на озеленителя. Знаком, что ли?

— Кто же не знает писателя Измайлова? Когда-то весь Союз смешил. В «Литературке» на шестнадцатой странице юморные рассказы публиковал.

— Вон как? Припоминаю, припоминаю. Писанину-то что бросил?

— Читатели перевелись. Телевидение, интернет. Сегодня бы сам Лев Николаевич на бирже труда очередь занимал.

— Пессимист ты, Эдуард. Надо веселее жить.

— Скорее реалист.

Мир тесен, а судьба индейка. Эдуард не стал расшифровывать, что озеленитель — его бывший свояк, тот самый «двойной центропус», а ученая агрономша — его жена, и зовут ее не Алена, а Ольга. Он им кликуху шутейную приклеил: «Лиса Алиса и кот Базилио». Любопытно, — думал Эдуард, — насколько штук кот «нагрел» Юсупа. Впрочем, у того денег хватит на всех.

Вернулся Мурат с конюшни, где в загоне обьезжал молодого жеребчика по кличке Фараон. Сына кобылы Кармен и жеребца по кличке Сократ. Мурат прихрамывал.

— Ну, как? — поинтересовался дядя ласково.

— Характером в папашу, такой же дурной, — потер ногу джигит, садясь за стол.

— Отец Мурата был наездником, о-о-о! — сказал восхищенно дядя Мурата, адресуясь Эдуарду.

Подошел узбек, кашлянул, обращая на себя внимание.

— Ну, — дернул головой Юсуп.

— Приехал, — коротко отрапортовал узбек.

— Кто? — спросил хозяин.

— Сказал — конь в пальто.

— Фамилию спросил?

— Нос большой, — сообщил узбек приметку вместо фамилии.

— Арнольд это, — кивнул Эдуард.

— Зови.

Узбек привел невысокого человека с ладной фигурой. Костюм на нем однобортный, бежевый в еле заметную полоску, ворот

белой рубашки стянут синим, однотонным галстуком, мягкая фетровая шляпа надвинута на лоб, лакированные черные туфли. Годы не отпечатались на облике детектива, а доброжелательная улыбка располагала к себе людей, как бы говоря: «Мне можно доверять». Уголовники со стажем прокалывались на этом, когда он, «добрый» следователь по особо важным делам прокуратуры, не допрашивал, а душевно беседовал с ними.

— Шалом честной компании, — чуть приподнял шляпу детектив.

Поручкались с гостем.

— Арно, — представился детектив.

— Юст.

Узбек подсуетился. На столе появилась снедь: жирная баранина большими кусками, картошка отварная, квашеная капуста. Стол — а ля деревня.

— Выпьешь? — кивнул хозяин на бутылку, обращаясь на «ты» без увертюры.

— За рулем.

Ответ хозяину понравился.

— Ну, ну. Тогда хлеб покушай.

На Востоке так принято встречать гостя: «Хлеб покушай». Остальное — приложение.

— И так, други, приступим к делу. Проблема одна — подобрать достойную пару, — Юсуп Мустафаевич отечески похлопал племянника по плечу. — Мои соображения такие — Эдуард Генрихович, — кивнул на внука великого комбинатора, — прилетает из Москвы в сопровождении личной секретарши. Изображает кинопродюсера.

— И сценариста, — встрял внук великого комбинатора, — бабуля рассказывала — дед сценарии писал.

— Помолчи. Номера люкс в дорогой гостинице «Эльдорадо» будут забронированы. Ты, Арно, — ткнул пальцем на детектива, — должен подсуетиться, слухи распространить среди жен богачей — прилетел известный продюсер, друг... Соврешь, чей. Ищет женский типаж с восточным колоритом для многосерийного фильма. Претендентка может быть не самой первой молодости, — посмотрел Юсуп на племянника. Тот заметно погрузстнел. — Но и не старая. Так лет тридцати. И ни в коем случае не профессиональная актриса.

— Профессионалы в кино — пройденный этап, — встрял внук великого комбинатора.

— Журнальчики глянцевого надо сфабриковать с портретами кинопродюсера, — ткнул Юсуп пальцем на Эдуарда, — в обнимку со знаменитостями. Сам этим займешься.

— Петру Субботину закажу, — оживился Эдуард, прикидывая, сколько тот отвалит ему комиссионных.

— Дальше наш кинопродюсер, — продолжил Юсуп, — внедряется в бомонд. Через неделю-другую, когда он уже плюхается в аквариуме среди золотых рыбок, прилетает из Москвы молодой режиссер-авангардист — Мурат Бикижан.

Юсуп обнял за плечо племянника, слабая улыбка осветила его лицо.

— Ну, как, годится?

— Класс! — просиял Мурат.

— Далее твоя работа, Арно — базар фильтровать. Собираешь сведения о потенциальных невестах, кто папа-мама, кто будущий вдовец, если кандидатка замужем. И главное — насколько невеста тянет.

— Фотографию бы, — проявил присутствие Мурат, — а то ведь...

— Все будет, сынок, — похлопал его дядя по плечу.

Перевел взгляд на детектива.

— Гонорар за работу, — десять процентов от «приданного» невесты.

— И сколько это? — проявил детектив вялый интерес, первый раз за «посиделки».

— Полагаю тысяч 100. Зеленых.

— Предварительная оплата — пятьдесят процентов, — провел языком по сухим губам Арнольд.

— Таких ставок-то не существует, — криво улыбнулся Юсуп.

— А какие существуют, просветите дурака? — спросил детектив с лукавинкой во взгляде.

— Ну, пять-шесть штук на текущие расходы, а расчет после свадьбы.

— Пять-шесть кусков на текущие расходы — само собой, а аванс, — Арнольд слегка похлопал по столешнику, — сюда и сразу.

— Э-э-э, — проблеял заказчик, хотел сказать что-то весомое, но не успел. Арнольд Исаакович поднялся, поднес по-военному руку к виску:

— Господа офицеры, спасибо за компанию, ищите другого еврея.

Ход был правильный.

— Сядь, не кипятись, — положил руку Юсуп на плечо Арнольда, — Давай так — я прикинул десять процентов от «приданного». А мог ведь предложить и пять! Что вполне приемлемо!

Помолчал. Ожидая реакцию. Молчали и подрядчики. Эдуард, тот на все согласен. Лишь бы наличные, а не отвлеченные проценты.

— Тридцать тысяч — сейчас, — выставил для наглядности Юсуп три пальца и семьдесят тысяч после свадьбы.

— Форс-мажор, — встрял было Арнольд.

— Без всякого форса и морса, знаю я ваши еврейские штучки.

Арнольд рассмеялся, заказчик ему понравился. Реальный мужик!

Глава 13. **КАЛЕЙДОСКОП**

Двоякий смысл у существительного «калейдоскоп», грека по «национальности». Это и игрушка, изобретенная английским физиком Брюстером в 1817 году, и в переносном смысле — мелькание образов и событий.

Заключим в большой «калейдоскоп» основных фигурантов романа, и ровно в 10 часов утра 30 мая 2009 года начнем его крутить. Увидим интересное мелькание.

Внук великого комбинатора лежит обнаженный на скамейке возле пруда. Жанна массирует его мускулистую спину.

— Я бы родила тебе сына, — продолжает девушка, начатый до 10 часов утра монолог. — Он бы тебя уважал.

Юсуп Мустофаевич водит пальцем по строчкам сметы расходов на женитьбу любимого племянника, диктует:

— Авиабилет от Москвы до нас — 37000.

София откладывает цифру на калькуляторе.

— Проживание в гостинице «Эльдорадо» — 60000 в сутки.

— Юст, тебе это надо?

— Все вернется. Женитьба — это бизнес!

Детектив Арнольд Исаакович в трубку:

— В Израильском посольстве, говоришь? Самое то! Два приглашения.

— Ты что, охренел? — голос из трубки.

— За деньги.

— Какие деньги? Одни ВИП персоны!

— Что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги...

Алла Кисловодская смотрит в зарешеченное окно. Семья ворон на вековом тополе в два обхвата строит гнездо.

— Кар-р-р. — приветствует ворона супруга, прилетевшего с веткой. Примерили так, примерили эдак, ветка уложена.

— Какое счастье! — шепчет Алла. — Каждой весной жизнь начинается с любви...

Кабинет на седьмом этаже. Рогожин Ф.В. омолаживает организм аутомануальным комплексом упражнений. Массаж головы. Только дошел до ушей, без стука входит секретарша.

Рогожин умоляюще:

— Я же просил вас, до девяти не заходить.

— Ваша будущая жена...

— Яду мне, яду!

Большой загон, как на американском ранчо, огорожен жердями в три ряда. Молодой жеребчик по кличке Фараон подбрасывает круп, Мурат устремляется в голубое небо, и, сгруппировавшись, приземляется. Жеребчик продолжает аллюр по кругу.

— И-хо-хо, — ржет залиvisto, как бы надсмехаясь.

— Твою мать, — стряхивает наездник опилки со штанов.

Пятый этаж «Куриной слепоты». Комната 517. Любка Жукова выглядывает в приоткрытую дверь. Коридор пуст. Выпроваживает налогового инспектора. Напутствует:

— Котик, придешь еще раз без денег, позвоню жене. Пусть она рассчитывается.

Земной шар вращается по часовой стрелке, если смотреть со стороны Северного полюса. Утром, готовя завтрак, Петр Субботин, художник широкого профиля, включает радио.

— В Москве восемь часов, — сообщает радиостанция «Маяк».
— Жизнь продолжается!

— Куда бы она на хрен делась, — ворчит Петр, вспоминая вчерашний прокол на телеканале ТВЦ-2. И тут же, вспомнив о дне рождения внука Петьки, начинает радостно приплясывать.

— Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота, чижику, собаку, Петьку забияку, обезьяну, попугая, вот — компания какая! Вот!!!

Характер легкий, приятный для семьи и друзей.

Глава 14. **САДОМАЗО**

В начале июня установилась жаркая сухая погода. Небо блеклое, как будто выцвело, редкие облака иногда лениво проплывали с Запада на Восток. Отцвела и малина на усадьбе Юсупа Мустафаевича. Трудолюбивые пчелы летают далеко

за поселок, собирая в степи нектар с цветущей верблюжьей колючки.

На второе июня Юсуп Мустафаевич наметил совещание. Расположились концессионеры в «зеленом кабинете» под раскидистой яблоней, на которой уже завязались плоды. Прямые лучи полуденного солнца, дробясь о водную поверхность пруда, спят глаза. На столе из напитков только минеральная вода. Не отвлекает, много не выпьешь.

— Ну, кладоискатели, с кого начнем? — поочередно просветил хозяин взглядом любимого племянника, детектива и задержал цепкий взгляд на внуке великого комбинатора.

— Арнольд доложит, — кивнул Эдуард на детектива.

— Отчет, — начал тот доставать из трепаного портфеля мятые бумаги.

— Засунь их, — проворчал заказчик, не уточняя куда. — Не колоти понты.

— Как угодно, хозяин. Хотел документально.

Сосредоточиваясь, детектив шевелил вхолостую губами, издавая звуки поцелуев.

— В городе валютных миллиардеров, — начал задумчиво докладчик, — шесть. Поубавилось, кризис.

Помолчал.

— Да, шесть, — уточнил, — седьмой пока под вопросом. Это нефтяные и металлургические магнаты, банкиры. Бизнес на текущий момент легальный, фамилии в журнале Forbes. Но, эти господа — не наши контингенты, на жен капиталы не переписывают.

— Разберемся, — пробурчал Юсуп.

Арнольд Исаакович бросил на заказчика ироничный взгляд: «Ой, ли...» Продолжил:

— И десятка два миллионеров, из числа чиновников высокого ранга. Бизнес строят на государственной службе. Доходы не декларируют, налоги не платят.

— И правильно делают, — перебил Юсуп Мустафаевич докладчика, одобряя скромность подпольных миллионеров. Считал казну черной дырой. Лучше на строительство мечети дать, грехи Аллах частично спишет.

— Подпольные миллионеры тусуются за городом в элитных виллах, построенных специально для кутежей. Охрана, как правило, из шоферов, obsлyга два-три человека из аульной родни.

— Во-во, — потряс головой Юсуп, — скоро у меня будут кутить. Отель вот отстрою...

— Тут я преуспел, выявил одно злачное место в урочище Акбулак. Подкупил парня из obsługi. Расходы, понятно, авансовый отчет, — опять полез детектив в портфель.

— Потом, — остановил его заказчик.

— Расслабляются, как принято у них говорить о кутежах, в компании элитных манекенщиц. Удалось записать тайнство ...

— Давай, — оживился хозяин. — Может, и мы кое-что перейдем, — пошутил.

— Женские голоса вплетаются в запись, мамзельки со второго этажа, будуары там, встречаются. Проявляют нетерпение — бизнес, вагинами торгуют.

— Что за товар? — не понял Юсуп Мустафаевич.

Внук великого комбинатора проявил знание латыни.

— Не пыльная работа, — прокомментировал заказчик. — И надо полагать — доходная.

— Интерьер первого этажа, где происходят «тайнства», предрасполагающий релаксации — на стенах картины эротического толка, камин, облицованный итальянским мрамором, бильярд, стол овальный персон на десять. До кутежа здесь нечто вроде планерки — кто кому должен, за что и сколько. Дружба на деньгах замешана.

— Включай, давай, — проявил нетерпение Юсуп Мустафаевич, — послушаем.

Арнольд Исаакович достал из трепаного портфеля диктофон размером чуть больше спичечной коробки. Включил. Прибор зашипел аспидом, и, издав астматический кашель, начал вещать:

— Аслям, к тебе от меня м...к один придет.

— У меня в управе своих хватает. Ха-ха-ха!

— Ты и сам победитель конкурса м...ков.

— Ма-альчики, ну скоро вы там?

— Участок нужен человеку. Не где попало, и не за спасибо.

— Проблема.

— Аслям, давай без ля-ля, а? Конкретно, сколько?

— Не знаешь псевдонима моего шефа?

— Говори.

— Господин полтинник.

— Был же четвертак.

— Ма-альчики, кушать хочется!

— Схватился поп за яйца, когда пасха прошла. Ха-ха-ха! Вспомнил. Когда было-то. Господин четвертак давно за бугор свалил.

— Охренел твой шеф! Пятьдесят тон капусты за подпись.

— Доктор наук. За звание берет. И сюда — тук, тук, тук... (стук по столу). Сам знаешь сколько.

— Мне тогда что остается, товарищ, бывший первый секретарь?

— Ма-альчики, ну вы скоро?

Арнольд Исаакович выключил диктофон.

— Час в таком ключе, не буду утомлять.

— Кто он, упомянутый первый секретарь? — поинтересовался Юсуп Мустафаевич. — Уж не Кошкин ли Вадим? В партшколе на одном курсе учились.

— Угадали.

— То-то голос знакомый.

— Потом час злословия, — продолжил Арнольд Исаакович, — чиновников рангом выше, склоняют по всем падежам. Нарочито неуважительно. На этом деловая часть посиделок завершается.

Обслуга накрывает стол. Спускаются со второго этажа «амазонки», облеченные в кожаные корсеты. Наручники на поясах звякают, хлыстами поигрывают. Партнера, тот становится рабом, госпожа выбирает сама.

— Садомазо, — опять проявил эрудицию внук великого комбинатора. — Крутые мужики изображают покорных рабов. У богатых — свои причуды.

Юсуп Мустафаевич с уважением посмотрел на Эдуарда — интеллектуал!

— После застолья, — продолжил докладчик, — баня в цокольном этаже. Общая! После бани, на втором этаже, «комнаты пыток». После полуночи бильярд, кто в состоянии. Роли меняются — раб становится господином. Игра на интерес — против каждой лузы — покорная раба. Из туалета — туфли на шпильках, и черная широкополая шляпа. Позируют, э-э-э...

Детектив провел языком по сухим губам, как бы смакуя позы девиц. Помолчал.

— Развратник старый, — улыбнулся хозяин. — Сам, пойдя, не прочь шары покатасть.

— Кинопродюсер там, — посмотрел детектив на Эдуарда, — как козе баян.

— Попрошу без намеков, — шутейно постучал в грудь внук великого комбинатора. — Могу и обидится.

— Теперь о богатых невестах, — продолжил детектив.

Мурат чуть подался вперед, вытянул шею, как воспитанный пес, которому одевают ошейник.

— Посиделки жены миллионеров устраивают. Я и тут преуспел. Расходы, понятно, — посмотрел детектив оценивающе на заказчика. Тот смолчал.

Арнольд решил пошутить:

— Пятьдесят тысяч! — отчеканил каждое слово.

Азиатские глаза заказчика округлились.

— наших, наших, — улыбнулся детектив. — А вы подумали?

— Подумал, что у евреев юмор потоньше. Продолжай, и не шути так больше — нервы на пределе.

— Разговоры у подруг о тряпках и об отсутствующих — кто во что одет, кто мужу рога наставляет и тому подобное. Здесь бы кинопродюсером заинтересовались. Утомленные бездельем бабешки в потемках души ищут отдушину.

— Говори проще — перебил заказчик. — Утомляешь...

— Однако, доступа нашего кинопродюсера сюда нет. Девичник! Завел реестр на бабешек. Буду разрабатывать.

— Так, где же её ловить, мил человек? — вытянул руки Юсуп Мустафаевич, как бы собираясь кого-то поймать сию минуту.

Детектив из кипы бумаг отобрал нужную, надел очки.

— Возможные ловчие места, — интригуяще, как фокусник перед сложным трюком, детектив обозрел присутствующих.

— Первый пункт, — произнес торжественно, — свадьбы отпрысков высокопоставленных чиновников. Здесь гламурит, так сказать, весь бомонд города. Дорого! Поют и пляшут выписанные из-за бугра артисты. На прошлой неделе пела сама Примадонна. Звуки из нее вылетали со скоростью 30 долларов в минуту, за час выступления заплатили сто тысяч!

— Нам бы такие бабки, — прокомментировал Мурат. И выразительно посмотрел на Эдуарда: «Так ведь».

— Внедрить сюда нашего продюсера возможно. Денег, понятно, будет стоить. Пункт второй — посольские приемы. Публика весьма пестрая, чопорная. При определенной сноровке можно базар фильтровать. Кстати, познакомился с заслуженным деятелем культуры Андреем Соловьевым. Он с приема на прием кочует. Сказал, поможет. Понятно, за деньги.

И последнее место — модные курорты: Куршавель, Багамы и прочие обитаемые богачами острова. Интересующие нас особы, гуляют там как кошки сами по себе. И весьма доступны.

Эдуард улыбнулся, ему и гонорар не нужен при последнем варианте.

— Начнем, пожалуй, со свадеб, — задумчиво произнес заказчик. — Там видно будет.

— Друган мой, Петр Субботин, — прикрыв рот, зевнул Эдуард, — на свадьбах фильмы «исторические» снимает. Аппаратуру ему как-то таскал. Красотки там, — чмокнул сложенные пальцы. — На любой вкус!

— Вроде не солидно, камеры таскать, — посмотрел осудительно заказчик.

— Бабки тогда сшибали. А тут — совсем другое дело, интеллектуала изображая, проявляю интерес к восточным обычаям...

— И присматриваешь женский типаж для фильма: «А ночь темная была», — подсказал детектив, — Очередь из миллионеров выстроится.

— Сценарий, пожалуй, подходящий, — обменялся хозяин коротким взглядом с детективом. — Только не надо переигрывать. Откушаем, пожалуй.

Дипломированный повар со знанием китайского языка организовал мудреные закуски и выпивку.

Послали машину за Петром Субботиным. Приехал он с напарником — Алексеем Масловым. Тот на компьютере что угодно сфабрикует.

Выпили, закусили, разговоры не десерт.

— Ты как, Арно, на компанию-то в Акбулаке вышел? — поинтересовался Юсуп Мустафаевич, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Поди, не афишируют посиделки с амазонками.

— Чисто случайно. Козел один из финансовой полиции слежку за мной учинил. А я за ним. Пристроился вчера за его автомобилем. В один офис он заехал, в другой. Выходит, марши бравурные мурлычет. Беру на заметку... В конце дня сопроводил его до борделя.

— Он и есть один из м...ков? — улыбнулся Юсуп.

— Главный.

Хронически скучающий по деньгам Петр Субботин проявил оперативность. При следующей встрече с заказчиком, извлек из пластикового пакета десяток глянцевого журнала HELLO, с надписью на обложке: «Знаменитый журнал о знаменитых людях». Под портретом внука великого комбинатора крупно: АУ, ГДЕ ВЫ ТАЛАНТЫ? Ниже шрифтом помельче: «Известный московский кинопродюсер Эдуард Бруль в азиатской глубинке ищет будущую исполнительницу главной роли в остросюжетном фильме «А ночь темная была».

Юсуп Мустафаевич, рассмотрев обложку, стал листать журнал.

— Моя задумка! — сказал Эдуард, наблюдая за заказчиком с легкой иронией во взгляде.

— Молодец, — похвалил Юсуп Мустафаевич, — входишь в образ. Только не надо переигрывать.

— Обратите, шеф, внимание на дату выхода журнала — первое апреля! Если будут претензии издателя, что маловероятно, оправдание: апрель — никому не верь!

— Резонно, — похвалил фальсификаторов заказчик, имевший конфликты с законом.

Глава 15. АХ, ЭТА СВАДЬБА

В большом, как областной центр городе V, при развитом социализме было всего три ресторана. Вокзальный не в счет — ни кухни приличной, ни obsługi. Проходной двор.

Самый популярный из трех заведений, пожалуй, «Саввой» — трехэтажный ресторанный комплекс на проспекте Свободы (до 1953 года прошлого века — проспект Сталина). Из-за сплошных окон вместо стен на всех трех этажах, ресторан завсегдатаи прозвали «аквариум». На первом этаже — кухня, гардероб, комната милиции, туалеты, и прочие нужные службы. На втором этаже, куда с первого ведет пологая с перилами лестница, безопасная для подвыпивших — зала с множеством столиков и столов, барами, эстрадой для музыкантов. На третьем — кабинет директора, его заместителя, бухгалтерия и кафе «Темп», с длинной извилистой стойкой, за которой на высоких сидюках свободно размещаются 15-20 любителей быстрого обслуживания. Хлопнул рюмашку, закусил бутербродом и отвалил.

Два других ресторана при гостиницах. Ресторан «Встреча» на первом этаже высотной гостиницы «Колос», что по проспекту Мира (до капитализма — проспект Ленина). И ресторан «Восток» при гостинице «Центральная», что по улице Индустриальной (бывшая Калинина).

При социализме свадьбы в ресторанах не справляли. Не из-за отсутствия богатых людей, они были во все времена, но раньше богачи отличались повышенной скромностью. Попробуй выдать дочь или женить сына с ресторанной помпой, ОБХСС (отдел борьбы с хищением социалистической собственности) тут же подсчитает твой годовой заработок на примитивных счетах (калькуляторов тогда еще не было), возьмет счет из ресторана, и задаст неудобный, с точки зрения арифметики, вопрос: «Откуда деньги, гражданин хороший? За десять лет столько не заработаешь». И ведь докопается, в тюрьгу засадит.

Милое дело капитализм, ты хоть поочередно во всех трех ресторанах гуляй, никому дела нет. Ну, это так, для гротеска.

Сегодня в городе количество ресторанов, не говоря уже о более мелких питейных заведениях, как-то — кафе, шашлычные, бистро, увеличилось в разы, почти в каждом квартале. И ведь не пустуют. Однако, будущие сваты, уважающие себя и гостей, «гуляют» свадьбы непременно в ресторане «Саввой».

На пятое июня текущего года планируется здесь свадьба племянницы жены Главы железнодорожного ведомства Усмана Кадырова.

Усман Кадырович и не подозревает, распоряжаясь в ресторане, как у себя в департаменте, что в подготовке торжеств незримо участвует и внук великого комбинатора. А парни, что курят и неприлично громко смеются на площади перед рестораном, его люди. Здесь и благоухающий дорогим парфюмом Higher Dior детектив Арнольд Бабасюк, невзирая на жару, в модном костюме и при галстуке. И съемочная группа из трех персон: режиссера — Алексея Маслова, оператора — Петра Субботина и стажера Арсения. Ближе к проспекту Свободы, возле фонтана, сержант Васин рассказывает неприличные анекдоты бывшему борцу тяжеловесу Степану Кайко. Тот, из-за отсутствия чувства юмора, смеется невпопад. Зато от души — го-го-го!!!

Получив аванс и приличную сумму на текущие расходы, детектив Арнольд Исаакович занят только делами Юсупа Мустафаевича. Он даже вывеску с дверей офиса на время снял, чтобы не отвлекали ревнивые мужья и собственницы жены.

За определенную сумму администратор ресторана «Саввой» загодя информировал внука великого комбинатора в какие дни и в каком составе намечаются шикарная свадьба. Несколько гулянок Эдуард отмел, мелковатые. Заинтересовался гулянкой, где на роль свадебного генерала приглашен сам Премьер.

Свадьба без профессионального тамады все равно, что отара без чабана. У востребованного тамады свой кинооператор, свои танцоры, певцы и даже мулла. Усман Кадырович не поскупился, выписал тамаду из столицы — заслуженного артиста Республики Владимира Толмачева. Обладая заслуженный артист чувством юмора, владел тремя азиатскими языками, а также английским. На свадьбах государственного масштаба послы иностранные присутствуют, тосты, произнесенные на их языках, как дорогое вино.

Толмачев, человек далеко не первой молодости, но с живым подвижным лицом, златоуст, приехал в ресторан загодя. В кабинете администратора накрыт стол с учетом его диеты. Не впервые здесь. Выпил маэстро бокал итальянского хереса, закусил салатом из мелко нарезанной сырой моркови и капусты, приправленным оливковым маслом. И все, на вечер. Голова светлая, желудок легкий, способствует полноценному звучанию голоса. А после работы можно и навредить желудку, побаловать себя.

Штатного кинооператора при заслуженном артисте, тоже человека заслуженного (Заслуженный деятель культуры Республики), возле фонтана остановил сержант Васин. Человек по натуре добрый, строгость на лице давалась ему не без духовных усилий.

— Документик можно? — козырнул сержант.

— А пошел бы ты, мент, подальше, — огрызнулся Заслуженный деятель культуры.

Мог себе позволить подобное выражение, заступник влиятельный. Менты с большими звездочками на погонах, когда он рядом с влиятельной личностью, ему козыряют. А тут сержант какой-то...

— Вы как бы меня послали, — обрадовался Васин. — А я, между прочим, при исполнении. Пройдемте-ка, потолкуем.

Оператор дернулся, и, как на бетонную тумбу, натолкнулся на фигуру бывшего борца тяжеловеса.

— У тя, братан, со слухом проблемы? — пробасила фигура. — Сержант при исполнении.

— Вы еще пожалеете, — высокомерно изрек Заслуженный деятель, подталкиваемый сзади Степаном Кайко.

В полицейской машине с решетками на окнах, Васин предложил Заслуженному деятелю культуры вывернуть карманы. Тот не стал противиться, тянуть время, хотелось до работы подвыпить и подзакусить. Вывернул один карман джинсов, второй, повторяя:

— Вы еще за это ответите!

— Задний карман, — приказал сержант.

Задержанный нащупал там нечто лошенное. Недоуменно извлек маленький пластиковый пакетик с белым порошком.

— Зови понятых, — приказал сержант бывшему борцу тяжеловесу.

Тот с ухмылкой удалился.

— Это не мое, — побледнел оператор, поняв провокацию.

— Папы Римского, — прокомментировал сержант. — Считаю до одного, успеешь сказать: «да», твое счастье.

— Что да?

— Что вернешься в гостиницу и тихо-тихо просидишь до утра.

— А Владимиру Матвеевичу потом что скажу?

— Съел, скажешь, что-то не то.

— А съемки?

— Организуем.

Сержант достал из кармана сложенный вчетверо лист.

— Вот акт изъятия, по всей форме составлен, подпиши и не вздумай.

Что именно, сержант не стал расшифровывать, и так понятно.

Оператор подписал.

Появился Эдуард с бывшим спортсменом.

— Всё имеет денежный эквивалент, — сказал поучительно внук великого комбинатора молодым людям и по ведомости выдал гонорар: задержанному кинооператору — 300 американских долларов, сержанту — 200, бывшему борцу тяжеловесу — 100.

Васин любезно отвез Заслуженного деятеля культуры в гостиницу «Колос».

— Служба, — козырнул на прощание, как бы извиняясь. — Кино без тебя состоится. На память от меня, — протянул пакетик с белым порошком.

— Я не наркоман, — отшатнулся оператор.

— Гипс строительный, — улыбнулся Васин, высыпая белый порошок на асфальт.

Тем временем к ресторану «Саввой», подъезжали все новые и новые гости. По моделям автомобилей можно было судить о вейнях мирового автопрома. Свистя, бегали гаишники, временами перекрывая проспект Свободы.

Подъехал черный бронированный Мерседес Премьера с двумя цифрами на номерном знаке. Гаишник с погонями полковника вытянулся, браво взял под козырек. Сопровождающий премьера «качек» услужливо открыл дверцу автомобиля. Появились лакированные туфли Lanvin за 610 евро, за ними брюки от кутюрье, следом сам VIP персона. Вусах, с удивительно подвижными глазами и застывшей снисходительной улыбкой на лице. Следом выпорхнуло юное создание — широко раскрытые карие глаза, нос с небольшой горбинкой, пухлые чувственные губы. Черные, распущенные по плечам волосы, контрастируют с молочно-белой кожей лица. Создание берет под руку Премьера, увещевает:

— Только ради бога недолго. Я не вынесу. И не обжирайся, как в прошлый раз.

Распорядитель торжеств, уже в годах, сопровождая именитую пару, семенит сбоку, кривит голову и что-то лепечет про погоду.

Аульная родня невесты, приехавшая в город еще утром, кучкуется особняком в сторонке от входа в ресторан. Мужчины в добротных двубортных пиджаках, модных в прошлом веке, кепках из кожаменителя, ичигах с калошами. Курят, сплевывая на асфальт. Женщины в расшитых камзолах поверх бордовых и зеленых бархатных платьев, цветастых платках, тупоносых туфлях на платформе. Сельчане с благоговением обзревают подъезжающих гостей. «Живут же люди, — думают без тени зависти, — не то, что мы, в навозе копаемся». Им и в голову не приходит, что вся эта роскошь от «навоза».

Гостей лично рассаживает Усман Кадырович. На почетном месте, за раскидистым фикусом, стол самого Премьера. Пространство перед столом свободное, вдруг молодая подруга Премьера, бывшая прима-балерина, захочет станцевать. Дальше персональные столы служителей Фемиды, министров,

начальников департаментов и прочих высоких гостей из столицы. Ближе к выходу аульная родня (куда денешься, обычай предков), по пять, а то и по шесть человек за столом. Подается им простая закуска без вредного холестерина и консервантов. Официант с высшим гуманитарным образованием обращается к «деревенщине» с подначкой, изысканно вежливо: «Господа, что прикажите-с, что изволите-с», демонстрируя тем самым свое превосходство над простолюдинами.

Круглый стол молодых (без углов, символ согласия в семье) на помосте посреди зала, видно виновников торжества с любой точки. Молодые были таковыми только по статусу. Невесте Назым — двадцать восемь, на ее лице нет чувственности, присущей моменту, а только грусть одиночества маленькой девочки. Жениху Федору — сорок три. Человек прагматичный, он в уме подсчитывал ущерб, нанесенный ему дурацкой свадьбой.

Первому, как и полагается, тамада предоставил слово свадебному генералу.

— Совет да любовь молодым! — поднял бокал Премьер. — Давайте выпьем за новую ячейку общества.

Выпили гости, застучали ножами-вилками, налегая на холодные закуски.

— А теперь, — продолжил Премьер, слегка пригубив напиток, — скажу пару слов кое-кому в назидание.

Обведя взглядом ближние столы, продолжил:

— Вот, главный душегуб, — ткнул перстом на соседний стол. Министр здравоохранения поперхнулся. — Отсутствием аппетита, вижу, не страдает, — улыбнулся Премьер в усы, — в то время как продолжительность жизни в Республике, — выпучил глаза, — сокращается. Смешно сказать, до суверенитета люди у нас дольше жили. Спрашивается, за что боролись?

— Так ведь из-за хронического недоедания. А это уже не моя компетенция, — как бы шутейно стал оправдываться министр. — А потом, где витамины — А, Бе, Це. Нет их, — хлопнул министр по толстой ляжке, издав звук пистолетного выстрела.

Телохранитель Премьера, скучающий возле бара, дернулся инстинктивно, запустил руку за полу пиджака, прощупывая зал профессиональным взглядом. Ощутив приятный холод пистолета, успокоился.

Досталось министру труда и социального развития — не достаточно трудится, министру энергетики — не достаточно энергичен. Еще кое-кому перепало в секторе обзора Премьера.

— Звоночек вам, господа, — предупредил. — Делайте выводы сами, пока я их не сделал.

Коснулся Премьер и мирового кризиса, который только слегка затронул экономику Республики. Его заслуга!

Речь Премьера, прерывалась овациями при упоминании Президента. Заскучавшая подруга тишком ткнула вилкой Премьера пониже спины.

— Так давайте выпьем за его здоровье, — поспешно завершил тост свадебный генерал.

Гости шумно поднялись, выпили, принялись за горячее — традиционный на азиатских свадьбах бесбармак. Премьеру на большой тарелке из дорогого фарфора подали «бас табак» — баранью голову, с высунутым языком — знак глубокого уважения к персоне. Скромный баран при жизни и не мечтал о такой почести.

Надрывалась зурна, бубен отбивал ритм. Между рядами, красиво изгибая стан, танцевали восточные красавицы с миндалевидными разрезами глаз, в полупрозрачных зеленых одеяниях. Суетился с хлопущей режиссер Маслов, выкрикивая: «Мотор, кадр двадцать первый!» Маневрируя между столами, ловко передвигался Субботин, наставляя камеру то на восточных красавец, то на разинутые рты гостей.

— Вы кто, а? — спросил оператора тамада — Заслуженный артист Республики Владимир Толмачев.

— А что, не видно? — вопросом на вопрос ответил Субботин.

— А мой где?

— Съел что-то не то.

— Платить не буду! — категорический заявил тамада.

— Вот, — сунул визитку Субботин, — дашь сказать, будем квиты.

— Мосфильм, кинопродюсер, — прочитал тамада, близоуко отставив визитку. — Ладно, после Председателя комитета лесного и охотничьего хозяйства. Готовится пусть.

«Лесной председатель» начал с Орхусской конвенции — люди должны знать об экологической обстановке в стране. Перечислил исчезающие виды флоры и фауны, и в конце увязал выступление с текущим моментом:

— Молодые! Берегите природу, мать вашу!

Предоставив время выпить, закутить, а любителям помимо тоста еще хлопнуть по рюмашке, заслуженный тамада объявил:

— Наш московский гость, член киноакадемии России, известный продюсер, Эдуард Бруль.

Внук великого комбинатора, незримо руководившей работой своей команды, решил немного расслабиться. И его понесло. Воодушевленно фантазировал в духе деда Остапа — Голливуд, Каннский фестиваль, Венеция...

— Так давайте, — завершил тост, подмигнув украдкой спутнице свадебного генерала, — без ложной скромности выпьем, как говорили в старину, за синематограф. Да, кстати, — как бы вспомнил, — ищу актрису на главную роль своего нового фильма.

Подруга Премьера подошла к Эдуарду, и, продемонстрировав рекламные зубки, представилась:

— Лайла.

Взяла под руку Эдуарда и повела к столу Премьера.

Распорядитель подал знак, дежурный официант тут же услужливо поставил дополнительный стул, организовал приборы.

— Выпьешь, да? — улыбнулся нехорошо Премьер. — Член, э-э-э, академический.

«Сам ты хрен моржовый», про себя означил Премьера внук великого комбинатора.

— Шампанское Кристалл Магnum, — ткнул Премьер на бутылку в серебряном ведерке со льдом, — девятьсот евро!

— Деньгами нельзя? — ехидно спросил Эдуард.

— Один — ноль! — рассмеялась Лайла и захлопала в ладошки.

Премьер сердито полез в карман.

— Шутка, — сожалея, прервал его порыв Эдуард.

— Мы выпьем вот это, — указала Лайла изящным пальчиком на зеленую бутылку с надписью на красочной этикетке Jeneri, — ликер, настоящий на савойских горных травах.

Официант в белых перчатках услужливо откупорил бутылку. От разлитого в хрустальные бокалы напитка повеяло утонченным ароматом туалетного освежителя «горный воздух». Не соврал винодел!

Премьер посмотрел на телохранителя, скучающего возле бара, невыразительно кивнул, прикрыв глаза.

Выпить не успели. Подошел «качок».

— Господин Бруль, извините, вас к телефону.

— Подождут.

— Невозможно, — улыбнулся «качок», и, наклонившись, прошипел на ухо:

— Быстро, сволочь.

— Видимо, из Мосфильма, — изобразил улыбку внук великого комбинатора, — покоя от них нет. Пошлю подальше.

Грянула музыка, «качек» с внуком великого комбинатора спустились на первый этаж. Открылась дверь с буквой «М», Эдуард даже не понял, как оказался в туалете.

— Слушай, как там тебя, кино, вино и домино. Куда лезешь? Мог бы утопить в унитазе, но живи. Нравишься. Сам нахал, но под юбку пассивности Премьера не заглядываю. Ничего нового.

Эдуард молчал.

— Тихонько выходишь, и мы тебя не видели.

Эдуард умыл лицо холодной водой. Предупреждение серьезное! Вышел на улицу. Стояла ночь. Задрал голову, Эдуард посмотрел на звезды и черные проемы между ними. Где-то

там и его звезда... Жара спала, по проспекту Свободы шнырял спустившийся с гор сквозняк. В кустах жимолости истошно орал не догулявший в марте кот. К Эдуарду подошла не первой молодости проститутка.

— Молодой, интересный, — сказала без особой надежды, приподымая подол платья, как бы поправляя сползший чулок, — хочешь получить удовольствие? Недорого.

— Я его уже получил, — буркнул внук великого комбинатора.

Сунул женщине мятую купюру, не поинтересовавшись ее номиналом.

— О-о-о! — простонала сексуально проститутка. — Да я тебе за такие бабки...

— Иди, отдыхай, — отмахнулся благодетель.

Закурил, пошел на соседнюю улицу, где скучал Абдулла в припаркованной машине.

Глава 16.

ТАКОЕ ВОТ КИНО

Гулянка, набравшая силу к полуночи, начала постепенно сдавать. Гости поутихли, подавляя зевоту, без аппетита тыкать вилкой то в одно, то в другое блюдо. От переедания клонил ко сну, алкоголь, развязавший языки и веселивший на первых порах, стал осыпать мозги скукой. Премьер уехал на «английский манер» — еще десяти не было. Никто не осудил — человек государственный. Здесь, кому следовало — вставил по полной программе, и нет резона расслаиваться — кризис мировой явление круглосуточное, бороться надо.

Арнольд Исаакович после выдворения Эдуарда, не стал дожидаться финала свадьбы, дал команде сигнал «отбой». Ничего интересного не предвиделось, драк на таких свадьбах не бывает. Субботин уже увековечил основные эпизоды ритуала, раздал по разумению журналы с портретом Эдуарда Бруля. И новобрачной экземпляр достался. Под нестройные крики «горько» аферисты покинула ресторан.

Эдуард дремал на заднем сидении автомобиля, свернувшись неловко калачиком. Детектив бесцеремонно растолкал его.

— Так ты здесь? — деланно удивился.

Видел, как выводили.

— Надоела мне эта гулянка, — зевнул Эдуард как бы лениво. — Скукота, не свадьба, а заседание кабинета министров ...

— Думал ты с страстью Премьера уехал, — нехорошо улыбнулся Арнольд.

— Нужна она мне, — проворчал Эдуард.

Развезли по домам Субботина и Маслова, поехали в «Куриную слепоту».

— Пузырь бы взять, — неопределенно высказался внук великого комбинатора.

— А у нас с собой было, — похлопал Бабасюк по трепанному портфелю. Не ведая того, повторил сакраментальную фразу героя сценки Михаила Жванецкого.

«Куриная слепота» спала. Слабо освещенный коридор первого этажа, гулкие шаги аферистов и... Ничего необычного.

В дверях сыскного агентства клочок бумаги. Детектив, не читая, сунул записку в карман. В конторе духота, пахнет дешевым кофе и забвением. Детектив открыл форточку, извлек из трепанного портфеля бутылку коньяку, две баночки икры. Презент директора ресторана.

— Опохмелимся, однако, — потер радостно руки Эдуард. Он уже вполне отошел от ресторанного стресса. Характер легкий, пластичный.

— Ты — да, а мы с Муратом еще и не нюхали, — стал разливать детектив коньяк по чайным чашкам разной емкости. Меньшую, пододвинул Эдуарду.

— За баб-с! — произнес торжественно.

Выпили.

— Ты что же, поручик, — закусывая икрой без хлеба, упрекнул детектив Эдуарда. — Не профессионально так...

— Не понял, — прикинулся тот, выжидая, пока коньяк несколько ублажит детектива.

— Все ты понял, жаль, не накостыляли. Мне что, возвращать полученный аванс?

Положение принимало серьезный оборот.

— Ну не ожидал я такой подлянки, Арни, культурный, вроде, человек, государственный. А на деле натуральный мавр.

— Видишь же — охрана.

— Ничего я не видел. Да и не сам же поперся к его столу, пассива его потащила. И разбирался бы с ней дома. Отелло хренов.

— Ладно, проехали. Докладывать что будем Юсупу? — посмотрел детектив на любимого племянника. Тот потянулся, расправляя плечи.

— Да говорите что угодно, мне по фигу...

Допили коньяк, подвели итог проделанной работе — журналы с портретами Бруля, кому надо вручены, жди теперь «клева» золотой рыбки. Разошлись под утро. Мурат уехал с Абдуллой в Раздольное, Эдуард поднялся на пятый этаж к Зинаиде, детектив прикорнул в офисе на диване.

Зарождалось утро. Плакал на втором этаже обмочившийся грудничок Гоша, шуршали тараканы в офисе детектива, восстановившие поголовье после трех газовых атак санитарных врачей. Все путем!

Утро шестого июня. Отцвела в степи верблюжья колючка, пчелы летали в предгорья, собирали нектар и пыльцу с кипрея. Жара еще не затопила сад. Старинный самовар с двуглавыми орлами по ободку, переживший две революции и сменивший нескольких владельцев, издавал минорную мелодию, что и сто лет назад, когда был молодым.

— Ну, ловчие, хвалитесь, — начал Юсуп Мустафаевич планерку, дуя на горячий чай в пиале из тонкого фарфора. Поднял вопрошающий взгляд на внука великого комбинатора. — Накопали что?

Эдуард кивнул на детектива:

— Докладывай, Арни.

Арнольд Исаакович, задрав голову, посмотрел на небо, как бы высматривая там что-то. Лучи солнца осветили гладь пруда. Озябшие за ночь лягушки начали перекликаться.

— Гы-ы, — издал наконец детектив нечленораздельный звук, прочищая горло. — Богатая свадьба, да-а. Сам Премьер с молодой пассией. Наш кинопродюсер чуть было не увел ее, — улыбнулся детектив уголками губ.

Заказчик недоуменно посмотрел на внука великого комбинатора. Тот огрызнулся:

— Это шутки у него такие. Не еврейские...

— Нормально все прошло, — продолжил шутник. — Кому надо — журнальчики подсунули с визитками нашего кинопродюсера. Будем теперь ждать звонков.

И тут, как по заказу, мобильник Эдуарда (подарок Зинаиды) исполнил турецкий марш Людвиг Ван Бетховена.

— Мосфильм, продюсер Бруль, — выпалил Эдуард.

— Эдик, это я, Лайла. Визитку в журнале с твоим портретом нашла.

Эдуард отставил трубку, вопросительно посмотрев на хозяйина.

— Пассия премьерская, — прошептал.

Юсуп помахал рукой, говори, дескать, говори. Эдуард добавил громкость вещания телефона, всем чтобы слышно.

— О-о-о, — подкатил глаза под лоб, — рад слышать божественный голос.

— Ты вчера так неожиданно исчез. Не успели даже выпить за знакомство.

— Карен, директор Мосфильма, сценарий по электронной почте прислал, торопит.

— Прочитал?

— Хороший сценарий.

— Давай встретимся.

— В моем кафе, — шепотом подсказал Юсуп Мустафаевич.

Эдуард назначил свидание на семь вечера. Объяснил, где встретятся.

— Пока-пока!

Отключился.

Вчерашний стресс еще бередил душу потомка янычар, которые не знают пощады ни к рядовым членам правительства, ни к премьерам. Хорошо бы этому Главе рога пристроить.

— Фу-у-у, — выдохнул, — опять пристаёт.

Телефон повторно заиграл марш.

— Покоя не дают, — деланно проворчал Эдуард, вопрошающе посмотрев на Юсупа Мустафаевича.

Хозяин кивнул.

— Мосфильм, — нарочито сухо отозвался Эдуард.

— Эдуард Генрихович, Назым это, на моей свадьбе вы вчера гуляли. Спасибо, уважили.

Голос молодой, звонкий.

— Счастья вам! — буркнул внук великого комбинатора. Знала бы, как его уважили...

— В школьном драмкружке прямой была, — затараторила молодая, не удосужившись поблагодарить за поздравление. — Руководила кружком Эльвира Петровна, настоящая актриса, бывшая москвичка. Вся ее жизнь — сплошная драма. Первый муж бросил, ну, это у актеров как «здрасте», сами знаете. Второго в Варзобском ущелье на Памире тигр задрал. Третий муж, вы должны его знать, из Мосфильма...

— Чем могу служить? — нетерпеливо встрял Эдуард в монолог любительницы театра.

— Играла Ольгу в «Трех сестрах», — проигнорировала вопрос Назым. — До сих пор роль помню: «Сегодня тепло, — начала с пафосом, — можно окна держать настежь, а березы еще не распустились. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы...»

— Боже мой! — воскликнул Эдуард.

— Я вас утомила?

— Дальше по тексту у Антона Павловича так: «Боже мой!»

Назым звонко рассмеялась.

— Браво, браво!

И продолжила:

— Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе...»

— Прекрасная дикция! Можно не продолжать. Однако, чем могу служить счастливой новобрачной?

Назым опять проигнорировала вопрос.

— Прочила мне Эльвира Петровна большое сценическое будущее. Но, не сложилось — патриархальная мусульманская семья, уходящая корнями чуть ли не к Чингисхану, раннее замужество...

— Позвольте, ведь только вчера, кажется...

— Так это «дубль», как у вас киношников говорят. И опять, похоже, неудачный. Никакой романтики, — тяжело вздохнула молодая, — наверное, разведусь.

— Уже! Что-то скоро даже для кризисного периода, — съязвил Эдуард.

— Хотелось бы у вас сыграть...

Заказчик помотал головой, закругляясь, дескать. Переговорим, потом перезвонишь. Эдуард не понял шефа.

— Извините, Назым, замужних женщин не берем. По сценарию такие откровенные сценки. Эротика на грани фола. Нам не нужны проблемы с потомками Чингисхана.

— Он, скорее, потомок гоголевского Плюшкина. После свадьбы приставать начал...

— Обязан приставать.

— Приставал то по другому поводу, интересовался, сколько у меня на счету. Развожусь однозначно, так что «но проблем», могу сниматься.

— И сколько? — оживился Эдуард, начавший было терять интерес к разговору. — В том смысле, что ответили...

— Сказала: не в деньгах счастье.

— Выражаетесь как-то абстрактно.

Эдуард посмотрел на заказчика.

— Скажи, перезвонишь, — шепнул тот.

— Назым, у меня Голливуд на другом телефоне, через полчаса бракну.

Отключился. Посмотрел весело на Мурата:

— Темперамент чувствуется в голосе. Вибрирует! Не совсем первой молодости девушка, но романтическая.

— Вот и женись, — буркнул любимый племянник.

— Вам бы все романтика, пустомели, — прервал перепалку Юсуп Мустафаевич. — Были бы бабки. А они, похоже, есть. Ты как мыслишь, Арно?

Детектив облизал губы, почмокал, целуя пространство, подергал головой, как бы освобождаясь от тесного ворота рубашки. После пантомим открыл рот.

— Полагаю, намекнуть надо — кризис, Мосфильму нужна инвестиция — это раз, и два — свести претендентку непосредственно с режиссером, — кивнул на Мурата.

— Верно толкуешь, — одобрил заказчик. — Сводником Эдуард выступит. Болтать мастак. Ты же, Арно, загляни в закрома молодоженов. Звони, — кивнул Эдуарду.

— И что сказать?

— Встречу назначай на завтра. Здесь.

Эдуард набрал номер, сохранившийся на определителе телефона.

— Назым, извините, прервали нас.

— Да, да.

— Опять в Голливуд зовут. Надоели! Давайте завтра встретимся на ранчо режиссера Мурата Бикижана. Остановился у него. За вами машину пришлют.

— У меня своя.

— Село Раздольное знаете?

— Конечно, по Шульбинскому тракту.

— Управляющему имением сейчас трубку передам, объяснит, где встретимся. Юсу-уп.

— Ханум, — пропел хозяин в трубку. — Рад служить.

— Здравствуйте, Юсуп.

— При въезде в село, слева заправка. Перед ней будет стоять черный Рэнд Ровер, номер 821. Вам когда удобно?

— Ну, где-то в одиннадцать, может чуть позднее.

— О'кей, давайте в двенадцать, отобедаете. Возникнут проблемы какие, номер продюсера знаете. Ждем, ханум, ждем!

Юсуп Мустафаевич молча отстукивал дробь по столешнику кончиками пальцев, выводя ритмы краковяка. Обдумывал ситуацию. И так минут пять.

— Вот что, — закончил танец пальцев. — Ты, Арно, ноги в руки, и в город. К вечеру — полная информация о девушке. Мурат следом — обуяся, оденься. Ходишь как шарамыга.

— Не надо, — зевнул не выспавшийся Эдуард. — Киношники сейчас в чем попало. Нарочито небрежно.

Пять минут восьмого вечера. Утомленное от суеты большого, как областной центр, города V, Солнце закатилось за пустующий высотный дом за номером 126 по улице имени композитора Фредерика Шопена. Кризис «забаррикадировал» двери пустующих квартир, хотя они и крепко сдали в цене. Духота с больших улиц, настоящая на выхлопных газах паленого бензина заползала в переулки, дворы, скверы, и на летние площадки, торгующие прохладительными напитками.

— Однако, — посмотрел Эдуард на Мурата, — опаздывает твоя миллионерша.

Ожил телефон, заиграл торжественный марш.

— Мосфильм.

— Ку-ку, ты где?

Эдуард покрутил головой, ища «ку-ку». Увидел — совсем рядом, спиной к нему стоит. Залюбовался. Легкомысленное одеяние, нечто вроде сорочки, слегка прикрывает наготу, открывая широкий обзор натуры. Шелковистые черные волосы, струясь водопадом, спадают на плечи. Открытые туфли, на высоких шпильках, подчеркивают стройность крепких ног, какие бывают у альпинисток и балерин. Все при ней, у Премьера губа не дура. «Мне бы такую складную, и довеска в виде миллионов не надо», — подумал Бруль.

— Стой, где стоишь, подойду.

— О-о-о! Афродита из морской пены! — модулировал голос фотохудожник, раздевая девушку глазами. Снял легкомысленную сорочку. Лифчика на ней не оказалось. Упругие, полноватые груди, как у Евы на картине немецкого живописца Альбрехта Дюрера, смотрели чуть в стороны розовыми сосками. Равнобедренный треугольник из лоскутка телесного цвета лишь слегка закрывал выпуклость ниже живота.

Поцеловались, как старые знакомые. Инициативу проявил внук великого комбинатора, но и Лайла не отстранилась, вытянула губки.

Эдуард повел деву «чудной красоты» к столу, болтая восторженно:

— Знаешь, Лайла, в тот вечер, когда меня срочно вызвали звонком, весь вечер думал о тебе. Стихами, поэзия нашла.

Подшли к столу.

— Мурат Бикижан, — торжественно представил Эдуард потенциального жениха, — режиссер-авангардист киностудии «Двадцать первый век», Заслуженный деятель культуры. Будет снимать тридцати двух серийный фильм «А ночь темная была». Ищет обаяшку на главную женскую роль.

— Намек?

— Ты, Лайла, достойна лучших киностудий — Голливуд, Чинечитта, Шеппертон! Но начать можно и у Мурата.

— Увы, не актриса.

— В киноиндустрии сегодня веяния — на главные роли приглашают не профессиональных актеров. Они в плену прошлых ролей, штампуют стереотипы. Дилетанты лучше воссоздают образы. Взять, к примеру, моего приятеля Андриюшу Соколова.

— Тебе не кажется, что он уже начал штамповать дамских угодников?

— Есть немного... Говорю ему: «Андрюша, изобрази...» — скривил лицо Эдуард, вытаращив глаза.

— Изобразил?

— Старается.

И после тяжелого вздоха Эдуард плавно свернул на финансовую стезю:

— Проблема у киношников сегодня. Мировой кризис, ищем вот спонсора.

— Сколько надо? — без обиняков спросила Лайла, словно собираясь без проволочек выписать чек.

Деловитость не соответствовала облику девы «чудной красоты». Такая практичность насторожила бы самого великого комбинатора, не увлекался он умницами, любил большей частью домохозяек.

— На первом этапе сущий пустяк, — с энтузиазмом продолжал врать внук великого комбинатора, — миллионов пять-шесть. Фильм потом себя окупит. Вернем. Вон, актриса Хэлли Берри за съемки в психологической драме «Франк энд Алиса» двенадцать миллионов запросила. А тут пустячок.

— Спонсорские деньги не возвращаются, не банковский кредит, — возразила Лайла с улыбкой.

— Мы — небожители, слабо в экономике разбираемся.

— Почему небожители?

— Ну, творческие люди.

— Я думала они находят образы на грешной земле.

— Конечно, но сверху лучше видно, — сделал оппонент попытку отшутиться.

— Не взлетай только очень высоко. Крылья спалишь.

Шибко умная, посетовал Эдуард не то на Лайлу, не то на свою оплошность — взял не ту тональность. Для него красивые девушки столь же легкомысленны, как и глупы. Ему нравились простушки, троешницы по тригонометрии. Чувствовал превосходство.

Подошел к столу приглашенный Петр Субботин. Изобразил улыбку:

— Общий привет!

— Оператор будущего сериала, — представил его Эдуард.

Лайла кивнула.

— Героиня сериала, — продолжил Эдуард, — танцовщица кабаре. Пробные съемки... Не возражаешь?

Лайла неуверенно пожала красивыми плечами.

С летней площадки убрали столы, кресла. Уборщица протерла пол. Включили музыку. Петр, бывший танцор армейского

ансамбля, с годами погрузневший, подпрыгивая и комично дрыгая ногами, показывал какие па надо исполнять. Эдуард еле сдерживал смех.

Лайла танцевала босая, словно парила, исполняя пируэты и прочие балетные пасс-де-дью, не чувствуя земной гравитации. Завершила выступление эффектным гимнастическим шпагатом.

Мурат, успевший сходить в буфет, восторженно зааплодировал:

— Bravo! Bravo! Подходите по всем статьям. Беру.

Официант принес сухое вино, фрукты. Эдуарда несло, в его голосе появились нотки самоуверенности:

— Атлантика. Кораблекрушение, необитаемый остров. Спасаются только трое — два брата и юная дева, — указал на Лайлу. — Остальных скушали акулы. Девушка отдает предпочтение младшему. Через неделю, чудом спасшиеся стали завидовать скушанным — кроме песка, на острове ничего нет.

Лайла слушала Эдуарда, не проявляя эмоций. На ее лице трудно было что либо прочесть.

— Извините, джентльмены, — обратилась она к Петру и Мурату, воспользовалась драматической паузой сценариста, — мне надо поговорить с продюсером конфиденциально.

Мурат обиделся, не выплескивая чувств. Петр был только рад. Торопился как всегда.

— Что дальше по сценарию? — улыбнулась Лайла, проводив взглядом Мурата и Петра. — Каин из-за зависти убивает Авеля?

— Не красота страшная сила. Страшная сила — ум красивой женщины, — выдал мудреный комплимент внук великого комбинатора.

— Эдуард, можно откровенно?

— Только за...

— Иногда, купаясь во лжи и лести в окружении мужа, так хочется правды.

— Откровенность — мое кредо!

— Первое впечатление о вас, — перешла на «вы» Лайла, — умный, волевой мужчина. Не говорю о красоте, это не главное.

— Может, выпьем? — перебил нерешительно Эдуард, стараясь переменить тему.

— Может. Потом. А может, и нет. Зачем вы все время врете?

Вопрос застал внука великого комбинатора врасплох.

— Что вру?

Взгляды их на секунду скрестились.

— Все.

— Лайла, — выдавил из себя кривую улыбку Эдуард. Понял — прокололся основательно. — Очень сожалею, но вы не подой-

дете на роль. Не сможете изобразить легкомысленную красавицу. Красавицу — да, по всем параметрам. А легкомысленную, — пожал «продюсер» выразительно плечами, и помотал головой, — увы.

— Глупышку, которую можно облапошить на шесть миллионов, — как бы досказала Лайла.

Выложила из сумочки тысячную купюру.

— За угощение.

Эдуард смолчал.

На улице Фредерика Шопена Лайла проголосовав, села в автомобиль «левака». Когда он вырулил на проезжую часть улицы, за старыми «Жигулями» пристроилась иномарка, припаркованная поодаль под знаком «стоянка запрещена». Премьер, как и полагается государственному человеку, был рачительным хозяином.

Эдуард долго смотрел на поток машин — куда это они все...

Подозвал официанта, попросил большую кружку пива. Сидел, не притрагиваясь к напитку. Подошел Мурата.

— Где? — кивнул любимый племянник на пустое место за столом.

Тут Эдуарда разобрал смех. Он долго смялся, хватаясь за живот, сгибаясь и разгибаясь. Мурат недоуменно, и даже с опаской наблюдал за ненормальным.

Мысли Эдуарда постепенно стали послушны рулю. Только и сказал:

— Не наша она клиентка.

Утром седьмого июня кладоискатели на чужих счетах собрались в саду за гостеприимным столом под раскидистой яблоней. Бормотал старый самовар, Юсуп Мустафаевич молча слушал внука великого комбинатора, о встрече с Лайлай. Эдуард ожидал нареканий. Они не последовали.

— Не пара она Мурату, — заключил заказчик. — Ему бы партию попроще, семью создавать. А не умничать...

— Например, доярку Дуню из фермы твоей жены, — пошутил Бабасюк. — И искать не надо.

— Давай, искатель, хвались.

— Рогожин Федр Васильевич, — начал детектив монотонно, — член партии...

— Ближе к телу, как сказал один француз, — перебил заказчик.

— Член правящей либеральной партии. Аккуратист. Финики не раз брали в разработку, выкручивался.

— Какие финики? — не понял сленга Юсуп Мустафаевич.

— Финансовая полиция. Бывшая гражданская жена его, кстати, вот — записка от нее...

Порывшись в трепанном портфеле, извлек бумажку.

— Свидание назначила.

— Любовница что ли?

В интонации, каким было произнесено слово «любовница» сквозило удивление.

— Да нет, вчера в дверях офиса бумажку эту обнаружил, назначила встречу.

— Так, так, продолжай, интересно становится.

— Встретился. Только что из психушки выписалась.

Детектив по привычке подергал головой.

— Не томи.

— Так-то она нормальная, справка понадобилась. Собиралась отсудить у бывшего мужа часть имущества. Передумала, судью тот подкупит. Решила нанять меня.

— Ты что — авторитет какой, разборки устраивать?

— Должен собрать компромат на Рогожина.

— Понятно, — улыбнулся заказчик. — Конкурирующая фирма.

— Что-то в этом роде. Беспокоится женщина — бывший муж может переписать недвижимость на теперешнюю жену.

— У самой-то кроме справки есть что?

— Предположительно — да.

— Надо подтвердить.

— Занимаются мой человек из банка. Кстати, деньги на текущие расходы на исходе.

— Мустафаевич, отметить бы надо, — подал голос Эдуард.

— Вон, — кивнул Юсуп на замолчавший самовар. — Наливай.

— Чай не водка, много не выпьешь.

Узбек принес водку, разлил в толстостенные стаканы.

Хозяин поднял блюдо с чаем.

— Прозит!

Молодежь, к которой Юсуп причислял и пенсионера Арнольда, выпили за успех дела водочку.

— Дипломатичнее надо с бабами, — посмотрел детектив на Эдуарда. Подцепил вилкой ветчину, задвигал челюстями. — Премьерша вон с крючка сорвалась...

Эдуард, открывшей было рот, чтобы зевнуть, возмутился:

— Давай не будем, а, — поморщился. — Не хватало еще с премьерами бодаться.

— Да я, Эдик, совсем про другое, — как бы стал оправдываться детектив. — Оторвать надо клиентку от земли. Браки хорошо заключать на небесах. На курортах, например.

— А разводы в загсах, — дополнил многоопытный в семейных делах Эдуард.

— Кстати, — посмотрел детектив на Мурата, — оформить законное супружество можно и за границей. Спускаются, к примеру, новобрачные с небес по трапу самолета, отдохнувшие, загорелые. С документом! У гражданина Рогожина Федора Васильевича, члена правящей партии, претензия. Про недвижимость, что переписал на будущую жену, талдычит. А мы ему: «Ты кто такой, а? Парашу захотел нюхать?».

— Ну, это уж совсем, — заступился Юсуп за отвергнутого мужа. Сам когда-то пострадал от наезда. — Аллаха побойся, человека в тюрьгу за его же добро.

— Бывшее его...

Встречать потенциальную невесту Юсуп приставил к племяннику «дядьку» — внука великого комбинатора.

— Лишка не болтай, — наказал. — Она и так всеми лапками в меду.

«Кладоискатели» подъехали к заправке. А вот, похоже, и она! Женщина, на вид лет двадцати пяти, стояла возле серебристого Фольксвагена последней модели. Сама модель — невысокая, темноволосая, осиная талия, широкие бедра. Миндалевидные, черно-подведенные глаза, греческий носик с горбинкой, полные, красиво очерченные, губы, придавали смуглому лицу индивидуальность. В наряде продуманно все до мелочей — светлый брючный костюм из тонкой шерсти, выгодно отображает фигуру, белая шелковая блуза чуть приоткрывает груди, интригуяюще увлекая вглубь мысленный взор, воздушный шарфик из органзы визуально удлиняет шею, туфли на шпильках отображают стройность ног. Фотохудожник по обыкновению, без надобности, раздел гостью глазами. Все при ней! Разве что в стандарте 90-60-90, последняя цифра сантиметров на 10 больше. Но этот плюс придает шарм фигуре.

— Смотри, — толкнул Эдуард жениха, — красавица! За такую калым надо платить Рогожину.

— Сам вижу.

Пошли на сближение. Эдуард с распростертыми объятиями, любимый племянник дяди Юсупа следом, шаркая ногами, как жених-недотепа за папой.

— О-о-о! — закатил глаза Эдуард, — Вирсавия. Если бы Питер Рубенс надумал сегодня изображать жену царя Давида, непременно писал бы ее с вас.

Назым смутилась. Кто такая Вирсавия и кто такой Давид, она не знала. Ну а Рубенса, кто же его не знает — итальянский живописец из Эрмитажа. Была там в прошлом году...

— Мурат, мой друг, — подтолкнул сводник жениха, к «объекту». — На вашей свадьбе присматривал женский типаж для своего нового фильма. Глаз на вас положил...

Назым зарделась, что гармонично совпало с макияжем.

— Известный режиссер, — врал воодушевленно Эдуард. — Смотрели фильм «Агония любви»? Его работа. В прошлом году на Оскара номинировался!

— Ну что, поехали, — неуверенно встрял Мурат.

— Садись за руль, — кивнул Эдуард на Фольксваген.

Слабая улыбка покривила губы внука великого комбинатора, когда Мурат, за рулем машины Назыма, лихо выехал на трассу. Похоже, дело на мази!

Хозяин встретил «молодежь» у ворот.

— Управляющий именем Мурата, — представил его Эдуард. Хозяин без привычки неловко начал расшаркиваться:

— Беспредельно рады...

— Иди обедом займись! — неожиданно для себя прикрикнул Мурат на дядю.

И вслед, не для слуха дяди, проворчал:

— Вырядился!

Хозяин действительно был в лучшем своем костюме, и мало походил на обслугу.

«Уже и лишка нахватался, — тепло подумал Юсуп о племяннике, — на родного дядю голос повышает. Не зря этим жуликам плачу, не зря. Натаскали моего ахмака».

Молодые люди плескались в пруду, хохотом и визгом пугая аборигенов-лягушек. Мурат учил девушку нырять с крутого берега и плавать кролем. Сам он все это проделывал отменно. Эдуард, отодвинутый на второй план, как-то даже заревновал.

Узбек скатерку на берегу расстелил, напитки выставил, фрукты. Подвыпившего Эдуарда несло по бурным волнам фантазии:

— Назым, я зрительно вижу вас в сериале «Коварство и любовь» по моему сценарию. Вообразите — Бразилия, Рио-де-Жанейро, бархатная ночь, небо в алмазах звезд. Карнавал. Зажигательный танец румба. Наивная, молодая девушка Луиза, — простер руку к Назым, — влюбляется в красавца-усача дона Педро. Ее счастьем мешает коварная, многоопытная соперница дона Роза. Бурлят страсти, словно лава в кратере вулкана. И последняя тридцать вторая серия — хеппи энд. Дон Педро в смокинге, при галстукке бабочка, Луиза в белом венчальном платье, шляпке с вуалью, с букетом нераспустившихся роз — символом непорочности. «Будьте счастливы, дети мои», — напутствует священник молодых. А донна Роза? Она оказалась

бабушкой Луизы по материнской линии, сделавшая серию пластических операций. До двадцатой серии жила она в другом городе. Дона Роза поздравляет счастливых молодоженов. Бабушке тоже улыбнулось фортуна — вышла замуж за богатого вдовца дона Хуана, отца Педро. И стала официальной свекорой своей внучки.

Немногословный Мурат, в противоположность балаболу-продюсеру, воспринимался будущей актрисой, как серьезный режиссер. Она украдкой любовалась им — умница и красавец. Да и продюсера не осуждала, им и положено языком молоть.

Но «молот» внук Остапа с пользой.

— На натуру днями вылетаем, — сообщил, как бы между прочим.

— Чур и я! — воскликнула слегка опьяневшая от вина и лести предполагаемая миллионерша.

— Атлантика, бушующие волны, экзотические острова, мулаты, — вскидывал руки Эдуард.

— В флибустьерском дальнем синем море люди Флинта гимн моря поют! — пропела Назым приятным контральто. — Мечта детства.

— Возьмем, не вопрос, — деликатно обнял Мурат девушку.

Та, прильнув к его плечу, прошептала:

— Я хоть сегодня...

Эдуард, как бы шутейно, возразил, изображая кавказский акцент:

— Тарапытса нэ надэ, как сказал бы товарищ Саахов. Знаете такого?

— Кавказская пленница.

— Друган мой Вован Этуш его комично изображал. Талантище!

И посерьезнев, добавил:

— Отношения же вам с супругом, наверное, надо оформить. Финансовые...

— Господи, какие там отношения? Все это заморочки моих аульных тетюшек. Задолбали, богатством бредят. Лично мене оно до лампочки.

— Экономические браки, — стал менторским тоном философствовать внук великого комбинатора, — самые прочные. Статистика мировая!

— Вынуждаете раскрыть маленькую тайну.

— Заинтриговали, леди, заинтриговали!

— Согласилась на этот, — замаялась Назым, подыскивая подходящее слово, — мероприятие, чтобы пристроить брошенных мужей. Обязана, как бы...

— Что же вы так? Разбрасываетесь.

— Выдавали меня замуж те же тетушки. Шариат. Старалась полюбить — не получилось. Оставим, скучно все это...

— Ну а это, — осторожно высказал соображения Эдуард, пошелестев выразительно пальцами. — Кино сейчас дорогое удовольствие.

— Рогожин что-то там предлагал переписать. Отказалась категорически. Ну, раз для искусства, пусть.

У Назым было удивительно хорошо на душе. Как в детстве.

Эдуард, чтобы ненароком не задать меркантильный вопрос, занялся разливом вина. Простой, как полтинник, Мурат, скорее для поддержания разговора — ляпнул:

— И сколько?

— Что сколько? — не поняла Назым.

— Спрашивает, сколько вам налить, — выставил Эдуард бутылку.

— Как в анекдоте, до краев, — счастливо рассмеялась молодая женщина. На щеках появились милые ямочки.

— Ха-ха-ха! — поддержал веселье Эдуард.

Большая лягушка с опаской посмотрела на него выпученными глазами и нырнула вглубь пруда: «Целее буду».

После приступа смеха внук великого комбинатора, как бы ненароком, заметил:

— Сейчас у знаменитых актеров модно — состоять в гражданском браке. Мой друг, Пьер Ришар, двадцать шесть лет состоит. Говорит, счастлив безмерно!

— Будем состоять, — мило улыбнулась Назым, посмотрев на Мурата.

Эдуард одобрительно промолчал. Все путем.

Позвали к обеду. Лучи полуденного солнца, пробиваясь сквозь раскидистую крону яблони, украсили белую скатерть на столе причудливыми узорами. Здесь и драконы, и жар-птицы, и все, что взбредет в голову. Ствол дерева отсвечивает медью. Кузнечики в траве исполняли любовные серенады. Мурат сидел рядом с Назым, чувствовал тепло, исходящее от ее крепкого тела, и глупел на глазах.

— Вот это скушай, вот это попробуй. А это не надо, сильно перчено!

За стол пригласили и «управляющего». Вел себя Юсуп подобающе, поддакивал больше. Арнольда Исааковича представили начальником охраны усадьбы. Он-то за столом и направлял разговор в нужное русло.

— Юст, — сдержанно улыбнулся детектив, — рассказывают, ты в Испании бывал, на Канарах.

— Тебе-то это зачем? Удовольствие на островах не по дырявому карману — тысяча евро за сутки не в самом лучшем отеле.

— Да я не про себя, — махнул рукой детектив, — молодежь вон собирается.

— Кино будем снимать, — изобразил Мурат энергичным движением рук нечто вроде большого кадра. — На натуру едим!

— Про кино — не скажу, а так, погулять пару недель, не шибко озоруя, в пределах полста тысяч.

— Сколько же это евро-то, — облизал губы «охранник», прикидываясь простым. — Двести наших, вроде, сейчас за евро дают.

Детектив, подкатывая глаза под лоб, начал шевелить губами, как бы в уме переводя отечественные деньги в европейские.

— Пятьдесят тысяч евро, они и в Африке пятьдесят, — прервал его упреждения Юсуп.

— Охренеть можно, не при барышне будет сказано, извиняюсь.

— Будь я моложе, да с деньгами, с такой синьорой, — дернул головой «управляющий» в сторону Назым, — улетел бы хоть на Канары, хоть за Канары.

Мурат, изображая хозяина, пресек его болтовню:

— Молчал бы уж, Дон Кихот Ламанчский. Смотри, как бы здесь твою Дульсинею не увели. Ступай на конюшню, лошадь подготовь. Актрису обучать верховой езде буду. Эпизоды у меня в сериале...

Эдуард с любопытством посмотрел на любимого племянника Юсупа. Похоже, бывший заочник книжки начал почитать...

— Как прикажете, — засуетился «управляющий», восхищаясь племянником: «Нахватался «дульсинеи», как собака блох. Не зря жуликам плачу».

После обеда Мурат повез девушку на конюшню. Вернулись они только к вечеру. Помятая одежда наездницы источала сладкий запах конского навоза. Назым приняла душ, в гардеробе Софии нашелся для нее махровый халат.

За ужином веселились и острили все. Особенно Мурат. Затмил самого внука великого комбинатора. Назым светилась, смотрела на половецкого хана с восхищением. Засиделись допоздна. Счастливую девушку на ее машине повез в город Абдулла.

— Ну, как, — поинтересовался с лукавым прищуром дядя Юсуп, — понравилась твоей гостье наша кобыла?

— Обе остались довольны, — не то серьезно, не то в шутку заметил Мурат.

— Поди, скомпрометировал наивную девушку? — улыбнулся Эдуард. Уголки его губ оттянулись к низу.

— А если это лю-бовь со второго взгляда? — с расстановкой произнес Мурат. — Не может такого быть?

— Может, почему же. Вон, у Уильяма Шекспира сколько угодно случаев...

— На следующей неделе в Испанию, — обыденно сообщил Мурат, словно намеревался посетить соседнюю деревню Бобровку.

— Собираться? — расцвел Эдуард.

— Ты свою работу, Эдик, сделал. Добротню. Можешь расслабиться.

— Не понял, Мурат. А кино...

— Эдик, кина не будет. У нас другие планы.

Какие, Мурат не стал расшифровывать, но по его вдохновенному лицу можно было догадываться.

Дядя Юсуп, присутствующий при разговоре, только и промолвил:

— Да-а-а.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

После провода молодых в Испанию Юсуп как-то погрустнел, ссутулился, будто только сейчас его догнали семь десятков прожитых лет.

На «планерке» 24 июня, как всегда за гостеприимным столом под раскидистой яблоней, хозяин вяло поинтересовался:

— Что там у тебя, Арно?

Детектив обозрел голубое небо, пошлепал губами, полез было в портфель за нужным документом, но передумал. Хозяин не любил, когда бумажками шелестят.

— Банковские крысы информацию слили, у нашей невесты на счету было всего тысяча тридцать американских долларов. Две недели тому назад, получается десятого июня, она сняла их, перевела в евро.

— Мурату хороший куш выдал, должно им хватить. Если что, подброшу. Мужиком чтобы себя чувствовал. А не каким-то там приживалой...

Помолчав около минуты, старик безучастно посмотрел на внука великого комбинатора.

— У тебя что, Эдик?

— В смысле?

— Занят, спрашиваю, чем.

— Золотого теленка раскручиваю.

— Не понял, — поднял брови Юсуп.

— Рогожин на нашу клиентку ничего не переписал. Отступные же с него полагаются. Так ведь?

— Ну, и?.. — произнес Юсуп, как бы нехотя.

— Готовлю наезд. Арнольда в Шанхай планирую командировать. Там хунвейбин один хорошо поимел из нашей казны.

— Не понял, про какую казну талдычишь?

— Государственную...

— Не знал, что ты налоги с жульничества отчисляешь государству. Не смешил бы хоть...

— Отвлеклись, — придал внук великого комбинатора решительность голосу. — Ладно, по сути...

Эдуард, «по сути», оказывается, уже договорился о совместной афере с фирмой-однодневкой. Фирма командирует господина Арнольда в Шанхай якобы для закупки железнодорожных вагонов на том же заводе, где «Желдорснаб» полгода назад закупи подобные втридорога.

Полная аналогия прошлых торгов! С откатами и прочими удовольствиями. Весь базар записывается, и на блюдецке с голубой каемочкой преподносится Рогожину.

— Шантажом попахивает, — как бы нехотя прокомментировал хозяин.

— Обычная рутинная работа, — перевел Эдуард взгляд с Юсупа на бутылку.

— Отметить бы, шеф?

Юсуп кивнул.

Партнеры выпили, принялись за закуску. Юсуп сидел, молча покачиваясь в такт своим мыслям.

— Пожалуй, — начал озвучивать их, — даже не пожалуй, а реально — не надо шантажировать Рогожина. Мурат просил не делать этого.

— Не перегрелся он за бугром на солнце? — съязвил Эдуард. — Уже и деньги ему не нужны.

— Гостиничный бизнес они там изучают, — продолжил Юсуп, не обратив внимания на реплику. — У него серьезные намерения. Вернувшись, передам все, — сделал Юсуп неопределенный жест головой, как бы желая визуально оконтурить усадьбу. — Он пусть хозяйничает, а она мне внуков рожает. Воспитывать стану.

— Конечно, не в деньгах счастье, — буркнул внук великого комбинатора, устремив взгляд в пустоту.

— Кстати, о деньгах, спасибо, напомнил старику.

— Какому старику? — слабая улыбка осветила лицо Эдуарда. — Уж не вам ли?

— Мне, мне. Тебе, Арно, как и обещано, полсотни штук причитается. Ты на что претендуешь, Эдик?

— Мне ноль, — изобразил Эдуард большим и средним пальцем кольцо, — а женщине, что живет на пятом этаже общаги

бывшего «Электротехнического» завода, квартиру бы. С учетом прибавления семейства. Двойню ожидает.

— Ты прямо таки ударник капиталистического труда, — воскликнул детектив. — И по ночам вкалываешь!

— Выбирает пусть. Любую! Оформим, — сдержанно улыбнулся Юсуп шутке.

Наступила осень, пора деревенских свадеб. Мурат и Назым праздновали свое бракосочетание в том же ресторане «Савой». На радость деревенской родне. Сидели те на самых почетных «министерских» местах.

— Ты внучка не засиживайся долго на кухне, — шутил подвыпивший дед невесты. — На Новый год следующую свадьбу планируй. Уж больно хорошо сидим, хе-хе.

— На Новый год так в гости приезжайте, — добродушно похлопал его по плечу Мурат. — А к весне, — счастливо улыбнулся, — на бесик той.

Арнольд Исаакович и Эдуард Генрихович объединились. В гипсопрокатной перегородке между конторками прорубили дверь, бывшую комнату Эдуарда отвели под приемную. Получилось солидно. Вывеска на входной двери гласила:

Сыскное агентство Бабасюк и К°

Компанию сыскарям составила Алла Кисловодская. Она числилась по штатному расписанию секретарем-референтом. Фильтровала в приемной посетителей, деликатно выявляя платежеспособность.

— Милочка, чего вы хотите от этих примитивно устроенных мужчин? — успокаивала, отпаивая чаем с вишневым вареньем очередную ревнивицу, — все они кобели. Такое амплуа отведено им природой. Ну и вы не теряйтесь, зуб за око...

И учила посетительницу искусству макияжа и флирта.

Зинаида живет в четырехкомнатной квартире на пятом этаже высотного дома, что выстроили напротив общежития бывшего «Электромеханического» завода. В двухместной коляске аукают два правнука великого комбинатора.

В одной из комнат на стене висит поясной портрет внука великого комбинатора, написанный маслом художником Петром Субботиным. Зинаида уважительно называет эту комнату кабинетом. А когда дети начинают хныкать, цыкает: «Тсс, отец сценарий сочиняет!»

Мемуары без макияжа

Я пришел из детства, как из страны.

Антуан де Сент-Экзюпери

Кому они интересны, мои скучные мемуары, без румян и толстого слоя пудры? Разве что правнуку Макару, который задумаются, откуда он родом- племени. Мои дети, да и внуки озабочены сегодня ростом цен, обменом и покупками квартир, курсом валюты. Не до сантиментов, не до размышлений о своих корнях. Суетятся, шарахаются из стороны в сторону, словно тараканы, застигнутые ночью врасплох на кухонном столе при внезапном включении света.

Если коротко и без вранья изложить мою жизнь на бумаге, будет совсем скучно: родился холодной зимней ночью (до сих пор ноги мерзнут) в начале тридцатых годов двадцатого столетия, в северном полушарии, на границе Европы с Азией. Сопли распускал, учился, как попало, работал лениво по принуждению. Женился рано. Верно, из-за отсутствия опыта, не совсем удачно... Переженился несколько раз. Между женитьбами «мотал срок» на шахтах, стройках века, в конторах. Особенно тяжела конторская «отсидка» — тюряга строгого режима. И самое мучительное — нет конвоя, нет решеток, а совершить побег невозможно. Бежать некуда, разве что в другую тюрьму.

Бессонными ночами под старость вспомнить-то почти нечего или стыдно. Разве что детство? Сел вот сочинять...

Устрою-ка перерыв, лентяй я. Пойду на кухню, приготовлю бигус — тушеную капусту с мясом.

Осознал себя как биологическое существо в 1937- ом году. Четыре года тогда исполнилось. Приспособила меня мать люльку качать с новорожденной голосистой сестренкой Риммой. Трудовой стаж, по сути, можно исчислять с этого времени. И начинался он в селе Топорино, куда отца после окончания института направили работать завучем педагогического техникума.

Большое село (райцентр) растянулось километров на пять по пологому левому берегу реки Белой. До Уфы, столицы

автономной республики Башкирия, отсюда шестьдесят километров.

Основано село полковником Иваном Васильевичем Топорковым, героем Отечественной войны 1812 года. Царь-батюшка Александр I земли ему даровал за ратные подвиги. На высоком холме, южный склон которого, поросший вековыми дубами, круто опускается к излучине Белой, Топорков построил белокаменный дом. С балкона барского дома видны заливные луга на противоположном берегу реки, далеко за лугами темнеет хвойный лес — Кара Урман.

Полковник своих крестьян на новые земли переселил из Вятской губернии, оседали здесь вольноотпущенные мужики, переселялись из соседних аулов башкиры и татары. Мирно соседствовали народы, никакой розни. Разве что анекдоты о чувашах и евреях — безобидные байки, не затрагивающие национального достоинства.

После революции переименовали село в Кушнаренково. На более серьезную фамилию Чапаево там или Пархоменко, видать село не тянуло. Кем был товарищ Кушнаренков, как его звали, кто был его папа, никто не знал, да и не интересовался.

Ивана Васильевича же помнили по приданиям, сказывали, был барином справедливым. Крестьяне при нем жили зажиточно, в добротных домах. Иные вон, из толстых бревен, по сей день стоят.

В ноябре сорок первого призвали отца на фронт. Мне семь тогда исполнилось. Провожал его на фронт вместе с мамой и со старшей сестрой Геммой. Стоял морозный день, ослепительно сверкал снег под лучами солнца. У военкомата толпа. По большому черному громкоговорителю на столбе, как призыв — песня: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой...» Многие плачут.

К нам подошел невысокого роста человек, в телогрейке, подпоясанный веревкой, поздоровался, отвел в сторону отца и что-то возбужденно стал говорить, показывая на горбоносую, как и сам он, девочку, закутанную в большую шаль, обутую в татарские лапти с тупыми носками. Потупившись, девочка стояла чуть в стороне. Отец слушал, кивая в знак согласия. Затем они подошли к моей матери.

— Вот, — представил отец человека в телогрейке, — учились вместе в педагогическом институте. Жена умерла в прошлом году. Дочку вон, — кивнул на девочку, — десятый год ей, у соседей оставляет. Просит, если убьют, чтобы ты забрала ее...

— Ты что говоришь, Хамит, — заплакала мать. — Зачем «если убьют», я сейчас ее заберу. Киль, кзым, (иди сюда, доченька), — позвала мама девочку, протянув к ней руки.

Та подошла, не подымая головы, мать прижала ее к себе.

— Исемен ничек (зовут как)? — спросила по-татарски.

— Фагиля, — прошептала девочка.

Так в семье стало пятеро детей.

Призванных на фронт мужиков по шесть человек рассадили в розвальни. Мохнатые, покрытые инеем лошади, вначале пошли нехотя шагом, затем перешли на рысь. Мы бежали за саними, но скоро отстали. Обоз выехал за деревню, и его еще долго было видно на белом заснеженном поле. А мы все стояли и стояли в толпе провожающих.

Любил ли отец советскую власть и лично товарища Сталина, портрет которого висел у нас в красном углу, вместо иконы? Об этом я задумался много позднее, когда уже знал, что деда моего по отцу — Мухаммеда, деревенского муллу, расстреляли в тридцать седьмом, а дед Залялитдин — отец матери, «кулак» по тем временам, а по сегодняшней тарификации, — фермер, отсидел пять лет в Соловках, а потом скитался по Узбекистану, опасаясь повторных репрессий.

Я же возненавидел товарища Сталина, когда меня исключили из школы, объявив «врагом народа» — мочился на памятник вождя, что стоял перед кинотеатром. В потемках, после второго сеанса, из-за отсутствия рядом уборной, все мужики с удовольствием «орошали» постамент памятника, без каких-либо политических соображений. Однако, киномеханик застукал на «месте преступления» почему-то меня одного. Отконвоировал к директору кинотеатра. А тот сдал меня директору школы.

«Дело» закончилось исключением из школы. Тогда то, тайком от матери сжег портрет вождя. Исчезновение портрета мать не заметила, или сделала вид.

Молодости присуща короткая память. Забыл школьные неприятности, да и не испытывал жажды к знаниям. Ходил в дальний лес за сушняком, вблизи села все вырубили, помогал матери — торговал на уфимском базаре табаком, что сами выращивали. А туда два дня топать с обозом, одному не безопасно! Ходил за скотом: корова, две козы. Вечерами, с такими же балбесами, как и сам, отирался возле кинотеатра.

Мы, пацаны, общались к «важнейшему из искусств» творчески: сбрасывались на один билет и засылали в кинозал лазутчика. Обычно Альберта Садыкова. Подозрений не вызывал

— толстячек, очкарик, одет прилично. Отец — интендант добра из Германии вагон привез.

Перед фильмом «крутили» киножурнал. Контролер в это время запускал опоздавших. Альберт тайком открывал выходную дверь, что напротив памятника вождю. Мы крадучись проникли внутрь, растворялись среди зрителей.

Перед новым 1946-ым годом шел трофейный фильм «Тарзан». На нем и застукали. Киношный директор по кличке Чуваш (у татар это все ровно, что у русских чукча) разгадал нашу хитрость, или пацан его Мишка донес. Попался я и Бронька Школьников. Бронька изловчился, укусил Чуваша за руку. Вопль на весь зал, мат отборный, Бронька свободен. Меня Чуваш поволок в кинобудку. Здесь же и его кабинет. Долго дул на укушенную руку, злобно рассматривая меня.

— Кто эта блять? — зашипел Чуваш, кивнув на укушенную руку.

— Откуда я знаю! — огрызнулся я.

— Скажешь — отпущу.

Молчу, тупо глядя на свои не единожды подшитые валенки. Больно надо...

— А-а-а, так это ты, блять! Повеселел Чуваш, признав меня. — Тебя из школы вытурили, а ты опять!

— Да, — подтвердил, — меня. А что опять-то?

Чуваш задумался, задул на руку более энергично.

— Не уважаешь ты товарища Сталина. Не-ет, не уважаешь. На памятник его ссышь, оградку его разрушил.

По части первого пункта обвинения Чуваш был прав, уборной рядом нет, вот и мочились мужики за памятником после кино. А что касается оградки вокруг памятника, то давно она сгнила, упала, обломки растащили на растопку.

Чуваш условие поставил:

— Или, блять, восстановишь ограждение вокруг Сталина, или на этот раз Эн-Ке-Ве-Де!

НКВД — произнес раздельно по слогам, угрожающе тараща глаза.

Про это самое НКВД в свои одиннадцать лет, да и позднее, до Солженицына, знал смутно. Но оно страшило, как в раннем детстве Ак буре (белый волк) из сказок бабушки Гайши, что жила с нами.

Соседка Амина апа, утирая глаза кончиком белого головного платка, шепотом произносила это самое НКВД, рассказывая про арест балагура мужа по прозвищу за малый рост Буке (пробка). В чайной подвыпивший Буке смешил публику, тыча пальцем не-то на «Райпотребсоюз», видный из окон, не-то на

портрет товарища Сталина, что висел в проеме между окнами. Все смеялись. Кроме буфетчика...

А еще раньше НКВД забрала директора «Райбанка» Рифхата Мулюкова. Японским шпионом оказался... Непонятно, что японцев интересовало в нашей деревне.

Помогал мне соорудить оградку вокруг памятника Бронька Школьников. Ночь. Мороз под сорок. Луна искрит сыпучий снег, отбрасывая наши длинные причудливые тени. Редко какое окно, заваленный сугробом избы, шурится тусклым желтым светом керосиновой лампы. Зловеще скрипят отдираемые доски забора ветлечебницы, что на окраине села.

На санках, окольным путем, запутывая следы, доставляем добытый стройматериал к кинотеатру. Прячем под высоким крыльцом.

Четыре ходки сделали за ночь. Утром начали обустривать вождя. Благо Бронька во вторую смену учится, а я вообще вольный казак.

Сооружаем оградку по «науке». Чуваш план изобразил на тетрадном листке: обозначил кружком посредине товарища Сталина, а по углам крестиками опорные столбики. Начали с копки ям под них. Земля промерзла — камень камнем. Долбим ломом. Столбы выменяли на табак у школьного истопника, криворотого Мансура. По стакану самосада за штуку.

— Крепкий дуб! — хвалит он свой товар. — Сто лет простоит.

Может, и простоял бы, кабы не короед Хрущев.

Ржавыми гвоздями приколачиваем поперечный брус, доски к ним прибиваем, заостряя для красоты верхушки. Работа идет спорно, самим нравится.

Отошел поодаль, залюбовался «извознянием», чуть под лошадь не угодил.

— Тр-р-р! — лихо осадил гнедого жеребца ездок, натянув поводья.

Ба-а, сам секретарь райкома!

В желудке сделалось неуютно, словно там голыши перекатываются. Потная рубашка спину холодит. Чуваш донес таки. НКВД! Колония!

Первого мая и Седьмого ноября с деревянной трибуны напротив клуба секретарь райкома приветствовал праздничные колонны. Колхозники, рабочие и учащиеся несли транспаранты с лозунгами и портреты вождей, кричали «ура» и пели под гармошку: «Утро красит нежным светом, стены древнего Кремля...»

— Здорово, мужики! — поздоровался секретарь, сойдя с саней.

Лошадь закивала головой, звеня уделами: «Здоровы, здоровы, что им балбесам делается!»

На секретаре светлое полупальто с косыми боковыми карманами, (моя мечта, руки удобно греть), кожаная шапка, отороченная каракулем, бурки из белого войлока, прошитые коричневым хромом, перчатки с кнопками, привезенные из Германии.

— Здравья желаем, товарищ секретарь райкома! — как перед уроком военного делана протарабанил я с перепуга. А Бронька нерешительно прокричал: «Ура...» Первое мая, видать, вспомнил.

Ноги подкашиваются. Сейчас про оградку сталинскую спросит: «Куда делась старая, доски откуда, и кто мы такие?»

Нет, шутит:

— Ломаем или строим?

— Строим вот, — шмыгнул носом Бронька. У него он всегда мокрый.

— За деньги или как?

— Или как... — недопонял вопроса Бронька.

— Будущие комсомольцы, а потом и партийцы, — встрял я.

— Откуда дровишки? — кивнул секретарь на доски.

Лошадь повторно замотала головой: «Ворованные, ворованные!»

«Допрос начался, — екнуло сердце. — Эн-Ке-Ве-Де! — бухает в голове. — Враги народа!»

— А мы с Кларой за одной партой сидели, — перевожу разговор на его дочь отличницу. Соображать начал со страха. Ежусь под цепким взглядом.

— Вот как. Почему сидели? Поссорились?

— Из школы меня выгнали. Позорю я ее, — вспомнил слова директора.

— Понятно...

И после паузы, совсем как простолюдин, добавил:

— Понятненько...

Клара, видимо, рассказывала отцу про школьные дела.

— Давай хвались, герой, — посмотрел на меня секретарь, — откуда взялся патриотизм?

Кивнул на памятник:

— Любишь, да?

Серые прищуренные глаза секретаря предупреждали: «Только не ври!»

Рассказал, как есть: Про кино, про Чуваша, забор ветле-чебницы.

— Мы потом его починим, — встрял Бронька. Доски...

Секретарь райкома перевел взгляд на Броньку, тот осекся.

— Вот что, мужики, сейчас пришло фотографа из районной газеты, не болтайте того, что мне. Пионеры, будущие комсомольцы... За дело Ленина-Сталина! Поняли?

— Всегда готовы! — выпалил Бронька.

— А ты, герой, — кивнул секретарь на меня, — иди завтра в школу. За работу — кино вам бесплатное!

— Сколько кин? — шмыгнул носом Бронька.

— Десять. Хватит?

— Хватит, хватит! — обрадовались разом.

— И вот еще, — секретарь сжал крепкой рукой мое плечо, — ручаюсь за тебя. Не подведешь?

— Нет, — помотал головой.

«Врет, все врёт», — фыркнула лошадь, выпуская из ноздрей клубы пара.

Уехал благодетель. Долг смотрю на памятник. В затуманенных от мороза и ветра глазах он ожил, улыбается в усы. Откуда-то с небес музыка: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...»

Отец и повоевать-то не успел, в конце сорок первого пришла бумага из военкомата — пропал без вести. Где-то далеко шла война, ставшая уже привычной. Надежда теплилась, может отец еще и живой. Не убит же, а только пропал. Возвращались иногда с фронта калеки, на кого и похоронка-то приходила.

Надежду, что отец жив, вселяла нашей семье бабушка Матам. На самом деле звали ее Амина, а Матам — прозвище. Говорила она много и быстро, часто повторяя: матам, что являло слияние двух слов: мин айтам — я говорю. Единственный сын ее Ахмат Абдулин погиб в первые дни войны, невестка скончалась от туберкулеза годом позднее, осталась бабушка Матам с тремя малолетними внуками. Жили они через два дома от нас. Каждое утро приходила бабушка Матам к нам и рассказывала сон. А сны ей снились постоянно, содержательные, оптимистические.

— Жив, Шамсия, твой Хамит, жив, матам, — говорила она моей матери скороговоркой. — Теш курдем, матам (сон видела, говорю).

И начинала рассказывать, да так складно, что мы заслушивались. Никогда сны не повторялись. То отец в партизанском отряде, поезда фашистские под откос пускает, а то и вовсе в логове врага в самой Германии. Сведения добывает для товарища Сталина. Бабушка тыкала согнутым пальцем на портрет (тогда он еще висел), как бы призывая вождя в свидетели. А он криво улыбался, топорща усы: ври, мол, старая карга, ври.

Мать угощала бабушку морковным чаем с молоком, корову мы держали, да еще внукам передавала гостинцы — три кусочка хлеба намазанные маслом.

Умела бабушка гадать и на картах, и на бобах. Складно гадала, хорошо. На этом и зарабатывала на прокорм внуков.

Шел третий год войны. Зима на дворе, мороз трескучий. В тот вечер бабушка Матам пришла вечером. Уже темнело.

— Ни булды? (что случилось?) — встревожилась мать.

— Узнаем сейчас все, — загадочно сообщила бабушка Матам. — Дай-ка, Шамсия, таз и побольше бумаги.

В метре от побеленной стены большой русской печи поставила бабушка табурет, таз на него, набросала туда груды мятых бумаг — тетради наши старые, газеты. Мы расположились за ее сгорбленной спиной. Притушили лампу-коптилку, бабушка Матам подожгла газеты. Комната осветилась зловещим красным светом. Когда большое пламя унялось, на стене печи появилисьдвигающиеся тени.

— Смотрите, смотрите, — зашептала бабушка, — видите, вон он Хамит. С гранатой. Танк на него идет. Ой, ой, ой! Бах, есть, подбит шайтан. А Хамит где? Да вот же он, вот! Ранен, санитары к нему бегут. Э-э-э, не зря мне вчера сон, то же самое и снилось.

Не знаю как мама и мои сестры, но я ясно видел и танк, и отца, и санитаров.

В школе «военное дело» начинали преподавать с четвертого класса. Учителя именовали уважительно военруком. Василий Михайлович Пушкарёв, военрук наш, вернулся с фронта без левой ноги. Фуражка на нем военная со звездочкой, брюки-галифе, гимнастерка, подпоясанная ремнем с портупеей, сапог хромовый на правой ноге, на левой — струганная деревяшка. Браво закрученные «чапаевские» усы, пожелтели от махорки. Слегка искаженное лицо, результат ранения в челюсть, создает впечатление, что Василий Михайлович постоянно чем-то недоволен. Был он строг, но справедлив.

К школьному двору примыкает большой парк, когда-то церковный. По весне березы покрывались мелкими лакированными листочками, крона ажурная, наполненная светом. Благоухали цветущие липы. На высоких, в три обхвата тополях, грачи строили гнезда, переругиваясь между собой за престижные места. Осень наряжала парк, как сказал поэт, «в багрец и золото». Там-то мы и проходили «службу», самый любимый наш урок — маршировали с деревянными ружьями в натуральную величину боевой «трехлинейки», длиннее нашего

роста. Дядя Вася, так мы звали военрука в «не служебное» время, давал команду:

— В шеренгу по одному становись!

Суетно выстраиваемся по ранжиру, правофланговым самый высокий Володя Крошкин, а последним Бронька Школьников. Я где-то посредине.

— Равняйся! — следует команда. — Смирно! На первый-второй рассчитайся!

— Первый-второй, первый-второй, — катилось по жидкому строю.

— Сдвоить ряды!

Вторые номера делают шаг назад, становясь за первыми.

— Винтовки на-а-а-а плечо! На-а- ле-е-во! Шаго-о-ом арш!

Начинаем шагать, наступая друг другу на голые пятки. Босые большинство пацанов, осень теплая, да и носить нечего. Раздается четкая команда:

— Левой, левой, левой!

Постепенно приобретаем сноровку «шагать в ногу». Добившись порядка, дядя Вася дает команду:

— Запевай.

Любил дядя Вася военные песни, особенно «Махорочку».

— Не-е-е забыть нам годы огневые, и привалы у костра, — запекает рыжий Володя Крошкин высоким голосом. Нестройный хор подхватывает припев припев:

— Эх, махорочка махорка, подружились мы с тобой, мы с тобой! В даль глядят дозоры зорко, мы готовы в бой, мы готовы в бой!

Директор школы выгуливал в парке свою собаку, рыжего сеттера с амбициозной кличкой Моряк. Отсюда до Луны, видна она, ближе, чем до моря! Когда маршрут отряда пересекался с директорским, следовала команда:

— Ба-а-атарея!

Зенитной батареей дядя Вася командовал на войне, сам лично сбил два фокке-вульфа, за что ему орден вышел.

Мы браво задираем головы и стучали голыми пятками по земле, изображая чеканный шаг.

Следует команда:

— Равнение направо!

Поворачиваем задранные головы в сторону директорской собаки, она снисходительно виляет хвостом, признавая за своих. Дядя Вася берет под козырек, делает несколько кривых шагов в сторону директора, рапортует:

— Товарищ комдив, батарея занята строевой подготовкой!

Директор, не попавший на фронт из-за возраста, за шестьдесят уже, пряча улыбку, отвечал чисто по-граждански:

— Продолжайте занятие, Василий Михайлович, продолжайте.

После завершения марша по парку, следовала команда:

— На месте стой!

Останавливаемся, налетая друг на друга. Восприняли команду с запозданием, каждый о своем думал.

— На-а-апра-аво!

Поворачиваемся на право. Не все, Раис Билалов поворачивался налево.

— Вольно! Разойдись! Перекур.

Дядя Вася доставал кiset, сворачивал из газетного листочка «козью ножку», нечто конуса, засыпал в него махорку, закуривал. Мы же начинали веселые, доступные нашему интеллекту игры: в осла, отмерного или чугунную жопу. Последняя игра наиболее популярная. Начиналась с выявления «тумбы». Делали черту не земле, не заступая ее, по очереди прыгали с места в длину. Кто приземлялся ближе всех к черте тот и становился тумбой. Сажали аутсайдера на землю, и перепрыгивали через него, стараясь не сбить фуражку. После первого «тайма», на голову тумбы водружали вторую фуражку, и опять прыжки. Количество фуражек с каждым «таймом» добавлялось, и вот кто-то задевал их, и несколько фуражек, а то и все, падали. Тумбу ставили на четвереньки, называлось эта живописная поза «становить раком», автора сбитых фуражек брали за руки, за ноги, раскачивали и били «рака» такой торпедой по задку. Метра на два «рак» отлетал под общий хохот. Его опять ставили в позу и били повторно, столько раз, сколько сбито фуражек. На следующем этапе интеллектуальной игры, тумбу изображала «торпеда», и снова прыжки.

Заканчивался «перекур», начинались упражнения по рукопашному бою, сооружению саперными лопатами окопов, ползанию по-пластунски.

Любовь к чтению привил мне отец. Он преподавал литературу в педагогическом техникуме и был прекрасным рассказчиком. Придумывал сказки про зверей. Он и меня приучал сочинять.

— Вот, — задавал тему, — встречаются в лесу заяц и волк.

Я задумывался, волка я боялся и не любил.

— А заяц может волка съесть? — спрашиваю.

— Нет, он капусту кушает, морковку, но зато быстро бегает.

— Жил-был, — начинаю. — Жили-были, — поправляюсь и замолкаю.

— Ну-ну, — подбадривает отец. — Жили-были...

— Волк любил зайца за то, что он вкусный. Хотел его скушать. А зайчик быстро бегал. Погнался волк за зайчиком. Бегут они

по лесу, а навстречу им колобок... Пока волк разговаривал с колобком, заяц убежал.

Отец смеется. Это меня обижает. Страстный охотник, он иногда зимой приносил добытого русака, а мать готовила вкусное жаркое.

— И я люблю зайцев, — оправдываюсь. — Они вкусные.

Днем, когда отец с матерью на работе, корт иная (бабушка, а дословно — старая мама) брала с этажерки толстую, потрепанную книгу, написанную арабским шрифтом, и читала певучим голосом, каким читала намаз в отсутствие «безбожников» (мода времени) сына и снохи. Арабская книга сплошь заселенна страшными змеями, громадными орлами, шайтанами, дейями (покруче шайтана!) и прочими страшилами. Всем им противостоял простоватый, но отважный джигит. Он «разводил» события и всегда выходил победителем. И если женился, случалось и такое, то непременно очень удачно, на красавице, с богатым приданым. А иногда ему и полцарства отваливали. Когда бабушке надоело чтение, а я просил продолжения, она пугала меня белым волком. Нельзя, дескать, днем подолгу читать сказки, иначе придет белый волк и съест. Белого волка я боялся пуше обыкновенного.

Во время войны, да и лет пять после ее окончания, по деревне попрошайничало множество побирушек. И местные топоринские, и пришлые из небольших соседних деревень.

Из «своих» по нашей улице, именуемой Большевицской, побиралась семья Пурюты. Сам Андрей Пурюта, по деревенским меркам человек никчемный — метеоролог, (ну, предсказывает погоду, но влиять-то на нее не может), ушел на войну добровольцем чуть ли не в первый день ее начала, оставив на попечение жены-француженки троих белобрысых, как и сам, пацанов. Один другого меньше. Старшему Альберту — десять. Француженка (может, она и не настоящая француженка), была совершенно не приспособленной к самостоятельной жизни — ни огорода, ни скотины. Вела она в доме культуры хореографический кружок. Когда началась война стало не до танцев, кружок прикрыли и «неумехе» ничего не оставалось, как ходить по домам, просить милостыню. Приобщила она к этому ремеслу и двоих детей, что постарше. Наша улица попала в «сферу влияния» среднего сына Эммануила, что на год старше меня. Питались мы в основном, как и большинство сельчан, картошкой. Сами выращивали, огород в десять соток примыкал к дому. Хватало выращенной картошки и семье и на подавание. Мать никогда не отказывала нищим, наказывала и нам: «Сам не поешь, а голодного накорми». Если нищий заходил, когда мы кушали, мама сажала его за стол, заставляя предварительно

вымыть руки. Как-то Эммануил застал меня дома одного. Я рассматривал картинки в фантастическом романе Жюль Верна. Не помню сейчас названия романа, но помню, что там притягивали луну к земле громадным магнитом, сооруженным в Африке.

— Подайте Христа ради, — прогнусавил Эммануил. Одет ветхо, постоянно простужен.

В руках у него палка, за плечами холщевый мешок.

Не откладывая книгу, подал две картофелины, достав их из ведра.

— Читать то умеешь? — шмыгнул носом Эммануил, кивнув на книгу.

— Умею, — сказал я, и, смутившись, добавил, — по слогам.

— Давай, я тебе почитаю.

Эммануил прислонил палку к косяку, снял шапку, стряхнул снег с лаптей, прошел в комнату. Устроились мы на диване, я с ногами залез, он деликатно присел с краю. Эммануил не просто читал, а читал артистично. В иных местах он переходил на трагический шепот, временами вскакивал, переходил на крик, закатывал голубые глаза, размахивал руками, топал ногами. Так выразительно мне не читал еще никто.

С этого дня мы подружились. Эммануил, я звал его Эдиком, сам он об этом попросил, приходил часов в десять утра. Мать — учительница начальных классов и старшая сестра Гемма к тому времени уходили каждая в свою школу. Да они бы и не возражали против наших чтений. Младшие сестры под большим письменным столом строили кукольные домики.

Эммануил иногда приносил свои книги. Так я познакомился с героями сказок Андерсена, с Томом Соером, благородными и отважными индейцами Фенимора Купера.

Кончалась война. Девятого мая, военрук дядя Вася построил учеников во дворе школы. По классам, колоннами по два. Вышел директор, волнуясь и вытирая слезы, произнес нескладную речь, что-то говорил: «И вы рады, и я рад. Всегда будем помнить тех, кто не вернулся».

По случаю победы учеников распустили по домам. Школьный двор быстро опустел, я остался стоять, комок подступил к горлу, умерла надежда на возвращение отца. Я не видел, как ко мне подошел дядя Вася, ковыляя на деревяшке. Почувствовал его шершавую руку не своей щеке, он вытирал мои слезы.

— Ты должен продолжить жизнь отца, — сказал дядя Вася.

Долго молчал. Я продолжал всхлипывать.

— Че, дык приходи ко мне, в шашки вон сыграем.

Опять обоюдное молчание.

— Ну, ну, жить надо, — и как бы подбирая слова, добавил: — достойно, как твой отец. Знал его...

Я пошел в школьный парк, забился в кусты сирени, которые уже набирали бутоны, и проплакал до вечера.

Мать, не смотря на свое педагогическое образование, была предприимчивой и энергичной женщиной. Видать гены отца «кулака» передались. Делала она все возможное и невозможное на первый взгляд, чтобы прокормить и одеть детей. И не только своих. В первые годы войны она учредила и сама заведовала детским домом, где содержались сироты и бывшие беспризорники. Я не помню, скольких она приютила, полагаю не менее ста. Большой участок земли выхлопотала в «райисполкоме». Картошку там детдомовцы выращивали, сеяли просо и гречиху. Сеять пшеницу и рожь организациям, подобным школе, власти советские почему-то запрещали.

Проблем с содержанием детдома — хоть отбавляй! Не хватало выделенных районом денег на пропитание, на покупку сиротам одежды и обуви. Мать уволила несколько уборщиц, кухарок и воспитателей. На освободившиеся места поставила детей, что постарше. На сэкономленные деньги покупались носильные вещи для девочек, понаряднее, чтобы не дразнили их в школе «дурдомовками» за мешковатую казенную одежду.

Как-то по случаю мать купила для личного хозяйства сепаратор — агрегат для отделения сливок от молока. Пользовались нашим сепаратором и соседки, у которых коровы, таких на нашей улице большинство. Да и что не держать скотинку, кругом деревни выпасы, заливные луга по берегам реки, сенокосы богатый. Сепарировать молоко приходили соседки после утренней дойки, что называется «ни свет, ни заря». Собиралось до десятка баб и девиц. Мать никому не доверяла крутить ручку сепаратора. Шибко уж агрегат капризный, крутить надо в разном темпе, в начале процесса с определенным ускорением, в рабочем режиме — равномерно, один оборот в секунду. Женщины, в ожидании очереди, тараторили без умолку, больше всех болтала Мадина, статная, белолицая, одна из немногих мужних женщин. Потому-то и статус высокий, остальные либо солдатки, либо вдовы, либо девицы-недотепы. Мадина знала все и обо всех и не только по деревне, но и за пределами. Особо пользовалась уважением у девиц, которых учила уму-разуму по деликатным «дамским» делам. Политику не затрагивала. Сказывали, вызывали ее словоохотливую в «органы», предупредили — за язык тоже срок светит, как и за кражу килограмма зерна с колхозного тока.

Постоянно занятая мать, иногда оставляла сепаратор на мое попечение. Доверяла, приспособился я. Для энтузиазма мать

похваливала: «У тебя даже лучше получается, сынок». Гордился доверием.

Кручу ручку сепаратора «по правилам», и под его ровный гул фантазирую: «Рокот мотора, я за штурвалом. Лечу над вражеской территорией на большом двухмоторном самолете. Такой, на прошлой неделе, произвел посадку на выгоне за деревней. Высматриваю цель. Есть! Вот он — вражеский танк, с ревом идет на наши окопы. Пикирую, сбрасываю бомбу. Ба-бах! Отлетела башня, танк горит. Немцы повыскакивали из горящего танка. Я из пулемета по ним: ды-ды-ды-ды! Гитлер капут!»

Мы, пацаны, в те годы играли в «войнушку», мечтали стать, летчиками или моряками. Много лет спустя, меня — отчислили из военного училища за разбитый учебный самолет... Володя Крошкин — стал штурманом дальней авиации, Раис Белалов — артиллеристом, как наш военрук дядя Вася.

Ровный гул сепаратора, иду на снижение. Приземлился, вылез из самолета, отстегнул парашют, докладываю командиру эскадрильи... А тут нехстати Мадина, шлепок по затылку:

— Эй, молай, кутен колай (мальчик, задница жестяная), — каламбурит, — ты что, уснул?

Оказывается молоко надо долить в чашу сепаратора, в холостую ручку кручу. Долил.

Мадина рассказывает о возвращении с войны Андрея Пурюты. Живет по соседству, пацанов подкармливает, хотя и своих шестеро.

— Представляете, за всю войну, да и год после ни одного письма. Верно, и похоронки не было. Вернулся, жив-здоров, ни одной царапины!

Прислушиваюсь, это уже интересно. Что отец Эммануила вернулся с войны, уже знал. Приходил он вчера попрощаться.

— На Украину уезжаем, — сказал, — на папкину родину.

Светился весь. Одет справно, на ногах ботинки вместо привычных лаптей. Принес в подарок складной ножечек с перламутровой ручкой.

— Тебе от моего отца, — потоптался на месте.

Ком к моему горлу подступил, как в тот день девятого мая. Уловив мое состояние, чистой детской душой, Эммануил тихо произнес:

— Ты уж извини, знаю, погиб твой...

— Секретное задание товарища Сталина выполнял, — озираясь, трагическим голосом рассказывала Мадина про Андрея Пурюту, — вся грудь в орденах. Мой (мужа она звала не иначе, как «мой»), вчера с бутылкой к нему поперся. Ему лишь

отмечать... Хорошо отметили, еле приволокла. Ну, мой по пьяни там и ляпнул, приплод, дескать, куда? За язык ахмака (дурака) тянули.

Мадина, окрасила голос добродушным сарказмом:

— Ну, вы же знаете, пока Андрюша шпионил пять лет в тылу врага, и ни слуху, ни духу от него, Мария двух пацанов произвела. Черных, как смоль, и как две капли похожих на учителя пения горбатого Сачхери. Малайки, Аллага шекер (мальчишки, слава Богу), родились без горбов. Растут «как на дрожжах», моей корове спасибо пусть скажут.

Болтали об этом в деревне, тут все на виду. До войны Сачхери играл на скрипке в доме культуры. Там-то и покорила музыкой впечатлительную танцовщицу Марию Пурюту. Отношения дальше томных взглядов и деликатных целований ручек не продвигались. Слухи доходили и до Андрея, но он значения не придавал, отшучивался. Доверял жене.

Семьей Сачхери так и не обзавелся, хотя выбор богатый — перезревшие за войну деревенские девахи глазки ему строили, а мамыши их, приглашали музыканта на «постой». Снимал скрипач углы, но девушками не интересовался.

— Так вот, — продолжила рассказчица после «ремарки», — что вы думаете сказал Андрюша, пересчитав детей?

Брови Мадина выгнулись дугой, глаза округлились. Товарки, как по команде, разинули рты, ожидая сенсацию.

— Не-е е, — покачала головой Мадина, — совсем не то, о чем вы, срамницы, подумали. Он таких слов-то не знает, культурный! «Много народу война порубила, — сказал. — Сам человек двадцать ухлопал. Хотя и враги, но людей же. Надо восстанавливаться, а как иначе. Будем растить. И моего дитя фрау вон в Дюссельдорфе нянчит...

Через месяц Пурюты уехали, точнее — уплыли вниз по Белой на однопалубном пароходе «Разведчик». Провожала семью чуть ли не полдеревни. Играл уже восстановленный после войны клубный оркестр. Семья выстроилась на верхней палубе, Андрей держал на руках двух малышей. Они перебирали ручонками на его груди медали.

— Мария, спляши на прощание! — крикнул кто-то из толпы.

Грянул оркестр. В руке «француженки» пламенем вспыхнула красная косынка. Она закружилась по палубе, сделала несколько умопомрачительных па, словно чайка, паря в воздухе. Ее не сломили ни голод, ни унижения, душа ее осталась чистой, как воды Ак иделя (Белая река). Пыхтевший до этого пароход, как бы салютуя возрождению новой жизни, дал длинный басовитый гудок.

Тут я увидел скрипача. Он стоял в стороне от толпы, держал в руке скрипку. Слезы, как по руслу, скатываясь по морщинам осунувшихся щек.

Через дом от нас базарная площадь, с торговыми прилавками под открытым небом. До войны площадь была обнесена высоким плетнем, два въезда по будням закрывались воротами, сколоченными из жердей. Сегодня эта композиция смотрелась бы экзотично — называлось английским словом «кантри» (деревенский стиль). Тогда не ценили, этим кантри полдеревни огорожено. Базарную ограду вместе с воротами растащили на растопку в первый год войны. Топили печи торфом, а он без растопки не загорался.

Летом, по воскресениям, здесь собиралось множество народа. Зимой меньше. Торговали тут носильными вещами, овощами, мясом, вонючим самопальным мылом, табаком, водкой из-под полы, скотом, птицей и всякой всячиной вроде тележек, велосипедов, патефонов и прочего, по сегодняшним дням, хлама. Базар к тому же являл нечто вроде культурного и информационного центра. Здесь встречались люди, приехавшие из разных деревень, обменивались новостями, играли на гармошках, пели песни, плясали в пьяном кураже. Здесь же гадалки предсказывали судьбу. У иных гадалок были клеточки с морскими свинками или щеглами. Они вытягивали конвертики с оптимистическими предсказаниями. Шныряли воришки, и свои деревенские и гастролеры. Наезжали и серьезные уфимские уркаганы. Те промышляли по крупному, «кидали» скототорговцев. Рассчитаются не торгуясь, а продавец, вернувшись в свою деревню, пересчитывая для удовольствия деньги, обнаруживал только половину суммы, а то и пачку нарезанной бумаги, обложенную аккуратно с двух сторон купюрами. Сестра моя приемная Фагиля торговала на базаре табаком. Сами выращивали. По тем временам ценилось крепкое курево. Наш, самосад, средней крепости, шел по пять рублей за стакан. В мои торговые функции входила охрана. Следил, чтобы воришка не выхватил у сестры из открытого мешка стакан с табаком. Такое случалось часто, схватит шпана стакан, шмыгнет в толпу, только лапти сверкнули, поди, догони. Рядом с сестрой торговала семечками пожилая женщина. Пожилая — по моему тогдашнему восприятию, а так ей лет сорок, наверное, не больше. Опекала ее племянница Фарида, крепкая деваха, работавшая конюхом в МТС (станция по ремонту сельхозтехники). Носила Фарида, непривычные по тем временам для женщин брюки и прозвище, видимо, за крепкое телосложение — «двужилъная».

В одно из воскресных дежурств, заметил — снует около наших мешков Алик, младший брат моей одноклассницы Раи Липатовой. Слыл он отчаянным драчуном и хулиганом, пацаны постарше его побаивались. В драке цеплялся длинными ногтями в лицо, оставляя кровавые полосы. Алик подмигнул мне заговорщицки — не дрейфь, дескать, не хапну табак у твоей сеструхи.

Не любил его, да и побаивался, хотя стычек между нами не было. Вот, думаю, схватил бы ты стакан у тетки Фарида, мало бы не показалось. Предупреждать «налетчика» о засаде не стал, хотя и мог. Злорадно ждал драмы. Томиться пришлось недолго. Алик схватил стакан с семечками, юркнул в толпу.

— Э-э-э! — закричала торговка, взмахнув руками, словно пытаюсь взлететь.

Фарида в два прыжка настигла Алика, отвесила увесистый тумак, стакан выпал из его рук, семечки рассыпались. Алик отбежал в сторону от базарной толчеи на безопасное, по его соображению, расстояние, стал демонстрировать обидчице непристойные жесты:

— Вот тебе, кобыла двужильная!

— Догоню, засранец, уши оборву! — погрозила Фарида.

— Да пошла ты на фуй! — выкрикнул Алик. Из-за выбитого в драке зуба, вместо «х» у него получалось «ф».

Фарида рванула с места, Алик, взявший поздний старт, очутился в «горячих» объятиях. Двужильная согнула его пополам, затрещали порванные штаны, спущенные ниже колен.

— Где тут ...?!

Словно, призывая, в свидетели базар, Фарида развернула пленника в сторону толпы. Нецензурное слово, произнесенное ей, не воспринималось матом, а означала лишь анатомический орган, все равно, что нога или шея.

— Это называется пиписька, а ... вот каким бывает!

Фарида сжало кулак, согнула руку в локте, показывая некий гротескный размер.

Базар покатился с хохота, такого бесплатного цирка здесь еще не видели.

— Увижу еще на базаре, фуй твой оторву! — слегка наддала Фарида по худому заду, отпуская пленника.

При выходе с базара дорогу мне преградил Алик.

— Ты, Козел, — прошепелявил угрожающе. Кликуха у меня такая, созвучная имени Казбек. — Расскажешь кому, порежу, — в руках хулигана блеснула, зажатая между пальцами бритва.

Я решительно шагнул к Алику, сунул руку в дырявый карман, как бы собираясь достать нож.

— Кто козел, пиписька! Я козел?!

Алик резво отскочил.

— Ладно, ладно. Ты чо?

Я сделал еще один решительный шаг, медленно вынимая руку из кармана. Алик побежал. Это было поражением, а кличка «пиписька» надежно к нему прилипла.

У выхода с базара сидела нищенка-подросток с очень красивым лицом и поразительными голубыми глазами. Она хриловатым, низким голосом пела жалобные песни о неустроенной, обездоленной жизни.

— Ей, козлик, иди-ка сюда, — позвала.

«Козлик» из ее уст звучало не оскорбительно и где-то даже ласково. Подошел.

— Крепко ты его на понт взял, — похвалила. — Дай закурить.

— Не курю я, — сказал, как бы оправдываясь.

— Пойди окурки собери, — не то попросила, не то приказала голубоглазая нищенка.

Сбегов домой, тут рядом, принес горсть табака.

— Сыпь сюда, — растопырила она карман кофты.

Высыпал, стряхнул с ладони прилипшие крошки табака. Почему-то не уходил, что-то меня удерживало. Нищенка, как бы вопрошая, подняла голову, взгляды наши встретились.

— Дусей меня звать. Хочешь, титьки покажу?

— Дура что ли?! — оторопел я.

— Вот, — рывком распахнула нищенка старую, давно не стиранную кофту, обнажив две маленькие, похожих на белые наливные яблоки грудки с розовыми сосками-пуговками.

Я убежал, преследуемый ее хриплым хохотом. Впоследствии заходил на базар с дальнего конца, чтобы не встречаться с Дусей. Но что-то меня влекло к ней, я подолгу смотрел на нее, скрываясь в базарной толчее, слушал ее пение. Одну — «Бублики», помню и сегодня. Будучи уже в ранге «молодого человека», знакомясь с девушками, искал в их облике черты Дуси.

Интересно наблюдать за торговлей скотом, особенно за покупкой коров. Зимой в скотном ряду, запасался сеном. Продадут корову, а сено, которым ее подкармливали, как бы оправдываясь за предательство, оставалось. Я то сено аккуратно сгребал, на санки, и домой, своей корове. По воскресениям она наедалась досыта.

Покупатель несколько раз обходил ряды, заглядывая коровам то в рот, то под хвост, дергал за вымя, хлопал по крупу. Интересовался ценой, предлагал свою, явно заниженную. Наконец, выбрав подходящую корову, покупатель начинает торговаться, всячески хуля скотину. И корова-то худая, да старая. Малорослая, вымя, как у козы. Такая не может быть молочной. И рог один кривой, вида нет.

— Ты что, жениться на ней собрался? — делает удивленное лицо продавец. — По второму разу нынче только и отелится, десять лет будешь доить. Смирная, не брыкается при дойке. А глаза? Ты в глаза ей загляни.

— Ну, — не понимает покупатель, заглядывая в печальные глаза коровы.

— Красавица! Такую корову во дворе держать одно удовольствие.

Торг достигает апогея, стороны бьют шапками оземь, выкрикивая каждый свою цену. Подымают шапки, стряхивают с них снег (летом пыль), называют более приемлемую цену, повторно бьют шапки. Торг, наконец, состоялся. Продавец отвязывает веревку от привязи — толстой жерди на метровых стойках, передает конец веревки покупателю. Тот берет ее подолом пиджака. Такой обычай. Пересчитываются несколько раз деньги, рассматривая внимательно отдельные новые купюры, не фальшивые ли. Деньги переходят к жене продавца, она засовывает их за пазуху, оставляя несколько мелких купюр для покупки гостинцев детям. Мужики пьют водку — магарыч, закусывают огурцами, вареными вкрутую яйцами и черствым черным хлебом.

Корову мать купила в деревне Баскаково, что в пяти километрах от Топорина. Своенравной скотинкой оказалась та корова по кличке Нинка. Доилась, верно, хорошо — ведерница, по ведру молока давала за удой, утром и вечером, но никак не хотела пастьись в табуна.

Пастух Степан, начинал собирать стадо на берегу озера с романтическим названием Кумеш (серебряное). Почти круглый водоем, метров сто в поперечнике, располагался в низине посреди деревни. Берега озера сплошь поросли калужницей, по которой идешь босой, словно по бархату. Сюда рано утром хозяйки сгоняли скотину с близлежащих улиц. Собрав большую часть табуна, Степан гнал коров по улице Рабочей в сторону выгона. Стадо по мере продвижения увеличивалась, иные хозяйки свою скотину прямо со двора к стаду приобщали.

Во главе табуна шла собственная корова пастуха, «атаманша» с нетрадиционной кличкой. Большинство коров Маньки, Дуньки, Буренки, а эту величали Венеция. В табуне главенствует не бык, как можно бы предположить, а старая корова. При ней «фрейлины» из молодых особей, остальное поголовье — табун. Об этой иерархии я узнал позднее, будучи подпаском у Степана.

Нинка паслась до обеда, а после водопоя, как выражался Степан, «дезертировала». Совершив «побег», первое время, уходила в родное село Баскаково, а позднее, привыкнув, возвращалась к нам домой. Оказалось в небольшой деревне, откуда ее взяли, скотина паслась вольно, сама по себе.

Мать с претензиями к пастуху, Степан условия поставил: или пусть твой малый походит недельку — вторую подпаском, пока корова привыкнет, или сами ее пасите. Где, это уже не его забота.

Мать никогда не принуждала нас детей, что-то делать по хозяйству. Она устраивала нечто вроде «совета», на котором ты сам решал — чем помочь семье. Иначе не выжить.

— Ну, как? — спросила мама. — Пойдешь?

— Конечно, — согласился не задумываясь.

Другого ответа мама и не ждала. Не сестренкам же идти в подпаски.

Сборы на первую «вахту». В холщевую сумку мать положила ломоть хлеба, яйцо вкрутую, две варенные картофелины, соль в спичечном коробке, бутылку молока и две печенюшки, лакомство по тем временам. Кнут у меня был свой, верно, не такой длинный, как у Степана, и хлопал не так звучно при резком взмахе вперед.

Плелся я сзади стада, не выпуская из поля зрения Нинку. Мне казалось, она тоже поглядывает на меня, что, мол, ты тут изображаешь. Потом-то, когда в бега ударялась, поняла, зачем я приставлен.

Начало мая, земля после ночи холодная. Мерзнут босые ноги. После схода снега уже все деревенские пацаны босые. Подошва ног настолько грубеют, что не ощущаешь неровности почвы. Грею на ходу ноги, наступая на коровьи «лепешки». Они пластичные, нога погружается почти по щиколотку, ощущая приятное тепло.

В первый день Нинка, как бы испытывая меня, пустилась в бега еще до водопоя. Догнал ее километра через два. Вернул в коллектив. После водопоя — вторая попытка. Вернул ее после километра пробежки и уже не отходил от беглянки.

Через неделю Нинка привыкла к табуну. Степан приспособил меня заворачивать других вольнолюбивых коров. Они не убегали, а просто разбредались, и могли стать жертвами волков. За войну их много развелось. А еще через неделю Степан предложил мне поработать до школы подпаском. Зарплату назначил достойную. Согласился.

В последствии имел спортивные разряды по бегу, первыми тренерами были коровы, тренировали бегу на короткие и длинные дистанции.

Почти всю зиму сорок четвертого провалялся с малярией. Наступила долгожданная весна, корм подножный появился — щавель, лук дикий, а с ними и постепенное выздоровление. Помощник по хозяйству после болезни я никакой и

мать отправила меня на откорм к аби (бабушка). Жила аби с Закией-апой, незамужней, очень набожной дочерью, в шести километрах от железнодорожной станции Аксаково. Тридцать две избы деревушки растянулись вдоль студеной речки Караганелга, повторяя ее изгибы. Берега поросли ивой и черемухой. Форель в речке водится, тут ее называют пеструшкой за цветные пятна на спине. Удерживаются они на быстрине, выслеживая добычу, слегка, словно лентяй, веля хвостами.

Самая большая изба в центре деревни. В одной половине — жилье, в другой — школа четырехлетка, где директором и учителем всех четырех классов Закия-апа. Учеников в каждом классе не более десятка. До обеда апа (так принято звать учительницу в татарских школах) обучает первый и второй классы, после обеда — третий и четвертый.

Первый мой дальний, самостоятельный вояж. До Уфы добрался без проблем пароходом. Булка хлеба, шестьдесят рублей на билет от Уфы до станции Аксаково — все мое довольствие.

Торчу на железнодорожном вокзале третий день. Хлеб доедаю. К кассе не подступиться, куда там! Военные, командировочные, энергичные дядьки, злые тетки, инвалиды. Займу очередь и стою, пока не уйдет очередной поезд. Ночью между подходами поездов дремлю на привокзальной площади. Скамейки здесь. Проснулся утром третьего дня, сразу и не заметил, что босой. Привычка. Хотел полюбоваться на штиблеты, мать купила на базаре перед отъездом. Мало ношенные. А их нет. С недоумением заглянул под скамейку. Да куда там, я же их не снимал, ложился когда. Ночью кто-то разул.

Повезло неожиданно. На перроне подозвал меня хорошо одетый дядька:

— Иди-ка сюда, — поманил пальцем.

Положил руку на плечо, оскалил крупные белые зубы.

— Куда путь держим, молодой человек? — прокартавил.

— Аксаково, — шмыгнул носом.

— Знаешь, кем был Аксаков?

У отца была книжка Аксакова с изображением птиц и зверей — «Записки ружейного охотника». Одна из первых любимых мной книг.

— Писатель.

— Це, — шелкнул одобрительно языком зубастый. — Билетик-то есть?

— Пока нет.

— Поможем. А ты вещички моим знакомым довезешь до Абдулина. Там рядом тебе.

Еле заметным жестом благодетель подозвал двух парней с большими узлами. Один постарше, с костылем, в выцветшей гимнастерке, другой — допризывного возраста в белой, вышитой синим узором, косоворотке.

— Малый поможет с перевозкой, — кивнул на меня зубастый.

Посмотрев на мои босые ноги, ощерился:

— Обуьте джентльмена.

Допризывник развязал один из узлов, смерив взглядом мои босые ноги, прикидывая размер, достал ботинки. Совершенно новые. Обулся. Ботинки несколько велики, да и хорошо, подрасту же за лето, в школу пойду в них.

Догадался, в узлах краденные вещи, сами боятся везти, вот и снарядили меня.

Почему тогда не убежал? Мог же, быстро бегал. Ехать надо, обули, да и боялся зубастого.

Подошел скорый поезд номер шестнадцать Владивосток-Москва. Перрон ожил, загалдел, задвигался хаотично, как один чудовищный живой организм.

Что с костылем, похромал шустро за билетом, допризывник шепотом, озираясь, «декларировал» багаж: «Шуба мужская, шуба бабья, костюм синий в полоску, туфли белые...».

— Станут шмонать, скажешь, везу в Абдулино на муку менять, понял? Да смотри у меня, дашь деру, перышко в бок. Следить буду.

Подоспел билет. Похоже, урка не стоял в очереди, изображая инвалида войны. Зубастый дал десятку на носильщика. Но услуги его не понадобились. Три милиционера в фуражках с малиновым верхом, наганы в руках, окружили нашу банду.

— Вас трое, пацан четвертый, — ткнул в меня милиционер наганом, — вещички в руки и пошли.

Звякнул вокзальный колокол, паровоз с шипением выпустил клубы пара, загудел, поезд лязгнул сцепками вагонов, и как бы нехотя двинулся, набирая скорость. Банду конвоировали по его ходу. Вот и последний вагон с кондуктором на задней площадке. В классе я бегал быстрее всех, чем неожиданно для себя и воспользовался. Нагнал уходящий состав, вцепился за поручни, вскочил на подножку. Те старые вагоны позволяли это.

Прозвучал сухо выстрел. Кнутом словно наш деревенский пастух Степан шелкнул. Непроизвольно оглянулся. На пустеющем перроне лежал человек в выцветшей гимнастерке, поодаль валялся костыль. Видать, он, бросив бутафорный костыль рванулся за мной. Пуля-дура догнала его.

А поезд уносил меня из детства во взрослую жизнь. Шел 1947-ой год...

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСТРЕЛ В БАНКЕ ТУРАН.....	3
ПОХИЩЕНИЕ ВНУКА СЕНАТОРА	165
БЫВШИЙ МЕНТ	243
УЗЕЛ	347
ВЬЕТНАМСКИЙ СИНДРОМ.....	425
ВНУК ВЕЛИКОГО КОМБИНАТОРА (<i>Ироничный детектив</i>)	457
МЕМУАРЫ БЕЗ МАКИЯЖА.....	551

**Казбек
ИСМАГИЛОВ**

Гримасы Фемиды

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Главный редактор *К. Куныпияулы*
Редактор *Т. Косячная*
Художественный редактор *К. Кенебаев*
Художники *В. Кадырбаев, В. Борейко*
Корректор *О. Исмаилова*

Сдано в печать 08.08.2014 г. Формат 84х108¹/₃₂.
Бумага офсет. Гарнитура «DS Times».
Уч.-изд. л. 30,24. Тираж 2000+60 экз. Заказ № 177

ISBN 978-601-7337-70-4

ТОО «Ан Арыс», 050000, г. Алматы, пр-т Абылай хана, 105.
Тел.: +7 (727) 272 51 84, 261 60 67,
факс: +7 (727) 261 62 13.

Отпечатано в типографии ТОО «Полиграфсервис»,
г. Алматы, ул. Зеленая, 13 «А»,
тел.: +7 (727) 233 32 53